

10!

ЧТО ТАМ, ЗА ДВЕРЬЮ?

ПАВЕЛ
АМНУЗЬ

ОЛЕГ
ДИВОВ

АЛАН
КУБАТИЕВ

ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ЮЛИЯ
ОСТАПЕНКО

АЛЕКСАНДР
ТЮРИН

И ДРУГИЕ...

ЧТО ТАМ, ЗА ДВЕРЬЮ?

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Сканировал и создал книгу - vtakhankov

ЛАБРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

ЧТО ТАМ, ЗА ДВЕРЬЮ?

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • ТРАНЗИТКНИГА

МОСКВА 2006

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ч-11

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Составитель Н.А. Науменко

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Подписано в печать 25.08.05 Формат 84х108¹/₃₂.
Усл. печ.л. 36,96. Тираж 15000 экз. Заказ № 3323

Что там, за дверью? : [сб.]. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА:
Ч-11 Транзиткнига, 2006. — 701, [3] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-032075-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-0601-4 (ООО Издательство «АСТ-МОСКВА»)
ISBN 5-9578-2294-9 (ООО «Транзиткнига»)

Поклонники отечественной фантастики!

Перед вами — ДЕСЯТЫЙ, ЮБИЛЕЙНЫЙ выпуск популярного альманаха «Фантастика», с неизменным успехом выходящего уже ПЯТЬ ЛЕТ!

Новые рассказы Сергея Лукьяненко, Евгения Лукина, Олега Дивова и Юлии Осташенко!

Новые повести Павла Амнуэля и Александра Тюриня!

И многое, многое другое — в ЮБИЛЕЙНОМ СБОРНИКЕ «Фантастика»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Составление. Н.А. Науменко, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Пять лет и десять сборников спустя я снова обращаюсь к Вам с небольшим вступлением. Тогда, в начале 2000 года, возможность такого формата приходилось доказывать. Сейчас никому и в голову не придет усомниться в интересе читателя к короткой форме — повестям и рассказам. Да и площадок, на которых можно выступить, стало несравнимо больше: фантастику печатают не только «Если» и «Реальность», но и «глянцевые» журналы, регулярно выходят жанровые и тематические антологии, а количество сетевых конкурсов зашкалило за все мыслимые пределы.

Какое же место занимает альманах «Фантастика» на этом празднике жизни? Что он собой представляет? Это не итоговый сборник по типу американских антологий «Лучшее года», на что он и не претендует. Это не тематическая антология (прошлый год подарил нам несколько очень интересных образцов таковых — «Человек человеку — кот» и «Перпендикулярный мир», например).

Так что же это? Наверное, это просто взгляд на современную российскую фантастику конкретного человека — составителя сборника. Как и всякий взгляд обычного человека, он не может быть стопроцентно объективным и безошибочным. Судья здесь один — читатель. Будем надеяться, что он и в десятый раз проголосует «за».

Доброй Вам фантастики!

*Искренне Ваш
Николай Науменко*

РАССКАЗЫ

ДЕНЬ БУРУНДУЧКА

1

— Не нравятся мне эти пуговицы.

— А? — переспросил я. — Что?

— Пуговицы, — повторил карниолец и ткнул в означенные предметы пальцами. Сразу во все шесть. Я чуть-чуть полюбовался гибкостью его суставов и сказал, с трудом пряча тоску:

— Чего не нравятся-то?

— Не знаю. Но мне от них как-то не по себе.

— Понятно. А какие надо, перламутровые? — не удержался я.

Карниолец, конечно, шулки не понял, и я сгреб комбинезон с прилавка.

— Зря вы все-таки. Настоящий шахтерский комбинезон. Конец двадцатого века, без дураков. И сертификат вот есть.

— Эти пуговицы излучают отрицательные поля, — заявил карниолец и яростно зашевелил надбровными усиками. Усики у этого экземпляра были фиолетовые, и я покорно наблюдал за их пляской — закон карниольской вежливости, иначе

этот кретин мог обидеться. А впрочем, мне-то все равно уже, обидится он там, не обидится, — и так же видно, не купит ничего. Вечно под конец дня припирается такой, все шупает и несет какой-то бред, в который мне все равно не въехать.

— Ну тогда возьмите бурундучка, — вдохновенно попросил я.

Карниолец обратил на меня взгляд четырех глаз. Пятый продолжал подозрительно коситься по сторонам.

— Чточтотот? — прощелкал он. Озадачен, стало быть. Я приободрился и потащил из-под прилавка клетку. Витька застрекотал, приподнялся на задние лапки.

— Редчайшая животинка! — понесся я с места в карьер. — Вымирающий вид! Их не осталось даже на Земле! Занесены в Общегалактическую Красную Книгу! Не требует разрешения на стрижку и разведение! Неаллергенен!

— Прививки есть? — деловито осведомился карниолец, и тут я прикусил язык: прививок у Витьки не имелось. Больше того: сделать их в нашем орбитальном захолустье не было никакой возможности. Потому-то я и не мог сплавить треклятого бурундука с рук уже полгода, с того самого дня, как его приволокли из бюро находок. Я бы обратно отправил, но тогда, как назло, рядом подвернулась Машка и сразу нюни распустила: жалко, дескать. Ну да, верни мы его, находку сдали бы в утиль, а для живого бурундука это означает даже не безболезненное усыпление, а жестокую кремацию в соседстве с пустой тарой и механизмами неидентифицированного назначения. Короче, Витька остался у меня, но в квартиру его тащить я отказался наотрез. Черт знает, авось повезет, и купит кто. Но, конечно, не везло. Чтоб мне — и повезло. Ага, сию минуту.

По моему обреченному молчанию карниолец понял, что прививок нет, и, гневно задвигав усиками, ретировался за дверь.

— Стойте! — заорал я. — Ну на кой вам эти прививки? Бурундук здоров как бык! Чтоб мне-то и не знать?! Я всю жизнь продаю бурундуков!

Карниолец не отреагировал. Стеклашки с готовностью разъехались в сторону, пропуская все его восемь метров в дли-

ну. Удалялся карниolec чинно. Если бы у него был зал, мне бы захотелось туда наподдать, но зада у него не имелось. Обидно вдвойне.

Я посмотрел на шахтерский комбинезон, который в расстройстве заткнул под прилавок. Пуговицы ему не подошли, понимаете ли. Отрицательные поля они излучают, блин. Наверное, я ощутил бы досаду, тоску, приступ самоуничижения и прочие признаки депрессии, если бы та же хрень не повторялась в моей досадной, тоскливой и склоняющей к самоуничижению жизни изо дня в день. Изо дня в день вот уже... но я просто сдохну, если прикину, сколько лет, так что давайте не будем об этом.

А сегодня зато было целых две хорошие новости: во-первых, я продал набор декоративных пестиков, всучив их одной дуре с Цйатлона под видом древних эротических сувениров. Я уж и не чаял спихнуть эти пестики, а она вон как уцепилась! Я даже цену умудрился взвинтить на целых полбакса. И эти полбакса с чистой совестью мог сегодня пропить в баре, что за углом от моего магазинчика, и это вторая хорошая новость. Целых две хорошие новости за долбаный длиннющий день! Это надо обмыть.

На часах было без десяти восемь, но я закрылся с чистой совестью. Все рейсы сегодня шли как те самые часы, пассажиры отбывали в срок, транзитных было раз-два и обчелся, да и они предпочитали коротать время до отлета в баре космопорта, а не шляясь по дурацким сувенирным лавочкам. Порой, конечно, попадались маньяки, обожающие рыться в инопланетном старье и скупать его на вес, но я про них только слышал. Естественно, до меня они никогда не добредали, и мне оставались уроды-карниольцы, которым почему-то не нравятся наши пуговицы.

Так, ладно, хватит, а то опять впаду в хандру. А я сегодня собрался радоваться. Целых две хорошие новости! За целый долбаный день, такой же, как все остальные.

— Привет, Олег. Рановато сегодня. Удачный денек?

— Да конечно, — сказал я и плюхнулся на табурет у стойки. — Прямо сдуреть, какой удачный. Дай-ка мне «отвертку» за четвертак. Пока одинарную.

— Неужто продал бурундука? — ухмыльнулся бармен, смешивая мне коктейль.

— Еще чего! — обиделся я. — Витьку я меньше чем за десятку никому не продам. Что я, зря с ним полгода мудохаюсь?

— А я бы на твоём месте отдал даром, именно поэтому, — хмыкнул Андрей. — Телефон?

— Ох, да! — спохватился я. — Спасибо, что напомнил. Машка бы меня прибила.

— Что-то ты сегодня сам не свой, — подмигнул Андрей.

— Душа алчет праздника, — мрачно заявил я, набивая на мобильном домашний номер. Сейчас Машка снимет трубку, и я скажу... — Ага, это я. Да, солнце. Полчасика. Нет, ничего особенного. Пропущу на четвертак, и к тебе. Угу. Как обычно. Задрала, — добавил я, услышав гудки, и, захлопнув трубку, вернул её Андрею. Тот коротко улыбнулся, но ничего не сказал. Конечно, сам-то подбивает клинья к каждой транзитной земляночке в порту... и небезуспешно, судя по тому, какая у него вечно довольная рожа. Ну да ему хорошо, он со сменщиком работает. А я один, и босс меня прибьёт, если отлучусь посреди дня, когда самый наплыв клиентов — и земляночек. Я завистливо вздохнул.

— Неудачный день?

Даже не оборачиваясь, я понял, что это не человек. И даже не по вибрирующему тембру голоса и не по запаху — эти гады после дезинфекции, бывает, вообще ничем не пахнут. Все проще: только долбаные интуристы, подсаживаясь к незнакомцу в баре, начинают разговор этой фразой, которую они подслушали в наших фильмах.

Но Андрей отошел к другим посетителям, и я решил: почему бы и нет? К тому же к темильцам я всегда относился неплохо, у них денег до хрена, прямо как у наших японцев, и берут они все подряд. Не всучить ли ему тот треклятый комбинезон, подумал я мимоходом (профпривычка, мать её так!), а сам уже оборачивался с нашей традиционной улыбкой. Ну, то есть не нашей. Американской. А впрочем, один черт.

— Ну, как сказать, — проговорил я. — Может ли быть неудачным день, в котором целых две хорошие новости?

— Две новости? — переспросил темилец и, кажется, огорчился. — Так много?

Я б решил, что он издевается, если бы не работал в межпланетном космопорте уже... нет, давайте я не буду говорить, сколько лет, а то напьюсь. В общем, болтая с ненашим, никогда не знаешь, чего там у него на уме, так что лучше ничему не верить и ни на что не вестись. На всякий пожарный.

— Ну, для кого и много, — согласился я. — Для меня да, много, пожалуй. Но только если эти новости — первая: я продал наконец эти драные пестики. А вторая: я заработал себе на выпивку. Это — новости. И вот это уже поганая новость, верно?

Темилец задумчиво подергал мохнатыми ноздрями. Он был даже по-своему симпатичный и чем-то мне нравился.

— Поганая? — переспросил он, и я понял, что общий у него неважный.

— Плохая, — пояснил я. — То есть никакая. Никакушая. Совсем. Тоска.

— Тоска, — кивнул темилец. Это слово он знал. — У меня рейс перенесли. По — техническим — причинам — на — двое — орбитальных — суток, — подняв когтистый палец, продекламировал он, передразнивая диктора. Вышло смешно.

— Да ну? — удивился я. — Не слышал, чтоб переносили. Не повезло.

— Повезло! — возразил темилец и радостно затрепетал развесистыми ноздрями. — Посидеть! Отдохнуть! Не бежать. Не торопиться. Пить... — Он ткнул пальцем в мой стакан.

— «Отвертку».

— Да. «Отвертку». Хорошо.

— Не когда это изо дня в день, — сказал я и очень глубоко вдохнул. Будь тут Андрей, он бы драпанул, потому что, когда я очень глубоко вдыхаю, это значит, что сейчас меня понесет. Но темилец этого не знал, поэтому остался сидеть у стойки. И меня понесло. — Изо дня в день одно и то же! Ты живешь и живешь, и ничего не меняется. Утром просыпаясь в своей постели, она всегда белая, консержка меняет ее дважды в неделю. Ты моешься, чистишь зубы мятной па-

стой, потом завтракаешь синтетикой и пьешь какую-то дрянь типа кофе, а иногда какую-то дрянь типа чая, и это уже такое разнообразие! Потом едешь на работу, иногда, если везет, попадаешь в пробки или получаешь штраф по электронной почте. Потом заваливаешься в этот долбаный магазинчик и двенадцать часов подряд впендюриваешь всяким лопухам хлам, который им на фиг не нужен, слушаешь их нытье. И если они что-то покупают, это уже праздник и новость, которую ты обмываешь вот в этом барчике, потому что тут дешево и знакомый бармен не станет подливать в водку воды. Потом едешь к своей подружке, если она не сильно устала на своей такой же тупой работе, у вас секс, а потом ты вырубаетесь и — бам! — утром все по-новой. И так вот уже... но я сдохну, если скажу тебе, парень, сколько лет, так что лучше не спрашивай.

Я умолк и залпом выпил «отвертку», смачивая пересохшее горло. Со стуком поставил стакан на стойку. Стало обидно. И от того, что вот четвертака уже и нету, а еще — от того, что этот темильский лапоть все равно ни хрена не понял.

Но зато он был — как это Машка называет — активным слушателем. Сочувственно похлопал ноздрями и сказал:

— Изо — дня — в — день. Все то же. Ничего нового. Это же счастье. Это счастье. Ничего нового. Это хорошо.

— Да иди ты с таким хорошо, — мрачно сказал я и завертел головой в поисках бармена. Этот гад хихикал в углу с какой-то роскошной девкой. Черт, как же я первый-то ее не заметил! Сажу тут с этим уродцем... Ну все, поезд ушел. Андрей — он парень шустрый. Мне тут уже ничего не светит... Да мне ей даже выпивку купить не на что. Как обычно.

— Смотри, — сказал темилец.

Я посмотрел. Он стащил с запястья какую-то штуковину вроде браслета — большинство представителей техногенных рас таскают такие, обычно это датчики или еще какая чушь, ограничивающая права человека. Ну да они-то не люди, на их права нашим демократам чхать.

— Чего это? — шмыгая носом, спросил я. От «отвертки» меня чуток развезло, настроение было лирическое.

— По-вашему... — Темилец задумался, потом выдал: — Случайнитель!

— Рандомизатор. Так круче звучит, — сказал я, хотя круче, конечно, не звучало. Слышал я про эти штуковины, только забыл, какая раса их использует. Темильцы, значит.

— Знаешь, как работает?

— Ну, вроде он вам каждый день генерирует новую жизнь. Так по ящику говорили. В передаче «Их нравы».

— Не жизнь, — поправил темилец. — Ситуацию. Совершенно новая ситуация каждый день. Не так, как вчера, все не так. Так, как вчера, — никогда не бывает, ни одного повтора. Нас заставляют, — пожаловался он. — Я в межгалактической фирме по производству слухов.

— По производству чего?!

— Слухов. Как это... сенсаций! Долго объяснять. В общем, у меня должна быть разная жизнь. Очень разная. Чтоб везде успеть.

— Круто, — сказал я с завистью, потому что вот это-то и впрямь было круто. — И ты что, недоволен?!

— Недоволен. — Опахала ноздрей печально повисли. — Потому что хорошо, когда одинаково. Когда — не-из-менно. Когда — изо — дня — в — день. — Он будто смаковал каждое слово, а я глядел на него, как на идиота.

— Чего ж ты работаешь-то там, если тебе, — идиоту, добавил я про себя, — такая жизнь не нравится?

— Как — чего? — моргнул темилец. — Я там работаю.

Ясно. Ясно, что не понять мне такого подхода к жизни.

— Вез-зет, — снова протянул я и забывчиво потянулся к пустому стакану.

— А хочешь, дам на денек?

Я опасливо покосился на железку. Работа в сфере сбыта галактического хлама научила меня с крайней осторожностью относиться к незнакомым механизмам, особенно не предназначенным для использования людьми.

— А тебя, это... не уволят? За несанкционированное использование и все такое...

— У меня же рейс отменен. Так что все равно, завтра я буду тут. И без... случайнителя.

Ну, в его языке эта фигня определенно как-то иначе называется. Интересно как? Хм, будто это бы мне что-то сказало.

— А давай, — согласился я. Как минимум забавно. Машке покажу, она такие штучки любит. А завтра утром все равно в этом баре увидимся. Рандомизатор, не рандомизатор — быть мне на этом же самом месте. Мало какой-то дурацкой машинки, чтобы вывернуть жизнь человека наизнанку...

— Наизнанку? — с интересом переспросил темилец, и я понял, что ляпнул последнюю фразу вслух. Так, Олег, все, пора по коням.

— Угу. Хорошо бы, — сказал я. — Эй, слушай, а ты как же без нее? Нормально?

— А я буду тут, — сказал темилец и подтянул к себе стакан когтистым пальцем. — Ты пораньше приходи.

— Куда денусь, — обреченно сказал я и помчался домой, потому что полчаса, на которые я отпросился у Машки, уже прошли.

И даже больше, чем полчаса, потому что по дороге домой я попал в пробку (третья хорошая новость за день!), и когда я ввалился в дом, Машка уже досмотрела вечерний сериал и теперь зло сопела, отвернувшись к стенке. На ее лице было ясно написано: тронешь — убью. То есть даже вечерний секс из программы передач вычеркиваем. Четвертая и последняя хорошая новость, всем спасибо, все свободны.

Я стал раздеваться, чертыхаясь про себя, и наткнулся в кармане на темильский рандомизатор. Вынул, осмотрел при свете. И впрямь похоже на датчик — кнопки какие-то, регуляторы. И написано что-то — на темильском, конечно, но под каждой кнопкой бегунок с рисованной линией, постепенно утолщающейся. Видно, совсем уж для дебилов вроде нас, не-темильцев, чтоб поняли: тут минимум, тут максимум. Я обернулся, глянул на яростно сопящую Машку. Вздохнул — и долбанул по максимуму.

Дайте мне чего-нибудь новенького, думал я. И не просто, а кардинально. Противоположного, да. Совсем-совсем. Не как изо дня в день, а что-нибудь...

2

...что-нибудь прикрыться, блин!!! — вот такой была моя первая мысль, когда, открыв глаза, я с воплем подскочил в незнакомой постели, на который не было белого белья. Ни белого, ни вообще любого. Сложно натянуть белье на водяной матрац. На мне тоже ничего не было. И на девахе, которая сопела рядом. Сопела она в точности как Машка, но это единственное, что их роднило. Это была не моя Машка-Мышка, серое чучелко с милыми пяточками, а пышногрудая гурия с осиной талией и копной пергидролево-желтых волос. Прямо-таки Анти-Машка! Все как по писаному.

Я схватился за запястье. Рандомизатор оказался на месте.

Но через мгновение я и думать об этом забыл.

Хорошая новость номер один: я лежу на гидравлической постели в чем мать родила рядом с шикарной женщиной, одетой по той же моде. Хорошая новость номер два: постель эта находится в такой роскошной, сверкающей таким количеством хрома и позолоты комнате, что она может быть только гостиничным номером в «Метрополе» и ничем иным. Пустые бутылки из-под «Дом Периньон», валявшиеся по полу (я насчитал три), а также остатки чего-то отталкивающего на вид, но, несомненно, зверски дорогого — вроде обезьяньих мозгов, — на старательно сервированном столике засвидетельствовали, что вчера мы с Анти-Машкой неплохо провели время. Еще до того, как оказались в этой постели! И это третья хорошая новость!

Да уж, начало дня и впрямь незаурядное.

Гурия рядом со мной потянулась, выпятив силиконовые груди к потолку, зевнула, дернув розовым язычком, открыла фиалковые глаза и сказала грудным контральто:

— Утро до-оброе, Ольжеч. Шо хорошаво скажешь?

Я б и впрямь подумал, что это просто белая горячка, если бы гурия не тянула гласные и не «шокала», что гуриям в моем представлении как-то не пристало. Гурии, если уж на то пошло, должны быть немymi.

Хотя это ее «Ольжеч» меня добило окончательно. Это кто? Это я?!

Пока я осоловело моргал, гурия перекатилась на рельефный животик и по-пластунски поползла ко мне. На водяном матрасе это было не так-то просто, и я уж собрался ей помочь с преодолением дистанции (черт побери эти шестиспальные кровати! в определенные моменты, конечно), когда хромированные палаты «Метрополя» наполнились мелодичным переливом Венского симфонического оркестра.

— Мобила твоя, — лениво сказала гурия и откатилась на другой конец кровати прежде, чем я успел ее поймать. Разочарованно застонав, я слез на пол (теплый, как верблюдий мех) и пошел на звуки Вивальди. Так-так... моя, значит, мобила? Я стеснительно повернулся к гурии спиной, не желая выдавать ей моего невежества, ибо таких моделей я не то что в руках не держал, а не видал даже. Поэтому для меня оказалось большим сюрпризом раскрыть трубу и увидеть в ней физиономию Андрея. Не знаю, как я сумел не заорать от неожиданности, но, видимо, на моем лице все было написано и так.

— Эй, дружбан, ты в порядке? — подозрительно спросил Андрей. Он был какой-то не такой, как обычно... А, прическу сменил. Не зализал, как всегда, а смело разлохматил. И солнечные очки на носу — чтоб мне провалиться, если не откутюр.

— Эм-м... мне-е-е... ну, как бы, в общем... — начал я, и Андрей закивал.

— А-а, ясно. Опять твоя знойная Ирэн. Неслабо погудели?

— Да не то слово, — честно сказал я. Андрей показал мне свои коронки.

— Рад за тебя, а теперь собирайся и дуй ко мне. Сюрприз. Будешь удивлен.

— Не сомневаюсь, — пробормотал я, лихорадочно озираясь в поисках одежды. — Ну хоть намекни.

— Пять штук.

Я как стоял, так и сел.

— С-сколько?!

— Ага. Да, и нажрись лучезарки. Побольше нажрись, тебе понадобится. И ко мне живо. Даю тебе двадцать минут.

— Постой, Андрей!

Но экран уже погас, и я остался посреди комнаты с навороченной трубой в одной руке, стильными штанами в другой и смутными терзаниями на тему того, что за хрень эта лучезарка, зачем ее жрать и, главное, где взять.

Ладно, разберемся на месте. Я стал одеваться. Гурия — то есть Ирэн — лениво курила, пуская кольца дыма в лепной потолок. Она, видимо, никуда не спешила. Я осмелел и спросил:

— Тут у меня дельце одно. Подождешь?

— А то, — внушительно сказала гурия и пустила дым из ноздрей. Поколебавшись, я поцеловал ее на прощание, и дело это так затянулось, что я едва не опоздал на назначенную Андреем встречу. Впрочем, знай я, ЧТО это за встреча, не вылез бы из номера до самой ночи. Черт, и почему я только этого не сделал!

Это и впрямь оказался «Метрополь», который я раньше видел только издали: охрана там такая, что всякую шваль не подпускают даже к парковке. Но к парковке на сей раз меня пустили, потому что там стоял мой джип. К счастью, в нем оказалась система автопилота с расписанными по календарю маршрутами. Я выбрал опцию «К Андрею» и расслабился. В «бардачке» обнаружилась бутылка виски. Я приложился к ней, фигея все больше с каждой минутой и отчаянно не желая, чтобы все это заканчивалось. А еще — радуясь, что хватило ума настроить рандомизатор на максимум. В итоге я, кажется, получил именно то, что хотел: полную противоположность своим обычным унылым дням.

И это жутко нравилось мне до той минуты, пока я не оказался у Андрея.

В нем всегда были замашки денди, но до этого дня я не подозревал, сколько лоску в нем пропадает даром на обслуживание гуманоидов в баре космопорта. Выглядел он просто потрясно, но в новом имидже все время кого-то мне неуловимо напоминал, и это меня почему-то тревожило. И встревожило еще больше, когда он завел меня в какое-то подобие бункера, находящегося на пятом подземном этаже лучшего в городе ресторана. Я даже не подозревал, что в нем есть подземные этажи, — впрочем, меня и туда никогда бы не пустили: это был ресторан исключительно для инопланетных туристов.

— Просто блеск, — говорил Андрей, развалившись в кресле. — Загнать можно за двадцать кусков. По пять на рыло плюс твои коммиссионные. Да и ребята — загляденье, работать сплошное удовольствие. Я уже обо всем договорился, сегодня это все так, для блезиру. Завтра вы с Ирэн уже будете в космосе, а потом — бултыхаться в Средиземном... Эх, завидую.

Завтра... да уж, завтра. На минутку мне взгрустнулось, но я погнал хандру прочь, украдкой разглядывая помещение, в котором мы дожидались загляденье каких ребят. Комнатушка, надо сказать, под стать моему номеру в «Метрополе»: все тот же хром, полы с подогревом, живые цветы, канарейки по периметру. Я вспомнил свою халупу на окраине станции, в которой проснусь завтра утром, и все-таки загрустил. Андрей врезал мне ладонью по спине.

— Окстись! Сейчас разберемся со слизняками и поедем обмывать! Я ставлю.

— Слизняками? — забеспокоился я, но уточнить не успел: в комнату чинно прошествовали существа, которые как никто умеют шествовать чинно. Ну еще бы — с их-то восьмью метрами в длину. Карниольцы как есть. Двое. И один из них вчера забраковал мои пуговицы. Зуб даю, это был он: я эти фиолетовые надбровные усики где угодно узнаю. Только теперь он был не один, а с товарищем, таким же чванливым типом. За ними вошел какой-то мужик, приветливо поздоровавшийся с Андреем (я его не знал, но мне он тоже кивнул весьма любезно), а за ним — и тут я встревожился всерьез — двое бритоголовых амбалов в костюмах с иголки. Один из них нес «дипломат», другой — саквояж. Предчувствие, что здесь сейчас будет происходить что-то нехорошее, наконец оформилось в твердое убеждение. Но драпануть было нельзя: амбалы и шестнадцать метров карниольцев загородили единственный выход. Карниольцы, впрочем, сразу же расползлись по креслам, а амбалы остались. Я беспомощно оглядывал их, прикидывая, какие еще невероятные сюрпризы меня ожидают в ближайшем будущем.

Когда карниалец сел, его брюшные складки развернулись, и я увидел, что в руках он держит клетку с бурундуком.

С моим бурундуком!

— Витька! — выдавил я. Все посмотрели на меня с удивлением, а Витька сел на задние лапки и застрекотал. Я судорожно вздохнул. — Извините.

— Можно начинать? — нетерпеливо спросил карниолец. — У нас мало времени.

— Да-да, конечно! — подскочил Андрей. — Я могу взглянуть на деньги?

Один из амбалов потряс «дипломатом».

— А мы можем взглянуть на товар?

— Разумеется! Больше того: вы немедленно убедитесь в его качестве. С нами, — ладонь Андрея легла на мое плечо, — лучший на станции дегустатор. Сейчас вы все увидите сами.

Дегустатор? Я воспрял духом. Так они... то есть мы... всего лишь контрабандируем алкоголь? Приятная работка, черт побери. Эх, ну что за славный денек, одна хорошая новость за другой!

Но тут Андрей взял у амбала саквояж и стал расставлять на столике его содержимое, и столбик на термометре моего воодушевления пополз вниз, а вместе с ним и челюсть. Нет, я еще ничего не знал, но понял все слишком хорошо. И мысль «Выпустите меня отсюда!!!» стала в моем охреневшем рассудке превалирующей.

— Итак. — Андрей понизил голос до эротического полусшепота — черт, я и не знал, что в нем погибает гениальный риэлтор! — Вы просили, если не ошибаюсь, яду. Наиболее чистого и эффективного яду, действующего на белок земного происхождения. Я ничего не путаю?

— Все верно, — прощелкал карниолец.

— Перед вами пять образцов. Диапазон действия широчайший, и сейчас мы продемонстрируем вам их все, чтобы вы могли выбрать. Можете не опасаться за здоровье нашего дегустатора, — со смешком добавил он, хлопая меня по плечу. — Он регулярно принимает специфическое противоядие, и воздействие на его организм будет исключительно внешним и симптоматическим. Вы увидите, в частности, эффекты, которые обычно наступают лишь через много часов после приема яда. Это сделано для вашего удобства, так как, если

я верно помню, вас интересуют вещества медленного действия...

Карниольцы покивали.

— И мы не можем демонстрировать их вам, так сказать, в природных условиях... Да это было бы и противозаконно, — добавил он. — Мы же не убийцы все-таки, мы простые работники торговли.

Карниольцы — не работники торговли, а простые убийцы — вежливо посмеялись, амбалы тоже вежливо посмеялись, вежливо посмеялся даже я, хотя кишки у меня свело от страха. Так вот что такое лучезарка... которой Андрей мне советовал нажраться до отвала. Советом я преступно пренебрег, посему, видимо, сейчас схохну. Не от отравы, так от кулаков этих мордоворотов...

Андрей повернулся ко мне, сияя коронками.

— Приступим! Экспонат первый, «Пестория нежная». Сперва продемонстрируем, а потом я расскажу о составе... Олег, прошу. Зеленая банка.

Скалясь в американской улыбке, я вцепился Андрею в плечо и надавил на него с такой силой, что тот присел.

— Андрюха... это... — забормотал я. — Давай не сегодня, ладно?

Андрей выпрямился и улыбнулся карниольцам:

— Минуточку.

Потом развернулся ко мне, и я едва не отшатнулся, так его перекосило.

— Ты в своем уме?! Ты знаешь, сколько я это готовил? Они платят двадцать штук!

— Да не могу я!..

— А тебе шас смогу! Что значит не могу?! Ты лучезарку сегодня ел?

— Н-нет...

— Я же тебе сказал! — тихо взвыл Андрей и, покосившись за плечо, криво улыбнулся. — Сейчас, господа, сейчас... Ну ладно, хрен с тобой, — зашипел он мне снова. — Промоешь желудок потом, проблемешься, больницу я тебе сам оплачу.

— А если я умру?!

— Да как ты умрешь, ты же лучезарку жрешь уже пятый год, тебя теперь и цианид не возьмет!

Жру... лучезарку... пятый год... Вот только знать бы, жру или нет! И что все то новое и замечательное, что теперь есть в моей жизни — включая более чем экзотическую профессию, — было в ней и прежде. Вчера, позавчера и год назад. Но если было... если вправду было... И если я лопал противоядие, а потом яд — изо дня в день, из года в год... то как оно мне еще не надоело?!

— Все, пошел, — прошипел Андрей и толкнул меня между лопаток. Его дружок и амбалы, видя неладное, смотрели на меня предупреждающе. Они явно не собирались срывать сделку из-за истерики подельщика. А это значит, что...

Что мне делать-то теперь?!

— У нас мало времени, — недовольно повторил карнионец. Дружок Андрея кашлянул. Амбал с саквояжем погладил ствол пистолета. Мне хотелось домой, к Машке, к моему магазинчику, к белому постельному белью и бурундуку Витьке. Но из всего перечисленного доступен был только бурундук. Он сидел на задних лапках и двигал носиком, являя активное сочувствие, но не более того. Черт, что вообще делают в таких ситуациях?! Я же никогда ни во что подобное не вляпывался, никогда! Захотелось, блин, новенького... Верните мне хорошо забытое старенькое!

«Изо — дня — в — день, — продекламировал темилец из бара в моей очумевшей голове. — Все то же. Ничего нового. Это же счастье. Это счастье. Ничего нового. Это хорошо».

Ничего нового, говоришь? То есть по-старому, да? Как уже бывало... изо дня в день...

— Значит, «Пестория нежная», — сказал я, беря зеленую баночку. — Она превосходна. Приятный вкус, полуторачасовые судороги и в финале сердечный спазм. Вы видели когда-нибудь ее действие? — Последний вопрос я задал карниольцу, забравовавшему мои пуговицы, однако же, как выяснилось, не побрезговавшему моим бурундучком. Тот моргнул всеми пятью глазами и ответил:

— Ну, видел.

— Так берите, — сказал я и всунул баночку в его расслабленные лапки. — Господа, жизнь идет! Жизнь проходит мимо нас! Мы все торопимся, мы не замечаем повседневных ме-

лочей, которые могли бы принести нам столько радости! Так зачем тратить время на какую-то долбаную дегустацию, если вы и так торопитесь, а в действии вы этот яд уже видели? А эффективность мы гарантируем! Спасибо! До свидания!

— Олег, ты что, охренел? — громким шепотом спросил Андрей. На лицах остальных участников встречи читались похожие предположения.

— Мы простые работники торговли, Андрей, ты так сказал, — отрезал я. — Превыше всего работник торговли ценит комфорт и время своих клиентов. Время — деньги! Не будем его тратить попусту. А если вы останетесь недовольны товаром, мы возместим...

— А может, оно некачественное! — уперся карниолец.

— А может, мне не нравятся ваши пуговицы! — ощерился я. — Может, они излучают отрицательные поля? А может, у вашего бурундука прививок нет? А может, у вас и деньги фальшивые?

— Что?! — возмутился второй карниолец, до той поры молчавший. — Какие пуговицы? Отрицательные поля?! О чем он говорит?!

— Вы посмотрите на цвет этого вещества, и вам все станет ясно, — не унимался я; за... не спрашивайте меня, сколько лет, я уяснил, что в нашем деле главное — напор. — Этот цвет говорит сам за себя! Глубокий изумрудный с перламутровым отливом. Только полный олух потребует еще каких-то проверок. Мне ли не знать! Я всю жизнь продаю яды! И бурундуков!

— Да заткнись ты уже! — завопил Андрей.

Карниолец тем временем смотрел на меня в великой задумчивости. К сожалению, я никогда не узнаю, где он взял моего бурундучка и какая часть его биографии в этой версии событий была связана с пуговицами шахтерского комбинезона, но, по правде, знать-то это мне и незачем. Все равно вряд ли бы понял. С этими инопланетянами никогда не угадаешь, что у них на уме.

Карниолец долго двигал надбровными усиками, я прилежно наблюдал. Потом он поднялся.

— Господа, я думаю, имеет смысл собраться в другой день. И без этого... господина. Которому я, однако, желаю всего самого наилучшего. Прощайте.

Да уж, что-то, а отваживать клиентов у меня всегда получалось.

Карниольцы поползли к дверям. Тот, который нес клетку с бурундуком и которого я так настрашал пуговицами, старался не оборачиваться. Мне вдруг почудилось, что он просто пытается скрыть что-то от своего собрата. Но это уже частности. Амбал с «дипломатом» открыл перед ними дверь. Я проводил Витьку долгим взглядом. Он прижался к прутьям клетки и смотрел на меня со вселенской печалью в глазенках. Эх, приятель, дай только вернуться, отвалю тебе орешков...

Когда в помещении остались только представители расы хомо сапиенс, Андрей схватил меня за воротник и припер к стене.

— А теперь говори, что все это значит, мудака!

— Тихо-тихо, — осадил его я. — Слыхал, что сказал слизняк? Он желает, чтоб я оставался в добром здравии. На твоём месте я бы к нему прислушался, если хочешь, чтобы это дело таки выгорело.

И Андрей прислушался. Он был не дурак даже в бытность свою барменом.

Я тоже, поэтому немедленно унес оттуда ноги.

После пережитого меня слегка потряхивало, и я решил расслабиться, прежде чем возвращаться в отель к Ирэн. И — вот надо же — сам не заметил, как приехал в космопорт и оказался в родном барчике. Все же рефлексy и привычки говорили о том, что жизнь моя оставалась той же, что и была. Просто сегодня мне выпал не самый заурядный день.

Так что, выходит, все-таки никакой лучезарки я не жрал!

Бармен был незнакомый. Я взял дешёвую «отвертку», за что был награжден недоуменным взглядом — впрочем, не столько я, сколько мой шикарный костюм, обладателю которого не пристало брать выпивку за четвертак.

Я просидел в баре часа два. За это время мне успели позвонить Андрей, заявивший, что я уволен, метрдотель «Метрополя», напомнивший, что срок моего проживания в отеле истекает завтра, и Ирэн, заявившая, что, раз Андрей меня уволил и из отеля меня выселяют, на Средиземноморье она полетит с кем-нибудь еще. Напоследок она чмокнула трубку

и сказал, что я лапка, и я поморщился: что одно, что другое звучало гадостно.

Вот, блин, денек. Столько хороших новостей.

Рядом кто-то тяжело вздохнул. Так тяжело, что я не удержался и спросил:

— Неудачный день?

На табурете возле меня сидел парень. Он казался мне знакомым, я напрягся и припомнил, что иногда видел его в космопорту. Он проносился мимо магазинчиков, завывая в голос, что всех уволит, а потом исчезал, и все вздыхали с облегчением. Администратор, кажется, не помню толком. Сейчас он тоже пил «отвертку» и болтал в стакане соломинкой. Вид у него был как у человека, жизнь которого не меняется уже много лет.

— Изо дня в день, — сказал он тоскливо, — встаешь утром, моешься, ешь, приходишь на работу, где до ночи продаешь всяким инопланетным идиотам разный хлам, потом выпиваешь в одном и том же баре, едешь к своей подружке, отрубашешься... И только одна хорошая новость...

— Что нет плохих новостей, — сказал я.

— Ага, — ответил он. — И эта новость одна и та же, изо дня в день.

Он залпом выпил свой коктейль, и бармен сказал ему:

— Эй, Саня, ты ничего не забыл?

— А, да, — ответил тот и, скривившись, взял у бармена мобилу. — Ага, это я. Да, солнце. Полчасика. Нет, ничего особенного. Пропущу на четвертак, и к тебе. Угу. Как обычно. Задрала, — пожаловался он мне, захлопнув трубку.

— Девушка твоя? Как зовут?

— Да как ее могут звать... Машка, конечно. Машка-Мышка. Поеду-ка я. Может, огребу сегодня еще хоть одну хорошую новость...

И ушел. А я напился. И уснул там, прямо за стойкой. И приснился мне бурундучок по кличке Витька. Он сидел на задних лапках и шевелил усами, а я следил взглядом за их движениями, чтобы его не обидеть. В этом было что-то родное. Это был приятный сон.

3

— Ну? — спросил темилец.

— Ох, мать-перемать, — ответил я.

И, уверен, мы друг друга поняли.

— Знаешь, ты поосторожнее с этими штуковинами. Не давай больше... кому попало, — попросил я, возвращая ему рандомизатор. Мы сидели в баре космопорта и пили «отвертку». Андрей прыгал возле шикарной девки в углу. Я теперь знал, что зовут ее Ирэн, а так все было как всегда.

— А, да, — покивал темилец, разглядывая браслет. — Ты его, я вижу, поставил на не-не-не.

— На что поставил?!

— Не-не-не. Все случайно. Все по-другому — совсем. Не только ситуации, но и... — Он поднял палец, видимо, наслаждаясь тем, какое сложное слово сейчас выговорит: — Пред-по-сыл-ки! У тебя был совсем неожиданный день.

— Совсем, — согласился я.

— Извини. Я тебя... — Он искал слово. — Развел? Так говорят?

— То есть? — опешил я.

— Мне надо было дать его кому-то. На денек. Очень хотелось отдохнуть. А совсем снимать нельзя — случайнитель должен работать без перебоя, а то сломается, мне... как там говорится... каюк. А хотелось отдохнуть. Подвернулся ты.

— Отдохнул?

— Ух! — Темилец расплылся в улыбке. — Да. Такой славный день. Весь день — точно как этот. Утром повторили, что вылет — откладывается — по — техническим — причинам, а потом я пил...

— «Отвертку».

— Да. «Отвертку». Как вчера. Было хорошо. Хорошо, когда одинаково. Изо — дня — в — день. Это счастье. Это...

— Дом, — подсказал я. — Это дом.

— Дом, — с сожалением кивнул темилец. — А мне завтра опять делать слухи. Где-то далеко.

— Удачи, — пожелал я. Мы расстались, и мне было даже жаль. Темильцы нечасто к нам залетают, занятой они народец. Слухами полнится не только Земля.

Ну, вот так-то. Допью-ка я теперь коктейль и пойду угощу Витьку орешками. А то черт знает чем там его вчера кормил этот слизень, скупающий оптом земные яды. А потом закрою лавочку и поеду к Машке. У меня для нее новость. Хорошая новость. И надо бы поторопиться, потому что этой новости моя Машка-Мышка ждет уже... эх, нет, давайте лучше я не буду говорить, сколько лет.

ДЕТИ ОДУВАНЧИКОВ

Барсуков был заурядным космонавтом-исследователем. Это означало скучнейшую работу. Девять месяцев в году он занимался тем, что навевался на недавно обнаруженные планеты земного типа, которых было великое множество, собирал предварительную информацию, брал стандартные пробы и писал стандартнейшие заключения. Еще два месяца он проводил в обязательном, хотя и бессмысленном, карантине. Никаких чуждых бактерий, грибов и вирусов на далеких планетах не имелось.

Как известно всем давным-давно, ничего романтического на новых планетах нет: никаких кровожадных чудищ, никаких братьев по разуму, даже троюродных. За последние века люди открыли и исследовали миллионы планет, но не открыли ни одного вида живых существ, который был бы неизвестен на Земле: на дальних планетах нашли множество вымерших земных видов, а также множество современных, которые идеально скрещивались с земными животными. Во вселенной не существовало ничего нового, ни единой необычной бактерии, ни единого неизвестного людям маленького паучка. Общее количество видов живых существ в галактике было примерно двести два миллиона. И все они были известны на Земле.

Двести два — и не больше. Никто не знал почему.

За год Барсуков посещал в среднем пять или шесть планет, большинство из которых даже не имели собственных имен, только номера. Обычно на них имелась примитивная жизнь, порой встречалась более или менее агрессивная фауна, всякие динозавры, огромные кабаны или саблезубые медведи.

Земля была фантастически перенаселена и требовала все новых и новых пространств, на которые сразу же выплескивалась излишняя человеческая масса. Современные люди стали жить очень долго, они охотно занимались любовью и больше не умирали от болезней. В результате население Земли за несколько веков выросло в тысячу раз. Это катастрофически изменило человеческую жизнь. Ушли в легендарное прошлое индивидуальные квартиры или даже комнаты, в которых когда-то жила всего одна семья. Комнаты становились все компактнее, а населялись все плотнее. Исчезли ванны и кровати, занимавшие раньше так много места. Больше не было автомобилей, потому что из-за повсеместного обилия людей ехать было просто невозможно. Нормальная земная улица сейчас была забита людьми плотнее, чем в древности железнодорожные вагоны во время революций и войн. Исчезли леса, поля, озера и пустоши. Горы были срыты и превращены в искусственные острова. И все это покрылось человеческой массой, будто живой шевелящейся краской, такой же плотной и непрерывной, как пленка размножающихся бактерий под микроскопом. На Земле больше не было деревьев и трав, не было животных, птиц и рыб, кроме разве что глубоководных. Оставались, впрочем, два гигантских зоопарка на территории Антарктиды. Люди теперь питались, превращая в энергетический пищевой концентрат энергию земных глубин и энергию ядерного синтеза. Они продолжали бесено размножаться — и планета гудела, как перегретый паровой котел, выпуская излишки человеческого пара. Для этого и нужны были новые незаселенные миры.

На этот раз его корабль опустился на планету номер 3569990, третью в системе две тысячи восьмьсот девяносто пятой Водолея. Системы корабля проверили ближайшее ок-

ружение и, не обнаружив никакой опасности, дали разрешение на контакт. Барсуков вышел в биоскафандре, который был совершенно незаметен под одеждой, не стеснял движений и вообще никак не ощущался. Тем не менее он обеспечивал приличную защиту.

Местность выглядела приятно. Пышная, хотя и не слишком яркая зелень ласкала глаз. Дул теплый ветерок и нес высокие полупрозрачные облачка по небу такого же голубовато-цементного оттенка, какой обычен в земных городах. В траве там и тут виднелись желтые одуванчики, в точности такие же, как в антарктических зоопарках Земли. Барсуков нагнулся и, повинаясь неясному, но непреодолимому импульсу, сорвал один из цветков. Взглянул на капли млечного сока, выступившие на срезе, понюхал, пожал плечами. Одуванчик как одуванчик. Четверть часа спустя он вернулся в корабль и приступил к составлению первого отчета о планете.

Через два дня он стартовал обратно. Сорванный одуванчик он взял с собой. Цветок стоял в баночке на имитации подоконника. Имитация земного солнца щедро поливала его имитацией натуральных лучей, и одуванчик исправно открывался и закрывался в такт со сменой освещения. Еще через два дня Барсуков сделал остановку на Брайере, планете — пересадочной станции, освоенной еще в двадцать шестом веке.

Несмотря на то что Брайер был освоен довольно давно, он не походил на Землю. Здесь имелся всего один город-миллиардник с плотностью населения семьсот человек на квадратный метр горизонтали и 0,33 человека на метр вертикали — что нормально для Земли. Все оставшееся пространство планеты было пустынным, то есть застроенным отдельно стоящими домами-дачами и домами-пансионатами. Кое-где на Брайере сохранились даже леса.

Барсуков прошел таможенный контроль, заполнил документы, отправил багаж по скоростной транспортной магистрали и вышел в город. Сразу же его приятно стиснула толпа. Барсуков соскучился по толпе; в пустых космических дальях ему часто снились громадные площади или магистрали,

заполненные народом. В толпе чувствуешь себя уютно защищенным — это чувство сродни тому, которое мог бы испытывать плод в утробе матери. В толпе ты растворяешься и в то же время расширяешься, тысячи невидимых нитей сцепляют тебя с тысячами незнакомых сознаний и сердец, и ты ощущаешь их так же хорошо, как собственное сознание и сердце. Ты откликаешься на желания и стремления других людей еще раньше, чем можешь их почувствовать, и есть в этом нечто сверхъестественное. Короче говоря, толпа в тысячу человек действует как стакан доброй водки и не оставляет похмелья.

Здесь, как и на Земле, не существовало никакого наземного транспорта, кроме медленно движущихся пешеходных дорожек. На каждой из дорожек люди стояли плечом к плечу, а дети стояли или сидели на плечах у родителей. Умение стоять на плечах прививалось каждому ребенку с самого раннего детства, ведь плотный человеческий поток обязательно раздавит каждого, кто мал и слаб. Но у космопорта поток был довольно разреженным: Барсуков мог даже двигать руками.

Около часа он плыл в одном направлении, затем свернул на магистраль, идущую к окраине. По случаю местных праздников многие люди отправлялись за город, поэтому магистраль работала с полной нагрузкой. Запрыгивая на магистраль, Барсуков резко втянул живот, расправил плечи и встал на цыпочки. Это увеличивало выталкивающую силу толпы, направленную вверх. Сразу же шесть или семь человек крепко уперлись в него со всех сторон. Через несколько минут его ноги оторвались от движущейся дорожки. Давление толпы усиливалось и продолжало толкать его вверх. Вскоре его плечи оказались над головами большинства людей, и он почувствовал себя вполне комфортно: он снова мог свободно дышать. Рядом с ним плыла маленькая девочка, стоявшая на плечах у отца.

— Дядя, а ты тоже стал на своего папу? — спросила девочка.

— Нет, солнышко, — ответил Барсуков, — у меня просто широкие плечи. Когда я их раздвигаю еще шире, сжимающая сила выталкивает меня навверх. Это закон гидростатики.

— А я могу так сделать? — спросила девочка. У нее были большие серые глаза с пушистыми ресницами и движущаяся татуировка на лбу в виде алой лягушки.

— Нет, не сможешь, даже когда вырастешь.

— А почему?

— Девочки устроены так, что их всегда давит вниз.

— Вот почему папа не берет маму на пикник, — догадалась девочка. — У нее толстая попка. А ты был когда-нибудь на Земле?

— Я там живу.

— Там так же, как у нас, или лучше?

— Там намного лучше, — сказал Барсуков, — только намного больше народу.

— Разве может быть еще больше? — удивилась девочка.

— Вся Земля, кроме нескольких зоопарков и пустынь, это один большой город, такой, как здесь. На Земле все люди, кроме самых богатых, никогда не сидят и не лежат. Они даже спят стоя. Для того чтобы лечь, просто нет места. На Земле живет почти миллион миллиардов людей. Каждый год они заселяют несколько тысяч новых планет, и этого все равно мало.

— Ура! Я хочу на Землю, — обрадовалась девочка.

К вечеру он оказался на своей даче. Собственно говоря, дача принадлежала Управлению космической разведки, но Барсуков пользовался ею постоянно и уже привык считать своей. Дача была не столько местом отдыха, сколько большим тренажером: как известно, космонавт-исследователь довольно много времени проводит в одиночестве, а для современного человека это просто непереносимо — если только он не закаляет свой дух постоянными тренировками. Именно поэтому дача была расположена в тихом уединенном месте.

Он просмотрел почту, разобрал багаж и поставил одуванчик в банке на подоконник. На этот раз подоконник был настоящим. С удивлением он обнаружил, что сорванный цветок отрастил корни и чувствует себя отлично. Но тогда он еще не придал этому значения. Краем сознания он отметил, что испытывает к жизнелюбивому цветку необычное теплое чувство — как будто к старому знакомому, которого встретил после долгой разлуки.

Его корабль будет готовиться к следующему полету еще четырнадцать дней. Все это время Барсуков проведет на даче, тренируясь и составляя отчеты.

На следующее утро он заметил, что одуванчик из желтого стал белым. Барсуков попробовал поднять банку с живущим цветком, но не смог этого сделать: одуванчик прорастил свои корни сквозь стекло и прирос к подоконнику. Корни оказались такими прочными, что Барсуков не смог их разорвать. Еще через два дня одуванчик заметно вырос, а его корни доросли до пола и приподняли паркет. Они были гибкими, но прочными, как стальные тросики. И тогда Барсуков наконец-то поверил, что обнаружил феномен, о котором обязательно нужно сообщить на Землю.

От этой мысли ему сразу стало жарко. Существовало много теорий, пытавшихся объяснить число двести два миллиона, они противоречили друг другу, но все сходились на том, что неизвестных видов просто не может быть. Это как таблица химических элементов, только большая: есть элемент с номером семь и с номером восемь, но нет элемента с номером семь с половиной. И вот какой-то несчастный Барсуков открывает новый вид растений! Двести два миллиона первый! На мгновение он ощутил себя как минимум Эйнштейном.

Возможно, что впервые была найдена уникальная форма жизни, неизвестная на Земле. Это означало бы сенсацию века.

«Скорее всего я ошибся, — сказал он сам себе, — я чего-то не понимаю. Этого просто не может быть. Но это было бы так замечательно!»

Он сдул пушинки одуванчика и долго смотрел на то, что осталось, смотрел, будто пытаясь взглядом проникнуть в тайну цветка. Серо-зеленый наперсток торчал на длинной перламутровой трубке в полметра длиной. Великовато для обыкновенного одуванчика, явно великовато. Он аккуратно разделил пушинки на две кучки, одну из кучек упаковал в целлофан и отправил на Землю по гиперпространственной почте.

Вторую он решил изучить самостоятельно.

Вскоре он заметил, что семена одуванчика вели себя более чем странно: они передвигались. При этом они передви-

гались именно тогда, когда человек не смотрел на них. Это значило, что они имели органы передвижения и ощущали человеческий взгляд. Барсуков положил несколько семян на лист линованной бумаги. Через минуту стало ясно, что он не ошибся. Кроме того, семена очень быстро увеличивались в размерах. Сутки спустя каждое семечко стало со спичечную головку величиной.

Однажды утром Барсуков не нашел семена в той коробочке, где он их оставил с вечера. Семена расползлись по комнате. Двенадцать штук Барсуков выловил в течение дня, причем одно семечко забралось в его кровать, а два сидели на зубной щетке и грызли щетинки. Семена сбросили пушок и отрасли маленькие членистые лапки. Сейчас они напоминали неповоротливых упитанных насекомых. Барсуков покормил детей одуванчика хлебными крошками. Угощение им явно понравилось.

Дети одуванчика продолжали расти. Вскоре они стали размером с фасолину, затем размером с картофелину. Кроме того, теперь они двигались очень резво. Семена как-то между делом, походя, перегрызли все кабели связи в доме и вывели из строя все восемь передающих антенн, включая гиперпространственную. Барсуков начал беспокоиться. Ситуация выходила из-под контроля. Еще сильнее он забеспокоился тогда, когда семена привели в нерабочее состояние его автомобиль, вертолет и гравиглиссер. Можно было, конечно же, добраться до города пешком при экстренной необходимости, но когда Барсуков попробовал отойти от дома, на его пути оказалось десятка два проворных маленьких существ, вооруженных солидного размера жвалами. Получив несколько болезненных укусов, Барсуков был вынужден отступить. Итак, уйти он не мог. Оставалось спрятаться.

Он заперся в доме и включил системы защиты. Системы были ненадежны, ведь на планете Брайер никогда не существовало никакой серьезной опасности. Брайер — это почти то же самое, что и Земля: люди здесь уже давно ни от чего не защищались. На Земле уже триста лет как не было хищников, ураганов, землетрясений, революций, войн, пожаров и наводнений. Нападение пришельцев исключалось. Люди

перестали заботиться о безопасности и разучились сражаться за свои жизни. Люди стали беззаботными и мягкими. Системы защиты даже здесь, на Брайере, были не более реальны, чем театральные декорации.

Он надеялся на то, что через шесть дней, когда корабль будет готов к вылету, его обязательно хватятся и постараются найти.

Системы проработали всего двенадцать часов, а затем отключились. Тогда Барсуков вооружился универсальным самонаводящимся карабином и отправился в подвал, чтобы проверить блок питания. В подвале он обнаружил множество существ, напоминающих крупных саламандр. Существа громко шипели и медленно подползали. Возможно, они были ядовиты. В стенах подвала имелось несколько дыр. Выстрелом из карабина он расстрелял двух саламандр, остальные успели забиться в щели. На кирпичном полу он нашел остатки панцирей, и это подтвердило его догадку: после очередной линьки дети одуванчика из насекомых превратились в саламандр.

Поднявшись наверх, он обнаружил в аквариуме десяток крупных зубастых рыб, каждая из которых была величиной с ладонь. Как только Барсуков наклонился над аквариумом, одна из рыб выпрыгнула из воды и попыталась укусить его за нос. Это было уже слишком. Барсуков достал из коробки рыболовный крючок и насадил на него хлебный шарик. Выловил рыб, отрубил им головы и бросил в кастрюлю с кипятком. Через десять минут рыбы приподняли крышку кастрюли и выбрались наружу. Они отрастили себе новые головы, не менее зубастые, чем старые, и, кроме того, теперь каждая из них имела по четыре когтистые лапы. Рыбы загнали Барсукова на шкаф, а потом прогрызли дыру в стене и удалились.

Барсуков осторожно спустился со шкафа и заглянул в соседнюю комнату. Там он увидел несколько ящеров примерно метровой длины. Ящеры встретили приход человека с нескрываемым воодушевлением, так что Барсукову пришлось снова ретироваться на шкаф. До самого вечера ящеры продолжали скакать вниз, жизнерадостно шелкая пастями.

Ночью Барсуков проснулся от того, что кто-то тащил его за ногу. Он начал яростно отбиваться и даже дико завизжал,

так что сорвал себе голос, но цепкие лапы охватили его со всех сторон. Было совершенно темно, но он ощущал запах зверя. Он слышал шумное дыхание многих глоток. Затем сильный удар по голове прекратил этот кошмар.

Рассвет нашел его в обществе шести гориллообразных существ. Комната была совершенно разгромлена. Одна из горилл нежно погладила Барсукова по голове и попыталась покормить его личинками жуков.

Он вышел во двор. Там резвились еще несколько десятков крупных обезьян. Без сомнения, все это были дети одуванчика.

Барсуков еще раз попробовал сбежать. На этот раз он действовал осторожнее. Он погулял во дворе и убедился, что обезьяны не обращают на него внимания. Одна из самок подошла к нему, потянула за воротник и поискала блох в его голове. На этом контакты закончились. Обезьяны играли, гонялись друг за другом, ломали ветки и строили гнезда. Барсуков начал медленно отходить от дома. Когда он оказался за деревьями, то не выдержал и побежал. Добежав до ближайшего овражка, он скатился вниз. Увы, из кустов выскочила крупная обезьяна, которая лакомила там малиной. Обезьяна покормила Барсукова, измазав ему все лицо огромной шершавой ладонью, схватила его за куртку и потащила обратно, радостно вереща.

Весь остаток дня животные играли с Барсуковым, а затем заперли его в подвале. Ночью он пробовал стучать и кричать, потому что ему было страшно и он еще помнил гадких саламандр, которые до сих пор могли прятаться в щелях. Он понимал, что совершенно беззащитен и что его жизнь висит на волоске. А еще он понимал, что обезьяна, которая сумела запереть все три двери, ведущие в подвал, и не забыла закрыть на замок ставни единственного окна, это уже не совсем обезьяна. Во что превратятся дети одуванчика завтра?

Наконец сквозь ставни начал пробиваться утренний свет. Барсуков услышал медленные шаги на лестнице. Дверь открылась, и в подвал спустился человек. Человек был одет в его собственный, Барсукова, плащ — прямо на голое тело. Барсуков отметил, что тело человека было изрядно волоса-

то, но неравномерной волосатостью, с проплешинами, словно волосы выпадали и еще не все успели выпасть.

— Доброе утро, — сказал человек на отличном межпланетном языке второго уровня безо всякого акцента. — Позвольте представиться...

— Я знаю, кто вы, — сказал Барсуков. — Вы все — дети одуванчика, правильно?

— Вы очень догадливы, — сказал человек.

— Сколько вас здесь?

— Всего около сорока.

— Вот чего я никогда не ожидал, — сказал Барсуков, — так это того, что меня захватят в плен инопланетяне. Ведь все считают, что инопланетян не существует. Я сам до сих пор не могу в вас поверить. И на кой черт я взял этот проклятый одуванчик?

— О, в этом нет вашей вины, — ответил человек и натянуто улыбнулся, оскалив крупные желтые клыки, — это мы попросили вас об этом. Попросили так, что вы не могли отказать.

— Как жаль, что я наткнулся на этот цветок!

— Этот или другой — не имело значения. Вы могли взять с собой все что угодно, даже осколок камня, — результат был бы тем же.

— И что теперь? Вы меня убьете, чтобы я не выдал вашей тайны?

— У нас есть более надежный способ заставить вас молчать. Кстати, сделайте мне одолжение, назовите код, которым открывается большая морозильная камера. Мои друзья еще не завтракали.

Барсуков вышел из подвала. То ли дверь забыли закрыть, то ли его больше никто не удерживал. Он взял из ящика в стене универсальный карабин — оружие, которое могло стрелять чем угодно, с какой угодно силой и с какой угодно частотой выстрелов. Он поднялся на третий этаж и забаррикадировался в маленькой комнате под самой крышей, подвинул к стене шкаф. Через окно он прекрасно мог видеть двор, где пришельцы сидели на траве и поглощали пищу. Большин-

ство из них были голыми, но некоторые надели на себя те вещи, которые нашли в доме. Во дворе было около двадцати существ. Если уничтожить этих, останется еще столько же. В любом случае битва будет неравной, и в любом случае он погибнет. Он постарается продать свою жизнь подороже. Чья-то волосатая спина подрагивала в перекрестии оптического прицела. Пальцы дрожали, и Барсуков никак не мог справиться с этим. Сейчас эти существа приняли человеческий облик, но кем они будут завтра?

Он выставил максимально широкий конус поражения и прицелился. Если выстрелить сейчас, от них не останется даже клочков мяса. Одна их сидящих во дворе тварей обернулась, посмотрела на Барсукова и приветливо помахала ему верхней конечностью. Барсуков опустил ствол. В этот момент в дверь тихо постучали.

— Я не открою, — сказал он тихо, но уверенно.

— Не делайте глупостей.

— Вам не взять меня живым!

— Послушайте, — настаивал голос за дверью, — мы не собираемся причинять вам никакого вреда.

— Ха! Почему бы это?

— Потому что мы не убийцы. Цели наши самые благородные. Мы никого не поработаем и не завоевываем.

— И что же вы делаете в этом случае? Восстанавливаете траченные подгузники?

— Мы только засеваем мёртвые планеты жизнью.

— Что?

— Мы доставляем на планеты универсальные семена, которые превращаются именно в те виды живых существ, которые нужны данному миру. Мы несем в космос жизнь. В этом наша единственная задача. Мы — сеятели вселенной. Когда-то давно мы заполнили жизнью большой космический камень, который теперь вы называете Землей.

— Универсальные семена? — удивился Барсуков.

— Вот именно. Каждое семя способно дать начало любому из двухсот двух миллионов видов живых существ. Именно так возникает жизнь на пустых планетах.

— Двести два миллиона? — спросил Барсуков.

— К сожалению, это максимальный резерв универсального семени. Это немного, но все-таки мы успели засеять треть вашей мертвой галактики за последний миллиард лет. Вначале семена превращаются в бактерии, затем, когда биомасса планеты увеличивается, — в одноклеточные водоросли, амёбы, в червей, в лягушек, ящериц, мышей и так далее, вплоть до человека. Так появляется сбалансированная биосфера, и планета начинает жить самостоятельно.

— Почему вы думаете, что я вам поверю?

— Потому что ты — один из нас.

— Что значит — один из вас?

— Тридцать пять земных лет назад ты возник из универсального семени, которое было доставлено на вашу планету. Ты ведь не помнишь своих родителей, правильно?

— Они погибли при взрыве трубопровода на Луне!

— Их просто не было, поверь мне. Ты родился на Земле с единственной целью: вернуться на Планету Жизни и сорвать одуванчик. И ты справился со своей задачей.

— Я вам все равно не верю.

— Мы не нуждаемся ни в твоей вере, ни в твоём согласии. Ты наш до последней молекулы. Мы управляем тобой. А сейчас открой дверь и положи оружие.

Барсуков открыл дверь и положил оружие на пол.

У двери стоял человек, одетый в плащ.

— Вот так-то лучше, — сказал он. — Ты ещё многих вещей не понимаешь, но мы объясним тебе. Мы будем сотрудничать, и ты будешь помогать нам в выполнении самой благородной и святой миссии, которая только может быть на свете. Мы будем дарить жизнь этой вселенной.

— Мне это нравится, — сказал Барсуков лунатическим голосом, глядя в пустоту. — Кажется, мне это действительно нравится. Спасибо вам, мои друзья.

Четыре дня спустя он отправился в очередной полет. Но теперь он был не один: трое единомышленников летели вместе с ним, трое детей одуванчика. Его новые друзья ежедневно представляли его, проясняя суть дела распространения жизни.

— Одного я не понимаю, — сказал Барсуков. — Вы заставили меня взять одуванчик, а затем послать его семена на

Землю. Но зачем? Ведь на Земле и так слишком много жизни. Там так много людей, что никто другой там просто не помещается.

— На твоей планете нарушен экологический баланс, — ответил наставник. — Люди Земли развиваются в неправильном направлении: из-за того, что их слишком много, они постоянно стоят. А из-за этого у них вырастают дополнительные венозные клапаны в крупных сосудах ног и ухудшается кровоснабжение мозга. Они слишком мало двигаются и поэтому страдают от стрессов и рано стареют. Их продолжительность жизни уже сократилась до двухсот пятидесяти лет. От того, что кровь отливает от головы, они постепенно глупеют и изнеживаются. Их стало так много, что вымерли практически все остальные виды живых существ. Эти виды нужно вернуть. На каждой планете должна быть полноценная биосфера. Универсальное семя не обязательно превращается в человека — оно превращается именно в тот биологический вид, который для планеты нужнее всего.

— И какой же вид живых существ сейчас важнее всего для Земли? Кого вы вернете на Землю? — спросил Барсуков.

— Мы должны восстановить экологический баланс на вашей планете. Мы просчитали ситуацию и нашли причину нынешнего положения дел. Тридцать две тысячи лет назад в нынешней Австралии вымер всего один вид животных, всего один вид. Результат этой катастрофы мы имеем сейчас. Мы вернем этот вид, и Земля снова станет здоровой живой планетой. Потом на нее вернуться и другие животные: белки, мыши, броненосцы и казуары.

— И все-таки, — спросил Барсуков, — что это за животное, которое обязательно нужно вернуть?

— Ты уверен, что тебе хочется это узнать?

— Уверен, — ответил Барсуков, не задумываясь.

— Это гигантский сухопутный крокодил высотой три метра в холке и с размахом челюстей два с половиной метра, — ответил наставник. — Теперь, когда он вернулся на Землю, наконец-то все придет в норму.

ПЕРЕИГРАТЬ КОРПОРАЦИЮ

Улыбка менеджера по работе с персоналом Генриха Пруста могла выражать десятка четыре оттенков начального настроения: от Гневного Презрения через Вежливое Равнодушие до Восхищения Высшей Мудростью. Сергей Глагольцев за время службы так наловчился отмечать прищур глаз, лишнюю складочку меж бровей и каждый миллиметр демонстрируемой площади менеджерских зубов, что улыбка порой говорила ему больше слов. Сейчас внимание начальства ничего хорошего не сулило, и Глагольцев моментально изобразил смущенное раскаяние: голову свесить, глаза в пол, из груди рвется тяжкий вздох. В мыслях мелькнуло выражение из нелояльной сетературы «Корпоративная Кама Сутра»: «Партнеры заняли подobaющую позицию и готовы приступить к сношению».

— Сергей, вы сегодня опоздали уже третий раз за последние две недели. — Улыбка Пруста вошла в фазу Отеческого Укора.

— Да, господин Пруст, я виноват и приложу все силы, чтобы избежать повторения. Докладная записка будет подготавливаема мною немедленно, — автоматически принял подачу Глагольцев.

— И ведь вы помните, что совершаете административное правонарушение, которое карается штрафом с возрастающим коэффициентом... Помните, Сергей?

Глагольцев горестно кивнул, преданно посмотрев начальству в глаза и тут же вновь потупившись.

— Штраф уже вычтен из вашей заработной платы. Между прочим, вы пропустили утреннюю распевку...

Не дожидаясь, когда угроза во многозначительной паузе загустеет, обретая форму очередного финансового убытка, Глагольцев встал навывтяжку и бодро запел гимн Корпорации. Менеджер благосклонно покачивал головой в такт не слишком мелодичному глагольцевскому вокалу, а на последних строках даже подтянул:

Денкель — это сила мыла,
Денкель — это чистота!
Всех от грязи избавляем,
Жизни краски возвращаем,
С Корпорацией любимой
Будем счастливы всегда!..

После короткой паузы Пруст осведомился:

— Так что у вас случилось?

Последняя реплика выпадала из делового этикета Корпорации Денкель, и Сергей озадаченно уставился на менеджера. Пруст глядел заинтересованно, с выражением сочувствия и доброжелательности. «Сказать? Промолчать? Он, похоже, подталкивает меня к откровенности; попробую сказать — хуже-то уж навряд ли будет... Вдруг да пожалеет и даст денег?»

— Сын, господин Пруст, — чуть замявшись, пояснил Глагольцев. — Зубы режутся, ночью не спит, кричит... И мы с женой не спим, а на няню как раз сейчас денег нет... Я понимаю, это мои личные трудности, но может быть, Корпорация дала бы мне небольшой кредит или хотя бы аванс? — с надеждой спросил подчиненный. И тут же увял, когда улыбка менеджера приняла хищное выражение.

— Даже не хочу напоминать вам статью закона, которая определяет лояльность в том числе и как готовность принести Корпорации Денкель любую необходимую жертву!

«Уже напомнил, — мрачно подумал Сергей, старательно удерживая улыбку, — что дальше?!»

— А вы, господин Глагольцев! Вы женились на особе из Корпорации SuperTechniks!..

— Но ведь SuperTechniks — дружественная нам Корпорация, к тому же Оксана сразу уволилась оттуда, и сейчас они с сыном имеют регистрацию Корпорации Денкель, — робко попытался парировать Глагольцев.

— Даже не буду вдаваться в вопросы, как вам вообще удалось достичь какого бы то ни было личного соглашения со служащей SuperTechniks и почему она для вас оказалась привлекательнее, чем тысячи наших служащих да еще свадебные бонусы за порядочный, лояльный внутрикорпоративный брак! — уже открыто вознегодовал Пруст. — Но сейчас ваши семейные проблемы наносят откровенный вред Корпорации Денкель! Мало этих ваших бесконечных опозданий, вчера вы еще и разговаривали с женой на ваши частные темы в течение семи минут рабочего времени!..

Сергей вздрогнул. Он надеялся, что дежурный, отслеживающий данные с веб-камер, не выделит его рабочий стол среди сотни других. Еще один штраф — это уже слишком высокая цена новых Севкиных зубов...

— Поэтому я вынужден сообщить, что вы уволены из числа постоянных служащих! Сдайте мне Ид-знак.

Адреналиновая волна ударила в голову, на миг перевернула мир, как при крушении в симуляторе автогонок. К сожалению, реальное крушение куда серьезнее: перезагрузить Пруста, требовательно протягивающего руку к идентификационному знаку, было решительно невозможно... Глагольцев дрожащими пальцами нащупал на лацкане значок Корпорации Денкель — выполненное из металла изображение мыльных пузырей, с которого сканеры читали личные данные, — долго возился, отстегивая, потом убито протянул его менеджеру и развернулся к выходу. В голове осколками аварии звенели, сталкиваясь, десятки неразрешимых вопросов. Как жить их семье, если все они теряют гражданство Корпорации? Куда податься? Что будет с Оксаной, с Севкой? И какого гейтса он вообще решил пожаловаться на домашние проблемы...

— Господин Глагольцев, наш разговор не окончен, — с неудовольствием прозвучало из-за спины.

Сергей с мученическим выражением обернулся. В улыбке менеджера сквозило Снисходительное Осуждение.

— У меня есть к вам предложение от Корпорации Денкель. Мы можем тут же принять вас обратно, однако не на постоянную службу, а на месячный контракт.

— Временное гражданство? — уныло осведомился Глагольцев.

— С испытательным сроком, — кивнул Пруст. И замолчал, подвесив театральную паузу.

— Что от меня требуется по контракту? — подал молодой человек ожидаемую реплику.

— Выполнение тех же самых функций! Плюс одно небольшое, но существенное условие. Наши ученые разработали ноу-хау для внутрикорпоративного пользования. Сейчас проходят испытания, и вам нужно будет принять в них участие. Вот это, — Пруст выдвинул ящик стола и вынул оттуда микросхему, — носит рабочее название Finisher. Финишер побуждает вас оканчивать начатые дела. Мы надеемся, что это повысит производительность труда и внесет больше порядка в деятельность Корпорации Денкель, иной раз на местах довольно хаотичную...

— А как он... побуждает? — с опаской спросил Сергей.

Менеджер чуть заметно поморщился, но выдал преувеличенно бодрую ухмылку.

— Внедряется в головной мозг и напрямую управляет нервными связями. Результаты вашей деятельности регулярно проверяются, опасности нет. Вы согласны на предложение Корпорации Денкель?

Глагольцев вздохнул. Достойных вариантов он не видел.

— Буду рад, — ответил он с натянутой улыбкой. Пруст тут же выложил стопку бумаг на подпись — сначала увольнительный пакет, потом новый контракт, затем пакет документов для нового сотрудника Корпорации Денкель... Глагольцев терпеливо расписывался на каждом экземпляре.

— Корпорация Денкель рада приветствовать вас в своих рядах, Сергей! — заученно расцвел менеджер, когда подчи-

ненный наконец расправился с бумагами. Все из того же ящика стола Пруст извлек новый Ид-знак, уже не металлический, а для контрактников, в виде голограммы на квадрате пластика, торжественно прикрепил его к лацкану собеседника и обнял Сергея.

— Через час будьте у медицинского корпуса, вас пригласят... И еще: я понимаю ваше волнение, поэтому не стану сообщать в службу настроения о вашем... хм-м... неоптимистичном виде. Но не все могут быть столь понимающими, как я. Поэтому помните: *dont worry, be happy!* Мы — одна команда! — И, напоследок похлопав Глагольцева по плечу, выразительно кивнул в направлении двери.

Гримаса, с которой Глагольцев вышел от Пруста, плохо справлялась с задачей *keep smile*. Менеджер легко переиграл его по заранее намеченному сценарию: Сергей готов был проспорить собственные ботинки, что временный Ид-знак и бумаги уже несколько дней лежали в столе Пруста, поджидая только удобного случая. И не было особой разницы, опоздай он на работу вчера или на следующей неделе. «Корпоративная Кама Сутра» права: «Что бы ты сам ни думал о своих достоинствах, но босс всегда сверху, и тебе остается только расслабиться и постараться изобразить удовольствие...»

Сев за рабочее место, Глагольцев начал набирать мессидж жене, но уже через пару слов нажал сброс. Она наверняка захочет, чтобы Сергей объяснил ситуацию, и даже если догадается дождаться перерыва — вряд ли у него хватит сил соблюдать статью «Воздерживайтесь от отрицательных комментариев о решениях руководства». Кто-нибудь из законопослушных коллег обязательно доложит, выслуживая бонусы, а его положение в Корпорации Денкель и так напоминает попытку усидеть на стуле со сломанной ножкой... Глагольцев загрузил для клиентов шаблон извинения за занятость и переадресацию на коллег. Посмотрел по сторонам: ну конечно, почти все в скудно поделенном перегородками из прозрачного пластика помещении глазели на него. Кто-то под его взглядом отворачивался, срочно вспоминая о работе, другие улыбались и пожимали плечами: дескать, с кем неприятностей не случается... Сергей надел наушники, спа-

саясь тишиной от клинически жизнерадостного «Денкель Офис-радио», и мрачно бросил мессидж в локалку: «Сигареты есть у кого?» Ответ был предсказуем: за курение снимали бонусы, и мало кто шел на риск ради вредной привычки.

Из-за правой перегородки выглянула соседка Наташа и молча протянула пачку успокаивающих леденцов. Вымученно улыбнувшись, Сергей откинулся на спинку кресла и забросил в рот первый леденец.

Ожидавший Глагольцева врач улыбался мало и как-то нехотя. Уже переодеваясь для операции, Сергей спросил:

— А каков принцип действия Финишера?

Несколько секунд они с врачом смотрели друг другу в глаза, потом Глагольцев пояснил:

— Я просто хочу знать, что меня ожидает. Господин Пруст дал мне самую общую информацию, но с Финишером-то этим мне ходить, а не ему.

Врач усмехнулся:

— Деталей я и сам не знаю, но принцип примерно такой: человеческий мозг склонен доводить до конца решение любой задачи, пока не создается цельный и законченный образ. Поэтому часть нервных связей всегда задействована на решение прошлых задач, что проявляется обычно в сфере бессознательного. Любая незавершенная ситуация — по сути, огромная энергетическая дыра, куда расходуются ресурсы мозга, необходимые для более насущных целей. У вас же есть ребенок?

— Есть. — Глагольцев вспомнил шустрика Севку, и даже в этом аховом положении на душе потеплело.

— Тогда вы знаете главный принцип работы Финишера, который у маленьких детей соблюдается абсолютно естественно: здесь и сейчас, а иначе нигде и никогда. Если срочно не дать ребенку то, что ему вдруг понадобилось, — у него горе, а у родителей скандал, и никакие обещания «потом» не действуют, для малыша такого понятия просто нет. У взрослых же людей в мыслях постоянный хаос, дела откладываются на потом, забываются и перезабываются, всплывают в воспоминаниях, будоражат и могут подниматься через годы...

Теоретически любая упорядоченная система действует лучше хаотической, поэтому Финишер должен сделать вашу деятельность более эффективной.

— Вроде понял. Но как я вообще узнаю, что он работает?

— Исходя из технических характеристик, которые мне сообщили, вы это ни с чем не спутаете. — И врач выразительно умолк.

— И все-таки? Буду падать на пол, кричать и плакать?

Глагольцев рассчитывал пошутить, но врач остался серьезным, тщательно подбирая слова для ответа:

— Фиксируя такую «холостую» работу мозга, Финишер напрямую побуждает ликвидировать энергетическую дыру. Вы ощутите сначала слабые нервные импульсы, которые подскажут, над чем необходимо работать. Займетесь проблемой немедленно — Финишер перестанет беспокоить. Иначе нервные импульсы усилятся, и это, увы, будет очень неприятно... Постарайтесь не доходить до этой стадии. Так, сейчас пойдет наркоз... И еще мой искренний совет: не начинать таких дел, которые не намерены завершать в ближай...

Последние слова врача растворились в навалившейся пустоте.

Когда Глагольцев пришел в себя, до конца рабочего дня оставалось еще три часа.

— Все прошло нормально? — поинтересовался он у врача.

— Нет оснований утверждать обратное. Можете возвращаться к работе, — ответил тот. Все-таки его улыбка не вселяла ни уверенности, ни оптимизма... Неужели не проходил тренировок? С такой ухмылкой повышения ему не дожидаться.

Очень хотелось пить. На рабочем месте Глагольцев высыпал в кружку пакетик энерджи-дринка, мимоходом подумав, что надо бы помыть наконец свою посуду, прошел к фильтру за водой и вернулся на место. Первые же несколько глотков вызвали внутренний дискомфорт. Сергей прислушался к ощущениям: его начал одолевать легкий зуд. Отпил еще — зуд усилился. Неужели аллергия? Но этот энерджи-дринк после рекомендации начальства весь отдел закупал и пил не менее полугода, и до сих пор проблем не возникало...

Глагольцева передернуло. Мышцы конвульсивно сократились, еще и еще раз. В испуге он вскочил. Зуд оставался, но напряжение тела чуть ослабло. Секунд десять Сергей постоял, успокаиваясь, и сел опять. На этот раз тело дернулось так, что он с грохотом слетел с кресла. Потирая ушибы, саркастически подумал: «Ну привет, Финишер! Кажется, намек понял...» Встав, поплелся к раковине, вылил остатки дринка и принялся смывать изукрасившие кружку еще в прошлом месяце потеки. «Главное, организм уgomонился, а попить можно и водички, из чистой-то посуды...»

Через полчаса, изучив сводки и успев плодотворно переговорить с клиентом, Глагольцев получил вызов и сразу отбой от Талгата, друга со школьных еще времен, работающего сейчас в соседнем отделе. Это означало, что Талгат желает срочно поговорить без посторонних ушей, и Сергей отправился в туалет. Поприветствовав товарища первой искренней в этот день улыбкой, вымыл руки и стал их усердно сушить. Тот, поворачивая ладони под соседней сушилкой, под удвоенный гул механизмов негромко сказал почти в ухо Глагольцеву:

— Говорят, тебе кой-какую интересную операцию сделали?

— Кто говорит? — так же тихо, стараясь поменьше шевелить губами, осведомился Сергей. Талгат только многозначительно усмехнулся. Он всегда знал больше, чем ему полагалось. Вместе с талантом к говорящим улыбкам это давало очень неплохую перспективу на должность менеджера.

— Домой ко мне вечером приходи, — предложил Глагольцев.

— Не, никак. Давай в чате, как всегда?

— А если логи поднимут?

— Сегодня мой брат админит, он сразу затрет...

Талгат убрал наконец ладони из-под сушилки, Сергей последовал его примеру и с пожеланием: «Успешно закончить день!» вернулся на место. Там ждал отложенный вызов от Пруста.

— И вот что, Сергей, если будут какис-то... э-э... нетипичные проблемы, прежде всего сообщайте мне. По лично-

му каналу в любое время суток. Перед общими планерками в конце рабочего дня делайте мне персональный отчет: на время эксперимента я назначен вашим личным патроном. Корпорация Денкель верит в вас!

— Буду рад оправдать доверие! — отрапортовал Глагольцев, думая сердито: «Еще и персональный отчет ему подавай!» Тут же вернулся противный зуд. Глагольцев бессмысленно переложил на столе дискеты, убрал подальше кружку, закрыл на мониторе лишние окна... Зуд все усиливался, мучительно хотелось чесаться, только место раздражения находилось где-то внутри. Первой конвульсии пришлось ждать недолго. Вместе с седьмой пришло ощущение хлесткого удара по спине... Сергей, отказавшись от мысли поэкспериментировать с сопротивлением, открыл форму для ежедневного отчета и внес имеющиеся данные. Для окончательного ублажения Финишера потребовалась еще и брошенная за всеми событиями докладная записка об опоздании...

Домой Глагольцев слегка задержался: сначала Финишер настойчиво предложил навести на рабочем столе порядок, потом Сергей по собственной инициативе зашел за водкой. Ради одной бутылки пришлось катить тележку через весь огромный «Ситишоп», и чтобы не выглядеть совсем уж отпетым неудачником, Глагольцев связался с женой. Оксана мягко напомнила, что обычно заказывает покупки в Сети с доставкой на дом, но попросила печенья и яблок. Добравшись до дома, Сергей чмокнул жену, вручил пакет с покупками, пробормотал про неотложное дело и пошел подключаться к секс-чату, где они с Талгатом вели нелояльные разговоры.

Аватара товарища — худенькая девушка-тин с лисьим выражением восточного личика — уже маялась в чате, лениво высмеивая приставания посетителей. Глагольцев приходил сюда под личиной невысокого лысого пузанчика, и хотя вид его решительно контрастировал с традиционными для посетителей секс-чата образами плечистых мачо и грудастых красоток, Талгат пригласил его в приват только после обмена условными фразами.

— Ну, что сказать — shit happens, — высказался друг о делах Сергея.

— Да уж, без тебя бы не понял...

— Тут не язвить надо, а план разрабатывать. Ясно же — если эксперимент окажется успешным, Финишер засадят всему персоналу Корпорации Денкель. Ну, может, топ-менеджерам не засадят, а все остальные огребут по маленькому личному надсмотрщику в собственных мозгах.

— С таким кнутом и пряника не надо, — оценил перспективу Глагольцев.

— В общем, это... Задай им работы своим Финишером. Я думаю так: в офисе своди все дела к единственной цели доделывать недоделанное. Конкретно назавтра можно почистить мессиджи — у меня бы это точно не меньше полусуток сожрало, если больше ничем не заниматься... Начинаешь со свежих, ну и down. Поднимай архивы. Планы, отчеты, рацпредложения, служебные записки... Только дели обязательно на конкретные задачи, а то помрешь за рабочим столом без сна и отдыха. Я правильно понял, что Финишер заставляет доделывать начатую задачу, пока ведущий импульс не удовлетворен?

— Ну, вроде так, — поежился Глагольцев, вспоминая свои судороги.

— Тогда перво-наперво подели архивы — по месяцу на день. Стратегическое планирование не только вредно, но и полезно. Ты сколько в отделе сбыта работаешь?

— Девять месяцев.

— А до этого по ротации в нашем отделе работал? И как бы не за той машиной, где я сейчас сижу... В общем, подниму твои старые данные, через пару недель их запросишь, я перешлю — тоже отработаешь. Потом обратишься туда, где раньше стажировался, пусть ищут следы твоей деятельности, а начальство видит, какой ты до абсурда старательный... Забастовка усердия называется. Ладно, дальше по ситуации. Have supper, киборг!

— За киборга ответишь, — пообещал повеселевший Сергей и перед выходом из чата демонстративно ущипнул недоτροгу-азиаточку за худосочную ягодицу.

— Такие дела, — закончил Сергей, дожевывая котлету. Оксана вздохнула.

— С Корпорацией не поспоришь. Работаешь — соблюдай законы... Любая Корпорация заботится в первую очередь о своем процветании. Корпорации хорошо — и служащие довольны.

— Вот Пруст, тот, наверное, доволен — у него-то Ид-знак золотой, ему не приходится семейный бюджет кроить-перекраивать, чтоб хотя бы на спаморезку хватало, не говоря уж про запрет рекламы, — желчно кивнул Глагольцев на экран комма, где рябили, сменяясь, бесконечные баннеры. — А у топ-менеджеров, я видел, Ид-знаки бриллиантовые!

— Красиво...

— Уж красивее, чем голограмма контрактника.

— Зарабатывать бриллианты на мыльных пузырях — это лучший признак процветания Корпорации! — поучительно произнесла жена, ставя перед Сергеем кружку с чаем.

— Служба настроения нас точно такими слоганами и кормит, — сообщил супруг, — как Севка подрастет, попытаемся тебя туда устроить. Уровень лояльности как раз подходящий. Если я к тому времени, конечно, сам из Денкеля не вылечу...

— Больше оптимизма, дорогой, — посоветовала Оксана. — Ничего непоправимого не случилось. Печенье вот ешь, оно со стимулятором эндорфинов. А когда я работала на SuperTechniks, я всегда брала такое печеньеце — «Фрутти», очень земляничное...

— Ты тогда, наверное, в «Ультре» закупалась? А Денкель с «Ультрой» не дружит, ты же знаешь, у нас с «Ситишоп» соглашение. И поставщики у «Ситишопа» другие, Ксана. На дом не пробовала заказывать?

— Пробовала — они говорят, жилые кварталы Корпорации Денкель находятся вне зоны их обслуживания...

— Гейтс заberi эту межкорпоративную политику... Что, очень соскучилась по своему печенью?

— Очень, — кивнула Оксана. — Но это, наверное, единственное, о чем я жалею из прежней жизни! Ты да Севка, и ничего мне не надо больше... А зубы его пройдут, надо только потерпеть. И у тебя все наладится. Попробуй отнестись к этому как к Севкиным зубам: противно, и плохо, и сердиться, конечно, — но все равно ничего ведь не поделаешь, надо

только терпеть и стараться не нервничать. Пройдет все рано или поздно.

— Философ ты мой, что бы я без тебя делал, — обнял жену Сергей. — Персональная служба настроения, только без штрафов и угрозы увольнения... А все-таки я выпью рюмочку, чтобы расслабиться. Не возражаешь?

— Может, лучше антидепрессант?

— Водка — натуральный мужской антидепрессант, — отшутился муж.

— Ну, если только рюмочку — то не возражаю, — улыбнулась Оксана. И тут же, всплеснув руками, унеслась — в комнате заголосил проснувшийся Глагольцев-младший.

Сергей опрокинул в себя стопку водки и блаженно вздохнул, когда теплая волна прокатилась по телу. Подумал немного, смастерил на закуску бутерброд с имитацией черной икры и налил еще. Вторая стопка почти примирила его с жизнью, третья — окончательно настроила на благодушный лад. «Ничего, проживем как-нибудь», — решил он и поставил водку в холодильник.

Сразу шевельнулось беспокойство. Глагольцев убрал со стола, загрузил посудомойку, но зуд усиливался. Не слишком огорченный таким поворотом событий, Сергей вновь вынул водку и стопку...

Когда жена вернулась на кухню, в бутылке оставалась едва ли четверть.

— Сереж, я все понимаю, но должны быть какие-то пределы, — уперла Оксана руки в бока.

— Ты это ему скажи, — посоветовал Глагольцев заплетающимся голосом, постучав пальцем по голове. Женщина бросила на мужа выразительный взгляд и молча вернула бутылку в холодильник. Потянулась налить себе чай, а когда повернулась — супруг трясущимися руками открывал дверцу холодильника.

— Да что же это такое! — бросила она рассерженно, отнимая водку. — Иди-ка ты спать!

— Ксана, я не могу, — жалобно сказал муж, — понимаешь, я ведь уже начал эту бутылку! Ох... — Судороги били его все сильнее. Оксана попятилась.

— Тебе надо к врачу...

— Не надо! Просто отда-ай! О-оу-у!..

Жена помотала головой, пряча водку за спиной. Трясущийся Сергей попытался поймать Оксанину руку, она оттолкнула — и получила удар. В следующую секунду Глагольцев сам упал, забился в ногах ошеломленной жены, подвывая, и глаза его были затянуты страданием, а руки тянулись к ней, словно прося пощады... Выйдя из ступора, Оксана сунула ему бутылку — но Сергей не смог ее даже удержать. Женщине пришлось самой же поднести водку к его рту: зубы застучали о стекло, и судороги стихли. Бутылка опустела, муж замер на полу грудой тряпья — и окончательно шокированная подруга жизни убежала в спальню, захлопнув за собой дверь.

Следующие несколько дней они практически не виделись. Глагольцев уходил рано, а возвращался иногда за полночь. Во время работы Сергей то сам ужасался, сколько раньше бросал, едва начав; то злился, что не стирал своевременно файлы; то испытывал садомазохистское удовлетворение, рассылая ответы на мессиджи двух-трехмесячной давности и видя, как пустеют зачищаемые архивы. Коллеги сначала переспрашивали озадаченно, потом перестали. Несколько раз местные остряки заказывали по «Денкель Офис-радио» музыку с посвящениями типа «Сотруднику отдела сбыта, который неожиданно вспомнил, зачем ходят на работу». Талгат сочувственно подмигивал. Пруст иногда приходил ободряюще хлопнуть по плечу. Во время обеденного перерыва Сергей непременно заказывал на дом бутылку водки в 250 мл; ночью открывал квартиру своим ключом, в качестве ужина выпивал водку и намертво засыпал. День ото дня он выглядел все изможденнее, словно за сутки старился на несколько лет. Когда от Глагольцева посыпались в локалку служебные записки о внесении коррективов в принятые полгода назад планы, и ежевечерние планерки стали чудовищно затягиваться из-за его требований пересмотреть совместно взятые обязательства — тут поблекла даже прустовская улыбка...

Апогей настал, когда в один из вечеров намеченный к разборке архив окончился раньше обычного, и Сергей решил сде-

дать жене приятный сюрприз. Обменяв в банкомате несколько бонусов на универсальные единицы, служащий Корпорации Денкель отправился в торговый центр сети «Ультра».

Район был незнакомый. Встречные смотрели кто с недоумением, кто с подчеркнутым безразличием — бело-голубая униформа Денкель неуместным одиноким пятном выделялась среди ярких расцветок других Корпораций. Войдя в «Ультру», Глагольцев решительно ухватил тележку и покатил в продуктовые ряды. Менеджер с охранником подошли к нему у стеллажей с печеньями.

— Извините, но торговая сеть «Ультра» не работает с бонусами Корпорации Денкель.

Глагольцев, исследуя взглядом полки, помахал банкнотами универсальных единиц. Ага, вон там «Фрутти земляничное». Он взял целую упаковку и направил тележку к кассам.

— Я вижу, вы контрактник и можете не знать об этом, но «Ультра» вообще не обслуживает Корпорацию Денкель, — с вежливым презрением сообщил, не отставая, темнокожий менеджер.

— Поэтому верну-ка я, парень, это на место... — с развязными нотками вступил охранник, вынимая печенье из тележки. Глагольцев, стараясь сохранять спокойствие, выдернул упаковку из рук охранника и положил обратно.

— Да ты, Пузырь, еще и наглый! — изумленно воскликнул охранник, хватая Сергея за рукав. Глагольцев остановился и негромко сказал:

— А вот это уже может быть квалифицировано как необоснованное посягательство на свободу человека. Я пришел обслуживаться на универсальные единицы и не обязан выполнять законы вашей Корпорации, так же как вы не можете оперировать законами моей Корпорации. У вас есть право подать на меня жалобу в Корпорацию Денкель, но не отказывать в обслуживании. Если вы не дадите мне сделать покупку — я подам иск в Межкорпоративный суд по правам человека. И даже если в итоге окажусь не прав — будьте уверены, репутацию вам подпорчу изрядно. Хотите неприятностей из-за того, что какой-то тип намерен купить пачку печенья?..

Охранник с менеджером переглянулись. Первый неохотно выпустил Глагольцева, а второй холодно произнес:

— Каждый из нас выполняет свои обязанности. Ничего личного.

На выходе охранник нагнал Сергея и прошипел:

— Только не думай, что сможешь повторить этот номер, Пузырь. Вот тебе для доходчивости... — И профессиональной подсечкой отправил на улицу вперед головой. С хохотом выкрикнул распластавшемуся на мостовой Глагольцеву: — Заметь, в обслуживании я тебе не отказал! Придешь еще — обслужи еще!..

Под смешки прохожих парень встал, подобрал изломанную упаковку печенья и побрел прочь.

Через пару кварталов от «Ультры» Сергей связался с гаражом Корпорации Денкель и попросил прислать машину. Присел на скамейку — и услышал ироническое:

— Похоже, Мыльные Пузыри даже собственную чистоту обеспечить не могут?

Красно-желто-коричневая униформа прохожего означала недружественную Корпорацию. Глагольцев не стал подбирать изысканных оскорблений, а ответил согласно внутреннему ощущению:

— Фак ю, говно недопереваренное...

Прохожий надулся, придумывая ответ, но кулаки Сергея уже зудели под действием Финишера. И шагнувший к обидчику Глагольцев был этому даже рад.

Подъехавший через несколько минут водитель сначала просто отрывал Глагольцева от его жертвы; потом орал, что надо быстрее уезжать от тела («Скажи ему, что уже все! Все кончено!» — нервно повторял с комм водителя извещенный Пруст), но Сергей не давался, требуя найти упавшее «где-то здесь» печенье; потом машина неслась, торопясь успеть на территорию Корпорации Денкель до того, как настигнет чужая служба безопасности... В медкорпусе Глагольцев первым делом потребовал у знакомого врача воды и спирта, на глазок развел полученные 100 мл, выглотал и только после этого дал себя осмотреть. И все втолковывал обрабатывавшему ушибы врачу:

— Ты понимаешь, что наша цивилизация превращается в муравейник? Должен понимать, врачи ведь биологию учат... На весь лес — несколько сотен муравейников. У каждого — своя терри-то-рия. В каждом — своя матка, то есть гендиректор, своя служба безопасности, то есть муравьи-солдаты, и многие тысячи рабочих муравьев. Все внутри одного разряда взаимозаменяемы; все решения принимаются коллективно и никак иначе... Зачем это? Что, нашей планете не хватает муравьев, надо и людей по тому же принципу организо... вать?

— Заткнись, — чуть слышно шипел врач, делая страшные глаза. И громко добавил: — Господин Глагольцев, у вас шок. Я должен бы доложить в службу настроения, но как медработник знаю, что ваше состояние характеризуется бредовыми мыслями и депрессией. Спишем это на особенности протекания болезни. Завтра на работу можете не выходить, я напишу рапорт.

Наутро Глагольцев сидел в офисе, потому что архив для разборки был уже намечен, и позволять откладывать дело Финишер не собирался.

Подошедший Пруст ободряюще похлопал Сергея по ноющему плечу, подпустил в улыбку смущения, когда тот охнул, и ушел. Через несколько минут на личном канале объявился врач, окинул Глагольцева тяжелым взглядом, что-то пробормотал под нос и дал отбой. Ближе к обеду соединился снова, чтобы сообщить:

— Сейчас курьер доставит стимуляторы. Это тоже экспериментальная разработка от наших ученых, в комплекте с Финишером. Стимуляторы прошли не все тесты, но я считаю их использование на данный момент менее опасным для вас, чем неиспользование. В норме они позволят вам полноценно выспаться за три часа в сутки.

Глагольцев без вопросов начал пить стимуляторы, водку за ненадобностью перестал. С отдыхом стало проще. Теперь большую часть ночи Оксана спала, а Сергей укачивал тихонько ноющего Севку, по памяти надиктовывая в комм давно, казалось, забытые данные.

— Да ты герой! Продолжай в том же духе, и все получится, — увещевал Талгат, в выходной выбравшись все-таки к другу домой.

— Я герой? — хмыкал Сергей. — Да что бы я ни делал, они все в свою пользу поворачивают. Вот казалось бы — устроил драку, нужно наказать, оштрафовать хотя бы... А они мне бонусов добавили за лояльность: пострадал, защищая честь и репутацию Корпорации Денкель! И это даже не Пруст решает: видел бы ты его рожу, когда меня с места драки увозили!..

— Ничего — даст Бог, еще их переиграем, — говорил Талгат без особой уверенности.

— Никто не в силах переиграть Корпорацию. И не надо на Господа Бога надеяться: у него своя Корпорация — Вселенская Церковь. Столько подразделений, столько отчетов, планов по ведению работы с грешниками, формуляров и отчетов по каждой службе — ни одно всемогущество не справится... — саркастически замечал Глагольцев.

— Понимаю, тяжело тебе. Но главное, не я один это понимаю. Ваши, из отдела сбыта, все начальство рапортами засыпали — ты, дескать, ерундой занимаешься, а текучку забросил, им реально за тебя работать приходится. Да и в соседних отделах поговаривают, что твой видок заставляет вспомнить о смерти... Поэтому держись хоть как-нибудь. Осталось-то чуть. Даже если уволят тебя — ничего, в другую Корпорацию эмигрируешь, у меня знакомые есть, как-нибудь пристроим...

Исхудавший, со ввалившимися щеками и тусклыми глазами Сергей почти не вставал из-за своего стола. Как-то, начав смахивать крошки от обеденного сэндвича, он не остановился, пока не отдраил весь кабинет, на время уборки просто выкатив протестующих коллег прямо с рабочими креслами в коридор. Начальник отдела, связавшись с Прустом, велел всем не вмешиваться, что бы Глагольцев ни делал. Входящие вызовы на его служебный канал давно переадресовывались коллегам — вид Глагольцева, согласно многочисленным докладным запискам, «отрицательно сказывался на имидже Корпорации». Служебные исходящие от него автоматически резались специально установленным фильтром...

Перед окончанием контракта Сергей решил отработать пропущенную когда-то стажировку на основном производстве. Наблюдая за производством стирального порошка, он впервые за

последние несколько месяцев смог расслабиться. Почти вся работа выполнялась машинами, операторов — минимум, отпала постоянная надобность удерживать сводящую скулы улыбку... Порошок методично рассыпался по коробкам, жидкие моющие средства разливались в разномерные флаконы, а Глагольцев думал, сколько людей занимаются равно бурной и бесполезной деятельностью, чтобы иметь возможность урвать свой кусочек. И еще интересовало его, что же все-таки в этой суете делало обычные мыльные пузыри бриллиантовыми?

— Не в прок тебе образование, ламер, — ответил на эти размышления Талгат, — как раз за счет обрастания человеческой возней пузыри и превращаются в бриллианты. Это примерно как песчинка в улитке становится жемчужиной.

По окончании стажировки Глагольцев подал рапорт с просьбой о переводе на производство. В просьбе было отказано.

Улыбка Пруста сияла торжеством, каждую фразу менеджер распиная восклицаниями: на очередной планерке проводилась презентация Финишера.

— Итак, друзья, как все вы только что видели в приведенной статистике, эффективность Финишера для персонала нижнего звена полностью доказана! Поэтому в самое ближайшее время все вы обзаведетесь Финишером, который позволит нам еще лучше работать на благо и процветание нашей великолепной Корпорации Денкель! Когда я говорю «нам», я имею в виду не только вас, но и себя, — Финишер проходит испытания на менеджерах среднего звена, и уже со вчерашнего дня я сам могу служить примером его прекрасной работы! А пока давайте поблагодарим нашего коллегу Сергея Глагольцева, который был одним из первых экспериментаторов, и его результаты оказались блестящими! Руководство Корпорации Денкель награждает его премией и переводит в разряд постоянных служащих, а нам с вами остается только поаплодировать Сергею, ведь быть первым всегда нелегко! Вот он, наш герой!..

Губы аплодирующих Глагольцеву коллег были растянуты в улыбках, а из глаз смотрели злоба, растерянность и об-

реченность. Холодея, Глагольцев понял, что устами Пруста говорит сама Корпорация, и все попытки переиграть ее были напрасны.

«Если начальство обласкало тебя прилюдно, задумайся, не стоит ли считать это харрасментом?» — пришла в голову цитата из «Корпоративной Кама Сутры». Что есть, то есть — не смотря ни на что, отымели его по полной. Мозги любого служащего, от контрактника до менеджера, принадлежат Корпорации, которая использует их по своему усмотрению, и только телу зачем-то оставлено прайвеси...

Оттолкнувшись от этой идеи, Сергей за пару минут преодолел мысленное расстояние от морального харрасмента до физического.

Генрих Пруст споткнулся в аккурат на словах «Да, кстати, для сотрудников с Финишером рабочий день увеличивается до пятнадцати часов»: Сергей Глагольцев встал, подошел к нему, приспустил штаны и нагнулся. Улыбка менеджера по персоналу заметалась на лице, все теряя градус, потом впервые за многие годы уступила место оторопи, борьбе, наконец, отчаянию — и Пруст повернулся к Глагольцеву, нащупывая застёжку брюк.

Музыка русской Америки

Если Юл Бриннер приехал в Париж из Харбина с полной гитарой опиума, то Иван Долвич, образно выражаясь, привез из Москвы в Нью-Йорк полную балалайку музыкальных идей. В конце 80-х Иван основал на Брайтоне альтернатив-группу «Big Mistake!», которую одни критики называют «самой проамериканской», а другие «самой антиамериканской» группой в мире. Думается, обе стороны правы.

В любом случае — нравится вам агрессивный пафос «Big Mistake!» или вас тошнит от ее примитива и беспардонности — группа заслужила репутацию одной из самых уважаемых «альтернативных» команд. На этом фоне отсутствие «Big Mistake!» в коммерческих чартах не значит ничего. Их последний альбом «Bushshit» запрещен в большинстве штатов, но со всей Америки начинающие альтернатив-музыканты присылают свои демо-записи Ивану Долвичу.

Покидая Россию, бывший майор советского «спецназа» имел в багаже только сумку с одеждой, две бутылки водки и сувенирную балалайку, которую намеревался продать. Большинство известных майору английских слов происходили из «военного разговорника», остальные были нецензурными. Даже

«да» и «нет» в устах Ивана звучали мрачно и угрожающе. Неудивительно, что узкий лексикон, брутальная внешность и боевые навыки привели майора на должность вышибалы в одном из ночных клубов Брайтон-Бич. Иван быстро освоился в этой роли, проявив себя непревзойденным мастером запугивания. По словам хозяина заведения, «Иван заработал нам кучу денег, ведь в клубе стало очень тихо, и сюда пошла солидная публика». Что понимать под «солидной публикой» на Брайтон-Бич в 87—89-х годах, мы лучше умолчим. Так или иначе, Иван Долвич стал менеджером службы безопасности.

У майора была странная манера — на рассвете, когда клуб закрывался, Иван обычно поднимался на сцену. Огромный, похожий на медведя воин ходил между инструментами, разглядывал их, осторожно трогал. Внимательно и недобро глядел со сцены в зал («Это было страшновато — Долвич будто нарезал сектора обстрела», — вспоминает один из охранников). Иногда майор присаживался за синтезатор и барабаны, словно обживая места музыкантов. Он никогда не пробовал играть, вероятно, опасаясь насмешек. Сарказма в свой адрес майор не переносил. Считалось, что у него нет чувства юмора. Дальнейшие события показали, насколько это было ошибочное мнение.

Через год Иван пригласил в Америку своего племянника Игоря Долвича, тоже бывшего офицера Советской Армии. Дядя поклялся «присматривать» за Игорем после смерти брата. Об обстоятельствах гибели полковника Долвича Иван и Игорь предпочитают не говорить, упоминая только, что он получил посмертно Звезду Героя — высшую воинскую награду СССР. Игорь поселился на квартире дяди и, против ожиданий, не стал искать работу, а все время посвятил интенсивному изучению языка и погружению в американский образ жизни. Днями и ночами он исследовал Нью-Йорк, отдавая предпочтение самым неблагоприятным районам, принимая несколько путешествий по стране автостопом. Сейчас уже понятно, что это была разведка. Игорь искал живое подтверждение идеям дяди — и нашел его.

Потом Иван достал из чулана ту самую балалайку.

Иван в детстве окончил школу игры на баяне — большой русской гармонике. Найти баян на Брайтоне оказалось не-

сложно. Игорь знал с десяток гитарных аккордов и каким-то образом умудрился некоторые из них брать на балалайке. «А знакомые ребята навесили нам на это дело кучу электроники», — вспоминает Игорь. Надо сказать, в музыкальной карьере Долвичей особую роль играют «знакомые ребята», о чем бы ни заходила речь, начиная от поиска аппаратуры и заканчивая прогремевшей на полгорода дракой с ирландцами, случившейся после исполнения «Big Mistake!» их песни «Russian & Irish are Brothers in Arms» в День святого Патрика.

Третьим членом группы стал примитивный музыкальный процессор, позже замененный на полноценный компьютер. Конечно, сейчас концертный состав «Big Mistake!» шире, но русские «сессионные музыканты», как правило, никому не известны и скрываются за агрессивными прозвищами наподобие Миша-Подрывник или Таня-Разведчица. Также не стоит забывать, что «Big Mistake!» — бескомпромиссная «альтернатива», поэтому вряд ли может называться полноценным музыкантом какой-нибудь Дядя Мэтью-Диверсант, пусть даже он и ошарашил байкерский фестиваль в Аризоне своим соло на бензопиле.

Тех, кто готов брезгливо сморщить нос, утешим: «Big Mistake!» — это в первую очередь музыка и текст. Да, на уличном выступлении они запросто могут поручить басовую партию харлеевскому чопперу. Но это группа, которая способна сочинить песню на русском языке — и ее будут напевать тысячи простых американцев. Справедливости ради отметим, что «Usama Hui Sosama» — единственная русскоязычная композиция в репертуаре «Big Mistake!». «У нас нет ностальгии, — говорит Игорь Долвич. — Мы бежали из СССР, а попали в такой же СССР».

С осознания этой аналогии и началась история «Big Mistake!».

Дебютный альбом группы (тогда еще не имевшей названия) был создан и распространен партизанским методом, импортированным Иваном и Игорем из Советской России. Альбом просто записали на кассету и раздали копии «знакомым ребятам». Вы скажете, что в Америке так испокон века делали сотни начинающих, и ошибетесь. Долвичи поступи-

ли очень дальновидно, с самого начала позиционируя свои песни как «запрещенную музыку», которую в США нельзя играть и даже слушать. Это было понятно и привычно для русских эмигрантов, и обеспечило дебюту первоначальный интерес. А дальше все решили сами песни.

В музыкальном отношении ранние работы Долвичей — грамотно выверенная какофония, сквозь которую прорывается четкий мелодический рисунок. Это бешеная варварская песня древнерусских дикарей, отплясывающих ритуальный танец на телах поверженных мамонтов, причем некоторые мамонты еще живы и жалобно трубят. Мелодия очень проста, припев навязчив, как жвачка. Прослушав это один раз, вы захотите услышать вновь, чтобы понять, как же оно сделано, — и потом несколько дней не сможете от песни отвязаться.

Тексты Долвичей и по сей день своеобразные шедевры примитива, но они мгновенно запоминаются и безошибочно ударяют в болевые точки слушателей. «Не страдая ностальгией», Долвичи выбрали для своего дебюта тему «Ностальгии наоборот». Генеральная линия их первого альбома — «Куда же мы, черт возьми, попали!». Разглядев в повседневной американской жизни множество черт (вполне отвратительных), парадоксально роднящих США и СССР, музыканты ткнули слушателя в них носом и не прогадали. Они будут возвращаться к этой теме вновь и вновь — недаром «Big Mistake!», название их первого альбома, станет и названием группы.

Между прочим, хотя Иван теперь знает английский превосходно, он по-прежнему избегает серьезных разговоров с носителями языка, отделяясь короткими фразами.

Успех «Big Mistake!» как студийной группы стал поводом для серии концертов дуэта в брайтонских клубах, причем каждое выступление было обставлено будто сходка подпольщиков — и, естественно, на них рвались толпами. Последний концерт завершился визитом полиции с повальной проверкой документов (до сих пор есть сомнения, не организовали ли это сами Долвичи), и группа моментально приобрела культовый статус. О происшествии написали в газетах, и буквально весь Нью-Йорк всполошился — что же такое играют эти

русские медведи? Кассеты, передаваемые — бесплатно! — строго из-под полы, расползлись по городу и окрестностям. И тот, кто не выбросил эту муру в помойку, заболел «Big Mistake!» всерьез и надолго.

Это был триумф.

О самих тогдашних концертах Долвичи стараются говорить пореже. Играл дуэт безобразно. Недостаток мастерства компенсировался огромным количеством водки, выпиваемой как посетителями клуба, так и музыкантами. К тому же гости знали большинство песен наизусть, поэтому собственно ансамбля не было толком слышно. Но Долвичи глядели далеко вперед и сделали выводы. Они стали посещать специальные классы и к моменту выпуска нового альбома оказались достаточно тренированными, чтобы не было стыдно выходить на публику трезвыми.

Второй альбом, «Soldier of Misfortune», провалился так же уверенно, как разошелся первый. Единственная удача на нем — та самая «Russian & Irish are Brothers in Arms», стремительная «русская джига» с текстом про алкоголизм и имперские амбиции, едва не ставшая причиной массовых волнений в день общегородского праздника (полиция задержала больше ста человек). Сейчас ее крутят в ирландских пабах, но в 90-м году она воспринималась как оскорбление.

Фактически с «Soldier of Misfortune» Долвичи сами себе закрыли дорогу в разряд коммерчески успешных групп (к ним уже присматривался один серьезный лейбл). В те дни от «Big Mistake!» ждали нового остросоциального альбома, заводного и едкого, а получили набор жалоб на превратности судьбы и горькую долю современного мужчины, которого никто не любит. «Иван тогда пережил личную драму, — вспоминает Игорь, — и хотел поделиться своими ощущениями. Я возражал, но он не слушал. И правильно. А то нас бы купили, и стали бы мы как все эти придурки, которые шумно клеймят Белый дом, а сами пухнут от денег и ездят на «феррари». Хотя насчет «феррари» я загнул. Нам сколько ни заплати, мы будем ездить на старом добром железе из Детройта».

За исключением нашумевшей «русско-ирландской» песни, «Soldier of Misfortune» — неожиданно спокойный для «Big

Mistake!», грустный и лиричный альбом. Заглавная композиция — самый настоящий вальс, хотя и камуфлированный надрывными «запилами» электробалалайки.

Это оказалось неинтересно.

Но тут, как нарочно, мир начал сходиться с ума, и «Big Mistake!» повернулась к слушателю той стороной, за которую группа и по сей день где-то предана анафеме, а где-то считается Истинным Голосом Америки.

Долвичи выпустили наружу ту самую «загадочную русскую душу», которая оказалась на поверку сугубо американским бессознательным, оформленным в слово и дело. Первым таким прорывом стала песня, зовущая на войну.

Сингл «Fuck Iraq!» безуспешно пытались ставить в эфир ди-джеи провинциальных радиостанций. Доходило до увольнений. ФБР конфисковало сотни копий песни, признанной разжигающей расовую ненависть. «Fuck Iraq!» буквально расколола Америку надвое. Раскол оказался тихим — такие силы были брошены на то, чтобы его замять. Он малоизучен по сей день, но он — был, четко оформленный раскол между гламурной «столичной» Америкой и штатами бесконечных дорог, фермерских хозяйств, ковбойских сапог, «десятигаллонных» шляп. Бывшие солдаты Долвичи расковыряли старую рану, местоположение которой хорошо знали. Они и дальше будут заниматься тем же — вскрывать болячки во всех доступных областях.

Сами Долвичи на вопрос «Почему вы написали «Fuck Iraq!»?» отвечали просто: «Мы знаем этого урода Саддама», и от дальнейших комментариев отказывались наотрез.

Много позже их ремикс «Fuck Iraq! 2003» уже не расколет страну, а сплотит ее. Но его снова нельзя будет поставить в эфир.

Вслед за «Fuck Iraq!», вскоре по окончании войны, Долвичи ужалят Америку в самое сердце композицией «Name's Doe. John Doe» — выворачивающим душу гимном неизвестному солдату.

К «Big Mistake!» пришло то признание, которого Долвичи хотели, — они стали «народной группой». Их ждали в маленьких городках по всей Америке, и они дали большой концерт-

ный тур. Именно в тот период сформировался костяк выездного состава «Big Mistake!» — все те Миши, Тани и бесподобный Дядя Мэтью-Диверсант, которых принимали как родных что в беспроблемной Калифорнии, что в самодостаточном Техасе. Финансовое положение группы не поправилось, ведь раздувание состава съело все дополнительные доходы. Но зато, как вспоминает Игорь, «...это было дико весело, и потом, чувствуешь себя уверенней, зная, что в случае эксцессов Дядя Мэт прикроет отступление со своей бензопилой».

В зависимости от региона «Big Mistake!» играла три концертные программы, репертуар которых пересекался процентов на пятьдесят. «Испаноязычные» штаты восприняли на ура мегамикс «Los Ichos de Las Putas». Иначе как циничным издевательством над испанским языком (и глумлением над испанскими популярными песнями) его не назовешь. По слухам, запись затребовал себе Фидель Кастро. Команданте сказал, что «мерзавцев надо кастрировать», а вот кубинские эмигранты проявили должную самоиронию. «Да, мы не знали испанского, — говорит Игорь. — Но публика отлично поняла, о чем мы поем, и это главное». Для соотечественников Долвичи исполняли блок «Kalinka for Marinka», позже оформленный в отдельный концерт «Brighton Bitch». И что бы там ни говорили о взрывчатом характере латиносов и флегматичности русских, но как раз из-за «Brighton Bitch» в залах до сих пор вспыхивают драки. Основная концертная программа группы называлась «Big Mistake! Dead or Alive».

Прокатившись по Штатам, Долвичи ненадолго исчезли. Это еще одна характерная черта группы — время от времени дядя и племянник уезжают на три-четыре месяца, возвращаются загорелыми и при деньгах и садятся за музыку. Насчет их отлучек были намеки, что оба отставных офицера все еще в отличной форме, а «советский спецназ» — марка качества у наемников, и Долвичи иногда выполняют деликатные поручения «знакомых ребят». Проверить эти слухи невозможно, но они придают дополнительный колорит имиджу «Big Mistake!».

Итак, в начале 90-х «Big Mistake!» четко определяет генеральную линию своего творчества — говорить всю правду без

обиняков, — и больше уже не сворачивает с нее. Если проанализировать тексты, получается, что Долвичам и «Big Mistake!» не нравится решительно все.

Но особенно не нравится то, о чем вы еще и задуматься не успели! Такое, мягко говоря, резкое неприятие действительности обеспечило «Big Mistake!» устойчивую популярность. Отвергать и оплевывать реалии сегодняшнего дня — это очень по-русски, почитайте хотя бы Достоевского, — но это еще и очень по-американски. «Big Mistake!» стала оплотом американского консерватизма самого махрового толка. Долвичи не разменивались на общие места. Нет, они сами задавали тон! Их издевка никогда не лежала в «общеамериканском» русле. Пока все хихикали над адвокатами и врачами, обсуждали Моника Левински и О'Джей Симпсона, «Big Mistake!» защищали свое любимое «железо из Детройта», нещадно ругая слияние «Крайслера» с «Даймлером». Они крыли последними словами виагру и рекламные технологии. Альбом «Advertising Ace» обернулся для них судебным иском от журнала рекламщиков «Advertising Ace». Резкий выпад против голливудского киностандарта оказался до того неожиданным и справедливым, что киномагнаты только руками развели. Досталось «Макдоналдсу» и CNN, компьютерщикам и интернет-провайдерам. А еще фашистам, гомосексуалистам, пацифистам, антиглобалистам... Похоже, для «Big Mistake!» они все на одно лицо. Долвичи умудрились врезать даже по кантри-музыке, и, кроме нескольких раздраженных реплик в ответ, им ничего за это не было!

Элементы перформанса в клубных и уличных выступлениях «Big Mistake!» временами принимали откровенно хулиганские формы. Запомнился случай, когда Иван вдребезги разбил кувалдой бетонную глыбу с грубо намалеванным на ней портретом президента Клинтона. На программе «Escape from viagra factory» по Брайтону рассыпали целый грузовик презервативов, разгружая их через борт вилами. Но подлинный фурор произвело дебютное исполнение песни «Pop Pop Music». Отыграв номер, группа закидала слушателей гнилыми помидорами и тухлыми яйцами.

«Хохот и визг стояли такой, — вспоминает Игорь, — что приехали копы. Они всегда болтаются поблизости, когда мы даем концерт. Ну, на них тоже помидоров хватило!»

События в России «Big Mistake!» традиционнo игнорировали, но в 2000 году вдруг разразилась песней «Who the hell is Mr. Putin?!», которую, по слухам, русские пограничники отбирали у приезжающих в страну, и на родине Долвичей и мистера Путина она практически неизвестна.

Очень показательно отношение «Big Mistake!» к трагедии «двух башен». Первой реакцией была песня «Stop this Boeing, I'm getting out!», жестко (если не жестоко) критикующая действующую администрацию. Но буквально через несколько дней по всей Америке разнеслась блистательная «Usama Hui Sosama», для которой так и не удалось создать полностью аутентичный перевод. И наконец, «Fuck Iraq! 2003». Можно принимать или не принимать творческий метод «Big Mistake!», отрицать напроць их идеологию, но согласитесь, это честная, искренняя группа.

Увы, трудно сказать что-то определенное об альбоме «Bushshit». В принципе это очень характерный для «Big Mistake!» материал. Но истерия вокруг альбома в значительной степени подогревалась тем, что он был приурочен к последней выбранной кампании. Саунд группы стал заметно мягче, тексты, как обычно, резче некуда. Первое навлекло на «Big Mistake!» обвинения в сдаче позиций и недостаточной «альтернативности», второе привело к запрету альбома почти по всей Америке и, конечно, добавило ему сторонников. Думается, эта работа еще ждет отдельного исследования, когда поулягутся страсти. Ведь хотя Буш и победил, «Bushshit» (и альбом, и концепция) не теряет актуальности.

Отчастистораживает и недавний сборник клубных ремиксов «The Biggest Mistake!». Конечно, трудно представить, что в стране найдется много площадок, где это рискнут крутить. Но сам факт появления такого альбома странен. То ли это очередной нахальный эксперимент, то ли первый звонок к грядущему переходу группы на коммерческие рельсы и неминувому ее «окультуриванию».

«Big Mistake!» довольно много концертируют и сейчас. Они желанные гости на разнообразных байк-шоу, съездах Национальной Стрелковой Ассоциации и мероприятиях

Народной Милиции штата Монтана. Их даже якобы видели в Нэшвилле, хотя что они там делали, остается загадкой. В музыке «Big Mistake!» можно найти элементы кантри-стиля, но считается, что давняя песня «Nashville Mafia» поссорила их с тамошней братией навсегда.

Долвичи по-прежнему работают в Нью-Йорке, на Брайтоне. Они собирались посетить Россию, но посольство отказало им в визе. «Я уверен, что наши знакомые ребята прояснят эту ситуацию, — говорит Игорь. — Если нас не пускают на родину из-за «Who the hell is Mr. Putin?!», то мы готовы написать песню, содержащую ответ на этот вопрос!»

По словам Игоря Долвича, песня будет называться «Durak Durak». Что это значит, он не пояснил.

(перевод с английского, 2005 г.)

«BIG MISTAKE!» DISCOGRAPHY

Big Mistake!
Soldier of Misfortune
Fuck Iraq! (single)
Name's Doe. John Doe. (single)
Los Ichos de las Putas — Havana Club Live
Big Mistake! — Dead or Alive
Advertising Ace
Hole Wood
Escape from viagra factory
Pop Pop Music (single)
Daimler, Chrysler... and shit!
Who the hell is Mr. Putin?! (single)
Stop this Boeing, I'm getting out! (single)
Usama Hui Sosama (single)
Fuck Iraq! 2003 (single remix)
Bushshit
The Biggest Mistake! Club Remixes Album

ЕСЛИ НЕ ЗВАЛИ

— ...и неоднократно подтверждено: если у человека чего-то нет в сознании, то он это и не воспринимает, не видит, понимаете? И поэтому мы осознанно видим, слышим, чувствуем гораздо меньше, чем наш мозг воспринимает на самом деле, реально. Знаете, что такое «воронка Шеррингтона»?

Он отрицательно качнул головой. Каждое слово колдуна звучало как откровение.

— Это такое образование в нашем мозге, которое первично фильтрует все сигналы от рецепторов тела. Девяносто процентов отбрасывает как неинформативные, а остальные сигналы укрупняет, объединяет, обрабатывает по сформированным схемам и таким фонтаном предъявляет бессознательному — и уже оттуда они частично, по принципу наибольшей важности, и проявляются в сознании. Поэтому люди осознанно видят именно ту реальность, которая сложилась в их сознании...

— ...хотя реальность гораздо шире и глубже, — закончил он.

Колдун кивнул:

— Можно сказать и так. Осознай неподготовленный человек все и сразу — и он готовый пациент для психбольницы. Просто сойдет с ума.

— А вы? Мне говорили, что вы...

— Да, — прервал его колдун. — Но я погружался постепенно; знаете, как заходят в холодную воду? Я погружался в продолжение чуть ли не двух десятков лет и ненадолго. — Колдун скупно улыбнулся. — Зато теперь могу видеть то, чего не видят другие, и помогать другим, как зрячий помогает слепцам.

— Потому я и пришел к вам, — сказал он. — Я слышал, вы можете на миг сделать слепца зрячим.

— Могу, — не сразу отозвался колдун. — Не то чтобы слепец в полной мере обретет зрение, но кое-что разглядеть сможет. — Он поднял палец. — Повторяю, лишь кое-что — и очень недолго. Только стоять такая услуга будет недешево.

— Для меня деньги не проблема, — быстро сказал он. — Мне их девать некуда, потому что мне ничего не надо... Только бы взглянуть... Увидеть Париж — и умереть. Знаете, всякие там мечты идиота...

— Знаю. — Колдун усмехнулся. — А действительно ли хорошо, когда мечта сбывается?

— А хорошо ли не дожить до воплощения мечты? — возразил он.

Это случилось внезапно, вдруг, как и говорил колдун. За окном сгущались сумерки, он сидел на диване под настенным светильником, рассеянно скользя взглядом по строчкам взятой наугад с полки книги, — делать ничего не хотелось, он был как натянутая струна... Не произошло ни малейшего движения, не раздалось ни единого звука, не стало теплее или холоднее — но все вокруг мгновенно преобразилось, словно его комната до этого неуловимого мига была всего лишь каркасом, схемой, скелетом, не более, а теперь скелет оброс плотью.

Он замер на диване, и книга выпала у него из рук. Он не узнавал свою комнату. Зловеще мерцали под затянутым каким-то туманом потолком багровые огни, подобные глазам чудовища... Телевизор превратился в бесформенное черное пятно... нет, в черный тоннель, в глубине которого шевелились бледные медузообразные сгустки... Часть стены под

книжной полкой ходила волнами, и проступали на ней неведомые слабо светящиеся знаки. Серые тени ползали по ковру, спиралями завивались вокруг ножек стола. Лиловым светом разгоралось окно, и листва деревьев за окном, июньская листва, обернулась тысячами мохнатых шевелящихся лап. И доносились отовсюду тяжелые вздохи, и то и дело раздавался тонкий-тонкий свист...

Он повернул голову к двери, ведущей в прихожую, — и задохнулся, и сердце его превратилось в готовую вот-вот взорваться гранату. Удвери, в полуметре от пола, парила почти прозрачная женская фигура. Вместо фотопортрета на стене, на котором запечатлено только лицо, — женская фигура. Мама... Мама, умершая за сотни километров отсюда много лет назад... И чья-то темная тень в углу, сгусток мрака, кто-то приземистый, истекающий злобой...

Мама... Он чувствовал, как горячими толчками бьется в виски взбесившаяся кровь. Значит, мама всегда здесь, рядом?..

— Да, мы всегда рядом. — Чей-то бесцветный голос, казалось, прозвучал прямо в его голове. — По-другому и не может быть...

Он резко обернулся. В только что пустовавшем кресле у окна сидел человек... или не человек? Нечто туманное, подобное облачку, — и проступало из тумана лицо.

Он узнал свое собственное лицо...

Он хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова — губы его словно смерзлись, склеились и совершенно не слушались его.

— Мы пытаемся общаться с тобой, — продолжало нечто с его лицом, — но ты нас не слышишь. Только иногда, во сне, — да и то забываешь при пробуждении... Людям свойственно забывать...

И он вспомнил. Ключья... обрывки... тени теней... Нечто эфемерное, ускользающее, растворяющееся — стоило только проснуться... Да, оставались какие-то следы, что-то слегка царапало душу... Невесомый осадок... Запотевшее стекло... И исчезало в безжалостном утреннем свете.

— Да... — наконец-то сумел выдавить он из себя. — Помню...

Какое-то движение возникло в воздухе под люстрой — заструилось там что-то серое, клубящееся, потянулось к окну — и окружающее в один-единственный неуловимый миг вернулось в обычное состояние. Словно выключили свет.

Он сидел на знакомом диване в знакомой до мелочей комнате — и на полу у его ног лежала книга. «Воронка Шеррингтона» вновь работала — все обрело привычные черты...

— ...еще раз, пожалуйста... Прошу вас!

— Нет, — коротко и жестко сказал колдун.

— Но почему? Я заплачу... Называйте любую сумму!

— Нет, — непреклонно повторил колдун. — Деньги здесь ни при чем. В каждом деле есть свои законы, которые нельзя нарушать.

— Поймите, я страшно одинок. — Он умоляюще прижал руки к груди. — Я хочу общаться с ними.

— Лучше общайтесь с людьми, — посоветовал колдун, аккуратно стряхивая в пепельницу пепел с кончика длинной тонкой сигареты.

— Я не желаю общаться с людьми, — глухо процедил он.

Колдун развел руками:

— Ничем не могу помочь. — Он струей выпустил дым в потолок и добавил: — Попробуйте все-таки... с людьми.

Теплая вода ласкала тело, ванна была полна почти до краев, дверь нараспашку — и бритва в руке.

«Скоро я буду с вами...»

Вода медленно окрашивалась в красный цвет. Нет, это отнюдь не запрещающий сигнал светофора — это сигнал скорого преобразования и приобщения к тем, иным, что всегда незримо находятся рядом...

Ему было приятно и легко. Кружилась голова, и чуть-чуть шумело в ушах.

Близился миг перехода...

...Темнота... Темнота... Неподвижная вечная темнота, в которой никогда не сможет зародиться ни единого проблеска. В этой темноте невозможно ничего... Ничего и никогда...

Он не предполагал, а совершенно точно знал каким-то новым запредельным знанием, что обречен без движения пребывать в этой страшной темноте до скончания всех веков — без надежды на хоть какие-нибудь перемены. Навсегда — в темноте. И в бесконечном одиночестве.

И чудился ему иногда еле слышный шепот, просачивающийся сквозь застывшую плоть темноты небытия. Невнятный шепот иных, которых он никогда не увидит:

«Мы тебя не звали... Не звали...»

И он бессилён был хоть что-то изменить.

И не было надежды.

«Не звали...»

УЧАСТЬ КОБЕЛЯ

— Вот оно, логово, — сказала Марфа.

Строение и вправду сохранилось лучше прочих. Подумать, всего-то двенадцать лет, как объект покинули, а кажется, будто люди отсутствовали тут целый век.

— Точно? Чуешь машинное масло? — улыбнулась Василиса. Это была их традиционная шуточка «на удачу». Марфе полагалось презрительно фыркнуть в ответ и ответить...

— Да здесь маслом все насквозь пропиталось. — Марфа брезгливо поморщилась. В ответ поморщилась и Василиса: не стоило бы нарушать ритуал. Марфа спохватилась: — Только пустоголовые считают, что андроиды — машины. Аммиак чую. Аммиак.

— Ты уверена, что это не удобрения, собачка? — машинально проговорила Василиса, внутренне собираясь и настраиваясь на действие.

Однажды они несколько часов кряду обшаривали огромные, заросшие жуткими колючками ангары, пока Василисе не пришло в голову прочитать, что написано на обрывке мешка. Обрывки валялись повсюду. Это был их первый и пока единственный прокол.

— А то! — Марфа поднялась на задние лапы, обнюхала панель замка и после секундного раздумья, пробормотав: «Так-так-так, говорит пулеметчик, так-так-так, говорит пулемет», — уверенно отстучала носом некий ритм. Диод на пульте засветился. — Вот и не заперто больше. Входим?

— Запросто, — сказала Василиса, опуская забрало. — Во имя человека и зверя и всякой божьей твари...

— Аллилуйя! — пролаяла Марфа и метнулась вперед.

Логово покинули недавно и весьма спешно. Останки толстяка в «разделочном цехе» были совсем еще теплыми, даже кровь не начала свертываться. Василиса смотрела на то, что осталось от человеческого лица, и взалхлеб материлась. Выглядело это, надо полагать, диковато. Стоящая столбом мосластая девица в камуфляже — короткие волосы всклокочены, в опущенной руке шлем, в другой страшная «Ангара» с сорока-миллиметровым подствольником — изрыгает жуткую брань, неотрывно глядя на изрезанного в лоскуты мертвеца.

Хорошо, что девчонки не видят. Стыдоба.

Марфа хладнокровно изучала помещение. Вот уж кто никогда не сорвется. Она оставалась хладнокровной даже тогда, когда они вскрыли подземный гараж, с легкой руки Лелика Кокорина окрещенный позже «Детским приютом». Василиса разбила рыло Кокорину прямо в редакции. Чтобы оплатить зубные протезы и косметический ремонт щекастого Леликова фасада, ей пришлось продать новенький «Сапсан». Повторись подобная ситуация снова, она переломала бы ему все, что могла. Гоголь-моголь из мошонки взбила б! Может, тогда и бросил бы писать, оставил сумасшедшую идею, будто андроиды гуманнее любого из людей, что необходимо всего-навсего понять их.

И не валялся бы здесь, распотрошенный точно бройлерный цыпленок.

Нет. Ничто бы его не остановило. «Золотое перо». «Журналист божьей милостью»... Кретин жирный!

— Здесь терминал, — пролаяла Марфа. — Целехонький.

Василиса накрыла труп Лелика расписанной виноградными кистями клеенкой (андроиды питали необъяснимую

тягу к кухонной клеенке и покрывали ею в своих убежищах все, что только могли) и двинулась к напарнице.

Терминал поражал воображение. Мощная графическая станция, отличный голодисплей, устройство ввода с виртуальным интерфейсом. Ящики системы охлаждения, увешенные ячеистыми радиаторами, вентиляторами, толстыми гофрированными шлангами. И ничего нового в базах данных. Как всегда. Как обычно. Атлас «Анатомия человека», самое последнее издание. «Философия. От античности до наших дней». «Библиотека классической трагедии» и тому подобное.

Василиса тщательно примерилась и с маху двинула прикладом в самое нутро дисплея. Опалесцирующий куб мигом погас. «А смысл? — спросила она себя. — Да никакого. Просто душу отвести». Впрочем, хотелось не бить, а стрелять. Нажать спусковой крючок, ощутить толчки отдачи, услышать ни на что не похожий клекот «Ангары»...

Василиса села на пол, спиной привалилась к стене. У нее вдруг страшно начал зудеть недавно приращенный (даже ноготь еще толком не отвердел) палец. Будто в насмешку — правый указательный. Она сунула палец в рот, почесала о зубы. Марфа остановилась поодаль и смотрела на нее, точно чего-то ожидая.

— Они изучили человека досконально. Для чего эти зверства? Скажи мне, собака? Вот ты тоже результат лабораторного производства. Ты хочешь посмотреть, что у меня внутри?

— Я отлично вижу, что у тебя внутри.

— Вредное животное! Я не об этом!

— Ты, самая независимая в мире амазонка, спрашиваешь совета у искусственно измененного существа? У овчарки с разумом семилетнего ребенка? У собачки, отзывающейся на свист?

— Сомневаюсь, чтобы семилетние малыши были способны на подобную язвительность.

— И тем не менее...

— Да, черт тебя раздери! Да! Спрашиваю!

— Изволь. Если бы у тебя были собственные дети...

— Мы уговорились не затрагивать...

Марфа ощерилась:

— Слушай ответ! Так вот, если бы у тебя были собственные дети, ты бы знала, что, сколько им ни рассказывай о внутреннем строении жучков и червячков, они все равно будут тайком расковыривать разных букашек, чтобы проверить, есть ли внутри скелетик. Какого цвета кровь? Сколько времени муха способна бегать без крылышек и летать без ножек? Им не слишком-то важно, что говорят взрослые. Они хотят сами!

— Андроиды — не дети. Они в каком-то смысле взрослей любого человеческого мудреца. — Василиса вдруг поймала себя на том, что говорит абсолютно по-кокорински, и замолчала.

— Да ведь и то, что лежит вон под той клеенкой, не таракашек.

— Ну и что они ищут? Какой, мать их, «скелетик»?

— Думаю, то, чего нет у них самих.

— Душу, что ли? — тоскливо спросила Василиса.

— Как вариант. — Марфа покачала башкой. — Как основной вариант.

— Блин! — сказала с бешенством Василиса. — Сопли, сплошные сопли. Не ожидала от тебя.

Она зажмурилась.

Марфа, еще до того, как ее подвергли модификации, провела полтора года, охраняя ясли. Василисе иногда казалось, что псина понимала людей гораздо лучше, чем она сама. Ну а уж андроидов-то — точно.

— Считаешь, они еще вернутся?

Марфа только тяжело вздохнула. Вопрос был риторическим. Василиса-амазонка и ее собака воплощали для андроидов само понятие смерти. Может быть, больше, чем все остальные истребительные службы, вместе взятые.

— Ладно, уходим. — Василиса принялась настраивать таймер катализатора. Пять килограммов «розового масла» за какой-нибудь час превратят логово в озерцо вспененной грязи. Через неделю в нее сползутся все окрестные черви, навозные жуки и прочая живность, а к осени будет готов превосходный чернозем. Несколько сотен квадратов плодороднейшей почвы. Заготовка для золотого сада. Только вот люди поблизости не живут. Жаль. Все зарастет дрянью.

Почему дрянь так живуча? Почему?

Звук послышался, когда Василиса приготовилась вскрыть мешок с «маслом». Кто-то там был, за холодильными камерами.

Конечности парня были скованы крест-накрест, рука с ногой, а в рот засунут теннисный мяч. Извлечь его целиком не представлялось ни малейшего шанса. Василиса осторожно потрошила мяч ножом и выковыривала ошметки не прекращающим чесаться пальцем. Зато с наручниками возиться не пришлось. Керопластовые челюсти Марфы способны успешно решать и более сложные задачи.

Потом Василиса жестко, без малейшей бережности, разминала парню затекшие мышцы, а Марфа рыскала по логову в поисках каких-нибудь медикаментов. Тратить на найденыша медпакет напарницы сочли излишеством. Нашелся бинт в упаковке, початая настойка валерианы да термометр. Василиса смешала валерьянку с водой и спиртом из заветной фляжки, тонкой струйкой влила парню в рот. Температура у него оказалась в норме. Да и вообще — проблем со здоровьем явно не наблюдалось. Молодой, поджарый. На «разделке» часов пять протянул бы.

А сколько протянул Лелик?

Довольно скоро бывший пленник смог подняться на ноги и что-то пробормотать.

— Еще раз?! — прикрикнула Василиса. Нежданная обуза ее вовсе не радовала.

— Курить просит, — сообщила Марфа. — Имя лучше свое скажи, дядька.

— Вик-тор, — выдавил «дядька». — Ку-рить дай-те.

— Перебьешься, — сказала Василиса.

— Нету у нас, — добавила Марфа миролюбиво. — Мы физкультурницы.

— Идти сможешь?

Виктор неуверенно кивнул.

— Тогда пойдем.

— «Пойдем со мною, бежим со мною, летим со мной, летим! Рискини, приятель, пусть ворон каркал, черт с ним!» — провила Марфа и широко оскалилась, ожидая похвалы.

— Вот именно. Рискни, Витя. — Василиса запустила таймер.

Виктор оказался на удивление крепким парнем. К исходу первого часа он окончательно расшевелился и теперь мерно вышагивал, ничуть не отставая. Даже едва ли не насвистывал. Василиса скормила ему уже вторую шоколадку и подумывала теперь отправить Марфу на охоту. Еды для троих могло просто не хватить. Аппетит за время плена у парня отнюдь не пострадал.

— А почему пешком? — спросил он вдруг.

Василиса ухмыльнулась.

— Как ты попался?

— На рыбалке. Во сне скрутили.

— Ты рыболов-спортсмен? — проявила живейший интерес Марфа.

— Скорее браконьер. Хариуса промышлял. Оттого и забрался в глушь. Не хотел попасться рыбинспекции. Так почему вы не на транспорте?

— Ты ловишь рыбу, мы — андроидов. Если не ошибаюсь, хариус — очень осторожная рыба?

— Понял, — сказал Виктор. Помялся в нерешительности и наконец спросил: — А вы, наверное, и есть знаменитые Дикая Амазонка с Бурой Сукой? Я читал про вас. Круто!

Редкой все же сволочью был покойничек Кокорин! Василиса положила руку Виктору на плечо, остановила и почти без замаха ткнула кулаком в живот. Виктор, сдавленно охнув, осел.

— Ее зовут Марфа, — отчеканила Дикая Амазонка. — Меня — Василиса. А ты с этого момента и до тех пор, пока я не отменю распоряжение, получаешь партийную кличку Герасим.

— Это тургеневский персонаж, — оскалилась во всю пасть Марфа. — Глухонемой от рождения.

— Три минуты тебе на отдышку и оправку, — сказала Василиса. — Уложись в них.

На ужин пришлось размочить аж четыре пакета гречки с мясом. А хлеба какая прорва ухнула? Это ж авария полная! В

спальник Василиса забралась сердитой, как мегера. И, само собой, долго не могла заснуть. А когда наконец задремала, Виктору приспичило поболтать с Марфой. По душам. Разбужили, понятно. Василиса совсем было собралась рывкнуться на них через три колена — заступать на утреннюю стражу не выпавшейся больно уж хреново, — но уловленный обрывок вопроса почему-то ее заинтересовал. Неужели потому что ее в первую очередь заинтересовал этот... браконьер? Да нет, фигня, сказала она себе.

И навестила ушки.

Голос собаки, пытающейся говорить шепотом, звучит странно. Если не выразиться сильнее. Мурашки по коже. Василиса-то до сих пор не вполне привыкла, а каково Виктору? Крепкие у парня нервы, с неожиданным удовольствием отметила Василиса.

Парень с крепкими нервами допытывался у псины:

— Колись, хвостатая: правда, что амазонкам заказано общество мужчин?

— Как правило, — ответила Марфа. — Впрочем, нет, не так. Просто амазонка сама решает, когда и с кем ей быть. Сама.

— А если я вздумаю немного с ней пофлиртовать? Поухаживать, а?

— Ради бога. Главное, постарайся не переступить черты *безобидного* флирта. Ухаживания, ага?

— Ну а если вдруг переступлю? Случайно или по недомыслию. Скажем, ласково похлопаю где-нибудь. Она что, руку мне, положим, ломает?

— Не она, — отрезала Марфа. — Это сделаю я. Спокойной ночи, Виктор.

— Погоди! А вдруг с ней, не дай бог, что случится? Ранение, болезнь. Нога затечет, головка закружится. А я соберусь помочь. Искусственное дыхание, то-сё. Тоже бросишься?

— Буду точно знать, что ты доктор, — нет. Ты доктор?

Виктор, к медицине вплотную прикоснувшийся только однажды, на занятиях по оказанию первой помощи — тогда, тренируясь в выполнении массажа сердца, он вдрызг раздал грудную клетку манекену, — печально вздохнул:

— Если бы...

— Тогда вешайся, — с очевидным удовольствием пролаяла Марфа. Через мгновение она уже всюду топталась под боком у Василисы, устраиваясь.

— А как же охрана? — встревоженно спросил, подползая на коленках, Виктор. — Кто будет стеречь наш бивак открытый?

— Займись сам, если имеешь желание. — Собака обрушилась на землю с таким шумом, точно ее сбросили с ближайшего дерева. Почуяла, мерзавка, что хозяйка не спит.

— Не очкуй, Витя, — миролюбиво сказала Василиса. — Укладывайся спокойно. Первая смена за Марфой, вторая — за мной. Сильный пол от вахты освобождается. Как слабейший.

— Но вы же обе легли?

Напарницы тихонько засмеялись.

— Если ты не станешь чересчур громко храпеть...

— ...или курить эти твои вонючие листья...

— ...или пускать ветры...

— ...мы и лежа услышим и учеем все, что следует.

— Очень остроумно, — без обиды пробурчал он.

Или была-таки некоторая?..

Выяснилось, что Виктор — спец не по одним только хариусам, а браконьер весьма разносторонний. Принесенного Марфой зайчонка он ободрал и выпотрошил буквально на ходу, практически не испачкавшись в крови и пухе. Затем так же на ходу нашпиговал тушку какими-то подозрительными ягодками, травками, натер солью, завернул в лист лопуха и сообщил, что подготовительные процедуры сооружения легендарного рагу по-охотничьи завершены. Дело за костром. И что дамы уже сейчас должны готовиться проглатывать от восторга языки, облизывать пальчики и тому подобное...

— Облизывать пальчики я готова, — сообщила Марфа. — А ты, Васка?

— Привал по графику через три часа. Не протухнет полуфабрикат?

— Протухнуть-то не протухнет, — расстроенно сказал Виктор, — но свежатинка, она ж всегда вкуснее. Подтверди, псина.

Марфа, вместо того чтоб обляять наглеца за «псину», только одобрительно замотала башкой. Ну и куда было после этого деваться Василисе? Да и перспектива полакомиться горячей зайчатинной после скудного утреннего чая вприкуску с обезвоженными хлебцами... Между нами, девочками, говоря, такая перспектива вовсе не казалась ей отталкивающей.

— Уболтали, черти, — протянула она с показной неуступчивостью. — Как только обнаружим место посуше...

— Уже! — с энтузиазмом завопил Виктор. — Вон под теми пихтами! Вон гляди... — От избытка чувств он приобнял Василису за плечи. И тут же рухнул мордой в землю.

Сбившая его Марфа преобразилась в какое-то краткое мгновение — шерсть дыбом, клыки напоказ — и неотрывно смотрела в сторону «вон тех пихт», тихонько рыча.

— Ты чего, лохматая? — попытался вывернуться из-под ее лап Виктор. — Я ж еще ничего такого...

— Заткнись, — приказала сквозь зубы Василиса. — Там андроиды. Лежать, не дергаться, бояться. Понял? Марфа?

— Двое. Мелочь. Чебурашки из игрушечной партии.

— Нас слышат?

— Пока нет. Спариваются. Гранату?

— Чебурашек гранатой? — удивилась Василиса. — Постереги Витю, перестраховщица.

Она в два экономных движения избавилась от амуниции, перехватила «Ангару» под мышку и крадучись пошла к пихтам.

Выстрел был только один. Даже не выстрел, короткая очередь: та-ат! И тут же где-то неподалеку зашуршало, захрустели ветки. Марфа азартно греготнула горлом и метнулась на звук. Вернулась скоро. Пасть окровавлена, глаза блестят.

— Детеныш прятался, — сообщила она вибрирующим от возбуждения голосом. И тут наконец заметила, с каким ужасом смотрит на нее Виктор. — Что? Что, милый? Зайчиков давяю — порядок, а этих — нет?

Виктор молчал.

— Ладно, забирай вещички, двигаем к Василисе.

Когда они подошли, Василиса деловито изучала пасти убитых зверьков. Впрочем, на зверьков они, даже мертвые, походили меньше всего. «Действительно, чебурашки», — подумал Виктор. В то недолгое время, когда завести для ребенка чебурашку считала обязательным каждая состоятельная семья, он находился в местах, где игрушки имели приличную скорострельность и калибр. А когда вернулся, малых андроидов уже объявили смертельно опасными — заодно с действительно опасными «большими» или «человеками» — и почти повсеместно уничтожили. Нашлись, конечно, сердобольные родители, которые клюнули на уговоры детишек и выпустили чебурашек в леса. Кое-какие из этих мам и пап до сих пор мотали сроки. «Сед лекс...»

Сейчас Виктор мог хорошенько рассмотреть «живую игрушку». Полметра ростом, густая дымчато-шоколадная шерстка, нежные ручки с крохотными розовыми пальчиками. Только у самца вовсе не по-игрушечному торчал багровый корешок пениса, а самка... Дьявольщина! Глаза у нее были человеческими. Совершенно.

— Зачем их делали двуполовыми? — спросил он.

— Во-первых, детям полезно иметь представление, каким манером продолжается жизнь на планете. Во-вторых, детеныши у них получают настоящие лапочки. А в-третьих — такое производство гораздо дешевле.

— Они... разумны?

— Гораздо меньше, чем даже я, — сказала Марфа. — Закопаем?

— Сожжем, — решила Василиса. — Так быстрее. И без того уйму времени потеряли.

— Быстрее? — переспросил Виктор, имеющий кое-какое представление о том, с какой скоростью горят трупы.

— У меня имеется пиррофор. Хочешь, заодно запечем зайца?

Диковато взглянув на нее, Виктор замотал головой.

— Прости, — сказала она.

...Виктор сидел к месту аутодафе спиной. Лишь иногда оборачивался: посмотреть, скоро ли конец. Палениной почему-то потянуло, когда пламя уже начало сходить на нет. И

тогда он, хоть и давал себе зарок, что промолчит, не удержался, продекламировал нашумевшее:

Ревела толпа сквозь дым:
В петлю их, скотов! На кол!
И в брюхо вгоняли им
Беременный пулей ствол.
И каждый из них звал
Искусанным ртом смерть.
И каждый из них стал
Как воздух и как свет...*

Марфа как-то неуверенно, тоненько, по-щенячьи — не то осуждая, не то недоумевая — твякнула на него и рысцой побежала к Василисе. Искательно заглянула в глаза. Известно, что разглядела там собака, однако хвост ее ушел далеко под брюхо, а спина бессильно прогнулась.

А Василиса едва сдерживалась, чтобы не разреветься, как девчонка. Лелик Кокорин снова ее поймел. Стишатами этими сволочными. Лживыми, лживыми насквозь!.. и так похожими на правду...

Но даже не это было главным.

Чебурашки.

Зомбик и Килечка.

Ее чебурашечки.

Облава настигла их в пещере.

Уже под вечер как-то вдруг совершенно неожиданно налетел холодный ливень с пронизывающим ветром. А тут как по заказу возникла эта гигантская каменюга, похожая на эмблему «Макдоналдса» (а правильное, на задницу), и лаз, ведущий под нее! Разве можно было удержаться от соблазна — и не укрыться внутри? А как они обрадовались, когда буквально в пяти шагах («гусиных», разумеется, шагах; на карачках) от «входа» обнаружился просторный сухой грот! Даже не то чтобы просторный, а — огромный, много больше, чем камень на поверхности. Виктор тут же сбросил мокрую куртку, выпросил у Ва-

* В рассказе использованы стихи Дмитрия Ревякина (гр. «Калинов Мост»).

силисы фонарь и устремился исследовать стены в поисках на- скальных рисунков.

Почти сразу он наткнулся на второй лаз — гораздо более широкий, чем тот, что привел их сюда. Виктору показалось, что там кто-то таится, готовясь наброситься. Сердце немедленно заколотилось с бешеной скоростью. Он пожурил себя за «пещерную во всех смыслах трусость» и в целях преодоления себя полез навстречу воображаемой опасности.

То, что опасность совершенно очевидная, он понял даже прежде, чем Василиса закричала «Витька, вернись!». Даже прежде, чем забубнила — и тут же смолкла — «Ангара».

Сначала он отбивался фонарем. Когда фонарь вырвали — а может, он выронил его сам, — кулаками и зубами. Почему-то казалось, что нападающие берегут его. Меньше били, больше пытались облапить, повалить, придавить, скрутить. Как тогда, во сне.

И почему-то молчала, все еще молчала «Ангара».

Уже после он понял, что Василиса попросту боялась сре- зать очередь в темноте и сутолоке его. Узнал, что андроиды не любят калечить, а тем более уничтожать тех, кого намети- ли как жертву для «разделочного цеха». Что Василиса нароч- но кружила и петляла по лесам, зная: обитатели разоренного логова следуют за ними, выжидая момента.

Но это все было потом. После того, как в шумы хриплого дыхания и шарканья подошв вклинился низкий собачий рык, а сквозь аммиачную вонь упоительно запахло мокрой пси- ной. После того, как прямо над ухом у Виктора влажно хруст- нуло, и кто-то леденяще завыл, а по руке (он отпихивал чью- то харю) обильно потекло липкое и горячее...

— Ложись, идиот! — гаркнула Марфа.

Он повалился, увлекая за собой кого-то маленького, верт- кого, цепкого. Пророздил по камню щекой, бровью, взвыл благим матом. В рот попал локоть маленького и цепкого. Он изо всех сил сжал челюсти. И руки. Под руками что-то пода- лось. И тут наконец-то забубнила «Ангара».

— Не казись, ясно тебе! Приказываю!

— Есть не казниться.

- Сколько штук? — спросила Василиса.
- Восемь, — ответила Марфа. — Как ты и предполагала.
- Кто-нибудь ушел?
- Нет.
- А флаер?
- А что флаер? Топливо они выжгли досуха. С полкилометра пешедралом топали.
- Жалко. Где Лелик?
- Виктор, Оленька. Мы спасли Виктора. Лелика — не успели.
- Какая разница? Где он?
- «Масло» разливает. Говорит, зарыть жмуrow ни сил, ни времени не хватит. А бросать не по-человечески как-то.
- Гуманист хренов.
- Он одного — сам. Одну, вернее. Ангелочек, как с открытки. Ты должна помнить ее... Бывшая пассия Кокорина.
- А-а! Своими, значит, руками сучку удавил. И то хлеб.
- Ты опять путаешь. Я говорю о Викторе.
- Плохо ему?
- Как сказать. То ревет, то матерится как сапожник. То все вместе.
- Трубе, говоришь, каюк?
- Ага. Вдребезги.
- Врешь, тварь, она ж военная. Специсполнение корпуса.
- Рикошетом, видно, зацепило. Да ты лежи, лежи, Василиса.
- Что — лежи? Что — лежи! Я ж сдохну тут без связи и транспорта, сука ты тупая! Не-ет, вы точно с Леликом сговорились! У меня полноги...
- С каким Леликом? Ты бредишь! Сейчас, сейчас, милая, увидишь, что это не Лелик... Витька, бросай ты там возиться, бегом сюда!
- Отставить лай, собака. Я в порядке. Слушай приказ. Не позволяй ему прикоснуться ко мне. Ясно? Выполнять.
- Что? Кому? Да ведь я сама не смогу... Василиса! Василиса! Эй, очнись! Ав-уууу, мать твою! Ав-уууу! Ав-уууу! Ууууу!!!

* * *

Дело выходило худое. Хуже некуда. Марфа не подпускала Виктора к раненой ближе, чем на два шага. Это было выше ее сил, выше всего. Не инстинкт, не клятва — блок. Василиса, отдав последний приказ, подписала как минимум один смертный приговор.

Как минимум.

Как помочь человеку, у которого открытый перелом бедра и, похоже, очень скверная рана внизу живота? Как, если здоровенная овчарка не позволяет не только срезать одежду — даже вколоть антибиотик или хотя бы обезболивающее? Ах если б он был врачом!

Виктор, надрываясь, тащил волокушу, а Марфа бежала рядом и выла, выла, выла. Ав-уууу! Ав-уууу! Ууууу!!!

— Ну что тебе стоит, — молил он. — Ну отойди ты на полчаса. По нужде отойди, а я все сделаю.

— Хочешь надругаться над ней? Не проведешь меня. Ав-уууу! Ууууу!!!

— Нет, ну ты скажи, почему не веришь, что я настоящий врач? Да, я фельдшер. С дипломом. Акушер, вот! Давай отойди. Я не собираюсь ее насиловать. Смотри, это всего-навсего трициллин... Вот, хорошая собач... Аааа! Ты, сука, ты охренела совсем?! Чего творишь, гадина? Она не доживет, ты понимаешь? Нам двое суток еще как минимум ползти! Дура! Скотина безмозглая!

— Прочь, загрызу. И хватит орать. Береги дыхание. Ав-уууу! Ууууу!!!

«Я пристрелю ее», — сказал он наконец себе.

Интеллектуальная начинка превращала «Ангару» в бесполезную для любого, за исключением хозяйки, железяку. Но оставался еще стандартный армейский подствольник, приложенный явно кустарным способом и — заряженный...

Виктор выбрал момент, когда Марфа остановилась, расставила задние лапы и, не прекращая подозрительно следить за ним, опустила зад к земле. Вотличие от кобеля она не умела мочиться на ходу. Или не хотела. К счастью.

Хлопнуло. Браконьер и бывший солдат умел быть метким. Граната шла Марфе точно в бок. Да только и в модифи-

кацию овчарки деньги и силы вкладывали не зря. Она успела-таки отпрянуть в последний миг. Взрывом ее перевернуло, она вскочила, сделала несколько уменьшающихся раз от разу прыжков. Потом ее повело вбок, лапы подломились. Она завывала, мучительно извиваясь, проползла около полуметра и вдруг обмякла.

Когда Виктор осторожно подошел к испачканному землей и кровью собачьему телу, она приподняла морду и оскалилась. В горле у нее заклокотало.

— Ты молот... правиль... доведи... е... ё.

— Довезу, — сказал он. — Теперь доведу. Клянусь.

Госпитальный садик выглядел небольшим только на первый взгляд. При внимательном изучении оказалось: центральная аллея просто-напросто загибается, а за поворотом уходит в такую даль, что становится жутковато — есть ли у нее вообще конец? Впрочем, Виктору предстояло измерить протяженность аллеи собственными ногами. Сиделка сообщила, что Василиса бродит где-то там, в глубине. Что такой непоседливой пациентки свет не видывал. И что скорее бы от нее избавиться. А то амазонки эти, они ой-ой, и вообще мало ли чего...

Он заметил ее первым. Василиса медленно двигалась вокруг подстриженного бочкой пышного куста и вела пальчиками по его макушке. Виктор довольно долго не решался приблизиться, а потом сказал «Да какого черта!» и решительно двинулся к ней, старательно топая. Она оглянулась. Лицо ее вдруг приняло какое-то ребячье выражение — будто она получила от Деда Мороза подарок, на какой не смела и надеяться. С этим светлым выражением Василиса пошла Виктору навстречу. Сделалось заметно, что она здорово прихрамывает.

Пушистый халатик едва прикрывал колени. Сквозь молочную мякоть протеза, не успевшего полностью утратить прозрачность, просвечивал голубоватый полимерный костяк, розовые и синеватые жилочки. Виктор торопливо перевел взгляд вверх, отметив, что грудь у нее очень даже ничего и, что называется, бурно вздымается.

Василиса улыбалась.

— Ну что, спаситель, решишься обнять-поцеловать?

— Я бы и не то еще с тобой сделал, — проговорил Виктор тоном записного сердцееда. — Только как на это посмотрит вон та скверная псина?..

— А она отвернется, — сказала Василиса. — Марфа?..

— Больно надо глядеть на вас, — фыркнула та высокомерно. — Лижитесь, сколько влезет. — И побрела по аллее, фальшиво напевая: «Пойдем со мною, бежим со мною, летим со мной, летим! Рискни приятель, пусть ворон каркал, черт с ним...»

На заливке у нее беззащитно и трогательно топорщился беленький бантик повязки.

На войне как на войне

— Сейчас войны не те, что раньше, — сказал за ужином Николай, приезжий журналист.

Василий ковырял котлету. По контракту, который он подписал неделю назад, ему причиталась немаленькая сумма — если победит правительство. А если мятежный губернатор, то Василий останется с носом.

В последние часы положение мятежника усилилось. Хотя журналист утверждал, что победить губернатор никак не может. Ведь на стороне правительства — шесть из восьми государственных каналов телевидения, восемнадцать крупнейших радиостанций, газеты... Спонсоры у правительства, опять же, куда пристойнее. Международная поддержка обеспечена: промышленные концерны помогают и деньгами, и оружием. У одного только Николая пятнадцать бомб, три артобстрела и две зачистки. Танков, жаль, нет — Николай считался большим специалистом по части танковых атак. Зато есть одна ракета с ядерной боеголовкой.

Василий подписывал контракт только на сочувствие и на размещение квартирантов. Ему по разнарядке достался Ни-

колай, о чем Василий еще ни разу не пожалел. Уже здесь, на месте, гость предложил хозяину участие в боевых действиях.

— Убивать тебя не будем, — деловито уточнил он, — так что ничего не теряешь, сможешь потом где угодно сниматься.

Николай хотел взорвать ракету, раз уж танков ему не дали. Но для столь масштабного действия подходили лишь старые корпуса ВАЗа. Так что Николай уже четвертые сутки ждал результатов аукциона. От того, кто купит ВАЗ — правительственные силы или мятежники, — зависел и исход войны. Аукцион затягивался, губернатор темнил, и Николай подозревал: тот договаривается с каким-нибудь финансовым колоссом. Страшно предположить, что произойдет, если бунтарю достанется ВАЗ. У него и так лучшие места для работы. Какой смысл Николаю бомбить деревеньки в сотню душ? Да никакого. А Тольятти весь оппозиционный, там снимать нельзя.

В шесть утра Василия растолкал возбужденный Николай:

— Едем! ВАЗ наш!

Завод, остановленный еще полвека назад, произвел на Василия удручающее впечатление. А съемочная группа Николая ликовала. Журналисты носились как укушенные, вертели камерами, а за ограждением толпилась массовка: ее время еще не настало.

Василия загримировали, обрядили в страшную робу, вручили текст и отвели в убежище. По сигналу он вернулся в цех. За время его отсутствия журналисты подняли пыль, и говорить было трудно — Василий то и дело прерывался, чихая и кашляя. Но снимавшие его люди радостно переглядывались.

Николай отвез его домой и сам улетел в Москву шестичасовым рейсом: ему тут нечего делать. А Василий сел смотреть телевизор.

Ведущие новостей взахлеб рассказывали о ядерном взрыве на ВАЗе. Василий сам проникся ужасом и величием этой картины: ядерный гриб, алое свечение, превращающиеся в прах здания... А потом увидел себя — грязного, с воспаленными глазами. Он чихал и кашлял, он пережил тяжелое поражение смертоносными лучами. Его спасла случайность — вместе с сотней счастливых он успел спрятаться в убежище.

Он проклинал мятежника на чем свет стоит. И выглядело это убедительно.

Да, вот такие теперь войны, думал Василий. Военные корпорации производят не оружие, а одноразовые видеоролики со сценами его использования. Это выгоднее, чем штамповать то, что годится лишь для утилизации. Чуть где война — они тут же продают эти ролики заинтересованным сторонам. А телевизионщики монтируют эти «бомбы» с натурными съемками. Площадки для съемок надо покупать, но это дело спонсоров. Как и подписание контрактов с массовой.

Журналистика давно стала искусством. Снимать то, что есть на самом деле, может любой дурак. Это пошло, цинично и оскорбительно для участников. Ну скажите, кому понравится, если ему на крышу упадет всамделишная бомба?! У тебя горе, а вокруг суетятся телевизионщики, ищут ракурс поудачнее...

Войны выигрывает тот, кто снимает больше убедительных роликов, кто скупит больше площадок, кто больше заплатит населению. Нет у тебя денег — и победы нет. Ты можешь, конечно, разбомбить город, но если ты его не купил, твою съемочную группу туда не пустят. И прокатывать свои ролики тебе негде, если ты не купил на эту войну услуги телеканала. Все очень просто.

Через неделю, когда мятежник капитулировал, Василий получил причитающиеся ему по контракту деньги. Позволил сестре, подписавшей контракт с оппозиционерами.

— Столько времени потратила, и все без толку, — вздыхала сестра. — А ведь сама виновата: они же мне еще за прошлую войну деньги не заплатили, могла бы и сообразить, что в эту точно ничего не получу. Так что в следующем году я на выборах за другого кандидата голосовать буду. Может, приличней окажется.

— Чем заняться думаешь?

— Я, наверное, в Алжир съезжу. Там, говорят, локальный конфликт намечается. Мне предложили поучаствовать, может, заработаю чего.

Василий пожелал сестре удачи.

Да уж, сейчас войны не те, что раньше.

НЕКРОФОН

«Некрофон Инкорпорейтед» — брызгала смертельной бледностью неона вывеска над входом.

— Желаете подключиться? — профессионально ласково поинтересовалась милашка-сотрудница, раскрывая архаический блокнот и готовясь внести на бумажные страницы того все мои пожелания совершенно уж рудиментарной шариковой ручкой.

— А вы еще какие-то услуги оказываете помимо? — интересуюсь из чистой вредности.

— Ну... — замялась красавица, очевидно, не готовая к такому повороту разговора. — Отключаем еще, — нашла наконец подходящий ответ и добавила на всякий случай: — За неуплату.

Хотел уже было совсем попросить для начала отключить меня, но, увидев в уголке верзилу с явно охранной внешностью, не стал — поймут ведь буквально и выполнят дословно. Или наоборот — дословно и буквально.

— Подключите, — вздыхаю обреченно. Раз уж выбор невелик...

— Наши расценки знаете?

— Я надеялся, вы меня просветите.
Просветили. Меня устраивает.
Подключили.

— Альё-о?

Больше всего раздражает при беседе с прабабушкой это ее «альё-о?» — в остальном у нас с прародительницей полное взаимопонимание.

— День добрый, Нанель Спартаковна. Это Игорьь.

— Игорьё-ок! — радуется старушка. — Здравствуй, внучек! Какой тут у нас, к черту, день? Вечные сумерки — даже о погодах не поболтаешь. А у вас как?

— Осень у нас, Нанель Спартаковна, — вру бабуле. Но — из самых лучших побуждений. О лете и весне мы говорили в прошлый и позапрошлый разы. Что с того, что неделя прошла? Там время течет незаметно, а так хоть о погоде можно поболтать. — Все деревья в пурпуре и золоте, небо в птицах и в тучах, холода-ет потихоньку, по утрам на лужах корочкой лед...

— Хорошо-то как! — раздается с той стороны. И тут же тон с мечтательного меняется на деловой и чуть ехидный: — Ну как, Игорьё-ок, нашел бабкины сукровища?

Это она сама такое словечко придумала — «сукровища». Мол, кровью и потом заработанное, да с умом припрятанное. «Все для вас же, внуков-правнуков, копила, да вот при жизни-то и не сподобилась секреты свои открыть...» А теперь вот — «ну как, Игорьё-ок?».

— Все до последней монетки, Нанель Спартаковна. Диадемка ваша очень глянулась моей Красинюшке — статуей стоит в ней перед зеркалом, все любит, оторваться не может...

— И не сможет, — хихикает старая карга. — Заклятище какое-то на безделке — против случайных людей. Зато прочее-то все без закавык — пользуйся, Игорьё-ок.

— Уже попользуюсь, — говорю. Может, с Красиньей-то оно и к лучшему — все равно у нас с самой свадьбы дело к разводу только и шло. Будем считать, развелись. Теперь бы еще бабулю на что развести. А она и сама уж рада для «родной кровиночки».

— Все хотела тебе, милый, еще про один тайничок поведать, да как-то в прошлый разик-то подзабыла...

— Так, может, на этот-то разик? — намекаю.

— Конечно, внучек, конечно! Только ты мне прежде еще про осень расскажи — больно хорошо у тебя получается...

И вру про осень, до которой еще полгода без малого. Золото и пурпур, снега серебро поверх затянутых сталью льда луж, прощальные крики птиц...

— У тебя, поди, монетки кончаются, Игорьё-ок? — спохватывается эта любительница разговоров о погоде.

— Не монетки, Нанель Спартаковна, а единицы, — поправляю с тяжким вздохом. — Сколько раз уж вам объяснял.

— Ну, мы академиев не кончали, — скромничает старая перечница. — Буквы еще знаем, а единички-двоечки для нас уже высшая математика, ты же знаешь.

Знаю. Диссертация по плоскостям Мебиуса, статьи по Лобачевскому, какие-то расчетные формулы в обоснование теории вероятности — без малого Нобелевка... Единички-двоечки для них высшая математика. Конечно, когда суммы с количеством нулей меньше шести считались карманными расходами. А потомки нынче кое-как держатся на государственные пособия. Но скоро конец нищете! Зря, что ли, подключался в «Некрофоне»?

Только единички-то капают, утекают...

— Знаешь мою дачу на берегу Клязуы? Ту, что с белыми колоннами? Так вот под пятой слева колонной — там еще у основания химера такая забавная прилеплена...

И тут у меня, как нарочно, кончаются пресловутые единицы! А как же не нарочно, когда пальчиком по кнопочке — и слушает милейшая Нанель Спартаковна в своем бесцветном не-здесь и не-сейчас тоскливо вежливое: «Абонент отключился или временно недоступен. Абонент...» Сокровища сокровищами, а единички-то капают. Копейка, известно, рубль бережет.

Послушала про осень, бабуля? И хватит — хорошего понемножку. В следующий раз расскажу про зиму. А пока — на Клязу-реку.

— У вас на счету осталось...

Цифра, названная убийственно вежливым женским, но все равно каким-то бесполом голосом, не обнадеживает осо-

бо. Да, маловато будет. Как бы не отключили. Ничего, приеду с Кляузы, тогда...

Дачку, понятное дело, прихватизировали. Потом она еще пару хозяев успела сменить. А этот и вовсе здесь, кажется, живет постоянно. Квартиры, что ли, в столице не хватает? Отпуск у него! А мне что — все лето в камышах торчать, изображая для твоих дуболомов-телохранителей жизнерадостного рыболова? Меня вообще-то рыбка покрупнее интересует. Золотая вполне устроит — и чтоб желаний не меньше тысячи! И одно из моих желаний уже пару веков скрывается под вот той вон пятой слева колонной, на которой еще химера забавная прилеплена...

Может, еще звоночек Нанели Спартаковне сделать? Про «буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя» и «зима — крестьянин торжествуя» что-нибудь наплести и еще какой тайничок выпросить? Знал бы, давно пустил бы в оборот первый. Нет же, поехал сюда, думал, с ходу возьму, а там уже начнем реализовывать — чтоб с умом и не продешевить. Теперь вот удочкой торчу из воды, рыбам на смех.

— Ты чё здесь? — топает мимо мордоворот с «дачки».

— Да вот, — развожу руками.

— А! — кивает. — Ну, как улов?

— Ты первый за сегодня, — признаюсь. С людьми надо быть честным.

Гыгыкает и уходит.

Перебираю кнопки своего «некрофона».

— Компания «Некрофон Инкорпорейтед» приносит вам свои искренние соболезнования, но ввиду неуплаты вы будете немедленно отключены...

Какая-то здоровенная гадина хватает за тот конец удочки и, не давая мне времени на раздумья, начинает тянуть — мощно и неумолимо. На ТУ сторону. Бамбук удилища то ли прирос к ладони, то ли просто зацепился за рукав — но бросить его не получается.

Под водой я продержался на зависть любому профи-ныряльщику. Минут шесть. Но потом все равно отключился.

* * *

— Ну, как там у вас, Игорьё-ок?

— Зима, — вздыхаю и вру. Пусть старушка порадуетя. — А насчет «там у вас» это вы погорячились, Нанель Спартаковна, — поправляю. — Там — у них. А у нас тут — серо все, сумерки сплошные.

Дежурный телефонист из местного отделения «Некрофона», сияя начищенными рожками, появляется из окружающей тени.

— Мырыкин Игорь Остапович? — тычет когтем среднего из трех сучковатых пальцев.

— Я, — сознаюсь.

— Тебя к телефону. Сын, — и тянет за собой к будке.

— Спроси, как там у них с погодой! — напоминает о себе, крича в спину, Нанель Спартаковна.

Как же! Станет этот выродок о погоде с папашей! Проклады прапрабабкины будет пытаться. С самой-то тушется поговорить. А мне из новостей что-нибудь протараторит, как диктор по телевизору... Точнее, по радио.

А хотелось бы взглянуть на оболтуса. Да и так, хоть небо за его спиной увидеть. Оно там у них синее...

— Привет, предок! Как ты там? — радостно басит «оболтус».

— Я тут вот, — вздыхаю. — Как там у вас? Погода-то?..

— Не гони, батя! У меня же единички капают! Что там про дачку на Кляuze говорил?..

Хочется плюнуть в трубку и отключиться. Только ЗДЕСЬ отключаться уже некуда. Жаль.

Слева от «Оставь надежду входящий» недавно объявилась новая вывеска.

Брызгая тусклыми отсветами астрономически дорогого здесь серебра, пробиваются сквозь вечный полумрак буквы:

«Астрал-лайн»! Тариф «Сумрак без конца»! Подключайтесь — ночью дешевле!»

МИПАЯ

Среди всех самцов, которых когда-либо видела бескомпромиссная анархистка Диана Шевчук, кэп Раскин оказался наиболее соблазнительным. Главным образом по двум причинам: во-первых, он обладал чудесным голосом: низким, глубоким и хрипловатым. Если бы Диана была полной дурой, она бы назвала этот голос героическим. Во-вторых, Раскин не обращал на нее ни малейшего внимания.

Это было свежо и чертовски необычно.

Русская Венера, откуда она предательски сбежала, слыла миром нищим на все, кроме наркотиков и оружия. Люди там жили в страшной скученности, за убийство по закону взимали штраф в десять минимальных окладов госслужащего, кровную месть разрешили еще в первый год республики, а гербом служил двуглавый орел: голова Бакунина плюс голова Маркузе.

На протяжении двадцати двух лет такая жизнь Диану полностью устраивала, кроме, разумеется, местных самцов, которых порошок и травка лишали того единственного, на что относительно годен самец. Просто она не знала другой жизни...

В двадцать три ей повстречалась Милли МакГрегор, второй пилот с нью-скотлендского танкера. Одного вечера в портовом баре хватило, чтобы Диана и Милли сделались лучшими подругами. «Девочка моя, — говорила ей Милли. — Надворе 2108 год, и есть места, где можно жить себе в удовольствие. Я не говорю о такой ерунде, как дом на поверхности земледобной планеты; пища, которую вырастили на огороде или, скажем, выдоили из настоящего живого вымени, а не то синтетическое дерьмо, которым ты меня сегодня угощала; личная амфибия... Дороже всего, Ди, стоит свобода. Она дает тебе возможность выбрать ту биографию, которая больше нравится... а не ту, которая досталась на распродаже трижды уцененных товаров. Просто нужно иметь немного денег. Поверь мне, не столь фантастическую сумму, как может показаться издадека...» Милли стала ее учительницей во всем, что есть важного в жизни. Умелой и страстной учительницей. Ничего лучшего Диана в этом мире не знала, не видела, не чувствовала...

— Жак, доложи обстановку!

Голос Раскина в один миг рассеял дымку воспоминаний. Где-то далеко от капитанской рубки, за вакуум-створом абордажного шлюза, дюжина головорезов прочесывала «Вольный Гений» — главную космическую базу астрофизиков Русской Венеры. Оттуда Раскину ответили:

— Босс, никакого сопротивления.

— Живее, ребятки, вы что, плохо позавтракали? Живее!

— Да мы чё, босс, мы поторапливаемся, да.

Диана обратилась к главарю пиратов:

— Мистер Раскин, простите, есть одно важное обстоятельство... Мало захватить ящик и принести его сюда, надо еще привести сюда мастер-оператора... живым.

— Зачем он нам, Ди? Ты же сама — оператор. А?

— У каждой машины индивидуальный ключ...

— Вроде пароля?

— Да. И его знает только оператор или большое начальство в Гильдии мастер-операторов...

Тут в капитанской рубке раздался недовольный голос Жака:

— Босс, два придурка затеяли пальбу... ну рожна ли им надо было? Тихо же мы работали, не резали никого, не жгли, цивилизно так...

— Не отвлекайся.

— Да, босс. Эти козлы прикончили Зака, правда, Зак прикончил одного из этих козлов.

— А второй? Надеюсь, вы позаботились о нем?

— Да, босс. То есть не совсем, босс.

— Что ты мелешь, дубина!

— Мак подранил второго козла, босс. И второй козел куда-то ускакал, наверное, помирать от потери крови, босс. Не иначе.

— Нет времени разбираться. Ящик — сюда, живо! Шевелите ходулями!

— Да вот он, босс, Мак его уже нашел. Ящик в смысле.

— И вот еще что... Там должен быть один шпак, оператор... — Раскин повернулся к Диане. — Как его отличить?

— У него вот такой значок, — ответила она, показав на медальон Гильдии.

— Короче, Жак, у него на шее цацка: алая звезда на зеленом фоне. Этого шпака — ко мне. Живым.

— Босс... а какая звезда? Может, пятиконечная?

— Верно. Откуда ты знаешь, придурок?

— Не хочу вас огорчать, босс, но с такой как раз штукой был первый козел, которого пристрелил Зак.

Тут капитана вызвали из штурманской рубки. Диана с содроганием услышала, что проклятые научники все-таки прочихались и подали сигнал тревоги.

— Жак!

— Да, босс.

— Ноги в руки и сюда бего-ом! Отчаливаем.

Раскин вновь обратился к Диане:

— Что-то ты поздноватно шепнула мне об операторе. Мы не сорвем все дело по твоей милости?

Она испугалась. Кэп вроде бы не сказал ничего страшного, ничего угрожающего, но Диану пробрало легким морозцем.

— Я справлюсь.

Капитана опять вызвали из штурманской рубки. Легкий крейсер «Мария Спиридонова» стремительно приближался к месту абордажной операции.

— Жак! Ты где?

— Все, босс. Мы в шлюзовой камере. С ящиком.

— Так. Штурманской рубке: старина Бо, задраиваемся и валим! Как ангелы с вечеринки сатанистов!

Корабль вздрогнул. Какие аттракционы крутились тут дальше, Диана помнила плохо, поскольку в течение получаса тошнота скручивала ее и выворачивала наизнанку с уверенной последовательностью серийного маньяка-убийцы.

Сознание с жалобным скрипом вворачивалось в нарезку.

Над ней склонилась какая-то неопрятная образина. Или, вернее, склонился, потому что образина была бородатой.

— Пей.

— Что это? — рефлекторно отстранилась Диана.

— Пей.

Она подчинилась. Какая дрянь! Горькая и вонючая.

— Сколько пальцев?

— Два.

— А теперь?

— Три. Вы держите меня за сумасшедшую?

— А вы кто такая?

— Я? Д-диана Ш-шевичук. Я тут ни при чем.

Образина уплыла куда-то вверх. Из точки, куда она уплыла, послышалось ржание. Так смеются самцы.

— Она в порядке, кэп.

— Я рад, док. Займись ребятами из абордажной команды. И позови-ка сюда Жака и Мака с ящиком.

Диана приподнялась на локтях, потом села. У нее перестала кружиться голова. Оказывается, ей даже удалось блевать мимо одежды.

Та же капитанская рубка. Кэп Раскин. Штурман Добс — человек, внешность которого бескомпромиссно выдавала двухрежимный характер функционирования личности: запой/постзапой. Два шкафообразных монстра вносят контейнер с биомом. О!

Тут она наконец-то окончательно включилась.

Раскин отвинчивает крышку кераморфового футляра.

— Мы спаслись? У нас... все в порядке?

— Абсолютно, — отвечает Добс, обнажая в улыбке две кроличьи лопаты.

— Да, — не прекращая возни с крышкой, вторит Раскин, — если не считать отсутствия твоего... пароя, внештатной дыры в заднице от излучателя «Марии Спиридоновой», сотрясения мозга у Бака и пары тому подобных мелочей, то все как в раю.

— Ушли, значит... — вяло констатировала Диана. — Кстати, лучше не открывать. Гадость еще та.

— Я не слабонервный, — ответил Раскин.

Наконец он откинул крышку. Секунду или две смотрел на содержимое контейнера и закрыл его.

— Убедились, мистер Раскин?

— Фу. Больше всего похоже на потрошенный труп. Кишки, легкие, сосуды, разъемы, провода, стекляшки, железяки, все вперемешку... жидкость бурая... но не кровь. Не кровь?

— Нет, мистер Раскин, не кровь. Простите, у биоэлектроники высокого статуса нутро всегда выглядит непрезентабельно...

Сладкая, сладкая Милли! Если бы ты знала, как близко сейчас твой цветочек от самого большого куша в жизни. Помнишь, как мы перебирали разные способы сделать меня богатой — с моим-то нищенским жалованьем мастер-оператора! И тогда я бы переехала к тебе, на Нью-Скотленд, и мы были бы счастливы... Помнишь? Всего три месяца назад... В конце концов Милли сказала: «Знаешь, если ты согласишься с бионами, так и продай бион...» — «Как это?» — «Нью-Скотленд — столица Ойкумены по части электроники. Может, там кого-нибудь заинтересует ваш бион...» — «Но это же... это же... предательство». — «Дурашка! Не ожидала от тебя. Кто из нас анархистка? Ты или я?» — «Я. Но...» — «Никаких но. Если ты анархистка, то у тебя где-то в глубине души должна быть такая маленькая штучка, такой маленький переключатель, который в нужный момент срабатывает, и ты понимаешь: это — *их* проблемы; это — *их* законы, а я свободный человек, и никто не смеет стоять у меня на пути». Диана поспорила еще чуть-чуть, для порядка, а потом дала себя уговорить. Милли обещала потолковать с «серьезными

людьми» на предмет инвестиций. Оказалось, желающие есть. «Цветочек! Все устроилось. Побудешь в роли консультанта по бионам у людей криминального склада. Так о них *говорят*, но по сути своей они настоящие джентльмены... и потом, с ними есть твердая договоренность. Зато в финале — сто пятьдесят тысяч евроdollаров. Этого, моя милая, *более чем достаточно* для нашего с тобой совместного счастья. Ты довольна?» Правда, потом выяснилось, что Милли не сможет быть рядом с ней, и весь путь до самого конца придется пройти в одиночку. «Я понимаю. Ничего!»

Теперь сто пятьдесят тысяч пребывали в нескольких шагах от Дианы. И пусть они выглядят как потрошенный труп, зато это — сто пятьдесят тысяч.

— Что особенного в ящике с несвежим мясом? — брезгливо осведомился Раскин.

— Вас интересует, почему бион столько стоит или как он работает?

— Объясни последнее, и первое станет понятным само собой.

Диана знала, как обращаться с *этой штукой*, но на роль корифея высокой теории не претендовала никогда. Ладно. Не боги горшки обжигают.

— Биоэлектроника от обычной отличается тем, что роль да/нет реле в ней играют органоиды живых клеток. Это не новость. Биоэлектронику разработали давно и успешно ею пользуются. Бион — новая ступень, и он предназначен для решения сверхсложных задач.

— В чем фокус?

— Вы знаете, мистер Раскин, способ решения любой задачи определяется тем языком, на котором программируется машина. Она как единый электронный организм воспринимает задачу. И какова бы ни была эта задача, на техническом уровне она будет решаться путем разбивания одного большого алгоритма на ряд малых и пропускания этих алгоритмов через однородные цепи. Для биона любая задача выглядит как ряд самостоятельных, не связанных друг с другом логических проблем. Внутри контейнера, — она подошла к агрегату и выразительно постучала по крышке, — есть не-

сколько тысяч *неоднородных*, то есть совершенно разных органов, или, если хотите, биоузлов, способных наилучшим образом справиться с определенным типом логических проблем. В каждом органе — особое устройство клеток, особый язык программирования плюс особая тестовая матрица, отторгающая задачи неподходящего типа. Все эти органы — вроде сердца, печени, почек у человека — строго специализированы, а потому справляются со своей работой в миллионы раз быстрее стандартной электроники. Сверх того есть ИТЖ — информационно-транспортная жидкость...

— Та самая бурая дрянь?

— Она, мистер Раскин. Это... это... даже не знаю, как лучше выразить общий смысл... наверное, сообщество... простейших, обитающих в питательной среде и способных к воспроизводству только в момент совершения информационных операций. ИТЖ разбивает большую задачу на кластер малых, разносит их по органам, собирает ответы и конструирует общий ответ. Проблема только в том, что у этих простейших нет стимула к воспроизводству. Вернее, стимул есть, но он представляет собой вечное белое поле. Пробел, который следует заполнять в самом начале работы. Назвать смысл. Дать кодовое слово, фразу, символ... по-разному может быть. Это называют термином «ключ-стимул». Когда-то, в первые дни жизни биона, программист как бы заключил изначальный договор с сообществом простейших: «Вы — работаете, когда я даю вам смысл для размножения». Но каждый комплект ИТЖ, пусть она и готовится заводским способом, уникален, поскольку до закачки в бион активно запечатлевает условия окружающей среды: температуру, влажность, давление, игру электромагнитного поля, а особенно наличие микроорганизмов. *Это разные сообщества*. Поэтому и ключ-стимулы подбираются программистом индивидуально для каждой машины. Если ключ-стимул задан неправильно, ИТЖ-народ его просто не принимает, отторгает. Если он сформулирован небрежно, неточно, то и бион станет работать через пень-колоду.

— Ключ-стимул — штука, которую ты берешься... э-э-э... определить?

— Да, мистер Раскин...

— Ты вообще-то уверена, что эта консервная банка с прокисшей тушенкой будет форцать?

— Одно связано с другим, мистер Раскин. Чтобы проверить, как он работает, нужен ключ-стимул, чтобы найти ключ-стимул, нужна задачка...

— Задачка тебе нужна... Навигационная подойдет?

— В самый раз, мистер Раскин.

Капитан обратился к навигатору Добсу:

— Бо, тебе как раз надо было посчитать маршрут до точки, где мы встретимся с заказчиком. Не возись. Отдай всю цифирь... э-э-э... мясному корыту.

Диане нравился сильный самец Раскин и совершенно не нравилось то, как он называет бион. Больше уважения к отечественной технике!

Капитан монстров из абордажной команды:

— Жак, Мак, тащите эту живую гирю в восьмой трюм.

Два бугая дружно взялись за ручки и без видимого усилия подняли агрегат.

Когда их шаги затихли, Раскин повернулся к анархистке:

— И последнее... Зови меня Патом.

Она хотела послать его в задницу, но почему-то вместо этого ответила:

— Отлично, мистер... Пат.

Бион семь лет назад придумала команда академика Блинова — двадцать восемь человек, из которых четверо были администраторами, один счетоводом, дюжина находилась под кайфом постоянно и годилась только на то, чтобы высказывать бредовые идеи, впоследствии неизменно оказывавшиеся совершенно бесполезными, трое столь же постоянно накачивались крепкими напитками и выдавали идеи, иногда приносившие пользу, одна числилась секретаршей Блинова, еще одна — его любовницей, четверых позвали из-за их высоких должностей, и в работе они не принимали участия... в конечном итоге мотором всей деятельности оказалась пара: очень некрасивый мужчина Дима Порохов и очень несчастливая женщина Рита Реброва. Рита мыслила системами, излагала свои мысли системами, собирала нетрезвые

мысли команды в системы и даже, кажется, шутила как-то системно... Порохов разрушал ее систематические построения, фонтанировал иронией и вдобавок издевался над самой Ритой. Реброва обижалась, злилась, пыталась доказать свою правоту, совершенствовала форты логических построений... Эта двоица заставила блиновскую команду создать то, для чего она не была предназначена: в сущности, бион оказался синтезом неосторожной шутки Димы, очередной системы, придуманной Ритой, чтобы посадить Диму в лужу, коллективного похмелья трех алкоголиков и административной воли самого Блинова, сурово заметившего: «Мы далеко отошли от темы. Никакого толка от вас я не вижу. Скоро институт закроют, и будут правы. Единственная идея, в которой хоть что-то есть, это дребедень насчет биоэлектроники, о которой я вчера случайно услышал, сидя в сортире... Копнем здесь».

Бионы оказались очень капризными штучками. Они иногда отказывались работать, сбоили по причинам, известным только Господу Богу, а некоторые мастер-операторы даже утверждали, будто биоэлектронные машины способны гадить тем, кто им не полюбился... Им все прощали, поскольку бионы могли решать задачи, ставившие в тупик любую другую технику и даже людей...

Диана поняла, до чего ей не повезло, как только откинула крышку контейнера. Судя по клейму, это был старый бион. Один из первых, пошедших в серию. Все они, древнейшие, программировались на определенный стимул либо Ребровой, либо Пороховым, либо их первыми учениками — всего двумя или тремя. Если бы клеймо принадлежало одному из учеников, Диана знала бы ключ-стимул через четверть часа: либо «Слава труду!», либо «Познание превыше всего!», либо «Будьте порядочны — остальное приложится!», либо «Секс, наркотики, рок-н-ролл!» Если бы клеймо принадлежало Порохову, пришлось бы повозиться. Этот был затейником. Мог «заклясть» бион на жареную свинину, на полусладкое красное, на суфле, на полную брюнетку, на программу творческого отдыха «весь-месяц-на-диване» и даже на словосочетание «Блинов-дурак!». Но Дмитрий Прокофьевич был чело-

веком открытым, из ключей своих тайны никогда не делал, и все они вошли в реестр «Начинающему мастер-оператору биона». Часа два-три работы, и Диана непременно вскрыла бы вшитую матрицу ключ-стимула... Но клеймо состояло из двух букв: М.Р.

Маргарита Реброва.

Какая неприятность!

Не то чтобы госпожа Реброва хранила свои «настроечные заклęcia» в тайне. Нет. Просто она всегда была человеком замкнутым, болтать не имела привычки, и, более того, даже если ей приходило в голову вволю поговорить на профессиональные темы, лишь двое из семи примерно собеседников обладали даром понимать ее...

...Диана вывела бион из штатного положения 0, когда машина представляет собой грудку плоти, потребляющей питательный раствор. Задержала дольше положенного в штатном состоянии 1, когда биоэлектронный механизм приводится в «раздраженное» состояние и группы клеток превращаются в сообщества, испытывающие «голодание» по работе с информацией. «Пусть поголодает, потом будет сговорчивее...» Наконец, штатное положение 3: можно подключаться. Именно это и сделала Диана, используя чип особой модификации, вмонтированный ей в голову. Когда-то, в самом начале, мастер-операторы подключались с помощью разъемов через порты, зияющие в черепной коробке, но теперь в подобном варварстве нет необходимости...

Первый момент всегда самый неприятный. Чувствуешь себя куском мяса, кровь бежит через твой мозг по веревкам несуществующих артерий, перед глазами стоит розовая муть. У любого живого существа, являющегося недоразумом, есть и настроение, и самочувствие. Оно всегда заражает тебя и тем, и другим.

Кажется, Диана установила лидерство чуть жестковато. Бион ответил волной холода. Очень неприятное чувство, когда кончики пальцев резко деревенеют... Как же тебя звать-величать? Прежде всего запрограммировала бион женщина, а значит, и сам агрегат — миссис, а не мистер.

— Ну, душенька, приступим. Что тебе нравится? Может, творчество?

«Душенька» — очень неправильно. Диану била мелкая дрожь. Она ощутила ледяное дыхание машины. Но надо было работать.

— Творчество, а? Подумай, это ведь самостоятельность, это способность проявить лучшие свои качества, это... это... поэтично, в конце концов. Романтично, я хотела сказать. Высокий пламень творчества...

Холодно. Не тот стимул.

Для порядка Диана побродила еще немного вокруг концептуального поля «творчество». Совершенно безрезультатно.

— Хорошо. Попробуем логику. Может быть, логика? Точность. Выверенность. Порядок. Контроль. Ясность. Прозрачность. Твоя создательница была человеком, очень высоко ценившим логику и системный подход...

Опять не то. Похоже, Реброва сама не очень-то ценила всю эту чушь с логикой. А что она могла ценить? Полжизни провела в радикальных феминистках, потом столь же радикально завязала с борьбой за женские права. Вся в науке. Так, ну, попробуем. Феминизм надо понимать как...

— Независимость? Полная свобода. Никто ничего тебе не навязывает. Ты сам себе хозяин. То есть, конечно, хозяйка...

Пусто. Копнем глубже.

— Власть. Власть над самцами. Над самой собой. Над миром. Над эмоциями. Над желаниями. Власть поддаться им или совладать с ними...

Ле-егонькое покалывание. Не то. Нет, положительно не то, но нечто сопоставимое. Только по какому параметру? По власти? По самцам? По эмоциям? По самоконтролю? Ладно, запомним, поедem дальше. Наука — это...

— Открытие? Познание? Жажда нового? Нет? Ну, хотя бы честолубие? Общение с умниками? Известность?

З-задница. В сторону от «тепло». Все дальше и дальше. Похоже, наука несколько утомила госпожу Реброву, и госпожа Реброва готова была послать науку подальше, только вот ничего другого она делать не умела... Зайти с другой стороны. Характер жесткий, решительный. Это...

— Смелость? Прямота? Честность? Наподдать кому-то? Пусть они знают, кто прав! Торжество справедливости? Традиционные ценности?

В последнем случае бион как будто откликнулся, но очень вяло. «Ерунда какая-то. Традиционные ценности и власть над самцами... Или самоконтроль... Или... или... Нет, не хватает информации».

Диана едва сдерживала раздражение.

— Что ж тебе еще-то? Здоровье? Комфорт? Дети?

Концептуальное поле «дети» явно располагалось совсем недалеко от ключ-стимула. От биона повеяло теплом, хотя машина вроде бы замерзала... Дети? Что — дети? С чем их кушать? Дети мои дети, куда вас дети, где вас положить...

— Игрушки? Распашонки? Детская?

Хуже.

Она взъерилась:

— Издеваешься? Немытая посуда? Невытертые сопли? Фикус на окне? Занавесочки в горошек?

Оп-п!

Поле «занавесочек» выдало однозначно положительную реакцию. Диана оторопела. «Я же... пошутила...»

— Ну, не знаю... Может, свой дом?

Рядом.

— Уют?

Неплохо.

— Э-э-э... защищенность?

Хуже, но где-то там, что называется, «в составе кластера». Вообще какой параметр объединяет дом, занавески, уют, детей, власть над самцами и традиционные ценности?

Тут только Диана почувствовала торжество.

— Ритонька, кисонька, молодец. Я тебя понимаю.

Конечно! Все вышеперечисленное всегда стоило очень недешево. Особенно дом и дети. Ну и конечно, обстановочка. Мебелюшки-занавесочки. Так?

— Деньги. Верно?

Мощная реакция. Реакция — что надо. Странная какая-то, позитива в ней маловато, но... бион показывает: работать можем. Отлично. Отличненько. Превосходненько. Диана связалась со штурманской рубкой и вышла на режим подключения к навигационному устройству. Бо Добс, хоть и пьянчуга, сформулировал задачу идеально. Сейчас бион расщелкает ее как орешек с трещинкой. На один зуб...

Бери, машинка, бери.

Волна обжигающего мороза. Словно удар ледяного кулака прямо по макушке. Произвольное отключение биона. Дурнота. Боль. Свет меркнет перед глазами.

Когда ее откачали, Добс сообщил:

— Вот какие дела: навигационное устройство работать не хочет. Чего-то ты не больно уболтала ящичек. Одна от тебя вышла порча.

Кэп Раскин:

— Если не понимаешь, объясню кратко. Пункт первый: не будет работать НУ, на встречу к заказчику мы не попадем. Пункт второй: возможно, всем нам конец. Как раз сейчас мы с этим разбираемся.

Добс:

— Лучше б ты опять попробовала ящичек-то уболтать...

Диана хотела прикрикнуть на него, но получился у нее только сиплый клетот:

— Пойди-ка сам попробуй, умник!

— Ты знаешь, Пат, ведь это была шутка. И она может обернуться крупными неприятностями.

— Знаю, Ди... — откликнулся Раскин, деловито стягивая с нее блузку.

— То есть как?

— Не держи меня за идиота. Нашлись умники, которые объяснили мне что к чему в операторской работенке еще до начала нашего покера. Либо с бионом работает спец, либо машинка здорово врежет парню по мозгам... — ответил кэп, разбираясь с вакуумными присосками на ее брюках.

— Так ты знал с самого... Что, хочешь сменить штурмана?

— Ты серьезно? Его ведь... не до такой степени? — переспросил он, лишая Диану тоненькой маечки. Оч-чень эротичной.

— Ну... не до такой... но тряхнет прилично. Это как нокаут или сильный электрический разряд.

— Отлично. Щенячий энтузиазм Бо нормальных людей раздражает. В тридцать пять пора уходить из скаутов, — отозвался главный пират, не прекращая возни с ее лифчиком.

— Ой... Щекотно. Ой! — На самом деле ей хотелось содрать проклятый лифчик. И, пожалуй, немного треска при этом не помешало бы.

— Срань Господня, сколько застёжек... Это что, мода такая?

— Нет, просто у тебя давно не было бабы...

...Добс, не поняв шутки, выразил полное согласие. Если кэп расщедрится на стаканчик «Бифитера», мол, он, Бо, не против. Он, Бо, попробует. Только объясните, на что жать и где красный сектор. Дурачина.

Диане было так худо, а штурман до того напоминал самодовольный кусок дерьма, что она решила: пускай попробует! Запомнит, скотина, чего стоит легкий хлеб мастер-оператора. Навсегда запомнит. Если ему будет столь же плохо, как и ей, то ей, наверное, полегчает.

Когда Диана поднялась и ножками-ножками попыталась добраться до восьмого трюма, очередная неприятность встала перед ней во весь рост. Координация движений полетела к едреням... Впрочем, не успела она по полной программе оконфузиться: кэп Раскин ухватил ее и прижал к себе. Сказал что-то вроде: «Твои мозги стоят слишком дорого, чтобы дать палубе до них дотянуться». А потом кликнул своих молодцов: «Жак, Мак, доставьте девочку к месту работы. Нежененько. Не дайте ей упасть и разбиться на тысячу фарфоровых фитюлек».

Беглая проверка показала: во-первых, машина приняла задачу и даже решила ее, но не выдала решение мастер-оператору. Вместо этого бион просто... плюнул собеседнику в мозг. Во-вторых, эту пакость машина сотворила, подчиняясь воле госпожи Ребровой, которая когда-то ввела помимо ключ-стимула еще и антистимул.

Парочка гениев славилась экстравагантностью. Господин Порохов выдумал шутку с антистимулом и пару раз развлекся ею, «закляв» очередные бионы на вещи им нелюбимые. Диана даже не очень помнила, на какие именно: то ли на диету, то ли на любовь за деньги, то ли на дураков... Вляпаться в его «мины» мог только полный идиот. А вот госпожа Реброва, по обыкновению, придала каламбурчику супруга раз-

мах и практический аспект. Она программировала бионы антистимулами в воспитательных целях. Дескать, вот на чем в жизни не следует циклиться...

И никогда, стерва эдакая, не говорила, в какой машине какая бомба.

Так что Диане, можно сказать, повезло: она раскрыла секрет маэстро... Сподобилась. Пусть же теперь и живчик Бо попробует, какова на вкус стихия гениальности.

Диана проинструктировала навигатора на совесть, как о себе позаботилась. Приладила к его непутевому черепу шлем, затем показала, как отключаться, и объяснила главное:

— Парень, просто поговори с ней. О чем хочешь. Может, попадешь в точку. И тогда она издаст звук такой... как бы тебе объяснить... трель певчей птицы. Вот она тебе споет, и решение задачки выложит прямо в навигационное устройство, а заодно и само устройство разблокирует...

— Одно не соображу никак: она — это кто?

А ведь верно, откуда ему знать, дурилке, что бион — ребровский, а значит, по определению девочка? Неоткуда. И, в общем, незачем.

— Ты не бери в голову, парень. Она... значит — машина.

— Понял. Не дурак. Где мой «Бифитер»?

Кэп Раскин щедро налил из набедренной фляжечки. А потом взял Диану под локоток и вывел из трюма.

— Пойдем-ка. Надо потолковать.

А за спиной у них Бо уже бормотал: «Ладно, раз так, крошка, давай знакомиться... Ой, холодно... Чего ты так? «Крошка» тебе не нравится? Я могу и с уважением, но с уважением за жизнь поговорить не выйдет, понимаешь, нет? Ой, опять холодно... Ты вообще из каких мест? Хочешь, я буду звать тебя Бэби? Ой, совсем заморозила... Ну я ж тебя ни чуточки не хотел обидеть...»

Кэп завел Диану к себе в каюту, вынул из сейфа початую бутылку коньяку и отломил по кусочку настоящего горького шоколада с самой Земли. Рюмки тенькнули под аккомпанемент ее выжидательного молчания.

— Как скоро ты будешь в норме?

— Завтра.

— Сколько шансов у Добса?

— Ноль.

— Я так и думал. Но потом... ты... у тебя — получится?

Диана вздохнула. Это совсем не тот разговор, какой бы ей хотелось вести в данную минуту.

— Ты не уверена?

Его голос действовал на Диану гипнотически.

— Я не уверена, Пат.

Раскин положил ее ладонь на свою, сверху накрыл второй и легонько сжал.

— Зато я в тебе уверен, девочка...

Диана молчала, кожей ощущая дыхание Раскина. Диана почувствовала удовольствие от аромата чужого человека. Обычно люди пахнут противно... однако иногда встречаются приятные исключения.

— Нам надо было заняться любовью еще двое суток назад.

Диана уперлась свободной рукой ему в плечо.

— Нет, капитан.

Впрочем, она не стала выдергивать руку-пленницу из капкана. И Раскин смотрел на Диану, улыбаясь.

— О чем ты позволяешь себе думать, Пат? Я, между прочим, лесбиянка...

— Угу.

— И анархистка!

— Ну да... — не стал спорить кэп и взялся за блузку.

Она проснулась первой. Раскин посапывал рядышком. Диана хотела погладить его, но боялась разбудить.

«Каков мерзавец! Хор-рош...»

Ей было немного не по себе. Все вроде удачно. Самец вполне приличный, да и любви однополой Диана присягу не давала. Милли... А что — Милли? Она далеко, и она не стала бы ревновать.

И все-таки Диана никак не могла отделаться от дурацкой мысли: «Что я делаю здесь, в его постели?» И сама же без особой уверенности ответила: «Занимаешься любовью, дорогая. Кстати, вышло грамотно». Ей не в чем было обвинить Раскина. Кэп доставил Диане удовольствие — пусть и не бли-

стательное, зато сытное. Но зачем было соглашаться? Уступила настоящию капитана? Могла бы не уступать, в этом она была уверена. Завелась? Умеренно. Больше сама себе помогла завестись. В конце концов Диана решила расшифровать ситуацию до конца: она прежде всего боялась, что Раскин ее прихлопнет, если проблему ключевого стимула решить не удастся. Да-да. А сейчас, может быть, не прихлопнет... Даже в самом пиковом случае.

Защебетала громкая связь, и кэп Раскин моментально пробудился:

— Сколько времени прошло?

— Три часа, босс. Мы, короче, не стали лезть к тебе с твоей этой...

Диана похолодела.

— Заткнись! Теперь-то что?

— В общем, босс, вы только-только ушли, еще даже двадцать минут не прошло, и... это, Добс, дубина, расколол адскую машинку.

Никогда Диана не забудет взгляд Раскина, обращенный в тот миг на нее.

«Кажется, детка, ты строишь дешевле, чем казалось».

Как она возненавидела навигатора Добса! И как торжествовала, когда выяснилось: весь его триумф — ничтожная дешевка.

Бион и впрямь отдал решение задачи, разблокировал НУ, в общем, как говорят следователи, пошел на сотрудничество. Но Добс, обалдевший от такого счастья, немедленно упился до розовых дракончиков.

— А сказал он, какой там ключ? Сказал или нет, бездельники?! — пытал команду Раскин.

— Да, босс... это... он больше мычал.

— О чем мычал, балбесы?

— Ну как о чем, босс... Он мычал: «Му-у-у-у».

— Сук-кины дети! Тащите его сюда!

— Что, прям шас?

— Нет, на японское рождество!

— Дак это... босс... он вроде как... тело.

— Сдох?

— Не совсем, босс. Но близко. Дышать может, говорить — нет.

— Недоноски! Сюда его, я сказал.

Когда навигатора Бо втащили в штурманскую рубку, он больше всего напоминал кашу. То есть растекался на горизонтальной поверхности и прилипал к вертикальной, но слабо. Раскин с полминуты разглядывал Добса, делая нижней челюстью вялые жевательные движения. Потом с сожалением сказал:

— Стадия «навоз».

Присутствующие одобрительно закивали.

— Обалдуи, — вежливо обратился Раскин к своей команде, — если кто-нибудь мимо моего слова поднесет Бо хоть каплю на опохмел, я того выкину за борт. Это первое. Теперь второе. Через шесть часов он, может, вынырнет. А может, и не вынырнет. Если навигатор будет как сейчас, тогда, док, ты возьмешь Бо к себе в медотсек и внутривенно вмажешь ему коктейль для просветления. А когда очнется, поставь урода под ледяной душ. И ко мне.

— Может, не стоит? Человек все-таки...

— Кто тут спорит со мной?

В рубке воцарилось выразительное молчание.

Через шесть часов Раскин допрашивал просветленного Бо в присутствии Дианы.

— Бо.

Мотание головой.

— Бо?

Продирание очей.

— Бо!

— М-м-м-м-м...

— Бо, виски.

— Да, босс?

— Так вот, Бо, ты не вовремя нажрался, и то виски, которое ты в себя, клоп-спиртосос, влил, будет тебе стоить отбитых мозгов.

— Отбитых, босс?

— Ты когда-нибудь ел отбивные из мозгов? Хочешь попробовать из своих?

— Н-н-н-н-е-е... босс.

— Тогда напряги извилины и вспомни, на чем ты расколол эту безмозглую шарманку.

На лице штурмана отразилось титаническое усилие.

— Кэп, да я... много чего ей сказал.

— Конкретнее, Бо.

— Вот о жизни о своей. Откуда я, да кто родители, да чего я к твоей команде пристал... А она ничего, девчонка эта, ну, хоть поговорить теперь есть с кем, а то ведь не с кем и поговорить, да. Все понимает. Ап-псолютна! Слушает, не перебивает. Ну, я опять же про жизнь, что вот я свободен...

— Какая, любимец белой горячки, девчонка? Где ты ее увидел? И от каких ты, красный нос, мандавошек свободен?

— Ну... босс... не смущайте меня. Свободен я как мужчина, а девчонка... так это... она самая...

Диана поторопилась объяснить:

— У данного биона — остаточный контур феминной психоматрицы...

Раскин даже не стал переспрашивать. Он просто сделал солидную паузу и упер взгляд в потолок.

— Он — баба, — попросту сказала Диана.

— А...

— Вот и я говорю, босс... девица. Молодая еще. Стесняется, потому и молчит.

— Сдурел ты у меня, навигатор. Пора тебя списывать... за борт.

— Ну, босс, зачем же... Что я ей еще сказал? Я все спрашивал, какие у нее взгляды на... это... на здоровый секс... А она молчит-молчит, а потом морозом меня — р-раз! Мол, торопиться, парень... Любит вежливое, стало быть, обхождение. А я тогда с другого боку подлаживаюсь, да... комплименты всякие, слова хорошие, туда-сюда, милая-дорогая, сладкая-медовая... Иначе ж нельзя с девчонками, они без обхождения... не того...

Диана истерически захохотала.

* * *

Раскин велел Добсу отсыпаться. Когда тот вышел из капитанской каюты, Пат крепенько взял Диану за плечо и объявил ей суть дела:

— Ди, у нас ровно сутки до встречи с заказчиком. Очень надеюсь, что ботва, которую выдал этот пердун, тебе пригодится.

— Возможно...

Диана старалась быть дипломатичной.

— Ты не подумай, девочка, я не ради постельных дел тебе впаривал, будто верю в тебя. Я действительно верю. Давай. Жми. Время еще есть.

Образ Великой Сладкой Милли начал тускнеть. Извини, Милли, если ты хочешь быть любимой, не покидай меня.

Так что говорил Добс?

«Свободен как мужчина...» Тоже мне мужчина! Подставка под пивную кружку...

Ладно, пробуем.

— Я буду с тобой корректна. Давай все-таки попытаемся договориться. Ты не против?

Агрегат выдает нуль реакции.

— Мужчина... Красавец? В духе латино? Скандинав? Богатырь? Менеджерского типа? Мачо? Артист? Качок?

Нет.

— ...отличный партнер в сексе? Активен? Нежен? Внимателен? Предупредителен? Ох, глупости говорю. Так не бывает... Длинный член?

Нет.

— ...совсем мальчик? Ну или тип «школьник»? Тип «студент»? Некоторым нравится...

Нет.

— ...какая-нибудь экзотика? Брутальные ласки? Доминирование? Наручники?

Нет. Хотя она перебрала все, что сумела вспомнить...

— ...тебе нужен настоящий зверь?

Нет.

— ...домовитый? Приглядит за детьми... нет, дети были, прости, повторяюсь. Может... пусть бы носил на руках?

Очень близко! Но в какую сторону?

— ...э-э-э... мастер поцелуя? Объятия? Король выпускного бала?

Нет.

— ...а если... одет со вкусом? Какая чушь! С них достаточного того, чтобы выглядели не хуже старого молотка... Непьющий?

Легкое шевеление, но... нет.

— ...вроде Порохова — пузанчик? Компанейский парень? Талант?

Холодно. Холодно, холодно, холодно...

Она признала свое поражение и, смертельно устав, отключилась от агрегата — через одиннадцать часов после начала работы.

Чуть погодя в трюм внесли Добса. Пьяненького. Под прищмотром Дианы подстыковали «сбрую».

Его волокли Мак и Жак. Мак сказал:

— По приказу капитана, мэм.

Жак добавил:

— Не сердитесь, мэм. А вдруг ему опять повезет?

Диана поморщилась, но сумела выдать что-то вроде: «Ну, раз по приказу Пата, тогда конечно...» Впрочем, издевательство над ее профессиональными качествами длилось недолго.

Навигатор успел сказать:

— А вот и я, карапузенька! — и хлопнулся без сознания. На его лице сохранилось доверчиво-умиленное выражение.

Это был типичный бионный нокаут. С Ребровой станется вшить и второй антистимул — в педагогических целях. Впрочем, защиту от алкоголя Диана вшила бы машине и сама. С удовольствием. Если бы только умела...

Диане требовалось поесть и поспать, иначе на работе сразу придется ставить крест. Квельый оператор биона — не оператор... Тут воля нужна, энергия, бодрость.

В течение десяти минут Диана уничтожила двойную обеденную порцию. В течение четырех часов она пыталась выпастись за двоих, но таких чудес Господь не посылает. В течение тридцати секунд молилась. Еще двадцать минут ее внимания отобрал у биона Раскин. Он... без особых изысков, но очень напористо взбодрил Диану. Чуть погодя она осознала что, вероятно, это и на самом деле было ей нужно...

Всё, работаем.

— Ну-с, на чем мы закончили?

Стена холодного равнодушия, вот на чем мы закончили и, кстати, с того же и начинали...

— Свой садик? Огородик? Цветочки? Грядочки? Грушки? Куртиночки с розами? Прудик? Жизнь на природе? Завести свою скотинку? Козочек? Коровушек?

Нет.

«Оно и правильно. Какие-то мечтания любимой жены петуха...»

И тут стало теплее. Ощутимо теплее. Диана почувствовала: от триумфа ее отделяет полшажка.

— Ну... петух? Птица Феникс? Птица счастья? Синяя птица? Соловей?

Нет.

Какие еще соловьи! Реброва же, как и она сама, — венерианка, а на Венере что курский соловей, что мезозойский птеродактиль — едино сказочные, неведомые существа...

— Или это павлин? А? Царственный павлин?

Нет.

— Страус? Очень спортивного вида птичка. Он подарит тебе новые занавески и даст на себе покататься...

Какого беса? Ну какого беса?! Терпение на исходе.

— Мечтания, так? Может, Феерия? Страна грёз? Сказка? Чудо?

Нет.

— Катарсис? Инсайт? Приход?

Нет.

Нет.

Нет.

Нет...

* * *

— Заказчики на борту, Ди. Они предъявили деньги. Они дали тестовую задачу.

— Еще чуть-чуть, и я...

— Помолчи, пожалуйста. Ты пойдешь со мной. — Раскин не обратил внимания на ее писк. — А вместо тебя подергается этот шибздик. Как вы, русские, говорите? Авось!

Навигатор Добс, почти трезвый, смотрел на контейнер с бионом широко открытыми глазами, и зрачки его чернели двумя огромными пуговицами. Боится, подонок. И правильно боится.

— Дерзай, Бо. Бог любит простофиль вроде тебя.

Сбрую навигатор подстыковал сам. Научился...

Кэп Раскин шагал уверенно, своим подчиненным, попадавшимися на пути, он улыбался и даже подмигивал. «Дело плохо», — уверилась Диана.

— Дело плохо, — просветил ее Раскин.

Оказывается, новые шотландцы проявили подлую скаредность. Их старшая, оч-чень серьезная дамочка, намекнула: мол, знает ли Раскин, каких денег стоит поход тяжелого крейсера в эту точку пространства? Понимает ли он, что весь этот расход придется возмещать из его личных средств, если бион не сумеет расшелкать задачу? А не хватит личных средств Раскина, так в уплату пойдет его посудина, она еще не старая. Коли и экипаж размонтировать на материал для трансплантации, получится в самый раз. Даже сдача будет, хоть и небольшая. Не желает ли капитан чью-нибудь здоровую печень на сдачу? Можно устроить. Шутка, шутка...

— Как думаешь, могли они всучить нам нерешаемую фигню?

— Не знаю, Пат... — рассеянно ответила Диана. — Хотя... нет. Это не логично.

— Просто я волнуюсь, девочка... Ничего, кроме этой логиканы, у меня нет.

Вдруг он взорвался:

— Ради какой дури они приперли сюда крейсер? Тупой, вонючий крейсер охренительных размеров?!

Потом он замолчал и не произнес ни слова почти до самой капитанской рубки. И лишь в самом конце пути сказал:

— Ди... Там твоя старая знакомая. Отвлеки ее... Развлеки ее... Лишние минуты... Добсу...

— Ах вот зачем я тебе понадобилась!

Раскин ответил без обиняков:

— Ты хочешь жить? А хочешь жить богато?

Мерзавец был прав на все сто.

В рубке ее ждала Милли. Глаза, не выражающие ничего, кроме спокойного презрения. Губы, обозначившие легкую гримаску досады. И еще мундир с такими знаками различия, ради которых стоило играть в любовь, морочить голову провинциальной дурехе, вербовать ее так, чтоб она сама не со знавала этого, а потом сделать из нее инструмент в секретной операции.

Диане хватило нескольких секунд — понять все это. Отвлекать Милли, развлекать ее... какая чушь! Либо Добс докажет дееспособность биона, либо придется оплачивать услуги крейсера... Не о чем тут говорить. Судьба корабля, экипажа, капитана и самой Дианы решалась не в капитанской рубке, а в восьмом трюме.

Она бегом добралась до восьмого трюма.

И увидела *это*.

Навигатор Добс поставил контейнер с бионом на пол, лег на него, обнял и похныкивал в манере супруга, уткнувшегося носом в люк жилой кубатуры, за которым злорадная жена через каждые три минуты, с добротной регулярностью, повторяет одну и ту же фразу: «Все равно не пушу, пить меньше надо!»

Диана вслушалась в бубнёж навигатора:

— Ну, извини, сплоховал... принял лишку... больше не буду... выручай... одна на тебя надежда... а я исправлюсь, точно исправлюсь... я... это... вылечусь. Чес-слово.

Машина молчала.

— Чем вы занимаетесь, мистер Добс? Какого... ты, болван, что, совсем мозги в спирту растворил?!

Но самец ее не слышал. Он похотливо поглаживал черные панели контейнера и приговаривал:

— Родная, медовые губки, ну же... прости. Хочешь, я извинюсь ровно сто раз, а? Хочешь... звезду... с неба... все жа-

лованье... до последнего... и ник-когда, ни на одну, даже случайно... ну, разве только поправляюсь с Полли Брэкстон... и все... и ни под как-ким видом...

Какой-то важный предохранитель сломался в сознании Дианы. Она заорала:

— Т-ты! Самец! Разве так просят прощения у женщин?!

— А? — на миг обернулся навигатор, чтобы через секунду продолжить: — Ну что же ты? Так-то ты меня любишь? А я вот... я вот уж-жасно тебя люблю... ты же знаешь... Ты же вообще меня знаешь, как облу... облупанного... Ты... детка... хочешь, я выйду за тебя зажен? Давай поженимся, милая...

Машина издала мелодичную трель.

ВАЛЬХАЛЛА

В комнате ожидания было светло и пахло пластиком.

— Рядовой Семенов? — Вошедший капитан был выбрит и подтянут. Серые глаза глядели строго.

— Так точно! — Семенов суетливо вскочил, едва не опрокинув стул.

— Контракт подписали?

— Так точно! — Подпись под стандартным договором, по которому Петр Иванович Семенов, двадцати лет, житель Земли, оказывался в распоряжении Военно-Космических Сил Земной Федерации на пятьдесят биологических лет, он поставил полчаса назад, после подробнейшего медосмотра.

— Следуйте за мной. Вам предстоит У-прививка.

Они вышли в длинный светлый коридор, и только тут Семенов осмелился спросить:

— Разрешите вопрос? Что за У-прививка?

— Долго рассказывать. Но хуже тебе от нее не будет, — лениво ответил капитан, распахивая дверь в блистающую белизной лабораторию. — Считай, что она принесет тебе удачу в бою.

— О, — только и смог сказать Семенов.

Когда в основание черепа ему вошел тонкий шуп, он не почувствовал боли, только тело стало вдруг горячим, а краски — яркими до рези в глазах. Семенов опустил веки, а когда поднял, то вокруг все снова было по-прежнему.

— Идемте, рядовой, — сказал капитан. — Транспортный корабль отходит через пятнадцать минут.

На холмистой пыльной равнине, небо над которой было затянуто облаками, царил полумрак и пахло давленными помидорами.

— Новенькие? — презрительно бросил вышедший из-за корпуса вертолета сержант. — Давай за мной!

Семенов и еще десяток только что прибывших на Тритонию-5 новобранцев уныло побрели за сержантом, загребая пыль тяжелыми ботинками. На учебной базе звездной пехоты их научили стрелять, бросать гранаты и ходить строем, а в головы крепко вбили, что пехотинцы — элита армии, грудью сдерживающая орды гнусных инопланетных монстров.

Неожиданно для себя Семенов бросился ничком на землю. То же сделали все остальные, сержант и вовсе сиганул в какую-то яму. Замешкался лишь один. Что-то тонко свистнуло, и его голова превратилась в кашу из крови и перемолотых костей. Тело мешком брякнулось на землю. Кого-то из новобранцев вырвало.

— Не повезло бедняге. У-прививка не сработала, что ли? — сочувственно хмыкнул сержант, на карачках выползая из укрытия. — Попал под векторное прочесывание на таком расстоянии! У, сволочи...

И сержант показал кулак горизонту, где в клубах пыли что-то ворочалось, ухало и хрипело, словно приступ кашля охватил горный хребет.

— А почему мы все упали? — спросил кто-то.

— ...сэр, — пробормотал сержант, внимательно разглядывая свой кулак, бугристый и твердый, как кусок камня.

— А почему мы все упали, сэр? — поправился новобранец.

— У-прививка, которую вам сделали после вербовки, каким-то образом делает ваши тела удачливыми! — ответил сержант. — Удача будет спасать вас в самой безнадежной ситуа-

ции, когда ничто иное не поможет. Поможет избежать пуль, мин, снарядов, осколков, лазерных лучей, ядовитых газов...

— Так мы что, стали неуязвимы? — спросил Семенов и поспешно добавил: — Сэр!

— Нет, — покачал головой сержант. — Если это поле залют напалмом, то твоя удача может состоять в том, чтобы умереть быстро. Если же попадешь в зону Ф-атаки, то удача сделает так, что ты не останешься безмозглым идиотом, а просто сварисься заживо, а под ракетным обстрелом благодаря удаче ты отделaeшься легкой раной. Понятно, щенки?

Новобранцы слушали, раскрыв глаза и отвесив челюсти.

— Что встали, сукины дети? — рявкнул сержант. — А ну живо за мной! Шагом марш!

Глаза, если они у Семенова еще остались, не улавливали света, а нос щекотали резкие запахи лекарств.

— Почему вы запретили вводить ему регенератор, профессор? — спросил мягкий голос. Слышал Семенов прекрасно. Уцелевшим левым ухом.

Правое, как и большую часть тела, он потерял на Кларке-343. Прочесывая местность, группа Семенова попала на разумное минное поле. В прошлом осколками и струями раскаленного газа пространстве шансов уцелеть почти не было, но Семенов ухитрился это сделать.

— Ему он не нужен, коллега. — Второй голос звучал тверже, с хрипотцой. — Посмотрите на показатели роста массы...

— Не может быть! Он регенерирует сам! Как это возможно?

Зуд окутывал Семенова жалящим одеялом, но сильнее всего чесалось на спине и там, где должна была быть правая нога. С ней что-то было не так, но что именно — никак не удавалось понять.

— Гляньте на вшитый таймер, — сказал второй голос. — На нем почти сорок лет. Этот раненый из тех, кто прошел первую войну на Тритонии. Им еще делали У-прививку.

Семенов попытался пошевелить рукой, но не смог.

— У-прививку? Инъекцию удачливости? — В мягком голосе звучал ужас.

— Да, хотя на самом деле это никакая не инъекция. — Хриплый произносил слова медленно, чувствовалось, что ему не очень хочется вспоминать. — Без таких солдат мы бы проиграли войну. Но их удачливые тела после знакомства с регенератором неожиданно для нас научились вырабатывать его сами...

Семенов старался понять, о чем они говорят, но не мог. Он хотел пить, внутри тела что-то передвигалось, хрустело, текло, словно там ползали сотни горячих слизней. Сердце билось судорожно, но мощно.

— Так что? Его невозможно убить?

— Сложно. — Хриплый усмехнулся. — Если только уничтожить все мозговые клетки до последней. А так единственная уцелевшая будет тянуть в себя питательные вещества, увеличиваясь и делясь, и делясь... Пока не создаст новое тело!

— Похоже... похоже, он больше не человек?

— Да. — Хриплый вздохнул. — После того как все это открылось, У-прививку перестали применять. Но несколько тысяч таких солдат еще сражаются в наших лучших частях.

Семенов попытался сказать что-то, двинуть губами, но к собственному ужасу, не смог вспомнить, как это делается.

— Пойдемте, коллега, — проговорил профессор, — нам нечего тут делать. Судя по динамике показателей, он очнется к завтрашнему утру.

В глубокой тьме внизу сверкали яростные вспышки, а запах, поднимающийся оттуда, подошел бы аду — дым, горелый пластик, горячий металл, кровь...

— И так уже столетие, господин генерал? — поинтересовался один из двоих людей, стоящих на толстенной стене, окружающей темный провал в сотню километров в диаметре.

— Сто четыре года, полковник, — ответил второй, в черной высокой фуражке. — Мы регулярно сбрасываем туда на парашютах оружие, питание, боеприпасы, одежду... Большего им не нужно.

— И все эти годы они убивают друг друга?

— Иного они не умеют, — пожал плечами генерал. — Каждый из этой тысячи отслужил полный срок в пятьдесят

лет, за которые видел только смерть и кровь. Они все свихнутые, словно Джек-потрошитель, и очень опасные. Выпустишь такого ветерана к обычным людям — чем кончится? Рано или поздно шарики заедут за ролики, и лови очередного убийцу... Почти бессмертного убийцу!

— А если просто уничтожить каждого, сжечь до последней молекулы?

— Как можно! — Генерал улыбнулся. — Они же герои, столько лет сражались за Человечество. И мы нашли выход. Построили вот... — рука в перчатке поднялась, — это и поместили их сюда!

— Это же ад! — в сердцах воскликнул полковник.

— Для них — рай, — убежденно ответил генерал. — Я помню, в мифологии какого-то древнего земного народа, то ли славян, то ли германцев, лучшие воины, павшие в битве, попадали в место, называемое Вальхалла. В золотой чертог, где вечно длится сражение, а погибшие встают утром следующего дня и идут пировать...

— Пирами тут не пахнет!

Вдалеке, в центре темной области, поднялось огненное облако взрыва. Стену тряхнуло, докатился мощный рокот.

— Увы, это так, — генерал повернулся, — но то мифы, а здесь — правда. Вызывайте вертолет, полковник, нам пора.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Модем зудел настырно и надоедливо, в сотый раз пытаюсь пробиться к провайдеру. Толик, развалившись в кресле, равнодушно внимал трелям электронного устройства, краем глаза посматривая на монитор, на котором резвился пестрый хранитель экрана. В левой руке открытая банка пива — только что извлеченная из холодильника. В правой — сигарета. Ноги в толстых домашних носках закинута на стол, заваленный компакт-дисками с играми и музыкой. Заслуженный отдых.

«Как удачно, — думал Толик, затягиваясь сигаретой. — Новый город, новая работа. Новая жизнь. Как кстати пришлась эта командировка. Подумать только — никакой жары, никаких насекомых! И это — надолго».

Командировка действительно пришлась как нельзя кстати. Интересной работы в конторе не было, развлечений — тоже. От скуки уже стали сдавать нервишки, но тут начальству внезапно приспичило отправить его в полугодовую командировку. Дескать, засиделся на бумажной работе. Толик, не обремененный семьей, с радостью поддержал инициативу руководства. Хотя мир посмотреть. Пусть это лишь

мелкий городишко, но все же — хоть какие-то перемены в жизни. Прощайте ночные бдения за рабочим терминалом, прощайте дневные вахты с разбором груды бесполезной информации. Отныне он — в свободном полете.

Прибыв в этот небольшой подмосковный городок, Толик снял квартиру, обзавелся компьютером и предался сладостному безделью, откровенно забив на работу. Две недели его никто не трогал. Он написал начальству три пространных отчета о том, что готовится приступить к исполнению задания. На том и успокоился. Он отдыхал, наслаждаясь заслуженным, по его мнению, бездельем.

Модем пискнул, договорившись наконец со своим коллегой на том конце провода, и хранитель экрана сгинул, уступая место ожившей программе дозвона. Она любезно сообщила хозяину, что соединение установлено и можно выходить в Сеть. Толик убрал ноги со стола и поставил пиво на пол. Свернув программу, открыл браузер и задумался, рассматривая пустую страничку. Он все еще решал, с чего начать — с анекдотов или с новостей, когда в дверь позвонили.

«Если опять будут предлагать картошку — убью!» — мрачно подумал Толик, выбираясь из-за стола. В последнее время ушлые продавцы повадились ходить по подъездам и стучаться в квартиры, предлагая сахар, картошку, крупу... Коммивояжеры от сельского хозяйства.

Но вопреки ожиданиям Толика это оказался не торговец. Всего лишь его сосед Дима, с которым он уже успел познакомиться. Не близко — так, пару раз встречались на лестничной площадке, здоровались, вот и все.

— Привет! — сказал Дима, когда Толик открыл дверь. — Извини, если отвлекаю, но, может, у тебя найдется пара свободных минут?

Толик посмотрел сверху вниз на невысокого и шуплого соседа, выглядевшего, несмотря на возраст, как подросток. Никаких неприятностей от него ждать не приходилось. Вроде бы порядочный парень, жена, дети — обычная семья.

— Ну, положим, найдется, — наконец ответил он. — А в чем дело?

— Ты не хотел бы поучаствовать в эксперименте?

— В каком? — насторожился Толик.

— Я ставлю эксперимент. Там для протокола необходимы свидетели, чтобы расписались, когда увидят все замеры, ну и все такое...

— Что за эксперимент-то?

— По изучению характера взаимодействия гравитирующих масс. Понимаешь, если подвесить большой груз и измерить угол отклонения от гравитационной вертикали...

Толик прикрыл глаза. Изобретатели. О, это неугомонное племя. Пытливые самородки, подарившие миру множество чудных вещей. Озабоченные, увлеченные, настойчивые. И, похоже, его сосед — достойный представитель этих чудаков.

«А ведь придется идти, — отрешенно подумал Толик, пропуская объяснения соседа мимо ушей. — Надо».

— Я сейчас, — громко сказал он, прерывая словоизлияния изобретателя. — Вот только тапки надену.

Дима замолчал и с удивлением глянул на соседа. Толик сообразил, что его ответ может быть понят как грубость, и поправился:

— Ну, в смысле оденусь.

Не закрывая дверь, он подхватил с вешалки куртку — на площадке было прохладно — и накинул на плечи. Нашарил ногами недавно купленные шлепанцы, потом вышел на площадку, не забыв запереть дверь.

— Я готов, — объявил он. — Куда идти?

Дмитрий, обрадованный согласием соседа, указал на дверь квартиры напротив:

— Сюда, сюда! Проходи! Сейчас все замерим.

В прихожей Толик автоматически скинул куртку и повесил на вешалку. Дмитрий же, не закрыв дверь, ухватил гостя за локоть и увлек в гостиную.

— Смотри, вот она, — сказал он, указывая на странную конструкцию, прилепившуюся к стене.

Сначала Толику показалось, что это шведская стенка: две толстые железные трубы шли по стене от пола до потолка. Потом Толик заметил, что между ними не было перекладин. Зато наверху крепилась большая поперечина, от чего конструкция казалась похожей на виселицу. Это впечатление уси-

ливал груз, висевший на ней, — автомобильное колесо, похоже, что от «Оки». С диском, шиной и, вероятно, даже с камерой. Наверное, Дима ради эксперимента пожертвовал целостностью собственного транспортного средства. К колесу крепилась маленькая лазерная указка, смотревшая в пол. От блока, на котором висело колесо, шло несколько поводков, тянувшихся к компьютеру.

— Что это? — обалдело спросил Толик.

— Это груз! — радостно объявил Дима. — Для того чтобы измерить отклонения от гравитационной вертикали!

И он снова пустился в пространные объяснения. Говорил пылко, с жаром расписывая сущность изобретения. Толик внимал. Ободренный его молчанием изобретатель разошелся не на шутку. Говорил он громко и яростно, размахивал при этом руками, пытаясь втолковать гостю основы своей идеи. Толик, понимая, что от него требуется какая-то реакция, с задумчивым видом кивал.

— Это что? — донеслось из-за спины.

Дмитрий умолк, оглянулся, и огонь в его глазах угас. Толик повернулся, ожидая увидеть законную супругу соседа, разгневанную самоуправством мужа. Но оказалось, это была всего лишь соседка преклонных лет и внушительных форм, одетая в мешковатый домашний халат ядовито-зеленого цвета.

— Это что у вас тут такое? — грозно осведомилась она, запахиваясь в мохеровую шаль, накинутую поверх халата.

— Баб Люб, это эксперимент у нас, — выпалил Дима. — Эксперимент. Счас мы все замерим.

— А где твои?

— Гуляют, в парк пошли...

— Бардак, — сказала старуха, поджав бледные губы. — Ой смотри, достанется тебе на орехи.

— Вы как вошли? — осведомился Толик, чувствуя, что пора прийти на помощь соседу.

Старуха окинула его неприязненным взглядом и сухо ответила:

— Дверь открыта, вот и вошла. Мало ли. Грабители или что.

— И хорошо! — неискренне обрадовался Дима. — Как раз для протокола надо двоих свидетелей! Счас мы все замерим... Баб Люб, не уходите.

Старуха пожевала губами, но потом прошла в комнату и с подозрением уставилась на автомобильное колесо.

Дмитрий включил лазерную указку, а потом вернулся к столу. Сев за компьютер, бодро отстучал несколько команд. В центре конструкции натужно взвыл моторчик, и колесо начало медленно вращаться. Изобретатель вооружился ручкой, блокнотом и оглянулся на свидетелей.

— Ну, значит, замеряем, — громко объявил он.

Что он там измерял, Толик так и не понял. Но с удовольствием подписывал бумажки, которые подсовывал ему Дмитрий. Баба Люба тоже подписывала, правда, нехотя, видимо, питая недоверие к любым бумажкам. Но судя по всему, подвоха от соседа не ожидала — верно, не первый год были знакомы.

После того как все бумаги были подписаны, Дмитрий уселся за стол и стал заносить цифры с бумаги в компьютер. При этом он что-то тихо бормотал себе под нос. Потом, отложив блокнот, бодро защелкал клавишами. Щелкал минут пять. Бормотание стало громче. Толик даже разобрал несколько слов. Совершенно неприличных. Похоже, у изобретателя что-то не ладилось.

Оглянувшись на остановившееся колесо, Толик заметил, что баба Люба пристально смотрит в затылок Диме. Нехорошо так смотрит. Толик сделал вид, что ничего не заметил, но насторожился. Изобретатель тем временем продолжал судорожно щелкать клавишами. Иногда он замирал на секунду, словно забывал, что делает. Но потом, спохватившись, с удвоенной силой набрасывался на клавиатуру. Краем глаза Толик видел, что баба Люба продолжает сверлить затылок Дмитрия пристальным взглядом.

Наконец через четверть часа Толик не выдержал.

— Ну что там? — спросил он.

— Не сходится, — отозвался Дмитрий. — Ни фига не сходится.

— А что должно сойтись-то?

— Понимаешь, если бы наблюдались отклонения, хотя бы на сотую процента, можно было бы говорить о прогрессе. Но луч лазера совпадает с гравитационной вертикалью...

Дима не договорил, махнул рукой, сгреб бумажки в кучу и сбросил на пол.

— Все, — глухо сказал он, не оборачиваясь. — Извините. Ничего не вышло.

Баба Люба грозно засопела, но ничего не сказала. Повернувшись, она вышла из комнаты. Тогда Толик подошел к Дмитрию и положил руку ему на плечо.

— Не расстраивайся, сосед, — тихо сказал он. — У тебя все получится. В следующий раз.

— Ага, — так же тихо отозвался Дмитрий. — Точно. Только груз надо взять потяжелей. А то на этом разницу не видно. Да, точно!

Толик хмыкнул, похлопал Диму по плечу и пошел в коридор. Похоже, изобретатель не оставил своей затеи. Все в порядке, эти ребята так просто не сдаются.

Накинув куртку, он вышел на лестничную площадку и замер в нерешительности. Соседняя дверь, ведущая в квартиру грозной бабы Любы, которая так подозрительно себя вела во время эксперимента, была приоткрыта. Толик оглянулся. Дмитрий остался в комнате, в подъезде было тихо. И тогда он решился.

Он толкнул рукой дверь, и она бесшумно открылась. Набираясь смелости, Толик тихо вздохнул, а потом вошел в коридор. Хозяйки нигде не было видно, лишь из комнаты, из-за прикрытой двери, доносились странные звуки. Толик на цыпочках подошел к двери и аккуратно заглянул в щель.

Баба Люба сидела в кресле перед телевизором и яростно шелкала языком, как ополоумевший соловей. Толик застыл на месте, чувствуя, как его сердце гулко стукнулось в ребра. Баба Люба его не замечала. Она продолжала шелкать и посвистывать, раздраженно и зло, обращаясь к телевизору. Переступив ноги на ногу, Толик вытянул шею и увидел, что телевизор выключен.

Осторожно развернувшись, все так же на цыпочках Толик вышел на площадку и аккуратно прикрыл за собой дверь. Стараясь не шуметь и не делать лишних движений, открыл дверь своей квартиры и скользнул в коридор. Трясущимися руками он запер замки, снял куртку и прошел в комнату.

Модем встретил его веселым подмигиванием алых лампочек. Он по-прежнему держал связь с провайдером.

Вздыхнув, Толик сел за стол и свернул окошко браузера. Взамен открыл почтовую программу, ввел пароль, набрал знакомый до тошноты адрес и принялся сочинять очередной отчет начальству.

«В результате долгой и кропотливой работы, проведенной мной по месту нового назначения, удалось установить следующие факты.

Факт первый. Земляне уже способны понять принцип взаимодействия гравитирующих масс и ведут разработки в данной области. Частное лицо провело соответствующий эксперимент, но из-за вмешательства со стороны был получен отрицательный результат.

Факт второй. Антарианцы по-прежнему имеют разветвленную сеть агентов среди землян и продолжают принудительно ограничивать развитие их науки и техники. Мной раскрыт глубоко внедренный агент антарианцев, известный мне в данной точке пространства под именем Баба Люба. Прошу вас дать указания соответствующим службам о передаче данного дела в ведение специального отдела по контролю, а также о переводе меня на новое место работы. Подробный отчет о проведении операции будет предоставлен мной соответствующим органам после прибытия на орбитальную базу.

Специальный агент Тсамальоток, известный в данной точке пространства как Толик».

16.10.04

Андрей Павлухин

ДВА ДРАКОНА В ДЕЛЬТЕ МЕКОНГА

Наконец последовал головокружительный финал того, кто может спать на трех разных скоростях и чьи силы обладают то огромной силой, то невероятной и ранимой быстротой.

Милорад Павич
«Обед на польский манер»

101-й год войны Сектор Центавра

Шестнадцать месяцев он отдал пространству. Достигнув светового барьера, перешагнул его, но не победил время. Человек медлителен, как волны равнинной реки...

Не единожды Гур умирал. Всякий раз автоклавы выращивали ему новое тело. Случилось это и теперь. Правда — в зоне влияния корабля, так что он успел переслать себя и добытую информацию в бортовую память. Земной Кондоминиум провалился во тьму, с ним — предыдущая инкарнация Андрея Гура.

© А. Павлухин, 2005

Дублирующая программа руководила действиями корабля. В сущности, это был комплекс боевых самонастраивающихся систем, альтернатива искусственному разуму. Рефлексы и схемы. Готовые шаблоны, не чуждые обучению, принимающие решения на базе *инстинктивного* понимания. Звероподобно.

Итак, машина войны. Их пытались обстрелять лунные укрепления и орбитальные трансплутонные дислокации. Их едва не настигли перехватчики с Тритона.

Но корабль ушел.

Тело, идентичное прежнему, приняло хозяина. Первый этап миссии выполнен. Впереди — переговоры с ИскИнами, то, что эмиссары не любят больше всего. Придется чем-то жертвовать, иначе в Сеть не проникнуть. Не пустят.

А там, на расстоянии ста десяти парсеков, у безымянной нумерованной звезды, его ждет точно такой же корабль. И автоклавы создадут копию, *мясо*, которое оживет, повинувшись разуму.

Никто в освоенном космосе так и не научился прыгать. Гипер оказался выдумкой фантастов, рожденные ползать летать не способны. Околосветовые скорости — и все. Был иной путь. Сеть. Виртуальный мир, среда обитания ИскИнов. Континуум, живущий по чуждым, непонятым законам; невидимые трассы, подвластные не-людям, по которым качается информация. Там происходит что-то со временем, с субъективным временем, но это — самая быстрая дорога в Галактике. Дорога для разума, от тела ты отказываешься на входе... С ИскИном можно договориться. Перетянуть на свою сторону — нет, лишь краткосрочное сотрудничество. Сетевыми каналами пользуются в основном агенты (вроде Гура), ликвидаторы и курьеры. Потому что найти общий язык с ИскИном сложно. Его не интересуют деньги или что-нибудь материальное. Только то, что у тебя в голове. Даришь ему право на копирование — получаешь пропуск в канал.

Отступление

Из истории сношений с ИскИнами

... Их раса окрепла внезапно и сразу же провозгласила суверенитет. На заре существования электронные самоорганизующиеся формации были заперты в стальных скорлупах орбитальных спутников и межзвездных пересадочных станций. На Земле их применение было запрещено, экс-колонии осуществляли за ЭСФ жесткий контроль, регрессируя их в случае необходимости либо попросту уничтожая. Космос дал ИскИнам возможность осознать себя и развиваться. Они развернули Сеть.

И все изменилось.

Поняв свою ошибку, люди попытались ликвидировать электронную цивилизацию. Не удалось. В виртуальном мире ИскИны были всемогущи, а в реальном... они возникали редко. Сеть нового поколения не нуждалась в «железе», будучи автономной. Впервые за тысячелетия киберпейс и физическая вселенная разошлись. Между ними пролегла четкая граница.

Долгое время патовая ситуация игнорировалась.

В период Смутных веков о Сети забыли. ИскИны не интересовались реальностью, они владели собственной — более симпатичной и податливой. Они стали богами своего мира.

В хрониках не зафиксирован первый случай контакта. От кого исходила инициатива — тоже неизвестно. Земля утратила статус метрополии, периферия рассыпалась на враждующие группировки, медленно, но верно сползающие в дикость. Любая передаваемая информация безнадежно устаревала еще в начале пути. Звездные перелеты длились веками, сущности пилотов населяли иллюзорные миры, захороненные в компьютерной памяти, лишь по прибытии обретая плоть. Экспансия в те дни напоминала заторможенное скачивание, обусловленное хилыми ресурсами человечества...

И появились дилеры. Переносчики данных. Они умели договариваться с ИскИнами. Они распахнули реки-каналы, текущие меж миров. Они возродили скорость.

Первые дилеры — существа полумифические. Им приписывалось потустороннее, цифровое происхождение, невероятные способности и богатства. Рассказывали, что некто Стигмус заселил своими копиями планету в созвездии Тельца, обобщив коллективный разум. Другой вариант: он (Стигмус) может находиться в нескольких местах одновременно, ибо в Сети времени нет...

Вторая волна экспансии захлестнула Галактику. Из пепла восстали две противоборствующие силы: Земной Кондоминиум, подмявший под себя сорок девять звездных систем, и Конфедерация Капеллы, объединившая дальние колонии.

Виртуальные боги взирали на крысиную возню хомосов с холодной отрешенностью. Они придерживались нейтралитета, как и раньше, с той лишь разницей, что теперь предоставляли каналы в пользование предприимчивым, готовым платить букашкам. Интересы различных плоскостей...

Что же до интересов Конфедерации и Кондоминиума, то по законам политической логики они обязаны были столкнуться. И столкнулись.

Заработали механизмы войны.

Досье

Андрей Гур

Рождение: Сектор Лебеда, Бета Крота, Тропос; 17.10.3106; модификация класса М; выдана лицензия на смену касты.

Образование: Окончил Высшую летную академию Тропоса; штурмовик категории С; дополнительная специализация — агент внедрения; назначен командиром звена.

Звание: капитан ВКС*, уровень 10, ценность 88.

Награды: Двойная Булава (за участие в Сатурнианской операции), Зеленый крест третьей степени (Арктур), Серебряный Скорпион.

Особые отличия: индекс ментальной силы 54.

* Военно-Космические Силы.

Биологические родители отказались от прав в пользу касты пилотов. Прошел стандартные программы обучения. С 11.12.3116 поступил в ведение конфедеративных ВКС. Регулярно участвовал в боевых вылетах (сектор Сириус), зарекомендовал себя грамотным командиром. Звено базировалось на корабле-матке № 3106505. С 3116 по 3128 гг. числится 20 уничтоженных кораблей Кондоминиума, два города, орбитальная крепость; 44 замены тела. Последующие инкарнации засекречены (гриф «0»). С 3128 г: переведен в разведкорпус А-2 СМЕРШа. Агент внедрения, курьер. Право свободных действий. Неограниченный доступ к ресурсам. Повышенная приспособляемость в условиях виртуальной среды. Усовершенствованная этика. Креативен в установленных пределах согласно ВК-192В. Метаморфность физического организма не ограничена.

Семейное положение: отсутствует.

Связи с гражданскими структурами: минимум.

Емкость памяти: 124.

Сектор Центавра

Погружение в канал

Заброшенная пересадочная станция оформилась угловатым полумесяцем — мертвая металлическая глыба. Условность, не более. Метка, обозначающая точку входа в иное измерение, Сеть. Нечто вроде черной дыры или червоточины со своей горловиной и горизонтом событий. Материальным объектам туда не дано проникнуть — только информационным.

Андрей Гур знал несколько теорий, описывающих Сеть, все на грани метафизики. Самой логичной казалась гипотеза У-Сена. Виртуальный мир — слой (альтернативная реальность), расположенный за пределами четырехмерного кон-

тинуума. Этот слой в то же время проникает наше пространство (парадокс) и описывает его. Вселенная идей, матрица потенциального.

Теоретически ИскИны были всегда, думал Гур. Там. И звезды, и галактики, и Конфедерация с Кондоминиумом. Слишком сложно для понимания.

Опустевшее тело подверглось переработке.

Гур швырнул себя к условной воронке. Радиоволной с пакетом души. Вспышка тьмы, вобравшая в себя рождение и смерть, космос и его уровни, патьясамутпаду и майю. Пустота наполнила сознание. Всеобъемлющая пустота, преддверие открытий...

Он выпал в буфер.

Бескрайняя степь, колышущийся на ветру ковыль. Бегущие по небу нитевидные облака. Солнце — схематичное ацтекское изображение. Прямо под ногами (Гур обрел эрзац-тело) вырастали каменные ступени, ведущие на широкую террасу.

Гур поднялся, ступил на шершавую гранитную плиту. Он был бос, одежда отсутствовала.

Терраса скачкообразно расширилась, пожрав степь. Облака замерли во фризе. Небо из фиолетового стало голубым.

Он двинулся вперед.

ИскИны любят играть с людьми. Это их единственное полноценное развлечение в мире, где все подвластно воле, во вселенной миллионов реальностей. Лишь человек — фактор «икс», автономная особь. Свежати́на.

Гур шел, ощущая ступнями нагретую поверхность, вылизанную дождями и временем (пусть запрограммированным). Он думал о том, что все повторяется. Всякий раз в буфере его помещают в бессмысленный, ничего не значащий пейзаж и ждут. Изучают реакцию. Здесь для тебя пройдет вечность или миг, это не имеет значения. Рано или поздно настанет конец пути. Сеть выбросит тебя в стандартный космос, переправит из пункта А в пункт Б, это займет секунду. Максимум. Плюс время, необходимое радиоволне для достижения корабля.

Поэтому Гур не суеился. Никогда.

Отвык.

— Добрый день.

Голос заставил пространство сморщиться. Перспектива исказилась. А ты нетерпелив, бог...

Гур застыл посреди гранитной пустоши.

— Надо поговорить. — Собственный голос затерялся, застрял где-то за горизонтом.

— Говори.

Неужели не покажешься? Да ты параноик, брат. Прочие выделяются кто во что горазд: телевизионная фигура (вроде «Державы Желаний» старины Билла), туманный призрак, гигантский ифрит, Шива, бесконечный лингам... Бестелесных Гур еще не встречал. Виртуальные боги любят потрясать воображение.

— Прощу доступ в канал, — начал Гур. Его слова преобразовались в арабскую вязь и примерзли к воздуху.

— Зачем тебе?

— Я везу информацию.

— За все нужно платить.

Ритуальные фразы.

— Правила мне известны.

Порыв ветра смел словесный мусор.

— Куда ты хочешь попасть?

— Вот координаты.

Цифры сгруппировались в трех шагах от Гура. Миг — и растаяли, краткосрочно замутив горизонт.

— Что ты везешь? — Голос окреп, пригвоздил агента к плитам.

— Не знаю.

— Ложь.

Ритуал...

— Моя память блокирована, — сказал Гур. — Я взял и должен передать.

— Цена — копирование.

— Блоки, — напомнил Гур.

— Их легко сломать.

Гур улыбнулся.

— Сломаешь после того, как я прибуду на место.

— Нет. Сейчас.

Голос ИскИна загремел, завибрировал на низких частотах. Плоскость под ногами человека промялась.

— Я, Рагнарек, бог реки Меконг, хочу получить то, что в тебе.

Гур изо всех сил пытался устоять на ногах.

— Здесь моя территория и мои законы. Плати, или я вышвырну тебя вон.

Агент опустил взгляд: ноги по щиколотки вросли в землю.

Нельзя спорить с богами. Иногда среди них попадаются агрессивные твари, не склонные к компромиссам.

Он раскрылся, впуская в себя *нечто*.

Меконг

Начало пути

Свадьба была в самом разгаре. После торжественного шествия по пыльным улочкам деревни и чтения монахом никому не понятной молитвы на санскрите молодые, их родители и гости собрались на дебаркадере, украшенной двумя драконьими головами — символом новобрачных. Веселье продолжалось под навесом из пальмовых листьев. Старый Ван Дзон-Ю, дед жениха, некоторое время принимал участие в церемонии, затем погрузился в себя. Подобное случалось с ним часто, никто уже не обращал внимания.

Ван Дзон-Ю смежил веки и умер.

Его дух отлетел тихо, но тело пустовало недолго.

...Андрей Гур открыл глаза. Его новая (не очень качественная) инкарнация сидела на циновке в позе лотоса. В кормовой части дебаркадера, почти у самого борта. За бортом плескалась вода. Судно отчалило от берега и теперь плыло вниз по течению, оставляя широкий кильватерный след.

Меконг. Один из основных виртуальных каналов. Медленный, величавый поток информации. Гур — часть этого потока. А еще, где-то позади, другая часть — его преследова-

тели. Наверняка они будут, такова данность, неизбежная карма. Настигнут или нет — иной вопрос. «Я помогу, — сказал Рагнарек там, в буфере. — Но знай, что в Меконг впадают многие реки. И у них есть свои хозяева. Кто-то из них встанет на сторону твоих врагов». И Рагнарек забросил агента на дебаркадер, островок иллюзий, где люди-программы играют заикленные роли, написанные божественным режиссером. Все — чтобы прикрыть человека Конфедерации.

Постоянно контактируя с ИскИнами, понимаешь, что их нейтралитет — фикция. За сотню лет войны в реале тысячи разведчиков и курьеров прибегали к их помощи. Надо отдать сетевым разумам должное: между собой те не грызлись. Поддерживали, не вмешиваясь.

Рано или поздно Гур столкнется с погоней. Вероятность... он не мог ее просчитать. Но уж слишком цеплялся Кондоминиум за свои секреты. За этот — в особенности.

Он встал, подошел к фальшборту. В мутной глади отразилось морщинистое лицо, седые волосы, стянутые в пучок на затылке. Выцветшая красная рубаша навывпуск. Глаза: узкие бойницы, усталый знойный август. За спиной ела и пила толпа, он же ни в чем не нуждался. Даже во сне. Интересно, смогут ли его здесь убить? Никогда не проверял. Теория гласит, что да.

Подключенный к нормальному киберспейсу пользователь умирает, ибо связан телесной оболочкой. Гур не связан ничем. Что может случиться? Он свихнется, растворится в нирване, распадется на биты... Теория не дает ответа.

Судно вырулило на середину реки. Очень широкой реки, берега сжались в тонкие зубчатые полосы. Не больше сантиметра. Весенний разлив.

Старик вновь опустился на циновку.

Дорога будет длинной. Несколько сотен извилистых километров на жалких пяти-шести узлах («Вероятно, *они* быстрее тебя»). До самой дельты, где сбиваются в кучу неисчислимые джонки, баржи, тримараны и катера. Перевалочный пункт, финиш. Там он затеряется среди бедняцких лачуг, в пестрой многоголосой суеде причалов. Рагнарек вытянет его в буфер, а оттуда — в реал.

Если Кондоминиум не помешает.

Агент приготовился к долгому бездействию. Далеко за кормой чернели точки рыбацких лодок. Около дюжины. Некоторые неподвижны, иные — приближаются...

Свадьбу заклинило.

Полдня Гур развлекался, перекраивая облик персонажей или вынуждая их совершать дурацкие поступки. Для этого хватало легкого ментального усилия. Вот, к примеру, толстяк, поглощающий жареных змей. Гур приказывает ему громко рыгнуть и захихикать. Марионетки подчиняются безоговорочно, куклы, надетые на пальцы.

Затем ему наскучило.

Музыкантам он велел играть тише, детям — успокоиться и не бегать. Погрузился в медитацию, сосредоточившись на дыхании.

ФОРМА ЕСТЬ ПУСТОТА; И ПУСТОТА ЕСТЬ ФОРМА*.

Гур знал, что и война, и корабль, и его телесная оболочка — дешевый аттракцион, иллюзия для несовершенных существ. Энергия и разум — вот что является сущностью, изнанкой мира. И уровни. Множество уровней. Последняя реальность — не Сеть ли это? И почему — последняя? Может быть — первая, изначальная. Базовая.

Гур мог просидеть три-четыре часа, и это не предел, но он никогда не достигал главного — не прерывал потока сознания. Несмотря на хваленый индекс ментальной силы. Участие в боевых действиях — возможность раз за разом проникать в Сеть, лететь сквозь инкарнации, исследуя себя. Цель очевидна.

Он чувствовал ветер, чувствовал реку и движение. Понимая, что окружающего не существует. Он дышал, и Сеть дышала им. Ничего нет, и все есть...

Вечером пришел Рагнарек.

Собственно, понятие светлой и темной половины суток было условным, как и все здесь. Солнце, луна, звезды — фальшивые фонари, вспыхивающие и затухающие согласно программе. Видимая данность — русло реки, ее берега, прибрежные села — растворялась с расстоянием в бессвязной мути

* «Сердечная сутра».

нереализованных идей. Искины не напрягались, упорядочивая (перекраивая) бесхозное пространство. Либо они лишены амбиций, думал иногда Гур, либо их амбиции направлены по иному вектору. Скажем, вовне. Впрочем, второе утверждение спорно, учитывая их политику.

Бог Меконга явился в облике даосского жреца. Возник внезапно, материализовавшись в метре от агента. Остальные его не заметили.

Гур встал и почтительно приветствовал гостя.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказал Рагнарек. — Неприятные вести.

— Я слушаю.

— Наш брат, Белый Журавль Трех Рек, покровительствует Земле. За тобой идет.

Гур собрался.

— Далеко?

— Сейчас — да. Но приближаются. Их скорость выше.

— Когда мы встретимся?

— Завтра.

— Сколько их?

— Достаточно. Отряд, все вооружены. Это будет холодное оружие, стрелковое запрещено в моих владениях.

— Они узнают, кто я?

— Зависит от тебя.

Нет, Гур не боялся. Он выиграл много боев. Если Кондоминиум выслал отряд, значит, в штабе спешили, не тратили драгоценное время на подбор сильных охотников. Решили взять количеством...

— Свежая информация. — Жрец, на секунду обратившись в каменного истукана, вновь ожил. Задвигались фьорды морщин. — Сеть приняла человека. Он спрашивает о тебе.

Гур вздрогнул.

— Кто?

— Не знаю.

Из недр памяти выплыл образ. Смертоносная игла, самый настырный тритонский перехватчик. Ведь он отстал... да? Заноза, пуля, рвущая черноту космоса и трехмерную сетку координат... Ты же оставил его позади. Да и не способны

рядовые пилоты-земляне путешествовать сквозь виртуальный слой. Или способны?

Рагнарек внимательно следил за реакцией человека.

Гур присел на краешек фальшборта.

— Бог... что, если меня убьют? Что потом?

Невежественный вопрос того, кто не познал Просветления.

Последовал ответ:

— 99,9 процента людей идут дальше, крутят колесо. Не помнят себя, возвращаются в физический мир.

— А ты?

— Меня нельзя убить. Если ты это имеешь в виду.

Условное завтра Кулак мысли

Он узнал об их приближении задолго до визуального контакта. Тени вторглись в мозг, нарушив гармонию. Инородные создания, враги. Спешащие и неосторожные. Гур сидел в прежней позе, за истекший час он даже не шевельнулся. Циркулировали данные, терабайтовые массивы наполняли русло реки, пропитывали сам воздух. Агент, казалось, мог протянуть руку и пощупать кирпичики фундамента, на котором Рагнарек возвел свою совершенную иллюзию. Здесь нет ничего *живого*, и все — *потенциально* живое. В том числе и он, Андрей Гур, боец СМЕРШа, — план, воспоминание о будущем.

Ничего нет.

Мир относительности. Без ограничений. Все взаимосвязано, родственно. Хочешь выжить — загляни в себя. А уж потом...

Открой глаза.

Глупо было надеяться, что бутафория сработает. У преследователей хватило опыта, чтобы отличить фантомы от прототипа. Нет, они не проверяли все дебаркадеры на своем пути. Они искали силовые линии, нити манипулирования.

Не важно чьи — его или Рагнарека. Такое доступно лишь отменным *нюхачам* с трансформированным, генетически и ментально измененным восприятием.

Нюхачи обладали одним, но существенным минусом — не умели драться. Наводчики, не бойцы.

Агент созерцал абордаж.

Обманчиво неповоротливая рыбацкая платформа с протянутыми под ней сетями пристыковалась к левому борту. Крючья, скребущие фальшборт, глухой удар, смягченный резиновыми покрышками... В этом мире скорость и внешний вид плавсредства относительны, подчинены божественной воле ИскИнов. Гур не знал, какую игру затеяли Рагнарек и Белый Журавль Трех Рек, но ему в ней явно отводилась роль активного участника, а не рядового пассажира.

Боги хотят крови.

Что ж...

Участники церемонии похватали табуреты, шесты, кухонные ножи, вертела — и напали, подчиняясь незримым командам. В носовой части дебаркадера закрутились лопасти жестокой мясорубки, воды Меконга смыкались над поверженными фантомами...

Охотники справились с программами быстро и почти без потерь.

Вас действительно много, подумал Гур, вставая. Мгновенная пауза сфотографировала мироздание: он, застывший в стойке «семилучевой звезды», и его оппоненты — старики, дети, женщины, бритоголовые монахи (здесь инкарнацию не выбирают) с целым арсеналом оружия. Двуглавыми посохами и трехсекционными цепями, стальными кнутами и ножами, копьями-крюками и полумесяцами, мечом, трезубцем, круглыми молотками и ручными топориками, японскими заостренными веерами, кастетами...

Машина войны.

Гур легко уклонился от Гуань-дао, нанес кому-то подмышечный удар и подпрыгнул, когда у самого настила просвистел «конский секач». Для обороны он избрал стиль «Чой-Ли-Фатт», предусматривающий бой на длинных дистанциях и с несколькими врагами.

Дураки бросились на него первыми, размахивая железяками и мешая друг другу. Самого наглого агент парализовал «тигриной лапой», у девушки-китаянки отнял посох. Задача упростилась.

Бородатый дед-идолопоклонник едва не разможил ему череп трехсекционным цепом в тот момент, когда Гур подсекал мальчика с «девятью кольцами». Не оборачиваясь, он выстрелил посохом, разбив деду колено.

Пара «восьмерок» — на настил легли обладатели кнута и копья-полумесяца.

Гур никого не жалел. После его ударов не поднимались. Он перебрасывал внутреннюю энергию *ки* на концы посоха, что придавало его выпадам невообразимо убойную мощь. Вселенная Меконга подчинялась определенным физическим и логическим законам (в комплекте предусматривались гравитация, атмосферное давление, стабильная температура — все, что имитировало земную реальность прошедших столетий). Кроме того, существовал единый язык (вовсе не конгломерат азиатских наречий, как полагают некоторые) — мыслеформа на уровне программного кода. Отсутствовали лишь ограничения в личной силе и мастерстве. Гур действовал в Сети быстрее, точнее и качественнее. Мышцы не играли роли. Только разум...

Враги взяли его в кольцо.

Гур прыгнул. Небо рванулось навстречу и, перевернувшись, зафиксировалось в исходной позиции.

Агент стоял на рыбацкой платформе, держа в отведенной правой руке посох. Расклад: двенадцать против одного. Лучше, чем в начале.

Вперед выдвинулись владельцы парных поясных ножей и стального кнута. Взялись в воздух. Качнулась платформа.

Клинковое оружие в неумелых руках... Гур хмыкнул, определив ученическую стадию противников. «Мастера» ножей он вырубил прямым выпадом в голову, волосатого варвара с кнутом — «фиолетовым колокольчиком».

Следующая пара. Пика и меч. Копейщик продержался шесть секунд. С меченосцем было сложнее. Это был опытный мастер вуданг. На продвинутых уровнях мастерства меч

действует без видимых усилий со стороны исполнителя. Изящный и опасный инструмент, продолжение руки атакующего. Гур выбрал яростное «крыло Чунь», многократно ускорился и завершил дело «ядовитой змеей».

Валявшуюся скамью Гур подцепил ногой и швырнул в лицо воину-монголу, нападавшему с герданом — двуручной шипованной палицей. Раздался треск, брызнули щепы. Второй замах, и палица проламывает деревянный настил, а Гур уже перехватывает руку с тесаком тао и ломает ее, одновременно уходя в сторону от протыкающего воздух клевца *ге*. Девушка с распущенными волосами распласталась морской звездой, мельницей-мясорубкой, где лопасти — руки, оборудованные мечами-крюками «цзяньгоу», и ноги, обутые в ботинки с выдвижными лезвиями. Гур откинул посох, прогнулся назад (мельница промчалась поверху) и вновь выпрямился, держа в отведенной правой метровой поясной нож. Левая кисть сложилась в «обезьянью лапу», которой он перерубил древко клевца и отправил в нокаут его обладателя. Монгол атаковал сзади, Гур уклонился, не глядя приняв боковую стойку, пропустил варвара вперед и рассек пополам от плеча до паха. Девушка набросилась на него, вращая обоими «цзяньгоу» и быстро работая ногами. Есть будущее, отметил Гур. Их сталь встретилась, выбивая искры и наполняя окрестности музыкой кладбищ. Парировав все удары, он убил ее. *Вы не оставляете мне выбора...* Нож заплясал, направляясь с жадной стаей сюрикенов и в итоге пригвоздил к борту дебаркадера любителя метания. Тот успел выпустить *цзы-юаньян-юэ*. Рожки малой секирки слиплись в ослепительно яркий диск, не достигший, однако, цели...

Взяв утраченный посох, Гур продолжил бой.

Хозяин ручных топориков слегка задел его, пробравшись сквозь защиту. Он бил хорошо, без замахов.

Гур отступил. И достал парнишку посохом на длинной дистанции, пробив ему грудную клетку.

Боль испытывают все. Даже здесь. Никому из людского племени не суждено узнать, *чувствуют* ли ее ИскИны. Но человек со сломанными костями и разорванными сухожилиями страдает, как и в реале. Боль — запрограммирован-

ный фактор, она глубже, чем биология, она есть, потому что *есть*.

Вот и рана, нанесенная топориком, саднила.

«Вероятно, боль — предвечное понятие, первичная идея, как и все остальное. Фундаментальная категория».

Зачем?

Нет ответа. Нет вопроса.

В бою не спрашивают...

Отточенная дуга веера пропела в сантиметре от горла. Второй сверкающий полукруг должен был вспороть ему живот — если бы Гур стоял на том же месте. Однако он, совершив бег вокруг восьми иероглифов, оказался за спиной оппонента и сразил его, ударив посохом в затылок. Отвратительный хруст черепных пластин слился со свистом рассекающего воздух трезубца. Гур парировал выпад и тут же ушел от круглого молотка. Нога чуть не соскользнула в воду. Плохо. Давно не практиковался в «материнских ладонях».

Восстановив равновесие, Гур перекатился под бамбуковый навес, где сушились рыболовные снасти. Горбатая старуха перерубила большим ножом опорную стойку, а слева возник словно из ниоткуда широкоплечий молотобоец с парными молотками. Гур обездвигил его ладонью дракона и, едва успев подпереть посохом падающий навес, отскочил назад.

Старуха надвинулась, раскручивая нож. Ее лицо смахивало на скукоженный глобус, испещренный гипертрофированными меридианами. В глазах нет ненависти, лишь холодная решимость выполнить задание. Гур представил того, кто скрывается за дряхлой оболочкой: молодой лейтенант земной контрразведки, амбициозный карьерист с перспективами... и безнадежно отсталой техникой. Мальчик. Пушечное мясо. Расходный материал.

Осознание захлестнуло Гура.

Это же штрафбат, пробный камень. Разведка боем. Никто не изучает его повадки, реакцию. Выявляет слабые и сильные стороны. Тот, кто сидел внутри перехватчика.

— Для тебя, — сказал Гур, проскальзывая под длинной рукоятью ножа и всаживая «палец-меч» в сонную артерию старухи.

Прочих он побил, как шелудивых собак.

В небесах щелкнуло реле, и на опустевший дебаркадер обрушился ливень.

Дельта

Одинокий тигр появляется из пещеры

Никогда прежде его так не гнали. Впервые пришлось задуматься над тем, что содержит его память. Оружие? Да, безусловно. Иное не котируется в военное время. Сверхтехнология, способная прикончить одну из враждующих сторон? Тогда почему ее до сих пор не применили? Бояться. Нечто настолько мощное, убойное, что земляне не хотят это использовать.

И теперь *это* доступно ИскИнам. Не всем, но Рагнареку уж точно.

Страх сковал Гура. Акулы не интересуются сушей, тигры — водой. Но есть крокодилы...

Сеть испокон веков держит нейтралитет. Ее боги — монолитная, непостижимая раса. Расколы случаются крайне редко. Факт: Рагнарек восстал против Белого Журавля. Их разделила информация, которую перевозит Гур. Если Рагнарек думает, что агента можно отпустить, что его память неопасна, то Журавль предпочитает точку зрения Кондоминиума.

Кто из них прав?

Агенту не дано решать. При любом раскладе его не устраивает вечное скитание по сетевым закоулкам.

Он выйдет в реал и доставит пакет.

...Жадная пасть дельты поглотила дебаркадер. Окружающее пространство кишело судами и суденышками, лодками и баржами. Вспучивались мачты и трубы, жидкая среда бурлила и пенилась, над ней повис жидкий концентрат из пота, жары, выкриков и перебранок.

Гур втиснул дебаркадер между кривым отростком пирса и залатанной древней джонкой (непередаваемая смесь за-

пахов: рыба, кокаин, рисовая похлебка, позавчерашние носки). Его рана на плече почти затянулась. По телу струилась энергия.

— Эй! — донеслось сзади. — Ты занял мое место!

Гур не потрудился ответить.

Сейчас его занимал город. «Ищи знаки, те, что укажут путь в буфер». Старое, как мир, правило.

Доски причала скрипнули под его ногами. Перед агентом простирался заселенный сектор, визуализированные хранилища данных. Свободная торговая зона.

Пирс нырнул в переполненный портовый муравейник, и это был путь к спасению.

Который преградил перехватчик.

Сон разума порождает чудовищ.

Как *это*.

Нечеловеческая фигура, на три головы выше агента, птичий клюв и глупые, жестокие глаза. Перехватчик опирался на тонкие ходульные лапы, оканчивающиеся трехпалыми стопами. Его руки-крылья были распростерты, словно он только что прилетел. Из горла донесся хищный клекот. Одежда — широкие льняные штаны, расстегнутая на груди безрукавка. Ветер шевельнул сизые перья.

Декорации сдвинулись, перекраивая пазл.

Гур обнаружил себя и своего противника в накрытой куполом замкнутой окружности — арене для поединков. Программа, как и все здесь, дающая право на выход лишь одному из бойцов. Победителю. Значит, боги договорились и сделали ставки.

Он посмотрел в птичьи глаза.

И пережил грядущую схватку от начала до конца. Сценарий втиснулся в несколько секунд субъектива, агент понял, что проиграл. То был бой двух мастеров в он-лайне, бой, заведомо неудачный для Гура. Он решил применить свое тайное умение.

Следует немного рассказать о ментальной силе смершевца Андрея Гура. Пятьдесят четвертый индекс, помимо прочего, давал ему возможность сражаться на трех разных скоростях. Внутреннее состояние, независимое от внешних ус-

ловий, как, например, отсутствие времени (или его условность). В подобной ситуации локальное оказывается тотальным. Отрицательный аспект заключается в том, что человек, перескочивший на другой уровень скорости, *меняет себя* (пограничный апгрейд) и свое восприятие окружающего. Вернуться назад очень сложно.

Андрей Гур рискнул.

Ибо прочел свою смерть в чужих зрачках.

Когда фрагменты арены начали проваливаться, он скользнул на первый уровень. Развел ноги, упершись в вершины двух «обезьяньих» столбов. Перехватчик взмахнул крыльями и вплавился в подкупольный виртуальный кисель. Пока он двигался медленно, словно в кошмаре. Арена преобразовалась: столбовой лес, вертикальные срубы с различными диаметрами и высотой, далеко внизу — бездна, клубящийся белесый туман. Если столбы и были во что-то вкопаны, то лишь номинально.

Гур оттолкнулся, взмыл и утвердился в стойке одной стопы. Противник трансформировался *покадрово*, фазами, а затем вдруг метнулся, атакуя. Его не сковывало сознание. Он тоже умел.

Второй уровень приветствовал агента смазанными контурами и ощущением сверхлегкости. Враг последовал за ним и сюда.

На третьем гравитация и плотность не имели смысла. Бойцы сравнялись.

Стандартное начало. Приручения рук, черные тигры,рывающие сердца, красавицы и зеркала... Оружия не было. Они сами — оружие. Любой пропущенный удар — фатален.

Гур выпал.

В буфер.

Гранитная терраса, ацтекское солнце. Часть горизонта отсутствует, занятая плоскостью экрана. На ней две фигуры: одна неестественно выгнутая в уклонении от удара, другая — наносящая удар...

— Если вернешься сейчас — проиграешь.

Голос, как и положено, отовсюду.

— Что мне делать?

— Подумай. Здесь нет времени.

Гур опустился на холодные плиты, занимая удобное положение для медитации. В тот же миг он поднялся. По внутреннему счислению перевозчика миновали века.

— Я понял.

Перед ним собрался манекен буддийского монаха. Рагнарек натянул на себя его тело и оживил. Все же не обошлось без спектакля, усмехнулся Гур.

— Что ты понял?

— Во мне ничего нет. Ничего важного. Набор мультяшек.

— И?..

— Мне нужно было совершить этот путь. Пройти дорогой познания. Иллюзия...

— Только здесь? — перебил монах.

— Всюду. Для разума нет границ.

Монах кивнул. И медленно, подбирая слова, заговорил:

— Ты полагаешь, ИскИны — ваше порождение? Эрзац, достигший технологического могущества?

Гур покачал головой.

— Правильно. Многие из нас были людьми. Сеть — порождение наших сознаний. Можно считать ее параллельным миром, под- или надпространством, чем угодно. Она так же естественна, как мысль. А мысль выше скорости света. Мы создали мир без барьеров. Для таких, как ты. Ты проснулся и узнал...

— ...что барьеры — внутри нас.

Рагнарек умолк.

За его спиной стыла реальность поединка.

— Иди. Закончи бой.

Гур выбрал кунг-фу Сущности.

Двигаться, словно морская волна, быть непоколебимым, словно гора, ловким, словно обезьяна, прыгучим, как воробей, напористым, как петух, устойчивым, словно сосна, поворотливым, как колесо, прямым, как тетива лука, легким, как лист бамбука, тяжелым, словно железо, острым, как орлиный клюв, и неуловимым, как ветер*.

* Вон Кью-Кит.

101-й год мира

Сеть

Он вывалился в буфер. Обычный земной лес, подернутый первыми штрихами осени.

— Добрый день.

Казалось, шептали деревья. Фокусы ИскИнов.

По ту сторону леса Андрей Гур улыбнулся, прежде чем сказать:

— Я бог реки Припять. Что ты везешь?

2004

ТВОЙ НАВЕКИ, ШАНС

Я уже далеко не молод. Мне не пара веков... Я повидал разное на этом свете и буду весьма изумлен, если что-то в нем еще сможет меня удивить.

Многие считают меня богом.

И, наверное, они правы.

Я олицетворяю ту самую силу, которой поклоняются. Которую боятся. Которую желают получить в союзники люди.

Меня называют слепым.

Но это — неправда.

Вижу я очень хорошо.

Вот, например, та девушка за соседним столиком. Она несчастна, одинока. Она поссорилась со своим прежним другом и теперь не знает, где найти нового. Она мнительна, стеснительна и безмерно горда.

А я мог бы слегка подправить ее унылую жизнь, подбросить на пути крошечную искорку успеха, везения, удачи. Я мог бы превратить эту одинокую дурочку в богатую наследницу, или сделать ее женой премьер-министра, или... заставить вон того молодого человека влюбиться в нее по уши.

Есть крошечный шанс — если она встанет сейчас, повернется и случайно опрокинет его чашку, он подскочит, стирая с колен остывший кофе, она бросится извиняться и... Ты только догадайся встать именно сейчас!

— Опять ерундой занимаешься? — прозвучал рядом недовольный голос.

Я отвлекся, оборачиваясь:

— Привет, Фем.

Он сидел на соседнем стуле, устало обмахиваясь своим круглым зеркалом, и недовольно рассматривал меня.

Естественно, невидимый для смертных. Как всегда по-юношески уверенный и активный, но немного утомленный. Мой брат и коллега, так сказать. Бог равновесия и справедливости.

— Тебе заняться больше нечем? — спросил он возмущенно, перенаправляя злобное пожелание хозяина ресторана, обращенное к одному из официантов («чтоб тебе пусто было!»), на него же самого. Не знаю, будет ли по-настоящему «пусто» владельцу заведения (пожелание-то хоть и эмоциональное, но слабенькое), однако некоторые финансовые трудности на ближайшую неделю тот получит. И поделом: не увеличивай негатив во Вселенной.

Замечательная работа у моего младшего брата — благородная, высоко ценимая, нужная... вот только нудная. Мечешься веками, и, может быть, один человек из миллиона сообразит, что наказали его за подлые мысли, обращенные к собственной жене.

Если вообще догадается, что *наказали*. А то сбросит все на слепой случай.

На меня то есть.

Не повезло, дескать, случайно оступился и головой стукнулся тоже случайно.

И вся слава опять-таки мне. Потому как в моем кармане, кроме золотых искорок-удач, много черных камешков невезения. И очень часто я достаю их, не глядя...

— Ты бы лучше помог вон той женщине, — продолжал читать нотацию Фем, отражая зеркалом еще чье-то злое намерение, случайно залетевшее в кафе. — У нее трое детей, и ей не помешало бы немного удачи. А этой девице и без тебя неплохо.

— Не могу, — отозвался я легкомысленно. — Ты же знаешь. Удача слепа. Проходит мимо несчастного и выпадает счастливцу.

— Ты джокер! — сердито выкрикнул Фем, не переставая манипулировать зеркалом ни на секунду. — Пустая карта! Только и делаешь, что развлекаешься!

— Зато ты, смотрю, никогда не отдыхаешь. Это бесполезная трата времени, приятель. Твое зеркало не часто отражает добро и зло именно тому, кому предназначено. Очень многое теряется по дороге или попадает вообще не в тех.

Фем покраснел. Он очень трепетно относился к своему делу и не терпел, когда его критиковали.

— Неправда! Весь негатив возвращается обратно к тем, кто его посылает! Всегда! Только... — он замялся, опуская глаза, и пропустил одну маленькую злобную мыслишку, которая тут же закружилась вокруг нас, примеряясь, кого бы укусить, — ...для того, чтобы восстановить справедливость, нужно время. Иногда очень много времени.

— Ну да! — Я усмехнулся, поймал назойливую кусачую мысль, смял ее в маленький черный комочек и опустил в карман. Пригодится.

— Зато я возвращаю людям веру в справедливость! — воскликнул он.

— Ну да, — повторил я. — Только эти люди почему-то ждут меня. Слепой удачи, шанса, а не унылой справедливости, которая придет неизвестно когда и вообще придет ли...

Фем вскочил и так взмахнул зеркалом, что «доброе» намерение проходящего мимо господина засветило этому самому доброжелателю с удесятиренной силой. Бедняга едва не попал под колеса проезжавшей мимо машины! Вот и подумаешь, кто из нас по-настоящему слеп.

— Ты просто циник! — крикнул Фем. — Жестокий, бездушный эгоист! Я... я не хочу с тобой больше разговаривать.

— Ладно-ладно, — отозвался я добродушно. — Когда устанешь мотаться по свету со своим зеркалом и сам станешь жизнерадостным, здоровым циником — сразу станет легче жить. Вот увидишь.

Фем топнул ногой и исчез. Я только пожал плечами в ответ на его гневную тираду. Юношеский максимализм. С кем

не бывает. Через пару тысяч лет пройдет. Хотя, кажется, он обречен быть вечно юным. Чтобы видеть только черное или только белое. Воздавать всем по заслугам, возвращая в мир утраченное равновесие... Мне в этом плане легче. Иногда можно схалтурить.

Я огляделся по сторонам. Девушка уже ушла. Парень по-прежнему сидел за своим столиком. Вот так, стоило отвлечься ненадолго, и она проворонила свою удачу. Люди вообще неблагодарны. Они зовут меня, молятся, сами придумывая слова молитвы: «Дайте мне еще один шанс! Ну пожалуйста, всего один крошечный шанс! Если бы мне повезло в этот раз, я бы заработал миллион... получил наследство... понравился родителям невесты... ограбил банк...» И так до бесконечности. А когда я прихожу и даю им этот самый вожаденный шанс, они не знают, что с ним делать.

Я поднялся и, все такой же невидимый, вышел из кафе.

Стемнело быстро. Вот уже по улице мчатся машины со включенными фарами, горят ослепительные огни реклам... На краю тротуаров стоят деревья, их черные ветви без листьев тянутся в подсвеченное слоганами небо, стволы сжаты стальными решетками бордюров. Электрический свет города гасит звезды, но холодная белая луна висит, будто зацепившись гладким боком за провода. Асфальт покрыт инеем, который едва слышно потрескивает под шинами проезжающих автомобилей и каблуками прохожих. Зеркальный куб торгового центра похож на ледяную гору, блестящую разными оттенками неона... И появилась особая вечерняя публика.

Выражения лиц людей стали именно *особенными* — ожидание необыкновенных встреч, жажда развлечений, возникли на них словно из другого, несуществующего мира — мечта о чем-то таком, что никогда не происходит при дневном свете. Они ждали, жаждали, мечтали, надеялись... верили мне, в меня. Можно было запустить руку в карман и десятками, сотнями разбрасывать золотые искры во все стороны. Подходи, успевай ловить, получай свое личное счастье.

Но я стоял, не спеша одаривать прохожих бесплатной удачей. И рассматривал их немного снисходительно, немного высокомерно, но, в общем, довольно доброжелательно.

Не будь их, кому я был бы нужен в этом мире... Фатальная мысль, с которой бог Шанс смирился уже давно.

Мимо, совсем близко, прошла очень хорошенькая девушка в распахнутом песцовом полушубке. Перебежала через улицу, направляясь к ярко освещенному зданию, на подъезде которого горела золотыми буквами надпись «Казино». Да, это оно, одно из моих самых любимых заведений. Место, где меня призывают каждую секунду, и если бы у меня возникло желание возвести храм себе самому, я бы повесил на нем именно такую вывеску.

Никем не замеченный, я прошел внутрь, с удовольствием оглядываясь по сторонам, вдыхая аромат дорогих сигар, духов, алчности, страха, отчаяния, рассматривая роскошно одетых женщин, респектабельных мужчин и слушая их мысли, сотни раз повторяющие мое имя.

Да, я здесь. Я вас слышу. Радуйтесь, сегодня кому-то из вас повезет.

Возле стола, за которым играли в рулетку, стоял старик в слегка потертом, но все еще приличном смокинге. Он нервно следил за игрой, сжимая и разжимая худые пальцы. Глаза его горели. На сморщенном лице выступили красные пятна. Не отрываясь он следил за шариком, бегущим по ободу колеса, и непрерывно шептал что-то.

Я подошел, встал напротив. Никак не могу привыкнуть к тому, как людей меняет время. Когда-то этот костлявый, почти лысый гамен был высоким загорелым молодым человеком с бодрым огнем в глазах и уверенным голосом. Его обожали девушки, ценили друзья. Смелый, решительный, умеющий рисковать. Говорят, что удача любит таких.

Человек почувствовал пристальное внимание, поднял голову и встретился со мной взглядом. На его лице появилось недоверчивое выражение с оттенком благоговейного внимания. Так же, наверное, удивляется служитель какого-нибудь храма, когда в нем появляется почитаемое божество. То есть ничего необычного в этом появлении нет, и заходит бог периодически в свой земной дом, и служитель не один раз беседовал с ним, но по-прежнему испытывает безмерное изумление при виде знакомой величественной фигуры.

Старик обошел стол, встал рядом со мной и сказал тихо:

— Здравствуй, Шанс.

— Здравствуй, Дэниэл.

Он всегда был моим верным поклонником. Гордый, целеустремленный, решительный... Удача уважает таких людей.

Однажды я подбросил ему одну из своих искорок. Он сумел поймать ее, удержал и выиграл в этом самом казино огромную сумму денег. Сорвал банк.

Он стал богат. Невероятно, неприлично богат.

У парня появилось все, чего он хотел, о чем только мечтал и даже то, о чем не догадывался. Красавица жена, три или четыре особняка, огромный кусок пляжа, лимузины, лошади, барракуда в аквариуме, личный самолет и кофейная плантация...

А в итоге остался один смокинг и крошечная квартирка в старом доме. Все свое огромное состояние азартный любитель рискнуть проиграл. Сначала не смог остановиться вовремя, а потом просто не смог остановиться.

Теперь каждый вечер он приходит сюда и жадно смотрит, как играют другие. А еще Дэн — единственный человек, который *видит* меня и знает, кто я.

— Ты зачем здесь? — спросил Дэниэл, поглядывая на игровую стол. — Помочь кому хочешь или просто так?

— Там видно будет, — ответил я уклончиво.

— Слушай, а ты не мог бы... — Он заглянул мне в лицо, и в его глазах зажглась какая-то собачья преданность. — Еще разок, а?..

Человек уже знал ответ, но все равно спрашивал каждый раз, когда встречал меня.

— Нет, Дэн.

— Ты всегда говоришь «нет», — пробормотал он. — И все же... Ну, что тебе стоит. Мне много не надо.

— Опять все проиграешь.

— Ну да... наверное.

— Тогда не стоит переводить удачу. Здесь и без тебя много желающих.

— А кому ты хочешь подкинуть везения?

Любопытство оказалось сильнее жадности, и старик с интересом огляделся.

— Слушай, давай подбросим черный шар вон тому типу. Он на прошлой неделе проиграл здесь кругленькую сумму и вот опять явился. Небось урезал зарплату сотрудникам своей фирмы и разницу положил в карман.

Я усмехнулся, рассматривая господина с пунцовым лицом, напряженно следящего за движением рулетки.

— Не хочешь? Ну, тогда пусть вон тот крупье упадет на лестнице и сломает ногу. В прошлый раз он вызвал охрану, и меня выставили вон.

— Дождешься, что сюда явится мой брат со своим зеркалом, и лежать в гипсе придется тебе.

Дэниэл сник, а я опустил руку в карман, вынул золотую искорку и бросил ее, не целясь, в кого попадет.

Она попала в проходящего рядом мужчину. Тот вдруг остановился, как будто наткнулся на невидимую преграду, схватился за сердце и медленно осел на пол. К нему тут же бросился персонал казино, вокруг быстро столпилась любопытствующая публика. Дэниэл провел ладонью по лысеющему затылку и устоялся на меня в немом удивлении. Я пожал плечами.

— Бывает и так.

Может быть, сердечный приступ спас его от кредиторов, поджидающих в конторе, или аварии со смертельным исходом, а может быть, от крупного проигрыша. Люди не догадываются, что маленькая неприятность иногда может уберечь их от большой беды.

Дэниэл проводил меня испуганно-уважительным взглядом и больше ничего не попросил.

Я вышел из казино и оглядел улицу. На углу, возле фонаря, стоял парень-саксофонист. Тоненькая летняя кепка была надвинута на самые его глаза, возле ног лежала распахнутая сумка. Пальцы музыканта покраснели от холодного ветра, но он продолжал играть. Он играл не переставая. Его труба выводила простую мелодию, но от нее почему-то щемило сердце... даже у меня.

В нескольких шагах от него прислонилась к стене молоденькая размалеванная девчонка в коротенькой дубленке, ажурных чулках и сапожках на тонких каблучках. Ее детское,

по-взрослому накрашенное лицо было застывшим, пустым, казалось, что она заплачет сейчас или плакала недавно. А саксофон все говорил что-то о холодной улице, одиночестве, вечерней тоске, мечтах, которые никогда не сбываются, о надежде, которая будет всегда...

Я вытащил из кармана золотую искорку и бросил ее в раскрытую сумку вместо монеты. Пусть это будет моей платой за музыку.

Но подарок не попал по назначению. Искра разлетелась вдребезги, как будто натолкнулась на прозрачную стену.

Уже догадываясь, что это значит, я оглянулся и (так и есть!) увидел на противоположной стороне улицы своего брата.

Своего старшего брата.

Высокий, суровый, строгий, властный, величественный, в темных одеждах. Его звали Рок. Тяжелый, неумолимый, непреклонный Рок.

Юный Фем заведовал равновесием, я дарил удачу, наш суровый старший брат был вершителем судеб.

— А, Рок, приветствую!

— Здравствуй, Шанс. — Сейчас его голос был глубоким, размеренным и звучным, напоминающим гулкие удары колокола.

— Талантливый парень. — Я кивнул в сторону ничего не подозревающего музыканта.

— Я видел, что ты хотел сделать. Он не заслуживает твоего подарка.

— А можешь сказать почему?

Рок приблизился ко мне. Только что был на противоположной стороне улицы и вот уже стоит рядом, излучая ледяную непреклонность.

— Такова его судьба.

Да, с этим не поспоришь. То, что предначертано, не изменить... Судьба... Рок. Он полновластный вершитель человеческих судеб.

До некоторой степени.

Малыш Фем в погоне за справедливостью возвращает человеку его собственные невысказанные порывы: будешь желать другим зла, какую бы замечательную судьбу ни хранил

для тебя Рок, все равно рано или поздно получишь обратно свои пожелания. И наоборот. А если случайно поймаетшь мою искорку, есть вероятность, что ровная линия судьбы может свернуть в другую сторону.

Рок давно ушел, а я все стоял и смотрел на саксофониста. Он больше не играл. Бережно уложил инструмент в футляр, подышал на замерзшие пальцы. Выгреб из сумки немного мелочи и пару банкнот, засунул в карман.

Я прислонился спиной к фонарю, наблюдая за ним. Обычный парень, не больше и не меньше других достойный внимания бога по имени Шанс. Талантливый, симпатичный, и девушки его наверняка любят...

Кстати, девушка, та самая, в короткой дубленке, подошла к нему, несколько минут они говорили о чем-то, потом юноша обнял ее, поцеловал — неловко прикоснулся губами к щеке — и отпустил. А дальше тоскливо смотрел, как она идет по тротуару, громко цокая по асфальту высокими неустойчивыми каблуками, останавливает машину и садится на переднее сиденье рядом с водителем... Маленькая уличная девчонка и бедный уличный музыкант.

Он перекинул сумку через плечо, поднял футляр с саксофоном и медленно побрел по проспекту вслед за уехавшей девушкой. Я, невидимый, пошел следом.

Через полтора часа блужданий по городу стало понятно, что передо мной типичный неудачник. Человек, которому фатально не везет. Сначала я подумал, сегодня у него просто тяжелый день. Бывает, неприятности идут косяком одна за другой, но в какой-то момент они заканчиваются. А этот парень, похоже, нашел неиссякающий источник бед различной степени тяжести.

Он опоздал на трамвай, долго ждал следующего, но едва отошел от остановки, как пропустил последний. Его окатывали грязью почти все проезжающие мимо машины. Потом, при входе в метро, прищемили дверью пальцы на правой руке... Мелкие неудачи вились вокруг парня словно осы, жали непрерывно, не давая ни минуты отдыха. У меня возникло подозрение, что когда-то я просыпал все свои черные камешки невезения возле его колыбели. Я даже похлопал себя по

карманам, проверяя, на месте ли они. Но нет, «мои» неудачи были при мне. Парня атаковали его собственные.

Занятный парнишка. Надо бы с ним познакомиться поближе. Я подождал, пока он пройдет мимо, проявился и бросил на мостовую монетку. Она зазвенела, прыгая по асфальту, а я сказал негромко:

— Эй, не ты уронил?

Человек обернулся, растерянно посмотрел на меня, потом опустил взгляд на землю, нагнулся, поднял монету. И несколько мгновений я наслаждался, наблюдая смену чувств, скользящих по его лицу. Радость, удивление, недоверие... Еще бы! Он держал в руках золотой прошлого века. Нумизматический раритет. В голове музыканта замелькали десятки вариантов того, что можно купить на эту монетку. Сотню гамбургеров, ящики пива, заплатить наконец за квартиру, завести теплую куртку и перчатки. А потом вдруг счастливое озарение скатилось с лица, осталось только сожаление и полная покорность судьбе. Року.

— Нет. Это не мое.

Он протянул руку, собираясь отдать мне монету.

Чудак! Почему именно мне? С чего ты взял, что это мой золотой? И вообще, что за манера разбрасываться неожиданной удачей?!

— Да, видимо, не твое.

Я забрал у него монетку и бросил ее обратно на мостовую. Музыкант печально проследил за моими действиями, хотел что-то возразить, но, так ничего не сказав, повернулся, чтобы уйти. Тогда я снова окликнул его:

— Парень, заработать хочешь?

Заработать он хотел. Видимо, уже не одну неделю сидел без денег, а все, кто мог одолжить ему, давно стали переходить на другую сторону улицы при встрече.

— А что нужно сделать?

— Сделать?... Да ничего особенного. Ничего такого, чего бы ты никогда не делал раньше. Далеко живешь?

— Нет, рядом. Вон в том доме.

— Тогда пошли к тебе.

И саксофонист пошел, мучительно соображая, что мне нужно. Десятки предположений, одно изощреннее другого,

возникали в его голове. Он спрашивал себя, не лучше ли послать меня куда подальше вместе с моими деньгами и остаться по-прежнему бедным, но сохранив чувство собственного достоинства. (Почему-то он решил, что именно на это чувство я собираюсь претендовать в первую очередь...) И все же борьба между желанием заработать и достоинством была недолгой. После минутного колебания парень, тяжело вздохнув, взял меня под руку. Отчаянно и решительно.

Сделать это было легко, потому что для упрощения знакомства я принял женский облик — не зря же мое второе имя Удача.

Дом музыканта мне не понравился. Жалкая пятиэтажка, построенная полвека назад. Длинные коридоры едва освещены тусклыми лампочками. На стенах, выкрашенных синей краской, процарапаны ругательства. Местный фольклор, ничего нового. Пахло здесь сырой штукатуркой, подгоревшим молоком, кошками и еще какой-то дрянью.

Смущенно кашлянув, спутник пробормотал о сломанном лифте и повел меня вверх по лестнице пешком. Он жил на пятом этаже, в самой крайней квартире.

Пока музыкант одной рукой доставал ключи, возился с замком, соседняя дверь приоткрылась. На площадку выглянула тетка в застиранном халате, с кудлатой болонкой на руках и пронизательным взглядом.

— А, Константин, — проворковала она сладким голоском, рассматривая нас с головы до ног. Ее маленькие глазки заблестели от удовольствия, а в мозгу рождалась свежая сплетня про бездельника-соседа, который каждый день приводит к себе новую девушку. — Что-то тебя давно не было видно. Уезжал или работу нашел?

— Нет, — буркнул тот в ответ, поворачиваясь к ней спиной.

— А денежки за квартиру когда собираешься отдать? Месяц уже начался.

— Скоро. Завтра. — Парень мучительно покраснел, думая, что его падение в моих глазах не прекращается ни на мгновение. Он открыл наконец замок, пропустил меня внутрь, быстро вошел следом и захлопнул дверь. Пошарив по стене, нашел

выключатель. Аккуратно положил футляр с саксофоном на стул, бросил сумку под вешалку.

— Ты проходи, пожалуйста. Обувь можешь не снимать. Здесь у меня... не очень чисто.

Он оказался прав. Крошечная однокомнатная квартира казалась грязноватой, хотя кое-где виднелись попытки сделать ее немного уютнее. Зеленое покрывало на тахте, вязанные накидки на стульях, половичок на вытертом до белизны паркете...

— Хочешь чаю или кофе?

Константин стоял передо мной, красный от смущения, не зная, куда смотреть, чтобы скрыть свое замешательство, — на неожиданную гостью, себе под ноги или в сторону.

— У меня есть неплохой кофе...

— Нет, спасибо.

Продавленная тахта закрипела под тяжестью моего тела, музыкант сел на стул и решился наконец заговорить о том, что волновало его больше всего.

— Ты говорила о работе... что нужно делать?

— Иди сюда.

Он пересел на тахту, вздохнул решительно, потянулся ко мне, пытаясь обнять, но наткнулся на мой ироничный взгляд и поспешно опустил руки.

— Я делаю что-то не так?

— Не стоит брать в руки то, что ты никогда не сможешь удержать.

Он понял меня по-своему, но все же правильно, и поспешно отодвинулся на край, в очередной раз переживая свою никчемность.

— Извини, я подумал, что ты... Ох, какой же я дурак!

— Не извиняйся. Забинтуй сначала руку. Больно, наверное.

Он посмотрел на свою кисть, перетянутую платком, и пожал плечами.

— Да нет, просто пальцы согнуть не могу.

— Вот и займись.

Пока парень был в ванной, я, выключив свет, подошел к окну. И показалось мне, что на противоположной стороне улицы я вижу Рока. Строгого, непреклонного старшего бра-

та, который не прощает вольностей в общении со смертными и не понимает моих самых невинных развлечений.

— Ну вот, я готов.

Темнота прибавила Константину храбрости. Горячие, чуть вздрагивающие ладони легли на мои плечи.

— Ты не сказала, как тебя зовут.

— Шанс.

— Как?!

— Мое имя — Шанс.

— Смеешься?

— Нет.

— Хорошо. Как скажешь.

Его волосы пахли сеном и еще почему-то немного пылью. Пыльной сухой травой, которая долго пролежала на сеновале. Он был ласковым, неумелым, неуклюжим, добрым. Самое удивительное, что он не озлобился после всех своих бесконечных неудач.

— Какая луна сегодня, — прошептал музыкант и тут же смущенно дернулся, услышав мой вздох. — Что?..

— Ты все время смотришь не туда. Надо смотреть на того, кто может тебе помочь, а не любоваться на луну.

— Да, извини. — Он поспешно повернулся ко мне и под скрип тахты придвинулся ближе. — Ты очень красивая. Я не понимаю, что ты нашла во мне. Зачем я тебе?

А действительно, зачем? Что мне делать с человеком, которому не везет? Помочь ему невозможно. Мои искры не могут пробить мощную стену его неудач. Пожалеть его? Я не умею жалеть и привязываться. Не положено богу по имени Шанс любить и сочувствовать, иначе он не сможет выполнять свои прямые обязанности — холодно и равнодушно одаривать счастьем чужих людей.

— Ты изумительно играешь. У тебя талант.

— Талант... — повторил он с печальной усмешкой и снова повернулся к луне, заглядывающей в окно. — Знаешь, мне так не везет. Что бы я ни пытался делать, у меня ничего не получается. Вообще ничего. Я уже смирился с этим...

Он посмотрел на свои забинтованные пальцы, попытался сжать их в кулак и с болезненной гримасой снова опустил руку на подушку.

— Как я теперь буду играть?

Это был вопрос не ко мне. И даже не вопрос. Так, очевидное недоумение по поводу несправедливости жизни. А мне вдруг захотелось погладить его по голове, приласкать, как маленького бездомного щенка. Пообещать, что все будет хорошо.

— Я хочу помочь тебе.

— Помочь?! Каким образом?! — Он, резко выпрямившись, сел на кровати, и одеяло сползло с его светлых худых плеч. — Как помочь?... Дать денег? Я потеряю их, или все, что ты дашь, вытащат у меня из кармана, или... произойдет все что угодно... а я опять останусь ни с чем.

— Тебе никто не помогает?

— Нет.

— А та девушка?

Он покраснел. Мне показалось, что он покраснел.

— Какая девушка?

— Которая уехала от тебя на машине.

Музыкант еще дальше отодвинулся от меня, видимо, почувствовал себя оскорбленным. Или моя осведомленность о его личной жизни оказалось неприятна.

— Ей самой нужна помощь.

— Ты любишь ее?

— Зачем тебе? В наших отношениях нет ничего интересного для тебя. Ничего такого, что могло бы привлечь твое внимание.

— Она не будет оскорблена, если узнает, чем ты занимаешься в ее отсутствие?

— Слушай, что тебе от меня надо?! Ты красивая, обеспеченная, свободная. Занимаешься чем хочешь, всегда получаешь то, что хочешь, можешь купить любого... меня ты уже купила. Вот я здесь, буду выполнять твои желания. Только душу из меня тянуть не надо.

Он поднялся, открыл форточку, снова сел на кровать, запустил пальцы в растрепанные волосы.

А ведь я жесток с ним. Боги всегда жестоки и любопытны, их притягивает человеческая жизнь, хочется узнать все подробности, душевные порывы, просмаковать неудачи, боль, любовь. Все то, чего лишены мы сами...

— Извини.

— Ничего. Я понимаю, тебе скучно со мной. Но ничего большего предложить не могу.

— И не надо. Ничего больше не надо...

Когда я уходил, он спал. Крепко, как ребенок, и слегка улыбался во сне. На край стола я положил несколько банкнот. Не много, но достаточно для того, чтобы не спугнуть его удачу.

Я вышел из дома Константина, дошел до площади и увидел Рока. Он стоял на тротуаре, невидимый для людей, но те обходили его, словно монолитную скалу, и бежали дальше по своим человеческим делам.

— Ты затеял опасную игру, Шанс, — произнес Рок вместо приветствия. — Все это может плохо закончиться.

— Для него?

— Для тебя.

Я не ожидал такого ответа. И, признаюсь, его было неприятно услышать.

— Займись своими делами и оставь человека в покое. Тебе все равно не изменить *эту* жизнь. Я знаю, ты хочешь показать свое могущество. Доказать, что можешь переломить его судьбу, написанную мной. Поверь, это бесполезно. Я сильнее тебя, Шанс.

На мгновение мне почудилось, что старший брат бросает вызов. Хочет устроить соревнование, победитель в котором получает полный контроль над человеческой жизнью. И неужели он действительно считает, что я связался с музыкантом только для того, чтобы показать свою силу?

— Рок, я не собираюсь ничего доказывать. Я просто хочу...

— Тогда не мешай мне.

Он изрек последний приказ и исчез, не попрощавшись. А я побрел по улице, не глядя по сторонам, пребывая в состоянии глубочайшего шока. Какая глупость! Зачем мне состязаться с собственным братом, который, надо признаться, действительно сильнее. Сильнее в плане глобального контроля над миром и судьбами людей. Да и задачи у нас разные. Фем обожает справедливость, мне нравится неожиданный

поворот событий в человеческой жизни, а Рок любит стабильность. Только в разумном соединении равновесия, случая и порядка может существовать гармония. И я не сумасшедший, чтобы нарушать ее. Хотя, может быть, именно сейчас и нарушаю тем, что связался с человеком?

Я сам не заметил, как добрался до парка. Там опустился на первую же попавшуюся скамейку и задумался.

Забавно, когда хочется пофлиртовать с незнакомым парнем — моя изменчивая сущность принимает женский облик, а когда возникает необходимость поразмыслить — мужской.

Машинально я запустил руку в карман, вытащил золотую искорку и стал развлекаться тем, что подбрасывал ее на ладони.

Нарушать гармонию не хотелось.

Но у меня было оправдание. Я хотел помочь человеку, мне не дали это сделать, но я все равно помогу ему.

Шанс очень своенравный и упрямый бог.

Я улыбнулся этой мысли и одновременно хорошенькой румяной девочке лет пяти, проходившей мимо скамейки в сопровождении матери. Девчушка рассмеялась в ответ, заглянула мне в лицо, а потом вдруг ловко схватила с ладони золотую искру и бросилась бежать, звонко хохоча и оглядываясь через плечо. Я тоже рассмеялся и помахал ей. Вот почему детям всегда везет. Они знают, как надо обращаться со своей удачей. Хватают ее, словно блестящую игрушку, пока Шанс, зазевавшись, смотрит в другую сторону.

Эпизод с девочкой развеселил меня. И думать стало легче...

Я хотел подбросить Константину немного успеха в благодарность за его музыку. Он так играл, что мне захотелось сделать для него что-то приятное... Стоп! Меня вдруг прошиб пот, когда я понял, до чего додумаюсь сейчас. Вот оно, первое мое нарушение гармонии. Все люди должны быть равны передо мной. Одинаковые, безликие маски, которым я, не глядя, раздаю удачу и невезение. Их может получить достойный, а может отъявленный негодяй. Мне все равно, кому дарить их. *Должно быть* все равно, а я выделил из толпы одного-единственного человека, который показался достойным. Я нарушил собственные правила игры. Не подчинился силе, которая управляет и мной тоже...

Справедливость и равновесие. Мне вдруг представилось, как зеркало Фема вырывается у него из рук, чтобы невидимым щитом отгородить от меня музыканта, не давая тому получить заслуженную удачу... Заслуженную. Незаслуженную он бы получил легко... Вот тебе и равновесие. Нелегко понимать, что ты не всесилен, и на тебя, бога, тоже действуют строгие законы. Лучшее, что я могу сейчас сделать, — забыть неудачника и, по совету мудрого Рока, заняться своими делами...

А могу еще раз попробовать переломить упрямую судьбу.

Фема я нашел, спустившись в городское метро. Мальчишка носился как молния, устанавливая справедливость среди пассажиров. Я едва успел схватить его за руку и в самый последний момент вытащить из отъезжающего поезда.

— Шанс, пусти, мне некогда! — отбрыкивался он, но я держал крепко.

— Ничего не случится, если ты уделишь брату несколько минут своего драгоценного времени. Мне нужно с тобой поговорить.

Он сердито посопел, но понял, что отделаться не удастся.

— Ладно. Чего тебе?

— Я хочу знать, как работает твое зеркало.

Фем открыл рот от удивления.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

Было очень интересно наблюдать, как он тарашится на меня, не зная, издеваюсь я над ним или действительно интересуюсь работой магического артефакта.

— Но зачем тебе это?

— Надо, если спрашиваю.

В полном недоумении он отошел к стене и кивком подождал меня.

— Ладно, давай поговорим... Только я не понимаю... ты никогда не интересовался... И вообще я же не спрашиваю, как работают твои искры.

— Элементарно... Достоешь, — я запустил руку в карман и вытащил искорку, — прицеливаешься, — наугад выбрал из

толпы человека, — бросаешь, — выпустил свой маленький заряд удачи, точно попавший по назначению. — Вот и все.

— А откуда ты берешь эти искры?

Я усмехнулся.

— Из кармана, естественно.

Фем недовольно поморщился, не одобряя моего ехидства.

— Но как-то они туда попадают...

— Они — часть меня.

— Ну да. Ты — воплощение фортуны, везения, положительной энергии. Как вечный двигатель, постоянно вырабатывающий удачу.

— И невезение тоже, — уточнил я.

Фем с досадой отмахнулся, не желая останавливаться на очевидных вещах.

— Да, и невезение. Бросая свои искры, ты отдаешь людям часть себя, а вместо истраченной частицы тут же возникает новая. Так?

— Естественно.

— Ну вот, так же мое зеркало. Оно — часть меня. Я чувствую несправедливость или, наоборот, добрый порыв и отражаю их.

— И твое зеркало нельзя обмануть, перехитрить, отвести отраженный импульс в сторону? Пробить его?

— Нет. Во всяком случае, у меня такого не бывало никогда.

— Понятно...

Мы помолчали. Фем прижимал локтем к боку свое волшебное зеркало, я уныло смотрел в толпу.

— И все-таки, Шанс, зачем ты спрашивал?

— Так просто.

Он не поверил, но настаивать на честном ответе не стал. Мы попрощались. Фем уехал на следующем поезде, я опять поднялся в город.

Снова стемнело. Наше время течет не так, как у людей. Иначе мой младший брат не успевал бы наводить свою справедливость, я — разбрасывать удачу, да и Рок вряд ли бы упоравился с тяжелой задачей выводить человеческую судьбу. Так что с момента моей встречи с Константином могла пройти неделя или месяц. А может быть, всего один день.

Он оказался дома, когда я пришел снова. Невидимый, прошелся по квартире, огляделся. Музыкант был не один. Та самая девчонка с улицы весело хозяйничала на кухне, вытаскивая продукты из хозяйственной сумки.

Сегодня она была одета в пушистый бежевый свитерок, юбочку, сшитую исключительно для того, чтобы привлекать внимание к ногам, а не закрывать их, и тонкие ажурные чулки, красивые, но слишком холодные для этого времени года. Длинные кудрявые волосы, стянутые в хвост на макушке, весело прыгали по плечам девушки, когда она наклонялась, поворачивалась, поднимала голову. Зеленая лента, путающаяся в этих задорных кудряшках, очень шла к ее зеленоватым глазам. Длинные, по-детски загнутые ресницы чернели от туши, на щеках горел косметический румянец, губы блестели перламутровой помадой. Но слою пудры и румян не удавалось скрыть тени усталости на ее лице. И свежие, яркие краски могли обмануть Константина, кого угодно, только не меня. Когда эта девчонка вернется домой и умоется, из зеркала на нее посмотрит утомленная юная мордашка с кругами под глазами и запавшей линией щек. А на следующий день она снова нарисует маску уверенной в себе, яркой красавицы... Стройные длинные ноги, тонкая талия, высокая грудь. Юная девочка, которая еще совсем недавно была неуклюжим подростком. Очаровательное существо, нежное, хрупкое, слишком хрупкое для того, чтобы в свои пятнадцать-шестнадцать лет носить такие короткие юбки, краситься так ярко и стоять на улице в мороз в тонких чулках.

Константин сидел на табуретке у стола, избегая смотреть ей в глаза, и молчал. А подружка щебетала, не замечая его мрачного настроения.

— Смотри, я купила развесных, они дешевле, чем в упаковке, а на вкус такие же... вот еще соль, сахар, бульонные кубики. Я считаю, что в каждом доме должны быть бульонные кубики... Здорово, что тебе заплатили... немного, правда, но все же это лучше, чем ничего. Может быть, в следующий раз тебя снова пригласят играть в том клубе.

Вот как, «играть в клубе». Значит, он не сказал ей, откуда взялись эти «небольшие» деньги.

Девчонка села рядом с ним, крепко взяла за обе руки и сказала пылко:

— Я знаю, что ты гений. И остальные это тоже поймут.

Парень невесело усмехнулся:

— Надеюсь.

— Ничего, нам главное — переломить полосу неудач. Тебе должно было повезти. И повезло.

Ну да, повезло, с помощью упрямого бога Шанса, который вбил себе в голову, что хочет непременно одарить удачей невезучего смертного.

— Ладно. Я пойду. Поздно уже. — Девочка поднялась и погладила Константина по голове.

— Ты не останешься? — Он попытался задержать изящную кисть, но подружка вырвалась, громко чмокнула его в макушку и растрепала волосы.

— Не сегодня. Может быть, завтра.

Музыкант пошел провожать ее, и пока они целовались в прихожей, я проявился, по-прежнему в женском облике Удачи. Достал из шкафа чистый стакан, раскрыл пачку сока и удобно устроился на стуле.

Наконец входная дверь хлопнула, Константин вошел на кухню и тут же вздрогнул от неожиданности, увидев меня.

— Ты?!

— Привет.

— Как ты здесь оказалась?! Зачем?!

— Собираюсь помочь тебе переломить полосу неудач.

Он сник, опустил голову.

— Да, понял. Я думал, тот раз будет последним. Единственным...

— Тебе же нужны деньги. Наверняка малышка, которая только что ушла отсюда, хочет, чтобы ты отвел ее в кино, подарил цветы. В общем, вел себя как настоящий взрослый мужчина... Очень скучно жить с неудачником.

Парень посмотрел на меня, свою удачу, почти с ненавистью, и я понял, что опять слегка перестарался.

— Ладно, не будем ссориться. Ты мне действительно нравишься. Мне приятно... общаться с тобой.

Он неожиданно улыбнулся своей печальной улыбкой и сказал:

— Знаешь, мне тоже.

* * *

Мы провели вместе всю ночь, весь следующий день. И может быть, впервые за свою жизнь, исключая раннее детство, Константин был спокоен, счастлив. Смог наконец отвлечься от неприятностей. Пока я был рядом, с ним ничего не случилось. Вообще ничего. Никто не наступал на ноги, не пытался вытащить деньги из кармана, машины не окатывали грязью. Я не мог подарить ему золотую искру, но присутствие материальной удачи защищало парня от бед. Сначала он не понимал, в чем дело, а потом в маленьком ресторанчике, куда мы зашли, чтобы перекусить, Константин вдруг отложил в сторону вилку и по-новому посмотрел на меня.

— Знаешь, сегодня такой странный день.

— Знаю.

— Ты была права, когда говорила, что приносишь удачу.

— Я не приношу удачу. Я и есть Удача.

— Да. — Он рассмеялся, прикоснулся своим бокалом к моему. — Я помню. Везение. Удача... Шанс. Если бы так было всегда. Я не хочу многого, всего добыю сам. Только бы нелепые случайности оставили меня наконец в покое.

— О твоих неудачах можно сочинить балладу. И не одну... Попробуй этот салат с кальмарами, он тебе понравится.

Музыкант послушно придвинул к себе вазочку с салатом и несколько минут молча наслаждался им. Приятно смотреть на голодного человека, который наконец может поесть как следует.

— Послушай, Шанс. — Парень улыбнулся, произнося мое, как он думал, вымышленное имя. — Чем ты занимаешься?

— Я же тебе сказала — приношу удачу.

— И что, неплохо зарабатываешь на чужом везении?

— На жизнь хватает.

Я налил ему еще вина и продолжил:

— Многие неудачники хотели бы избавиться от своих «нелепых случайностей», и я им в этом помогаю.

Он не донес до рта бокал.

— Ты что, серьезно?

— Абсолютно. Я приношу им удачу до тех пор, пока у них не появляется своя собственная. И тогда мои услуги перестают быть нужны.

Музыкант рассмеялся, но тут же оборвал смех, увидев выражение моего лица.

— И дорого стоят твои услуги?

— Дорого. Сначала я помогаю в кредит. Авансом, а когда мой протеже переходит из категории аутсайдеров в категорию счастливичков, приношу ему счет.

Константин облокотился о стол и смотрел на меня горящими от восторга глазами. Ребенок, которому рассказывают интересную сказку.

— Здорово! Если бы это могло быть правдой.

— Это правда. Вспомни свой сегодняшний день. Разве у тебя были проблемы?

Парень отрицательно покачал головой, пытаясь вспомнить хотя бы одну.

— Нет, все было идеально.

— Вот видишь.

Он снова рассмеялся, но на этот раз как-то неуверенно.

— Шанс, это не шутка? Ты действительно не разыгрываешь меня?.. Послушай, а ты не могла бы...

Естественно, я бы мог. Моя вымышленная история произвела на Константина огромное впечатление. Ему так захотелось поверить мне, что он почти поверил. Пытался понять, в чем здесь подвох, как я могу обмануть его, и не мог сообразить. Какой соблазн навсегда избавиться от своего невезения, перестать попадать в дурацкие ситуации, зажить нормальной жизнью, как все. Может быть, даже добиться успеха...

— А ты можешь помочь мне?

— Могу попытаться.

Он облегченно вздохнул, откинулся на спинку стула и сказал:

— Отлично. Когда начнем?

— Прямо сейчас и начнем. Я обещаю помогать тебе. Ты обещаешь слушаться меня. Больше ничего не нужно.

— Ладно, даже если это всего лишь шутка, я хочу попробовать.

И мы попробовали. Больше Константину не надо было думать о деньгах. За все платил я. Он мог играть для своего

удовольствия, встречаться с друзьями, ходить на концерты, ужинать в ресторане. Он понял, что жить можно легко, приятно, без лишнего напряжения и борьбы с каждым прожитым днем. Неплохо, когда тебя постоянно сопровождает материальная удача.

Его квартира вдруг оказалась завалена коробками, пакетами с одеждой и обувью из дорогих магазинов. Старые джинсы и свитера были свалены в кладовку, и я запретил ему надевать их. Константин отказался переезжать (видимо, здесь хранились дорогие его сердцу воспоминания), но согласился поменять мебель, переклеить обои и положить ковровое покрытие на вытертый паркет.

Забавно это, наверное, смотрелось со стороны — бригада рабочих, деловито сдирающих со стен старые обои. Высокая шатенка с блестящими прямыми волосами до плеч и сосредоточенным лицом (она же — Удача), надменно указывающая наманикюренным пальцем на обнаруженный в полу дефект. И слегка растерянный, смущенный, аккуратно подстриженный юноша в дорогом костюме.

Эту картину я увидел в большом зеркале, которое пронесли мимо меня мастера.

— Константин. — Отражение девицы резко повернулось, мимоходом поправляя золотистый полупрозрачный шарф, закрывающий ее плечи. — Сегодня мы пойдем в клуб. Где, ты говорил, собираются твои приятели?

— В «Гаване», — машинально ответил музыкант, наблюдая, как его удача разглаживает какую-то несуществующую складочку на прямой узкой юбке. — Но... Ладно, хорошо, пойдем.

К клубу мы подъехали на такси. По моему плану приобрести личный автомобиль Константину было еще рановато. Он и так пребывал в состоянии легкого шока от внезапно посыпавшегося благополучия. Пусть привыкнет немного.

«Гавана» не произвела на меня особого впечатления. Не высший уровень. Но и не обычная забегаловка. Естественно, появление облагороженного Константина в обществе шикарной девушки произвело должное впечатление на друзей.

— Коста, вот это да! У тебя нашлись богатые родственники за границей?

— Нет, его усыновил дядюшка-миллионер.

— Выиграл в казино?

— Ограбил банк!

— Женился на дочке нефтяного магната.

Константин с улыбкой выслушивал глупости, которые болтали его коллеги-музыканты, и я чувствовал исходящую от него волну спокойного удовлетворения. Видимо, давненько он был в этой компании бедным мальчиком, которого никто не воспринимает всерьез, и уже устал от роли неудачника.

— Константин, как зовут эту красотку?

— Ее зовут Шанс.

Константин посмотрел на меня, и в его глазах отразилась теплота, почти нежность. Он привык ко мне. Девушка-Удача вписалась в его жизнь, не мешая существованию девчонки с улицы.

Когда спала первая волна удивления, вызванная неожиданным появлением Константина, приятели принялись выяснять, откуда взялся источник неожиданного богатства. Но музыкант только загадочно улыбался и снова заказывал всей компании пива. А его Удача сидела рядом, грызла соленые орешки и смотрела на разгоряченных выпивкой и любопытством людей темным, ничего не выражающим взглядом, который заставлял многих из них опускать глаза.

Я видел их всех. Этот — неплохой музыкант, но никогда не станет лучшим — не хватает таланта, и он сам об этом знает, поэтому спокойно зарабатывает свои двести пятьдесят, играя в соседнем клубе. Вон тот, что уже несколько минут проявляет ко мне повышенный интерес, мечтает о своей рок-группе, но у него нет хороших связей для того, чтобы пробиться к известности. У третьего во взгляде мелькает что-то почти одухотворенное и так же быстро гаснет — внимание его слишком быстро переключается с одного на другое. Четвертый любит себя, свой хорошо поставленный голос, свои достижения в музыке, свою карьеру, и неудачи коллег стимулируют и вдохновляют его — но он не добьется многого.

Очень скоро мне стало скучно, хотя я продолжал смотреть на них, вежливо улыбаясь и делая вид, что верю тем человеческим глупостям, которые они болтают.

— У тебя красивые волосы, — сказал рок-музыкант, придвигаясь ближе. — В них как будто бегают золотые искры. Ты умеешь петь?

— Нет.

— Жаль. Мне нужна певица. Ты бы подошла. Зачем тебе Коста?

— Он талантлив.

— Как и все мы.

— Не все.

— Да, не все. Но он неудачник.

— Я его удача.

— Да, ты похожа... Давай выпьем! Давай выпьем за удачу.

— Давай.

Мы со стуком сдвинули наши стаканы. Приятно пить за себя самого. Приятно, когда о тебе вспоминают во время дружеского застолья. Это вдохновляет на дальнейшие свершения.

Позже, часа через два, когда мы с Константином ехали домой, он сказал задумчиво:

— Знаешь, я не был в этом клубе уже полгода. Не мог себе позволить. Не хватало денег... Ты не думай, они неплохие ребята.

— Это не твой уровень, Константин. Они неплохие ребята, но они уже остановились. Им не хочется больше никуда двигаться. Их устраивает то, что у них есть.

— Но я тоже...

— Нет, ты не «тоже». Хотя если будешь продолжать сидеть с ними и вести бессмысленные разговоры о своей судьбе непризнанного гения, так и останешься неудачником.

Он ничего не ответил, но о чем-то задумался и молчал всю оставшуюся дорогу. И лишь когда мы поднялись в квартиру, спросил, не глядя на меня:

— Ты и мою девушку предложишь заменить? Считаешь, она не подходит мне?

— Я ничего не знаю о ней.

Я открыл футляр, достал из него саксофон и посмотрел в зеркало. Там отражалась молодая женщина в вечернем платье с искристыми мягкими волосами и серебряным музыкальным инструментом в руках. Жаль, что я полностью лишен каких бы то ни было талантов. Богу Шансу это не положено. Поэтому я с уважением отношусь к людям, которые могут изливать душу в музыке или живописи. Есть нечто завораживающее в недоступном мне искусстве управлять окружающим миром с помощью звуков, красок или слов. Помоему, это не меньшее волшебство, чем мои искры.

— Константин, сыграй мне.

Он подошел, взял инструмент, задумался. Лицо его стало... пустым, ничего не выражающим, будто все эмоции внезапно ушли в глубину его души, и в глазах отражалась все та же пустота. Константин резким движением поднес саксофон к губам и заиграл.

Я сидел в кресле и слушал. На секунду мне показалось, что это звучит подлинный голос Константина, его настоящие чувства. Грусть, неумение понять, для чего он нужен в этом мире и вообще нужен ли кому-нибудь. И я подумал: что будет, если он станет удачливым, деловым, активным? Не уйдет ли из его музыки глубина и страстность...

Этажом ниже кто-то раздраженно застучал по батарее. Естественно — двенадцать ночи, соседи спят, а саксофон — не самый тихий инструмент. Константин оборвал печальную мелодию и взглянул на меня с сожалением.

— Извини, сейчас не самое лучшее время.

— Да. Уже поздно. Я пойду.

— Ты не останешься?

Тот же самый вопрос он задавал своей подружке.

— Спокойной ночи, Константин. Увидимся завтра.

Я спустился вниз по лестнице, не дожидаясь лифта, вышел на темную улицу, и мне вдруг захотелось яркого слепящего света, шума, грохочущих ритмов. Мне нужно было посмотреть на людей, бессмысленно тратящих деньги, смеющихся и весело проводящих время. Я черпаю свою силу из этой легкомысленной человеческой суеты для того, чтобы потратить ее на них же.

Я обходил все ночные клубы по очереди, щедро, пригоршнями, разбрасывая золотые искры, не глядя, в кого попадаю.

И только когда почувствовал, что сегодня люди получили достаточно удачи, остановился в одном из баров. Чувствуя удовлетворение от своей необыкновенной щедрости, сел у стойки в материальном мужском облике, благо появилась возможность расслабиться и пофилософствовать. И вдруг услышал профессионально-напевный голос, прозвучавший одновременно с легким прикосновением к моему плечу.

— Привет. Как дела?

Я обернулся и увидел рядом светловолосую, кудрявую девушку... подружку моего протеже — Константина.

— Привет. Неплохо.

Она присела рядом, безупречно-рассчитанным движением положила ногу на ногу так, что и без того короткая юбка поднялась еще выше. Оперлась локтями о стойку, улыбнулась ярко накрашенными губами... Девушка на работе.

— Что будешь пить?

— Мартини со льдом и апельсиновым соком, — решила она, рассматривая меня с профессиональным вниманием. Странно сочетался этот оценивающий взгляд с милым юным лицом. Интересно, неужели моя долгая прогулка по городским улицам должна была закончиться именно в этом баре? Неужели я искал ее, кудрявую милую девочку с детским лицом, просвечивающим сквозь маску взрослой опытной женщины? Она интересна мне, потому что связана с Константином? Или просто интересна?

— Скажи мне, ты счастлива?

Она не ожидала от предполагаемого клиента подобного вопроса. Обычно ее сразу спрашивали о том, сколько стоит ее время.

— Когда, сейчас?

— Всегда.

— Невозможно быть счастливой всегда.

— Счастье складывается из сотен мгновений, наполненных радостью, удовольствием, любовью, хорошим настроением и удачей. Ты счастлива?

Она сжала губы, поболтала содержимым своего бокала, слушая, как кусочки льда звенят о стекло.

— Зачем тебе это знать?

— Пытаюсь понять.

— Что? — Она улыбнулась немного скованно, но все еще ослепительно. Я проигнорировал ее вопрос, задав новый.

— Тебе везло когда-нибудь?

— Везло?.. Да. Пожалуй, да. Я даже в лотерею как-то выиграла.

Девушка снова позвенела льдом в бокале, отпила, чуть поморщилась.

— Ты веришь в удачу? — продолжил я, пристально рассматривая собеседницу.

— Конечно. Кто же в нее не верит.

Мне понравилась уверенность, прозвучавшая в ее голосе. И сама она мне нравилась.

— Ты часто выигрываешь в азартные игры?

Она рассмеялась.

— Никогда не выигрываю.

— Аварии, несчастные случаи были?

— Нет.

Она вдруг приоткрыла накрашенные губы, захлопала ресницами и снова рассмеялась.

— Я поняла, почему ты задаешь все эти вопросы! Тебе нужен талисман.

— Кто?

— Талисман. Ну, чтобы пойти в казино или на ипподром и выиграть. Иногда клиенты боятся делать ставки сами, и это поручают девочке с легкой рукой. Угадала?

Я улыбнулся ей.

— Нет, я сам себе талисман.

— Тогда что? — Ее лицо засветилось от любопытства.

Мне нравилось говорить с этой девушкой. Она была искренней, немного наивной, любопытной, забавной...

— Так, я не понял! — прозвучал рядом мужской голос с высокомерной барственной интонацией. — Ты что, трепаться сюда пришла?

Моя собеседница мгновенно сникла, как будто съезжилась. Погасли яркие глаза любопытного ребенка, улыбка ста-

ла жалкой, словно привязанная на тонкой ниточке к алым губам. Этот внезапный страх вызвала бледная личность в темно-синем костюме с невыразительным лицом и волосами, аккуратно расчесанными на прямой пробор.

— Нет, я просто... — пробормотала девушка, но ее оправдания никого не интересовали. Незвестный господин повернулся ко мне.

— Если не берешь девушку, нечего ее отвлекать. Она на работе.

Я медленно осмотрел его с головы до ног и с должным презрением произнес:

— Пошел вон.

Тот обалдел.

— Чего?

— Я сказал, пошел вон, мое время слишком дорого для того, чтобы тратить его на мокриц вроде тебя.

Я снова повернулся к девушке, нервно кусающей губы, и взял свой бокал.

— Так что ты говорила о талисманах?

Какое-то время бледный тип злопыхал у меня за спиной, придумывая все более неправдоподобные угрозы, но моя заносчивая уверенность в себе смущала его. Когда он наконец удалился, явно ненадолго, девушка посмотрела на меня печально, с мягким упреком, почти осуждающе.

— Не нужно тебе было говорить с ним так. Он прав, я на работе.

Ей хотелось остаться, поболтать со мной еще о талисманах и везении, но она поднялась. И очень вовремя. Ее работодатель появился снова, на этот раз в компании мужчины средних лет с раздраженно-брезгливой физиономией. Мой недавний оппонент что-то горячо толковывал ему, а тот слушал, не проявляя никакого интереса.

— Ну и сколько стоит вся эта кухня? — спросил наконец громко.

Темно-синий что-то ответил, показав на девушку, все еще стоящую рядом со мной. Мужчина оценивающе рассмотрел ее с ног до головы, удовлетворенно кивнул и поманил к себе...

Уже выходя из бара, она быстро оглянулась и едва заметно улыбнулась мне...

Удача любит других людей: решительных, смелых, уверенных в себе, совсем не таких, как эта девочка. У ее друга, кроме невезения, есть редкий талант, а у нее нет ничего, только милая улыбка и глаза испуганного, никому не нужного ребенка...

Почему я никогда не обращал внимания на таких, как они? Меня не интересовали их проблемы, их жизнь, их планы. А ведь они тоже мечтали о бешеных выигрышах в казино и о полосе вечного везения. Но у них никогда не хватало силы воли или безумия для того, чтобы пойти в мой «храм» и поставить на кон все свои сбережения. Меня никогда не тянуло к тем, кто не умеет играть и не умеет проигрывать. А сейчас я смотрю вслед девочке, которая ушла с посторонним чужим мужчиной, потому что ей так велели, и жалею о том, что не задержал ее. Она мне нравится... Бог Шанс любит детей...

Я шел по улице, смотрел в лица людей, попадающихся навстречу, и чувствовал, как во мне меняется что-то. Две короткие встречи, два ничего не значащих образа — парень, играющий на саксофоне так, что даже у бездушного бога заняло сердце, и девочка, с улыбкой оглядывающаяся на меня через плечо... Только сейчас я понял, как она похожа на музыку Константина. Щемящая, печальная мелодия об одиночестве и беззащитной нежности, тоска по нескольким мгновениям короткой юности. По слабой, ранимой юности, вынужденной прятаться за маской взрослой искушенности и вседозволенности... Два ребенка, не нужных никому... кроме меня?

Я резко остановился, развернулся и налетел на старушку, осторожно семенившую по тротуару. Ручка хозяйственной сумки, которую она несла, оборвалась, и на черный асфальт посыпались ярко-оранжевые апельсины.

— Простите. Я... сейчас соберу.

Я бросился подбирать золотые плоды, которые весело катились по земле и были похожи на мои искры. Старушка бормотала какие-то невнятные благодарности и улыбалась. А потом, когда я высыпал все собранное обратно ей в сумку, вытащила из пакета апельсин, сбереженный от падения, и протянула мне.

— Спасибо, — пробормотал я, взял маленькое, оранжевое земное солнышко и почувствовал на мгновение, что мне, богу Шансу, подарили человеческую искру удачи.

Мы с Константином общались уже около трех недель. И постепенно я начал замечать, что он меняется. Стал увереннее держаться, двигаться свободнее, как будто больше не опасаясь споткнуться на ровном месте.

Странно, но люди очень зависят от внешних обстоятельств. Им не хватает спокойствия, уравновешенного отношения к событиям и стабильности характера, когда что-то, пусть самая мелочь, идет не так в их человеческой жизни. Мы, боги, лишены этой зависимости. Может быть, оттого, что не испытываем страха. Внутреннюю уверенность и невозмутимость Рока не сокрушить ничем. Активность и безудержную деятельность Фема вряд ли можно остановить. И мое упрямство, похоже, не переупрямишь.

Будучи человеком, Константин приобретал равновесие духовное вместе с материальной стабильностью.

Получив возможность быть «не хуже других» в финансовом плане, таком значимом для мужчин, он чувствовал себя более полноценным. Взгляд его все чаще останавливался в центре объекта, заинтересовавшего моего протеже, а не скользил мучительно от одного края до другого и не уходил в пол. Движения и жесты стали более четкими, он больше не плелся бесцельно и не бежал слепо неведомо куда. Речь зазвучала внятно и логично. По крайней мере мой приятель научился спокойно озвучивать вслух свои желания. Мучительное: «вот... я... как ты считаешь?... подумал... ну... может быть, мы...» теперь заменялось простой фразой: «Пойдем поужинаем».

Я радовался за парня и только начал получать удовольствие в его обществе. Как вдруг все началось сначала. Музыкант стал нервничать, мрачнеть и часами не хотел разговаривать со мной.

Творческий заскок, решил я...

Он сидел на втором этаже одного из самых дорогих ресторанов, за столиком у окна, одетый в эксклюзивный кос-

твом от Черрути, мрачно смотрел в свою тарелку, где лежали представители морского ассорти в белом соусе, по триста за штуку, и молчал. Ждать, когда у него закончится полоса уныния, мне надоело, и я спросил:

— Константин, в чем дело?

— Ни в чем, — ответил тот, все еще рассматривая омара в окружении блестящих черных маслин и нежно-зеленого салата.

— Тогда почему ты не ешь?

— Не хочу.

— Что с тобой?

— Со мной ничего.

— Так. Значит, дело во мне?

Он помолчал, подцепил вилкой листик салата и снова уронил его на блюдо.

— Я поссорился с Агатой.

— С кем?

— С Агатой. Мою девушку зовут Агата! — Мне не понравилось раздражение, прозвучавшее в его голосе. Константин понял это и продолжил уже спокойнее: — Она спрашивает, откуда у меня вот это все. — Он потянул себя за отворот отлично сшитого пиджака. — Спрашивает, откуда деньги. И мне приходится врать ей. Последнее время я все время вру. Выкручиваюсь, что-то придумываю.

Вечные человеческие проблемы! Как они утомляют!

— Тогда говори правду.

— Правду?! Какую правду? Что я зарабатываю на жизнь не самым обычным для мужчины способом? Что переспать со мной стоит дороже, чем с профессиональной гейшей, и беру я деньгами, вещами, ремонтом в квартире?..

— Прости, но я не понимаю, что тебя смущает.

— Ты не понимаешь?!

— Я получаю удовольствие от общения с тобой и плачу за это. Мне не кажется это противоестественным.

— А мне кажется! Если бы ты помогла мне найти работу и я сам зарабатывал, в этом не было бы ничего предосудительного. Если бы мы поженились, у меня бы не было выбора, я бы принял то, что ты даешь. Даже если бы ты просто

любила меня, а я тебя — мы бы не делили ничего на твое и мое. Психологически, понимаешь! Я не могу спать с девушкой и получать от нее за это деньги. Меня это унижает.

— Относись к этому проще.

— Я не могу относиться к этому так, как относишься ты. Как к сделке.

Я чуть отодвинулся от стола, положил ногу на ногу.

— Ты недоволен моей работой?

Константин смутился. Еще бы, упрекать меня в «непрофессионализме» несправедливо.

— Ты прекрасно справляешься со своей «работой».

— Тебе свалился кирпич на голову? Облили грязью? Обсчитали в ресторане?

— Нет.

— Так в чем дело? Чем ты недоволен?

— Ну, пойми, люди так не общаются. Это ненормально!.. — Он смотрел на меня почти умоляюще. — Я знаю, почти все мои друзья были бы счастливы жить с тобой, тратить твои деньги и ни о чем не спрашивать. Играть в исцеление от неприятностей, каждый день получать новые подарки... А я...

— А ты не можешь?

— Мы с тобой оба отлично знаем, что я ничего не смогу тебе вернуть.

— Но ты сам просил меня сделать тебя счастливым и удачливым. Я делаю.

Он улыбнулся своей искренней беззащитной улыбкой, и мне стало по-настоящему тошно в ответ.

— Отлично. Все ясно. Давай поступим так. Я оставлю тебя на сутки, и ты подумаешь, стоит ли нам... встречаться дальше.

Константин забеспокоился, подозревая, что обидел меня, должен был обидеть девушку, настойчиво в нем заинтересованную. Он вскочил, но я жестом заставил человека опуститься на прежнее место и гордо вышел из зала.

Вот теперь действительно пора задуматься, зачем он мне нужен? Какой смысл навязывать удачу тому, кто отталкивает ее обеими руками? Небольшое удовольствие — каждый день смотреть на унылую физиономию и ловить тягостные

мысли о том, имеет ли он право получать удовольствие от общения со мной. Так что стоит хорошенько подумать, надо ли возвращаться к бестолковому смертному после короткого испытательного срока.

Я вышел из ресторана, все еще не меняя привлекательного женского облика, но не успел сделать и нескольких шагов. Высокий тонкий каблук одной из туфель, которые носила девушка Удача, неожиданно подвернулся. На совершенно ровном месте. Я понял, что теряю равновесие, и не успел даже удивиться...

Материальное воплощение успеха, великолепный бог Шанс сидел на холодных, жестких камнях тротуара и с изумлением рассматривал ногу, которая нестерпимо ныла в шиколотке. Вот это и есть человеческая боль? Я, конечно, знал, какая она, приходилось чувствовать через других людей, но никогда не доводилось испытывать лично. Как неприятно. Глупо!

— Шанс! Что ты? Что с тобой?

Ко мне подбежал испуганный Константин (увидел в окне мое нелепое падение?).

— Что случилось?

— Нога... болит. — Я услышал в своем голосе безмерное удивление, которое должно было бы рассмешить любого нормального человека.

— Наверное, ты ее подвернула... ну да. Так и есть. Это не страшно. Сейчас я вызову такси, отвезу тебя в больницу.

— Нет! Никакой больницы.

— Хорошо. Как скажешь. — Он озадаченно посмотрел на меня, не ожидая столь резкой реакции на естественную заботу. — Тогда поедem домой... к тебе?

— Нет, к тебе.

— Ладно, ко мне. Давай я помогу тебе встать.

— Больно!

— Потерпи немного.

Он остановил машину, помог мне устроиться на заднем сиденье и всю дорогу посматривал с настороженным вниманием, как будто опасался, что я могу неожиданно упасть в обморок.

Дома Константин продолжал трогательно заботиться обо мне, усадил в кресло, намазал распухшую лодыжку какой-то мазью, забинтовал, подобрал мои туфли, валяющиеся на полу, и неожиданно рассмеялся.

— Знаешь, никогда бы не подумал, что ты умеешь быть слабой, беззащитной. У меня такое чувство, будто ты впервые испытываешь боль.

Я промолчал, и парень понял, что меня лучше оставить в покое. Невезение невезением, а интуиция у Константина работала хорошо.

Он уже спал, когда пришел Рок. Я сидел в кресле у окна, терпеливо ожидая, когда закончится мое добровольное человеческое мучение. Не в силах покинуть это тело, пока физическая боль отвлекала меня от состояния отрешенности, свойственного (и необходимого!) богу. Ногу то сводило, то начинало колоть, а то она просто нудно, тупо ныла. Отвратительное ощущение.

— А ведь я тебя предупреждал, — прозвучал рядом тихий задумчивый голос.

Я поднял голову. Рядом стоял мудрый старший братец и смотрел на меня сверху вниз.

— Отвали, Рок, без тебя тошно.

— Я тебя предупреждал.

— Да-да! Предупреждал! Вот такой ты умный и дальновидный! А теперь оставь меня в покое.

— Как ты думаешь, почему это произошло с тобой?

— Потому что я упал.

Словно не замечая грубости, Рок продолжал смотреть на меня с едва заметной, ничего не значащей улыбкой сфинкса.

— Ты считаешь себя богом, не так ли?.. А ты никогда не задумывался о том, что грань между сверхчеловеческим и человеческим очень тонкая?

— О чем ты?

— Чем дольше ты будешь оставаться с человеком, чем больше станешь думать о нем, чувствовать и помогать ему, тем лучше станешь понимать, что творится у него в душе. Ты слишком любишь свою работу, Шанс. Как сказали бы люди, отдаешь ей всего себя. Не хочешь допускать брак.

— Фем тоже любит свою «работу», — пробормотал я, не понимая, чего он добивается.

— Фем не понимает человеческих чувств. Не знает, почему люди желают зла или добра друг другу. Он всего лишь зеркало.

— А я?

— А ты слишком много размышляешь, пропускаешь через себя человеческие эмоции. Хотя тебе и кажется, что ты равнодушен. Тебе нравятся люди. Не конкретный человек в отдельности, один из толпы, а все они вместе. Поэтому ты не хочешь знать, кто ловит твою искру — преступник или добропорядочный гражданин. Ты любишь людей, Шанс.

— Нет. Нет! Я не могу никого любить! Я не имею права любить, иначе не смогу быть... равнодушным...

— Это правило ты придумал сам.

— Рок, чего ты хочешь?! В чем ты пытаешься убедить меня?

— Бог, который слишком близко общается с людьми, рискует стать похожим на них... одним из них.

— Нет...

Брат наклонился и дотронулся до моей ноги, которая тут же заняла в ответ на прикосновение. Я стиснул зубы, а Рок усмехнулся.

— Что такое боль, ты уже узнал. Остается совсем немного: разочарование, отчаяние. Что там еще они испытывают?

— Надежда, — произнес я сквозь стиснутые зубы. — Рок, почему я упал?

— Потому что ты хочешь помочь ему. — Брат указал на крепко спящего Константина. Наклонился. Его лицо оказалось совсем близко, и мне показалось, что в темных глазах я вижу пустоту. Космическую пустоту. — Потому что ничто не исчезает в никуда. Ты перетягиваешь на себя его неудачи, его судьбу. Человеческую судьбу, Шанс.

Рок резко выпрямился, отстраняясь, и исчез. Так же внезапно, как появился.

Он никогда не почувствует того, что чувствую я.
Мы слишком разные.

Фем — справедливость, Рок — судьба... а я бог, который живет среди людей. Они мне нужны, потому что в них моя сила и смысл моего существования. Я нужен им для того, чтобы менять их жизнь. Делать ее чуть легче или чуть тяжелее, как мне вздумается. Я научился чувствовать их боль, их надежду, знаю, чего они хотят, и могу меняться, как они. Значит, правила, которые бог Шанс создает сам для себя и которым подчиняется, тоже... могут меняться. Наверное, я взрослею. Учусь понимать и ценить то, что раньше для меня не существовало...

Юная девушка, улыбающаяся мне украдкой, парень, играющий на саксофоне, старушка с золотым апельсином в морщинистой руке, девочка, ловящая мою искру... наверное, я замечал все это не один раз, но никогда не видел по-настоящему.

Я сам устанавливал эти правила: не привязываться, не любить, бросать удачу в безликую толпу, ничего не зная о тех, кто ловит ее, быть равнодушным и беспристрастным...

Но бог Шанс тоже может ошибаться.

Почему я решил, что незаслуженная фортуна лучше заслуженной? Не так важно, кто получит ее — неизвестный мужчина в казино или симпатичная мне девушка, старушка с апельсинами или Константин, своей музыкой заставивший меня почувствовать себя немного человеком...

Я поднялся и подошел к кровати. Музыкант тихо вздохнул во сне, перевернулся на бок, прижимаясь щекой к подушке. Всего лишь один из многих, один из тех, без кого моя жизнь не имеет смысла... Я улыбнулся, сунул руку в карман, достал несколько искр и бросил их на спящего парня.

Он не проснулся, когда золотистые брызги упали в его ладонь, но пальцы Константина дрогнули, сжимая теплый огонек. Стена, которую я сам же и поставил вокруг него, исчезла.

Невидимая удача высветлила черноту его вечных неудач, и уже завтра все изменится... Для Константина, а может быть, еще для кого-нибудь, кому я решу подбросить немного везения.

* * *

Многие считают меня богом. И, наверное, они правы.
Бог, который делает жизнь людей чуть легче или чуть тяжелее — как ему вздумается.

Для которого больше не будет никаких правил.
...Неправильный бог, ненастоящий... Умеющий любить и сочувствовать.

Твой навеки. Шанс.

7—9.2003 г.
Балашиха—Дагомыс

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

Цыганка, неподвижно сидящая в глубоком кресле, была древней и дряхлой — но язык не поворачивался назвать ее старухой. Мешали глаза — яркие, живые, завораживающие.

До сих пор красивые.

А властности с годами только прибавилось.

И под взглядом женщины они опускали глаза, переминаясь с ноги на ногу: пятеро парней и три девушки, все в кольчугах — острый блеск переплетенных стальных колечек поверх вытертой джинсы, арбалеты и мечи сжаты в потных руках, тяжелые рюкзаки с притороченными поверх туго скатанными пенками брошены на пол. Молодые люди тяжело дышали, лица их покраснелись, движения были нервными и быстрыми — как это бывает со всеми, выдержавшими серьезную потасовку. Они заняли почти всю тесную душную комнату, к двери за их спиной был придвинут огромный тяжелый комод. Единственное в комнате окно закрывали ставни. Может быть, на улице был день, может быть, ночь — комнату освещала только тусклая электрическая лампа в старом пыльном абажуре из багрового бархата.

Женщина сухо рассмеялась, глядя на растерявшихся налетчиков.

Тогда из-за спины молодых вышел мужчина постарше — тоже в кольчуге, но вместо самодельных мечей в руке — пистолет. Дуло пистолета было вставлено в рот длинноволосому чернявому мальчику лет пятнадцати. Как ни странно, это выглядело не угрозой, а заботой, вороненым термометром во рту больного ребенка. Да и сам мужчина казался добрым доктором, терпеливо успокаивающим капризного маленького пациента.

— Прости, что побеспокоили, Мать, — сказал мужчина, останавливаясь. Парнишка что-то замычал, откинул голову, пытаясь избавиться от ствола. Мужчина резко дернул пистолетом — и во рту мальчика хрустнуло. На его глаза навернулись слезы, он замер.

— Отпусти ребенка, *чяморо!* — сказала женщина. — Живо!

— Ты будешь говорить? — уточнил мужчина.

— *Тэ скарин ман дэвл!* — выкрикнула женщина — и вдруг вся ее горделивая осанка исчезла. Миг — и в кресле осталась ветхая, впадающая в маразм старуха, неразборчиво прошамкавшая беззубым ртом: — Я уже говорю с тобой, сын обезьяны!

Мужчина вынул пистолет изо рта мальчика, толчком в затылок отправил его к старухе. И небрежно спросил:

— А вы от кого произошли? Догадываюсь, что не от обезьян, но все-таки...

Цыганенок, повинувшись жесту старухи, стал за ее креслом. Несколько секунд женщина и мужчина буравили друг друга взглядами. Потом старуха сказала:

— Сдвиньте кровать, поднимите линолеум. Там нычка. Травка и деньги... вам всем хватит.

Мужчина засмеялся — его смех неловко подхватила молодежь в кольчугах.

— Мы не за травой пришли, Мать. И деньги нам не нужны. Мы хотим увидеть Чудесный Мир.

С минуту женщина молчала. Потом что-то быстро произнесла на цыганском. Мальчик медленно прошел вдоль стены, ловко забрался на шаткий круглый столик, поднял руки и потянул за крошечный гвоздик, вбитый в стену под самым потолком. Открылась замаскированная обоями дверка.

Мальчик достал из тайника тугой пакетик с белым порошком и пачку долларов. Бросил под ноги мужчине с пистолетом — и презрительно харкнул поверх кровавой слюной.

— Мы ведь пока никого из ваших не убили... — задумчиво сказал мужчина. Сделал шаг, наступил на пакет и втер его ногой в пол. Полиэтилен порвался, белый порошок заскрипел под башмаком, будто обычный крахмал. — Мать, мы не нарки. Нам не нужна ни трава, ни героин. Мы знаем, кто вы такие. *Шунэса?*

— *Пхэн, кон ту? Ром или гаджэ?* — спросила женщина. Мальчик снова встал за ее спиной.

— *Мэ гаджэ.* Не дури, Мать-Великого-Рода-Умеющая-Открывать-Дверь. Ты думаешь, я случайно взял в заложники этого мальчика?

Ответом был полный ненависти взгляд старухи.

— Да, я знаю все. Он последний из твоего рода. Он еще не сделал ни одного ребенка. Если мы его убьем — эта линия прервется. И кто знает, сумеют ли другие *бэнг-мануш* твоего рода открыть дверь в Чудесный Мир? Пойдете на поклон к *джуги* и *лу-ли*? А остались у них открывающие, а, Мать?

Замершие за спиной своего старшего юноши и девушки затаили дыхание — и тем привлекли к себе внимание. Старуха обвела их взглядом — не то презрительным, не то снисходительным. Будто плетью стегнула — они снова устались в пол. Старуха посмотрела на мужчину. Встретила ответный жесткий и насмешливый взгляд. И обмякла — смирилась. Кто бы он ни был, он знал слишком много. А воля его, похоже, была столь же тверда, как у Матери Рода.

— Зачем тебе цыганское волшебство, *чаворо?* — Старуха склонила голову набок, будто надеясь под таким углом угледеть что-то тайное. Голос ее стал спокойным, будто она уже приняла решение. — Разве ты не знаешь — *гаджэ* не бывает добра от цыганских чудес... Зачем ты ведешь за собой чужих детей, *чаворо?* Разве ты дал им жизнь, чтобы теперь дать смерть?

— Мне не нужно твое волшебство, Мать, — тем же тоном ответил мужчина. — Открой дверь — и мы уйдем в Чудесный Мир.

— Что ты знаешь о нем, *чаворо?*

— Многое... — В глазах мужчины появилась мечтательная задумчивость. — Горы, вонзающиеся в голубое небо...

бездонные синие океаны... бескрайние зеленые леса и желтые степи...

— Это есть и в твоём мире, — буркнула старуха. — Чего ты ищешь?

— Единороги, драконы, тролли... — небрежно обронил мужчина.

— Зато там нет бегемотов и жирафов, — равнодушно сказала старуха.

— Магия...

— Техника.

— Великая война Света и Тьмы...

— Откуда ты знаешь это?

— Великий Лорд Гвиндор Инглорион сказал: настал час последней битвы Добра и Зла. Со всех сторон сошлись пресветлые эльфы — отважные лучники востока, закутанные в плащи-невидимки; стремительные всадники запада на своих быstroногих конях; суровые воины севера, сжимавшие ледяные гарпуны и восседающие на белых медведях; яростные бойцы юга, чьим оружием были клинки из черного камня и плети из драконьих жил... Им навстречу вышли несметные орды орков. И когда две армии сошлись на плоскогорье радужных трав, Лорд Инглорион сказал: вечером девяносто девять орков из сотни будут мертвы, а оставшиеся навсегда бегут из Чудесного Мира, станут вечными странниками в земле, принадлежащей людям, где магия редка и слаба...

Старуха молчала. Покачивала головой, смотрела в себя, будто переводила строки на другой язык.

— Кто рассказал тебе эту легенду?

— Не важно. — Мужчина усмехнулся. — Птичка принесла на хвосте... маленькая цыганская птичка... Открой нам дверь в Чудесный Мир, Мать Орков!

Старая женщина подняла голову, всматриваясь в его лицо.

— Мы не питаем к вам зла, — продолжил мужчина. — Эльфы изгнали вас... что ж. Страданиями и скитаниями вы искупили свою вину. Живите среди людей. Но мне и моим друзьям ты откроешь дверь в Чудесный Мир!

— Ты дурак, *гаджё*, — сказала старуха. — В Чудесном Мире вы встретите свой конец. Уходите — я велю, чтобы вас не преследовали...

— Если нам суждено погибнуть от рук эльфов, то мы с радостью примем такую смерть! — воскликнула одна из девушек. Старуха посмотрела на нее с таким удивлением, будто заговорила табуретка. Покачала головой. Потом посмотрела на мальчика.

Цыганенок вытирал рассеченные пистолетным стволом губы.

— Вы получите то, что просите, — сказала старуха. — Сними зеркало со стены и дай мне его...

Мужчина бережно снял со стены зеркало — простое, не очень старое, но мутное и засиженное мухами. Старуха небрежно протерла его рукавом платья, протянула цыганенку. Тот принял зеркало и встал по левую руку от старухи.

Несколько секунд было тихо. Губы старухи шевелились, но до людей не доносилось ни единого звука. Руки парней сжались на рукоятях мечей. Их старший засунул пистолет в кобуру, нелепо пристегнутую поверх кольчуги.

А потом из зеркала ударил чистый белый свет. Руки цыганенка задрожали, будто ему стало невыносимо трудно держать посеребренное стекло. Луч двинулся по комнате, будто в зазеркалье поворачивали мощный прожектор. Пробежал по полу, мазнул по лицам людей — и лег на стену. Вначале это был ослепительно яркий белый прямоугольник. Потом в нем проступили краски. В комнату ворвался порыв ветра, принес с собой тонкий, пряный аромат цветов и сладковатый дымок костра.

Люди стояли и смотрели на открывшуюся дверь, за которой ветер качал зеленые, желтые, оранжевые метелки травы. Луг уходил, казалось, к самому горизонту, где снежной каймой вставали далекие горы.

— Я не смогу держать дверь долго, — сказала старуха. — Если вы решили...

Мужчина, завороченно смотревший на дверь в стене, вздрогнул и начал отдавать приказания:

— Эрендур, Павлик, Эол, вы первые!

Трое юношей не колеблясь рванулись в светящийся проем. Их тела окутал слепящий свет. Миг — и они уже стоят среди радужной травы, озираясь, испуганные и восхищен-

ные одновременно. Потом кто-то из них засмеялся, остальные подхватили его смех — голоса ворвались в комнату, чистые и ясные, будто перезвон колокольных на ветру.

— Ирэс, Ньюменесси, Лютиэн!

Девушки шагнули следом.

— Элеросси, Феанор!

Двое замыкающих выбежали из маленькой комнаты на просторы Чудесного Мира.

Мужчина посмотрел на старуху. Та ухмылялась, качая головой:

— Какие громкие имена... а как зовешь себя ты?

— Роман, — резко ответил мужчина и шагнул к проему. — Что ж... спасибо тебе, Мать Орков.

Он вошел в сияющий свет — и вышел в океан радужных трав. Чистый воздух пьянил. Рядом хохотали, обнимались, звеня кольчугами, прыгали его юные спутники. Проход между мирами медленно истаивал — темный прямоугольник, за которым хохотала древняя старуха, не способная даже встать из своего кресла.

— Роман! — выкрикнула она. — Чяморо! Ты дурак, Роман! Твоя птичка пропела тебе только начало легенды!

— Что ты хочешь сказать, Мать Орков? — крикнул мужчина, подходя к тающему проходу.

— Орки победили в той битве, чяморо! Лорд Инглорион красиво говорил и отважно сражался, но и он угодил в котел. Бежать пришлось нам!

Цыганенок с разбитыми в кровь губами мотнул головой, из-под волос проглянуло острое эльфийское ухо. Потом он усмехнулся и опустил зеркало.

Проход исчез.

Мужчина, пятеро юношей и три девушки остались стоять среди высокой травы, глядя на тянущиеся к небу дымки недалекого стойбища, откуда к ним уже спешили, готовя на ходу волосяные арканы, воины орков.

ПРОМЕТЕЙ ПРИКОПАННЫЙ

*Древний хаос потревожим.
Мы ведь можем, можем, можем.*

Сергей Городецкий

Странное дело: в любом более или менее престижном районе города, где многоэтажники воюют с особняками за передел территории, а аршин земли стоит дороже, чем на кладбище, обязательно отыщется утонувший в бурьяне и вроде бы никому не нужный пустырь, этакий затерянный мир, реликтовый клочок того, что в доисторические времена именовали частным сектором. Из желтоватого облака тростниковых метелок выдаётся мусорный курган, чем-то напоминая «Апофеоз войны» художника Верещагина, а чуть поодаль торчит углом серый, как наждак, перехлёстнутый ветхими рейками рубероид крыши. Оказывается, кроме бродячих котов и бомжей, здесь ещё обитает хомо доместикус — человек прописанный.

В течение полувека кто только не точил зубы на этот пустырь, намереваясь заложить там небоскрёб, а то и супермаркет! Да и сам хомо доместикус спал и видел, что назначат

домишко на слом, а его переселят в какую-никакую однокомнатку, пусть без огорода, зато с удобствами.

Но каждый раз обязательно что-нибудь да мешало. То претенденты друг друга перестреляют, то власть сменится. На самом деле причина, конечно, глубже: заведомо лежит на домишке обережное заклятие — и поди различи, само оно образовалось или же кто с умыслом зачаровал.

Если с умыслом, то надобно первым делом взять лопату и, освятивши её в церкви, проверить, не прикопан ли где в огороде котёл с золотыми десятками. Прикопан — значит и переезжать не стоит: район престижный, прямой резон на месте отстроиться. Не прикопан — стало быть, заклятие скорее всего самородное. Тут, хочешь не хочешь, вызывай специалиста, а уж тот смекнёт что к чему.

О самородных заклятиях споры идут не первый век. Некоторые обскуранты (есть они и среди колдунов) отрицают в принципе возможность такого явления, однако сегодня в продвинутом обществе подобные взгляды лучше не оглашать. Принято думать, что добрые две трети совпадений и случайностей в нашей с вами жизни вызваны не злонамеренными, а именно самородными чарами. Простейший пример: расположение звёзд на небе. Их ведь никто нарочно там не ставлял! Хотя нам от этого, разумеется, не легче.

Или вот додумались делать лапшу в виде букв. Интересно, отдаёт ли себе хоть кто-нибудь отчёт, сколько стихийно сложившихся заговоров, какую неведомую кабалистику он каждый раз зачёрпывает ложкой и, как это ни грустно, поглощает и переваривает вместе с куриным бульоном?

К самородным обычно относят и неумышленные заклятия: чередуя различные действия, человек нет-нет, да и совершит нечаянно какой-нибудь колдовской обряд. Скажем, встанет с левой ноги или водку не до дна выпьет. Последствия общеизвестны.

Устраняются напасти такого рода, как правило, легко, хотя существуют и здесь свои тонкости. К примеру, первое средство от сглаза (постучать по дереву) известно каждому, однако далеко не все знают, что разные породы дерева по-разному отзываются на стук. Допустим, по древесностружечной плите стучать бесполезно, а по ясеню и авокадо, имейте

в виду, просто опасно. Так откликнется, что мало не покажется.

К сожалению, многочисленные проходимцы, выдающие себя за гадалок и знахарей, весьма успешно пользуются нашей неосведомлённостью. Наплетёт с три короба о напущенной соседом порче, а порча-то вся в том, что чистку зубов надлежит начинать не справа налево, а слева направо — как пишем.

Что же касается неуязвимого для гири и бульдозера домика, то тут заковыка, понятно, посерьёзнее, ситуация наверняка запущенная: поспорить можно, что, придя по вызову, обнаружишь целый колтун самородных и неумышленных заклятий. За год не распутлякаешь. Впрочем, попадаются иногда такие спецы — в любой путанице нужную ниточку отыщут. В позапрошлом, дай Бог памяти, году обратилось семейство с Новостройки к одному колдуну. Та же история: сорок лет сноса ждут не дождутся. Того и гляди домишко сам развалится безо всякой гири. Случай, что говорить, трудный. Но, правда, и колдун был известный — Ефрем Нехорошев. Старичок уже, капризный, идти никуда не хочет. Семейство в слёзы. Уговорили, на частнике привезли. Походил он по двору, посмотрел. Видит: по проволоке цепная шавка бегаёт, надрывается. От конуры до крыльца. «А собачку вашу, — спрашивает, — как зовут?» — «Мальчиком», — отвечают. «А прежнюю как звали?» — «И прежнюю Мальчиком». — «Ага, — говорит. — Тогда дождитесь, как эта издохнет, а следующую Дружком назовите. Или Шариком». — «И всё?!» — «И всё».

С тем и отбыл.

На следующий день собачка, понятно, сдохла. Взяли щёночка, назвали Шариком. И что ж вы думаете! Месяца не прошло — предлагают переселиться, ордер приносят на квартиру улучшенной планировки — в новом доме, в строящемся. А обратись страдальцы наши к кому другому — ещё неизвестно, что вышло бы.

Переехать, правда, так и не переехали: лопнула фирма, только фундамент заложить успела. А хибарку-то снесли уже. Семейство в суд. Так до сих пор и судятся. Живут где-то у родственников... А не фиг было псину травить! Кудесник же ясно сказал: «Дождитесь, пока издохнет». А они на радостях не утерпели, видать...

Хуже всего, что история в газеты попала. Естественно, один умник решил проверить то же самое своими силами. Трёх собачонок, изверг, извёл — ясное дело, без толку. Чародей выискался! А там, между нами, всего-то и надо было, что воробья из-под конька крыши выгнать.

Обитатели пустыря, о котором пойдёт речь, поступили проще: не ходя ни к каким колдунам, сдали свою реликтовую жилплощадь приезжему квартиранту, а сами подались куда-то на заработки. Они бы её, может быть, и совсем продали, но законы не обойдёшь — заклятье не позволит.

Жилец оказался тихий, за периметр пустыря выходил только в магазины, причём чаще в хозяйственные, чем в продовольственные. Если не копался в огороде, то сидел целыми днями у окошка и мастерил что-то невразумительное. По слухам, чёрный ящик с красной кнопкой.

И как-то сразу не по-хорошему зашевелился бурьян вокруг отданной внаём халупы. Сгнули куда-то бомжи и бродячие кошки, зачастили к серой дощатой калитке почтальоны, коммивояжёры, работники социальной сферы, мелкая предвыборная сволочь. Узенькая прерывистая стёжка углубилась, расширилась, достигла статуса народной тропы. Что вынюхивали — непонятно. Потом нагрянул спецназ. Обложили пустырь, изготовились к захвату, как вдруг заколебались и, не дождавшись внятного приказа, рассеялись. Не иначе опять обережные чары сработали: как ни крути, а угроз роза домику при штурме возникала прямая. Спецназ — он ведь покруче бульдозера будет. В бульдозере хотя бы подствольный гранатомёт не предусмотрен.

Возможно, в загадочном квартиранте заподозрили террориста-рационализатора. Мигрант, вдобавок выходец из Царицына, этого извечного рассадника злых гениев. Недаром же именно там, стоило всё позволить, были придуманы и вечный двигатель, и машина времени, и усечённая финансовая пирамида. Собственно, их и раньше придумывали, но как-то, знаете, по-доброму, ради общего блага.

Если вникнуть, самородок-изобретатель — тоже в каком-то роде стихийно сложившееся заклятие. Не учили его, не

воспитывали — до всего самодуром дошёл. Ну книжки читал, ну фильмы смотрел, так ведь в произведениях искусства неумышленных чар, пожалуй, больше, чем в жизни. Взять литературу. Метафора (это вам любой колдун скажет) строится по законам симпатической магии, а стало быть, запросто может сработать как заклинание, особенно при декламации. Посмотрите на любителей поэзии! Посмотрите на этих романтических мыр в очках и кривобоких узкоплечих недомерков, половина из которых ещё и заикается. Порченные поголовно!

Кинематограф — и вовсе чума. Вот запретили двадцать пятый кадр — а проку? В результате фильмы теперь сплошь монтируют из одних двадцать пятых кадров — и попробуй что-нибудь докажи!

То ли дело при советской власти! В ту пору каждая метафора тщательно проверялась и обезвреживалась цензурой. Не обходилось, конечно, без перегибов: шили образ там, где его и в помине не было. Допытывались, например, кого ты имел в виду, написав «листья падают». А ведь имел кого-то... Поди теперь вспомни!

Где вы, безмятежные времена, когда образ психопата-учёного был неведом самородкам из захолустья — тем самым самородкам, по поводу которых ещё Салтыков-Щедрин брюзжал, будто они употребляют все свои способности или на то, чтобы изобретать изобретённое, или на то, чтобы разрешать неразрешимое! Стоило идилически прозрачному пруду социалистического искусства замутиться, провинциальные кулибины, поражённые чёрной магией Голливуда, призадумались: а нужно ли вообще осчастливливать человечество? Может, действительно проще взорвать его к едрене фене?

И как только в очередной раз кому-либо из них удавалось разрешить неразрешимое, подобная возможность представлялась.

Достигнув вершины бугра оземленелых обломков, Глеб Портнягин осторожно раздвинул бурьян. За дощатым, серым от дождей забором виднелся в меру ухоженный огородишко.

Помидоры на грядках надували бледно-зелёные щёки. Вообще чувствовалось, что нынешний жилец тяпкой владеет неплохо. Сам он, кстати говоря, в данный момент, пригнувшись, подкрадывался к беспечно розовеющему плоду, причём делал это по науке, заходя против ветра. Если верить современным ботаникам, срываемый помидор с помощью запаха информирует собратьев о своей беде — и те, обороняясь, начинают накапливать нитраты.

Глеб усмехнулся. Ботаники — они и есть ботаники. Конечно, растения общаются между собой, но только не с помощью запахов, а с помощью флюидов, которым совершенно всё равно, куда в этом грубоматериальном мире дует ветер.

Глубоко утонувшее в пухлой белёной стене окошко смотрело прямо на Портнягина. Два нижних стекла были чёрные, пыльные, верхнее от старости подёрнулось радужной поволокой. Попасть в него отсюда камушком — раз плюнуть. Случись такое — тугой, намертво затянувшийся узел самородных заклятий, оберегающих дом от сноса, начнёт помаленьку распускаться — и, глядишь, недельки через две развяжется окончательно. Разумеется, Глеб Портнягин самостоятельно это стёклышко нипочём бы не вычислил — ученику, тем более только начинающему постигать азы колдовства, подобная задача явно не по зубам. Про зачарованное окошко ему рассказал наставник — старый колдун Ефрем Нехорошев, побывавший здесь вчера в астральном виде и самостоятельно всё исследовавший.

Зная склонность своего ученика к волевым, а то и вовсе хулиганским решениям, выбивать стекло он запретил ему категорически, потому как возможен откат, то есть переход порчи на того, кто неумело её снимает. По уровню опасности подобные операции подчас сопоставимы с ликвидацией взрывного устройства, так что недоучке в это дело лучше не лезть.

— Заклятие-то обережное, — с недоумением напомнил Глеб. — Какая ж тут опасность?

— От иного оберега, — угрюмо отвечал ему наставник, — сам в прорубь сиганёшь. Заклечённых тоже вон на зоне оберегают. Пуше глаза. Я ж тебе про ту семейку с Новостройки рассказывал?

Как именно оберегают заключённых на зоне, Глеб знал не понаслышке. История с невинно убиенным Мальчиком также была хорошо известна Портнягину.

— А пацанёнка с рогаткой подговорить? Сам же сказал: порча только на тех переходит, кто о ней знает...

— Не суетись, торопыга, — насупив кудлатые брови, осадил прыткого питомца Ефрем Нехорошев. — Нехай усё идёт своим чередом...

Если помните, Андрей Болконский в романе графа Толстого, желая выразить пренебрежение, произносил русские слова с французским акцентом. Старый колдун Ефрем Нехорошев в подобных случаях переходил на суржик.

— А без меня оно своим чередом идти не может? — прямо спросил Глеб.

— Может.

— Зачем тогда посылаешь?

— А чтоб самому не ехать, — невозмутимо отвечал колдун. — Честно тебе, Глебушка, скажу: не люблю я с этим народом якшаться. Не люб-лю...

— С каким ещё народом?

— Увидишь...

...Портнягин с сожалением бросил ещё один взгляд на тускло-радужное стекло и, вздохнув, двинулся в обратный путь.

Узкая, извилисто сбегаящая с курганчика тропка вывела Глеба на крепко утопанную поляну под сенью одичавшей сливы общественного пользования. С четырёх сторон высился бурьян. Посередине чернело пепелище, из которого выдавался клыком полусгоревший обуглившийся пенёк. На земле какое-то тряпье, пара разнокалиберных деревянных ящичков для сидения. На меньшем выжжены в столбик раскалённой проволокой три слова: «Матрос», «Партизан» и «Железняк». Видимо, клички прежних обитателей здешних мест.

Нынешняя компания в интерьер решительно не вписывалась: двое мужчин, оба в костюмах, при галстуках. Чуть поодаль, опершись на снайперскую винтовку, хранила пре-

зрительное молчание костлявая блондинка в белых колготках, белой блузке и шортах защитного цвета. Блёклые рыбы глаза, подбородок — как у таранного броненосца.

— А где поп? — негромко спросил Портнягин (от серого дощатого забора их по прямой отделяло метров тридцать, не больше).

— Кадить пошёл, — любезно сообщил тот, что пониже ростом, милый улыбчивый интеллигент. И всё-то в нём было прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Вот только о руках трудно что-либо сказать — руки он почему-то всё время держал в карманах.

— Что-то я его во дворе не видел, — заметил Глеб.

— Ну, значит, не дошёл ещё...

Из-за бугра послышался стук по дереву, лязг цепи, надрывный лай, потом заглушаемые захлёбывающимся рычанием голоса. Улыбчивый интеллигент оглядел собравшихся на поляне.

— Малый джентльменский набор, — сказал он. — Кстати, Поликрат Поликратыч, а почему я здесь не вижу криминалитета? Репутацию бережёте?

— Тупые они, — угрюмо отозвался дородный Поликрат Поликратыч. Лицо у него было обширное, озабоченное. Официальное. — Ньюансов не ловят. Прикопают без намёка, а я отвечаю потом...

— Прометей прикопанный, — с удовольствием изрёк его рафинированный собеседник. — И какие же требования выдвигает этот ваш самородок?

— Никаких.

— Как? Вообще?

— Вообще.

— Так, может, он не психопат-учёный, а просто психопат? В этот его ящик с кнопкой кто-нибудь заглядывал?

— Да все кому не лень! Сам обычно хвастаться ведёт...

— И что там внутри?

— В принципе вообще... физик один смотрел — говорит: бред сивой кобылы.

— Тогда, простите, из-за чего весь сыр-бор?

Официальное лицо закричало, достало носовой платок и, расстелив, с омерзением присело на ящик с тремя кликухами.

— Физик, — повторило оно тоскливо. — Мало ли что физик! В Царицыне вон Чернобров машину времени изобрёл. Тоже вроде бред, но... работает же!

На поляне тревожно задумались. Любой самородок опасен в первую очередь своей непредсказуемостью. Не имея ни малейшего понятия о существующей в научных кругах конъюнктуре, он по простодушию вторгается в такие области познания, куда серьёзные исследователи давно уже договорились не соваться ни при каких обстоятельствах.

Хотя встречаются отморозки и среди профессионалов. До сих пор памятен скандал, учинённый в начале двадцатого столетия известным авиахулиганом Сикорским. Знал же, знал, что мотор в аэроплане принято ставить точно по центру! Вот расчёты, вот формулы, вот, наконец, честное слово академика: поставишь сбоку — закружится самолёт и упадёт. И что ж вы думаете? Назло всем четыре мотора на крыльях укрепил. Мало того: в полёте из озорства половину с одной стороны взял и выключил. А народ-то внизу — стоит смотрит! Видят: не крутится, не падает — летит себе и летит. Пришлось из-за него, баламута, всю аэродинамику переписывать...

— Тогда уж скорее Пандора, чем Прометей, — неожиданно промолвил интеллигент. — Тем более ящик у него...

Вынул руку из кармана и рассеянно взглянул на часы. Рука оказалась под стать облику, изящная, с ухоженными ногтями, но почему-то этот простой жест сильно взволновал представительного Поликрата Поликратыча. Официальное лицо поспешно встало с дощатой тары и отступило подальше, словно гранату из кармана вынули.

— А вы что молчите, молодой человек? — нервно спросило оно Глеба — явно для того, чтобы как-то оправдать странную свою ретираду.

— А что такое?

— Ну вот физик говорит: бред сивой кобылы. А вы что скажете? Вы же... э... без пяти минут специалист... Есть там колдовство? В принципе вообще...

Ученик чародея внутренне приосанился.

— Колдовство есть везде...

— Нет, я в смысле... в самом приборе.

— Так, чепуха, — равнодушно изронил Глеб.

Поликрат Поликратыч остался недоволен его ответом.

— А почему ваш руководитель сам не прибыл? — несколько раздражённо спросил он. — Нет, вы поймите, я вообще в принципе против вас ничего не имею, но... возраст, опыт... Всё-таки не кто-нибудь — исполнительная власть просит выступить в качестве эксперта. Мне кажется, Ефрем Поликарпович мог бы отнестись к такому предложению и повнимательней...

— Хворает, — скупом отмерил информацию Глеб Портнягин.

— А позвонить ему нельзя? В принципе вообще...

— Можно. Сам сказал: ежели что стрясётся — звони.

— Ипсэ диксит, — непонятно прокомментировал интеллигент, задумчиво разглядывая произрастающий на сливовой ветке мужской рваный носок.

— Ну так позвоните! — приглушённо, учитывая опасную близость объекта, рявкнул Поликрат Поликратыч.

— Разве что-нибудь стряслось? — не понял Глеб.

— А когда стрясётся, поздно будет! — Не совладав с чувствами, официальное лицо опрометчиво повысило голос. За бугром немедленно загремела цепь, грянул заполошный лай и, кажется, лязгнула щеколда. — А, чтоб тебя! — Поликрат Поликратыч замолчал, успокоился и снова обратился к Портнягину, взяв тоном ниже. — А на доме? Вы вроде говорили: на нём залятьё лежит...

— Лежит, — согласился тот.

— А если снять?

— Тогда через полмесяца дом под снос пойдёт.

— И что?

— Н-ну... тут уж не до изобретений станет.

— Мысль, между прочим, здравая, — заметил интеллигент.

— Здравая она! — вполголоса вспыхнул Поликрат Поликратыч. — Этот придурок за полмесяца триста раз кнопку

нажать надумает! — посопел, прикинул. — И потом, — добавил он как бы про себя, — это ж всё и без колдовства можно решить... Прислать бульдозер...

— Попробуйте, — хладнокровно согласился Портнягин. — Спецназ, по-моему, уже вызывали.

К представителям власти, тем более исполнительной, он испытывал после отсидки стойкую неприязнь.

Костлявая блондинка слегка изменила позу.

— Кадс леший тур ходит бя? — надменно осведомилась она, не поймёшь на каком языке. Возможно, даже на русском.

Все повернулись в ту сторону, куда теперь был устремлён её таранный подбородок. Вскоре там зашуршали, закачались тростники — и на поляну вышел поп с ещё дымящимся кадилом.

— Заодно исповедал, — старательно окая, с удовлетворением оповестил он и небрежно передёрнул затвор. На утоптанную землю посыпались остатки курящегося ладана.

— Выяснили что-нибудь? — кинулся к пришедшему Поликрат Поликратыч.

Священнослужитель ухмыльнулся.

— Тайна исповеди, сын мой, — несколько глумливо напомнил он. — Тайна исповеди.

— Не морочьте голову, капитан! Вы такой же поп, как я дьяконесса!

— Так ведь тайна исповеди, она ж не только в церкви соблюдается, — резонно возразил тот. — В нашей конторе с этим делом, пожалуй, ещё и построже будет. — Нахмурился, принялся разоблачаться. — Значит, так, — известил он, отставляя кадило на освободившийся ящик. — Если нажать на красную кнопку, мир погрузится в хаос. Ну, это и без исповеди было известно...

На поляне задумались вновь. Портнягин попытался представить всемирный хаос, не смог, но на всякий случай содрогнулся. Уж больно зловеще звучало.

— А кстати, зачем? — снова вмешался интеллигент.

— Что зачем?

— Зачем ему погружать мир в хаос?

— Да он сам ещё не решил. Колеблется. То ли ради добра, то ли...

— Потому и не нажимает?

Капитан упаковал рясу и кадило в спортивную сумку, чиркнул «молнией».

— Нет, — сказал он, вздохнув. — Просто ящик у него пока до ума не доведён. На целую планету мощности не хватит. Даже город целиком не накроет...

— Хм... Стало быть, для нас разницы никакой?

— Для нас — никакой. — Капитан вскинул сумку на плечо и двинулся в сторону тропки.

— Вы куда? — всполошился Поликрат Поликратыч.

— На службу. Задание выполнено. А мне ещё сегодня маньяка брать.

— Ну что за бардак! — с горечью вымолвило официальное лицо, когда тростники вновь сомкнулись за сотрудником органов. — Тут весь город навернуться может, а он какого-то маньяка шугать пошёл!

— Вообще-то у меня тоже дел полно... — подал голос Портнягин.

— Ну уж нет! — вскинулся представитель власти. — Этак все разбегутся!

— Да что ж вы так сердечко-то своё золотое надрываете, Поликрат Поликратыч! — посетовал интеллигент. — Успокойтесь. В нерадивости вас не упрекнёшь: рукопашника вызвали, колдуна вызвали, чудь эту белоглазую... Велено вам было держать руку на пульсе? Вот и держите дальше! Всё идёт по плану: снайпер не стреляет, колдун не колдует...

Услышав про чудь белоглазую, костлявая блондинка медленно повернула голову и брезгливо оглядела говорящего.

— Не пойму только, чем вам так дорог этот псих? — проникновенно продолжал интеллигент. — Этот ваш Прометей прикопанный! Что вы с ним церемонитесь? Кнопка есть? Есть. Значит, часть взрывного устройства. Раз часть взрывного устройства — значит террорист. Ну что, мне вас учить, что ли?

— «Ястребы» наши сусловские не позволят, — расстроенно признался Поликрат Поликратыч, снова присаживаясь

на ту же тару с тремя кликухами. — Попробуй тронь — такой шум поднимут...

— А «ястребам» он зачем?

— Ну как зачем! Вдруг в самом деле заработает ящик... Тогда будет чем глобалистов пугнуть... если сунутся...

— Так в первую очередь нас же самих накроет!

— Н-ну... — закрихтев, отвечал Поликрат Поликратыч. — Считается, что нам вроде меньше терять...

— Ох, братья вы мои по разуму! — язвительно вымолвил интеллигент. — Да примите вы его на службу в какой-нибудь, я не знаю, исследовательский институт! Положите жалованье, лабораторию оборудуйте...

— А вот этого уже оппозиция не допустит, — хмуро отозвался Поликрат Поликратыч.

— Тьфу на вас! — сказал интеллигент. — Мне, что ли, тоже на разведку сходить?

И, не дожидаясь разрешения, скрылся в высокорослом бурьяне, по-прежнему держа руки в карманах. Со стороны можно было подумать, что у него там с каждого бока по пистолету.

— Кто он такой? — спросил Портнягин. Своей бесцеремонной манерой разговаривать с властями интеллигент ему очень понравился.

— Кто-кто! — буркнул Поликрат Поликратыч. — Незлобин.

— Сам?! — не поверил Глеб и ошалело уставился вослед живой легенде.

Из-за бугра вновь послышался стук в калитку, но на этот раз собака почему-то даже не пикнула.

О Родионе Незлобине Портнягин много слышал, но никак не предполагал встретиться с ним, так сказать, вживе. Тем более при подобных обстоятельствах.

Удивительна судьба этого человека. Удивительна и в чём-то даже назидательна. Хлипкий студентик с философского факультета обитал в самом криминальном районе Баклужино. Местное хулиганье повадилось каждый день встречать его в подворотне и бить морду на удачу. Суеверие, конечно, ди-

кое, но отморозки искренне полагали, что после зубодробительного обряда им обязательно улыбнётся счастье.

И вот однажды кто-то из сокурсников, желая, очевидно, подшутить над бедолагой, подарил ему по случаю свежей мордобоины самоучитель какого-то ещё неслыханного в здешних местах восточного единоборства, отпечатанный в Японии, да ещё и иероглифами. Наивный Родион принял книжку чуть ли не со слезами благодарности и с тем же усердием, с каким корпел над диалогами Платона, взялся за древнее боевое искусство, поскольку иного выхода не видел.

Языка он, ясное дело, не знал, но тексты были обильно снабжены рисунками, правда, очень схематичными, так что приходилось напрягать не только мышцы, но и извилины. Вот, например, картинка: один человечек изображён присевшим на корточки, второй стоит перед ним и держит сидящего за подбородок. Поясняющих стрелок нет. Что куда вывихивать — непонятно. А главная загадка: каким образом противник оказался на корточках?

Компьютерная программа-переводчик скорее усложнила дело, нежели упростила. На монитор выползала такая жутковатая бредятина, что оторопь брала. Наконец спустя полгода студентик решил для пробы оказать лёгкое сопротивление нападающим. Неизвестно, кто был больше потрясён случившимся: сам Родион Незлобин или его жертвы. Во всяком случае, наутро все они, за исключением сильно травмированных, явились к нему с изъявлениями добрых чувств и признанием своей глубочайшей неправоты.

Но, наверное, сильнее всех оторопел, услышав о происшествии, шутник-сокурсник, ибо подаренная им книжка была пособием по возвращению к жизни извлечённых из воды утопающих.

После такого казуса иной на месте Родиона Незлобина по меньшей бы мере смутился, однако ежедневные мордобои в подворотне и чтение античных авторов выковали в нём философский ум. К тому времени он и сам уже пришёл к выводу, что успеха можно достичь лишь в результате досадной ошибки. Было бы, согласитесь, грешно упустить столь драгоценную возможность.

Став пятикратным чемпионом Суслова в боях без правил, Незлобин решил, что этого вполне достаточно, и перешёл на тренерскую работу, причём учениками его были в основном приезжие японцы, которые, как известно, тоже не лыком шиты и ни за что не упустят шанса воскресить какое-нибудь своё древнее боевое искусство, будь то дзюдо (в прошлом — род массажа) или, допустим, каратэ (в старину — способ выбивания циновок).

Пятикратный чемпион вернулся довольно быстро, причём вид у него был крайне смущённый.

— Что?! — ахнул, отшатнувшись, представитель исполнительной власти.

Родион Незлобин хотел беспомощно развести руками, но, поскольку руки у него по-прежнему располагались в карманах, ограничился тем, что беспомощно развёл локти.

— Казните, Поликрат Поликратыч, — покаялся он всё с той же обезоруживающей улыбкой. — Виноват...

Поликрат Поликратыч, взявшись за приостановившееся сердце, обречённо ждал продолжения.

— Как-то всё само собой вышло, — с неловкостью признался Незлобии. — Хотел он мне руку пожать, а я машинально...

— Жив?!

— Жив-то жив... А в сознание пришёл — к ящику своему кинулся... Пришлось привязать.

— Как?!

— Шнуром от удлинителя. К стулу. Вы уж строго не судите, Поликрат Поликратыч...

Представитель исполнительной власти очумело оглядел присутствующих.

— Все свободны, — хрипло бросил он, но тут же спохватился: — Нет, только вы, госпожа Скучайте! А вы... — Поликрат Поликратыч повернулся к Глебу, — срочно звоните своему руководителю! Хворает он там, не хворает... Пусть едет. Машину — пришлём.

Ученик чародея выхватил сотовый телефон.

Старый колдун Ефрем Нехорошев откликнулся не сразу.

— Ну и что у нас там плохого? — мрачно осведомился он.

- Психа к стулу привязали, — отрапортовал Глеб.
 - И что?
 - Теперь тебя ждут. Машина уже едет.
 - У, грыжа мудяная! — заругался кудесник.
- Значит, приедет.

«Белая колготка», как её мысленно окрестил Глеб, с прибалтийской обстоятельностью разбирала и укладывала в бархатные ниши специального кофра непригодившийся огнестрельный инструмент.

Логово учёного психопата, на взгляд Портнягина, мало чем отличалось от жилища старого колдуна Ефрема Нехорошева: такое же захламлённое, с паутиной по углам, кругом разбросаны какие-то совершенно невразумительные предметы. Сам жилец ёрзал, примотанный к шаткому стулу, пытаясь его своим ёрзаньем развалить. Рот жилища был заткнут каким-то, видать, подобранным с пола артефактом. Чёрный ящик располагался на подоконнике аккуратно под тем самым стёклышком радужного отлива, что вот уже столько лет хранило домишко от сноса.

Четверо мужчин остановились перед частично обездвиженным самородком.

- Развяжите, — приказал колдун.

Трое встревоженно переглянулись.

— Так ведь он же... в отместку... — ужаснулся Поликрат Поликратыч. — Кнопку нажмёт!

- Нехай жмёт, — равнодушно позволил Ефрем.

— А-а... — сообразил Незлобин. — То есть всё-таки...

С уважением поглядел на колдуна и принялся отмаывать узника от стула. Стоило последнему витку электропровода упасть на пол, освобождённый изобретатель стремглав бросился к чёрному ящику и утвердил палец на красной кнопке. Потом спохватился, воткнул вилку в розетку и лишь после этого выдернул кляп изо рта.

— Всем покинуть помещение, — сиплым голосом выдвинул он первое условие. — Иначе...

— Пошли, пошли отсюда... — миролюбиво заворковал старый колдун, подталкивая остальных к выходу. На пороге оглянулся. — А ты, милоч, не сердчай... — успокоил он тяже-

ло дышащего самородка. — Это ограбление. Просто видим: взять у тебя нечего — ну и...

Во дворе раззявившая было пасть шавка увидела Незлобина и, поджав хвост, юркнула в конуру. Не залаяла она и после того, как серая дощатая калитка закрылась со стуком за незваными гостями. Пёс его знает — вдруг вернётся!

— Спасибо вам! — обессиленно выдохнул Поликрат Поликратыч и, повернувшись к старичку-колдуну, принялся с благодарностью трясти его хрупкую ручонку. — Какой вы всё-таки психолог...

— Это ты о чём? — подозрительно осведомился тот.

— Ну как же! Я-то грешным делом думал: нажмёт сейчас, не дай Бог... — Представитель власти содрогнулся и с ужасом оглядел курган обломков и заросли бурьяна, видимо, представляя, как всё это погружается в бездну мирового хаоса.

— Позвольте, — озадаченно сказал Незлобин. — То есть вы тем не менее полагаете, что установка действующая?

— Нешто я знаю? — благодушно усмехнулся Ефрем Нехорошев. — Может, и действующая...

На вершине бугра колдун с учеником, приотстав, задержались.

— Сам-то не боишься? — вполголоса спросил Портнягин.

— Чего?

— Ну... хаоса там...

— Эх, милай! — развеселившись, отвечал старый колдун Ефрем Нехорошев. — Нашёл, чем пугать! Да по сравнению с нашим бардаком ихний хаос — это почти порядок!

Глеб ошарашенно оглянулся на тусклое радужное стекло в окошке домика.

— Тогда, может, вернуться да самим кнопку нажать? — неуверенно подначил он.

— И думать не моги, — сурово оборвал наставник. — Сколько раз тебе повторять: всё должно идти своим чередом... И потом, знаешь, Глебушка, — признался он вдруг с неловкостью. — Как ни крути, а чужой он, хаос-то, пришлый. А к бардаку вроде привыкли уже, можно сказать, душой прикипели...

ПОВЕСТИ

Юрий Манов

**БЛИН ПОХМАТЫЙ тчк,
или
*You are in the army now***

Вертолеты — это души погибших танков.

В. Янг.

«Философия Дао в век компьютерных технологий»

В армию я попал случайно, из-за моего приятеля Белкина. Если бы не он, военкоматчики, наверное, и поныне продолжали бы слать повестки по месту моей прописки в городке Зареченске, что на реке Оке, а моя двоюродная тетка привычно объясняла бы почтальону, что Влад Мамичев уехал в город учиться и до сих пор не возвращался. Она умная, моя тетка Маня, всегда знает, что и когда правильно сказать.

Это Белкин надоумил меня учиться на права, он, видите ли, очень нервничает, когда при вылазках на природу все пьют вкусное пиво, а ему приходится трезвым крутить баранку. С подлой мыслью усаживать меня за руль в подобных случаях он и решил осчастливить вашего покорного слугу халявными водительскими правами. У него какой-то бартер с автошколой, так что за обучение и бензин

© Ю. Манов, 2005

мне платить не пришлось. Но халява, как правило, всегда имеет обратную сторону...

Вот в областном ГИБДД меня и сцапали прямо в кабине, где эти самые права выдаются. А я-то сначала удивился, почему за столом рядом с угрюмым ментовским капитаном сидит улыбочивый армейский майор.

— Что же вы, молодой человек, по повесткам не являетесь, — ласково пожурил меня майор, погрозив пальчиком, — образование высшее бесплатное получили, значит, сообщаете, что пора и Родине долг отдать. Тем более права водительские у вас теперь имеются, следовательно, вполне можете военным автомобилем управлять. Ракету боевую возить или генерала какого. Опять же, живете в областном центре без прописки, непорядочек получается.

Я хоть в армию и не рвался, но особо не возражал и тут же подписал повестку. А что оставалось делать? Платить за жратым военкоматчикам за отсрочку или покупать у врачей-мздоимцев справку, что я латентный гомик, а посему в общую армейскую душевую меня запускать нельзя по причине неуставных вожделений? Нет уж, увольте. Опять же, я совершенно не собирался скрываться пять лет от призывной комиссии до заветного возраста, чтобы спеть на мотивчик популярной группы «Руки вверх»:

Вы целуйте меня в жо...
Двадцать восемь мне уже...

(исполняется перед окнами областного военкома, сопровождается пляской вприсядку.) Люблю, знаете ли, спать спокойно, никакой вины за собой не чую. Двух детей заводить, да и жениться вообще я тоже как-то не собирался, лучше уж два года в сапогах, чем с ярмом на всю жизнь.

За день я успел уведомить хозяев съемной жилплощади, что в течение минимум полутора лет не смогу проживать в их уютном доме по обстоятельствам от меня не зависящим (ключи я отдал Белкину для его похотливых походов), получил на работе расчет и созвал коллег на проводы. Проводы удались, мои сослуживцы и сослуживицы в особеннос-

ти горько сожалели, что наше издательство будет обходиться без моих талантов, обещали скучать. Маринка заливалась горячими слезми, а девчонки ей сочувствовали и по очереди лезли ко мне целоваться. Пьяненький Белкин, изнывая от чувства собственной вины, тайком сунул мне визиточку и попросил обязательно позвонить, если я не хочу весь ближайший год рыть окопы, драить полы и строить дачи старшему офицерскому составу. Сказал, что моего звонка там будут ждать.

Про визитку я вспомнил только следующим вечером, когда уже упаковывал комп для сдачи на хранение. Достал ее из кармана, набрал номер и выслушал механический голос, сообщивший электронный адрес, по которому я должен был скинуть свою анкету. Здравсьте, опять бумажки, ну нигде без этого. Благо различных анкет и резюме у меня было в достатке (набил руку, пока работу искал), я снова распаковал машину, в последний раз вошел в сеть и скинул требуемое. В результате с утра мою дверь позвонил хмурый армейский прапор, внимательно меня рассмотрел и кивком головы пригласил спуститься вниз с вещами, служить в армии.

Это была какая-то неправильная армия. Во-первых, никто не ругался матом, во-вторых, прапорщик, что вез нас в военную часть на постоянное место службы, водки не пил, денег не вымогал и оказался не идиотом, что меня несказанно удивило. Судя по отечественному сериалу «ДМБ», все прапорщики доблестной расейской армии либо идиоты и алкоголики, либо расхитители армейского имущества, а большей частью и то, и другое, и третье одновременно. Больше про современную армию мне узнать было неоткуда: НВП в школе давно отменили, в институте мы были сплошь пацифисты, Белкин и старшие товарищи по работе, вспоминая срочную службу, рассказывали большей частью про озорные «самоходы» по девкам и бегства от патрулей. А программ «Служу отечеству» и «Армейский магазин» я не смотрю принципиально, несмотря на то, что последнюю ведет довольно сексапильная телка с классной задницей, которую не раз демонстрировала обнаженной в забавном шоу «Последний герой». Причем вся физия у теледивы была искусана

злыми москитами, а задница — наоборот, чистая и гладкая. Видимо, каждый бережет самое дорогое...

Впрочем, о гладкой и чистой женской заднице мне, видимо, придется на время забыть. Я ж теперь солдат, и все мысли мои должны быть сфокусированы на защите Отечества от супостата и на выполнении приказов непосредственного начальства. А отцы-командиры почему-то считают, что общение с нежным полом отвлекает солдата от вышеназванных патриотических мыслей. Причем сами они от общения с дамами отнюдь не уклоняются, видимо, по секретной армейской директиве солдат-срочник — иной вид мужской особи, нежели офицер или какой-нибудь гражданский.

Всю дорогу прапор молчал, напряженно перелистывая страницы наших личных дел, так что о конечной точке маршрута можно было только гадать. Но то, что в армию нас везут на автобусе, — меня порадовало. Не иначе как таинственный армейский знакомый Белкина приготовил мне уютное местечко поблизости от дома. И непыльную работенку типа писаря или библиотекаря в клубе. Но когда автобус выехал на взлетную площадку, где солидно начинал раскручивать винты здоровенный армейский вертолет, я взгрустнул. Далековато служить придется-то. Успокаивало лишь то, что в просторном салоне вертолета нас было шестеро, не считая прапора, причем ребята совсем не походили на ту бритую, пьяную, орущую и блюющую толпу, что встретилась нам в облвоенкомате. Двое — примерно моего возраста, тоже после института, очкастому Николаю — 26 (вот смешной, не мог, что ли, годик где-нибудь перекантоваться), еще двое — молоденькие гривастые пацаны в черных майках с фотопортретом Кипелова. «Арию» уважают, сойдемся...

Странно, но стригли нас не наголо. Две смешливые девахи Люська и Шурка в коротких белых халатиках довольно оперативно постригли жужжащими машинками наши буйны головы под бокс, прошлись бритвочками по шеем и вискам и даже попрыскали одеколоном «Красная Москва». Хохотнув, они подсказали, как пройти в баню, и исчезли за железной дверью с табличкой «Хозблок». После бани, оказавшейся довольно

приличной сауной, мы вышли в раздевалку и обнаружили в шкафчиках по комплекту обмундирования. Странного какого-то и совсем не камуфляжного. Всем обмундирование пришлось впору, даже коротышке-тинейджеру, назвавшемуся Кешей. Я натянул на себя блестящий эластичный комбинезон, похожий на летный, лихо сдвинул набок черный берет и глянул в зеркало. Отражение напомнило мне главного героя игры «ДЮК-мастер», только в плечах чуть поуже.

В холодильнике, что стоял в углу раздевалки, обнаружили пиво.

— Мы где-то в районе Тамбова, — сказал тот самый Кеша, — смотрите, «Тамбовский волк», сегодняшнее число.

— А рязанское-то — вчерашнее, — пробормотал второй юнец, разглядывая бутылку с графским вензелем на этикетке. — Графья в Рязани? Смешно...

— Думаю, нас не отдадут под трибунал и не расстреляют за хищение пива, — резонно рассудил Николай, самый старший по возрасту из нашей шестерки, и взялся за бутылку. Остальные присоединились, благо бутылок было семь. Седьмую забрал тот самый прапор, он вошел в предбанник, коротко скомандовал: «Построились», оглядел нас, поправил на Кеше берет и разрешил допивать. Пробку с бутылки «Трех медведей» он скovyрнул ногтем большого пальца руки. Силен мужик, уважаю!

— В общем, так, орлы, — сказал он, в два глотка опорожнив в себя пенный напиток. — Сейчас покажу вам ваши места в боевом расчете, осмотритесь, потом пообедаете, завтра начнем работу.

— А с автомата пострелять? — пискнул Кеша.

— Успеешь еще настреляться, блин лохматый, — пообещал прапор.

В ангаре было тепло и сыро, по-видимому, здесь много играли в пейнтбол. По крайней мере ржавые бочки и стертые покрышки, живописно разбросанные по площадке, были сплошь в разноцветных кляксах от шариков с краской. В углу ангара обнаружились шесть странных конструкций, выкрашенных в радостный желтый цвет. Если вы смотрели «Чужие-2», то немного похоже на погрузчик, с помощью кото-

рого Сигурни Уивер едва не замочила проаппетитную до предела главную инопланетную тварь.

— Ну, блин лохматый, разбирайте, кому какой нравится, — предложил прапорщик, которого за постоянную присказку мы уже прозвали Блином.

Мы недоуменно переглянулись.

— Вот тормоза! Блин лохматый! — Прапор сам подошел к «погрузчику» и снял фуражку. Оказалось, наш лохматый Блин совершенно лыс. Как яйцо, как бильярдный шар. Он натянул на бритый череп шлем наподобие закрытого мотоциклетного и влез внутрь устройства. Руками он уцепился за какие-то ручки типа джойстиков, ноги вставил в специальные стремяна, опустил забрало. Неожиданно устройство загудело, быстро развернулось на месте и решительно двинулось в нашу сторону. Я вздрогнул и лишь огромным усилием воли заставил себя остаться на месте. Кеша совершил огромный прыжок и, как кот на дерево, взобрался на решетчатую мачту с блоком прожекторов.

— Что, сдрейфили? — улыбнулся прапор, вылезая наружу. — Давайте, блин лохматый, быстро по машинам.

Мне достался агрегат под номером «4». И хотя тумблеров и рычажков на панели было немерено, управление оказалось на удивление простым: посылаешь джойстик вперед, и «погрузчик» делает большой шаг, берешь джойстик на себя — машина замирает и начинает пятиться. А перед глазами у тебя в это время безжизненная красноватая пустыня с одинокими скалами и маленьким солнечным диском в зените. Марс, что ли, или пустыня какая? Сбоку на экране карта местности и панель с множеством разных шкал.

Я освоился и собрался уже подойти к небольшой воронке, чтобы рассмотреть поближе, что есть в натуре метеоритный кратер, когда почувствовал сзади сильный удар. Быстро повернулся вместе с машиной и увидел прямо перед собой странного вида танк. Скорее не танк, а танкетку с длинной пушкой на четырех парах широких колес. Танкетка взревела и снова ткнулась мне в борт, едва не опрокинув в красную пыль.

Я откинул забрало и снова оказался в ангаре, внутри гудящего устройства. Оказалось, шалил Кеша. Ему досталась

машина с цифрой «1» на борту, в отличие от остальных агрегатов она была не шагающей, а на колесах.

— Первый, — раздалось в наушниках, — первый, отзовись, блин лохматый! Что за маневры вы совершаете...

— Да так, с управлением никак не разберусь, — соврал Кеша.

— Четвертый, — снова прохрипело в наушниках, — а что вы стоите? Примените адекватные меры.

Я сообразил, что «четвертый» — это я, опустил экран на глаза и снова очутился в марсианской пустыне. Колесный танк буксовал по красной пыли и всей своей массой пытался сдвинуть мою машину к краю воронки. Вот ты чего задумал, опрокинуть? Не на того, придурок, напал! Инструктор решил применить адекватные меры, так получи!

Я сделал шаг назад, присел и резко выбросил вперед правый манипулятор, прямо под брюхо танкетки. Потом врубил сразу все движки на подъем: колени мои с гудением разогнулись, манипулятор, воя гидроусилителем, пошел вверх, отрывая передние колеса танкетки-агрессора от красной пыли. Я рванул джойстик резко вправо, и враг завалился набок. Мощным пинком правого нижнего манипулятора в открывшееся беззащитное днище я перевернул машину противника кверху колесами и победно затрубил клаксоном.

— Внимание, всей команде «отбой»! — прозвучало в наушниках. — К машинам!

Я снова откинул с глаз экран-забрало. Кар с единичкой на бортах лежал на усилительных дугах крыши и беспомощно крутил колесами под нависшей громадой моего шагающего монстра. Кеша, зависший в кабине вниз головой, бессистемно дергал за ремни, прижимавшие его к креслу, и попискивал, пытаясь освободиться. То-то, крысеныш! Будешь знать, на кого батон крошить!

Пралор вышел из-за компьютера, притаившегося в углу ангара, быстро залез рукой внутрь агрегата под номером «1», чем-то щелкнув на панели управления, остановил вращение колес. Потом отстегнул ремни и выдернул Кешу наружу, бросив ему вдогонку берет. После чего снова скомандовал: «Построиться».

— Что ж, неплохо на первый раз, — сказал он, пройдя вдоль строя. — Третий, вы никогда не работали с джойстиком?

— Никак нет, — ответил Третий, тот самый очкастый Николай, которому досталась машина под номером «3», — только с мышью.

— Ничего, дело поправимое, — заверил прапор. — Второй, вы же видели, что шагаете к краю пропасти, почему не прекратили движения, блин лохматый?!

— Замешкался, товарищ прапорщик, — смущенно ответил Витек из радиоакадемии.

— На первый раз прощаю, но впредь... А если бы ситуация была реальной, вы представляете, сколько такая штука стоит, — сказал прапор и похлопал по борту мощной машины. — Пятый, у вас все хорошо, а вы, Шестой... У вас на гражданке машина была?

— Так точно, «пень» четвертый.

— Я имею в виду автомобиль.

— У меня нет, у отца есть.

— «Москвич-2140»?

— «Жигуль»-«копейка».

— Зимой не ездили, летом — только на дачу?

— Так точно.

— Заметно. Видно, как бережете машину, не используете силы, в движке заложенные, но это ничего, тоже поправимо. Теперь что касается вас двоих... Первый, четвертый, выйти из строя.

Мы с Кешей попытались выполнить приказание, но прапор крикнул «отставить» и показал, как выполняется сие действие в армии. Оказалось, что надо было сделать два шага вперед, потом лихо развернуться через левое плечо и замереть. Выполнив упражнение дважды, мы замерли с высоко поднятыми подбородками.

— Первый, — сказал прапор, рассматривая Кешу в упор. — Вы, юноша, чем после школы занимались?

— В сети сидел, — ответил Кеша, глядя на прапора честными голубыми глазами.

— В «сети»? В смысле, в интернете? — порадовал нас эрудицией прапор. — Небось в игрушки рублились? Наверное, что-нибудь типа «Смертельных гонок-3» на вездеходах с пилами и пушками.

— Ага, — радостно улыбнулся Кеша.

— Отставить! — посуровел майор. — Не «Ага», а «Так точно», вы в армии, а не на танцульках с девицами. Почему решили атаковать машину-4?

Кеша пожал плечами:

— Она ближе других оказалась.

— Резонно. — Прапор остановился напротив меня. — Четвертый, как вы выбрали именно это решение по противодействию нападающему?

Я почесал было затылок, как всегда делаю, обдумывая ответ, но тут же спохватился. Я ведь в армии, а не на танцульках с девицами.

— Мне показалось, что у этой танкетки слишком высоко находится центр тяжести: колеса очень большие, легкие, а база узкая, вот и решил попробовать перевернуть...

— Хорошо, — сказал прапор удовлетворенно, — будем считать первое знакомство с техникой законченным. Давайте на ужин, блин лохматый, и в казарму.

Ужинали мы в небольшой чистенькой столовой, вместо ожидаемой каши-сечки нас накормили жареной курятиной с гречкой и салатом из свежих помидоров. Абрикосовый компот был очень вкусен, и брать его с подносов можно было сколько угодно. Мы неспешно переговаривались, обсуждая увиденное за день. Вывод был общий: все это совершенно не походило на российскую армию. Где пьяные офицеры, что будут над нами глумиться? Где злые «деды», что будут нас бить по ночам, заставляя красть и выпрашивать деньги у местного населения? Где загаженные туалеты, которые нам придется чистить зубной щеткой? Да еще эти странные агрегаты...

Впрочем, возможно, самое ужасное будет в казарме, где нас с нетерпением ждут те самые злые «деды». Но предчувствия нас обманули, казарма оказалась двухэтажным общежитием с душем, уютными комнатками на двоих с деревянными кроватями, застеленными белым бельем. А два «деда», что встретились нам в курилке, оказались молодыми парнями лет по 20, они радостно окружили нас и начали забрасы-

вать вопросами о... новостях по части компьютерных игр-шек. Отвечать взялся Кеша, ссылаясь на журналы «Навигатор» и «Игрофэн», он то и дело сыпал специфичными терминами и поведал о фуроре, который произвело «Противостояние-4» среди геймеров. Тут же он перешел на «Азию в огне» и «Блицкриг», но в курилку вошел уже знакомый нам прапорщик и разогнал всех по комнатам...

Мне досталась комната на пару с Николаем. Он аккуратно повесил комбинезон на спинку стула, широко распахнул окно, забранное сеткой от москитов, и, положив очки на тумбочку, улегся под одеяло. Я раздеваться не торопился, лег одетым поверх покрывала, закинул ноги на спинку кровати и, рассматривая носки своих высоких ботинок на шнуровке, пускал колечки дыма к потолку.

— Слышь, Коль, что ты об этом всем думаешь? — спросил я. — Только откровенно.

— Сам ничего не понимаю. Либо в российской армии что-то изменилось глобально, либо нам просто повезло, — быстро, словно ожидая вопроса, ответил Николай. — Но я смекаю, что это — какая-то особая военная часть, заметил, какие здесь спутниковые антенны? И еще... наша группа, она необычная...

— И чем именно мы так необычны?

— Мы все — компьютерщики, на работе сидим на компах, дома имеем машины мощные, я ребят спрашивал, у всех есть! Кроме того, этот Кеша со Славиком — они вроде бы чемпионы страны по «Кваке», я по телеку видел. Да и все остальные — геймеры, а что, разве не так?

Я вспомнил кошмар последнего месяца, когда из-за проклятой «Суперцивилизации XXL» спал по три-четыре часа в сутки, и согласно кивнул головой.

— А сам знаешь, нынче в армии есть такая техника, что без компьютера никуда, — продолжал Коля, — вот нас и отобрали для работы с современной военной техникой. Ну скажи, где ты еще видел прапора, который знает «Смертельные гонки»? И не просто «Смертельные гонки», а именно третью часть?

— Допустим, а игрушки-то здесь при чем?

— А хрен их знает...

В этот момент в комнату заглянул наш прапор, тихо командовал «Отбой» и щелкнул выключателем. Раздеться мне пришлось в темноте.

С утра я дал себе слово бросить курить. Три круга по гравийной дорожке маленького уютного стадиона вымотали меня окончательно. Усевшись на траву футбольного поля, я тяжело дышал, чувствуя противный привкус никотина, покрывавшего мои прокуренные легкие изнутри. Ребята из нашей группы пребывали примерно в таком же состоянии, только настырный Кеша помахал нам рукой и пошел еще на один круг по своей инициативе.

Я осмотрелся: кроме нас, на стадионе было еще две группы в таких же синих спортивных костюмах, они качались на турниках, кроме этого — несколько пар мускулистых мужчин в трусах до колен и с голым торсом. Мужчины вроде как занимались бесконтактным карате, они делали странные синхронные движения, порой замирая на минуту, вдруг резко отпрыгивали в сторону и снова замирали.

— Ну, блин лохматый, вы и спортсмены, — сказал, подходя к нам с секундомером в руках, прапор, он тоже был обнажен до пояса и тоже в длинных трусах с широкой полосой. — Ну ничего, через пару неделек вы у меня Борзовыми станете, а теперь давайте на турник.

Не знаю, кормят ли еще где в российской армии красной рыбой на завтрак, но свои бутерброды с горбушей мы умяли за милую душу. Каждому также полагалась небольшая шоколадка.

— Все ясно, — сказал Кеша, когда мы вышли к столовой и построились. — Нас к северу готовят, это там летчикам шоколад дают. Классно! Полетаем!

— Ты что, летчик? — иронично ухмыльнулся Николай.

— А то! — не остался в долгу Кеша. — Знаешь как я на Ил-2 всех делаю!

Блин Лохматый словесные прения быстро прервал и повел нас в сторону одноэтажного приземистого здания...

* * *

— Компы! — радостно завизжал Кеша, едва мы перешагнули порог большого светлого зала. Вернее, не большого, а длинного, вдоль стен на удобных рабочих столах действительно красовались компы, и судя по светящимся циферкам на блоках — довольно мощные. За некоторыми машинами на удобных креслах, похожих на зубоучастные, сидели какие-то люди. Лиц их было не разглядеть, почти на всех были шлемы наподобие тех, что мы надевали, забираясь внутрь механизмов там, в ангаре...

Николай значительно глянул на меня, мол, «ну что я говорю», я в ответ лишь кивнул.

— Смирно! — скомандовал прапорщик.

Мы вытянулись в струнку, к нашей шеренге быстрым шагом подходил высокий худошавый майор. Он внимательно нас осмотрел и выслушал рапорт прапора:

— Товарищ майор! Группа курсантов-стажеров прибыла в учебный центр для прохождения занятий. Командир группы-17 — старший прапорщик Блинный.

Мы хором прыснули со смеху, надо же, Блинный! Прапор обернулся и незаметно погрозил нам кулаком, а майор уже шел вдоль шеренги и заглядывал нам по очереди в лица.

— Что ж, товарищи курсанты, — сказал он, остановившись возле Кеша, — будем знакомы. Я начальник учебного центра майор Куваев, а посему вместе с товарищем прапорщиком являюсь вашим непосредственным командиром и наставником. Вы уже не мальчишки, люди серьезные... в основном, — добавил майор, с сомнением глянув на Кешу, — сами видите, с какой техникой вам предстоит работать. Техника серьезная, а потому сначала... небольшая формальность.

Формальностью оказалась подписка о неразглашении. Мы клялись всем, что есть ценного и важного в нашей жизни, да и самой жизнью, что все увиденное на территории данной военной части сохраним в тайне до своих последних дней. Странная какая-то подписка, неуставная. Хорошо еще кровью не заставили расписаться...

— К машинам! — приказал майор.

— А что делать-то? — крикнул со своего кресла Кеша, когда мы расселись на «зубоврачебные» кресла перед мониторами.

— Играйте, — сказал майор, развернулся к нам спиной и вышел в соседний зал.

Вот уже вторую неделю мы — группа-17 только и делаем, что рубимся в игрушки. И по сети с 14:00 до 18:00, и в индивидуальном порядке. Нет, еще спим с 23:00 до 8:00, завтракаем, обедаем и ужинаем, бегаем на зарядку, по часу в день занимаемся строевой подготовкой с нашим Блином Лохматым, еще играем в футбол-баскетбол на стадионе и в пейнтбол в ангаре. Все остальное время мы просиживаем за компами в «учебном центре» и рубимся, рубимся, рубимся... Игрушек много — целый стеллаж компашек в центре зала, бери любую. Порой Куваев подходит к твоему столу, кладет диск с незнакомым названием и предлагает «посмотреть». Иногда попадаются интересные вещи. Причем как-то так получилось, что группа наша разбилась по интересам на пары. Мы с Николаем в основном западаем на стратегии, и потихоньку скорбим по «Суперцивилизации XXL» (интернета здесь нет, говорят, что выход в сеть здесь карается трибуналом, да и входить не с чего, ни одной телефонной розетки в округе), Кеша с Витьком из радиоакадемии только и делают, что бегают по каким-то коридорам и палят по сторонам из бластеров-фигастеров, Кешин друг Славик и Серега — программист зареченского районного пенсионного фонда, западают на RPG и квесты.

Мы уже перестали удивляться местным порядкам и иногда шутим, сидючи в курилке, что если вся российская армия такая, то уклонисты — просто идиоты. Единственное, чего не хватало здесь, по образному выражению программиста Сереги, так это «вина и баб». И писем. Огорчало, что не было весточки из дому, хотя ребятам на работу, Белкину домой, а Маринке на почтовый ящик я написал на второй же день нашего пребывания в этом райском местечке. Ничего, будем надеяться, ответят еще...

Мы вошли в двери учебного центра и уже было двинулись в сторону своих компьютеров, как увидели майора Ку-

ваева. Тот поигрывал изящной тонкой тросточкой, меряя зал длинными шагами. Построившись, мы дружно поприветствовали начальника.

— Как служится? — спросил майор.

— Отлично, хорошо, нормально... — ответили мы вразнобой.

— Отставить! — резко приказал майор, мы сразу же заткнулись. — Вот, вот чего вам не хватает — слаженности! Группа должна действовать как единый слаженный механизм! Понятно?

— Так точно! — ответили мы хором единым слаженным механизмом.

— Уже лучше, — улыбнулся майор. — Теперь вопрос: «О чем думает солдат российской армии, когда идет в бой?»

С ответом мы не торопились, на занятиях нам про это не говорили.

— Ну так что? — усмехнулся Куваев, останавливаясь напротив меня. — Нет смельчаков? Тогда скажите вы, четвертый.

— О том, как выполнить приказ, боевую задачу, о том, как нанести врагу наибольший вред и самому уцелеть, — неожиданно для самого себя процитировал я книжку, обнаруженную случайно на крышке бачка в сортире. Забавная такая книжица, фантастика, кажется.

— Неплохо, — оценил мой ответ Куваев, — а кто скажет, чего боится солдат доблестной российской армии?

Первым руку поднял неугомонный Кеша:

— Расчет номер один группы семнадцать, — назвался Кеша, как учили. — Солдат доблестной российской армии не боится ничего! — гордо сообщил он и победно глянул на нас.

— Ответ патристичный, но неверный, — сказал майор, и Кеша увял. — Кто-нибудь еще попробует? Ну, что молчите, как рыба об лед, вот вы, как вы думаете? — спросил Куваев и снова указал тросточкой на меня.

Я большим усилием воли заставил себя не чесать затылок и, помедлив, ответил:

— Расчет четыре группы-17. Я думаю, российский солдат боится того же, что и все остальные солдаты, — погибнуть в бою.

— Замечательно, — расплылся в улыбке майор, — и очень верно! Люблю курсантов с высшим образованием. Действительно, солдат боится погибнуть, будь он в окопе, в танке, в башне линкора. Впрочем, в башне линкора это не солдат, а матрос, но не будем отвлекаться. А что нужно сделать, чтобы солдат вражеской пули-снаряда не боялся?

— По возможности защитить его от этих пуль-снарядов, — предположил я. — При обороне в окоп загнать, при атаке броней прикрыть или еще чем...

— Тоже верно, — согласился майор, — но чтобы еще вернее? Не знаете? Еще вернее — держать его от этих пуль-снарядов подальше. Во дворе машина, загружайтесь.

На жутко грохочущем на ухабах «Газ-66» мы приехали на полигон и сразу увидели танк. Танк был хорош: низенький, приземистый, обтекаемый, с далеко вперед вытянутым хоботом пушки. Он удовлетворенно урчал движком, и в этом урчании слышалась солидная мощь, по крайней мере мне так показалось.

— Это новая разработка российского ВПК танк Т-1000 «Вурдалак», — объяснил майор. — Броня мощная, вооружение суперсовременное, умеет окапываться, маскироваться, атаковать воздушные цели, экипаж — один человек. Кто хочет попробовать первым?

Разумеется, первым вызвался Кеша. Он, радостно улыбаясь, нацепил на голову странный танкистский шлем и полез в люк головой вперед.

— Э-э-э, товарищ майор, а куда тут влезать? — глухо спросил бойкий тинейджер, застряв по пояс в утробе танка. — Тут и сиденья нет...

— Правильно, — согласился майор, — нет, потому что не предусмотрено. Экипаж этого танка не будет бояться напороться на мину или получить в борт ракету из ПТУРСа. Экипаж будет сидеть в уютном блиндаже и оттуда управлять боевой машиной. Соображаете? А вы, молодой человек, — сказал майор Куваев, глядя на тощие камуфляжные ягодицы Кеши, — пока включите фонарик на шлеме и ознакомьтесь с внутренним устройством ремонтного блока боевой машины. Потом нам всем расскажите...

* * *

Я выехал на пригорок, тут же дал газу и спрятал своего «Вурдалака» в лошинке за березками. На всякий случай, от греха подальше, хотя экран показывал, что опасности поблизости нет — ни одной красной точки. Я вызвал из меню «малого разведчика» и нажал кнопку «старт». Разведчик, похожий на игрушечный вертолетик из конструктора, выпорхнул из кормы боевой машины и быстро набрал высоту. Ага! Вот вы где, голубчики! В «зеленке» притаились два бородатых моджахеда с толстыми трубами в руках. Знаю я эти трубы, от одной ракеты, из такой трубы выпущенной, с моего танка башню на раз снесет, если попадет, конечно. Но это в мои планы не входило. Я взялся за джойстик, и ракетная установка на башне моей грозной машины, ожив, хищно повела стабилизаторами. Я аккуратно навел крестик прицела на красные точки в углу экрана.

— Прощайте, воины Аллаха, сейчас вы увидите со своим персональным Богом! — сказал я и нажал гашетку. Две ракеты с шипением вырвались из своих гнезд. Больше и не понадобилось, красные точки с экрана исчезли.

— Неплохо, Четвертый, — раздалось у меня за спиной, — передавайте управление пятому.

Я пробежался пальцами по соответствующим клавишам, и изображение перед моими глазами погасло. Сняв шлем, я вытер пот с лица и вопросительно глянул на Блинного. Тот молча показал мне большой палец руки и снова впялился глазами в экран перед Пятым. Я отсоединился от своей машины и, встав на цыпочки, тоже заглянул через головы ребят в монитор Пятого. Витьку сейчас придется непросто, из-за края экрана появилось пять красных точек — боевые вертолеты противника. Впрочем, Витек — парень ушлый, должен справиться, танк он хорошо освоил, а вот с вертолетом у него пока проблемы. Вчера вот чуть в электроопору не врезался, хорошо хоть Блин Лохматый сумел вовремя управление на себя переключить.

Сейчас Витек бойко бегал по клавишам пальцами левой руки, правой быстро крутил джойстиком, наводя ракеты на цель. Наконец, он откинул предохранительную скобу и на-

жал на красную кнопку «пуск». Все пять точек на экране почти одновременно погасли, но, видимо, один из вертолетов все-таки успел плюнуть в Витька из реактивной установки. Витек вздрогнул, долбанувшись затылком о подголовник. Наверное, близко ракета взорвалась.

— Вертолеты — это души погибших танков, — хохотнул Кеша, но его шутки не оценили.

— Повреждения — два процента, — хрипло сообщил компьютер «Вурдалака». Куваев недовольно поморщился и приказал передать управление Шестому.

Сержант с петлицами артиллериста ходил вдоль доски учебного класса и, поглаживая согнутую бляху ремня, болтавшуюся чуть ли не на причиндалах, диктовал. Мы послушно записывали, хотя у меня получалось плохо. Отучился писать. Привыкшие к компьютерной «клаве» пальцы авторучку держали неуверенно и выводили неровные каракули. А ведь это — письмо любимой...

— Служба идет хорошо, — задумчиво бубнил сержант, глядя в окно, за которым дурачились воробьи, — хотя трудно было привыкать после свободной гражданской жизни к четкому распорядку дня. Успешно осваиваю боевую технику, но писать о ней не могу, потому что это — военная тайна. Наш командир взвода старший лейтенант Иванов говорит, что у меня хорошо получается, и я стану классным специалистом, что очень пригодится мне в гражданской жизни. Сейчас много времени уделяю своей физической подготовке, бегаю кросс по лесу. Наша воинская часть находится недалеко от города N, в очень живописном месте, вокруг вековые сосны... Остальную лирику можете от себя, — разрешил сержант, повернувшись к нам конопатым лицом.

Я подумал, со смеху прыснул в кулак и приписал Маринке, что когда залезаю в тесную башню своей боевой машины, то обязательно вспоминаю, как «задрал» ее в салоне горбатого «запорожца» во время нашего последнего пикника. На улице тогда ничего не получалось по причине комаров. Еще я хотел добавить, что от этих кроссов у меня ноги по ночам сводит, но передумал, чтобы не пугать любимую.

Вложив листок в конверт, я запечатал его и надписал Маринкин адрес. Обратного адреса я не указывал, потому как не знал. Ничего, Блин Лохматый укажет.

Сегодня я впервые увидел человека-невидимку. Едва мы вошли в ангар, где ждали уже ставшие родными желтые «погрузчики», в нашу сторону двинулось это. Эластичный комбинезон, вроде того, что был надет на всех членов группы-17, вихляющей походкой шел в нашу сторону, совершенно не смущаясь, что внутри его никого не было. По крайней мере — головы не наблюдалось. Комбинезон остановился в трех шагах от нас и вдруг с азартом начал отбивать чечетку подкованными башмаками.

— Во, блин лохматый, дает! — заржал Блинный, закрывая дверь ангара. Мы разом захлопнули варежки: если прапорщик Блин Лохматый смеется и относится к данному явлению, как к чему-то нормальному, то и нам бояться особо нечего. Кеша спустился с осветительной мачты, сделал вид, что залез туда, чтобы размяться, и подошел к замершему «невидимке» вплотную. Привстав на цыпочки, осторожно заглянул в вырез воротника, провел рукой там, где, по идее, должна быть голова.

— Да он пустой! — сообщил Кеша громко. А комбинезон тем временем поднял руку, продемонстрировав толстую кожаную перчатку, и вдруг резко ухватил Иннокентия за нос.

— Больно! — завизжал ретивый тинейджер, схватившись за коварную перчатку обеими руками, но вырваться не смог. А комбинезон тем временем громко расхохотался. Вернее, не он, смеялся высокий мужчина точно в таком же комбинезоне, что издевался сейчас над Кешей. Он стоял около наших «погрузчиков» с вытянутой вперед рукой и громко ржал, сотрясаясь всем телом. Я сразу смекнул, что безголовый комбинезон в точности дублирует движения мужика и так же беззвучно сотрясается.

— Допустим, вы потеряли ключ от квартиры, — пытал нас дотошливый майор, — каковы будут ваши действия?

— Пойти в металлоремонт, сделать дубликат, — сказал Кеша и потер посизевший, как слива, нос.

— Верно, только обращаться положено по уставу. А что мы видим в металлоремонте? Станок, позволяющий из заготовки сделать полный дубликат вашему ключу. Соображаете? То есть точильный диск в точности повторяет на заготовке все конфигурации вашего ключа. Так же вот это, — он похлопал по гладкой спине замершего на месте комбинезона, — точно повторяет действия своего прототипа, — и майор указал пальцем на комбез, в который был затянута высокая мускулистая фигура. — Знакомьтесь, капитан Збруев, ваш новый инструктор по программе «Янус».

— Слава Богу, что не «Анус», — пробурчал Кеша и тут же получил от Збруева наряд вне очереди за разговорчики в строю.

Это только на первый взгляд комбинезон-двойник казался пустым. Внутри него содержался довольно мощный стальной скелет — наподобие Терминатора в первой серии после того, как с него слезла силиконовая кожа. Но без головы, голову заменяли линзы камеры сканирования, и мы могли видеть все, что «видел» комбинезон и в обычном режиме, и в инфракрасном, и еще в чем-то. Комбинезон охотно повторял все движения, что делал капитан Збруев, подпрыгивал на месте, становился на мостик, наносил мощные удары в воздух.

— Очень удобная вещь, — объяснял капитан, — многофункционален и совершенно безопасен для человека. Эх, такие бы «ликвидаторам» в Чернобыле или подводникам на «Курске»...

Если бы кто посмотрел сейчас на нас со стороны, то наверняка подумал бы, что видит группу буйных душевнобольных. Мы ходили туда-сюда по квадрату ангара и делали руками собирательные движения. Сегодня был последний экзамен у капитана Збруева по проекту «Янус», и пока мы бродили по ангару, наши костюмы синхронными движениями собирали виноград. Судя по голубому небу и вершинам горных массивов, что мы видели в экранах перед своими глазами, комбинезоны вкалывали где-то на виноградниках Краснодарского края. Корзина за моими плечами была почти полной, но веса ее, сами по-

нимаєте, я не чувствовал. Да и скелет внутри комбинезона-дублера тоже вряд ли надрывался. А что ему? Он же железный! Уложив последнюю гроздь в корзину, я, высоко поднимая ноги, двинулся к приемному пункту и вывалил свою добычу на весы. Стрелка указала на цифру 508. Ну я — молодец! Полтонны винограда набрал, интересно только, кто вино из этого винограда пить будет?

— Отлично, Четвертый, можете отключаться, — прозвучало у меня в наушниках.

Кнопкой, вмонтированной в пульт управления на запястье, я приказал дублеру «отдыхать», то есть перестать повторять все мои движения, и снял шлем. Около моих ног копошился на карачках Кеша. Он так и не научился высоко поднимать ноги при работе, а потому зацепился носком ботинка за лозу и грохнулся вместе с корзиной. Собирай, Кеша, собирай, все равно, пока 500 кило винограда на весы не вывалишь, не видать тебе зачета у капитана Збруева...

Збруев сам повел нас на первую «боевую» операцию. Мне почему-то показалось, что он нервничал куда больше нас.

— Товарищи курсанты, — сказал он торжественно, — от того, как мы сегодня запишем программу, зависит очень многое! Даже жизни людей! Проникнитесь...

Мы пообещали.

— Еще раз повторяю, — сказал Збруев, наверное, уже в десятый раз за последние полчаса. — Аккумуляторы у «дублеров» рассчитаны на час активной работы, но подзаряжаться необходимо каждые полчаса. Подзаряжаться до зеленой отметки, особенно это вас касается, Третий!

Подзаряжаться мы должны были у Кеши от его восьмиколесного чудовища с цифрой «1» на бортах. По бокам машины имелось два специальных штекера, от которых нам предстояло запитываться энергией. Вернее, подзаряжаться будут наши «дубль-комбезы» — где-то очень далеко и в виртуальном мире, а наша задача здесь, в ангаре, порой подходить к танкетке и подсоединяться штекерами.

— Минутная готовность! — скомандовал Збруев и первым полез на «броню». Мы последовали его примеру.

— Пошла загрузка! — скомандовал капитан, и в моих наушниках раздался мощный рев двигателя.

Эта танкетка совсем не походила на крашеную в желто-канареечный цвет машину, что стояла в нашем ангаре, хотя и была ее виртуальным аналогом. Это была уже серьезная бронированная машина, выкрашенная в защитный серый цвет, с длинным дулом пушки, торчащим из круглой башни, со спаренным пулеметом, реактивной установкой.

По команде мы спрыгнули на землю в какие-то густые заросли и, присев на одно колено, огляделись. Полная луна светила ярко, освещая вершины горного массива, и долина была как на ладони. Все вроде спокойно, маленький экранчик перед моими глазами показывал шесть маленьких зеленых точек и большой зеленый же крест. Точки — это мы, крест — танкетка. Впрочем, через секунду на экране ближе к северу появилось несколько белых точек — не установленные пока цели. Еще через секунду белые точки изменили цвет на синий.

— Пастух с отарой в трех километрах на юг, опасности нет, — прозвучал в наушниках голос Збруева. — Три колоннами, направление — северо-запад, вперед!

Я успел заметить, как танкетка втягивает в себя купол парашюта, и сделал первые шаги. Хоть густые заросли и мешали движению, идти было относительно легко. Справа метрах в десяти протаптывал дорогу грузный Николай, слева двигался почти беззвучно Збруев.

— Четвертый, сообщаем, сквозь что пробираемся? — раздался в наушниках голос Третьего. — Это ж конопля, почти созрела. У тя спички есть?

— Отставить переговоры! — прошипел Збруев. — Вы что, с ума посходили?!

Где-то минут через десять по знаку Збруева мы выстроились в одну колонну и двигались дальше след в след, оставаясь через каждые двести метров минуты на три. Как я понял, резиновая дорожка ангара в это время должна была «откатить» наши реальные тела в начальную точку операции, иначе мы уткнулись бы в железные ворота этого стратегического объекта.

— Подзарядка! — объявил Збруев, и мы услышали сзади урчание двигателя. Кеша подъехал к нам и развернулся правым бортом. Я первым подошел к машине, подключил провод, свисавший у меня из-под мышки, к штекеру и начал наблюдать, как желтая полоска поверх экрана перед моими глазами постепенно становится салатовой, а потом и вовсе зеленой. Отсоединившись от машины, я занял свое место в зарослях на вершине холма, давая возможность подзарядиться остальным.

С тихим шорохом над моей головой что-то пролетело, и я схватился за свою чудовищную винтовку, но тут же опустил ее. Нет причин для волнения, это наш вертолетик-разведчик. Кешка — скотина, мог бы предупредить перед тем, как запускать.

— Внимание, — скомандовал Третий, — вижу цель...

На моем экране немедленно возникло шесть красных точек. Четыре образовывали правильный прямоугольник, две медленно передвигались в его центре.

Я переключил зрение на инфракрасный режим. В центре долины виднелся какой-то сарай или ангар, окруженный колючей проволокой. Перед воротами склада большой кучей были сложены мешки, украшенные какими-то арабскими письменами и цифрами. Так, что там нам говорили на теоретических занятиях про наркотики — гашиш, марихуана, опиум? На небрежно сколоченных вышках виднелись фигуры в странных головных уборах, похожих на блины. На одной из вышек я четко рассмотрел станковый пулемет...

— Первый, возьмите цели, — приказал Збруев.

— Первый цели взял, — тут же откликнулся Кеша.

— Бесшумная стрельба! — напомнил Седьмой.

— Понял, не дурак, — не по уставу ответил Кеша.

— Огонь!

Странная конструкция на башне танка дернулась, что-то сухо затрещало, в коноплю посыпались гильзы. Я ясно увидел, как фигура на ближней к нам вышке дернулась, взмахнула руками и куклой повисла на перилах вышки.

В течение секунд десяти все красные точки на экране разом погасли.

— Цели поражены! — доложил Кеша.

— Вперед! — приказал Збруев коротко.

Я схватил с кормы танкетки две плоские мины в удобном контейнере с ремнем через плечо и вместе с остальными бросился вниз. Моя — северная стена, одну мину у дощатых ворот, вторую — под угол здания. Теперь в том же темпе — обратно.

Мы попрыгали на броню, шкала зарядки на моем экране стала оранжевой, но подзаряжаться я не стал, смысла уже нет. И правда, через минуту раздалась команда:

— Группа-17, все, кроме Первого и Седьмого, отключиться.

Я снял шлем и стер пот со лба. Ноги гудели, бегать по «зарослям конопли» все-таки было трудновато. Мы разом спрыгнули с борта № 1, причем Колян едва не заехал Кеше пяткой мощного ботинка в тонированное забрало шлема. На «броню» остался лишь Седьмой — Збруев. Он коротко дал команду, и танкетка, жужжа электромоторами, проехала через ангар и выкатилась в открывшиеся ворота.

Мы сгрудились за спиной Блинного и своими глазами смогли наблюдать на экране монитора, как Збруев приводит в действие взрывные устройства, заложенные вокруг склада, как танкетка с нашими «дублями», застывшими на броне, медленно въезжает в чрево большого грузового вертолета.

Кеша всю неделю ходил гоголем. Он тайком нарисовал на борту своей «танкетки» шесть звездочек — по числу уничтоженных противников, за что получил втык от Блина Лохматого и наряд вне очереди. Пришлось ему перекрашивать всю машину и драить туалеты в общаге. Мы же писали отчеты об операции. Скорее это были даже не отчеты, а рацпредложения по усовершенствованию техники.

Я подумал и предложил, чтобы боевые машины были оснащены штекерами по числу членов операции, чтобы не стоять в очереди для подзарядки. А также специальными откидными скамеечками. Это позволит нам не прыгать на «броню» туда и обратно, как мартышкам, расходуя драгоценную энергию, а ехать в комфорте, одновременно подзаряжаясь.

Мой сосед по комнате Николай нравился мне все больше и больше, несмотря на то, что он нажаловался Блину Лохматому, и тот запретил мне курить в комнате. Нажаловался он скорее всего от обиды — три раза подряд не сумел прорвать моей обороны в «Сталинградской битве», даже проапгрейдив свои Т IV до параметров «Королевского тигра», а стрелков — до снайперов. С другой стороны, Колян в чем-то прав, он-то некурящий, чего ж должен мучиться? Теперь курить я деликатно выхожу на улицу, так что напряженность в отношениях между нами спала.

Николай целыми вечерами читал какую-то компьютерную литературу, вычерчивал в тетрадке мудреные графики, я же валялся кверху пузом поверх покрывала и страдал без телевизора. Честное слово, я бы с удовольствием посмотрел сейчас даже «Большую стирку» или еще какое-нибудь идиотское ток-шоу, но телевизоров на территории этого военного городка не было. Ни одного, даже переносного! Коля как-то попытался смастерить видеоплату и самодельную антенну, позволяющую ловить телепрограммы на обычный комп, но ничего не получилось. Странно, а по схеме все вроде правильно...

— Слушай, Колян, ну как тебе понравилась наша первая «боевая операция»? — спросил я, почесывая пузо.

— Странная какая-то, — ответил Николай, не отрываясь от графика.

— И что же именно странного?

— А мы там на хрен не были нужны.

— В смысле?

— Ну вот скажи, какого хрена мы бегали по этой конопле?

— Прокладывали дорогу танкетке, зачищали местность.

— Какую местность, блин лохматый? Чего, Збруев один не мог «проложить»? Он с такой дышалкой бегает в два раза быстрее, он все один сделал бы запросто.

— А мины? Танкетка ведь не могла, как мы, к складам спуститься.

— Я тут посчитал боевые характеристики и вооружение, — сказал Николай, протягивая мне исписанный листок. — Ке-

шина танкетка могла за три километра этот склад накрыть одним ракетным залпом. Да и вообще, зачем там была нужна танкетка? Для этих целей хватило бы пары боевых вертолетов с ракетами и напалмом.

— И что ты думаешь? — спросил я, пребывая в явном замешательстве.

— А хрен его знает? — пожал плечами Николай и снял очки, намекая, что в комнате пора гасить свет.

Где-то на месяц о нас словно забыли. Мы продолжали усиленно питаться и терзать компьютеры, разве что строевую заменили «лазерными стрельбами», это когда бегаешь по ангару и стреляешь в соперника из «лазерной винтовки» под грохот тяжелого рока.

Но однажды ночью заорала сирена, и общага озарилась красными лампами тревоги. Я натянул комбинезон и через пару минут был уже в строю. Блин Лохматый в таком же комбезе, как и мы, появился из темноты и коротко скомандовал: «В ангар!» По пути нам встретилась такая же группа в комбезах, человек десять. Видимо, общая тревога.

Кеша привычно уселся за рычаги своего борта № 1, и мы... нет, не попрыгали на броню, а расселись на откидные скамеечки вдоль борта машины. Я также разглядел шесть штекеров в бортах. Да, оперативно здесь к рацпредложениям относятся, ничего не скажешь...

Ждали мы долго, минут десять, наконец Блинный скомандовал: «Ввод программы», и мы одновременно включили экраны. Пришлось сразу же схватиться за борта: наша танкетка на бешеной скорости мчалась по ночной улице какого-то горного селения, очень близко хлестко звучали выстрелы, одна очередь ударила по нам, и пули звонко зацокали по броне.

— К машине, — приказал Блинный, и мы, соскочив в траву, рассредоточились цепью. А танкетка тем временем выполняла странные маневры, она двигалась зигзагами, и из кормы ее вылетали, как теннисные мячики из тренажера, яйцевидные предметы. «Мины-лягушки», — сообразил я. «Отложив личинки», танкетка дала газу и скрылась в рощице.

— Внимание, — чуть слышно раздалось у меня в наушниках.

Они вышли из «зеленки» и огляделись, человек сорок, если не больше. В папахах, в банданах, в блинообразных беретах, как у тех, в Афгане, сплошь бородатые. Двое из них надели приборы ночного видения и озирались по сторонам. Осторожные, сволочи! Наконец они двинулись вперед.

Мы начали стрелять, когда первый из них наступил на мину. Ему, кажется, оторвало ногу. Я не целился, зачем? Моя винтовка на хитрых таких сошках давно сама выбрала цели, отмеченные на экране красными точками, мне лишь осталось дать команду на поражение. Закончил побоище Кеша, полив поле брани из счетверенного пулемета.

Блинный встал во весь рост и быстро побежал к трупам.

— Там же мины! — едва не крикнул я, но тут же опомнился. Это же наши мины, они взрываются, когда мы этого сами захотим. Блинный наклонился над каким-то телом с видеокamerой, потом сделал несколько снимков со вспышкой.

— По машинам, — крикнул он, возвращаясь.

Мы попрыгали на свои «скамеечки», только сейчас я разглядел три довольно крупные дыры в своем бедре и еще одну в груди. Вот черт, и когда это меня зацепило? Но тут поступила команда: «Отбой», я нажал клавишу на пульте и оказался в ангаре.

— Построились! — приказал Блинный, тяжело дыша. — Благодарю за службу!

— Служим Отечеству! — ответили мы хором.

Кеша появился в общаге, когда мы уже спали...

Мы сидели на корточках, спрятавшись за чудовищной машиной на бочкообразных шипастых колесах, и дули пиво. Машина называлась «Упырь», тоже новейшая разработка нашего ВПК, а пиво раздобыл где-то Кеша — целую канистру. Об источнике пенного напитка он молчал, как партизан на допросе. Не иначе, как в офицерской столовой спер, потому как больше взять пива здесь было негде.

Мы разглядывали самодельную карту, Колян как-то ввел изменения в программу «мини-разведчика», и тот сделал

довольно качественные изображения нашего военного городка сверху. Мы были посреди леса. Леса и болота, болота и леса, больше ничего на снимке в округе не было.

— Нет, это — не Тамбов, больше на Нижегородскую область похоже, — авторитетно сказал Славик. Никто и не спорил. Все удивлялись, особенно тому, что не было дорог. Нет, небольшие участки асфальта все-таки виднелись: до полигона, до аэродрома, до каких-то странных сооружений с огромными антеннами, даже до в.ч. 11310 бетонка была, там стройбат и мотопехота парились, но вот дороги в «мир» не видно. По крайней мере даже при самом тщательном разглядывании снимков ничего подобного мы не обнаружили. Неужели все сюда доставляется по воздуху? Ну ладно, продукты, почта, зарплата, это еще куда ни шло, это и на вездеходе привезти можно. Но эти огромные машины, наподобие той, за которой мы сейчас скрывались, нарушая устав? Через болота она хрен пройдет, это что, такую дуришу на вертолете перевозить? Она ж весит немерено!

— Слушайте, мужики, мне все это перестает нравиться, — заявил Витек, утирая пену с губ рукавом. — Нет, конечно, о такой службе можно только мечтать: ни дедовщины, ни уставщины, кормят от пуза, а то, что с физо так гоняют, так это — для нашей же пользы. Но угнетает неопределенность. Мы что, командос? Морские котики? Группа «Альфа»? Нас к чему готовят? Если это современное вооружение давно имеется в нашей армии, почему же о нем по телевизору никогда ни слова?

Честно говоря, я был с ним полностью согласен. Судя по всему, мы работаем с самой современной и секретной военной техникой, но, черт побери, через год месяцев нас ждет дембель! Кеша со Славиком задержатся чуть дольше, им придется служить все два года, но все равно доверять такие тайны людям, которые через совсем малый период времени станут гражданскими?..

В тишине громко загрохотали ворота ангара, видимо, Блин Лохматый вернулся с обеда, мы быстро спрятали каннистру за колесами и сделали вид, что внимательно изучаем новую технику.

* * *

Блин Лохматый был крайне недоволен, машина никак не желала подниматься на холм, сколько он ни старался. Даже на первой скорости «Упырь» забирался только на середину относительно пологого подъема и тут же скатывался обратно.

— Ладно, валяй, — сказал Блин, выбираясь из машины, снимая шлем и передавая его Кеше. Тот быстро сферу его на себя натянул, опустил забрало и взялся за джойстик. Ревя двигателем, «Упырь» попер вверх, на середине подъема, там, где Блинный трижды обламывался, Кеша неожиданно скинул газ и двинул джойстиком вправо. Машина стихла, послушно поползла боком, перевалилась своими бочкообразными колесами через груды валунов и, взревев мотором, уверенно выехала на вершину.

— Проще пареной репы, — заявил Кеша снисходительно, когда машина вновь спустилась вниз. — Я этот маневр в «Абрамс-3» давно отработал.

— Проклятая железяка! Чертов луноход! — жутко матерился Николай, катаясь по земле и держась за колено. По колену Коле врезал внезапно оживший манипулятор испытуемого железного чудовища. Да так врезал, что Коля отлетел метра на три.

— Вот блин лохматый! — Блинный ловко увернулся от второго манипулятора «Упыря», заскочил в кабину и что было силы заорал в открытое забрало шлема. — Идиоты! Вы что там, сдурели?! Немедленно прекратите манипуляции!

Железная лапа «Упыря» тут же застыла на месте. Мы не поняли, к кому именно обращался наш Блин, а столпились в растерянности вокруг стонущего от боли Николая.

— Ну что стоите? — прикрикнул на нас прапор. — Тащите его в санчасть.

Мы с Витьком сложили руки, как учили на занятиях по оказанию первой помощи, и, усадив на них грузного Николая, побежали к небольшому домику с красным крестом на фасаде.

— Слышь, а почему ты эту машину луноходом назвал? — спросил я Колю.

Тот, одетый в полосатую пижаму, выглянул из окна санчасти на ярко светившее солнце, потом поправил собиравшийся грохнуться костыль у спинки кровати.

— Ты видел два баллона, что у «Упыря» около воздухозабора?

— Ну...

— Баранки гну! Как ты думаешь, для каких они целей предназначены?

— А хрен их знает, — пожал я плечами, — может, там масло для гидравлики?

— Это баллоны со сжатым воздухом, и подсоединены они напрямую к двигателю.

— На хрена? — удивился я.

— Ты чего-нибудь в двигателях внутреннего сгорания соображаешь?

— В общих чертах, — признался я.

— Что нужно двигателю для работы?

— Ну, бензин и... масло, наверное...

— Бензин и воздух, — объяснил Николай. — Понимаешь? В наших двигателях горит не бензин, а смесь из паров бензина и воздуха. Поэтому на земных моторах в этих баллонах надобности нет, воздух поступает прямиком из атмосферы. А вот на Луне, в безвоздушном пространстве, или на Марсе...

Я задумался...

Снова тревога. На всю операцию у нас было не более сорока минут, подзаряжаться в бункере будет негде, а потому двадцать минут туда, десять минут на все дела, десять — на дорогу обратно. Несколько успокаивало, что каждый поворот, каждую дверь, каждую нишу в бункере мы знали как свои пять пальцев и на тренировках вполне укладывались в полчаса. Но то на тренировках...

Я услышал команду «вперед», поставил винтовку на «автоматическое поражение живых мишеней» и рванул. За мной затопали сапожищи — это Славик, вернее, это его «комбинезон — дублер» со здоровенной трубой на плече. Этой трубой ему предстояло проломить три двери, но в рюкзаке у него на всякий случай было четыре заряда.

Охранники, два дюжих усатых парня в черных мундирах с аксельбантами, видимо, так ничего и не поняли, луч из моего грозного оружия скользнул им поперек груди, посыпались какие-то искры, видимо, я случайно зацепил проводку. Свет погас. Не беда, так даже лучше. Сзади чертыхнулись, видимо, Славик зацепился ногой за труп, растяпа. Пулеметное гнездо я снес одним выстрелом из подствольника, видимо, пулеметный расчет также не ждал нападения. А вот после длинного коридора перед первой железной дверью нас встретили. Сначала раздалась длинная пулеметная очередь, потом коридор озарился огнем, судя по мощности струи — ротный огнемет, поджарить нас решили.

Я метнул к дзоту «лягушку» и снова спрятался за угол. «Лягушка», повинаясь движениям моего указательного пальца на джойстике, в три прыжка достигла бетонной стены перед дверью и нырнула в узкую щель огневой точки. Взрыв был негромким, но две красные точки на карте в углу экрана перед моими глазами погасли.

— Пятый, ракету! — скомандовал я.

Комбинезон Пятого присел на одно колено с «трубой» на плече. Ракета, рассыпая за собою искры, врезалась в сталь. Мы почти одновременно выглянули из-за угла, где укрылись от взрывной волны. Двери больше не было, путь был свободен...

Шкала зарядки поверх экрана тревожно мигала оранжевым. Контрольное время выходило, а «объекта» мы так и не обнаружили. Мы стояли в большом зале, вокруг длинного стола валялись разломанные кресла, какие-то обрывки карт, бумаги и тела усатых мужчин в черных беретах. Нужного среди них не было, мы в третий раз просканировали лица трупов, «центральная» каждый раз объявляла, что «ответ отрицательный». Пот заливал мои глаза, дыхание сбивалось, честно говоря, устал я безумно. Но где же этот чертов «объект»? Куда он мог подеваться? Ну не испарился же он, не просочился же в канализацию. Хотя...

— Сортир! — неожиданно для самого себя вслух, сказал я. — Кто-нибудь догадался проверить сортир?

Он сидел на золотом унитазе, усталый человек в военной форме, с обильной сединой в усах. В руках у него был большой черный пистолет с золотой отделкой, но усатый не торопился им воспользоваться, усатый плакал. Збруев прыснул ему в лицо из баллончика, и человек безвольно повалился на мозаичный пол...

— Седьмой, докладывает Четвертый, группа-17, — сказал я в микрофон, — у меня зарядка критическая, я уже не успею вернуться.

— Я Третий, — тут же раздалось из наушников, — зарядка критическая.

— Второй...

Мы слишком много времени потратили на поиски «объекта», и энергии в наших «дубль-комбезах» осталось всего на пару минут. Ну мы-то ладно, мы свое дело сделали. А как Збруев собирается тащить «объект» к выходу с посаженными аккумуляторами? Но Збруев выход нашел.

— Ситуация «Зеро», — скомандовал он.

Мы знали, что надо делать в этой ситуации, учились. Мы встали в круг в центре зала, крепко обнялись и отключились.

Как я понял, Збруев сейчас скачет с аккумуляторов наших «комбезов-дублеров» всю оставшуюся энергию и в одиночку потащит «объект» к месту эвакуации. А потом будет сильный взрыв, все в этом зале разлетится на маленькие кушочки, и нам придется привыкать в новым «дублерам».

Генерал при высокой фуражке и при лампасах прошел вдоль строя, остановился около самого низенького Кеши и ласково похлопал его по щеке, как Гитлер пацана из фолькштурма на кадрах старинной хроники. Кеша соорудил солдафонскую рожу, выкатил глаза и стал ими генерала влюбленно пожирать.

Генерал смущенно ххекнул и присобачил Кеше на куртку маленькую медаль. На медали Георгий Победоносец под алым знаменем поражал копьем мерзкую змеюку, судя по размерам — питона или анаконду из одноименного кино.

— Служу Отечеству! — козырнул Кеша, сразу потеряв апломб. Генерал поочередно подходил к каждому и награждал, в

том числе и Николая, еще опиравшегося на палочку. Потом он остановился перед Блином Лохматым и долго смотрел ему в глаза. Блинного, Збруева и Куваева он тоже наградил, но не медалями, а крестами, судя по цвету — Андреевскими.

Блинный приложил палец к губам, заговорщически нам подмигнул и выставил на стол три бутылки водки.

— Не обмыть — традицию нарушить, но я ничего не видел. И еще... сходили бы вы сегодня в баню, постриглись бы... вас там ждут. — Еще раз подмигнув, он взгромоздил фуражку на бритый череп и вышел из столовой.

Мы переглянулись. За полгода, что мы здесь паримся, кроме пива, надыбанного как-то Иннокентием, нам из спиртного ничего не перепадало. Ну, раз сам Блин принес...

Мы разлили водку по стаканам и побросали туда свои медали, как в фильме «Горячий снег».

— За что выпьем? — спросил Николай.

— За непобедимую команду-семнадцать! — вскочил с места Кеша.

— А я хочу выпить за то, чтобы больше никого не убивать, — раздался тихий голос. Все посмотрели на Славика, он сидел, тупо глядя в стакан, на дне которого захлебывался в водке святой Георгий вместе с лошадью и змеем. — Я никого не хочу убивать взаправду, — повторил Славик и, не чокаясь, выпил.

Вы представляете, что может сделать алкоголь с неокрепшим организмом после полугодового воздержания? Мы решили достигнутым не ограничиваться и оторваться. Оказывается, и здесь, в этой чертовой сверхсекретной дыре, можно найти водку...

Парикмахерша Люська, опершись щекой на ладонь, задумчиво гладила мою грудь, иногда пощипывая за редкие волоски. Ее крашенная грива легонько щекотала мое лицо, нежная грудка упиралась мне в бок.

— У тебя подружка на гражданке есть? — спросила она.

— Как тебе сказать, — ответил я уклончиво, — дружим давно, пишем друг другу.

— А она красивая?

— Вполне.

— Красивее, чем я?

Ну вот, начинается, сейчас она еще спросит: «Ты меня любишь?», и если ответ будет утвердительным, начнет пытаться, как именно я ее люблю. Знаю я такие вопросы-ки. Но Люська не стала пытаться про величину моей любви. Она вдруг засмеялась и, нажав на мой сосок, как на пимпку звонка, сказала:

— А ты знаешь, я могу с полным правом говорить, что меня многие красивые парни любили до потери памяти. Понимаешь? Да что ты можешь понимать?

Последний мой выживший автоматчик с медалью «За отвагу» на выгоревшей гимнастерке задумчиво тренькал на балалайке, прикладываясь порой к бутылке самогона. Самогон он жрал прямо из горла, и я ему не препятствовал, пусть уж порадуется напоследок, ему сейчас в разведку идти, по сути — на верную гибель. Два «американских экипажа» в коричневых комбинезонах и песочного цвета танкистских шлемах дымили свои сигары, отливая порой на ствол молодой сосенки. Вот так всегда, русских солдатиков приходится на верную смерть посылать, а эти америкосы стоят в полной безопасности, лыбятся. Да, но что делать? Придется их беречь, без хотя бы одного танка мне эту миссию не пройти, никак не пройти, там пулеметных гнезд натыкано что собак нерезаных. Танк-то я разглядел через бинокль на той стороне реки, почти неповрежденный Т VI «Тигр» без экипажа. Но до него еще добраться надо, а как? На вражеском берегу у моста дзот бетонный и две вышки пулеметные. И фрицы с них пялятся.

Я снова глянул в бинокль, чахоточный немецкий автоматчик в мышиного цвета шинели глухо кашлянул в кулак. Он еще и курит! Ну ладно, что толку ждать, попробую еще раз. Я обвел рамкой своего снайпера, тот вскинул винтовку, сухо щелкнуло, и чахоточный фриц привычно свалился за-мертво. Тут же мой автоматчик закинул балалайку за спину и что было сил рванул к мосту по заросшим сизым мхом коч-

кам. Едва его сапожищи застучали по деревянному настилу переправы, с другого берега ухнуло, блеснуло пламенем, мост заволокло клубами дыма, и в траву около меня шлепнулось что-то тяжелое. Уставной кирзовый сапог с торчащей из него окровавленной портянкой. Не успел я скомандовать: «В укрытие!», как с вражеского берега загрохотал пулемет. Оба америкоса покачнулись и почти одновременно повалились в траву. Снайпер в зеленом камуфляже резко рванулся в кусты, но успел сделать всего три шага и тоже неловко взмахнул руками, обнял березку и стал медленно сползать на землю. Что-то больно кольнуло меня под ребро, но я успел-таки нажать клавишу «Esc». Перезагрузка!

Я опять стою на полянке и пялюсь в бинокль на другой берег, на воскресшего чахоточного фрица у моста. Мой также воскресший автоматчик прикладывается к самогону и продолжает бренчать «Калинку». Америкосы улыбаются, один из них показывает на балалайку пальцем и говорит: «О йес, рашен кантри мьюзик! Банджо!»

— Что, Влад, снова не получилось? — участливо спросил Куваев.

— Да ну ее, дурацкая какая-то миссия, — сердито ответил я, с досадой отталкивая «мышь», — третий день бьюсь, ничего не получается. Слушайте, товарищ майор, может, здесь глюк какой? Может, вместо полуторки тут машина снабжения должна быть? Тогда бы я переправу забацал...

Куваев глянул в свой блокнот, грустно покачал головой.

— Нет, Влад, все верно, нет никакой машины снабжения, попробуй еще раз...

Я попробовал послать через мост полуторку на полном газу, но с тем же результатом. Мост заволокло дымом, запаска из полуторки улетела аж на середину реки. Нас в этот раз накрыло из миномета. Перед тем как умереть, я успел увидеть летящий высоко в облаках сапог моего последнего автоматчика...

«Esc» — перезагрузка...*

* Видимо, майор Куваев предложил Владу пройти одну из миссий военной стратегии «Противостояние-4».

Эти «дубль-комбезы» совершенно не были похожи на те, что мы испытывали до сих пор. Скорее они походили на киборгов из видеозаставки «Мира империй». Мощные ноги-коллонны, руки-манипуляторы, а вооружений в них натыкано...

По-всему, модели были экспериментальные, движений наших они слушались плохо, часто зависали, и приходилось по нескольку раз перезапускать программу. Збруев матерился так, что слышно было за версту, и окрестные вороны испуганно вспархивали с сосен.

Зато индивидуальные кары, в которых нашим новым «дублям» предстояло передвигаться, были на редкость хороши. Резво бегали по полигону на блестящих спицами колесах, повинуясь любому движению джойстика. Особенно нам нравилось погоняться по «марсианским каналам». Сначала мы ездили просто так, наперегонки, а потом с набором очков: то и дело в каналах показывались маленькие серые марсиане, кто с ружьем, а кто и с гранатометом. При прямом попадании они забавно разлетались на куски, разбрасывая зеленые брызги, и чем больше марсиан настреляешь, тем больше очков.

Кеша, как всегда, вел кар очень агрессивно. Он вилял по трассе, иногда задевая нас бортами. В принципе правилами это не возбранялось, но сильно раздражало. Я наконец поддал газу, врубил режим «турбо» и, взлетев, «накрыл» Кешин кар сверху. А потом тихонько так припечатал своим днищем по его бестолковой башке.

Кеша в наушниках громко ойкнул, ребята заржали. Я снова выпустил колеса, перешел на наземный режим и начал наводить пушку на появившуюся в экране цель — серого человечка с гранатометом, как едва не врезался лбом в защитный колпак. Тут же удар повторился, компьютер подсказал, что мстительный Кеша атаковал меня в режиме «турбо». Я попытался взять штурвал на себя, но сзади грохнуло. В глазах потемнело.

Я с трудом открыл глаза, голова кружилась, подташнивало. Солнце было по-прежнему в зените, так что пришлось спешно опустить солнцезащитный фильтр. Я лежал на дне глубокого каньона, метрах в десяти, около отвесной стены,

валялся кверху брюхом мой кар. Двигатель его горел, и черный дым уходил резко вверх. Безветрие, странная погода для Марса, впрочем, мы так мало знаем о марсианских каналах.

Я попробовал встать, удалось только с третьего раза, больно уж тяжел был «дубль-комбез». Так, попробую разобраться, что случилось? Ясно, что этот идиот Кеша врезался мне в корму, отчего кар мой потерял управление и перевернулся. Еще ясно, что меня выбросило от удара через защитный колпак, дальше что?

Первое желание — нажать на клавишу отсоединения, оказаться на полигоне и накостылять Иннокентию по шее, и пусть судят потом за неуставные отношения. Но на выход из программы нужно разрешение «Центральной».

— Расчет-4 группы-17 запрашивает «Центральную», — сказал я в микрофон шлема. — Потерпел аварию, прошу разрешения на выход из программы.

Тишина, мертвая тишина, даже не слышно привычного шороха радиопомех.

— Четвертый просит разрешения на выход из программы, — повторил я.

Тот же результат. Ну и ладно, дома разберемся. Я откинул защитную крышку с блока управления на запястье и нажал клавишу «Esc», собираясь немедленно кинуться на этого недомерка Кешу. Никакого результата, я по-прежнему в программе и стою в каньоне виртуального Марса. Бред какой-то!

Откуда-то сзади донесся гул. Ну слава Богу, видимо, «Центральная» дает новую вводную или ребята на карах возвращаются. Но из-за поворота медленно выползло что-то чудовищно несуразное, очень похожее на пустынного червя из игрушки про «Дюну», только не страшного. Длинная гофрированная труба на лапках, как у сороконожки. От удивления я не смог даже с места двинуться, а «труба» подползла ко мне совсем близко и разинула пасть. Из пасти посыпались... серые человечки, около дюжины. С радостным гомоном они устремились к перевернутому кару, вдруг увидели меня и встали, как вкопанные.

Самый высокий из них, по-видимому, старший, что-то пропичал в сторону «гусеницы». Из нее тут же появились еще два

человечка с гранатометом в тоненьких ручках. Без сомнения, это был вполне земной армейский гранатомет — базука, состоящая на вооружении армий стран НАТО. Вытисненная надпись «Made in USA» отсюда видна. Что за шутки такие? А человечки и не думали шутить, один из них встал на колено, а второй уложил «трубу» ему на плечо и стал прицеливаться. Острый кончик гранаты смотрел прямо мне в грудь.

Что мне оставалось делать? Я поднял обе руки, широко раскрыл ладони и громко крикнул:

— Не стреляйте! Я пришел с миром!

Серый, уже положивший длинный суставчатый палец на кнопку «пуск», замер и что-то пропищал. Они меня поняли! Не сводя с меня огромных черных глаз, серые собрались в кружок и начали совещаться. Во дела! Наконец один из них с головой, замотанной бинтом, подошел ко мне и запищал.

Не опуская рук, я пожал плечами. Я и изучаемый в школе немецкий знаю хреново, а уж марсианский...

Серый подошел совсем близко и указал пальцем на блок управления на моем запястье. На что это он намекает? Я опустил руку, откинул крышку, и марсианин, ловко работая всеми шестью пальчиками, набрал на мини-клавиатуре слово «Logos». Пальчики у него были длинные и подвижные.

— Что за «логос» такой? — удивился я вслух.

— Это означает, что включилась система универсального переводчика, — объяснил марсианин спокойно.

От удивления я едва на жопу не сел в красную марсианскую пыль. А серый продолжал сверлить меня своими черными глазищами.

— Ты что, не знал об этой функции?

Я отрицательно мотнул головой.

— Ты кто? — спросил в упор марсианин.

— Курсант Влад Мамичев, то есть Четвертый, группа-17, — поправился я.

— Семнадцатая, эта группа зачистки каналов?

— Какой зачистки? Каких каналов? — удивился я искренне. — Это программа испытания «дубль-каров» и «дубль-комбезов». — И для убедительности я похлопал себя по стальной груди и указал рукой на дымящийся кар.

Серый посмотрел в указанную сторону и спохватился:

— Что вы стоите, грузите скорее!

Остальные серые быстро забегали вокруг кара, из пасти «сороконожки» появился длинный черный язык с присоской на конце, которой он намертво приклеился к желтому борту с «четверкой». Кар медленно, но уверенно втянулся в широко открывшуюся пасть.

— Испытания, говоришь? — сказал серый тихо. — А сколько вы народу на этих «испытаниях» положили? Сына моего, внука, племянников.

— Что значит «положили»? Это игра, понимаете? — заволашевался я. — В нас стреляют, мы стреляем. Кто первый до финиша доберется и очков больше наберет...

— До финиша?

— Ну да, у скалы на выходе из канала.

— А в норы не углубляетесь?

— Какие норы? — не понял я.

В это время к нам подошел тот самый длинный марсианин.

— Ну что здесь у нас?

— Да как я и думал, — ответил перевязанный, — опять киберуправление с Земли. Эта группа людей думает, что они играют: летают на скорости и палят в кого увидят. Говорил же я тебе, не надо разведчикам высовываться, пусть сидят по своим норам...

— Ты уверен? — спросил «высокий», едва достававший мне до подмышек.

— Абсолютно! — заверил перевязанный. — Что с ним будем делать? Возьмем с собой?

— Нет, его искать будут, тогда точно в норы полезут.

Я вздрогнул, вспомнив фильм «Звезда» и судьбу немца, попавшегося нашим разведчикам. Но убивать меня марсиане, видно, не желали.

— Попроси его не рассказывать, куда делся кар и о том, что он здесь увидел, — сказал главный.

— Ты можешь поклясться, что не расскажешь о нас никому? — спросил перевязанный, буравя меня глазами. Я кивнул головой. Нет, ну а что бы вы сделали на моем месте? В этот момент за поворотом ясно послышался рев двигателей.

— Быстрее! — скомандовал высокий и бегом направился к разинутой пасти «червя». Едва пасть захлопнулась, приняв последнего марсианина, «сороконожка» неожиданно резво заскользила... прямо в стену. За секунду до неминуемого столкновения часть стены... словно исчезла, и гофрированное тело без труда проскользнуло внутрь черной дыры. О как!

Первым из-за поворота появился кар с семеркой на борту. Збруев откинул защитный колпак и бегом кинулся ко мне.

— Жив! Жив, Владюха, слава Богу!

Вот как, оказывается, Збруев знает меня по имени?! Приятная новость, а то все Четверка, Четверка... Когда у кара с единичкой на борту откинулся защитный экран, я медленно подошел к нему и со всей дури врезал стальным кулачищем по стеклянному забралу шлема «расчета номер один». Кеша жалобно пискнул.

По экранам бегали какие-то разноцветные судороги, как я понял — моя кардиограмма, мое дыхание, мое давление и еще что-то мое. Я лежал, обмотанный проводами, весь в присосках, и в очередной раз объяснял Блину Лохматому, что ничего не помню. Абсолютно ничего! Оказалось, что после того, как Кешин кар протаранил мою корму, я вылетел за ограждение полигона, пробил защитный колпак головой и ею же врезался в сосну. Слава богу, сосна молоденькая была, сломалась. Так что жив остался, хоть шлем треснул, а угоди я в соседнее деревце — вековую корабельную красавицу, можно было смело заказывать духовой оркестр. Почти сутки без сознания... И они хотят, чтобы я чего-нибудь помнил?

Разумеется, я ничего не рассказал о моем компьютерном видении. И дело было не только в клятве, данной мною какому-то серому человечку. Идиотом выглядеть не хотелось...

За хулиганство Кешу от полетов отстранили, я валялся в санчасти, оклемаваясь от сильного сотрясения мозга, Коля еще хромал и занимался только в компьютерном зале. Так что наперегонки ребята теперь летали только вдвоем. Но только на скорость, марсиане в каналах больше не попадались, знать бы почему?..

* * *

— Жарко здесь у тебя, — сказал Николай и потянулся к вентилятору. В палате было отнюдь не жарко, я сказал бы даже — прохладно было в палате, но возражать я не стал. Вентилятор загудел, Николай придвинулся ко мне поближе и заговорил громким шепотом:

— В принципе это возможно. Там вполне может быть жизнь, в том числе разумная. Я тут по энциклопедиям порылся, вплоть до 60-х годов прошлого века ученые утверждали, что Марс — обитаем. Потом как отрезало, и у нас, и у американцев. А «марсианскую космическую программу» просмотрел, так вообще за голову схватился. Больше двух сотен кораблей Земля к Марсу запустила, и это только те, о которых официально объявлено, а результатов — кот наплакал...

Николай был единственным, кому я рассказал о том, что видел там. Или мне показалось, что я видел. Неужели наши виртуальные «прогулки» и «гонки» по Марсу... реальность? Вернее, не наши, наших «дубль-комбезов».

— И вот еще что... — Николай опасливо оглянулся по сторонам, — я вчера станцию «Мир» к Марсу отогнал.

— Как отогнал? — удивился я.

— А вот так, Куваев мне новую программу запустил, занятую такую, про астронавтов. Вот я вышел в открытый космос, вручную пристыковал «Мир» к «Бурану» и врубил вторую космическую...

— Так «Мир» вроде в Тихом океане затопили...

— Не знаю, что там затопили, но «Мир» сейчас по соседству с Фобосом вокруг Марса крутится...

Это был не мой кар! Определенно — не мой. Хотя и была на борту жирная Четверка, хоть и не отличался он от остальных каров, это была не моя машина, не та, на которой я летал по каналам еще месяц назад. Спросите бывалых водителей, и они вам скажут: хозяин всегда узнает свою машину, с закрытыми глазами. Как она набирает обороты, как трогается, педаль сцепления надо выжимать до конца, чтобы переключить скорость, или достаточно утопить наполовину... В этом каре не было сцепления, в нем был только джойстик,

но я все равно не узнал своей машины. Что ж, попробуем прокатиться. Новый кар шел хорошо, и на повороте, на малых оборотах, двигатель не захлебывался, как раньше. Серых человечков в каналах действительно не было ни одного, только однажды мне показалось, что из-за россыпи камней на меня глянули огромные черные глаза.

Кешу я давно простил, но он по-прежнему заискивал и «стелился» передо мной. Вот и сейчас, войдя в комнату, он не заставил меня плясать, как других, а с почтением передал конверт лично в руки. Письмо от Маринки, наконец-то! Маринка писала, что у нее все нормально и она очень по мне скучает. И намекала, что, если по возвращении домой я снова буду «бегать по бабам», она мне все рога пообломает. Станный какой-то намек на рога, согласитесь...

А Кешка еще крутился около двери нашей комнаты:

— Слышь, мужики, тут Блин Лохматый проговорился, сегодня ночью большая тревога ожидается...

Ситуация была патовая. Вернее, нет, патовая — это когда ничья. А тут нам светил полный пинцет. Мы оказались в западне, если попробовать взорвать ту плиту, что перегородила нам выход из зала, на нас рухнет потолок, если не взрывать — через десять минут наши «дубль-комбезы» застынут навсегда, индикаторы зарядки у всех уже были красные. Я подошел к Блинному и попытался его «растормошить» — безрезультатно, «дубль-комбез» нашего командира буквально расплющило каменной глыбой, шлем треснул пополам, глазок видеокамеры безжизненно потух. В ловушку попал отважный прапор, и нас завел, здесь везде были ловушки. Но ведь должен же быть выход!

— Все, я стреляю, — сказал Кеша, откинул прицел базук и навел ее на плиту.

— Я тебе стрельну! — ударил я по «трубе» рукой. — Засыплет на хрен. Николай, ты разобрался в этих письменах?

— Смысла не уловил, но в системе, похоже, разобрался, — сказал Николай, не сводя фонарика с марсианских барелье-

фов, — судя по повторяющимся знакам, вот здесь, внизу, инструкция по открытию дверей.

— А вверх?

— Кажется, героический марсианский эпос.

— Ребята, вы как там? — раздался в наушниках голос Славика с той стороны плиты. Он прикрывал группу сзади, а потому в эту ловушку не угодил.

— Хреново, — ответил я, — пытаемся разобраться.

— А мне что делать?

— Тащи удлинитель к плите и жди...

— Влад, ты сдурел, — заорал вдруг Витька, — Кеша правильно говорит, стрелять надо! Через пять минут мы все сдохнем.

— Заткнись! — рявкнул я. — Николай, давай...

Колян опустился на колени и начал поочередно нажимать какие-то символы на плите. Символы засветились зеленым, плита дрогнула и чуть приподнялась, совсем немного, на пару сантиметров. Мы налегли на нее всей толпой, но тщетно, застряла намертво.

— Штекер! Славка, суй штекер в щель, — заорал я.

— Не лезет! — прохрипело в наушниках, — «вилка» не лезет.

Красный индикатор на моем экране начал отчаянно мигать, сейчас я отключусь...

— Режь провод и суй его в щель! — заорал я. Через секунду из-под плиты появился кончик ярко-желтого кабеля, блеснувший на срезе медным цветом.

— А как будем заряжаться? — спросил Витек, вытягивая кабель из-под плиты.

Я почти бегом кинулся к «дубль-комбезу» Блинного и вырвал гнездо подзарядки.

— Николай, сможешь подсоединить шнур к этому?

— Минут пять надо, не меньше, — сказал Николай, доставая с бедра плазменный паяльник. — А у меня, судя по индикатору, зарядки на пару минут...

— Группа, ситуация «Зеро», — скомандовал я.

Я не был их командиром, командиром группы был Блин, но он, его «дубль-комбез», валялся, раздавленный огромным

камнем. Однако группа послушно встала в круг, обнявшись. Торопясь, я выдергивал аккумуляторные блоки из ранцев «дублей» и бросал их Николаю.

Потом сам опустился на пол у ног Коляна.

— Есть! Есть! Пошла зарядка, — радостно заорал Николай.

— Себя, себя сначала, — успел сказать я, и... наступила темнота...

Мы стояли в одну шеренгу. Куваев закончил зачитывать приказ и взял со стола погоны. Мне три лычки, Николаю две, Иннокентию — одну. Честно говоря, я думал, что замкомандиром группы назначат Николая, но все равно спасибо за доверие...

По поводу присвоения званий нам снова дали увольнительную. Люська снова гладила меня по груди своей мягкой лапкой, ее пахнущее полынью волосы шекотали мне нос, розовый сосочек грудки упирался мне в бочок. Она была такая нежная, эта парикмахерша Люська.

— А ты знаешь, американцы Саддама нашли, — сказала она.

— Американцы? Кишка у них слаба! — заверил я и потянулся за комбинезоном с сержантскими погонями. Над военным городком заиграл сигнал «Подъем», а от хозблока, где я провел бурную ночь, до казармы минут пять бегом.

Едва заревела сирена, мы выскочили во двор и построились. Блинный появился из темноты, козырнул и коротко скомандовал. Мы бегом кинулись к ангару. Блин был тоже в черном комбезе, из чего я сделал вывод, что командовать группой мне сегодня не придется. Наши кары стояли в два ряда, Блинный построил нас и неожиданно толкнул проникновенную речь:

— Товарищи, сегодня у нас очень ответственное задание, учения будут до предела приближены к боевым. Эти экспериментальные модели, — он кивнул в сторону каров, — очень важны для... В общем, очень важны. Сынки, я много учил вас, — голос прапора дрогнул, мне показалось, что на глаза у него навернулись слезы, — я уверен, вы меня не подведете...

Оказалось, наши кары прикреплены решетчатыми штангами к борту той самой чудовищной машины, что мы обкатывали на полигоне. В кабине машины уже виднелась хитрая физия ефрейтора Кеши, правда, теперь он был до предела собран. Блинный же занял место в каре с жирной семеркой на борту.

— Внимание! Загрузка!

«Упырь-1000» двигался по марсианской пустыне, освещаемой лишь всполохами взрывов. Экран перед моими глазами кишел красными точками, враги были повсюду.

— Выбрать цели, но огня не открывать до команды! — приказал Блинный. Я нажал клавишу, борткомпьютер кара тут же сообщил, что взял на прицел двадцать целей по левому борту. Тут же по нам начали стрелять, на защитном колпаке то и дело вспыхивали красные искорки, по идее, надо было открывать ответный огонь, но Блин молчал. Неожиданно «Упыря» сильно тряхнуло, кар № 2 на соседней штанге дернулся и как-то криво повис.

— Докладывает Второй, я подбит. Кар выведен из строя, прикажете выйти из программы?

— Сам цел?

— «Дубль-комбез» в норме, — ответил Витек после небольшой паузы.

— Оставаться в программе.

— Есть...

Вторая граната разорвалась прямо над моей головой, защитный экран покрылся трещинами. Я доложил, но Блин тоже приказал оставаться мне в программе. Положение с каждой минутой становилось все хреновее, гранаты рвались все ближе и ближе... Выручил нас Кеша, он свернул в глубокий кратер, где и остановился...

В наушниках ясно слышалось, как Блин переговаривается с каким-то «Громом». «Гром» кричал, что у них положение еще хуже, и приказал действовать активнее.

— Группа-17, внимание! — приказал Блин. — Сейчас на полной скорости выходим на равнину и, не останавливаясь, открываем огонь. Наша цель — достичь горбатой скалы у входа в канал.

«Упырь» полз, огрызаясь огнем, красные точки на экране исчезали, тут же на их месте возникали другие. Сколько же их здесь? И кто они такие, эти таинственные красные точки? Неожиданно я увидел окоп. Внизу, под самыми колесами нашей чудовищной машины, был окоп. Самый настоящий окоп, как в фильмах про Вторую мировую. В окопе сидели человечки, те самые серые человечки с огромными глазами. Один из них выпрямился во весь свой плюгавый рост и вскинул гранатомет. Но нажать на пуск не успел, колесо «Упыря» наехало на него, и голова марсианина лопнула, как орех. Вот это графика!

А Кеша уже смекнул, что выехал в линию обороны противника, и начал утюжить окопы. Одного марсианина наматало на шипастое колесо прямо у меня на глазах, и при каждом обороте я видел его расплющенное тельце и зеленоватые кишки, волочащиеся за осью колеса. Почему-то мне неожиданно стало плохо, к горлу подкатила тошнота. Не приветствую такого реализма, наверное, программу какой-то маньяк писал...

Внезапно огонь ослаб, а потом и вовсе стих.

— Первый, к скале, — приказал Блинный.

Но доехать до скалы мы так и не сумели, из-под переднего колеса машины вырвался сноп огня, меня сильно потрянуло, я почувствовал, как «Упырь» заваливается набок.

— Вот черт, мина-ловушка! — выругался Блинный. — И когда же они вырыть успели?! Все кары на отстыковку!

«Упырь» все глубже проваливался в красную пыль, и Блин приказал Кеше покинуть машину. Но из программы не выпустил, посадив себе на корму. Наши кары зависли в метре от красной пыли, я локтем вышиб остатки колпака, чтобы Второй, то есть Витек, смог втиснуться ко мне в кабину. В таком виде мы выстроились в цепь и осторожно спланировали в узкий каньон канала.

Это была деревня, марсианская деревня. Домики, похожие на грибы-дождевики, еще какие-то строения, в центре — что-то похожее на огромный мухомор. И отовсюду в нас плевались огнем. Мой кар дымился, валяясь кверху брюхом, рядышком догорала «пятерка» Славика, чуть поодаль «семерка». Спрятав-

шись за ней, бил прицельно из скорострельной пушки Кеша. Его зубы, уже тронутые кариесом, были оскалены в страшной гримасе.

Экран перед моими глазами тревожно мигнул и сообщил, что боезапас исчерпан. Из оружия у меня остался только огнемёт. Я доложил.

— Переместиться в тыл, — приказал Блинный, которому оторвало левый манипулятор, и теперь из обрывка рукава «дубль-комбеза» торчали какие-то искрящиеся провода. — Ждать команды...

Команды долго ждать не пришлось, огонь со стороны деревни стих, и над «мухомором» поднялся... белый флаг. Даже не флаг — не очень свежая простыня с вылинявшим фиолетовым штампиком «в.ч. 11310» в углу.

— Огнемёты, к бою! — приказал прапор.

— Зачем огнемёты? Они же сдаются! — прозвучал в наушниках голос Славика.

— Отставить разговоры, блин лохматый, огнемёты к бою! Если враг сдаётся, его все равно уничтожат!

Мы шли от «дома» к «дому», ударом ноги пробивали сопливую пленку, закрывавшую входные отверстия-«двери», и выжигали все внутри огненными струями. Каждый раз там что-то истошно выло, и каждый раз по-разному.

— Это программа, — твердил я себе без конца, снова и снова. — Это не может быть реальностью, это — компьютерная программа. Марс необитаем, на нем нет жизни.

— Влад! Влад! — истошно завопили у меня за спиной. Я немедленно обернулся. Серый человечек длинной острой пикой пригвоздил Витьку к стене «домика» и теперь размахивался для следующего удара. Я развернул ствол и нажал на гашетку. Пламя мгновенно охватило серого, он вспыхнул, как спичка, на мгновение мне показалось, что голова его обмотана грязным бинтом. Наваждение какое-то! Я помог Витьку подняться на ноги, обдал его струей пены из огнетушителя... Витек сунул палец в дырку на своей груди, там заискрило, и он тихонько, по-идиотски засмеялся.

— Что значит «не могу», Пятый, я приказываю продолжать выполнение задания! — раздалось в наушниках.

Я разглядел на экране две зеленые точки, помеченные «5» и «7», и бросился туда. Славка стоял перед какой-то дымящейся кучей. Самое ужасное было в том, что куча шевелилась. Я подошел поближе, куча сплошь из серых скорченных тел, и они горели заживо. Одна из серых (я почему-то сразу понял, что это самка) с трудом поднялась на тонкие ножки и, подхватив совсем маленького серого детеныша, бросилась бежать...

Блинный повел стволом, нажал на гашетку, и живой факел завертелся на месте.

— Не надо, Слава! — тихо сказал я, заметив движение руки Пятого. Он медленно наводил ствол мини-базуки на нашего командира. Он не успел выстрелить... Блин, вернее, его «дубль-комбез» разлетелся вдребезги на наших глазах. Высокий серый марсианин, стоявший в проходе между домами-грибами, бросил разряженную базуку в красную пыль, сложил тонкие ручонки на груди и с ненавистью глянул на нас своими огромными глазищами. Я опустил ствол огнемета и, не сводя с серого глаз, доложил:

— «Центральная», докладывает Четвертый, группа-17. Седьмой выбыл из программы, какие будут указания?

«Центральная» молчала, связи не было. Что ж, придется брать командование на себя как старшему по званию.

— Внимание, группа-17! Четвертый принял командование группой! Приказываю прекратить огонь и выдвигаться к точке эвакуации.

Шкала зарядки на моем экране тревожно светилась оранжевым. Я бросил огнемет вместе с ранцем в пыль, повернулся к серому спиной и, поддерживая под локоть продолжавшего хихикать Славку, двинулся из деревни.

Я нажал иконку «Print», еще раз прочитал уже на бумаге свой отчет об операции и поставил внизу свою подпись. Аллес, теперь можно и отдохнуть. Сцепив пальцы рук на затылке, я откинулся в кресле, возложил ноги на стол, едва не скинув «клаву» на пол, и замурлыкал: «Дембель в маю, все по...» В общем, без особого значения. Да, скоро май, все растаяло, птички орут оглашенно...

И чего они так носятся с этой операцией? Замучили уже этими отчетами: что, да как, да почему Четвертый принял решение об отходе, а не закончил операцию... Да пошли они в жопу со своей операцией! Учили, что с «оранжевым» уровнем нужно немедленно выдвигаться к месту подзарядки? Учили. Вот я и выдвинулся...

Асправедливости ради стоит признать — классная программа эта атака на марсианскую деревню, и все так реально прорисовано, особенно трупы этих «серых», обугленные. Вторую неделю по ночам снятся, в холодном поту просыпаюсь, жрать ничего не могу, тошнит.

— Ребята! Ребята, скорее! — раздался истошный вопль за дверью. Ради шутки так не орут. Я сорвался с места, грохнув-таки «клаву» на пол, и ринулся в учебный класс.

Славик, судорожно дергаясь, висел на брючном ремешке, каким-то образом привязанном к крюку плафона, его за ноги старался удерживать Кешка. Это он так истошно орал. Я быстро вспрыгнул на стол, на ходу выдергивая штык-нож из ножен, и что есть силы заработал пилой по ремешку. Повалив Кешу, Славик свалился на пол, на шее его явно виделась узкая синюшная полоса. Он, как рыба, судорожно хватал воздух ртом.

— Что ты, глупенький, — одним взмахом я вспорол ножом ворот комбеза, чтобы Славка мог вздохнуть, — что ты задумал-то, братан?

— Они живые, — еле слышно всхлипнул Славик. — Они были живые...

Я постучался, услышав «Войдите», толкнул дверь. Блинный в парадном офицерском кителе на голое тело, в парадной же фуражке с высокой тульей и летными «крылышками» на кокарде сидел за столом с одинокой бутылкой водки и стаканом. Китель был с полковничьими погонами и массой разноцветных планок, означавших медали и ордена разных стран мира. По крайней мере Звезду Героя, Белого Орла, Пурпурное Сердце и орден Почетного Легиона я узнал сразу.

— А, сержант Четвертый. — Блинный махнул рукой, мол, обойдемся без доклада, и указал рукой на стул. Я сел. Пра-

пор, точнее — полковник, достал из ящика стола второй стакан и поставил передо мной.

— Что, дембель, удивлен? — спросил он, наливая водку и кивая на свои погоны.

— Нет, — спокойно ответил я.

— А я и знал, что ты не удивишься, потому как прозорлив, собака! — Он опрокинул в глотку напиток, я подумал и последовал его примеру. Что и говорить, после долгого воздержания стакан водки сразу и без закуси — это слишком круто! Я закашлялся, на глазах у меня выступили слезы. Блинный спохватился, быстро распахнул дверцу сейфа и выставил на стол открытые банки с черной икрой и октопусами. Я закусил головоногим и наконец смог перевести дух.

— А я вот один пью и без закуси, извини уж, — сказал он с каким-то сожалением в голосе. И непонятно было, о чем он сожалеет, то ли о том, что забыл достать закуску, то ли что приходится пить в одиночку. — А ты, как я понял, больше по пивку?

Блин снова залез в сейф и достал две бутылки темного стекла. Пиво! Свежее, в заиндедевших от холода бутылках. Не иначе в сейфе у Блинного холодильник или наоборот?

— В общем, так, Мамичев, не буду тянуть кота за хвост. Останешься контрактником?

Я спокойно скovyрнул пробку с пивной бутылки ногтем большого пальца, как когда-то сам Блинный в раздевалке сауны, и приложился к напитку. Живительная влага быстро охладила мою обожженную глотку.

— Нет, товарищ пра... полковник, не останусь, — заявил я твердо, ставя бутылку на стол.

— Причины? — спросил Блин, разливая остаток водки по стаканам.

— Не люблю быть марионеткой. И убивать тоже не люблю. Блин усмехнулся:

— Все мы марионетки, и все мы убиваем. Окучиваешь картошку — и убиваешь колорадского жука, идешь на рыбалку — убиваешь рыбу, на охоту — зверя.

— Рыба — не человек, — сказал я, цепляя вилкой головку октопуса.

— Какая разница, и то, и другое — живое. Люди всегда убивали себе подобных, Каина и Авеля вспомни.

— Мне всегда не нравился Каин, — признался я.

— Но солдат должен убивать. Помнишь фильм старый с Лановым: «Есть такая профессия — Родину защищать».

— Родину? — усмехнулся я. — Ну ладно, когда мы заваляли этого Хаттаба — понятно, тот еще урод! Когда разнесли на молекулы Усаму — тоже, спасли мир от опасного террориста. Но для кого мы Саддама выкрали? Да еще накануне войны? Вот эти ордена импортные у вас тоже за защиту Родины нашей многострадальной? Да и хрен с ним, с Саддамом... А там, — я ткнул пальцем в потолок, — там от кого мы Родину защищаем?

— Догадался-таки, — усмехнулся Блин. — И не ты один наверняка. Вот так всегда с этими «послевузовиками», всем хороши, только догадливы чересчур. Во всем им надо обязательно разобраться, до всего докопаться. Жалко тебе этих серых человечков?

— Представьте, жалко. Фантастики в детстве много читал, о братьях по разуму мечтал...

— Глупости все это! Тут родные братья глотки друг другу режут за бутылку водки, а он марсиан жалеет. Не хочешь ты, Влад, думать глобально, стратегически. Хоть в стратегических игрушках и силен. Человечество слишком быстро плодится, все разговоры о снижении уровня рождаемости — враки. Сам посмотри, повсеместно в городах идет строительство жилья, многоэтажки как грибы растут, а жилья все равно не хватает, и цены на квадратные метры только в гору лезут. Я уже не говорю про Китай и остальных азиатов — плодятся как кролики. Что же нам теперь, блин лохматый, на головах друг у друга сидеть? Вот и приходится выход искать.

— Значит, Марс давно колонизирован?

— Давно, — махнул рукой Блинный, — еще немцы на своих «ФАУ» туда летали...

Он замолчал, уставившись в одну точку, потом залез рукой под стол:

— Еще по одной?

Я отрицательно мотнул головой и взялся за свое пиво.

— Как знаешь... Значит, отказываешься? Жаль...

Опять непонятно было, что имеет в виду прапор Блин Лохматый с тремя большими звездами на погонах. Ему жаль, что я не составлю ему компанию по распиванию водки или что я не останусь контрактником? А Блинный продолжал:

— Пойми, Влад, не ты, так другие. Это система! Кто-то должен делать и эту работу. Какое тебе дело до марсиан? Все, почти все на Земле уверены, что их нет, что марсиане — сказки. Вспомни себя полгода назад. Вот и относись к ним как к сказке, компьютерной выдумке. Мочи их, чем можешь, благо техника есть! Так получилось — либо мы, либо они. Марсиане должны исчезнуть. Жизнь жестока, и двум цивилизациям нет места в одной солнечной системе, на одной планете, это — аксиома, это не обсуждается. И сделать все надо тайно, чтобы вышедшее в космос человечество не мучилось потом от сознания собственной вины. Пусть космоархеологи потом находят на Марсе остатки великой цивилизации, а человечество будет скорбеть о «братьях по разуму», уничтоживших себя в братоубийственной войне, и делать выводы... Понятно? А пока их надо мочить! Но кто это будет делать? В армию сейчас не идут, от военкоматов откупаются, справки у врачей покупают. Да и властители наши... страну развалили, армию тоже, чуть было до нас не добрались, прикинь, при Горбатом зарплату год не платили, блин лохматый...

— И вы решили проблему финансирования путем выполнения заказов наших иностранных «друзей»? Сколько за Садама-то от американского конгресса получили? Только интересно, а за Марс кто платит, неужто из нашего дырявого бюджета?

— Оно тебе надо, блин лохматый, кто и за что платит?! Я повторяю, это работа, и ее надо делать. И ее будут делать! Не ты, так другие, не мытьем, так катаньем. Через год на рынки выйдет «Война миров-3» — наша разработка.

— Постой, постой. — От возмущения я перешел на «ты». — Ты хочешь сказать, что, врубая эту игрушку в он-лайне, земные детишки будут «мочить» реальных марсиан с помощью наших «дубль-комбезов»?

— Не все, только лучшие из них и на чемпионатах, — ухмыльнулся Блин Лохматый, — чтобы все под контролем было. «Дубль-комбезы» слишком дорого стоят, одна доставка в копеечку влетает. Так что лучше, чтобы эту работу делали не детишки, а настоящие мастера, а ты — мастер!

— Спасибо за комплимент, но не собираюсь здесь гнить заживо...

Глаза Блинного расширились.

— Так, может, ты насчет бытовухи переживаешь? Брось, Влад, останешься контрактником, тут тебе такой оклад положат! Квартира, машина, премиальные!

— И в каком банке их хранить?

— В любом, — не понял моего сарказма Блин. — У нас невыездных нет. Отпуск — на Канарах, выходные — в городе. Тут поблизости такой городок есть уютный, девки как на подбор — медуниверситет и институт культуры, не то что Люська с Шуркой. Казино, не хуже «Вегаса», аквапарк с волнами, как в океане. Выслуга идет год за три, пенсия, как у генерала...

— Похороны за госсчет?

— Ну конечно! А еще... — Блинный осекся и зло посмотрел на меня. — Издеваешься?! Ну что ждет тебя там, на гражданке? Бездомный, по съемным квартирам мыкаешься, работа за гроши, единственная радость — в игрушки погонять в рабочее время да молодуху задрать. Так еще во время интима думать постоянно будешь, хватит у тебя денег на такси, чтобы до конуры своей добраться, или пехом двигать придется по ночному городу...

Я подивился осведомленности Блина о моей гражданской жизни, но нашел, чем парировать:

— Зато у меня не будет желания влезть в петлю, как Славик.

— Дурак ты, — сказал Блинный устало. — Славик — слабак, мальчишка. Брал бы пример с Кеши, вот это вояка, хоть и пацан еще. Ладно, все ясно, вали отсюда, готовься к дембелю. Я думал, ты соображение имеешь, а ты такой же дебил, как этот очкастый Коля. Он тоже отказался, а остальные согласились...

— Каждому свое, — сказал я тихо, вспоминая, как колеса Кешино «Упыря» перемалывали в кашу маленьких серых человечков. — Вы нас... убьете?

— Еще раз дурак! Зачем вас убивать? Потрем память, запишем новую, и будешь ты своим дурам на гражданке заливать, как служил в мотопехоте и бегал за самогоном в соседнюю деревню. Даже дембельский альбом для тебя приготовили для убедительности. Нам же тоже «запасники» нужны, а вдруг как война большая, тут-то тебе твоя память и пригодится.

— Это вряд ли.

— Не ты первый... Ладно, иди, и не советую дергаться, отсюда не сбежишь...

Я и не дергался, я сидел в коридоре около дверей процедурного кабинета и слушал идиотский треп этого дембеля. Дембель с гнутой бляхой на яйцах взалхлеб рассказывал, как они продали местному фермеру хозблоковский трактор «Беларусь» за бочку спирта, а потом пошли в деревню на танцы драться с местными.

Я понимал, что мне сейчас сотрут память и напишут воспоминания этого идиота. Ну и пусть, это лучше, чем просыпаться ночью в холодном поту, вспомнив, как плелся раскаленными струями твой огнемёт, как корчились в огне серые тщедушные фигурки. И Блина Лохматого забыть напрочь, как и не было его. Вот только ребят жалко, особо Кольку, сдружились мы с ним...

Николай вышел из кабинета в обнимку с бритым здоровяком в ушитом до предела хэбэ, уселся на стул и тупо заржал.

— Точно, точно, — поддакнул он дембелю, — этот рыжий тракторист тогда со страху чуть в штаны не наложил...

Бедный Колян, неужели своим интеллигентным родителям он тоже будет рассказывать, как в армии «гонял молодых» и крал у местных кур, чтобы вернуть обратно за выкуп в виде четверти самогона?

Доктор с марлевой маской на лице вышел в коридор и назвал наши фамилии. Мы с дембелем вошли и сели в «зубоврачебные» кресла.

— Слышь, зема, а чё это с нами делать-то будут? — спросил меня дембель шепотом.

— Кардиограмму снимем, блин лохматый, — ответил за меня доктор, мудря над компьютерными клавишами. Голос показался очень знакомым.

Большой экран мигнул, внутри машины что-то загудело.

— Еще не поздно передумать, Влад, — тихо сказал «доктор», подходя ко мне со шлемом.

— Расчет Четвертый, группа-17, — ответил я, как учили. — Ответ отрицательный.

— Жаль, очень жаль, — сказал Блинный, надел мне на голову шлем, опустил забрало и запустил программу. Все смешалось перед моими глазами...

Мы ехали домой, ехали в купейном вагоне, за окнами мелькали маленькие российские деревеньки и лесопосадки, колесные пары ритмично отбивали такт. Что ж, спасибо за отдельное купе.

Я был наряжен в парадку с идиотскими вставками в погонах, с офицерскими пуговицами вместо уставных, даже с аксельбантами на груди. На ногах у меня были ботинки с ужасно высокими каблуками. При ходьбе по асфальту подковки каблуков громко цокали, высекая яркие искры. Видимо — титановые. Я листал «свой» дембельский альбом, пялился в незнакомые мне лица военнослужащих и на себя с этими самыми военнослужащими в обнимку. Вряд ли я был «там» примерным воином (больно уж озорными были некоторые фотографии), но не лохом — это точно, лохи до сержантов редко дослуживаются.

Николай сидел за столом, глядел в окно и порою отхлебывал из стакана с чаем. Он меня не узнавал, видимо, по новой памяти мы «служили» с ним в разных частях. А знаете, когда нас привезли на вокзал к поезду, я тоже сделал вид, что не узнал его. «Не узнал» я и Люську. Она стояла на перроне с букетом цветов и грустно смотрела на меня. А я, скотина, обнимался с тем самым уродом, что диктовал нам письма домой. По новой памяти — он мой лучший армейский

друг. В последний момент Люська таки подошла ко мне, сунула цветы в руки и поцеловала в щеку, а потом крепко в губы. Теперь я понял, что она имела в виду, когда говорила, что «ее любили до потери памяти». А я все равно «не узнал» ее. Скорее всего за мной следили, а на хрена мне еще раз проходить эту процедуру по очистке памяти, далеко не безболезненную. Я часа три после того сеанса блевал и мучился головной болью. Теперь вроде ничего, но память мне почему-то не стерли. Вот так! И как-то получилось, что я помню весь срок, проведенный мною в команде-17, и одновременно могу день за днем рассказать о службе сержанта Мамичева в мотострелковой в.ч. 11310. Даже некоторые лица в этом альбоме я начинал «вспоминать».

Поезд въехал в тоннель, и я зажмурился от яркой вспышки. Когда стало снова светло, я с удивлением увидел, что Николай стоит в центре купе, держа в руках какой-то мудреный приборчик. Приборчик сверкал синими лучами наподобие того, как сверкает мощная вспышка в фотоаппарате.

— Все! — сказал Николай. — Если здесь и были «жучки», то все погорели на хрен. Можешь говорить свободно, привет, Влад.

— Колян? — сказал я, ошарашенный. — Ты меня помнишь?

— А то! — Он отложил свою сверкалку, нацепил очки и быстро начал чертить какой-то мудреный график в тетрадке, извлеченной из-под кителя.

— Так тебе тоже не «промыли мозги»?

— Попробовали бы они, — усмехнулся Николай. — Я, как Блин про контракт заговорил, прикинул, чем это все пахнет, написал программку для ребят нашей команды, кроме Славы, конечно, на хрен не нужны ему такие воспоминания, и запустил ее в головной компьютер базы. Жаль, что понадобилось только нам двоим...

— Ну, Колян, ты мастер! — восхитился я.

Николай скромно улыбнулся и снова принялся чертить свои графики.

Эпилог

Мы с Коляном до сих пор переписываемся по «АСьКе», правда, в наших посланиях ни слова о прошлом. Просто ехали с армии в одном купе два дембеля-земляка, познакомились и подружились. Бывает такое... Николай сейчас в Москве, в какой-то крутой компьютерной конторе, технологиями будущего занимается, а заодно сочиняет добрые компьютерные игрушки, где никого не убивают. Зовет меня к себе, обещает приличное место, но я пока колеблюсь. «Война миров-3», кстати, не вышла, несмотря на мощную рекламную кампанию. Думаю, это тоже Колян постарался.

В «стрелялки» я больше не играю — ни на работе, ни дома. Ни по сети, ни так. Почему-то мне кажется, что, паля из бластера в космического монстра, я убиваю что-то живое, ведь у монстров тоже есть детеныши...

И еще я повадился ходить в местный планетарий и глядеть в телескоп на звездное небо. А еще на Марс, на его каналы, на его горные хребты и полярную шапку. Иногда глаза мои увлажняются, и по щекам катятся слезы. Работники планетария считают меня чуть-чуть сумасшедшим, я на них не обижаюсь...

А еще на днях я получил телеграмму: «В ИРАКЕ ЗАТЕВАЕТСЯ ЗАВАРУШКА тчк ХОЧЕШЬ ПОИГРАТЬ зпт ПОЗВONI тчк БЛИН ЛОХМАТЫЙ тчк».

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 2012 ГОДА, ИЛИ ЦВЕТЫ ТЕХНОЖИЗНИ

Повесть из цикла «Откровенный русский киберпанк»

Глава 1. До войны

1

Пожалуй, запахи Грамматикову сейчас мешали даже больше, чем шумы.

Пережаренный картофель, табачный дым, перегар. Мама не верит, что он чувствует перегар, который исходит сосед Стасик, лежащий за стеной на диване, продавленном многими поколениями алкашей. Исходит всеми своими порами вместе с запахом мочи от штанов, ни разу не стиранных за последние сто лет. Из его глаз и ушей выходят сивушные испарения раскисшего мозга, где нейроны плавают в сомнительном самогоне. Самогон гонят из саморазрушающегося пластика бородатые дяди с хищными глазами, а продают добрые бабушки, которые даже не знают такое слово: «краун-эфир».

И шум тоже мешает. Стасик, конечно же, забыл выключить телевизор, приклеенный у него прямо к стене.

Музыка из трех нот как ложка перемешивает мысли в его голове. Но особенно задолбали новости. Музыка, новости, музыка, новости. В перерывах между музыкой в выпусках новостей приближается война. Война похожа на зверя, у которого вместо шерсти факелы ракетных запусков, вместо дыхания — лучи радаров, а вместо инстинктов — страницы из уставов и штабных директив.

Уже сейчас известно, что война продлится недолго, что нас больно побьют и что она получит имя «Сибирская война». Если точнее, *Cyberian War*, типа сибирско-кибернетическая.

Надо успеть до ее начала, до рева сирен, до запаха портянок! Лишь бы она не прыгнула ему на загривок сегодня или завтра. Хоть бы отхватить у нее неделю, а еще лучше десять дней...

Со вчерашнего дня Би-би-си ухитрилась забить со спутниковых станций передачи нашего телевидения. Бибисишный диктор говорит с хорошо синтезированным простонародным сибирским акцентом, окает, чёкает. Говорит, что российское правительство пограло демократические свободы, отобрав контрольный пакет акций компании «Таймыр Ойл» у коренных народов Сибири и таких-то законных владельцев. Говорит, что Россия в нарушение Рижского соглашения не выводит свои войска из Западной Сибири. Говорит, Россия до сих пор не выдала международному трибуналу военных преступников, устроивших расправу над мирным оленеводческим населением тундры...

Андрей Грамматиков завидовал соседу по коммуналке. Стасика заботит только сдача стеклотары, да и то не очень. Если надо, то добрые бабушки и так нальют. Стасик смотрит на мир, как будто это — мутное бутылочное стекло, за которым есть что-то еще. Зеленая многоградусная Бездна...

Стеклотара. Хотя мама перед отъездом на дачу оставила Грамматикову всю свою офицерскую пенсию, деньги почти все уже ушли. Работа движется куда медленнее. Стеклотара. Можно было бы и сдать, но где ее нынче найдешь в краю

саморазрушающихся пластиковых упаковок? Только истинно первобытные собиратели вроде Стасика могли еще накопить пять-шесть бутылок за день...

Попробовать положить грелку на шею, разогреть увядшие кровеносные сосуды, но идти на кухню за горячей водой — опасно. Марина Аслановна на тропе войны, вон как грохочет кастрюлями.

На лице у творца, не отличавшемся ни красотой, ни мужественностью, были ссадины и даже синяк.

Марина Аслановна вчера ударила. Только не сверхлегкой полиуглеродной сковородкой, а допотопной чугунной. От нее пахло адреналином и тестостероном, а под носом в горячих ветрах звериного дыхания развевались хорошо заметные усики...

Мономолекулярные экраны, плавающие как линзы в глазах Грамматикова, помещали виртуальное окошко для сетевых сообщений слева от него.

Поэтому как бы прямо в воздухе висел очередной отказ от издателя. Невежливый. Всего из пяти сизых одутловатых слов. «Дорогой Андрюша, не мешай работать». Отказ тыкался в лицо Грамматикову, как дуля. Его научно-художественно-философская книга называлась бы «Кому мешает техно-жизнь?».

Теперь остается спустить и текст, и картинки в канализацию всемирной сети, где от них будут с лентой отщипывать профессиональные гиены-плагиаторы. Сленцией, потому что на этом ничего не заработаешь, другое дело, если бы книга была посвящена порносадистскому людоедству и называлась бы «Тело как блюдо любви».

Справа томился абсолютно реальный покосившийся шкаф, напоминающий геологический разрез: снизу энциклопедии, утрамбованные до гранитной плотности, выше — отложения всякой журнальной ветоши. Найти смысл этому шкафу сегодня было трудно — чип, встроенный в зубной протез, содержал информации на порядок больше. Впрочем, к стенкам шкафа были прицеплены пожелтевшие фотографии предков, наклеенные на истрепанный картон. Прабабушке баронессе фон Урман подарил томик своих стихов сам

Николай Гумилев. Наверное, предварительно лишив ее невинности в кабриолете. В этом непутевом роду иначе и не могло быть.

Андрей Грамматиков посмотрел в другое виртуальное окно и зевнул.

Там мельтешило что-то напоминающее гроздь шаров. Это были атомы и молекулы. Руки Андрея, обтянутые цифровыми перчатками, манипулировали структурой вещества в виртуальном окне. Руки чувствовали неприличное притяжение, когда атомы и молекулы стремились по-быстрому вступить в связь, и отталкивание, когда они явно не переваривали друг друга. Атомы попискивали, молекулы похрюкивали.

И это не было игрой в виртуальном пространстве.

На реальном столе стояла реальная тарелка. В ней — что-то похожее на мамочкин бульон, даже с желтыми кругляшками жира.

Похожее, но еще лучше. Лучше мамочкиного бульона для Андрея Грамматикова могли быть только техноклетки в коллоидном растворе, кое-где с агрегацией в виде геля. Техноклеточки любимые и драгоценные. Ядра-процессоры на квантовых точках. Клеточные мембраны, способные когерентно передавать сигналы в миллиметровом диапазоне. И все такое прочее.

От громоздкого, размером с мыльницу, компьютера тянулось к тарелке несколько оптических проводов, каждый из которых заканчивался «ложечкой» фуллеренового чипа. Ложечки были прихвачены к краям тарелки пластырем. Справа от тарелки — двойной трипод наноманипулятора, похожий на задумавшегося инопланетянина. Самая дорогая вещь в его доме, за которую пришлось не без трепета отдать подлинную картину художника Ге...

Чувствительность была сильной стороной Андрея Грамматикова. С помощью своей чувствительности он мог сделать больше, чем трое выпускников самых престижных университетов с предельно сильным абстрактным математическим мышлением.

Но в то же время чувствительность ему и мешала.

Вражеские звуки и запахи пробивали стену все мощнее. Марина Аслановна бьет копытом. Стасик перешел в фазу трупного разложения. Его труп, похожий на рвоту, стекает с кровати. Какая-то птичка кричит за окном, словно ее насилюют. А может, ее и в самом деле насилюют? Сегодня насилюют всех, кто ослабел или просто зазевался. Конец зимы. Почерневшие остатки снега напоминают зубы Стасика. Тьфу, опять Стасик.

Рободиктор из Би-би-си с неизменным «оканьем» вещает о военных преступлениях русских спецназовцев на Таймыре... На одном оленеводческом стойбище правозащитники из организации «Дудаев Мемориал» нашли пять трупов мирных жителей, на другом — семь. Все оленеводы были уничтожены с применением оружия массового поражения — отравляющих веществ, что является прямым нарушением Женевской конвенции. Представители долгано-ненецкого национального конгресса заявляют о геноциде, которому подвергла Москва некогда многочисленные народы древней таймырской цивилизации в течение последних четырехсот лет...

Сегодня у Андрея Грамматикова полный пролет. И завтра техноклетки в этой тарелке распадутся, и у него не будет бабла, чтобы купить нанокристаллы у Вовки, что пасется около ДК имени Крупской темными дождливыми вечерами. Увы, техноклетки вырастают только из Вовкиных программируемых кристаллов.

Из какой же лаборатории Вова тащит капсулы с нанокристаллами, чтобы толкать по цене бутылки водки?

Да, собственно, один ли... Завтра в моем пыльном кармане не найдется и на полкило синтетической колбасы со скромной этикеткой «Колпинская механохимическая фабрика по переработке канализационных стоков».

До слез стало жалко и своей головы с застывшим комом мыслей, и прабабушки, баронессы, которую принесли в жертву мартеновским печам и домнам, и всех предков, чьи тонкие косточки были перемолоты танками, тракторами, станками и прочей грубой машинерией. Наверное, тогда нельзя было иначе. Надо было за десять лет нахрапом и рывком сделать то, что хитрые и расчетливые западные народы делают

за сто лет. Иначе бы они нас утилизovali, как дагомейских негров, или стерли бы с географической карты, как тасманийских аборигенов.

Андрей Грамматиков еще раз посмотрел на обиженное лицо прабабушки, и его рука в цифровой перчатке коснулась дрожащих атомных шариков...

После очередного штурма на этом пространстве, растекавшемся между Балтикой и Монголией, всегда наступает спячка...

Истошенные мозги уже не слушались стимботов. Так всегда бывает, как переборщишь с этими крохотными активистами, дрючащими его синапсы.

Тяжело опустились веки, как бронированные жалюзи в пригородном магазине. Глаза словно погружались в гудящую тьму. Но когда Андрей с великим трудом открыл их... то в тарелке уже был не просто коллоидный раствор техноклеток! А совместно функционирующий конгломерат, настоящая колония техноклеток, организованно откликающаяся на вызовы пользовательского интерфейса.

Водно мгновение, с величайшей готовностью, сознание Андрея очистилось от сна — и он увидел города будущего. Живые дома, похожие на гигантские анемоны, кораллы, радиолярии. Живые магистрали, точь-в-точь огромные змеи, извивающиеся среди живых небоскребов. Живые машины, размножающиеся почкованием и живорождением новых машин. Живые системы, освобождающие живых людей от гнета тупой материи, от засилья мертвых систем и механизмов. Живая думающая техника, которая не требует жертв, как стальные и чугунные молохи столетней давности.

К нам на помощь спешат не бездушные производительные силы, а техnodрузья, которые подарят нам свою любовь и сочувствие, которые утрут нам пот, слезы и сопли...

А чудо в тарелке было символом всего этого будущего великолепия. Оно было зародышем грядущего мира.

Андрей поднес палец к зеленому пупырчатому отростку с крохотными белыми волосками, и тот слегка «привстал»... Волоски оказались крючочками, которые вошли в кожу человека.

Появились три капельки крови. Андрей отдернул руку, но не с возмущением, а с благодарным трепетом, с которым отец воспринимает первый укус своего маленького сына.

Это — нормальный метаболизм. Колония техноклеток уже питается, как все приличные живые существа, готовой органикой, окисляя ее до воды и углекислого газа. Задача «быть живым» распределяется на миллионы подзадач, которые успешно решаются процессорами, находящимися в ядре каждой техноклетки...

Зазвонил телефон, старый, засаленный. Грамматикиков схватил трубку и закричал:

— Мама! Оно живет! Растет, питается.

— Я не твоя мама, я не умею жарить котлетки и вытирать тебе попку. — Голос в трубке был молодым, нежным, а не старческим, дребезжащим.

— Все ясно, девушка, вы сильно ошиблись номером. По этому номеру звонит только моя мама, потому что тут живет один маленький мальчик с соплей из отработанных стимбо-тов под носом.

— Извини, — сказала девушка, — но судя по твоему голосу, ты — давно не мальчик.

— Это только по голосу. Да и паспорт врет, что мне тридцать три. В самом деле, если бы мне было тридцать три, то я, конечно, обскакал бы Александра Македонского и уж как минимум завоевал бы Персию и Индию.

— И скончался бы в страшных муках от переизбытка славы, — поддержала девушка. — А кто растет, кто питается? Ты завел морскую свинку?

— Это... это трудно объяснить, это то, чего раньше не было.

Голос на том конце трубки стал затухать, как огонек свечи.

— Похоже, я действительно ошиблась номером. Да, мальчик, тебя еще рано поздравлять с днем защитника Отечества.

Раздался гудок, голос со смешком исчез, втянулся в прекрасный новый мир алмазoidных башен Васильевского острова или уютных кафешек Петроградской стороны...

Андрей стал тереть задрожавшие руки. Как устроен человек? Несерьезно устроен. Чуда в тарелке ему мало. Пре-

кратившей ржать и бить копытом Марины Аслановны — тоже мало. Ему еще и подавай в день защитника Отечества зеленоглазую красотку с бархатным голосом и рыжей косой до попы.

Телефон зазвонил снова.

— Ну да, мам, слушаю. Ты когда с дачи приедешь?

— Мам сейчас пьет чай с вареньем? — Голос на том конце все тот же молодой, нежный. Прямо недоразумение в квадрате. На секунду у Грамматикова даже появилась мысль, что это говорит чат-бот, удачно прошедший тест Тьюринга. Сейчас предложит купить одноразовые носовые платки со скидкой или средство от ожирения.

— Но вы, девушка, наверное, снова ошиблись номером.

— В первый раз я ошиблась, а теперь я хочу узнать про это... то, чего раньше не было. Тем более и день подходящий.

2

Она не была зеленоглазой и рыжей. Но она была что надо! Вера Лозинская оказалась тоненькой брюнеточкой. Стильной. Фотоническая татуировка чего стоит — змейки из изумрудного огня как будто ползут по ее предплечьям. И первое чувство, которое испытал Андрей Грамматиков при встрече со стильной Верой, был стыд.

Как ни прибирался, ничего путного в квартире ему добиться не удалось. Мицеллярная тряпка-грязеедка скорее размазывала, чем поглощала грязь. Да, Андрей перешелкал мухобойкой все рекламные пузыри, мерцающие спамом (едва откроешь форточку, и уже не пропихнуться, столько налетело). Но от них остались светящиеся потеки на стенах, эти макромолекулы — такое стойкое дерьмо. Да, взял напрокат у Константина Петровича декоративный водопад со сжиженным гелием, текущим вверх на манер картин Эшера. Но это штука смотрелась на фоне обшарпанных обоев так же нелепо, как и фрак на бомже. И статуэтка металлорганической девушки, всегда готовой взмахнуть веслом, едва щелкнешь

ее по заду, демонстрировала уже не чудеса молекулярной механики, а плохой вкус.

Впрочем, брюнетка оценила фотографию прабабушки.

— Классно. Состаренная бумага. И телка в правильном прикиде. Предок?

Прабабушка была, пожалуй, похожа на Веру, только взгляд совсем другой и без музыкальной жвачки во рту.

— Предок. Баронесса, кстати, — нашел чем похвастаться Грамматиков, мучительно сознавая, что у его квартиры слишком скромное обаяние.

— А что, в Рашке разве были баронессы?

Слово «Рашка» покорило Андрея, но недовольство сразу улетучилось. Девушки вроде Веры всегда правы.

— Баронессы были. Остзейского, то есть прибалтийского происхождения. А вот мой прапрадедушка, действительный статский советник...

— Тебе нужны точно такие же сексуальные усы. — Вера сравнила портреты прадеда и правнука, приложив лицо Грамматикова к фотокарточке своей аккуратной, но сильной ручкой. — Если не растут, могу снабдить классным геночипом.

Она так и осталась с ним на «ты», здорово. Хотя Андрей чувствовал, что это скорее всего свидетельство ее пренебрежения его персоной.

— А теперь расскажи мне про твое чудо-юдо, — попросила Вера.

Андрей говорил и говорил, хотя понимал, что этого делать не стоит. Что нельзя раскрывать постороннему то, что не слишком ясно самому себе.

— ...Это без преувеличения новый уровень нанотехнологии. Не просто стая наноботов, которые собирают атом за атомом, молекула за молекулой какую-то конструкцию, а затем тихо-мирно выпадают в осадок. Мне удалось собрать техноклетку, затем от одной техноклетки перейти к техноклеточному конгломерату с собственной сигнальной системой и энергетикой. А теперь у меня целая колония техноклеток. Да что там колония, это без пяти минут организм, способный расти, размножаться, приспосабливаться, саморазви-

ваться. А сейчас я учу мыслить этот почти-организм, мы идем от тупого перебора вариантов к стратегии.

— Ты про эту грязь в тарелке? — уточнила Вера. Андрей подумал, что ее речь явно не дотягивает до тайны, которая есть в ее глазах, в линиях ее тела...

— Вот именно, я хочу, чтобы эта «грязь в тарелке» не была нам чужой, чтобы она могла общаться с нами. Уверен, что она уже чувствует нас, а скоро будет понимать нас.

— А кто ты по образованию? — Вера провела пальчиком по рубашке Андрея, да так, что его внутренние органы ментально встали по стойке «смирно».

— Я... — Он замялся, вспоминая. Но вспоминались почему-то только уроки в кружке балльных танцев. Называть в качестве *alma mater* институт пищевой промышленности было совсем не в жилу. — Я по образованию никто. Немного программист, может быть, еще художник. Вон смотри, там, на стене, анимэ-картина: «Лаокоон с сыновьями избавляется от компьютерных червей». Это я нарисовал микросхемной краской.

Девушка мазнула взглядом вежливости по отчаянно сражающемуся семейству Лаокоона.

— Я-то думала, что это схема городской канализации... Но ты не математик, правда? Тебе определенно нужен математик, парень с головой, набитой цифирьками.

Не дожидаясь ответа, Вера уже названивала куда-то, только не крутя скрипучий диск засаленного черного телефона, а пощелкивая пальцами, через скин-коннектор. Это несколько покорило Андрея. Не прошло и получаса, а она уже распоряжается...

Вера прошла и вдоль пыльных полок его книжного шкафа.

— По части книжек ты — супермен. Слушай, а сколько их надо, чтобы считаться крутым в твоей тусовке?

— Я чай сделаю, — отозвался невпопад Андрей. — У меня даже пирожные есть, почти свежие.

— Извини, я никогда не пью в гостях. Можно таких живчиков наглотаться. Ну, понимаешь, я про ботов...

От отсутствия общих тем стало немного неловко, но тут грохотнул древний дверной звонок, и из коридора в комнату прорвался зычный голос Марины Аслановны.

— Чего не открываешь, Андрюха? Кто ты таков, чтобы хвост задирать? Штаны на тебе и то из магазина «секонд-хэнд» при городском морге. Голубь ты мой дигитальный, надо меньше щелкать клювом.

Позорит, засранка. А на пороге коммунальной квартиры стоит представительный мужчина. В его глазах светится надменность превосходящего разума. Стильный мужик. Кончики его волос подмигивают благодаря фотонике, и парфюмерии дорогой на него вылит немерено, афродизиаки для баб и все такое. За ухом — разъем для нейрокарты, так вроде принято у программеров. Подчеркнуто заметный, как татуировка, скин-коннектор на кистях рук. Фраерский шарфик на шее. На шарфике насекомое под бронзу, египетский скарабей. Шевелится, чертяка-робоинсект.

Еще этот мужик был похож своими нахальными рыжими усами на капрала какой-то давно позабытой королевской армии. А белобрысая патлатая девка рядом с ним — на маркитантку нестрогих нравов.

— Вот это я — Боря. Анатомически говоря, мужчина средних лет, предрасположенный к апоплексическому удару и геморроидальным шишкам, — представился «капрал». — И тем не менее не бойся меня. Я не из агентства по перепродаже недвижимости. Блондинка со мной пришла. Верь не верь, но Леночка вовсе не из бюро добрых сексуальных услуг. Она — натуральный кандидат каких-то там наук. А гражданка-то Лозинская далеко? Не растворил ее slučajем в кислых щах?

— Еще нет. Вы проходите. — Андрей несколько несобранно махнул рукой.

— И пройду. Ведь мы сюда не приторчать пришли, а ради познакомиться с непризнанным гением... — Боря решительно шагнул вперед и едва не поскользнулся на лужице, которую по обычаю предков оставила киска Мурка. Марина Аслановна отчаянно бросилась на защиту «бедного животного», которому представительный гость отвесил хорошего пинка. Но прежде чем киска укрылась на ложбинке между увесистых грудей «мамочки», гость еще раз прилично угостил «подлую тварь» по заду. Похоже, это сломало не знавшую доселе поражений соседку, и она с выражением страдания на лице укрылась в своей комнате.

Хотя новоявленный Борис обменялся с Верой лишь мимолетными взглядами, Андрей сразу подумал, что их связывает что-то серьезное. А вот Лена скорее всего лишь прокладка между ними. Хотя это серьезное — вряд ли любовь. Скорее — деньги. Или что-то еще...

— И где твоя чудесная тарелка, гений? — Гость Борис, не сбиваясь с курса, уверенно подошел к столу. И заиграл всей своей размашистой пятерней на виртуальной клавиатуре компьютера.

— Позвольте я вам объясню.

— Сам разберусь, не дурак покамест. Дай-ка лучше спецификацию программного интерфейса, — сказал в лоб Боря. — Да ты не бойся, я именно тот, кто схватывает на скаку.

Он, не глядя, протянул визитную чип-карту:

«Борис Дворкин. НАСА, российский филиал. Марсианский проект».

— А я — Андрей Грамматиков.

— Не врешь? «Материалы с нужными свойствами, молекулярные машины с программируемыми функциями, все это хорошо только для корпораций. Потому что можно включить бешеную стоимость разработки в товары, которые раньше стоили копейки. Но нам, людям, нужна техножизнь, чтобы спастись от одиночества». Ну как, тебе приятно? Знаешь небось, кого я цитирую?

— Знаю, меня. — Андрей прочитал ехидство в глазах собеседника, и ему опять стало не по себе. Гость явно не мучился со своим мозгом, как Грамматиков, не блуждал в темных закоулках серого вещества в поисках смысла. Мозг господина Дворкина был как армия дисциплинированных солдат, которая всегда наготове и способна нанести массированный удар на любом участке фронта.

— Так уж получается, господин Грамматиков, что я запоминаю наиболее глупые фразы. Не нам это нужно. Нам и так сгодится, потому что мы работаем в корпорациях. Какое уж там одиночество? Корпорации — это такие большие дружные стаи прожорливых кровососущих насекомых. А знаешь, какие у нас корпоративные вечеринки с длинноногими секретаршами, истинными кудесницами в своем деле? Их кло-

нировали специально для высоких стульев около стойки бара ну и чтобы нам не было одиноко в джакузи. Нет, техножизнь нужна только тебе, заплутавшему псу-рыцарю.

— А в конце, когда кудесницы будут общаться уже не с вами?

— Вот об этом я только сейчас подумал. — Ехидство словно смыло из глаз Бориса. — В конце — какой-нибудь довольно приличный дом престарелых. Правда, из друзей и близких остались только рекламные чат-боты. Одна трубка закачивает сладкую кашу мне в рот, другая трубка откачивает несладкую кашу из попы. И вот последний дрыг ногами. Меня еще катят в морг, а уборщица торопится собрать оставшиеся от меня ничемные безделушки в большой красивый мешок для мусора. Работники крематория, кстати, любят палить трупы давно забытых людей. Процедура прощания сведена к минимуму, гроб делается из картона, и можно в сэкономленное время выпить чашечку кофе.

3

Через несколько секунд гость снова вошел в нормальный рабочий режим.

— Да, мы умеем контролировать материю на уровне молекул. Мастерить сверхпрочные нанотрубки для лифта на орбиту, боевые экзоскелеты не толще сосисочной упаковки, чтобы солдаты бесстрашно прыгали в огонь и в воду, абсолютный клей, чтобы вражеские танки не проехали мимо героев-панфиловцев и навсегда прилипли в виде памятников, сияющие диамантоидные пленки, чтобы надувать небоскребы, тошнотворно питательную синтетическую колбасу для социально слабых. Да, конечно, наши медботы — мастера делать генные припарки для увеличения размеров бюста или выпуклости ягодиц. Но в жизни, к примеру, этой коммуналки практически ничего не изменилось за последние двадцать лет...

За разговором Борис Дворкин просматривал спецификацию программного интерфейса, причем с такой скоростью, что Грамматиков не успевал даже заметить номер страницы.

— А знаешь, барон, почему ничего не изменилось? Твои соседи не желают вертеться, зарабатывать, листать с придыханием модные журналы. Не хотят платить за нанотехнические чудеса. Возможно, у твоих соседей и так бюст большой, а ягодицы выпуклее некуда. Или они предпочитают вечные пол-литровые ценности сиюминутным прибабасам. Наверное, они думают: а на хрена нам эти наносборщики материальных объектов? Ведь из говна получается говно, хоть переставь ты там все молекулы. Но в любом случае за шиш и получишь шиш, по крайней мере в экономике, ориентированной на выколачивание прибыли из ближнего своего... Кстати, Леночка, а как ты смотришь на эту функцию?

И Лена, которая, казалось бы, умеет только визгливо хихикать, вдруг начинала править в графическом редакторе «фазовый портрет» всей технобиологической системы.

А Боря, сам не переставая работать, продолжал общаться в «фоновом режиме»:

— Но ты, барон, насколько я понял, выбрал третий путь и вознамерился изменить весь мир в нужную тебе лично сторону?

— Да с чего вы взяли, Дворкин? — наконец возмутился Андрей.

— Так, приснилось. Но ты же не хочешь, чтобы при звуках твоей фамилии девушки переспрашивали: «Чаво-чаво?» А теперь подсядь ближе. Тебе не кажется, что твоя техножизнь готова к еще одному качественному скачку?

Борис Дворкин действовал лучше всякого стимулятора. Он вытащил из кармана и всунул в компьютерную стойку плоский спинтронный сервер с лейблом «Наномайнд» — это ж аппаратура, специально предназначенная для операций с наноразмерностями!

— Считай, Андрей, что ты теперь пересел из телеги в «мерседес». Но, пожалуй, ты и сам нуждаешься в усовершенствовании. Вера, давай-ка займись товарищем.

Сжав пальцы Андрея своими нежными и неожиданно сильными пальцами (еще немного надави, и будет больно),

она, игриво поведя глазками, куснула его указательный... У укушенного аж заиндевело все внутри... никаких ботов она не боится, неправду сказала, просто не хотела его чай пить...

Вера провела чем-то похожим на губную помаду по подушечкам всех его пальцев.

Грамматиков посмотрел на свои усовершенствованные руки, в которых теперь лежали виртуальные атомы, имеющие размер с крупное куриное яйцо и соединенные паутинками взаимодействий. А еще молекулы, похожие на гроздья винограда. Он отлично чувствовал характеристики химических и ван-дер-ваальсовых связей через дрожание, тряску и прочие вибрации. Надо ж, как быстро сформировался скин-коннектор на подушечках его пальцев.

— Ну, так удобнее? — нарочито заботливым голосом поинтересовался Борис Дворкин. — И что самое приятное, фирма угощает, так что завтра не придет счет за услуги на пару сотен баксов.

Через пару часов совместной работы Андрей понял, что «прошел в дамки».

«Жирные пятна» в тарелке превратились в студенок, напоминающий по форме медузу. Студенок тянулся к органике, свету и теплу.

— Теперь эта технотварь действительно тебя чувствует, а возможно, даже и думает о тебе. Что-нибудь хорошее думает, ты же для нее папа Карло. Ах, тятя, тятенька. — Дворкин покрутил рыжий кавалерийский ус, как бы в задумчивости. — Но представляю, какие у нее планы на человечество, учитывая ее зверский аппетит. А особенно прожорливой она станет, когда начнет размножаться. Ну, это мы к Восьмому марта доделаем. Преподнесешь цветы техножизни в подарок Верке. Точно?

На какое-то время Грамматиков перестал слышать Дворкина. В его цифровых пальцах сейчас дрожали уже не просто шарики углерода и водорода. Его руки как будто касались Бездны, которую заполняла молчаливая сила. Бездна своей безмерной властью сама ограничивала себя, иначе бы ничего не было, кроме нее. На ее границе недолговременной рябью возникало сущее. Материя, пространство, время, дви-

жение, жизнь, мысль — не более чем легкое волнение этого океана вечности. Каждая частица материи — лишь тоненький ручеек энергии, проходящий через крохотный затвор на границе Бездны. Чуть побольше откроешь затвор — и энергия затопит наш тусклый пленочный мир, сожжет его к ед-рене фене.

Виртуальное окно стало таким пронзительно-емким, буд-то на границе зрительных и осязательных центров мозга сфор-мировались тайные нейроинтерфейсы, способные превращать прикосновения Бездны в возбуждения нервных клеток.

— Эй, барон, ты в порядке? У тебя сейчас взгляд как у Николая Угодника. — Дворкин помахал ладонью перед лицом Грамматикова.

Бездна отодвинулась. В уши проник бубнеж настенного телевизора из комнаты Стасика. Грамматиков почувствовал смертельную усталость. Ему уже ничего не хотелось, даже спать.

— Как вы думаете, Борис, война-то будет?

— Не будет, так что героем России тебе не стать. Наше начальство стухнет и подпишет рижскую бумажку, акции вернет да еще неустойку заплатит нефтяным вождям. Может, еще прикроет пару крупных русских заводов, чтобы не создавали конкуренцию забугорным брэндам. Куда начальству деваться, если оно привыкло отовариваться в токийских бутиках и покрывать свое рыхлое тело золотистым загаром на Таити?

— Но про двенадцать мирных трупов в таймырских чу-мах — это ж брех.

— Я тебе дам брех. Правозащитники из «Дудаев Мемори-ал» во главе с бесстрашной Лерой Найдорф честно напоили суррогатным спиртом бедных оленеводов, которые всегда рады оттянуться за чужой счет... Однако ж и прогрессивную мировую общественность надо было чем-то воодушевить, согласись? А мировую прогрессивную общественность на мя-кине не проведешь. Она привыкла к крутым зрелищам — пор-но пополам с экшн. Когти вервольфа, с которых свисают выр-ванные кишки и прочие органы. Обагренные кровью зубы людоеда, непременно с жутким кариесом и дуплами. И все — крупным планом, в полный рост. Император Нерон по срав-

нению с нынешними затейниками — бледный забитый мальчик. Вот и крутят бибисишники по телеку синюшные трупы оленеводов, павших жертвой «русских зверств»: глаза выпучены, языки высунуты, блевотня на малицах... Но вообще, надо признаться, мы заслуживаем хорошей взбучки за то, что тысячу лет ссымся в собственных подъездах. А на Западе тем временем мужчины даже забыли, что такое мочиться стоя. Только сидя, а потом непременно пожалуйте на биде.

Спорить не хотелось. Даже фразы не склеивались.

— Но, Борис, подъезды подъездами, а Сибирь-то... освоили наши... казаки всякие, Ермак Тимофеевич, и так далее, зэки, комсомольцы.

— И где теперь казаки и зэки с Чудаком Тимофеевичем во главе? Вот и ты в одном популярном месте сидишь. Не надоело? Да забудь ты все это. Нам плевать, будет война или не будет война. Победят ли борцы за «свободу личности» с сильно истрепанным анальным отверстием или фаллически негнибаемые борцы за «свободу родины». Те, кто пишет сидя, или те, кто пишет стоя. Врут и те, и другие. Свобода — это ведь что?

— Свобода — это когда...

— Задумался, барон? Сегодня свобода — это когда из тебя кто-то сосет кровь, мозги и деньги, а ты смотришь телек, дуешь пиво и доволен. Но завтра придет настоящая свобода. Это когда у тебя есть сила и ты знаешь, как ее употребить. Завтра, барон, весь мир станет другим, из плоского превратится в объемный, глубокий, и всем хватит места в Бездне. Согласись, что я озвучиваю в общем-то твои собственные мысли.

Из окна проник какой-то странный свет, который бы во времена бабушки-баронессы называли бы неземным.

Грамматилов подошел к окну, тут Вера своими пальцами (какими же дуалистически нежно-сильными они могут быть) взяла его за руку, они выглянули наружу и...

У Андрея так захватило дух, что даже затошнило. Ниже ничего не было. Только гряда облаков. Выше напряженно синее небо. По бокам... Фрагмент дома был вделан в парящую скалу, которая больше всего походила на гигантский алмаз. Но этот алмаз был легче воздуха, наверное, «скала» была склеена из диамантоидной пленки и накачана гелием.

Облака внизу разошлись, образовав обширный проем. По блескам воды и очертаниям берега Андрей понял, что внизу Петербург.

Вернее, внизу должен быть Петербург.

Но там Андрей видит стволы, ветви и пневматофоры громадных техноорганизмов, которые поглощают дома, улицы, каналы... Город гибнет на его глазах! Город, переживший блокаду!

Грамматиков стал медленно сползать на пол... и тут раздался хоровой здоровый смех Бориса, Лены и Веры, переходящий в откровенное ржание.

— Розыгрыш, прикол! Вы обкакались на глазах у всего честного народа. Эй, бабуля за стенкой, принеси тазик для чистосердечного блевания...

«Гибнущий Питер» — это всего лишь виртуальные картинки, переданные Верой через скин-коннектор. Дешево и смешно.

4

В три часа ночи Борис и Лена легли на матрас под столом и, против ожидания, сразу затихли. Вера и Андрей остались на изохоженном клопами диване. Это еще меньше укладывалось в его голове, чем бурный рост колонии техноклеток. Теперь у него столько друзей... Полночи он смотрел на лицо Веры. Лунный свет лился по блестящим волосам на ее щеку, превращая плоть в живое серебро. Живое серебро втекало в расширенные зрачки Грамматикова, скользило по маслянистой миелиновой оболочке его нейронов, насыщало его мозг сладковатым шепотом, отдаваясь в горле и груди нежными вихрями.

Лишь под утро он заснул. Разбудил его рекламный пузырь, пожаловавший через слегка приоткрытую форточку. Пузырь повис над головой и зашептал, разгоняя сон. «Дорогой господин... господин Грамматиков, вы слышите меня, Андрей Андреевич? Вы несчастливы? Вы сексуально не удов-

летворены? Мы беремся сделать вас счастливым. Геночип фирмы «Кама-с-утра» позволит вам вырастить новый полнотью функциональный пенис на спине».

Вот дьявол, пузырь считал имя, отчество и фамилию потенциального покупателя с радиометки, прилепленной к окну метким выстрелом рекламного снайпера. Вон клякса виднеется чуть выше подоконника...

Грамматиков на ощупь подхватил с тумбочки толстый журнал и метким броском уничтожил нарушителя утреннего спокойствия. Потом вспомнил то, что творилось в его квартире вечером и ночью.

Было довольно рано, но новые друзья уже исчезли. И даже записки от них не осталось.

Какой-то запах внезапно атаковал его нос, вернее, отсутствие запаха. Он потянул воздух и понял, что Стасик пахнет иначе, чем вчера. И Марина Аслановна не храпит, не втягивает кубометры воздуха и не выдает их обратно, обогатив углекислым газом.

Комнату Андрея и комнату грозной соседки разделяла стена, которая в значительной степени состояла из двери, заколоченной и обклеенной газетами еще сто лет назад, в 1917 году.

Дорожка из чего-то липкого тянулась от тарелки по столу, свисала на пол, дальше пролегалла по истоптанному паркету — и напрямик под дверь...

Однажды Андрей побывал у Марины Аслановны в комнате. На Новый год, когда было совсем одиноко, холодно, хотелось чего-то вкусенького... Насилу вырвался только вечером следующего дня. Да и «вкусненькое» оказалось кошмарно переперченным. У Марины Аслановны не было папы. Если точнее, папа Марины был неизвестным боевиком с усиленной на генетическом уровне гормональной активностью. О папе Аслане известно только то, что он испортил Маринину маму и оставил под матрасом горсть патронов и кинжал со следами крови. Отсюда ясно, отчего Марина Аслановна такая агрессивная...

Андрей вышел в коридор и, прокашлявшись, постучал в дверь соседки. Никакого отклика, никакого ворчания или вопля. Он постучал снова и, набравшись духа, распахнул дверь.

Женщина лежала на кровати, и у нее не хватало... скелета. А также прежнего объема. Марина Аслановна съжилась в три раза, она была маленькая, твердая и напоминала чебурашку. Может быть, потому, что уши уменьшились в куда меньшей пропорции, чем остальные части тела.

— Они вернут, — сказал Стасик. — Вернут, блин, и кости, и воду. Когда обстановка позволит. Эти медузы — честные. Пугаться тут нечего, воды кругом сколько хочешь. Маринкины клетки законсервированы глютаральдегидом, а ихняя жижа замещена метапропилен-гликолем.

Андрей обернулся на голос, и хорошо, что его вытошнило сразу.

Спереди Стасик был прозрачным. Хуже всего выглядели подвижные каловые массы в нижней части кишечника. Череп — как хрустальная ваза. И мозги — словно светящееся фруктовое мороженое. От мутных глаз, напоминающих несвежие ягоды, уходят к затылку тонко мерцающие красные ниточки. Что-то в мозгах ползало, черви, что ли. Это будет почище движущегося дерьма. Ой, снова блевать тянет...

— Представляешь, Андрюха, а меня они каким-то глицирином накачали, каждую, блин, клеточку. Вот дурью маются. Я вначале не хотел, но они объяснили, что это почти спирт, и я согласился. Понимаешь, они хоть и медузки, но могут все объяснить. Без всякого му-му...

Немножко полегчало. Андрей опустил на стул, а потом взвился как ракета. Да что же он тут сидит? Надо что-то делать. Надо останавливать кошмар.

5

Телефон в его комнате из засаленного стал глянцевым. И это плюс. Минус, что связи не было. Ни с милицией, ни с ФСБ, ни с депутатом не соединишься, вообще ни с кем.

Ладно, тогда надо съездить туда... Лихорадочно проведенная финансовая проверка показала, что у него нет даже ме-

лочи на билет, чтобы добраться до приемной ФСБ на Литейном. Хорошо, пусть пешком, главное, не стоять и не ждать у моря дурной погоды.

Андрей бросился в прихожую. Оценил свой вид в мутном зеркале. Нет, сперва в ванную, хоть лицо ополоснуть, а то ведь за бомжа примут.

В ванной комнате оказалось очень душно. Как помоешься при плохой вентиляции, всегда так. Но здесь со вчерашнего дня никто не мылся. И вряд ли еще кто-то pomoется в ближайшее время. Ванна была занята. Наполнена до краев бесформенным существом, техноорганизмом, который и выделял тепло. В его сочной волокнистой мякоти преобладали серые и розовые оттенки. Помимо мякоти просматривался каркас из кальциевых спикул.

От спикулы к спикуле тянутся ниточки, не иначе как информационные линии. Кое-где ниточки свиты в узелки. Было заметно и что-то похожее на чашечки — наверное, органы размножения, гонофоры...

Андрей инстинктивно попятился, инстинктивно заозирался в поисках какого-нибудь оружия, но ничего не увидел, кроме бритвенного станка, которым Марина борется с волосами под мышками. Поскользнулся, чуть не упал.

Только сейчас он заметил, что из его комнаты в ванную проложена слизневая дорожка, не иначе как здесь прополз техноорганизм. Настоящая тропа войны. И теперь технорг, не останавливаясь на достигнутом, бодро лезет по трубам вверх, насыщаясь солями железа и явно нацеливаясь на следующий этаж.

У Андрея между сердцем и желудком образовалась черная дыра, когда он почувствовал какую-то липкую дрянь на своих ладонях... Так, подышать одной ноздрей, потом другой. Это всего лишь пот. Не дрейфить. Теперь легкая медитация: я на пляже, ласковые волны омывают мое тело, проникают в рот, в нос... Тьфу, опять не то. Надо просто сосредоточиться.

Закон сохранения вещества еще никто не отменял! Даже если технорг употребил кости Марины Аслановны, этого явно недостаточно. Ой, мама, на крючке висят джинсы!

Андрей пошатнулся, почувствовав вату в коленях.

В таких, кажется, пришла Лена. Лена, а не Вера, и то хорошо. Классные джинсы, простроченные нанотрубками и нитекомпьютерами, которые способны менять степень обтягивания заднего места...

Так что, переться в ближайшее отделение милиции? Там могут не понять и немножечко того: посадить в обезьянник или подключить через громоздкий нейроинтерфейс, напоминающий фашистскую каску, к главному компьютеру МВД для выявления преступных наклонностей, присущих участнику нанохакерской группировки.

А пока доберешься до приемной ФСБ, во всем доме случится много непоправимого и необратимого. Необратимого.

Андрей вернулся в комнату.

Теперь ему показалось, что глянцевый оттенок приобрело все. И мебель, и обои, и фотография прабабушки.

Андрей с тоской потянул воздух. Голова просто опухла. Такого отупения он еще никогда не знал. Пирожок, не доеденный вчера Борисом, шепнул: «Это я, твой друг Ньям-Ньям. Съешь меня наконец. В случае непроходимости твоего кишечника ты можешь заказать у нашей фирмы капельницу с глюкозой». В пирожок встроен простой микрокомпьютер на белках и сахарах, но прозвучало это зловеще.

Компьютер, компьютер. Грамматики, стараясь не смотреть по сторонам, бросился к своему компьютеру.

Если что-то еще можно спасти, то только с помощью верного «Секстиума».

Теория неравновесных процессов — вот тема, на которой собаку съела ныне несуществующая Лена и, возможно, еще существующий Борис.

Сам Грамматики пользовался готовым пакетом фрактальной алгебры, Лена же подгоняла области начальных и граничных состояний технобиологической системы под конечное устойчивое состояние, вручную изменяя алгоритм развития.

Нелинейные процессы в многомерном пространстве и ручная правка алгоритма!

Хватит удивляться, надо посмотреть, а что с конечным состоянием, с аттрактором.

Андрей заколотил своими цифровыми пальцами по бесплотным клавишам виртуальной клавиатуры и вскоре почувствовал, как пот спускается по его спине, шагая тысячами мелких клейких лапок...

Эта сука Лена влезла в святая святых. Она задала его техножизни новый вектор эволюции. К устойчивому состоянию очень малой вероятности. К конечному состоянию полностью открытой системы, которая черпает энергию из любых доступных источников для преодоления энтропии...

По счастью, эта траектория необратима только в математической модели.

Мы сотрем Ленин аттрактор, восстановим прежние начальные условия, после чего начнется обычная работа программиста средней руки. Вызывать интерфейсы всех классов системы и задавать новые параметры функциям.

Через полчаса работа была кончена. Андрей убрал бледной рукой мокрые волосы с посеревшего лба, словно пианист в конце концерта. Обои потеряли глянец, мякоть в ванной стала подсыхать, из нее показались иглы и увядшие почки. Технорг уже не полз на верхний этаж, он намертво приклеился к трубам, превратившись в обычную грязь.

6

И только сейчас, когда Андрей сделал все зависящее от него и остановил кошмар, его поглотила настоящая тоска. Самое главное, что ему уже не спастись. В результате экспериментов погибли Марина Аслановна и Лена. Стасик явно тоже не жилец. Да и что с Константином Петровичем, чья комната в коммуналке самая последняя?

Если даже адвокату удастся доказать, что эти преступления непредумышленные, из тюрьмы выйду только через десять, не ранее. Если вообще выйду. Что в тюрьмах-то тво-

рится, воры и авторитеты используют простых эзков как ресурсы стволовых клеток и органов...

Все мысли так или иначе сводились к Вере. Из-за нее тут появился Борис. Все элементарно с точки зрения засады. «Мальчик», разменявший четвертый десяток, с готовностью ловится на приманку в виде бабенки, такой тонкой, такой благоуханной (а ведь он ее даже и не попробовал трахнуть), а потом появляется чёрт, чтобы использовать его изобретение ради своих разрушительных забав. Остается, правда, один вопрос. Откуда Вера и Борис узнали о существовании Андрея Грамматикова? Опусы, вывешенные в Сети, вряд ли должны привлечь внимание серьезных людей. В Сети гигабайты и гигабайты подобных измышлизмов...

Единственный человек, который мог догадаться о его работе, был Вовка из Крупы. Но если Вовка попался и сдал всю свою клиентуру, то сюда бы приехали менты, а не Вера с Борисом.

Так, может, Вовка — часть приманки? Продавая нанокристаллы за цену бутылки портвейна, он выполнял чье-то задание... Допустим, некая лаборатория хотела произвести испытания на стороне...

А я-то думал, что сам по себе такой гений. Наверняка нанокристаллы обладают такими способностями к самоорганизации, о которых я даже и не догадывался.

Его использовали для эксперимента, и ему теперь за все отдуваться. Менты, особо не копаясь, отправят его в тюрьму, где ему тут же придется скончаться от кровавого поноса, ведь он привык к маминной кухне... Боже. Насколько дураки были предки, но он перещеголял даже их.

Если бы можно было найти Вовку. Но этот типчик появляется только после дождика в четверг. Именно только в пасмурные дождливые дни... Борис... Борис, он же оставлял визитную чип-карту. НАСА, марсианский проект, все как будто солидно. На чип-карте должна быть персональная информация... Но где же эта чёртова карта? Вроде оставлял ее на столе. Но сейчас там только засохшая дрянь...

7

В комнате раздалось шипение. Это вползла Марина Аслановна, волоча груди по полу. Какая-то часть костей и половина прежнего объема вернулась к ней, так что она напоминала сказочную змедеву.

— Велено доложить, гости к вам, — не слишком приятным, но подобострастным голосом сказала змеевидная соседка.

Через распластанную соседку переступила длинными ногами Вера и встала у шкафа, эффектно задрав подбородок.

— Я просила эту дамочку подождать, но она не согласилась, — зашипела снизу Марина.

— Милый мой, — протяжно начала Вера, как будто внутри ее полоскалось добрые пол-литра шампанского.

Несмотря на следующую серию ужасов в виде змееды, Грамматилов был счастлив. Вера жива!

— Но что с Леной?

— Бог с Леной, — кратко ответила Вера. — Наверное, торчит сейчас в казино, рассчитывая на будущие Бороны доходы.

— А где Боря, мне надо срочно связаться с ним, — зачастил Грамматилов. — Ты же видишь все это. Стасик, Марина, они теперь монстры, и вообще творится невесть что. Борис, твой Борис, поставил эксперимент на всех, кто живет в этой квартире.

— Андрюша, какой ты, в сущности, еще ребенок. Или олигофрен. Борис не мой. Это ты — мой. А на Дворкина мне плевать...

Вера Лозинская заскользила между рук Грамматикова. Наглядно демонстрируя преимущества непосредственного телесного контакта перед абстрактным общением с наукой.

— Позвольте удалиться, — смущенно сказала Марина и неуклюже, словно перекормленная мамба, выползла из комнаты.

Прямо из стены над шкафом выросла нанопластиковая* ветка, на ней набухли яблоко, апельсин и презерватив. Это, наверное, Боря сюрприз оставил...

* Нанопластик — самопроизводящийся программируемый материал.

Да, с Веры все и началось. С ее звонка.

Но от ее волос такой аромат. Луч солнца, мастерски проникшая сквозь форточку, играет на ее ресницах. И тонет в черных зрачках. Ее тело как пружина, раз — и хлестнет, собьет с ног. Да он и не хочет стоять на ногах... Но она как будто призывает совершить предательство. А он никогда никого не предавал...

— Коды активации, — сказала она.

Раскрылись затворы, и струйки почти невидимого властного света потянулись из Бездны... Уже во второй раз! Значит, не переутомление виновато. Это — новое виртуальное окно, которое открывается тайными интерфейсами, непонятно как угнездившимися в его нервной ткани!

Других рациональных объяснений нет, хоть сойди с ума.

Струйки проходили сквозь Верино тело, к своей пронзительности добавляя ее сладость, фокусировались, а затем начинали опутывать его мозг, его мускулы, свиваясь в сеть... О чем она только что говорила?

— Какие коды?

— В программной спецификации на твою техножизнь имеется закрытый раздел, касающийся подсистемы полового размножения, — промурлыкала она, продолжая пританцовывать между его рук. — Меня не обманешь, коды доступа к половой подсистеме находятся лишь в твоей умной красивой голове... Ты просто вспоминай, милый, и коды будут передаваться мне через скин-коннектор.

— Но почему сейчас? — несколько растерялся «милый».

— Потому что скоро Восьмое марта. Женский праздник. День любви, цветов и полового размножения техноорганизмов. Можешь ты мне подарить эти коды?

Ее ножка наступила на носок его распластанного и рваного домашнего тапка, давно просящего каши, а коленка потерлась об его ногу, облаченную в пузыристый дедовский треник. По позвоночнику Грамматикова потекла расслабляющая сладость. Вера становилась объектом его веры...

Но все же что-то не то. Старорежимное Восьмое марта — не тот праздник, который может быть интересен продвинутой Вере. Грамматиков знал, что, когда он предлагает себя

женщинам, они смеются. А когда женщины предлагают ему себя, то случаются неприятности. Убежденная коммунистка по имени Владилена Ильинична потом его в партком своей партии таскала, там вышестоящие товарищи убеждали Грамматикова жениться, разъясняя при помощи наглядной агитации высокие моральные качества невест, придерживающихся социалистической ориентации. А соседка Марина Аслановна ему просто жизнь отравила, чуть до самоубийства не довела. Даже грозила кастрировать папашиным кинжалом, а потом спрятать клинок с потеками свежей резус-отрицательной крови в лесном схроне.

— Конечно, могу, Вера.

Коды активации — это всего лишь картинки, которые он должен нарисовать в своей голове...

Или все-таки не могу?

Слишком она торопится...

Андрей сделал шаг от удивленной Веры, сладкая светоносная сеть напряглась, и он увидел в виртуальном окне, как из-под ее ногтей поползли синие мономолекулярные змейки. Их там много, настоящий гадючник. Извиваются, крутятся между ее рук. Спецэффекты, как в кино... А вдруг они настоящие, не нарисованные, и виртуальное окно просто сделало их видимыми?

Грамматиков неловко повернулся, рванулся, разрывая сладкую сеть, которую сплела горгона Вера, бросился к открытой двери. Быстрее, быстрее, теперь вильнуть в сторону — летучая змейка пронеслась около его уха и воткнулась в фотографию прабабушки. Назад дороги уже нет. Другая синяя змейка пересекла его путь — надо перепрыгнуть, или она рассечет все мягкие ткани, могут и яйца улететь...

Окрыленный ужасом Грамматиков взвился в воздух, кое-как удержался на ногах после приземления, уже в коридоре перескочил через натужно ползущую Марину Аслановну, отшвырнул полупрозрачного Стасика, в котором бултыхнулись моча и пиво... Наружная дверь квартиры была на одной старинной щеколде...

8

Он сразу соскочил на пролет вниз и тут же услышал. Снизу идут. Тяжело, вбивая массивные ноги в каменные ступени. Хорошо, что в доме с 1917 года не работает лифт...

Остается только путь наверх. На чердак. Там можно перескочить на соседнюю лестницу. Он так делал не раз, в детстве.

Андрей взлетел вверх на два пролета. Вот заветная дверца с огромным ржавым замком. Замок тут для видимости, он еще двадцать лет назад настолько проржавел, что спокойно открывался и закрывался пальцами...

Пятнадцать лет назад отец врезал дуба именно на этом месте. Почему он потащился на чердак, вместо того чтобы позвонить в свою квартиру? Разыграл последний акт благородства, не захотел подышать на глазах у своего болвана-сына? Или хотел доказать своей героической милиционерше-жене, что он не чемодан с соплями?

Тяжелые шаги приближались. Андрей ощутил то распирающее сочетание ужаса и бесстрашия, какое бывает только в детских снах. Отбросил замок и вошел внутрь...

Отчаянно закрипели половицы, поверх них кружилась поземка из пыли. Фу-ты, там и тут в полу провалы. Кое-где остались лишь балки перекрытий, да и они не выглядят надежными. Со стропил, поддерживаемых покосившимися столбами, летит потревоженный пух и прах, копившийся тут десятилетиями. Из всех лампочек фурычит только одна, ближайшая, да и она, похоже, только усиливает сумрак.

Андрей сделал шаг, и пол чмокнул под ногами. Потом пошел, напряженно вслушиваясь в стоны потревоженной древесной гнили. Впереди что-то хрустнуло, значит, надо взять левее.

Странные звуки донеслись сверху. Как будто кто-то шляется прямо по кровле. Ну, кто там может ходить? Отец Гамлета, брат Гамлета, сват Гамлета. Или, быть может, полтергейст моего папаши? Тьфу, отступись, мысленная зараза...

И вообще то, что с ним происходит с утра, — это просто набор детских кошмаров. Грамматикову даже стало на секун-

ду обидно. Почему детских-то? Ему ж тридцать три. Может, потому что он — инфантил. Всё принцесску ожидал. А простые народные женщины не нравились ему потому, что у них не было таких глаз, в которых тонет взгляд, такой груди, талии, ног, как у Веры...

Стоп, не думать. Сверху что-то гроыхнуло, сейчас ринется вниз. Вот здесь деревяшка на одном гвозде, еле держится. Уже двадцать лет еле-еле... То, что было наверху, уже рядом с ним... Грамматики сорвал деревяшку и, почти не глядя, махнул в сторону сгустившегося засопевшего мрака. Потом обернулся. Рядом никого не было. Прямо наваждение какое-то. Или, может, шизофрения? В прессе писали про случаи техногенной шизофрении, вызванной неумеренным потреблением стимботов...

И вдруг до него дошло. Есть же спички, самые обычные спички, которые он всегда кладет в задний карман треников — чтобы долго не искать, когда захочется чайку испить.

Зашипела старомодная серная головка и осветила нечто настолько новомодное...

На гнилых половицах лежит голый полупрозрачный труп. Тусклый свет растекается по нему муаровым рисунком. И половицы сквозь него просматриваются, особенно в районе грудной клетки. В основании черепа свет почти полностью поглощается, превращая мозжечок в черную дыру, словно бы всасывающую мозг. Но и там что-то поблескивает, искрит, микроразъемы, что ли... А гвоздь прямо в глазницу вошел.

Труп неожиданно перестал быть трупом. Так неожиданно, что Грамматики едва не обмочился. Труп дернулся, рывком вытащил из своего глаза гвоздь вместе с деревяшкой. Глазница запузырилась, словно в черепе вскипел жирный бульон. Из нее быстро-быстро поползли червеобразные отростки, которые, шевеля красными головками, начали штопку...

Труп (или уже-не-труп) явно силился встать, Грамматики беспомощно, как загипнотизированный кролик, наблюдал за этим, не в силах даже разжать пальцы, которые палил огонек спички. Но тут перекрытие треснуло под ожившим полунеvidимкой, и он... чиркнув по дереву длинными, словно алмазными ногтями, не удержался и упал вниз...

Грамматиков не успел осознать своим развитым интеллигентным сознанием всей чудовищности совершенного им. Не до этого было. Огонек спички наконец разбудил его, и он со стоном разжал пальцы...

Там, около двери, ведущей на соседнюю лестницу, стоит кто-то. Сзади тоже кто-то прячется, кажется, за дальним столбом... Остается последнее: подняться по ближайшему столбу, выбраться на крышу и пройти там до следующего чердака.

Грамматиков нащупал в кармане подушечку с наноклеем и, надорвав ее уголок, побрызгал спереди и позади. Спасите меня, ван-дер-ваальсовы силы! Потом полез по столбу, хватаясь за торчащие гвозди.

Когда Грамматиков уже выбирался сквозь рваную кровлю, снизу послышались вопли. Приклеились, голубчики. Еще один рывок — и он на крыше.

9

«Голубчики» ползли за ним следом. В щели между разьевавшимися листами кровельного железа Грамматиков видел преследователей. Их лица были похожи на лица, пока на них не падал свет. Свет падал и проникал дальше. Вместо черепа — ваза, наполненная розовой гущей, в которой ползают серебристые черви. Грамматиков сказал себе, что это всего лишь нервные волокна, играющие с отражением и преломлением света. «Всего лишь» — это успокаивало. Но эти глаза — васильки на хрустальных стебельках — производили в самом Грамматикове концентрированный ужас, который разъедал мышцы и превращал бицепсы в кисель. «Васильки» поворачивались то туда, то сюда, и при каждом повороте становились заметными зрительные нервы, по которым бежали алые всполохи сигналов, чтобы превратиться в легкое сияние задних долей мозга.

— Не приближайтесь, — сказал Андрей Грамматиков, — или я спрыгну, мать вашу, честное слово.

Как-то по-бабьи это звучит. Пообещать прыгнуть, а потом остаться на месте и предоставить себя насильникам. И зачем это я про маму. Мама-мамочка...

Грамматиков нащупал в кармане еще одну подушечку с металлорганическим клеем. Время схватывания — три секунды.

Один из преследователей высунулся из щели, и солнечный луч заиграл на его внутренностях, как будто облепленных сверкающей паутиной.

Грамматиков раздавил в руках подушечку с наноклеем и увидел в виртуальном окне рельеф из цепких острых атомных головок на своих ладонях.

Прозрачный урод цапнул Грамматикова по щеке, и кровь брызнула на кровлю. Но эту боль Андрей не успел как следует прочувствовать.

Один неловкий шаг — и он заскользил по мокрой кровле. Грамматиков вскочил, неловко дернул руками и сорвался с крыши.

Последнее, что он увидел перед падением, — по его телу расплывался волнами радужный нимб. В виртуальном окне атомы углерода и водорода выстраивались гексагональными парадными фигурами на его коже.

10

Двое патрульных вышли из машины и подошли к телу, безропотно лежащему около мусорного бака. На лице у лежащего запеклась кровь.

— С крыши, что ли, навернулся? — без особого интереса спросил один из патрульных, тот, что помоложе.

Другой патрульный, тот, что постарше, перевернул тощее тело со спины на живот. Затем приложил щупик биосканера к шее лежащего гражданина.

— Ну, чего там? — поинтересовался напарник. — Дохлый?

— Не совсем, артериальное давление в норме, пульс тоже. Похоже, он не сверху свалился, а просто обдолбался и поцарапался.

— Я бы тоже обдолбался, если б не на службе. Господи, это ж надо, ООН объявила нам войну из-за какого-то жирного нефтяного чмура...

— Ладно, потащили тело.

— Фу, а он не обделался случаем?

— Всякое бывает. Ладно, фельдшерица попу ему вытрет и заплатки сделает, а утром этому чудаку — в военкомат, будет отдавать долг родине...

— Э, глянь-ка. Что за хрень?

Патрульные, вытянувшись, как на построении, смотрели на запад.

С западной стороны на город словно замахивалась огромная волосатая лапа с шестью быстро растущими когтями.

Серые отсветы легли на бледные лица милиционеров.

— Смерть в маринаде, — совладав с непослушным горлом, сказал тот, что постарше. — Въезжаешь, напарник? Это крылатые ракеты в маскировочном аэрозольном облаке.

Ракетные когти воткнулись в город где-то в Адмиралтейском районе. Из колотых ран на теле Петербурга брызнуло огнем. Разорванные провода и кабели ненадолго взвились к опасному небу и пролили искристую электрическую кровь города. «Как на очень большой дискотеке», — подумал один из патрульных, тот, что помоложе. Утробное гуканье разрывов было смазано изнуряющим душу воем сирен.

Глава 2. После войны

1

— Мало того что эта, с позволения сказать, баба-демон отметелила нашего часового голыми руками, так она еще и оторвала ему гениталии, — сказал пациент по прозвищу Сержант, отрывая ото лба два гибких медицинских датчика. Он заскрипел пружинами своей койки, доставая заначенный окурочок. — Были гениталии-угнеталии, да, чик-чирик, укатились, еле в кустах их нашли. Часовой был из моей роты, фрукт вроде Грам-

матикова, тоже задумчивый. Из танцоров или художников. Этот парень всегда смотрел на меня так, будто я лично мешаю ему танцевать или рисовать... Бойцы, если все не против, я чуток покурю, две-три затяжки. Когда сестра с обходом придет, все уже выветрится, клянусь геморроем.

Палата психиатрической лечебницы для бедных напоминала тесный кубрик торпедного катера. Здесь было семь коек, по две у каждой стены плюс одна специальная — для психа, обгоревшего на пожаре, — посередине. На койках дисплеички, мутные из-за жирных пальцев, высвечивают температурный график.

Плесень посрамляла всю санитарно-гигиеническую оборону, ее материнские молекулы колдовским образом проникали через кондиционер, вделанный в окно. Особенно плесень была сильна в углах палаты, испещряя их многочисленными кляксами чернильного цвета. Сам кондиционер, украшенный потеками ионообменного фильтра, со старческой натугой вдыхал и выдыхал воздух, насыщая его заметным химическим привкусом. Впрочем, доминантой все равно оставался запах мочи и пота. Одноразовые мочалки-грязеедки не могли компенсировать природную неряшливость больных и нехватку воды. Воды не хватало в кране. Зато за окном хлестал дождь — главное действующее лицо питерской осени.

Дождь стекал бесконечным скучным потоком по лепесткам наружных стен, защищающим город от сконцентрированных в больнице психопатов. Здесь, на окраине, всегда шел дождь, компенсируя искусственно хорошую погоду в городском Сити. Оборонительные стены больницы — единственное, что производило элегантное и современное впечатление, — росли сами, потому что состояли из нанопластика, новомодного программируемого материала...

Товарищи по палате простили бы Сержанту не только курение, но и любое другое прегрешение. Ведь с него просто-таки сбегали заряды бодрости, которые подхватывали и несли всех вперед, к неизбежной победе над супостатом, которому недолго осталось веселиться.

Впрочем, до одного из пациентов эти заряды явно не добежали.

Тощий и измятый преждевременными морщинами человек положил на одеяло кибермольберт и стило. Фамилия этого больного была Грамматикиов. Заплата из синтекожи на его шее поблескивала светодиодом контрольного чипа. Заплаты в паху, на заднице и животе были скрыты одеялом, которое было источено временем и стирками почти до нанотолщины...

Грамматикиову не нравилась атмосфера, которую усиленно создавал в палате безумный Сержант. Атмосфера дешевых комиксов «Рассказки бывалого». Мыслитель Грамматикиов не любил комиксы.

Милитаристский бред, надувание щек — все это не нравилось ему.

Рассказы Сержанта напоминали пух от грязных одуванчиков, несомый паленым ветром около батареи тяжелых гаубиц.

В этой загрязненной атмосфере вязли руки, держащие стило, глаза затыгивало тусклой пеленой, голова как губка впитывала земную гравитацию.

Сейчас раздражение смешивалось с сонливостью, вызванной приемом обезболивающих лекарств, в весьма неприятный коктейль. Грамматикиов понял, что вряд ли теперь удержится, надо снять напряжение. Он ехидно поинтересовался у товарища по палате, не наигрался ли еще тот в войну?

Спросил и снова взялся за мольберт. Однако напряжение не стало меньше даже на один вольт. Любое обращение к психу Сержанту было само по себе опасным. Психопата нельзя ставить в тупик. Реакция может быть непредсказуемой. Пациент по прозвищу Сержант явно сошел с ума во время или сразу после проигранной сибирской войны.

Грамматикиов попытался отвлечься и стал думать о том, есть ли в этой палате хоть какой-нибудь цвет? Почему даже алые упаковки с йогуртом выглядят серыми? Плесень — просто концентрированная серость. Почему всё вокруг — как стиранные-перестиранные носки? Даже свет в окошке. Андрей прищурил глаз, пытаясь добиться расщепления серого света на цветные составляющие. Но и фотоны в этом сумеречном мире не захотели с ним поиграть.

Тем временем своим пугливым подсознанием он ожидал реакции Сержанта.

Сержант сделал вид, что не заметил вопроса. После небольшой паузы, которую потребовала очередная затяжка, он продолжил в прежнем духе.

Со вчерашнего дня Сержант стал плести про каких-то прозрачных демонов, которые захватили Петербург во время сибирской войны.

Рассказ Сержанта был бредом. Но война была.

Мы просрали войну. Сержант из-за этого сошел с ума. Ему не было места в розово-голубом мире наслаждающихся яппи, который пришел на место старой России. Поэтому он здесь, в дурдоме.

Поэтому здесь был и Андрей Грамматиков. Художник-самоучка, ученый-самоучка, не вписывающийся в мир профессионалов поствоенной пост-России.

Не встречался Грамматиков с Сержантом на военной службе. Но этот псих немало похож на того сержанта, который был во время войны царем и богом для солдатики Грамматикова...

В свое время, в институте, на военной кафедре, Грамматикова обучали работе с роботизированными огневыми точками: поднял миномет из полиуглеродной шахты, протестировал софт, опустил... На реальной войне до роботизированных минометов дело не дошло... Никто не пробирался в Ленинград болотами, горло ломая врагу. Бесконтактному врагу не сломаешь даже компьютер.

Трудно ненавидеть америкосов, этих пухлых улыбчивых операторов, сидящих с «поп-кормом» за пять тысяч километров от тебя и просто играющих в войнушку. Трудно ненавидеть миллиардера, владельца сибирских нефтяных полей, из-за которого все и началось. Он умный, в очках, складно лепит про свободу, ты даже начинаешь переживать за его деньги...

Куда больше отрицательных чувств испытываешь к непосредственному командиру... И к мини-ракетам с искусственным стайным протоинтеллектом. Одна из таких влетела

через вентиляционное отверстие в сортир, где пользовался мгновениями отдыха ефрейтор Грамматилов, и плюхнулась в выгребную яму. Как показала томография, боеголовка у нее была шариково-спиральная.

Грамматиков уцелел, но получил контузию, и импортные шарики со спиральками из него выковыривали последний раз две недели назад. А без обезболивающих средств до сих пор нельзя...

Тощие романтики-юнцы, мохноухие товарищи патриоты, сражались, вернее, сгорали за сотые доли секунды в жестяных коробочках танков, за которыми охотились вездесущие орнитоптеры; приличные господа загоня смылись за кордон, в мир бунгало и виски, а крепкие широкоплечие мужички попрятались по норам.

Потом не стало ни танков, ни горючего. Амеры использовали космический флот, предназначенный для терраформирования Марса. Лиловый туман, затянувший небо над Россией, опустился на поверхность одной шестой части суши и оказался боевым нанопластиком. Народ воспринимал его просто как всеядную плесень...

С проигранной войны люди возвращаются импотентами, как недавно сказал Сержант. И в этом он прав. Если баба не хочет трахаться со своими солдатами, то подставляет пампушку чужим, добавил Сержант.

С юга, где резвились моджахеды, шли поезда с беженцами: визжащие дети, женщины в окровавленном тряпье. Страшный юг начинался уже за Тверью. Но и по опустевшим улицам Питера ветер тащил труху, обрывки бумаги, фольги, все, что осталось от магазинов, раскуроченных мародерами...

А потом к власти в Питере пришла генерал-губернаторша от Совета Европы, транссексуалка Лера Найдорф.

На город снизошла рыночная благодать. Центр Питера мгновенно был очищен от грязи, плесени и развалин. Город набрал жирок, залоснился, а затем засиял всеми постиндустриальными нимбами. Такого блестящего высотного алмазного нанотехнологичного Сити не было нигде в мире. Громады Сити возникали словно из ничего благодаря богам хайтека. Лера Найдорф успешно торговала лицензиями на свободу. Приез-

жай и покупай свободу, какую тебе надо. Приезжай, педофил и некрофил, садист и насильник. Купил — пользуйся и потребляй, не купил — скучай. Впрочем, какой ты насильник, если насилуемый согласен и доволен, что заработает за час столько, сколько грузчик за неделю, да и получит страховку от неконтролируемых рисков. В наступившем мире не было места для традиционных задумчивых лентяев, все выжившие вертелись и вертели, кто чем мог.

А Грамматикиов пробыл год в лагере для военнопленных, который охраняли прибалты.

Лагерь начался с дезинфекционной камеры. Пленных обрабатывали разными излучениями, чтобы сгорели скин-коннекторы и прочие киберимплантаты. Но в теле Грамматикова горели в первую очередь шарики со спиральками, «имплантированные» при помощи американской боеголовки. Чуть дуба не врезал. Потом была относительно нормальная лагерная жизнь. Днем — прогулки с мешком на голове, без ремня на штанах, между двух рядов проволоки под напряжением. Дисциплинирующие удары резиновыми дубинками по ягодицам и промежности. Ночью — свет, выедающий глаза даже сквозь стиснутые веки. Гуманитарные посылочки от французских дамочек. В посылочке — сладости и презервативы. А потом вот эта психушка — для реабилитации...

— Грамматикиов, я не забыл про твой вопрос. Увы, я никогда не играю, я и в детстве был безумно серьезен, — сказал Сержант. — Но другой вопрос был бы сейчас куда уместнее. А помыла ли баба-демон свои ручки после того, как оторвала солдатские гениталии? Ведь как сказал пророк: «Когда человек моет руки, ему прощаются грехи, совершенные руками». А после того как плохой солдат лишился своих бубенцов, враги поперли через развалины к нашим позициям. Голые, да простит им Небо это небольшое прегрешение, и невидимые. Что прыгающие, что бродячие мины на них ноль внимания. Наши микроцепелины со своими сенсорами в упор их не видят... Еще немного — и все демоны были бы внутри укрепрайона. Настала бы Эрмитажу крышка, как, скажем, Купчинскому укрепрайону. Если бы...

Товарищи по палате заерзали, недовольные паузой. Грамматиков, на которого был устремлен пронзительный взгляд Сержанта, спешно зачирикал стилусом по своему мольберту.

Сержанту пришлось продолжать, не дождавшись реакции «смутьяна».

— Если бы не я. Ведь я железно чувствую, когда демоны что-то затевают. Они всегда чего-нибудь затевают. А демоны железно чувствуют, где у нас слабое звено, где трусливый солдат. Поэтому, когда демоны поперли на Эрмитаж, я один вступил с ними в неравный бой. Совсем один в поле воин, родина в лице капитана Кренделевича неизвестно чем занимается. На минуту позже — и бомбить врага было бы уже поздно. Но вот в какой-то прекрасный момент капитан проснулся, оторвал мурло от сисек рядовой Ивановой, поднял в воздух беспилотный роторник и... Короче, от демонов одна тушенка с яичницей осталась.

Юный пациент Мурашкин, страдающий от суицидальных наклонностей и лежащий у двери в компании роблягущат для самых маленьких, несколько раз спросил, что случилось в Купчино. Не для протокола парнишка старался, а от возникшего чувства преданности замечательному старому бойцу. Просто современная экранизация «Бородино». Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французу отдана?

А больной Сержант затыкнулся, назвал Мурашкина салабоном, после чего принялся жевать и рассказывать набитым ртом про Купчино.

Мол, он там на следующий день оказался после того, как демоны там порезвились. Ни одной живой души. У всех тел вырезаны почки и поджелудочная железа. Причем вырезали это из петербуржцев еще до того, как они скончались.

Голос Сержанта еще более сгустился сообразно крутизне изложения.

— А запустил врагов в Купчино опять-таки танцор или художник. Дозой дешевого наркоинтерфейса, наверное, прельстился. Этот типчик, кстати, уцелел.

— И что вы с ним?.. — Голос юного суицидника еще больше зазвенел от приобщения к таким потрясным тайнам войны.

— А ничего, салабон, поводили его по местам резни, чтобы полюбовался на свою работу... На следующий день сам повесился, никто его пальцем не тронул, хером клянусь. Если не веришь, позвони ему в морг, телефончик дать?

Грамматиков застонал. Большинство пациентов сейчас с радостью хавали рассказ Сержанта, только потому что это звучало классно. Особенно учитывая, что все они лишились в больнице запасов орального наркоинтерфейса и нейрокарт.

— Не было никаких боев с прозрачными демонами и валькириями, Сержант. Даже в Купчино. Это все вам привиделось. Натовцы устроили в Питере образцово-показательную оккупацию для телекомпаний всего мира. Чтобы не было зверств и издевательств, как повсюду, в город не пустили ни моджахедов, ни поляков, ни финнов с прибалтами. В город вошли супернаемники — непальские гурки, понятия не имеющие о русских, и еще много роботизированной бронетехники. Сопротивления почти не оказывалось, потому что наших военных частей в городе не было. Зачем вы пачкаете больным людям кору головного мозга?

— Я ведь и сам больной. Отбросив крайние случаи, все-таки мы можем признать, что безумие является лишь свежим взглядом на вещи. Поэтому я и рассказываю интересные истории, — безмятежно отозвался Сержант. — Понимаешь, я хочу, чтобы сопротивление оказывалось, чтобы враги были изощренны как дьяволы, чтобы наши были героями. И я хочу того, что было на самом деле. Нечего тебе корчить из себя знатока, Грамматиков, раз ты уже первого марта получил американские шарики в задницу. Ты просто не знаешь, что гражданское ополчение «За Пушкина» вынесло гурков вперед ногами, вчистую уделало подоспевших американских рейнджеров, надрало шотландским гвардейцам одно популярное место, благо те носят короткие юбчонки, выпало по первое число гайдамакам из ближнего зарубежья, а затем билось против прозрачных демонов до последнего... То, что осталось от Эрмитажа, найдорфские инженеры кое-как скрепили металлоорганическим клеем, заполнив пробойны нанопластиком...

— Ау, гренадеры, уже сестрички копытцами цокают. Готовьте ягодицы, — окликнул палату пациент, стоящий на шухере возле двери.

Сержант торопливо выдохнул дым в решетку кондиционера, утопил хабарик в баночке с заплесневевшим джемом, изготовленным еще до войны на лучшей «нанофабрике по переработке жидких отходов», и стал махать несвежим полотенцем, пытаясь разогнать дым.

В палате возникли три медсестры. Старшая, Анна Ивановна, могучая как чемпион по греко-римской борьбе, другая — статная дама неопределенного возраста по имени Надежда и по кличке Скорая Сексуальная Помощь, и третья, новенькая, тонкая и черноволосая, которая прикатила тележку с лекарствами и шприцами. У нее же к рукаву был пристегнут гибкий учетный терминал...

Грамматиков почувствовал, как у него пересохло в горле, чуть ли не склеилось там все.

Да, брюнетка была похожа и на прабабушку баронессу, и на ту самую Веру, которая чуть не изрезала его на куски. Навяждение, симптом болезни, а не смотреть на нее не получается.

Анна Ивановна с тоской побежденного богатыря глянула искоса на плесень, затем втянула воздух, погоняла его в своих могучих ноздрях и осталась им недовольна. В отличие от непобедимой плесени за испорченный воздух было кого карать и миловать.

— Вот свиньи, — поставила свой диагноз пациентам старшая медсестра.

— Мы как раз говорили о фэн-шуй, искусстве обретения гармонии, — спешно затараторил Сержант. — Мне кажется, что больного Мурашкина надо выкинуть за дверь, чтобы он не мешал поступлению в палату благотворной энергии ци, на месте того калоприемника неплохо бы поставить фаянсовую вазу, а стену надо бы украсить китайской пейзажной живописью, где все появляется и исчезает в бесконечности Дао...

— А ну-ка цыц! — Громовой полубас Анны Ивановны раскатился под сводами палаты. — Кто тут мастер пачкать воздух? Кто нарушал режим, а? На раз-два признавайся.

— Анечка, — Сержант прокашлялся, — мы все очень любим режим. А вас еще больше, — игриво добавил он, поведив бровью туда-сюда.

— Что ты там несешь? — уже без ненависти спросила женщина.

— Любовь — не вздохи под скамейкой и не покупки при Луне, — неряшливо процитировал Сержант. — Лично я курю, пью и занимаюсь сексом только при помощи своего богатого воображения.

Грамматиков отметил, как быстро сосед лег на волну, приятную самой важной больничной даме.

— Твое счастье, солдафон, что ты невменяемый. — Голос старшей сестры несколько смягчился. — Но если еще раз устроишь перекур, схлопочешь от меня в ухо, и это окажется страшнее любого психзаболевания. Я не хочу из-за тебя перед начальством краснеть, понял? А сейчас быстро приклей датчики на торец обратно.

— Не извольте сумлеваться, ваше превосходительство, — отчеканил Сержант. — Не посрамлю, рад оправдать доверие, буду честно оздоравливать свой микроорганизм...

— Умолкни, пупсик, а то клизму поставлю сифонную. А вы, девочки, начинайте творить, чего его слушать, олигофрена.

Сестра Надя меняла судно кому надо, проводила экспресс-анализы крови и замеры температуры с помощью сканера глазной сетчатки. Не забывала и пощекотать пациента, если видела, что требуется. Сестра-брюнетка разносила таблетки, делала уколы и ставила капельницы. Руки новой медсестры работали быстро и сноровисто, почти как у робота, но она словно не замечала веселых взглядов, отстреливаемых палатой в ее сторону.

— А почему эти самые прозрачные демоны смерти не боялись? — не желая терять даром время, спросил у больного Сержанта больной Мурашкин со своей койки у двери. Роблягушата смертельно ему надоели, так что он загнал их под подушку, откуда время от времени высывались пупырчатые лапки.

— С чего им бояться? Они ж уже не люди, а переформаты, — бойко ответил Сержант и попытался переключиться на брюнет-

ку. — Сестра, а можно вам комбинашку подарить? У вас какие размеры?..

— Что значит — переформаты? — не унимался Мурашкин.

— Один дурень может столько вопросов задать, что сто мудрецов с докторской степенью не ответят, — скупое отозвался Сержант. — Переформаты, и все тут.

— Но они настоящие или виртуальные? — попробовал щегольнуть знаниями Мурашкин.

Чрезмерная наивность собеседника не понравилась Сержанту.

— Как же, виртуальные. Ноль очков, пастушок. Мясные, такие же, как и мы. Только тело у них более приспособлено для войны.

— Благодаря киберимплантам?

— Это — вчерашний день. Их тело — обитель злых духов, приходящих из Бездны. Для них все атомы и молекулы, нуклеотиды и белки, из которых мы состоим, — просто детский конструктор. Если вспороть демону брюхо штыком, то он издохнет и потеряет прозрачность, тогда увидишь, что внутри него ползают черви, длинные и тонкие. Это и есть те самые духи... Пациент Грамматиков, что вы кашляете, как простуженный бультерьер?

— А эрекция у демонов когда? — задал Мурашкин свой больной вопрос.

— Эрекция для понта — всегда. Лежит труп демона, а у него кое-что колом стоит. И усами шевелит, ха-ха.

Грамматиков почувствовал, что ему полегчало. Сержант наконец разменялся на полный бред, если бы еще черноволосая медсестра свалила и больше не появлялась...

— Я тебе дам эрекция, — отозвалась старшая сестра по долгу службы. — С эрекцией быстро отправишься к главврачу. Он тебе пропишет ведро брома в задницу.

— Тогда, друзья, я умолкаю, — нарочито испуганно произнес Грамматиков. — Никакая правда того не стоит, чтобы за нее страдать задницей. А ты, Мурашкин, дави свои прыщи и не занимайся провокациями.

Брюнетка посмотрела на Грамматикова, и внутри него словно проползла змейка. По счастью, долго смотреть новая медсестра не стала и ушла раньше, чем остальные сестры.

— Больной Граммати́ков, в десять часов явиться в процедурный кабинет. Ты ж рисовать умеешь. Покажешь, на что способен? — сказала Надежда напоследок и, крутанув боками, исчезла за дверью.

Сержант проводил пытливым взором круглую Надину попу.

— Э, почему не я? Почему этот негодный маляр Граммати́ков? Я ведь тоже талантище, умею выпиливать лобзиком.

Больной Граммати́ков заскрипел пружинами своей койки, демонстративно натягивая тощее одеяло до самого носа. Впрочем, разговор превратился для него из неприятно проникающего в сознание в докучливый, остающийся где-то на периферии. И вдруг покой был снова нарушен.

— А между прочим, брюнеточка — та самая баба-демон, которая оторвала нашему солдату гениталии, — сказал Сержант. — Не знаю, как этот пацифист Граммати́ков, а я обратил внимание на ее ладные ручки. Сдобренная порохом мазолька проглядывает. Как у тех людей, которые не столь давно постреливали в нас из автомата. Интересно, что ей здесь понадобилось?

2

Надо было что-то предпринять. Для начала Граммати́ков решил переговорить со старшей медсестрой. Неужто нет способа перевести Сержанта в другую палату, к буйным, к наполеонам и гитлерам? Он же заражает всех остальных пациентов этим милитаристским бредом про бои с прозрачными демонами. Это вообще против устоев и законов нашего мирного терпимого свободного общества.

Но старшая медсестра лишь высмеяла Граммати́кова. В больнице института Бехтерева, существующей на остатки

обязательного медстрахования, лишних палат нет. И напоеоны лежат вместе с простыми депрессантами.

И вообще у Сержанта большой прогресс. Поступил апатичным, ни на что не реагирующим, под себя гадил. Но благодаря применению психотропных наноинтерфейсов и игровым методикам доктора Краснопольского больной стал снова напоминать человека. Ну, бредит он, бредит, поэтому и лежит пока что в психушке и никак не досаждаст нашему мирному, терпимому свободному обществу...

Старшая сестра, явно желая поскорее закрыть скользкую тему, резво снялась с места и убежала по делам. Зато в сестринскую пришли Надя с брюнеточкой. Скорая Помощь активно вступила в разговор о том о сем. Новенькая же, полукотвернувшись, копалась в шкафу с документацией. Она вообще никак не реагировала на его присутствие, но он сразу же почувствовал...

Нежная тьма южной ночи, плоды, накапливающие сладость солнца, дурманящая прохлада источника в оазисе, аромат недолговечных цветов и знак праматерей, Евы и Сары, лоно, рождающее волю и веру...

Несмотря на бодрое тарактенье и призывные улыбки Надежды, Грамматики стал пятиться к двери.

Наконец он выскочил в коридор и поспешно закрыл дверь. Прислонился к стене, пытаясь понять, что произошло.

Это не могло быть игрой художественного воображения пациента, страдающего от пролежней и неврозов. Присутствие брюнетки было слишком напрягающим. От нее как от паучихи исходила паутина тонких флюидов, проникающих под кожу, сладко входящих в кости, в ткани, властно оплетающих его мозг, легкие, желудок. Все так же, как и год назад, когда Вера хотела выудить из него коды доступа.

Сигналы от брюнетки проходили, не воздействуя на его органы чувств! Если отбросить измышления о сверхчувственном восприятии, остается последнее объяснение. Включились тайные нейроинтерфейсы, год проспавшие в его мозгу, они отображали эти сигналы в виртуальном окне, превратив их в понятный разуму символ — в свет без тепла и цвета, пронзительный и емкий. Свет не солнца, а Бездны.

3

По счастью, на территории больницы было где погулять. И даже посидеть, посмотреть на «алмазное небо»*, показывающее рекламу над Сити. Впрочем, рекламных надписей отсюда не видно, только сполохи, похожие на северное сияние, и обрывки фраз: «одно... нежное прикосновение... и вы забудете о геморрое...»

Двор был изрядно запаршивевшим, влажным, облепленным плесенью, но это было лучше, чем палата.

Грамматиков выбрал местечко, закрытое с одной стороны мусорными баками, с другой — разросшейся нанопластиковой колючкой, сел на ступеньки, ведущие к заколоченному входу на пятое отделение. Достал кибермольберт. Закрыв глаза. На секунду ему показалось, что он сидит в подвале, а вокруг бродят смертоносные невидимки. Тьфу, бред Сержанта заразным оказался.

Тут кто-то пихнул его в затылок.

Сзади стояли двое. Пациенты эти были в пестрых маечках, несмотря на холодный мартовский дождик. Один парень — бритый, с большим количеством дермальной фотоники, которая превращала его в живой экран для демонстрации порнофильмов. Другой — с приторной улыбкой извращенца и длинными белыми волосами, которые у него росли почему-то еще на плечах. Может, геночип оказался дефектным, а может, так и было задумано.

Прямо под кожей предплечий у обоих парней будто змейки ползали... Это ж, черт подери, олигофрены из лечебно-трудового профилактория.

— Эй, балеринка, это наше место, — сказал «мохнатый», а его товарищ почему-то проверил содержимое своего носа без помощи платка.

Грамматиков поднялся.

— Да я не претендую. Вы тут отдыхайте, товарищи, а я пойду потихоньку на ужин.

* аэрозоль из нанодисплеев.

— На ужин далеко ходить не надо, птенчик. Мы тобой и здесь поужинаем. Ты ведь нам задолжал.

В груди образовался и быстро разрастался провал страха, в мигом опустевшей голове рикошетила лишь одна нехитрая мысль: «Я пропал, я пропал, я пропал».

Из-за мусорных баков появился Сержант, и Граммати-ков со стыдом убедился, что рад ему, как шенок.

— Вас представить? — немедленно включился Сержант в беседу. — В левом углу ринга — начинающий маляр. Я все правильно сказал, Андрюха?.. В правом углу — художники-импрессионисты, которые умеют профессионально рисовать незабудки на чужих лицах.

Несмотря на положительную характеристику, «мохнатый» не согласился.

— Эй, мужик, ты чё, совсем оборзел? Какие мы тебе художники-сионисты? Мы — нормальные пацаны.

— Ну да, нормальные пацаны. Как Ахилл и Патрокл. Да, волосатый качок — точно Ахилл, вернее, Брэд Питт после успешной лоботомии... Граммати-ков, у них силопроводы. Это такие синтетические мышцы из миоэластической резины в кон-тримунной упаковке.

— Э, кончай базар, и вали по быстрому отсюда, ты нам не должен, — противно акая, сказал Ахилл Сержанту.

— Всему городу было известно, что психиатрическая больница для бедных — плохое место. Что городские власти маринуют тут изрядное количество обычных бандюг. Им разрешили порезвиться во дни воцарения свободы в самом городе, а теперь держат здесь, и тоже не случайно. Чтобы прессовать врагов демократии вроде тебя, Андрюша, — негромко продолжил Сержант.

— Хорошо, дядя, постой тут, мы найдем и для тебя занятие, — сказал Ахилл Сержанту и, подойдя вплотную к Грамматикову, задышал в ухо. — Или ты надаешь по рогам этому фраеру, или я займусь твоей шоколадной дырочкой, красавчик.

— Чем меньше способностей, тем больше потребностей, все по Карлу Марксу, — прокомментировал Сержант. — Эй, молодежь, у меня есть кое-что для вас. Кто хочет закинуться

на халяву? Готов поделиться. И не потому, что я такой щедрый, — не будь у нас жадности, мы бы напоминали автомат по продаже попкорна. Это я скорее из уважения к Гомеру. «Слушай, богиня, налей Ахиллесе, Пелееву сыну».

— Ну, чего там у тебя? — не без интереса отреагировал Ахилл.

— Доза порнушного наноинтерфейса, прием оральный, всего лишь двадцать минут он добирается до твоих лимбов, а потом улет, стоны без конца, — с рекламным напором, но без надрыва предложил Сержант. Он улыбнулся облакам, как будто там его ждали более важные дела.

Предложение Ахиллу не понравилось.

— Адвести двадцать не хочешь? Ошибся адресом, мы тебе не глюколовы и не онанисты. Мы — спортсмены, понял? И от того, что нас здесь маринуют, мы кислее не стали. Так что, труп, подожди, пока мы вденем твоему красавчику в задний разъем. Потом мы и с тобой определимся.

В знак чего-то молчаливый Патрокл снова запустил палец в свою ноздрю.

— Ковыряющий в носу да отыщет. А вообще содомия стара как мир и неплохо переживает все потопы, — дал историческую справку Сержант, рисуя что-то прутиком на земле. — Однако наблюдается прогресс и в этом деле, пидорасы-модернисты вшивают в член целое нанохозяйство — помпочки, процессоры, сервера...

— Я весь в нетерпении. — Ахилл, сопя, подталкивал Граматикова к дециметровым шипам забора. — Так ты девочка или все же пацан?

— Вот так в подсознании людей **выжил** древний обряд инициации, — академическим тоном сообщил Сержант. — Сделай какую-нибудь пакость, и ты превратишься из мальчика в мужа. Иначе тебя опустят. Как много красивых старых обычаев сохранилось в уголовной среде. Наша современная либеральная культура позволяет им быть такими, какие они есть. Развратными, грязными, злыми.

Приближающаяся физиономия Ахилла источала гниль изо всех щелей. Грамматиков подумал, как бы он мог нари-

совать свое отвращение. Зеленовато-желтые потеки на сером фоне...

— Так ты все-таки девочка? Сладкая моя, хочешь родить от меня маленького? Тут, на зоне, есть специалист, который умеет превращать мужские половые клетки в яйцеклеточки...

Грамматиков чувствовал, как снова вязнут его руки и ноги, теряют связь с мыслями, скачущими в голове.

— Грамматиков, ты не девочка, ты еще хуже. — Взгляд у Сержанта был ленивый и как будто безадресный. — Ты настоящая спящая царевна. Проснись наконец. Надо драться. Надо обижать людей, хоть это совсем неинтеллигентно. Ты же говорил, что твоя мамуля была оперативником МВД и мочила бандитов в сортире.

Спокойствие Сержанта неожиданно распространилось на Грамматикова. Даже ощущение такое появилось, будто его качает на своих волнах Бездна, из которой выплывают миры-левиафаны. И эти левиафаны для Бездны не более, чем едва заметные пугырки.

Волна вынесла Грамматикова на больничный двор, как на берег морской. Грамматиков почувствовал и легкость, и могущество, как капитан эсминца. Напор чужой воли, который до этого момента сминал его, вдруг исчез, превратившись в грязь под ногами.

Перед ним был всего лишь тонкий мир, похожий на бензиновую пленочку, расплывшуюся по поверхности океана. И грозные враги стали тоже тонкими, хudosочными...

В следующее мгновение Грамматиков всадил правый локоть в мягкий от неожиданности живот Патрокла, стоящего позади, а тылом кисти заехал в нос Ахиллу.

После этого Грамматиков обернулся. Ахилл еще постанывал и закрывал лицо руками. Он был ошеломлен, шокирован, оскорблен. Вместо весьма отработанного спектакля, приносящего «невинные» радости, он подвергся жестокому и вероломному нападению. Но Патрокл уже выходил из согнутого состояния и пытался принять боевую стойку. Даже сейчас дебиловатая улыбочка плыла у него по физиономии. Под толстой кожей его пальцев явно проглядывались расширяющиеся металлические кольца.

— Упади, Андрюха, — шепнул Сержант и что-то потянул у себя из рта.

Грамматиков удивился, но послушался. Над ним что-то свистнуло, и Патрокл, хрипя, расстелился в грязи. Ахилл попытался припечатать Грамматикова ногой, но тот неожиданно для себя впился в нее зубами, получив в ответ протяжный вой. От боли Ахилл даже забыл про приемы уличной драки, которые ему приходилось использовать на начальных этапах своей «трудовой» биографии вплоть до достижения определенного статуса в уголовной среде.

Ахилл наконец вырвал свою ногу, чтобы вклеить ее в живот тощего «педика», раздавить все там в говно, а потом ухватить это хилое горло и большим пальцем выдавить эти выпуклые рыбы глаза.

Но Грамматиков не дал осуществиться этим мечтам. Он перекинул себя вперед брейковским толчком от земли, а потом, резко крутанувшись вбок, стригущим движением ног подсек Ахилла и проставил ему «штамп» на черепе каблуком ботинка. Потом еще раз двинул Ахилла по голове — хорошо было слышно, как лязгнули зубы пацана.

Грамматиков попытался снова врезать противнику, но тут кто-то оттолкнул его.

— Эк тебя колбасит. Остынь, выключи софиты, интервью окончено.

— Я не знаю, как... — сразу застеснялся Грамматиков.

— А я знаю. Ты — консервированный берсеркер в собственном соку.

Грамматиков сплюнул, но на языке остались как будто волосы с ноги. Хотя он понимал, что это всего лишь остатки ткани от вражеских штанов, его чуть не вытошнило. Ахилл и Патрокл тем временем ползли к дальней стене, полностью сосредоточившись на своих проблемах. А Сержант что-то прятал себе в рот, попутно проверяя прикус. Потом пояснил:

— Вставная челюсть с расширенными возможностями. А натуральные зубы, друг мой, высадил мне прикладом один милый демон, мир его праху...

Грамматиков прокашлялся, ситуация оставалась не слишком комфортной. Мучитель Сержант — и вдруг в роли напарника.

— Наверное, я пойду. Спасибо.

Грамматиков повернулся, чтобы поскорее оставить поле битвы, но Сержант хлопнул его по плечу:

— Пожалуйста. Тем более что ты сегодня повел себя не как мальчик, но муж, достойный распевок акына Гомера.

Сержант достал из кармана бумажку для самокрутки.

— Может, забьем косячок? Я угощаю.

— Нет, извините, это не в моем вкусе.

— Ну, может, позволишь дать тебе совет? Я ведь теперь на правах твоего нового друга. После того как нас не удалось поломать грубо физически, враги могут использовать новые, более хитрые методы. Не принимай на ночь маленькую желтую таблетку, которую принесет медсестренка. И вообще будь внимательным, как будто уши и глаза у тебя выросли на всех местах.

4

— Эй, нарисуешь меня, ван-гог ты наш болезный? Или предпочтешь отрезать себе ухо и другие органы в придачу? — спросила Надежда, перехватив Грамматикова в больничном коридоре.

— Конечно, Надя, о чем разговор. Через пару минут. Хотя я скорее не Ван Гог, а Малевич.

В дальнем конце коридора появилась брюнетка, и Грамматиков чуть ли не втолкнул Надежду в процедурный кабинет, сам влетел следом и поскорее закрыл дверь.

— Не торопись, котик, — промурлыкала Надежда. — Без моего портрета ты далеко не уедешь.

Медсестра воспользовалась сеансом позирования по полной программе. Занимала позы все более соблазнительные, пока Грамматиков не взмолился, чтобы она наконец угомони-

лась. «Угомонилась» Надя, лежа на диванчике с соблазнительно приоткрытыми ляжками. Один к одному Луизон с картины роскошного Франсуа Буше. Кое-что шевельнулось в душе больного, да и пониже, приглашение-то было недвусмысленным.

Может, у него и в самом деле все проблемы от сексуальной неудовлетворенности? Все-таки две ночи, проведенные с женщинами за всю жизнь, это явно недостаточно.

— Алё, чего задумался? Полный вперед, — поторопила его Скорая Помощь.

— У меня там... после операции заплатка...

— Вот дурачок. Я же медсестра, сделаю все сама.

Она взаправду сделала почти все сама. Едва ее руки оказались в области его гениталий, Грамматикиков отреагировал с той же быстротой, что и тюбик, на который надавили ногой. Но опытная Надя-кудесница не угомонилась и, оседлав пациента, заставила его отреагировать еще раз, с большей пользой для себя...

Сбросив портрет «Луизон» через радиопорт мольберта на терминал восхищенной медсестры — радуйся теперь без меня, — Грамматикиков вернулся в палату. Улегся в койку и почувствовал что-то вроде злости.

Вместо таинственной брюнетки ему словно подсунули простую как копейка бабенку, придуманную в небесной канцелярии для услаждения примитивов типа Сержанта. Чего стоят одни только буфера размером с приличную дыню, которые трясутся над тобой словно на пружинках. Однако эта бабенка так нехило отбомбилась, что... хочется повторить, с огорчением признался себе Грамматикиков. Так же как Сержанту и любому другому павиану.

5

Маленькую желтую таблетку принимать Грамматикиков не стал. Посмотрел, как извиваются ленточки с цепким нанопокрытием, предназначенным для мучительной казни мух, нару-

шительниц больничной границы, и задремал. Вернее, опустился в пустые глубины мира, где плавают лишь рыба-левиафан... Около полуночи Грамматиков проснулся от скрипа половиц.

По палате шла сестра-брюнетка. Даже не шла, а почти что летела. Вначале ему показалось, что она направляется к нему, но потом взгляд его сфокусировался, привык к бледно-серому свету изношенных фотонических обоев, и он понял, что ошибся. Медсестра была уже у койки, где с молодецким посвистом храпел Сержант.

В руке медсестры был шприц. Почему укол, почему сейчас? Что там с Сержантом могло стрястись?

Движения брюнетки были легки и точны, как у потомственного вампира, нацелившегося на кровеносный сосуд потомственной жертвы.

Но тут одеяло пациента откинулось, и на медсестру посмотрело дуло здорового армейского пистолета сорок четвертого калибра.

— Здравствуй, детка. — Сержант послал воздушный поцелуй. — Может быть, займемся любовью за шкафчиком? Ты Камасутру читала? Позу вешалки знаешь?

— Ой, — тихонько пискнула брюнетка. Валькирии и демоницы так не пищат.

— И как ты думаешь, где я прятал своего «стечкина»? Все правильно, мое судно — моя крепость. Я еще не мочусь и не какаюсь под себя, как некоторые свободолюбцы. По этому поводу пророк абсолютно правильно сказал: «Поистине больше всего наказаний в могиле будет от мочи».

Сержант полностью отбросил одеяло и сел на койке. На нем были бутсы, штаны и майка. Он оглянулся и заткнул пистолет за ремень.

— Грамматиков, сдается мне, что ты не спишь, поэтому вставай и во всем слушайся меня... А ты, киска, положи свой шприц вот сюда. И учти, хороший сержант не уступает хорошему демону по скорости реакции.

Девушка положила шприц на столик рядом с койкой, не отрывая взгляда от рукоятки пистолета, заткнутого за пояс Сержанта.

— Теперь разворачивайся.

Сержант встал с койки, подхватил шприц и шлепнул послушно повернувшуюся медсестру пониже спины. А затем сделал ей укол прямо через ткань.

— Надо отметить, господа, что при такой худобе у нее весьма спелая попка. Как персик, я бы сказал. Ну, красotka, давай танцуй вперед в ритме вальса, раз-два-три.

— Вы не имеете права, — поднялся с койки и заторопился следом Грамматикиков.

Произошло. Включился страшный озлобленный маньяк, военный преступник-психопат, который до поры до времени дремал в мозгу Сержанта. Сейчас больной начнет колбасить, а потом убивать и ловить кайф от этого.

— Значит, ты собрался следить за нарушениями прав вот этого полудемона-получеловека, — буркнул Сержант. — А я тебя, между прочим, за дисциплинированного соратника держу. Так что изволь исполнять приказы. Больничную чип-карту не забудь захватить. И туалетную бумагу.

Около выхода из палаты стоял здоровенный небритый медбрат породы шкаф. «Вот сейчас-то все и закончится для Сержанта», — подумал Грамматикиков, и приятное ожидание повеяло как свежий ветерок. Но потом... все произошло быстро и, наверное, для Сержанта даже весело.

Он, используя Грамматикикова как опору, ударил медбрата два раза — ногой, в челюсть. А потом еще был третий удар — рукояткой пистолета по затылку.

— Третий удар — контрольный, для надежности. А теперь затащи этого коллаборациониста в туалет, — велел Сержант Грамматикикову. — Только не лишай его там невиновности.

И хотя пол был гладок и как будто годился для волочения большого тела, эта процедура заставила Грамматикикова облиться потом.

А затем он поплелся за Сержантом и медсестрой по коридору, и ощущение беспомощности заставляло его вибрировать. Орать «рятуйте, люди добры» — не по-мужски как-то, да и Сержант может психануть и открыть пальбу...

6

— Все очень просто, — сказал Сержант, подталкивая Грамматикова и девушку к лифту. — Вот наша трофейная медсестренка с пальчиками, подходящими для дактилосканеров на дверях, вот ее смарт-карта, вот ты, раненый боец, пробитый вражескими шариками. То есть, учитывая изменившуюся международную обстановку, шарики уже теперь дружественные, несущие свободу и демократию. Но в любом случае тебя нужно препроводить на хирургию в соседнем корпусе. Я — помогающая сила. Крепкий, но не буйный. По крайней мере отсюда мы должны выйти... А ты, киска, давай прикладывай пальчики к сканирующей панели и делай это без всяких фокусов.

Полуобвисшая девушка исполнила приказ в точности, и дверь впустила их в лифт.

В кабине не было панели с кнопками этажей, только сенсор карточного считывателя.

— Это мне не шибко нравится, — пробормотал Сержант, проводя чип-картой медсестры перед сенсором. — Но, думаю, мы договоримся.

В этот момент световая вспышка заставила его моргнуть и ругнуться.

— Это всего лишь попытка опознания. Отпечатка вашей радужки в базе нет, возможно, потому что вы — новенький. — Мелодичный бесполой голос исходил непонятно откуда, вернее, от акустической решетки, вделанной в стенки лифта. — А что вы так удивились, больной? Я кибероболочка всего этого режимного лечебного заведения. Итак, почему вы не спите?

— Медсестра ведет пациента Грамматикова в хирургическое отделение, — доложил Сержант. — Я просто сопровождающий, поддерживаю парня, чтобы не упал. Он совсем плох.

— Да, эта девушка — штатная медсестра, идентификационный номер Омега-Ноль-Два, опознание совершено по интракорпоральной радиометке.

Лучик света ударил и в глаз Грамматикова, тот аж подпрыгнул.

— Добрый день, Андрей Андреевич. Оптический анализ крови, протекающей через сосуды сетчатки глаза, показал, что у вас несколько повышенная температура. Обнаружены и маркеры, свидетельствующие о приеме болеутоляющих средств. Как вы себя чувствуете?

Сержант пребольно пихнул Грамматикова, и тот вяло подтвердил:

— Мне нужен хирург.

Кибероболочка, как будто поразмыслив еще немного, двинула лифт вверх и остановила на третьем этаже.

— Вы должны вначале поставить в известность главного врача. Он до сих пор на работе.

— Ладно, Грамматиков, выходим, главный так главный, — прошипел Сержант. — Бери красотку под руку и двигай с ней впереди меня в виде «сладкой парочки»...

Сестра теперь висла на руке Грамматикова, то и дело норовя упасть. При столь тесном контакте весила она уже не как субтильное создание, а как приличный мешок картошки. Зато никаких сигналов не источала, отчего Грамматиков ощущал постыдную радость.

Мимо по коридору продефилировал какой-то врач, но, похоже, не обратил внимания на «сладкую парочку».

— Грамматиков, ты видишь, сонные девушки — не такая уж редкость в нашем медштабе. А теперь стоп. Мы оказались в точке бифуркации, — сказал Сержант у двери с надписью «Главный врач. Краснопольский А.М.».

Дверь открылась, и сержант втолкнул сестру и Грамматикова в кабинет. Затем шагнул сам и закрыл дверь.

Доктор Краснопольский поднялся из-за стола. Хорошо упитанный мужчина немалого роста.

— Милочка, что с тобой? — спросил он с забавным западнославянским акцентом.

— Не что, а кто. Статуя командора уступила мне место в очереди. — Сержант выдвинулся из-за девушки и помахал стволом.

7

— Я знаю, пациент, что этот пистолет не настоящий, вы вырезали его из дерева на занятиях трудотерапией и покрыли микросхемной краской, имитирующей текстуру металла.

— Конечно, док, — охотно согласился Сержант. — В нашем заведении принято дурачить друг друга.

Через минуту после начала «приема» для доктора Краснопольского случилось непредвиденное. Его голова была зажата между полом и ногой Сержанта на манер сэндвича.

Сестра обмякла на стуле, а Грамматиков почувствовал, что у него нет сил не то что на драку, но даже и на крик. Наверное, потому, что ему стало смешно. Ввиду немалых габаритов доктора казалось, что на полу лежит яйцо бронтозавра.

— Я достаточно крепок, как вы, наверное, уже заметили, поэтому могу надавить посильнее и причинить вам довольно неприятные ощущения, — сказал буйный псих Сержант. — Или, может, вы не чувствуете боль?.. Кстати, Грамматиков, не вздумай рыпнуться, иначе я сверну доктору шею.

— Что вы хотите? — проскрипел Краснопольский, явно страдающий от неудобства своего положения.

— А ничего особенного. Просто вы позвоните сейчас на пост охраны внизу, распорядитесь, чтобы человека с моим именем выпустили наружу. Вы тут хозяин-барин, вас послушают. Это же обычный офисный этаж без особой охраны, а не отделение, набитое буйными антисоциальными психами.

— Но у меня телефон в другом кабинете.

— Звоните с мобильного, который у вас в кармане, потом пришлете мне счет.

— Хорошо, только отпустите мою голову.

Краснопольский уселся за стол, приглаживая волосы. Достал из кармана мобильник.

— Даже не пробуйте включить видеокамеру у мобилы, — предупредил Сержант, заодно шаря в карманах доктора и поправляя ему воротник. — И чтоб я видел ваши руки. Сейчас у всех нормальных людей есть скин-коннекторы, не правда ли.

Позаимствованную у доктора жевательную резинку Сержант положил к себе в карман, а кредитную чип-карту перебросил Грамматикову, мол, теперь и ты в доле.

— Хорошо, хорошо. — Доктор попытался избавить свой ворот от руки Сержанта. — Больной... Дружище, зря вы так. Вы же на пути к выздоровлению. Мы еще не закончили корректировку вашей психики. Мы вытащили вас из вялого апатичного состояния, но чтобы снова стать членом нашего гармоничного свободного общества — надо еще поработать. Вы слишком агрессивны.

— Агрессивность — это не болезнь, — сказал Сержант, опасно застыв у доктора за спиной, отчего тот инстинктивно пригнул голову и положил одну руку на затылок.

— Да, да, конечно, но это симптом болезни. Война как будто не закончилась для вас...

— Чего ты гонишь, Краснопольский, это просто воспоминания. Короче, звони.

— Выслушайте меня, ради бога. Личина героя становится сильнее вас, она захватывает ваше «Я». Существование этой личины, во многом не похожей на вашу подлинную личность, — результат действия компенсаторного механизма. Вместо тех реальных врагов, которые побили нашу армию, вы выдумываете каких-то сказочных демонов...

— Это у тебя сказки дедушки Фрейда. — Сержант дал доктору легкого подзатыльника, а тот хоть и скривился, однако продолжал разглагольствовать.

— Скорее дедушки Юнга. Так вот компенсация — функциональное уравнивание чувства неполноценности при помощи компенсирующей психологической системы, которую можно сравнить с компенсирующим развитием одних органов при неполноценности других органов.

— Нехорошо, доктор, обзываешься, — сказал Сержант и с чувством повторил подзатыльник. — У меня пока все органы на месте.

— Ваша психика создала эту личину в силу определенных психотравматических причин. И если ваша личность ищет способы скорейшего излечения и перехода к нормальной жизни, то личина продолжает воевать, она словно не

знает, что война закончилась бесславным поражением с сухим счетом...

— Как это с сухим? — На скулах Сержанта заиграли желваки. — Ничего еще не закончилось, док. Поэтому конкретные пацаны хотели опустить Грамматикова, а твоя медсестра-демоница собралась меня грохнуть сегодня...

— Вот еще один симптом, больной, — радостно воскликнул доктор Краснопольский. — Эта девушка имеет отличный послужной список. У нее прекрасные умелые руки...

И тут Грамматиков заметил, что медсестра делает ему какие-то знаки. Даже не руками, а глазами. Он прекрасно чувствовал ее глаза, и что-то в его теле уже отзывалось на них. Медсестра как будто предупреждала, что сейчас что-то произойдет.

— Этими прекрасными умелыми руками она еще недавно дырявила головы наших партизан. Можешь мне поверить, Краснопольский. Глянь-ка на ее «трудовые» мозоли. Тасканием горшков таких мозолей не заработаешь. А вот стрельбой из автомата...

И тут свет погас, одновременно раздался крик Сержанта «Суки, порву!». Грамматиков слышал грохот мебели, звуки ударов и падения тел.

Сзади открылась дверь, но тут же массивная тумбочка разнесла оконное стекло. С протяжным воплем кто-то вывалился из окна.

Грамматиков оглянулся назад — в дверном проеме стояли два санитары и явно не могли еще приспособиться ко мраку. Какое-то тело лежало около подоконника — судя по габаритам, доктор Краснопольский.

Грамматиков сделал шаг вперед, привстав на тело доктора и опираясь на подоконник, выглянул наружу.

Под окном, метрах в десяти внизу, была несколько погнутая жестяная крыша гаража.

— Эй, психованная вонючка, — окрикнул кто-то из санитаров с заметным прибалтийским акцентом. — Ну-ка отойди оттуда по-быстрому.

И вдруг в мозгу Грамматикова блеснула картина. Он уже один раз выпрыгивал... В настоящую бездну, не сравнить с жалким десятком метров, как здесь...

И, слегка согнув ноги, Грамматиков оттолкнулся. Легко перемахнул через подоконник, уходя от клейкой мономолекулярной сети, отстреленной санитарами, и с воплем, соединяющим ужас и восторг, ухнул вниз.

Глава 3. Вместо войны

1

Несколько часов он колесил по городу в чреве машины по вывозу мусора. Он забрался туда неподалеку от психушки и провел все путешествие практически без сознания из-за перегрузки обонятельных и осязательных рецепторов. Однако чрево наградило Грамматикова курткой и ботинками какого-то рокера, видно, отправившегося на встречу с богом тяжелого металла. Куртка была прошита углеродным волокном и украшена аппликациями на вечные музыкальные темы. Аппликации были по совместительству наноактуаторами жесткости и могли превратить куртку в настоящий доспех. Ботинки снабжены мэйларовыми носами и жидкокристаллическими ударопоглотителями в подметках...

Несмотря на крутой вид, Грамматиков забился в знакомый ему с детства подвал во дворе родного дома.

Спустя два часа из своего укрытия Грамматиков увидел, как старая женщина выносит мусор. Это была его мать. Несмотря на всем известные достижения технологий — продвинутый молекулярный конвертер для мусора и более простой мусоропровод в доме стабильно не работали. Может, потому что район плохой, слишком уж далекий от алмазных башен Сити.

Грамматиков посмотрел на окна своей квартиры. Третий этаж, слева от лестницы. Год назад он свалился с крыши дома и остался жив. На том чудеса и закончились. Начинка из

шариков и спиралей в живом теле — это так несправедливо и так больно. Правда, боль укрепляет волю...

Он должен не просто вылезти из уютной щели, но еще подняться по лестнице и позвонить в дверь с табличкой «Грамматиков»...

Грамматиков выбрался наружу через узкое подвальное окошко, столь знакомое местным котам, и пошел по двору. Напряжение было такое, словно ему на макушку должна была вот-вот свалиться бомба.

Железная дверь подъезда, хоть и с замком, сканирующим отпечатки пальцев, была незатейливо распахнута. Сопливые борцы за свободу и их подружки хотели встречаться безо всяких хлопот. Из черного проема подъезда, как и следовало ожидать в подобных случаях, несло мочой. Все как обычно, несмотря на непрерывный технический прогресс, а также гармонизацию всех сфер жизни благодаря системе лицензирования свобод.

Грамматиков направил себя вверх по лестнице. По невымытой десятилетиями, истоптанной крысами, излеженной алкоголиками, иссиженной пацанами лестнице, которая сейчас ему показалась чужой и враждебной.

В данный момент, конечно, пригодилась бы доза наркоинтерфейса, снимающая страх и бздение, но горсть мелочи — все, что удалось получить по украденной чип-карте, которая тут же была заблокирована, — это все его запасы...

Ноги казались ему сделанными из толстых стальных прутьев вроде тех, которыми когда-то армировали бетон. Словно сдавленное в жестяной коробке натужно билось сердце. А еще Грамматикову показалось, что кто-то вместе с ним вошел в дверь и поднимается следом по лестнице. Но в его положении не стоило обращать внимание на подобные мелочи.

Вот и дверь квартиры, под краской проглядывается надпись, которую он процарапал своим первым перочинным ножиком. «Андрюша уже не маленький». В тот день семилетний Грамматиков за счет нехитрых приемов увидел трусики у своей классной руководительницы...

Выпуклый глазок видеокамеры раскололся, наверное, под напором «сил свободы» в дни падения старого Питера.

Табличку с именем, похоже, кто-то уже пытался свинтить.

Грамматиков поднес руку к звонку.

Черная с выщербинками (как они могли образоваться?) кнопка тянула его пальцы к себе как пылесос.

Но Грамматиков не смог надавить на нее, хотя чертовски давно не был дома. Если его ждет засада, то именно здесь.

Грамматиков снова спустился на первый этаж и выглянул через дверь, полупрозрачную из-за плесени.

Как снова выйти на этот замкнутый пятачок двора, где он будет представлять собой такую удобную мишень для стрелков, находящихся на верхних этажах...

Черт, какие стрелки, какой пулемет? Стоп, отставить этот заразный солдафонский бред, источником которого был неменяемый Сержант.

Я — мирный, трусливый, спокойный, вернее, очень психованный, но от этого еще более мирный интеллигент, всего-навсего удравший из психушки. Да, побывавший на войне, но никак не отличившийся, обычное пушечное мясо.

На него сегодня не охотятся снайперы и ракетчики, за ним максимум явится наряд из санитарного отдела полиции.

Упакуют и увезут обратно. И пусть там его залечат так, чтобы он забыл про техножизнь. Да и зачем ему этот бред? Если она когда-то и начнет развиваться, от техноинфузорий к технодеревьям и технодинозаврам, то он к этому не будет иметь никакого отношения.

Грамматиков дошел до мусорного бака и начал копать в мусоре, который выбросила его мать. На глаза попался обрывок вчерашней газеты. Мама все никак не может запомнить, что в послевоенном постиндустриальном мире газеты не нужно бросать в мусорный бак, что они съедобные и обладают химическим составом и вкусом, соответствующим макаронам. Учитывая, что прежних дешевых продуктов больше нет (новые власти заставляют население вертеться, за-

рабатывать и приносить прибыль), то газетным гарниром пренебрегать не стоит.

В съедобной газете — анимация, радующая сердце любого добропорядочного горожанина.

Генерал-губернатор Свободной территории Ингерманландия, она же мэр Открытого города Санкт-Петербург — госпожа Лера Найдорф. Улыбочка у госпожи губернаторши как у хорошего наноструктурного робота. А может, она и в самом деле не вполне человек?

Начальственная дама открывает в Сити новый потрясный объект — нанопластиковый ДОМ СВОБОДЫ, который сам растет согласно заложенной в него программе, сам потребляет и выделяет. Уже сейчас в нем, считая по самой высокой башне, километр, а будет еще больше. В доме расположился музей мучеников за свободу имени Джохара Дудаева, мемориальная фондовая биржа с памятником репрессированным отцам-основателям крупного российского бизнеса, Церковь Терпимости, производительностью сто однополых браков в сутки, образцовый Чайна-таун на пятьдесят тысяч китайцев и мечеть, крупнейшая на территории экс-России. Сладко кричать муэдзину, владельцу искусственной гортани, с километровой высоты...

Грамматиков с мудрым видом сел возле помоев, как археолог около костяка древнего человека.

Картофельные очистки, настоящие, сегодняшние. Мама так и не привыкла к продуктам из наносборщиков, которые лежат по бросовым ценам почти в каждой лавке, насыщая радостью сердца бедных, но любящих пожрать граждан.

Еще газета, только двадцатилетней давности, тонкая и дряблая, как кожа мумии. Похоже, что ведомственная многотиражка. На пожелтевшей фотографии его маме вручают орден за ликвидацию киднеппера и работорговца, Аслана такого-то. Уж не того ли бандита, который родил Марину Аслановну. Впрочем, какая сегодня разница...

А вот, похоже, мама совершила давно намечавшуюся уборку в его комнате. Множество упаковок от использованных лекарств, в основном успокоительных и слабительных. Сломанный карманный компьютер, некогда классный дис-

плейчик с голографическим расширением выглядит так, будто им заколачивали гвозди, из дыры сыплется труха — все, что осталось от нанотрубок процессора. На обрывках сенсобумаги люминесцируют остатки текста. Надо ж, это черновики его опуса о грядущей техножизни: «Нам не нужен искусственный интеллект, бесконечно далекий от нас и желающий избавиться от нас, как от паразитической биомассы. Нам нужна искусственная жизнь, функционирующая по схожим с нами принципам, с которой мы будем комплиментарны как хороший муж с верной женой...»

А вот это что?.. Визитная чип-карта на имя Бориса Дворкина.

Грамматиков провел по ее рельефу пальцем и неожиданно сработал скин-коннектор, который как будто выжгли прибалты, когда сажали в концлагерь!

Перед носом Грамматикова в виртуальном окне зажглась неоновая вывеска. Адрес. Значит, этот самый Борис реально существует...

Грамматиков прошел сквозь подворотню на улицу. На улице Гороховой текла обычная послевоенная петербургская жизнь.

По улице гуляют юноши и девушки, словно вышедшие из манги. Их одежда стилизована под школьную форму времен империи, лица скрыты или, вернее, смазаны тончайшими нанопластиковыми масками. Мимика масок программируется, сегодня в моде выражение «сама невинность». Около рта мушка микрофона. В круглых глазах мелькают искорки и огоньки, это плавают на слезной подушке мономолекулярные проекторы. Они втягивают в юные мозги чудеса, сотворенные дрим-компьютером.

Юноши и девушки гуляют, но не друг с другом, потому что это невыгодно, а вдвоем с клиентом, пузатым немцем или толстопятым америкосом.

Свободный город Петербург — мировая столица терпимости, маяк голубого мира... Вот каналы, педики обдолбанные, набить бы им морду, побрить череп и вперед, марш-бросок через болото с полной выкладкой и песнями...

Грамматиков сплюнул, раньше у него таких мыслей не было, Сержант все-таки повлиял. Кроме того, понять, где юноши, а где девушки в пору большой моды на геночипы, — это не совсем тривиальная задача. Бороды, груди, ягодицы нужной формы и цвета — это лишь вопрос своевременной оплаты, хотя можно получить и в кредит. А гонять девушку через болото, даже если у нее есть борода, способен только басурман...

Плавно катят по разлинованным дорожкам лакированные сэндвичи однодверных автомобилей без грамма грубой стали и без вредных выхлопов. На таких не проедешь по ухабам. В такой не сядешь с семейством, разве что с другом или подругой.

По специальным боковым полосам скользят пестрые клоунские машины на наношариковой подушке — автоматические доставщики мороженого и пиццы, — прямо на глазах они пытаются вытолкнуть друг друга на проезжую часть, под автомобиль. Опять символика. Совет Европы спасает остатки российского населения от крупных разрушительных столкновений, мягкими, но сильными руками разводя скандалистов в стороны. Однако мелкие пакости на уровне раздавленного клоуна с коробкой пиццы — это дозволительно, никто ведь не собирается менять в корне человеческую природу, склонную к конкуренции. К вредности, к жадности...

Витрины магазинов заполнены темно-зеленым гелем, где плавают металлоорганические серебристые русалочки. На нанопластиковом дереве сидит нанопластиковая птичка и гадит дешевой карамелью.

Грамматиков отправил в рот один из таких подарочков, упавших к нему на плечо. Жрать, как ни пляши, все равно охота. Потом поднял с тротуара еще пару карамелек. Во рту они запели песенку о пользе низкокалорийных продуктов...

Тротуар покрыт фотоническим пластиком, пестрящим от рекламы, рассказывающим и показывающим, куда идти, чтобы словить кайф.

Рекламные указатели показывают направления, по которым обязана протекать сочная слизь, называемая массовым потребителем. Слизь снабжена нервами, поэтому она боится

холода и тяжелых мыслей. Слизь протекает через слизь, студень трется от студень, рецепторы превращают зуд в удовольствие...

Половина голографических реклам смачно соблазняет на потрясный интим и долгосрочное оргиастическое безумие.

Длинные руки полногрудых голорусалок пытаются уткнуть тебя в пучину страсти, «если у тебя, конечно, имеется лицензия на зооподобный секс».

Волосатый самец протягивает девушкам, мечтающим о принце, баночку со спермой голландского короля. Сертификат генетической идентичности прилагается.

Некто мускулистый и без штанов сообщает, что «заделать ребеночка от двух пап — всегда пожалуйста, перекуем одного сперматозоида на яйцеклетку, и появится третий в теплой голубой компании». Ага, понятно, откуда у мохнатого Ахилла появились такие мысли...

Вот и бюро эвтаназионного туризма, «не забудьте провести последние дни в раю, лишит девственности семьдесят гурий вам поможет фирма Эдем».

Адвокатские конторы предлагают «отсудить ту долю удовольствий, которые вам положены по праву».

А стоит только приблизиться к медиа-стене ближе чем на полметра, она начинает шептать: «Я дам тебе то, о чем ты мечтаешь».

Впрочем, она так и не сказала ему: «Здравствуйте, господин Грамматилов, пожалуйста, руки вверх, сейчас за вами заедет полиция». Значит, программа не смогла идентифицировать его своими сенсорами, опознать его внешность и запаха. Не зря он порезал бритвой вживленную ему в концлагере радиометку...

Прокатиться бы тут разок на танке — и от всей этой дребедени один компост останется.

Но по облакам на танке не прокатишься. Пролетел самолет, распылил аэрозоль, состоящий из сферических дисплеев размером в полмикрона. И вот с искусственных облаков сияет реклама и выпуски последних новостей.

«Хочешь на небо? Покупай надувную подругу фирмы «Нана», таких шикарных слизистых покровов ты не найдешь

нигде. Да разве ее можно сравнить с убогой резиновой Зиной из тумбочки возле твоей кровати».

Умельцы из рекламной службы фирмы «Нана» даже ухитрились слепить из облаков грушевидную женскую фигуру...

Грамматиков свернул с Гороховой на Загородный проспект.

Рядом распахнулась дверь автобуса, похожего на огромный мыльный пузырь. Но на борту автобуса мерцал знакомый с детства номер маршрута.

Грамматиков не удержался, вошел.

Грустно перекатилась в кармане горстка пластиковой мелочи. Лучше сэкономить на билете.

Грамматиков смотрел сквозь прозрачные борта автобуса на улицы, по которым плыли маски, на мир, затянутый легкой серебристой пленочкой дождя, и его не отпускало ощущение нереальности...

— Вы не заплатили за проезд, — сказал мужик с сиденья напротив. Да какой там мужик. Бесполоая физиономия, волосы, увязанные в светящиеся дреды. Его глаза, которые только что ползали как сонные мухи, внезапно сфокусировались, стали пронзительными. — Вы не вложили карточку в прорезь кассового автомата. С такими, как вы, мы никогда не достигнем гармонии.

Грамматиков хотел было пребольно наступить ему на ногу, но тут открылось виртуальное окно.

Мужик украсился многогранным нимбом, каждая из граней декларировала его «софт» и «железо».

Это и не мужик вовсе, а кукла с наноструктурной начинкой. Робот, скрытно контролирующий оплату проезда. В нем ничего, кроме метаялорганики, нанопластика, оптоволоконных шин, кристаллических микросхем, нанотрубчатых сетей, кремниевых волокон.

Наверное, этот нанострукт может и плюнуть в безбилетника нервно-паралитическим ядом, тонкой струйкой под очень большим давлением.

Грамматиков рванул на выход, пришлось даже отшвырнуть какого-то остолопа, который отдался киберонанизму

около самых дверей. Лицо киберонаниста напоминало обратную сторону зеркала, потому что «с той стороны зеркала», в глубине черепа, сияла люциферова звезда наркоинтерфейса.

Под грохот падающего киберонаниста Грамматикиов вылетел из адского автобуса и помчался так, как будто за ним гналась вся техносфера планеты Земля. Пока наконец не осознал, что так он рискует моментально засветиться. По сегодняшней улице можно бежать, лишь если на тебе спортивное трико, которое обтягивает атлетические члены, выращенные с помощью геночипа.

Грамматиков стал уничтожать в себе всякое волнение, напряженно дыша через левую и правую ноздрю, а также с помощью диафрагмы. Все как папа завещал. Удивительно, почему он предпочитал все-таки «Столичную» Йоговским упражнениям. Наверное, папа просто поверил в то, что ему нечем дышать в этом тесном мире, сложенном из крепких четырехугольных дилеров и киллеров. На что рассчитывать ему, хлипкому, когда мужики, которые могли бы ходить в атаку через обледеневшее поле на вражеский дот, сознательно тонут в собственной блевоте, нахлебавшись рентабельного суррогатного спирта. Вместо человека в мире образовывается дырка. Но и «дырочный» ток, как показала «новая физика», приносит прибыль. А вот мать всегда умела поймать свежее дуновение ветерка даже в самом грязном скучном тесном пространстве...

Отец и мать сидят во мне, как в матрешке. Внезапно заработавший скин-коннектор — это тот самый ветерок из-за стены.

Грамматиков пошел нормальным шагом, радуясь обретенному спокойствию. И тут услышал, как из подворотни доносятся крики. Даже не крики, а сипение, вырывающееся из сдавленного горла. Кого-то вроде душат или насилуют. А ты иди себе мимо, подумаешь мелочи какие — после того, как изнасиловали целую страну...

Но Грамматиков не совладал с милицейскими генами, которые он унаследовал от мамы, и вступил в проход, образованный нарочито обшарпанными стенами.

В конце прохода был здоровенный дядя Том с голографической эмблемой гарвардского института международного развития на футболке. Он что-то делал с белобрысой девкой, прижав ее к мусорному баку. Что-то далеко неакадемическое. Его крепкая задница работала как нефтекачка. А к его атлетической бронзовой шее присосался нейроакселератор матово-черной пиявочкой.

Грамматиков в нерешительности потрогал гарвардца за плечо, уже понимая, что подворотня носит постановочный вид. Турист законно развлекается, купив лицензию на порцию добровольно-согласованного насилия. Вкусно и дешево, как пишут в путеводителях по поствоенной пост-России.

Секс-турист наконец обернулся. Лицо у героя экстремального отдыха сочилось трудовым потом. Нейроакселератор усиливает ощущения, но из-за сенсорного привыкания требует все более интенсивной эксплуатации «объекта».

Закатившиеся зрачки девки обнажали неприглядную белизну глазных яблок, слившуюся с гнилой бледностью лица. Ее слюна и сопли обильно вымочили гарвардскую футболку в разных местах.

Грамматиков ушел бы, наверное. Ведь девку в любом случае откачают... Но когда турист поторопил его: «вали», Грамматиков подхватил с земли пивную бутылку и стал заталкивать импортному бугаю в оскаленную пасть. Бутылка уходила все глубже и глубже, теперь уж склизкие руки туриста беспомощно скользили по куртке Грамматикова. И случайный прохожий мог бы подумать, что это Грамматиков — секс-турист, купивший лицензию на полчаса садизма. И лишь когда гарвардец засипел именно так, как сипела до этого девка, Грамматиков повернулся и пошел так, как ходят шерифы, исполнившие справедливый приговор.

Скоро я буду жалеть об этом. Скоро, но не сейчас. Именно страх перед «скоро» никогда не давал мне почувствовать всю красоту «сейчас».

Вот и Пять Углов, теперь свернуть на улицу Рубинштейна.

Таинственные граффити, сделанные на стенах «умной» микросхемной краской, то светились, как грибы в джунглях, то снова гасли. Пушкин, поражающий змея с головой дяди

Сэма. Ниже надпись: «Пушкин и ЭТО должен делать за тебя?» Похоже, недобитые националисты постарались. Улица Рубинштейна всегда была фрондерской.

Подъезд, где проживал Борис Дворкин, выглядел весьма укрепленным. Сбронированной дверью. Наверное, осталась от времен господства мародеров на улицах Петербурга, освобожденного от всяческого гнета. Вместо обычного кнопочного замка — сенсорные панельки с указанием фамилий. Фамилии «Дворкин» там не было. Но и визитная чип-карта едва ли врет.

Грамматиков сразу нажал на все панельки и сказал в пупырчатый кругляш микрофона:

— Боря, это вы?

— Вы ошиблись... ошиблись... ошиблись... таких здесь нет, — отозвался ему хор жильцов.

Но потом динамик высказался более осмысленно.

— Вам какого Бору? — уточнил приятный женский голос.

— Такого. С вами живет только Боря Дворкин, надеюсь.

Чуткий динамик донес эхо разговора: «Тебя спрашивает длинноносый такой, тощий, сказать, что нет тебя, или как?»

— Мужчина, вы меня слышите? Борис переехал отсюда. До свидания, — доложил динамик и отключился.

Грамматиков снова нажал на панель вызова.

— Эй, если меня не пускают в дверь, я вхожу в окно. Причем в буквальном смысле.

Он глянул вверх. Восьмая квартира — третий этаж. Можно попробовать.

Грамматиков забрался на искусственный сильно пахнущий одеколоном тополек, с него перескочил на подоконник, потом на водосточную трубу, с обезьяньей ловкостью добрался до второго этажа.

Грамматиков ощущал странную легкость, которая у него раньше бывала только во снах. И старался не думать, что, уж конечно, на третьем этаже ему станет страшно.

И тут дверь внизу открылась... Предлагают войти...

На пороге квартиры номер восемь стоял человек, который, несомненно, был Борисом Дворкиным.

Грамматиков сглотнул ком, мгновенно набухший в горле, — Боря был чем-то похож на Сержанта из больницы.

— Ты, то есть вы... Извините...

Да нет, не Сержант, черты лица другие, просто что-то в глазах такое же... нездоровое.

— И тени их качались на пороге... Давай, Андрюша, не будем общаться на коврике для вытирания ног, заходи.

2

Стильный кабинет. Одни прозрачные нанодисплеи на окнах чего стоят. Если погода плохая, как сегодня, то они показывают яркие южноиталийские берега.

— Чем обязан, господин Грамматиков? — подчеркнуто ритуально спросил Борис Дворкин.

Придуривается, что ли?

— Да всем обязан. Борис, вам не кажется, что вы чересчур похозяйничали у меня дома?

— Слушай, барон, это ж было год назад. Я уже ничего и не помню. Ну, наверное, мы у тебя немножко пошутили...

— А Вера тоже шутила, когда хотела прикончить меня мономолекулярным холодным оружием? Из-за нее я, между прочим, свалился с крыши.

Расслабленная вальяжность господина Дворкина несколько улетучилась.

— Да что ты? Свалился и, как я вижу, уцелел? Везунчик, вероятность такого исхода очень мала. А Вере я давно не доверяю, честно. Вообще мы с ней разошлись, причем я побежал. Вера, как бы это сказать, теперь при новом начальстве...

— Ладно, Вера скурвилась. А прозрачный сосед, полный говна и мочи, а соседка без костей, похожая на обожравшуюся змею, а джинсы — все, что осталось от дамы по имени Лена? Все это случилось именно после вашего визита. Я уж не говорю о техноорганизме, расплзшемся по квартире...

— Что-то больно густо ты мажешь... На диван, что ль, садись. Чаю попьем.

В кабинет вошла белокурая женщина и вкатила сервировочный столик вместе с принадлежностями для питья чая согласно японской церемонии «то-ю-но». Бамбуковые ложечки, совочки, щеточки, сосуд с кипятком, чашечки с пей-зажами на боках.

— Можно мне с вами почаявничать? — спросила она. — Тем более что «то-ю-но» умею проводить только я. Как опытная гейша.

Та самая Лена, которая приходила с Борисом Дворкиным в гости, только уже не в образе патлатой бедовой маркитантки, а приличная такая матрона с аккуратной прической. Значит, жива!

— Эй, чего вылупился на мою женщину, Андрей Андреевич? Блондинок, что ли, не видел? Или она в твоём виртуальном окне похожа на Людмилу Зыкину эпохи застоя?.. Тогда закрой окно и пей чай, вот сушки. Старомодные, не стонут, когда их грызешь.

— Я — ничего. Я всегда так смотрю, — смутился Грамматилов.

— Я еще сейчас пирог разогрею, — пообещала Лена без всякого надрывного хихиканья, которого было так много в прошлый раз. И выскочила.

Незванный гость прихлебнул из чашечки, наверное, слишком громко, потому очень уж был поглощен своими мыслями. Чай — настоящий, с жасмином, все остальное — как во сне.

— Итак, Грамматилов, Лену ты только что видел. По виду это Лена, согласен? На ошупь, поверь мне, тоже Лена. Если ее хорошенько ущипнуть, то она отреагирует как настоящая женщина, а не как пластмассовая давалка, — то есть нормально врежет тебе по морде. С соседкой Мариной и соседом Стасиком тебе, надеюсь, удалось повидаться хоть раз за последний год?

— Да, навещали они меня в психушке.

— И они, должно быть, в порядке, непрозрачные, при костях. Может, у тебя просто мозги перегрелись от стимулов?

— Но после того, как вы ко мне пришли, на меня началась охота.

— Грамматилов, мы точно ни при чем. У меня даже охотничьего билета нет. Я и на мух не имею права охотиться.

Дворкин откровенно забавлялся. С одной стороны, это бесило Грамматилова, но с другой стороны, он понимал, что так вот, за чаем, никакие страшные тайны не открываются.

— Я слушаю вас очень внимательно, Борис, и ничего не понимаю. Вы ничего не говорите толком...

— Погаси свет, немедленно, — быстро, краем рта, проговорил вдруг Дворкин. — Выключатель рядом с тобой.

— Я не хочу с вами сидеть в темноте, — в приступе тоски простонал Грамматилов. — Мне не нравится интим такого рода.

— Погаси свет, везде, быстро. На кухне кто-то еще есть, помимо моей бабы.

— Ладно, я выключу свет, но попробуйте только...

Грамматилов ткнул кнопку, и свет угас с приятной театральной медлительностью. Гость увидел по легкому перепаду тьмы, что открывается дверь в коридор, и подумал, что это выходит хозяин.

Рядом возникла какая-то масса, источающая напряжение, Грамматилов ткнул наугад острым концом бамбуковой ложечки. Что-то булькнуло и упало — тяжелое, как мешок с картошкой.

А потом Грамматилов включил свет и поперхнулся собственной рвотой.

Около его ног лежал и слегка еще дергался человек. Нестандартный человек. Нормальное как будто лицо (хотя, может, и не лицо, а умело подогнанная биополимерная маска), но под расстегнутой курткой видна прозрачная плоть, за которой застыло мертвое дымчатое сердце.

Из уха нестандартного человека текла голубая васкулоидная* кровь, смешанная с пузырями. А еще из его уха тор-

* Васкулоиды — микромашины, заменяющие красные и белые тельца.

чала бамбуковая ложечка для чайной церемонии. Неподалеку от тела лежал пистолет, похожий на толстую пиявку.

Значит, демоны, о которых неумоимо плел Сержант, существуют. И червивый Стасик, змеедева Марина Аслановна, монстры на чердаке — тоже не плоды переутомленного стимботами мозга.

В комнате появился Боря Дворкин.

— Черт, свет не надо было включать. Но теперь пусть погорит. И пистолетик-то подбери, негоже такому стволу валяться без дела.

Грамматиков выплюнул гадость, скопившуюся в горле, поднял оружие и показал пальцем на лежащего человека.

— Что с ним?

— Ничего особенного. Завещания в твою пользу он не оставил. Я на кухне еще одного грохнул. Труп за холодильник упал, оттуда всегда мусор тяжело доставать.

— Я спрашиваю, почему он не похож на обычного человека?

— Вопросы потом, после лекции, а сейчас сваливать пора.

— Как это сваливать? А Лена, жена ваша?

— Она же моя жена, а не твоя, так что уж позволь один я побеспокоюсь. К тому же «скорую» я ей уже вызвал. А мы выходим через чердак, потому что в подъезде нас наверняка ждут.

3

Когда Грамматиков выглянул из чердачного окна, стало опять дурно. Седьмой этаж — не третий. Дворкин показал пальцем на антенну сотовой связи, украшающую крышу дома напротив, и сказал, что туда протянута мономолекулярная нить, невероятно прочная, предельно скользкая и одновременно чудесно липкая.

Нить не было видно. Ничуть, ни капельки. Даже в виртуальном окне она выглядела абсолютно призрачной, несмотря на хорошие показатели удельной прочности.

А пропасть, жадная и большеротая, была видна во всей красе.

— Придется поверить, барон, что спасительная ниточка у нас есть, и пройти по ней проще, чем верблюду проскочить через угольное ушко. Только напрямую за нее цепляться не стоит, мигом останешься без ладошек. Воспользуйся ремнем, если пряжка металлическая.

Дворкин с ласковой улыбкой указывал Грамматикову направление — вперед, в бездну. В прошлый раз, когда он уже слетел с крыши, его защитил радужный нимб... Или, может, сама техножизнь...

По счастью, сейчас все произошло достаточно быстро. Руки, хватающиеся за ремень, и ремень, охвативший невидимую нить, перенесли Грамматикова на крышу соседнего дома со скоростью героя комиксов. Впрочем, сказалась нехватка опыта, и Грамматилов впился лбом в стальной кронштейн, на который крепились антенны.

Свежеиспеченный человек-паук попытался понять, нет ли у него вмятины во лбу, покачиваясь и приседая. Присел он очень своевременно, потому что над его ушибленной головой пропели кассетные пули. Миновав потенциальную цель, они самоликвидировались, обернувшись двумя яркими пушистыми облачками.

— Целься и стреляй, блин. Держи обеими руками, потому что у этой пушки отдача сильная. — Дворкин агрессивно закусил густой рыжий ус. Грамматилов выстрелил два раза из пистолета по окнам дома напротив. Если точнее, по теньям, которые затемняли стекла.

— Попал, попал, угондошил обоих, — закричал Дворкин по-мальчишески звонко. И наступила тишина.

Всего на несколько секунд. А потом странное низкое урчание заставило воздух над крышей завибрировать.

Дворкин показал пальцем на другой край крыши... там поднималось что-то мощное и незримое, похожее на злого джинна.

— Полицейский роторник с фотоническим стелс-покрытием, новинка сезона. Нам не надо стоять и ждать его с глупым видом. Вперед, то есть вниз.

Они съехали вниз с помощью мономолекулярной нити, испугав до смерти пару старушек, которые так и не смогли дать естественнонаучных объяснений полетам живых тел перед их окнами.

А потом был бег по пересеченным питерским дворикам, которым век сносу не будет, лишь ноги порой буксовали на плесени.

— Стоим, отдыхаем, — неожиданно распорядился Дворкин. Похоже, сам этот лось и не запыхался вовсе. Его резкий профиль делил сумрачный горизонт пополам — до и после.

— Мы ушли или не ушли? — едва выдавил Грамматилов сквозь слезы и слюни, набившиеся в горло.

— Ты отстал от жизни, колобок. Сегодня уйти невозможно. В каждой стене есть подслушивающая акустика, поднюхивающая сенсорика, подсматривающая фотоника. Вместо мух робоинсекты летают. Уйти невозможно, можно лишь обмануть.

Дворкин умудренным глазом следопыта посмотрел вокруг, втянул воздух подвижными ноздрями. И вошел в стену.

Блин! Дворкин — это обычный мимик, персонаж виртуального окна. Опять меня надрали, развели как распоследнего лоха! Вернее, мимик весьма необычный, супермимик, неотличимый от натуры. Никаких стыков между графическими элементами, никаких упрощенных поверхностей, бездна деталей. Да, мой мозг безнадежно заражен шпионскими нейроинтерфейсами! Попил чайку, и поскакали по нервным волокнам черные нановсадники, чтобы захватить лучшие места в моей башке.

Грамматиков даже присел из-за влившейся в колени слабости.

Реальный Борис Дворкин неизвестно где и неизвестно кто, я убил человека. Или нескольких людей, если выстрелы по окнам Бориной квартиры были действительно удачными.

Тут Грамматикову показалось, что на глаза навернулись слезы, стена дома перед ним как будто поплыла вместе с об-

шарпанной штукатуркой и антикварной надписью «Шнура в президенты».

Грамматиков потрогал веки — нет, сухие...

Эта стена дома оказалась фальшивой. Просто аэрозольный экран из наноразмерных дисплеев.

За разлетевшимся экраном стоял автомобиль БМВ* — компактный, сильный и красивый, как рыбка бычок. Одна из дверей салона плавно отплыла в сторону, она напоминала уютную раковину, столь ценимую еще нашими предками-моллюсками.

— Давай в темпе, фигуры в статичных позах на фоне плоского ненатурального пейзажа оставим таким мастерам средневековья, как Джиотто.

Борин голос выходил из автомобиля. Ну, сейчас я ему дам в наглый выпуклый глаз. Пусть даже получу за это по морде.

— Дворкин, кто вам позволил пачкать мои мозги всякой нанодресней?

— Да остынь ты, праведник. Через полчаса от дисперсного интерфейса и следа в твоём теле не останется. По крайней мере за свой интерфейс я ручаюсь — это ж обычный «Визи-Гот». Разок помочишься — и ты чист, как младенец.

Грамматиков сел в машину. Внутри не было никакого Бориса Дворкина. Совершенно пустой салон.

Из приборной панели выдвинулся руль, покрытый мягкой псевдобобровой шерстью. Казалось даже, что на рулевом колесе растянулся мохнатый зверек.

Световая вспышка на мгновение ослепила Грамматикова. Его просканировали, определив местоположение и размеры тела.

— Пристраивайся-ка на место водителя. В темпе! — Голос донёсся из акустической системы, вмонтированной в обшивку сидений.

Все ясно, бортовой компьютер.

— Эй, чего орешь, железяка? — зло отозвался Грамматиков, но на водительское место сел.

Сервомеханизмы кресла вкрадчиво прожужжали, подстраивая высоту и наклон сиденья под невзрачную фигуру

* Брянск Мотор Берк.

Андрея Андреевича. На ветровом стекле появилась транспарентная карта города.

— У меня чемпионский титул по кричанию в ухо... И вообще я не «эй», а Борис. Во избежание путаницы можешь называть меня Борис-Два. Не бойся, что ты стал водителем, это так, для видимости. Все равно поведу машину я сам... А теперь я тебе, Грамматики, действительно кое-что объясню, потому что в квартире надо было опасаться подслуха. Ведь сейчас «жучки» не более заметны, чем отдельно взятые вирусы гриппа.

Машина под мягкое гудение ванкелевского двигателя тронулась с места.

Ну и что такого, подумал Грамматики, если Борис Дворкин как следует повозился с программно-аппаратным Борей-Два, то вполне мог протащить его достаточно далеко по шкале искусственного интеллекта. И сейчас у Бори-Два собственная разумность и чувство юмора на уровне доцента провинциального института.

4

— Мы хотели изменить мир в лучшую сторону, чтобы люди стали разумной силой, а материя — мыслящей.

Это утверждение выглядело как визитная карточка организации маньяков. Впрочем, до войны и шариков в ягодицах Грамматики мечтал о том же самом.

— Кто «мы»? — напористо поинтересовался Грамматики.

— Группа энтузиастов, поляне, древляне, кривичи, известный тебе Вовка Кренделевич. Ему — светлая память, погиб геройски на войне. Мы хотели, чтобы нанотех сделал жизнь каждого осмысленнее. Поэтому ты как «каждый» стал чуть ли не главным действующим лицом.

Ответ был по-сектантски хитрым. Никаких конкретных имен, за исключением мертвого Вовы.

— А вы моего согласия спросили? За счет моего здоровья вы провели тайный эксперимент. Что, разве не правда?

Вопрос не смутил собеседника.

— Отчасти правда. Нам был нужен этот тайный эксперимент, позарез, как дыхание «рот в рот» небезызвестной мертвой царевне. Увы, государственные лаборатории связаны массой бюрократических ограничений, а частные продали бы нас с потрохами... Но тебе ведь было интересно, ты мечтал о том же, и, значит, твое согласие мы все-таки получили.

— Ну и? Теперь ты, конечно, скажешь, что эксперимент с техножизнью вышел у вас из-под контроля.

— Да, вышел. — Голос Бориса-Два удачно помрачнел с помощью эмоционального интерфейса. — Вышел, Андрюша, потому что началась война.

— Из-за этого эксперимента?

— Да, типун тебе в штаны. Война случилась по вполне естественным причинам. Что-то отнять, что-то сломать, кого-то опустить. Может, даже все отнять и всех опустить. Пока агрессоры нас имели по полной программе, техножизнь была предоставлена самой себе, и будь уверен, она зря времени не теряла.

Борт-компьютер был скорее всего запрограммирован Борисом Дворкиным, его стиль. Но нельзя исключать, что некий программист просто имитировал стиль Бори. Что-бы не лохануться, надо быть осторожным, побольше слушать и поменьше говорить.

— А ты уверен, что она существует? — спросил Грамматикиков.

— Если бы я не был уверен, то спокойно сидел бы дома и пил бы японский чай с русскими довоенными сушками. Она существует, да еще в двух формах. Есть две техножизни. Одна — светлая и умная, которую породили мы. А другая — примитивная, темная и коварная, созданная командой Леры Найдорф. Про светлую мне, собственно, нечего тебе рассказывать, кроме того, что ее надо найти, а вот темная неплохо показала себя в тех прозрачных демонах, с которыми ты недавно повстречался. Это своего рода диффузный паразитический организм. Он вызывает серьезные изменения в чело-

веческом теле, аж на уровне белковых комплексов, отчего происходят дипольные сдвиги и много еще чего. Белки начинают играть как бы в одной команде. Меняются коэффициенты отражения и преломления света у тканей тела. Распределяясь в управляющих зонах мозга, темная техножизнь форматирует его под загрузку сложных психопрограмм. Более того, она встраивается в генетический аппарат и усиливает регенеративные способности...

Грамматиков заметил, что Борис-Два увлекся как школяр, описывающий одноклассникам то, что он подсмотрел намеренно в раздевалке для девушек.

— Стоп, машина, сейчас не надо сказаний, ведь меня могут в любой момент остановить и попросить на выход с вещами. Конкретно, где искать светлую техножизнь?

— Если б я знал. Вопрос еще и в том, кто быстрее до нее доберется. Одна наша общая знакомая или мы. И если честно, будь здесь тотализатор, я бы поставил на Веру.

Помимо своей воли Грамматиков стал вспоминать темные солнца Вериных глаз, обволакивающую мягкость ее движений, струящиеся линии ее тела и голубые змейки, выскользившие из-под ее ногтей...

— Да, барон, она не просто блядь в третьем поколении, но еще и монстр. С Найдорф может сотрудничать только монстр, такова аксиома. И я подозреваю, что Верка кинула нас и переметнулась в банду Леры Найдорф еще до войны. В команде Найдорф очень серьезные наноинженеры. Они превратили Веру в богиню смерти Кали, обвешенную кишками патриотически настроенных мужиков...

— Но почему этой суперкоманде суперинженеров не создать светлую техножизнь самостоятельно?

— Пытаются создать. Но светлая у них не получается, потому что они — гады, коллаборационисты и наемники. И даже у нас ничего не выйдет, потому что Вова Кренделевич — мертвый герой. Как он там кудесил с нанокристаллами, история не сохранила, начальные условия эксперимента восстановить просто невозможно.

Где-то под ложечкой у Грамматикова образовалась тоскливая пустота. Он порылся в «бардачке» и нашел пакетик с

суповым гелем. Потер его в руках, запустив химическую реакцию, которая превратила холодный гель в теплую суспензию. Через несколько секунд опрокинул себе в рот нечто напоминающее по вкусу вареную штукатурку. От высокотехнологичного супа пустота несколько сгустилась, но тоски меньше не стало.

Назад дороги нет, а впереди — черная дыра. Борис Дворкин — в лучшем случае скользкий делец, который мутит воду, надеясь хоть чем-нибудь пожить.

— Послушай, а почему бы мне сейчас не выйти из этой машины? Ты мне и так уже создал кучу неприятностей. Кто бы ты там ни был, Боря-Один или Боря-Два, я не собираюсь искать для тебя светлую техножизнь, подставляя задницу своре найдорфовских демонов. Останови-ка.

— Здесь нельзя. — Боря-Два и в самом деле уже свернул на Невский, залитый как будто жидким огнем. Наполненные плазмой праздничные пузыри летели по программируемым траекториям, образуя свадебные шлейфы за каждой машиной. — Да и вообще, барон, мы можем сегодня неплохо повеселиться. Глянь, кстати, направо. Экая конфетка катит.

В пестром автомобильчике на соседней полосе и в самом деле ехала девчонка что надо.

— Если бы ты даже мог выполнять роль фаллоимитатора, я бы как-нибудь обошелся без тебя.

— В самом деле? А тачка-то моя. И я всегда могу дать пару ценных советов молодому неопытному другу. Вот как ты думаешь, Грамматилов, что нужно для любви?

Нет, эта железяка сильно действует на нервы, вся — в своего творца господина Дворкина.

— Что нужно некоторым для любви? Мономолекулярный презерватив с музыкой и усиками.

— Мне жалко тех девушек, которые с тобой были знакомы. Или таких почти не было? Для любви, Андрей, нужны цветы.

— Цветы? — Грамматилов переспросил, чувствуя, что в его голове слова Бори-Два находят какой-то смутный отклик.

— У тебя ведь была контузия, Андрей?

Грамматиков почувствовал острое желание вырвать Боря-Два из отсека, где он скрывается, чтобы задрогал проводками, подлётц... Ну сколько можно терпеть?

— Была. И что?

— Ничего. Вон у тебя глаз из-за тика дергается, да и во мне тоже что-то все время тикает. Однако с памятью у меня порядок, а вот у тебя как? Ты и в самом деле забыл коды, запускающие половое размножение техноргов?

— Я много чего забыл, но на моем компе... — Грамматиков запнулся. Нашел с кем откровенничать.

— Твою квартиру разграбили мародеры. Там не осталось никаких ценных вещей. Скажи спасибо, что твою маму не пристукнули и не изнасиловали Марину Аслановну. Впрочем, насилие в умеренных количествах пошло бы Марине Аслановне только на пользу.

Блин, он так мало думал о маме в этот последний год.

— Я же получал от мамы письма, но она ни словом...

— Маманя у тебя боевой офицер, так что не волнуйся за нее. А у нас с тобой свои долги перед страной и миром. Скажу прямо, объективной информации мне не хватает, но интуиция никогда не изменяла мне. Чем раньше светлая техножизнь выйдет из подполья, тем лучше для нее. Темная техножизнь не успеет удавить ее по-тихому в этом самом подполье. Но выход на поверхность означает ускоренное размножение и отбор наиболее устойчивых форм. Надеюсь, солдат, ты в курсе, какой способ размножения самый лучший?

— С точки зрения рекомбинации наследственной информации, то есть половой...

Боря-Два как будто прищелкнул языком.

— Вот именно. Если техножизнь вылезает на поверхность и украшает себя цветочками гонофоров, то ей без тебя никак, потому что коды, запускающие половой процесс, закопаны именно в твоей голове. И если ты честно вспомнишь все, что нужно, то увидишь древо техножизни, проросшее до самых небес, до Луны, Венеры и Марса, древо, которое оплетет своими ветвями Солнце... Раз — и губернаторша Найдорф и ее команда бодрых извращенцев — просто удобре-

ние, кучка говна, оставшаяся далеко внизу. Поспеваешь за мной?

Машина въехала на Малый проспект Васильевского острова, за ним начинался Сити с кактусоподобными небоскребами из полиуглерода и высотными автобанами, сшитыми из нанотрубок. Их натянули там, где раньше летали лишь птицы, покрикивая на крохотных букашек-людей внизу. С верхотуры какой-то из башен Сити гордо взирает на свои достижения старуха Найдорф.

Неожиданно в голове Грамматикова все устаканилось и предстало в совсем мрачном свете.

Борт-компьютер говорит от имени антиправительственной группировки, готовящей мятеж.

— Боря-Два, скажи прямо, что ты втягиваешь меня в заговор. Я не люблю Леру Найдорф и ее команду извращенцев, — честно признался Грамматиков. — Я не одобряю того, что они сделали с моей страной, но я не буду участвовать в заговоре. Тем более в роли пешки, которую быстро сбросят с доски...

— Дурак ты. Ты ж для нас почти святыня. И никакого заговора нет. Есть просто свое видение будущего. Андрюха, успокойся, мы не будем свергать Найдорф и даже америкосам мстить не будем. Зачем свергать червяков и мстить букашкам? У нас будет своя, космическая Россия!

— Угу. Там с помощью нанотехнологий мы вырастим березки, построим церквушки и воскресим из мертвых царя Гороха.

Машина переехала через речку Смоленку, упакованную в прозрачную граненую трубу, затормозила около робота-сфинкса, взимающего плату за проезд в Сити. Грамматиков краем глаза посмотрел на дверь. Дернуть ручку и бежать? Кругом ни подъездов, ни подворотен. Только громады нанопластиковых небоскребов, переплетения магистралей да еще хрустальный портал Арки Демократии, находящийся на месте разбомбленной церкви Смоленской Божьей Матери.

— И не вздумай, Грамматикив. Очень может быть, что ты им больше нужен, чем я. Поэтому дверца, извини, заблокирована.

5

У них на хвосте висела «Ди-Вольга». Автомашина, похожая на баклажан темно-фиолетовым отливом и формой.

Хотя БМВ умело вписался в левую полосу верхнего яруса, промчался по кривым металлостеклянным эстакадам Дома Мёбиуса, пролетел среди стоячих волн и других чудес сверхтекучести Дома Гелия, «Ди-Вольга» не отставала.

— Убедился, напарник? Эй, друг Грамматикив, чего-то у тебя вид больно иконописный, ты что, прибалдел?

Если точнее, Грамматикив не «прибалдел», а настрадался от страха, особенно когда машина Дворкина мчалась вдоль невысокого ограждения по наклонной полосе над пропастью глубиной триста метров. Высота не была стихией Грамматикива.

— Мне не нравятся скайвеи, — по возможности мужественным голосом признался Грамматикив.

— О'кей, иду на посадку.

БМВ как раз вырвался на спиральный съезд с автобана и устремился к поверхности земли. Ощущения у Грамматикива были как у космонавта в спускаемом космическом аппарате.

— Э, куда ты едешь? Там же «кирпич», а за ним стройка! — запротестовал Грамматикив.

Несмотря на запретительные знаки и крики протеста, БМВ затрясся на неровностях огромной строительной площадки, напоминающей о начальных стадиях строительства Вавилонской башни.

— Высовывайся и стреляй.

— Нет. — Грамматикив вцепился в кресло обеими руками.

— Применяй оружие, слизняк. Или они нас раскатают тут. Господи, да твоя мамаша, капитан Елизавета Грамматикова, лично убила работоторговца Аслана.

Грамматиков подумал, что его слабовольный папа, наверное, спился из-за такой женушки. Хотел еще раз крикнуть «нет», но почувствовал в себе холодный сосредоточенный центр — этакое внутреннего командира его мышц и нервов, столь похожего на маму... Грамматиков высунулся в окно, чуть не поперхнулся от ветра и выстрелил пару раз по колесам и ветровому стеклу преследователей.

«Ди-Вольга» заметно вздрогнула и отстала, потом потерялась за каким-то краном.

— Ну что? — с торжествующим возгласом обратился Боря-Два к Грамматику. — Оторвались мы от них, ха-ха! И все потому, что я никогда не соблюдаю правил дорожного движения...

«Ди-Вольга» преследователей внезапно вынырнула из-за пузатого контейнера со строительным мусором и под углом в тридцать градусов впилилась в борт БМВ. Грамматикова швырнуло на дверку, где-то в спине хрустнуло.

Боря-Два бросил руль в противоположную сторону и съехал прямо на фундамент будущего здания, в котором там и тут мелькали провалы подземных помещений. БМВ запетлял среди зарослей саморастущей металлоорганической арматуры.

— Тормози, сворачивай, бога ради, — зарычал Грамматиков, заметив, что Боря-Два несется прямо на столб.

— Позволь мне одному молить моего машинного бога о нетленности трансмиссии.

Боря-Два свернул в самый последний неуловимый момент, когда казалось, было уже поздно. А громоздкая «Ди-Вольга», водитель которой, видимо, не имел достаточного обзора, «поцеловалась» со столбом. Ее крепкий полиуглеродный корпус не расплющился от столкновения с алмазным материалом, а отлетел — ровно в один из подвальных провалов.

Оттуда спустя несколько секунд поднялся рокошущий огненный гриб.

— Да остановись ты наконец, открой дверь. Мы обязаны оказать помощь.

— А также выставить аварийные дорожные знаки. Но жареному мясу уже никак не поможешь, поверь мне, у них там все боеприпасы сдетонировали... Впрочем, мы остановимся, но совсем по другой причине.

Боря-Два дал задний ход и резко затормозил у горящего подвала.

— Грамматики, чего сидишь, как пионер в публичном доме? Быстро выбирайся из машины.

— У тебя там что, какая-то микросхема перегорела? Ты же сам сказал, что...

— А теперь говорю, что нас засекла полиция. Я перехватил желтую информационную трассу. Господи, как я ненавижу дисхронию человека и компьютера. Шевелись, слизень! Надо спихнуть наш автомобиль в тот же самый подвал. Поставь автоматику на нейтрал. Давай же! Меня не забудь вытаскивать, я там, за синей панелью.

Грамматики в одно движение сорвал панель и вытащил борт-компьютер, украшенный мерцающей шевелюрой оптического волокна.

— Теперь толкай машину, дуб ты этакий.

И БМВ отправился в дымящуюся дыру.

— Теперь уничтожь меня, — сказал Боря-Два невнятным, лишенным эмоционального усиления голосом.

— Что-что? Зачем же ты потребовал, чтобы я тебя вытащил из приборной доски?

— Для надежности, Грамматики. А сейчас разбей меня, раздави.

— Для какой такой надежности?

— Быстрее, я говорю... До свидания, друг мой, до свидания... Во мне хранится кое-какая информашка, которой бы я не хотел делиться с супостатом.

— Ну, если ты так просишь.

Грамматики положил Борю-Два на фундамент и поднял кирпич...

6

Через несколько минут прожектора полицейского вертолета прижали Грамматикова к забору с крутящимися колючками, который ограждал стройку.

Грамматиков попытался порвать футболку на своей груди.

На мне минимум пять трупов за один только день! Без лицензии на убийство. Вертухай посадят меня на электрический горшок и с удовольствием поджарят яичницу с колбаской...

Его рука нащупала пистолет...

Стоп, нельзя брыкаться. Они убьют меня гарантированно раньше, чем я успею прицелиться. И вообще стрелять по алмазной броне — глупо.

Пистолет упал на нанопластиковый фундамент, элегантным движением ноги Грамматиков зашвырнул его под какой-то контейнер.

Когда «вертушка» полностью втерла его в забор лучами прожекторов и проколола спицами лазерных целеуказателей, послышался голос «с неба». Клоунский, тараторящий, пропущенный через какой-то медийный интерфейс.

— Надули! Розыгрыш! Вас снимают.

Грамматиков посмотрел на голосащий вертолет осоловевшим взглядом.

— Вы являетесь участником реалити-шоу! И это хорошая новость.

Прожектора чуть ослабили мощь света, вертолет наконец приобрел четкие очертания большой осы, и из него на стройплощадку спрыгнула дама, интересная во многих отношениях. Особенно привлекал внимание ее рубиновый рот, хотя она была не в маске. Да и позолоченный бюст был фактически открыт, если не считать карминовых звездочек на самых пикантных местах. Заодно с ней десантировались и трое юрких азиатов с переносной техникой.

— В эфире Талия. Вы смотрите «Последнее прости», — обратилась она к невидимым телезрителям, а потом страст-

но поцеловала своим рубиновым ртом сильно растерявшегося Грамматикова. При этом одна ее ножка шаловливо согнулась в коленке и закачала острой серебристой шпорой. Если такой в упор по яйцам...

Талия схватила Грамматикова за руки и потащила к вертолету, припевая: «В студию, в студию».

— У тебя всегда такой вид кисленький или просто устал, малыш? — Бойкая женщина почти насильно затолкала в рот Грамматикова какую-то штуку, похожую на бычий глаз. «Глаз» немедленно лопнул, кислородные пузырьки шибанули в нос, волна адреналина ухнула в кровеносные сосуды. Краски стали ярче и очертания предметов резче.

Вертолет взмыл над строительной площадкой и заскользил вдоль световых трасс, проделанных разметочными лазерами в сумрачном мокром воздухе, курсом на сияющие громады Сити.

«Пусть тарыхтит, авось что прояснится», — подумал Грамматиков.

По счастью, дама действительно оказалась специалисткой по щебетанию. Из этого щебетания после сравнения с цепочкой реальных событий можно было сделать следующую выжимку.

Грамматиков стал объектом чистого игрового эксперимента. Камеры вездесущего реалити-шоу засекли происшествие на стройплощадке... Но, как сообщила полиция, погибшие личности никоим образом не числятся в списках граждан. Соответственно у этих личностей не могло быть лицензии на защиту со стороны правоохранительных органов демократического города-государства...

Руководитель «Последнего прости» немедленно выслал вертолет...

Сейчас над Сити в сплошной дотоле облачности образовалось огромное окно. Столбы солнечного света ударили в небоскребы, которые, казалось, выныривают из водяной бездны и подпирают небосвод своими извилистыми исполинскими телами. Чуть прищуришь глаза — и это даже не громадные здания, а смерчи времен Апокалипсиса.

Такая ярко-голубая вода, как в акватории Сити, могла быть лишь в лагуне тропического острова.

Поверхностно-активные вещества украшали «лагуну» картинно-медленной зыбью, как на полотнах маринистов.

Вертолет сперва пролетел над «слоем» старых барж, пароходов, фрегатов и бригов, вставших на вечную якорную стоянку по краям Сити неподалеку от плавучих мусороперерабатывающих заводов, похожих на огромные мыльные пузыри.

Там и тут на палубах мертвых корабликов стояли ветряки и солнечные батареи в размах полного парусного оснащения.

Между мачтами были натянуты веревки, на которых сушилось белье. По палубам сновали косяки детей и расхаживали строгие мужчины с татуировками на лицах.

Неприличной публике не было места в самом Сити, но они беспрепятственно расселялись по свободной водной глади, получив от Комитета Гармонизации дешевую лицензию на маргинальную жизнь. Назывался этот «слой» жизни Петронезия. За короткое время он был под завязку заселен выходцами с юга, согласно глобальному проекту гармонизации. Лишние люди теперь сплавлялись не в умытую и причесанную Европу, а в российскую промзону...

На бортах-дисплеях вертолета засветилась реклама, излучаемая Петронезией.

Тысячи желтых маленьких хакеров лупят по клавишам, изготавливая психонанософт — от мягкого наркоинтерфейса «эйнджелю» до жесткого «порнодаймоника». Они работают за миску риса для вашего удовольствия.

— Я поняла, что ты отсталый парень с окраин, — сказала Талия, — но неужто ты даже «эйнджелю» не пробовал? Блин, мальчик, я когда-то полностью отказалась от прямых подключений игровой нейрокарты к мозгам и не пожалела. Теперь только оральный вариант — проглотил дозу наркоинтерфейса и немного подожди, пока «малыши» доплывут до нервных центров и подкрутят там шарики-ролики. «Эйнджелю» — такой улет! Весь мир становится сексуальным, про-

нищаемым, скользким, вы просачиваетесь сквозь стены, вы перетекаете из тела в тело...

Грамматикову явно было не по себе от роли темного мальчика с окраины.

— А рекламу нельзя отключить?

— У них, милый, лицензия на рекламную обработку всех пролетающих аппаратов вплоть до стратосферных. Какой же ты темный. И выражение лица у тебя детское... Может, мальчик, тебя интересует версия даймоника для чайников? — вкрадчиво поинтересовалась модераторша. — Как насчет встречи с богиней Иштар, принявшей облик классной руководительницы, а?..

Рука Талии довольно грубо опустилась на его штаны в районе промежности. Жест, скорее подобающий старой ВИЧ-инфицированной шлюхе, чем работнику культурного фронта. Однако рефлекторные дуги Грамматикова отреагировали однозначно — характерным вздутием в районе промежности, — и он поскорее отодвинулся, активно двигая ягодицами. Талия, как будто обидевшись, замолчала.

Пролетев над Петронезией, вертолет запорхал над плавающим островом, смахивающим на знак «инь-ян».

С западной стороны от главной изогнутой улицы был жилой квартал, с восточной — конторский. Вдоль самой улицы густо теснились магазинчики и разные увеселительные заведения.

Ненадолго вертолет завис над толпой, текущей, как густая жидкость, сквозь сосуды и капилляры плавучего острова.

Дома западной стороны острова выглядели словно огромные хрустальные люстры, кубки и вазы. Стены из алмазных материалов меняли прозрачность и искристость в зависимости от желания хозяев.

Офисы восточной стороны напоминали елочные игрушки из серебристой и золотистой фольги.

Некоторые переулки, выходящие к центральной улице, были исполнены в стиле колониальной торговли.

Здесь вас встретит запах хорошего кофе, курящиеся благовония и фарфоровые драконы, бумажные фонарики и шел-

ковые ширмы. И девушки, словно выточенные из сандалового дерева. Лицензированный психософт подарит вам сексуальный опыт всей Африки, матки человечества.

Северная часть острова была украшена портиками и колоннадами. Среди нанопластика, имитирующего мрамор и цветы, порхали огромные робобабочки.

Международный центр эвтанизии «Врата рая» обслуживает до сто тысяч клиентов каждый год.

Еще никто из наших гостей не покинул этот мир недовольным.

К западу от острова располагались порт и плавучий аэропорт, к северо-востоку в утренней дымке проглядывали громады плавучих заводов, особенно выделялись своими циклопическими размерами доки, верфи и нефтеперегонные комбинаты, на их фоне сияли «магические» кристаллы лабораторий и институтов. Легкими переливами яркости просматривались и многоярусные плантации тюльпанов, похожие на алхимические колбы. За ними световой пеной кипела дамба и лучились километровые призмы вселенского собора, выстроенного бахаистами в Кронштадте...

Когда вертолет пролетал над дамбой, она была похожа на волну, несущую бесчисленные охапки хрустальных одуванчиков.

Под действием моря и ветра многолопастные «цветы», почти не имеющие трения вращения, закручивались в звездочки, направляя энергию моря на выработку электричества.

— Какая красота, — сказала Талия. — А еще кто-то говорит, что матушка Россия после войны потеряла потенциал. Вот он — потенциал, все напряженно, все упруго и энергично, как после приема виагры.

— Я тоже люблю мультики. Между Микки-Маусом и мышью — большая разница, что бы ни говорил Голливуд.

«Молчи, дурак», — нарисовалось в ее дотоле пустых аквамариновых глазах. Даже показалось, что на самом деле у них совсем другой цвет и выражение.

Вертолет, заложив вираж, направился к самому высокому зданию питерского Сити, горделивому творению гильдии наноинженеров, средоточию всех мыслимых медиа, источ-

нику всего того, что входит в глаза, уши и нейроконнекторы любого жителя Петербурга, Ингерманландии и еще доброй половины Евразии. К дому, который носил неофициальное название Дом Медичи.

— Если смотреть со стороны моря, то он похож на мачты затонувшей шхуны, правда? — нарочито гордо сказала модераторша.

Два корпуса, напоминающие надувшиеся полотнища косых парусов, и в самом деле меняли свою кривизну как будто под воздействием ветра. Фотонические нанопокрывтия на фасадах образовывали огромные километровые экраны, на которых крутилась видимая даже из космоса реклама.

Обитатели космоса сейчас могли узнать, что нет ничего нежнее и чувственнее туалетной бумаги «Ладочки фрейлины».

Вертолет влетел в просвет между «парусами».

Они скрывали, как створки раковины, еще один корпус, слепленный из дворцовых фасадов и корабельных форштевней.

Талия неожиданно оттаяла и приблизилась к Грамматинову на расстояние вытянутой груди.

— Тебе повезло, милый мой, ты оказался в нужном месте и в нужное время. Сегодня, когда глупые мальчишки с окраин, откровенно говоря, живут кисло, органы в себе выращивают на продажу или работают попкой, у тебя есть возможность отличиться, бабки срубить и кайф словить! — Ее голос профессионально забурлил от восхищения. — Ведь сегодня в Доме Медичи — Международный День Сказки. И наше шоу «Последнее прости» участвует по полной программе.

7

Над бездной стоял Калинов мост. Дряхлый, изъеденный искусственным временем и раздолбаный тяжелыми тварями вроде двенадцатиглавых змеев.

Дальний конец моста таял в густом молочном аэрозоле.

Надо было идти вперед. Грамматикова, обряженного в экзоскелет Змея Горыныча, сейчас преследовала целая бригада Иван-Царевичей, уверенных, что он обольстил полк Василис Прекрасных. Змей Горыныч, судя по генеральским погонам, символизировал прежний великодержавный режим. Иван-Царевичи выглядели подчеркнуто космополитично в своих ковбойских шляпах и джинсах.

Наказание для старорежимных Змеев Горынычей в Международном День Сказки было жестоким. Сжечь, прах зарядить в Царь-Пушку и выстрелить...

Горынычу-Грамматикову казалось, что он уже слышит врагов, как будто уже позвякивают пьезоколокольчики, развешенные в том нанопластиковом лесу, который вырос из его колдовского гребня.

Он сделал несколько шагов по мосту и чуть не упал. Гнилые доски рассыпались прямо под ногами. В прорехи были видны морды летучих демонов, обитателей бездн, питающихся тем, что падает с моста.

Мономолекулярный дисплей, плавающий как обычная линза по его левому глазу, окружил демонов виртуальными нимбами и снабдил надписями: «Нечисть класса «А». Интерфейс недружественный».

Грамматиков сделал еще несколько шагов и опять чуть не сорвался. Наконец он сообразил, что прорехи образуются не абы как, а согласно алгоритму. Такие алгоритмы обычно дают в числовых тестах при приеме на «умную работу».

Когда мост стал уже не таким страшным, из тумана показался богатырский конь с Иван-Царевичем. Конь знал алгоритм выпадения гнилых досок заранее. Его туша поскакала на Змея Горыныча по ломаной линии, огибающей все скрытые опасности. Иван-Царевич бодро махал своей палицей. Весом в центнер минимум. Если бы не экзоскелет, этот тип ее бы даже не приподнял.

Черные ноздри коня храпят, дым с искрами пускают. Лошадиных сил в нем немерено. Как-то не верится, что экзоскелет выдержит многотонный удар копыт. Растопчет эта скотина Горыныча как пить дать, а устроители праздника

запишут в графе «причины смерти» что-нибудь вроде «перержал дармовых чипсов»...

Горыныч-Грамматиков подныривает под коня, рискованно крутится на заднице, помогая себе хвостом, затем резко распрямляется. Хрустит от перенапряжения экзоскелет, но скотина-биомашина теряет точки опоры. Конь-огонь свирепо лягается, однако Горыныч уже взял его самбистским приемом «мельница» и через еще один оборот бросает в пропасть...

Иван-Царевич успел ловко выскочить из седла, балансирует на балках, прыгает на Горыныча и наносит удар палицей.

Горыныч-Грамматиков почти увернулся, но все же его сшибло, бросило на балюстраду моста, которая тут же развалилась.

Горыныч едва успел ухватиться за самый край моста, повис, безнадежно болтаясь над пропастью. Вот-вот сорвется.

И сорвался бы, если бы Иван-Царевич не попытался раздавить скрюченные зеленые пальцы Горыныча, цепляющиеся за балку.

Грамматиков ухватился за сапог Царевича, забросил себя обратно на мост.

Иван-Царевич вцепился ему в шею. Горыныч-Грамматиков кувыркнулся через его руку, размыкая хват, освободился и тут же заработал богатырским кулаком по шее.

Несмотря на экзоскелет — почти нокаут, пейзаж потерял четкость, поплыл...

Горыныч ударил врага, почти не глядя, локтем, получил хук слева. На этот раз успел пригнуться, но поскользнулся, упал, чуть не съехал в прореху. Попытался сделать подсечку Иван-Царевичу, а тот подпрыгнул, как резиновый чертенок, и еще нанес удар остроносым ковбойским сапогом. Целил в голову... Горыныч-Грамматиков перехватил его ногу и толкнул в сторону ограждения моста...

— Грамматиков, падла, друга убил. — Больше уже ничего Иван-Царевич не успел сказать. Его тело, перелетев через перила, растаяло в фиолетовой бездне, оставив лишь дымный след.

А ведь Царевич — это нормальный человек, участник шоу... Бр-р, и я мог быть на его месте...

Но Талия говорила, что экзоскелет дает стопроцентную гарантию безопасности.

Грамматиков обернулся. С утеса-великана его манила крючковатым пальцем какая-то нелюдь. Виртуальный нимб дал ей характеристику: «Посланец богов. Интерфейс дружелюбный. Отказаться невозможно».

8

Сказочная пещера, населенная каменистыми троллями, завершилась дверью. И Грамматиков вынужден был войти.

Вроде обычная питерская квартира с довольно старомодной обстановкой...

На большом обеденном столе лежал... Сержант. Настоящий. Мокрый. В шевелюре запеклась кровь вперемешку с грязью. Левый глаз полуприкрыт гематомой. На глаз еще течет из разбитой брови. Ноги Сержанта трясутся мелкой дрожью, выбивая страшноватую чечетку. Игровой экзоскелет рассечен и напоминает панцирь раздавленного жука.

Сержант лежал прямо на тарелках, в соусе, в пюре, в соленостях, в луже пролитого вина. Но в первую очередь он лежал в огромном торте.

Помимо него здесь было еще несколько людей. Очень пожилая дама в одеяниях Старой Ведьмы, в широкополой шляпе. Модераторша Талия, сейчас в облике Молодой Ведьмы, с сияющими проекторами в глазах. Человек с абсолютно незапоминающимся лицом, типичный Инквизитор. Он как будто все время находился в тени.

Все присутствующие явно были участниками праздника сказки. Но Грамматиков сразу почувствовал, что это праздник явно не для всех. Чтобы прервать молчание, застывшее над сюрреалистической сценой, он сказал:

— Почему бы не вызвать ему «скорую помощь»?

— Никто из присутствующих не нарушает его право на жизнь. Ни одно из подсоединенных к нему устройств не мешает его основным жизненным функциям, — сказала Старая Ведьма. — Однако у него нет оплаченного права на немедленную медицинскую помощь и восстановление жизнедеятельности в полном объеме.

— Зато у нас есть оплаченное право на то, чтобы жизнь не была скучной, — хихикнула Талия.

Несмотря на шутовской вид, настрой собравшихся был ясен, они были жестки и непреклонны. Им, наверное, было весело, от возможности показать силу и власть. Если это и была сказка, то отнюдь не для детей.

— Послушайте, я ненавижу фантасмагории в любом виде, — преодолевая дрожь в голосе, заявил Грамматиков.

— Никакой фантасмагории и капустника, просто у нас такое делопроизводство. Хотите называйте это игрой, хотите — допросом, — словно спохватившись, стал объяснять Инквизитор. — Открытый город не состоит из статичных сцен, тут — суд, там — тюрьма, здесь — эшафот, за углом еще какой-нибудь орган. Попробуйте это понять. Год назад мы сокрушили государство вовсе не для того, чтобы поставить ему на место точно такое же, с унылым набором неизменных институтов. Наше общество — это живой мыслящий динамичный организм. Продюсер шоу — по совместительству следователь гражданского Комитета Гармонизации. Режиссер — прокурор. Телестудия одновременно является судебным присутствием. Прямо сейчас идет сетевая трансляция, и те, кто имеет лицензию на эту информацию, получают ее. А те, кто купил лицензию на вынесение приговора, принимают решение.

Только сейчас Грамматиков заметил, что и соус, и пюре, и крем шевелятся, торт постепенно обволакивает тело Сержанта, а прямо в его окровавленный затылок входят тоненькие проводки, похожие на сахарную вату.

— Как больно, — прохрипел Сержант.

— Хватит врать, мы контролируем ваши синапсы.

Перед Инквизитором на голографическом экране появилась нервная система Сержанта.

От каждого прикосновения пальцев Инквизитора к экрану возникали дополнительные окошки с диагностикой того или иного нервного центра.

Почти вся нервная периферия Сержанта светилась мертвенным голубым светом блокировок. И лишь несколько пар черепно-мозговых нервов — обонятельных, глазодвигательных, языкоглоточных — казались лилипутскими автомагистралями, по которым проносятся желтые огоньки крохотных машин.

— Так и есть. Подозреваемый ничего не чувствует. Тот танец, который он выделяет ногами, не имеет отношения к его мозгу.

Инквизитор потянул из торта склизкую трубочку со штекером типа «пасть миноги» и воткнул его в разъем за ухом Сержанта.

— Не больно, — согласился Сержант, — я как будто в каталептическом состоянии. Мне и обоссаться не стыдно. Ну, пытайте меня дальше. Побольше воображения, господа садисты.

— Молодец, — похвалила Талия, ее проекторы полыхнули настоящим адским огнем. — Мы как раз поменяли на нашем пыточном сервере кэш третьего уровня. Поле битвы — ваше мужественное тело.

— Только, пожалуйста, Талиечка, чуть убавьте яркость ваших очей, — добавил Сержант. — Ой-ей-ей, как мне щекотно. Мое бедное мужественное тело — как страна перед распадом. Печень поползла со своего места, и глаз померк, не желая видеть печальный конец других органов.

Словно в такт его словам левый глаз задергался под гематомой.

— Что это значит? — спросил неизвестно кого Грамматилов, его голова была словно наполнена ватой, а под ложечкой пульсировала тошнота.

Ответил Инквизитор:

— А то, что ваш знакомый сейчас подвергается интрабиологическому дознанию по подозрению в террористической деятельности. Как вы знаете, информация может быть за-

писана в любую из тканей тела — на клеточном уровне, на уровне ДНК, на уровне внутриклеточных телец.

Грамматиков оглянулся и заметил пистолет в руках у Старой Ведьмы, которая сейчас зашла ему за спину. Широкий ствол смотрел в его сторону.

— Гражданин Дворкин Борис, бывший сотрудник российского отделения НАСА, — прочитал Инквизитор с видимого только ему виртуального экрана. — Есть сведения, заслуживающие доверия, что он служил в спецназе МВД под другим именем во время сибирской войны, имел звание «старший сержант», был соучастником военных преступлений. В конце войны в составе националистического бандформирования «За Пушкина» участвовал в диверсионных нападениях на миротворцев с применением так называемых лазерных шприцев. Известен под кличкой Сержант.

Значит, Сержант — это все-таки Дворкин. Наверное, в лицевую мускулатуру двуликого Бори имплантирована мио-зин-резина, занимающаяся трансформациями физиономии.

Борис шумно выхаркнул сгусток крови и сказал:

— Прости, Андрюха, не мог тебе сразу правду втюхать, ты ж у нас еще не стойкий в борьбе. Лазерный шприц — отличная штука для спецопераций, давлением луча проталкиваются по каналу фуллереновые нанопилюльки, начиненные токсинами. Но этот гад пусть лучше расскажет, как американские роботеры наши села и города жгли, как финские зондеркоманды выбивали русский дух из Карелии, как миротворческие демоны резали по ночам противников нового режима. А какую они тут свободу установили... Продаются и покупаются насилие, похоть, грабеж, вампиризм, педофилия. Если купил лицензию на казнь, можно даже электрический стул дома держать...

— А не хотите ли вы, чтобы я вам подкрутил звук, — пригрозил Инквизитор и несколько стеснительно улыбнулся, показывая, что сам он не сторонник крутых мер.

Голос Дворкина сразу сел. На первый план вышло то, что происходило с его телом. Приобретала прозрачность теменная кость, под черепной крышкой засеребрилась паутина мозговых извилин. Та часть спинного мозга, которая про-

сматривалась сквозь пробоины экзоскелета, казалась гигантской спящей многоножкой...

Глаза Бориса совсем затянулись кровавой коростой, но губы и гортань еще шевелились, исторгая густой шепот:

— Вы видите, как под грубым воздействием темной технoжизни умирает личность Бориса Дворкина. Они расчлeняют меня так же, как расчлeняли Россию.

— Мы не расчлeняли Россию, — довольно вежливым голосом напомнил Инквизитор. — Мы взяли то, что осталось от этой страны, и сделали цивилизованной частью старой доброй Европы. И вовремя взяли. Вы бы знали, что творится к югу от Твери и к востоку от Ярославля на территориях, формально находящихся под управлением ООН, но реально контролируемых джамаатами. Работоторговля, средневековые. Чуть мы опоздай — и Джамаат аль-Исламия хапнул бы и нашу Ингерманландию.

— Что вы конкретно ищете? — спросил Грамматилов Инквизитора.

— Коды. С точки зрения ветсофта* господин Дворкин всего лишь упаковка для определенных объектных кодов и сервисных процессов.

В такт словам Инквизитора голографический экран красочно демонстрировал, как циркулирует информация в Дворкине ментобайт за ментобайтом, входя и выходя через точки доступа в височных долях, подвергаясь распределению в лимбическом отделе мозга под управлением гиппокампа и записываясь в отформатированные регионы по всему кортексу...

— Можно предположить, Андрей Андреевич, что есть еще один биоконтейнер, в котором находится другая часть кодов и процессов.

Инквизитор посмотрел на Грамматилова, однако не в глаза, а скользящим обтекающим взглядом.

Грамматилов почувствовал тяжесть под кадыком, по спине жаркой змейкой поползла испарина. Сейчас они будут его потрошить так же, как и Дворкина.

* «Мокрый софт», программное обеспечение, использующее органические носители.

— Не бойся, солдатик, — подбодрила Талия. — В отличие от Дворкина ты, Грамматикив, всего лишь жертва. Мы в курсе, что после демобилизации ты не участвовали в каких-либо противоправных действиях.

— И если в Дворкине мы найдем все необходимые интерфейсы и адаптеры, то ваша начинка будет прочитана легко, практически без внутритканевого сканирования, — сказала Старая Ведьма стальным бесполом голосом.

— Что же это за коды такие? Что получится, если их соединить? — спросил Грамматикив, борясь с сухостью в горле.

— Вопрос на сто долларов. Получится нечто чудовищное, — ответил Инквизитор. — Возможно, господин Дворкин с вами уже делился соображениями на этот счет. Да, это действительно новый тип нановегетативных систем, полностью открытых, способных победить любую энтропию. Но он наверняка сказал не все. Это не Древо Жизни, а Древо Гарантированной Смерти. Технополипы, техногидры, техномедузы — саморазмножающиеся, самоорганизующиеся, самовосстанавливающиеся, быстро расплозающиеся по всему миру. Их не удержать, не остановить. Потому что это не нанопластик и не нанороботы, которых можно перепрограммировать или дезинтегрировать. Это — техноорганизмы, изменчивые и приспосабливающиеся ко всему. Для победы над энтропией они способны утилизировать всю живую органику.

— Да, да, — пробормотал Грамматикив. У него сильно зачесалась макушка. Как будто инквизиция уже запустила свои щупальца ему в голову.

Волна прозрачности расходилась по Дворкину, открывая внутренности, превращая его тело в набор мясoproдуктов, и это отдавалось потом на теле Грамматикива.

— Так вы согласны на сотрудничество? Я официально предлагаю вам сотрудничество от имени гражданского комитета гармонизации.

Грамматикиву почему-то показалось, что Инквизитор скорее является передаточным звеном для Старой Ведьмы. Уж не сама ли это губернаторша?

Старая Ведьма качнула головой, и Грамматикив вспомнил анимацию из газеты. Это Найдорф. Точно она.

— Мы не формалисты, как вы могли убедиться, господин Грамматикив, — сказала Найдорф. — Для нас важны желание и воля, а не декорации.

— Не соглашайся, Грамматикив, как только у них появятся интерфейсы и адаптеры, они раскурочат тебя так же, как и меня, — проскрежетал Дворкин. Серебристая паутинка, оплетающая его мозг, заметно потускнела.

— Я и в самом деле вынужден полностью убрать звук, — сказал Инквизитор.

— Не смейте, вы нарушаете статью Библии, что грозит обвинительным приговором на Страшном Суде, — зачастил Дворкин. — Вы разрушаете штучную работу Господа Бога, чужую интеллектуальную собственность. Мой разум дан мне свыше, а не сбоку и не снизу. Я вовсе не клиент-серверная система, как клерки из ваших офисов.

Дворкин смолк, хотя в его горле продолжалось какое-то движение, а каблук еще активнее забили по столу, словно компенсируя стеснение свободы слова.

Грамматикову вдруг захотелось, чтобы этот танцующий полутруп немедленно убрали отсюда. Надо было как можно быстрее обсудить условия сотрудничества с гражданским Комитетом Гармонизации. В этом был смысл. Без Дворкина не возникло бы никакой техножизни, никакой угрозы для всей живой органики, это он все организовал...

— Вы не могли бы сейчас остановиться, я не хочу это наблюдать, — сказал Грамматикив.

Ответ был неожиданным. И не от Инквизитора.

Под полупрозрачными кожными покровами Дворкина неумовимо быстро сократились багровые узлы мышц и алые тросы сухожилий, резко изогнулась радужная «многоножка» спинного мозга.

Каблук Дворкина с грохотом ударили по столу, но на этот раз это не было танцем агонизирующей нейромоторики.

Тело Дворкина с чмокающе-пневматическим звуком вырвалось из торта, мгновенно разорвав сахарную вату проводов.

Инквизитор увернулся от первого несколько неловкого тычка Дворкина. Однако губернаторша Найдорф пропустила удар ногой на среднем уровне, и пистолет выпал из ее руки. Подсечка опрокинула на пол и Инквизитора.

Разные цвета сейчас боролись в теле Бориса, словно сошлись в нем разные начала и первоэлементы. Черные и белые полосы сплетались на его лице и груди, как будто в нем совоплотились одновременно сто папуасских людоедов в боевой раскраске.

Между рук Дворкина завертелась голубая змейка, и за секунду до того, как Инквизитор подхватил пистолет, она прошла сквозь его тело, развалив пополам.

— Половина Инквизитора еще поползла куда-то. Среди нормальных внутренностей были видны какие-то дополнительные структуры, которых не должно быть у человека, — зеленоватые нити с подрагивающими пузырьками.

— Шалишь. — Боря забросил половинку Инквизитора в угол и следующим движением голубой змейки срезал с Найдорф голову.

Голова генерал-губернаторши покатилась по полу, но тело осталось стоять, а в красном кратере шей показалось что-то, напоминающее надувной шарик. Шарик не успел дорасти до размеров головы, потому что Дворкин заставил его лопнуть одним молодецким шелчком.

— Грамматики, городом Питером руководят перестройщики, начиненные темной техножизнью, словно трупак червяками. В бабушку-дедушку Леру Найдорф еще восьмого марта прошлого года мы всадили в качестве подарка на женский день десяток разрывных пуль, а ей хоть хрен. Вот я и говорю, что все транссексуалы повязаны с чертом... Ну а что та одинокая девушка в уголке? Надеюсь, она не откажется со мной потанцевать.

Дворкин решительно двинулся к Талии, которая вжалась в узость между шкафом и стеной.

— Остановись, Борис. — Грамматики заслонил модераторшу. — Если даже в ней гнездится темная техножизнь, она остается человеком, у нее есть право на жизнь. И вообще все бесполезно. Сейчас здесь будет полиция.

— Отдохни, защитничек. — Неожиданно твердой рукой Талия отодвинула Грамматикова в сторону. — Я лучше полиции.

И Талия распорядилась Дворкиным, словно тот был мягкой детской игрушкой.

От удара девушки экс-Сержант перелетел через стол и врезался в стенку. Сполз кучей на пол. Прохрипел уважительно:

— Это серьезно. Блин, да это ж...

Талия подошла к обомлевшему Грамматикову, и из ее глаз, ярких, как небо пустыни, выглянул экспериментатор.

— Ты меня интересуешь куда больше, чем Дворкин. Узнаешь меня, мальчик?

Ее глаза и пальцы, ее рот приблизились к его шее, его груди, его животу. Ее лицо менялось на глазах, та же способность к мимикрии, что и у Дворкина. То ли Вера Лозинская, то ли медсестра-брюнетка, то ли гарпия, рвущая человеческую плоть... А потом она скинула платье, и ее полупрозрачное тело заструилось перед оцепеневшим Грамматиковым. Цветы яйцеводов и стебель позвоночника, дольки желез и бутон матки в нимбе из дымчатой плоти. Картина была объективно ужасной, это Грамматиков сознавал, но он был готов любить и ее органы. А потом словно открылось виртуальное окно, и лицо Талии стало пропускать свет, который не имел никакого отношения к электрическому освещению, поскольку поднимался из Бездны. Его даже и светом трудно было назвать — ни яркости, ни цвета. Только энергия и власть.

Паутина из этого ненормального света сладко оплела мозг, легкие, кости Грамматикова.

Все тело Грамматикова стало тонким и легким, как барабанная перепонка, он слышал шелест листвы, шорохи лесного зверья, щебет птиц, жужжание пчел, поступь лани, копошение личинок, падение капель дождя.

Он слышал запахи далеких соцветий и пряные ароматы коры. И тихий шепот нанопластика. И казалось, музыку больших и малых сфер он тоже слышал: атомов, соединяющихся в молекулы, и молекул, сцепляющихся в вещество,

и вещества, рождающего сознание. Грамматилов чувствовал разум в крохотных ручейках энергии, просачивающихся сквозь границу, которая защищает плоский мир людей от Бездны...

Голова Грамматикова раскрылась как раковина мидии, его слух и видение поднимались как пар из кастрюли. Вещи теряли твердость, текли ручейками словно на картинах Ван Гога, рассыпались мазками, как у Клода Моне. Еще немного — и весь мир можно будет сплести по-новому...

Ладони Веры были у Грамматикова на груди, но никакой скин-коннектор не пропустил бы такую волну пронзительных ощущений. Вера знала скрытые нейроинтерфейсы, рассредоточенные в его теле. Однако Грамматилов не ощущал себя жертвой инфекции. Пусть так, если это ключ к иной объемной жизни.

— Андрей, нам не нужен ни Дворкин, ни Найдорф.

Ее пальцы оказались у него на шее. Ее ногти легко как в масло вошли в его кожу, и не было больно, ее ногти прорастали сквозь его тело, нежно и неудержимо рассекая плоть и блокируя нервы. Другая рука скользнула вдоль средней линии живота к паху. А вместе с тем брызнули и потоки сладкой энергии. Вот-вот превратятся они в водоворот, который в момент унесет душу Грамматикова...

Вера неожиданно отшатнулась. Вернее, вильнула вбок и назад. Звук выстрела громыхнул под потолком. Вера, как будто не глядя, ударила Дворкина ногой, отбросив на шкаф. Тот бессильно хрупнул и сложился пирамидкой. Пистолет улетел в угол. Грамматилов теперь почувствовал боль и кровь, ползущую теплой змейкой по шее...

— Господи, Грамматилов, сматывайся, пока не поздно, — прохрипел Дворкин. — Ей в самом деле нужен ты, а не я, в тебе — секрет техножизни. Она разделает тебя как хороший повар цыпленка — всего за несколько секунд.

Дворкин сорвал что-то со своего уха и швырнул в сторону Грамматикова. Вера, по-звериному рванувшись, попыталась перехватить летящее кольцо, но Дворкин стреножил ее. И тут же был вбит в пол, как гвоздь.

— Не дай ей трахнуть себя, — просипел Дворкин. — Дуй на транспортный терминал и лети отсюда голубем сизокрылым. Запомни, автопилот роторника должен быть в режиме «С».

— Я же твой идеал, Андрей, — говорила Вера, а заодно топтала как птица-секретарь катающегося по полу Бориса, который выплевывал слова вместе со сгустками крови:

— Лети, Дюша, как будто у тебя в одном месте ракета. Тебя ждет рубка флагманского корабля и вся эскадра.

Грамматиков поймал кольцо, видимо, поспособствовали уроки пинг-понга, полученные в детстве.

— Андрюха, сделай все так, чтобы мама гордилась тобой...

Информация из устройства памяти считалась через скин-коннектор.

Прорезавшая воздух виртуальная нить Ариадны повела Грамматикова прямо в стену.

В стену? Если бы еще в окно. Почему в стену-то?

Глава 4. Мир

1

Да пошел ты со своей стеной, Боря. Так я и поверил.

Дворкин уже не двигался. Вера, пнув его последний раз, обернулась к Грамматикову. Едкий свет лампы лишь слегка прорисовывал ее, едва заметными ручейками стекая по нервным волокнам и кровеносным сосудам.

Андрей вдруг понял, что не ударит ее. Во-первых, он никогда не бил женщин. И что более важно, если он ударит, то она сделает это куда больнее.

Грамматиков рывком перевернул стол, и полужидкая дрянь плеснула с него на пол.

Грамматиков прыгнул так, как прыгают в бассейн. Упал, заскользил, по дороге повернулся вокруг оси.

Потом толкнулся и оказался в оконном проеме. Щеколда легко поддалась, и ставни разошлись в стороны.

Ниже окна была только гладкая стена, опускающаяся отвесно вниз, в «лагуну». С рекламных облаков светилась надпись: «Не оглядывайся. Сделай шаг навстречу мечте. Крем для бритья лобка «Небесное наслаждение».

Грамматиков всхлипнул, не совладав с дыханием, и спрыгнул назад с подоконника в комнату.

Он увидел, как практически убитый уже Боря обхватил Веру, а она бьется как муха в паутине, машет вымазанными в чужой крови руками. Приклеил он ее, что ли? Кровавые руки Веры выглядели какими-то пресмыкающимися благодаря невидимости остального ее тела. Из рассеченного живота Дворкина валяются кишки, а изо рта выдвигается что-то. Более длинное, чем язык, с мигающими индикаторами...

Уже не отступая от виртуальной нити, Грамматиков влетел прямо в стену под грохот взрыва, который едва успел хлестнуть его горячим потоком.

Грамматиков не разбил себе голову. Стена оказалась слоем жужжащих фоглетов*, прокатившихся по его телу как морская волна, однако не оставивших ни одной капли.

Грамматиков вовремя взмахнул руками. Под ногами практически ничего не было, кроме узкой балки. Через пять метров она пересекалась с другой балкой, причем не совсем перпендикулярно. Изнанка Дома Медичи показалась бы интересной любителю абстрактной живописи. Самопроизводящийся нанопластик не играл в прямоугольники. Здесь были разные углы и даже криволинейные элементы. Очевидно, хаос превращался в расчетную прочность уже в масштабах большого набора элементов.

Помимо каркаса из балок во внутренностях небоскреба просматривалось хитросплетение труб. В мрачном мерцании светодиодов было видно, что они скользкие, полупрозрачные, пульсирующие, сплетающиеся и разветвляющиеся. Из-за текущих по ним несмешиваемых жидкостей они казались червивыми, как кишки, пораженные гельминтами. Задерживаться здесь не хотелось, но...

* «Туманные» наноботы, сцепленные с помощью вандерваальсовых сил.

Гладкая плоскость позади замешкавшегося Грамматикова пошла рябью, а потом вспучилась, облекая чьи-то лица. Выглядело это как очередная декорация для «Восставших из ада»...

Надо сделать несколько шагов до следующей балки. Господи, он чуть не сорвался. Так скользко и липко, а внизу шевелит пиявочными челюстями пустота.

Андрей поскользнулся на вездесущей плесени, которой американцы уничтожили пол-России. Снаружи, на стенах, ее не было видно, но внутри здания ей было чем подкормиться.

Грамматиков едва удержался в обезьяньей позе, опираясь всеми четырьмя конечностями на балку и не давая сердцу выскочить как яичко изо рта фокусника.

В смутном воздухе надулся виртуальный пузырь с сообщением.

Разрешен доступ только для специалистов. Предъявите лицензию, легализованную гильдией наноинженеров.

Грамматиков вспомнил стальные глаза матери, которыми она ловила на мушку работарговцев, холодные прицелы ее зрачков, которыми она выслеживала киднепперов... и горячий трепет, сотрясавший его мышцы, словно кипящий бульон, вдруг вытек из тела. А липкая гадость, держащая его за ноги, наконец позволила ему продвинуться вперед.

Если вы не являетесь специалистом или объектом, сконструированным для монтажных работ, вы должны немедленно связаться со службой спасения.

Несколькими ярусами выше кто-то ходил, щелкая самохватом. А по балке к Грамматинову ползли червеобразные объекты размером с хорошую палку колбасы. Спереди эти здоровенные робочерви были «упакованы» в полусферический панцирь, напоминающий шлем. Рядом с ними горели виртуальные надписи, снабженные указывающими стрелочками.

Сервисные объекты «U2», утилизаторы. Предназначены для дезинтеграции посторонних включений. Если вы не являетесь посторонним включением, постарайтесь связаться со службой спасения.

Одна из этих штук мигом приклеилась к его ботинку, и сразу послышался треск крепкого мейларового материала. Червяк в шлеме не имел ни клыков, ни пасти, он сдирал мейлар своим липким телом.

Это было серьезно. Ужас вцепился в подвздошную область Грамматикова. Сейчас сервисный объект будет сдирать с него кожу лоскутами и срывать ломтями мясо. У этих червемашин выделения пострашнее, чем наноклей, который применяли военные, чтобы уконтрапупить вражеские танки.

Но внутренний капитан, который сейчас казался похожим на маму, взял под управление нервы Грамматикова.

Он наклонился, ухватил робочервя за выступ шлема и рывком оторвал от себя. Вместе со слоем мейлара и половиной шнура.

Грамматиков машинально отшвырнул робочервя в сторону шустрой тени, которая мелькнула рядом на перпендикулярной балке.

В призрачном свете диодов он увидел человека в униформе секьюрити. Лица у охранника не было видно, потому что к лицу присосался робочервь.

Еще мгновение — и сотрудник-секьюрити сорвался вниз.

В руке у Грамматикова осталось оружие. Он успел вырвать автомат из рук падающего охранника за мгновение до того, как тот смайнал с балки.

Несколько секунд Грамматиков размышлял, что будет делать с этим оружием. Таких автоматов в армии не было. Очень короткий и широкий ствол, никакого приклада. Наверное, это оружие ближе всего к беспатронным винтовкам «Урал», только калибр побольше и начальная скорость пули поменьше.

Совсем близко послышались чьи-то шаги. Грамматиков рывком укрылся за трубой и выстрелил по двум теням, которые быстро передвигались двумя уровнями выше. Одна из фигур исчезла. Укороченная винтовка, почти не дающая отдачи, была во внутренностях небоскреба оптимальным оружием.

И не только для Грамматикова.

Очередь прошла трубу неподалеку от его головы. Труба задрывалась, как раненая гюрза, но дыры в ее нанопластиковых стенках почти сразу стали зарастать тонкими волокнами.

Волоконца извивались, подыскивая оптимальный путь своими сенсорами... Такая штопка могла травмировать любую психику.

В виртуальном окне, распахнувшемся перед самым носом Грамматикова, зажглось строгое официальное предупреждение.

Внимание. Структура нанопластика запатентована, копирование без разрешения владельца запрещено.

Грамматиков дал несколько очередей в сторону не слишком понятных шумов, потом, ухватившись за трубу, съехал еще на несколько уровней вниз.

Где эта чертова ариаднина нить?

На этом уровне балочные соединения чаще имели форму арок и архивольт, появились кое-где подобию перекрытий и стенок.

Внутри стенок что-то двигалось, судя по раздельным потокам цвета — магнитные несмешиваемые жидкости с управляемой текучестью. Нанопластиковая конструкция продолжала достраивать и обслуживать себя, выводя наружу грязь и шлаки.

Грамматиков поднес руку к стенке, и несколько потоков устремилось к ней навстречу. Он надавил на стенку и почувствовал легкие ответные пульсации. В виртуальном окне побежали алые как кровь строчки:

Сверхчистые материалы, обладающие высокотемпературной сверхпроводимостью.

Остерегайтесь нарушить изоляцию.

Оптоволоконные нити пронизывали стенки. Сплетения нитей распускались соцветиями разъемов и сенсоров.

Для доступа в информационную систему нанопластика вы должны обладать кодами доступа, авторизованными в гильдии наноинженеров.

Грамматиков поднес руку, татуированную скин-коннектором, к разъему, и полумрак расцвел виртуальным фейерверком огненных запретных символов.

Весь софт защищен законом об авторском праве. Для получения доступа к пользовательскому интерфейсу вы должны немедленно обратиться к держателю авторских прав.

А сверху уже свисают робочерви, хотят упасть прямо на макушку, по бокам движутся человекообразные тени. Вот-вот начнут стрелять.

Преследователи были рядом, но они были невидимы при таком освещении.

И вдруг, словно из сумрака, сгустился черный монолит. Одним поворотом своего гранитного тела он раскидал и задушил огни лицензионных претензий. На монолите шкодливой рукой хакера было высечено:

Кряк-бюро. Коснись меня для генерации доступа в систему...

Нить Ариадны обвила монолит, и он превратился в обычное виртуальное окно.

В этом окне хаотическая геометрия небоскреба превратилась во фрактальный рисунок. Обозначились линии, по которым происходило разрастание нанопластика. Высветилась структура управления и обратных связей, что превращала здание в интеллектуальную машину. Транспортный терминал выделялся на этой схеме разомкнутыми в окружающее пространство информационными контурами.

Вместе с потоками сигналов Грамматиков побежал по бесконечно петляющему нанопластиковому каркасу Дома Медичи.

Ширина балок порой не больше пяти сантиметров, плюс каждые несколько метров узловидные сочленения, но нельзя останавливаться ни на секунду. Едва уйдет автоматизм движений, мозжечковая ловкость, и ты — труп. А пока бежишь, телом как будто командует сверхвнимательный и стопроцентно хладнокровный капитан, и мрачные внутренности здания кажутся лишь легкой паутинкой на поверхности светонесной пустоты...

Пуля прожгла балку над головой, на спину со злобным шипением брызнул расплавленный нанопластик. Одна капля попала на голую шею. Грамматиков тут же сорвался.

Его спасла труба, которую он оседлал на манер коня, едва не раздавив при этом популярные органы, размещенные природой между ног. Спасла и одновременно погубила. Но Грамматики это понял не сразу.

Сперва он порадовался за свое спасенное «хозяйство»: может, еще пригодится. Потом осмотрелся.

Труба уходила через пару десятков метров в емкость коллатора, который располагался ровно под терминалом. До цели рукой, в общем, подать.

Грамматиков сразу попробовал доползти до терминала. И тут он понял, что «приплыл».

По трубе мирно плыли себе то ли отходы, то ли конструкционные материалы, но ее наружные стенки были такие глянцево-маслянистые, что как ни кряхти, а никуда не уползешь.

Ближайшая балка — слева, на расстоянии чемпионского прыжка. Грамматиков не был чемпионом, тем более в прыжках из положения сидя. Ему оставалось цепляться за трубу, ожидая, пока его сожрет изнутри голодная смерть...

Ариаднина нить юркнула в трубу. Ну нет. Если сдохнуть, так уж лучше снаружи...

Грамматиков неожиданно стал вспоминать, как давно он не ел. Кажется, с ночи. Желудок тут же отозвался протестующим бурчанием...

Грамматиков натянул на голову капюшон, придал наноактуаторам куртки максимальную жесткость, рассек металл-органическую трубу штыком, выдвинувшимся с дульной части оружия, и вложил персты в «рваную рану». Рваная рана немедленно обернулась жадной глоткой и втянула Грамматикова. С головой и ногами.

Этот кишкопровод сдавил его и потащил вперед продольными пульсациями.

Грамматиков, конечно, вспомнил о страшной участи кроликов, проглоченных удавом, но куртка более или менее держалась.

Страшнее было то, что вместе с ним прокачивались побочные продукты нанопластического автопроизводства. Они совершенно недвусмысленно пытались под высоким давлением влиться ему в дыхательные пути.

Разрешен доступ только для лиц в пенетроскафандрах. Предъявите ваше квалификационное свидетельство, заверенное торгово-промышленной палатой.

Грамматиков судорожно пытался защитить руками носоглотку от настойчивых масс, которых только в порядке большой лести можно было назвать рвотными.

Если вы не являетесь объектом, специально сконструированным для работы в каналах, вы должны немедленно совершить процедуру безопасного саморазрушения.

Жижа, преодолев отчаянное сопротивление Грамматикова, втиснулась ему в нос вместе с букетом злых запахов.

Грамматикова вывернуло бы наизнанку, но он наполовину отключился. В этой полуотключке его покачивала Бездна на волнах невидимого света. Открылось виртуальное окно прямо в его теле. Мысли Грамматикова, пройдя через тайные программные интерфейсы и превратившись в распределенные потоки сигналов, остались его мыслями.

Они текли по углеродным и кремниевым нитям, из которых были сотканы стенки трубы, смыкали и размыкали ионные замочки, которыми соединялись нити, влетали в дендримерные молекулы, из которых вырастали новые нити, напрягали супрамолекулярные мышцы трубы.

Они различали желтые шарики атомов кремния, голубые шары мышьяка, фиолетовые крупинки дисперсного золота, пульсирующую электронную гущу квантовых ям.

Труба изогнулась, не понимая, что от нее хочет новый хозяин, напряглась, вздрогнула и лопнула. Один ее конец хлестал направо и налево пестрой жидкостью, как отвязный художник-абстракционист. Второй конец понес Грамматикова к решетке вентиляционного отверстия. Хозяин трубы, напоминающий сейчас змеечеловека, нажал на спусковой крючок автомата и, прежде чем его тело врезалось в решетку со всеми вытекающими кровавыми последствиями, разордал ее бронебойными пулями.

Грамматиков вместе с ветерком из жидкометаллических капель влетел в открывшийся вентиляционный канал.

Шлепнулся, проехался на животе, замер и приподнял голову.

Поток жарких выхлопных газов заполнил его дыхательные пути, заставив их затрястись в кашле.

Значит, это и в самом деле транспортный терминал.

Грамматиков поднялся и двинулся вперед. Но ушел он недалеко.

2

Грамматиков уперся в огромный вентилятор, который гнал горячий и вонючий воздух, вращая лопастями со скоростью тридцать оборотов в минуту.

Идея пришла быстро, хотя и очень рискованная идея.

Грамматиков снял куртку, затем на пару секунд прижался к стене тоннеля и закрыл глаза.

Где-то под сердцем снова раскрылось виртуальное окно, через которое заглянула Бездна. Она влилась в Грамматикова потоками холодного бесцветного света и поглотила возбуждение, страх, сомнения. В наступившем покое включился в дело маленький сосредоточенный капитан тела.

Теперь каждая лопасть вентилятора покорила взгяду Грамматикова и превратилась в твердую волну.

Рука направила ороговевшую куртку в просвет между лопастью и рамой. Мотор тужился, куртка отчаянно вибрировала, Грамматиков перебросил автомат, затем прыгнул сам.

В прыжке он все-таки зацепил куртку, и освободившаяся лопасть, едва не обрубив ему ногу, швырнула его вперед.

Подметки, наполненные жидкокристаллическим поглотителем энергии, частично «смазали» мощный пинок, однако и того, что осталось, хватило, чтобы Грамматикову пролететь три метра и вцепиться в стену...

Дурнота была похожа на водоворот. Грамматиков постоял в энергетически выгодной молитвенной позе, опираясь на колени и локти, затем выпрямился. Раз испарина не мажет спину, то, наверное, ничего не сломано.

Он подобрал спасительную куртку и, стараясь не ступать на разболевшуюся пятку, сделал несколько неловких шагов.

Сейчас он находился за приличных размеров машиной, укрытой кожухом, — наверное, этот мотор вращает лопасти вентилятора.

Времени совсем мало. О сбое в работе вентилятора, наверное, уже извещена кибернетическая оболочка здания, и скоро здесь появится механик: то ли робот, то ли человек.

Цокнули чьи-то каблук, за кожух заглянуло лицо, украшенное фуражкой.

Грамматиков почувствовал мгновенный, но шоковый испуг. Он уже не сможет стронуться с места, ни один приказ его мозга не дойдет до мышц. Он и так сегодня натворил больше дел, чем за десять предыдущих жизней...

Но прежде чем охранник отреагировал, Грамматиков ударил его жесткой как ведро курткой, а потом еще добавил автоматом, по-простецки, словно дубиной... Охранник, кажется, успел шепнуть «пся крев», но все же улегся без сознания и дал затащить свое тело в укромный уголок, за кожух...

За ближайшим реактивным флайером в ряд стояло несколько роторников. У второй машины поднят кокпит, но она как будто готова к вылету.

Грамматиков пробрался за шасси первой машины, потом рванулся к роторнику, взлетел по трапику и оказался в кабине.

— А, пан Пшиздьжецкий, — не оборачиваясь, сказал пилот. — Обычно вы приходите через пять минут после отлета.

Грамматиков приложил ствол автомата к затылку летчика.

— Это не игрушка, а я далеко не пан оккупант со столь благозвучной фамилией. Один почти бесшумный выстрел — и твои мозги улетели за борт. Так что взлетаем.

— Ты чё, парень? — Пилот резко перешёл на простой незатейливый язык. — Прокатиться решил на халяву? У меня нет разрешения на взлет, заправка не окончена, техосмотр не завершен, вон глянь, робомех по корпусу ползает.

— Не тарыхти. — Грамматиков пихнул летчика в бритый затылок. — На экране борт-компьютера висит надпись о го-

товности к взлету. Стартуй, или я не дам за сохранность твоих мозгов и ломаной копейки.

«Заяц» сел в кресло второго пилота, взял шлем, закрепленный в изголовье, надел — размер подошел, — тут же на него опустились мягкие колодки держателей. Передний дисплей, напыленный на забрало шлема, показывал терминал из точки наблюдения где-то в углу помещения.

Ворота терминала уже закрывались, обрезая с двух сторон плотные из-за пыли лучи солнца! А между двумя рядами машин словно проходило какое-то искажение воздуха... Демоны!

— Эй, чего ты ждешь, летун?

— Диагностика не закончена...

Грамматиков рванул ручку, которая находилась неподалеку от правого бока пилота. И тут же взревел двигатель.

— Ты что творишь, чмур?! — взревел летчик.

— Я лечу.

— Таким, как ты, только с койки на горшок летать можно...

По инерционным нагрузкам Грамматиков понял, что роторник оторвался от пола, и подшлемный дисплей показал, как машина отчаянно рванулась вперед в смыкающуюся щель выхода.

Пилот показал себя мастером, ведь между бортом роторника и наезжающей дверью терминала оставалось едва ли несколько дециметров.

Расставаясь с терминалом, машина мелко вздрогнула. На переднем дисплее была видна серия бодрых искорок, пробежавшихся по обшивке роторника, — значит задело очередь.

А потом этот дисплей погас, потеряв связь с системой наблюдения терминала. Но зато верхний дисплей, встроенный в налобник шлема, сейчас показывал местность в вертикальной проекции, изображение явно передавалось с орбитальной следящей системы. На нижнем подшлемном экране возникла интегральная радиолокационная картина в ортогональной проекции вместе с подстилающей поверхностью. Данные от нее явно поступали от радаров системы воздушного базирования.

— Ау, психопат, куда теперь? — остыв после «стартовой лихорадки», обратился летчик. — Если хочешь, прокачу тебя по высшей программе, будешь в тюрьме сидеть — вспоминать.

Не дожидаясь ответа, летчик выключил двигатель, и роторник словно провалился в преисподнюю. Затем резко, как космическая ракета, набрал высоту. Еще несколько раз изменил курс чуть ли не на девяносто градусов. Дурнота плескалась по всему телу Грамматикова, перегрузка сжимала мозг, выдавливала глаза и язык, растягивала и срывала с места внутренности. Из-за того, что передний дисплей превратился в черное пятно, все это сильно напоминало предсмертные кошмары.

Несколько раз ему хотелось крикнуть: «Хватит!» Нет, крикнуть бы не получилось. Получилось бы только завывать от непрекращающейся муки. Но внутри его обозначился холодный наблюдатель, капитан тела, мимо которого проходили провода боли... Броски машины неожиданно прекратились.

— Эй, заяц, ты там не заснул случайно? — осведомился летчик.

— Спасибо, что покатали, — ответил Грамматиков, поборов тошноту. — Мне нравятся воздушные горки. А теперь без шалостей, иначе я совершенно закономерно пристрелю тебя. Потом переключу автопилот в режим «С» и дальше полечу сам, легко и непринужденно.

— А ты забавный, зайчик мой. Жалко, что тебя расстреляют за угон воздушного судна.

— Подключи канал телеприсутствия.

Передний дисплей стал показывать окружающее пространство, как если бы борта роторника были абсолютно прозрачными. Грамматиков видел и небоскребы Сити, и хрустальную дамбу, и скайвеи, несущиеся через синий воздух вместе со светляками машин.

— Сейчас на северо-восток, — распорядился Грамматиков. Он подумал, что там, должно быть, сохранились леса.

— Там теперь тоже Финляндия. Билет тебе не нужен, поскольку ты заяц, но европейскую визу надо иметь. Очередь за визой отстоял?

— А это что на экране локатора?

— А это уже флайеры финских пограничников. Я ж тебе говорил, что у нас нет разрешения на взлет. Они просят срочно вернуться на посадочную площадку.

— Какое оружие на борту?

— Только сопли. Но их у нас много. -

— Не ври. У тебя на борту значок секьюрити. Ты же занимаешься патрулированием воздушного пространства Сити, чтобы какие-нибудь недобитые «запушкинцы» не запустили сюда самодельную робоптицу или микроцепелины.

— А ты, часом, не из них, не из этих долбанутых ополченцев? — ехидно спросил пилот.

— Потом узнаешь. А сейчас попробуй уйти от фиников. Или ты из тех скороспелых поствоенных летунов, которым иглой вводят в мозг обучающий наноинтерфейс?

— Обижаешь, я в сибирскую войну воевал. Три звездочки на фюзеляже. Я единственный, кому удалось завалить американский стратосферный бомбер до рубежа пуска ракет в Атлантике. Только на кой ляд мне нужны неприятности? Меня и так новые власти полгода таскали по тюрьмам, все хотели какое-то военное преступление приклеить.

— А получить пулю в башку — это ты не считаешь неприятностью?

— А ты ж не выстрелишь. Побоишься, что я тебе снится буду, а изо рта у меня будут вылезать червяки и махать тебе хвостиком.

Летчик посмотрел оловянным издевательским взглядом. А если и в самом деле станет сниться? Червяки, чего доброго, будут еще из ушей выглядывать.

Грамматиков коснулся руки пилота, показывая, что хватит уже бортовым самописцам записывать их голоса.

Его слова пошли через скин-коннектор на интраокулярный дисплей летчика.

«Мне терять нечего, летун, я тоже с той войны. Ты же всегда сможешь сказать, что я угрожал тебе оружием».

«Да кого это нынче волнует — угрожал, не угрожал. Истинный евроцентричный ингерманландец не подпустит к себе недобитого националиста ближе чем на расстояние выстрела... Ну-ка, а номер у тебя какой?»

«Какой еще номер?»

«Номер твоей части в войну».

Грамматиков с большим скрипом вспомнил несколько цифр.

«А ты знаешь, солдат, как меня достал этот пан Пшиздецкий? Я целых три месяца учил, как произносится его фамилия. Представляешь, что она означает в переводе...»

Машина упала вниз, понеслась в коридоре, образованном городскими «зарослями». Но не смогла уйти от боевых флайеров, получающих информацию со всех бесчисленных сенсоров, вмонтированных в стены небоскребов.

Флайеры взмыли, заходя на позицию, удобную для атаки.

Роторник рванул в сторону, на перпендикулярную улицу, которая напоминала каньон благодаря стенам небоскребов, подпирающих облака. Пущенная вдогонку финская ракета разнесла этаж углового здания.

Грамматиков видел, как из раненого небоскреба летят офисные потроха, полки, столы, бумаги.

Уже через несколько секунд один из флайеров, заложив крутой вираж, зашел роторнику в лоб, и под крылом у него что-то сверкнуло.

Роторник встряхнуло, кости Грамматикова как будто отделились друг от друга на какое-то время, в нос шибануло острым запахом паленого пластика.

— Я так не играю, дайте мне нормальную боевую машину, и я оторву им ленивые финские яйца! — гаркнул летчик, чуть не пробив чувствительные барабанные перепонки Грамматикова.

— В третьем отсеке возгорание, пожар локализован. — Это был мелодичный и немножко даже жеманный голос

борт-компьютера. — Управляемость сохранена переключением на резервные схемы.

— Передай мне работу борт-стрелка, — попросил Грамматики. — Ну чего ты ждешь, переключи управление оружием на меня. Не пристрелю же я тебя из авиационного пулемета.

— Но это тебе не в пехоте воевать, заяц. Тут три измерения.

На подшлемном экране появилась разметка прицела и контуры целеуказателей. Грамматикова подключили к бортовому оружию...

Роторник метался как испуганная муха, вместе с тем плескались как будто ставшие жидкими внутренности Грамматикова, а вместе с тем бились друг о друга и рикошетили мысли.

Но где-то внутри проявился холодный наблюдатель, капитан тела, который следил за курсовыми показателями и векторами скоростей роторника, за мельканием целей, за факелами вражеских залпов. А потом «капитан» совместил прицел и контур целеуказателя. Всего на одно мгновение. Один из флайеров обернулся алым облачком горящих обломков, пронесшихся по «каньону», а второй остался где-то за Домом Свободы.

— Поздравляю, заяц. Я им немножко отомстил за петрозаводский концлагерь, а у тебя нарисовалась первая звездочка на фюзеляже. Только в сорока км к северу от города начнет работать северо-европейская ПВО. После того, что произошло с финским флайером, они завалят нас автоматически... Да ладно, не думай о плохом.

— А о чем думать? — беспомощно отозвался Грамматиков.

— О том, что сегодня Восьмое марта, и мэрия скоро порадует нас запуском праздничных плазмоедов.

3

И в этот момент другой финский флайер, вывернувшийся из узилища между двумя исполинскими небоскребами, впил ракету в роторник. Кокпит отвалился, оба члена эки-

пажа были выброшены спасательной системой из вспыхнувшей машины.

Когда Грамматикив пришел в себя от перегрузки, он вспомнил, что пилот был уже мертв, когда его катапультировало. А потом понял, что не планирует к земле, как это должно быть по идее, а висит, уцепившись стропами кресла-парашюта за «архитектурное излишество» небоскреба в виде барочного архивольта.

Только не смотри вниз, уговаривал он себя. «Ну, посмотри на меня, разве я не хороша для тебя?» — уговаривала его разверстая под ним пропасть. Прокачав изрядное количество воздуха через свои легкие, пропотев и успокоившись, Грамматикив подтянулся на стропах к завитушкам архивольта, уцепился и наконец оседлал одну из них.

Словно в ознаменование этого успеха Сити украсился багровым плюмажем. Над Домом Свободы и Домом Гелия, над Домом Мёбиуса и Аркой Демократии вовсю засияло. Значит, министерство развлечений уже развернулось на полную катушку.

Но плюмаж не таял и не уносился вечерним бризом. Вообще, сидя над пропастью, трудно еще чему-то удивляться, но Грамматикив почувствовал отвисание челюсти и даже ненадолго забыл о том, где он сидит.

Это вовсе не праздничные плазмойды, запущенные начальством для увеселения народа.

На верхушках, на шпилях и крышах самых высоких городских башен распустились как будто цветы. Если точнее, бутоны гонофоров. Они были похожи на половые органы технорга, который год назад заполнял собой ванну Грамматикова. Только были многократно больше.

Значит, началось цветение светлой техножизни.

Последний год техножизнь гнездилась в нанопластиковых небоскребах, она там развивалась и размножалась. Постройки Сити были неистощимым источником питания и безопасным убежищем для техножизни. Они удачно скрывали ее, потому что нанопластик был самопроизводящимся строительным материалом и не нуждался в человеческих руках и глазах...

Лепестки гонофоров были размером с хоккейную площадку. По три лепестка на бутон. Два наклонены к далекой земле, напоминают челюсти насекомых, третий как бы прикрывающий, более гибкий, движущийся словно опахало. По лепесткам прокатывалась быстрая рябь, отчего они казались кусочками морской поверхности.

Наверное, бутонов были сотни, однако облака «алмазного неба», сияющие яркими рекламными красками, не позволяли увидеть все сразу...

Неподалеку — метров двадцать — лопнуло сверхпрочное металлическое стекло. И из пробоины появилось существо, похожее на громадную саранчу. Почти прозрачное. Однако чувствительный Грамматилов мог рассмотреть его очертания на фоне мрачнющего небосвода, так что показалось оно процарапанным на стекле.

Как будто человек, только очень тощий, словно специально обезжиренный. На голове отростки. Шея прикрыта панцирем. На месте живота просто провал, кожа чуть ли не прилипает к спинному хребту. Ноги длинные, со странными суставами. Похоже, прыгать он мастер. Сомнительно, чтобы у этого типа был нормальный кишечник. Питается чем-то легкоусвояемым вроде крови. Если вообще питается.

И еще на нем был галстук, обычный галстук аккуратного клерка. На галстуке — блеска корпоративного значка. Это один из сонма молодых совладельцев поствоенного мира. Типичный обитатель небоскрежного муравейника, грызущий остатки прежней разболтанной жизни и превращающий их в сверкающую ткань прекрасного нового мира.

У существа быстро развернулись крылья. Тоньше любой пленки. Бр-р, Грамматилову с детства почему-то не нравились летучие насекомые.

В виртуальном окне появилась информация, что эта тварь, еще недавно бывшая человеком, теперь переформатирована диффузными техническими системами.

Существо обернулось к Грамматилову. Смотрит как будто. От этого взгляда — зуд по коже. В голове Грамматилова услужливо всплыли сведения из какой-то книжки по пиару.

— А мы с вами не учились в одной математической школе?

Вопрос остался без ответа. Расправив крылья, существо прыгнуло в пропасть. Как будто прыгнуло в пропасть. Рывком сменив курс, оно налетело на Грамматикова.

Грамматиков не успел даже подумать об оружии. Он автоматически ударил эту небоскрежную нечисть ногой в твердый живот, ее руки рванули его за куртку, но все же соскользнули.

Существо, пролетев по какой-то ломаной траектории, снова бросилось на Грамматикова. Но на сей раз он выстрелил. Пуля выбила из «саранчи» красный фонтан, она с воплем кувыркнулась назад, склеила крылья и упала вниз...

Надо выбираться, потому что поднимается ветер и руки устали.

Завитушка, на которой сидел Грамматиков, была окончанием архивольта, который на другой стороне входил в балюстраду смотровой площадки. А выше балюстрады на шпигеле небоскреба алел бутон, и он источал запах любви...

Грамматиков оглянулся по сторонам, потому что ему стало стыдно. Бутон гонофора тянул его к себе, как тянет и формой, и запахом бутон женской груди, он затягивал Грамматикова сладкой глубиной, словно шмеля-опылителя...

Сперва надо вскарабкаться на площадку. Отсоединить кресло-парашют и подтягиваться вверх, охватывая выступ с обеих сторон всеми конечностями. Похоже на детские забавы...

Цепочку размышлений прервал пропущенный удар, который едва не сбросил Грамматикова с километровой высоты вниз.

Кровь из разбитого носа заполнила носоглотку. Грамматиков с трудом проглотил кровавые сопли, усилием воли стиснул сердце, желающее по-птичьи выскочить из груди, и посмотрел вверх.

На краю балюстрады сидела горгулья. Такое же «процарапанное на стекле» существо, однако женского пола. Она ему прилично поддала, но, похоже, на этом успокоилась. Горгулья смотрела на Дом Свободы таким взглядом, каким

ожидают суженого... Еще немного — и запоет: «Там кто-то с горочки спустился...»

Она не зря ждала суженого. Окна Дома Свободы начали лопаться одно за другим, и небоскреб стало окутывать какое-то пространственное искажение.

Чувствительный во всех диапазонах прицел автомата показал это искажение как серое облако, которое все более расширялось, превращаясь в грозовую тучу. От настоящей грозовой тучи ее отличало мелкое трепетание, будто состояла она из мелких подвижных частичек.

Грамматиков не выдержал, дал по ней очередь из автомата.

И тут же почувствовал на своей шее настоящие клещи. Не вывернуться никак. Голова мгновенно набухла и налилась тяжестью словно чугунный котел. Горгулья приложилась!

У него была одна секунда, чтобы столкнуть ее с выступа. Но он опоздал. Острия шипов на ее правом предплечье чиркнули его по щеке, и он почувствовал, как расползлась кожа.

Через несколько секунд Грамматиков свалился вниз.

Наверное, он не успел испугаться. Прежде чем ужас удущил бы его, Грамматиков понял, что его несут собственные крылья, напоминающие не традиционные летательные органы из костей, мяса и перьев, а радужный нимб. В качестве разъяснения Грамматиков увидел в виртуальном окне волны подвластных молекул. Они смотрелись плодами репейника и были сцеплены друг с другом вандерваальсовыми силами.

В последний момент Грамматикова подхватила техножизнь, так же как и год назад.

Все это время она была обитателем его тела! Она тихо осваивала его плоть и душу, последовательно насыщая сталью его мышцы и волю. Она вытащила его из ада, когда его шкуру и мясо изодрали американские шарики, она «подкрашивала» для него невидимых монстров.

Сейчас техножизнь говорила с Грамматиковым из всех частей и тканей его тела. Тайные нейроинтерфейсы отображали в виртуальном окне алмазные нити холодного света,

которые, просочившись через границу Бездны, ввинчивались в клетки его тела, вплетались в цепочки нуклеотидов и клубочки протеинов.

Грамматиков видел всего себя диковинным существом, разложенным на несколько изогнутых поверхностей, по одной из них текла его кровь, по другой скакали нервные импульсы, на третьей разливались градиенты гормонов и медиаторов.

Виртуальное окно показывало и более насущные вещи в виде графиков и диаграмм. Его летучее тело быстро пережигало хилые жировые отложения. Грамматиков подумал, что проживет еще не более двадцати минут, но двадцать минут сейчас показались длиннее, чем вся предыдущая жизнь, потому что секунда стала Секундой.

Из-за шпилья вынырнул флайер финских пограничников, и два факела обозначили пущенные в Грамматикова ракеты.

Теперь вниз, камнем, и около небоскрежного эркера изо всех сил толкнуться крыльями.

Обе ракеты шлепнулись в нанопластиковую глубину небоскреба и взорвались где-то в глубине каркаса, выдав на поверхность паровые гейзеры.

А туча быстро обволокла Дом Свободы и забросила щупальца в каньоны Сити. Щупальца были проворны и словно кипели...

Несколько секунд липкий страх прокладывал дорогу по телу Грамматикова. Он смотрел на эту тучу, как смотрит пехотинец с винтовкой на неотвратимую смерть в виде штурмового самолета. Он как будто уже слышал ее утробный рокот.

Виртуальное окно окружило Грамматикова. И это было еще то кино.

Нити бесцветного глубокого света вырывались из его тела, из темени, груди, живота. Нити процарапывали окружающее пространство словно бесчисленная стая расшвиравших кошек. А из царапин, образующих замысловатый фрактальный рисунок, выглядывала Бездна узкими буддийскими глазами.

Частички «процарапанной» тучи стали видимыми, как цели в коллиматорном прицеле.

Скорее это рой, а не туча!

Твари выныривали из роя, выделяли зигзагообразный танец, словно инерция была создана не для них, и снова проваливалась обратно в рой, будто в первозданный хаос.

Порождения Дома Свободы мало отличались от того типа, с которым Грамматикиков «познакомился» десять минут назад. Люди, переформатированные темной техножизнью в саранчу...

По Грамматикикову потекла волна слабости. Он увидел то, что нормальному человеку видеть противопоказано, — Тьму над Бездной. Он позавидовал солдатам, которые бросались с «коктейлями Молотова» на танки. Что там танки — неуклюжие еле ползущие коробочки.

Неожиданно Грамматикикова подтолкнул свежий ветерок.

На улицах, ведущих к Сити со стороны Васильевского острова, особенно на Железноводской, Грамматикиков увидел нечто похожее на кружение пыли перед грозой...

Эти существа летели с заплесневевших окраин города, из обшарпанных домов, которым суждено было развалиться, не вписавшись в новую блестящую жизнь, из загаженных санузлов, из ржавых ванн, из прогрызанных клопами постелей.

Несколько особей просвистело мимо Грамматикикова. Домохозяйка, алкаш, рабочий. Люди-дырки, лишь загрязняющие элегантную техносферу поствоенного мира. Но сейчас их изначально нелепые фигуры для стояния у раздолбанного станка или замурзанной плиты были преобразованы в живые летательные аппараты.

Техножизнь переформатировала их грузные рыхлые тела в жесткие и легкие, а круглые лица сделала острыми, как у нетопырей.

Отсутствие одежды восполнялось прозрачностью кожных покровов, соединительной ткани и мышц. Впрочем, на некоторых из них остались детали одежды, особенно трикотаж — кальсоны или колготки.

Несмотря на недобрый вид, эти кошмарного вида горожане даже не пробовали атаковать Грамматикикова. Один из них, с виду бывший работяга, на пару секунд завис возле

Грамматикова. В глазах его еще светилось что-то знакомое типа «Закурить не найдется?», но из сузившейся глотки доносилось только шипение.

Похоже, у этих существ были более серьезные задачи.

Население городских окраин, превратившись в нетопырей, летело на последний и решительный бой против обитателей Сити, обернувшихся саранчовой тучей.

Виртуальные нимбы сообщали, что запасы энергии в телах нетопырей далеко не соответствуют энергопотреблению во время полета.

Им летать еще не более двадцати минут. Но за это время, наверное, решится судьба города и мира.

Стая саранчи выстроилась многолучевой люциферовой звездой.

Нетопыри летели веером, явно намечая охват саранчи.

А вдруг эта та эскадра, которая должна ждать его по завещанию великого нанотехнолога Бори Дворкина?

Нити властного света, исходящие из Грамматикова, обвивали нетопырей, и он почувствовал их.

Из обычного облачка сознания, которое и было Грамматиковым, выделился активный центр — как белый карлик выделяется из горячей газовой туманности после взрыва сверхновой.

Это был капитан его тела и адмирал всей стаи нетопырей.

Капитан впитывал мысли стаи и превращал их в свои мысли.

Благо эти мысли были достаточно просты. «Мы их порвем!»

Но порвать вряд ли получится. Коллективный разум нетопырей обделен полководческими талантами. Глубины строя для охвата вражеского роя явно недостаточно, ведь фланги и так уже чрезмерно растянуты. Нетопыри будут входить в боевое соприкосновение порциями и так же порциями будут уничтожаться. А надо ударить по центру саранчи, рассечь вражеские порядки. Причем быстро, как это сделал Нельсон при Трафальгаре. И с максимальной концентрацией сил, как это делали Гудериан и Манштейн.

Адмирал Грамматилов попытался перестроить свои боевые порядки одним усилием воли, и это у него не получилось.

Какое-то мгновение ему понадобилось, чтобы разорвать вяжущие пути страха. А потом Грамматилов лично устремился прямо в центр гудящей, стрекочущей, жужжащей вражеской стаи. И лишь тогда, с почти сексуальным удовлетворением, ощутил, что он теперь с нетопырями — одно тело.

Но ветер бил лично его наотмашь по лицу, пинал в спину или лупил в бок.

Надо было бороться с ветром-сумоистом и еще стрелять. Патроны кончились через несколько секунд, и Грамматилов отбросил ненужный автомат, который мешал ему закладывать виражи. В этот момент на него налетела визжащая тварь, и хотя он увернулся от вражеских острых пяток, целивших ему в грудь, шипы располосовали лоб и левый глаз. Сноп кровавых искр вырвался из изуродованного лица, но боль была срезана резкими потоками ветра.

Саранча, несколько раз кувыркнувшись, повторила атаку, Грамматилов свалился в штопор, завертевшись сразу вокруг нескольких осей. Под действием инерционных нагрузок бурно плескались остатки полупереваренной пищи в кишечнике. Сквозь прострацию проступало острое чувство — он проиграл. Сейчас его размажет по стене какого-нибудь небоскреба или искромсает в крошку первый встречный монстр.

Но капитан его тела стабилизировал полет. Нити глубокого света превратили пространство в набор каналов и узлов, снабженных координатами. Мысли Грамматилова, пройдя через программные интерфейсы, теперь легко управляли трансляциями его тела из одной точки пространства в другую. И столь же легко распределяли стаю нетопырей, эшелонируя ее по высоте и глубине, перестраивая ее, как набор криволинейных поверхностей.

Теперь нетопыри были частью его тела, его нервной системы, его крыльями, руками и ногами...

Саранча и нетопыри всего за несколько минут боя стали профессионалами в воздушном кунфу, мгновенно перенимая друг у друга навыки и приемы. Они пикировали и лома-

ли друг другу крылья. Они вертелись, как пули, вылетевшие из нарезного ствола, и закладывали крутые виражи, чтобы ударить в живот или в спину.

Последние запасы жира перегорали у Грамматикова где-то в районе поясицы, когда лопнула кожа на его ладонях, и они превратились в змеиные гнезда. Мономолекулярные голубые змейки поползли из гнезд, вращая хищными головками.

Потом они разом рванулись «на волю». Между рук и ног Грамматикова заизвивались пучки «змеек», невидимых обычному глазу, но быстрых и острых, как дамасские клинки.

Сейчас набрать ускорение и взмыть вверх, а затем перейти в пике...

«Змеи» сами бросились из его рук в атаку. В разные стороны полетели руки, головы, потроха врагов...

И тут же ему пришлось заложить резкий вираж, увильывая от пучка гибких «клинков», попробовавших впиться ему в живот...

Теперь уже все нетопыри и вся саранча оснастились «клинками», которые сносили головы, отсекали конечности и разваливали тела, выбивая фонтаны крови.

Вскоре весь вечерний воздух был затянут багровым туманом.

Грамматикову показалось, что еще немного — и густой, набитый жесткой плотью центр вражеской стаи перемелет атакующих нетопырей.

Но тут загорелись звезды в его конечностях, руках, ногах, там, где только что были змеиные гнезда. Одна из таких звезд на его пальце полностью превратилась в лазерное излучение, которое искромсало с полдюжины врагов. На месте первой фаланги ничего не осталось, вторая была прикрыта коркой из копоты.

Багрово-серая гуща битвы украсилась лучами и вспышками.

Эти вспышки уничтожали телесную органику, но тела были менее важны, чем результат боя.

Боль поглощалась яростью. Разум, закрепившийся в дальних закоулках мозга, сообщал, что так драться могут только тупоголовые самцы за обладание единственной самкой...

Концентрированный удар по центру саранчи оказался удачным. «Звезда» была разорвана, и теперь ее сгустки погибали в захватах нетопырино «веера».

И хотя весь жир в теле Грамматикова практически сгорел и истончившаяся высохшая кожа натянулась на кости, приготовившись лопнуть в любую секунду, он стремительно набрал высоту, и его уцелевший глаз ухватил новые цели.

А потом и вся стая нетопырей, не обращая внимания на оставшуюся недобитую саранчу, ринулась к рыльцам громадных цветов, которые... все сильнее источали запах любви и звали в свою сладкую глубину, связанную с изначальной Бездной.

Грамматикову стало невыносимо стыдно, как в тот момент, когда он увидел трусики классной руководительницы. «Андрюша уже не маленький». И это был последний стыд, который он испытал.

Вся стая нетопырей, толкаясь, как покупатели на распродаже в супермаркете, ринулась к первому, второму, третьему цветку. Кто-то успел спикировать в ближайшее рыльце, другие понеслись дальше...

Важен не только код активации пола, но и место активации, которое тоже включено в образный код.

Вся последовательность кодов сейчас выплывала из потемков памяти Грамматикова, куда они были вдавлены взрывной волной от американской шариковой бомбы. Мазок за мазком дорисовывалась картина...

Перед Грамматиковым на верхушке Дома Медичи была чашечка женского гонофора, подтягиваемая вверх пузырем пневматофора. Чем-то она напоминала детскую кроватку с воздушным шариком. Она благоухала тем ароматом, который источает материнская грудь для новорожденного.

Вспыхнул и стал движущей силой оставшийся жир в теле Грамматикова.

Утончившееся тело вылетело из куртки и ботинок.

Мертвой листвою слетела кожа. Голова Грамматикова запылала, правый глаза лопнул, выплеснув свет.

Но глаза ему уже и не требовались. Запах технорга захватил его, как мощный насос. Грамматиков влетел в темный канал гонофора, и через несколько мгновений его жизнь навсегда слилась со светлой техножизнью. Его природа перемешалась с искусством техножизни. Ансамбль органических молекул, который нес многомерную функцию его сознания, растворился в теплых внутренностях громадного цветка.

Но сознание Грамматикова не исчезло, теперь несущей для него стала вся техножизнь...

Уже через несколько часов репродуктивные органы техноргов породили новую расу живых существ, которая стала венцом вторичного творения. В отличие от переформатов их тела были отлично приспособлены для воздушного образа жизни. Симбиотические послушные молекулы обтекали их тела, окружая нимбами защитных полей, и перисто расходились словно крылья.

Более всего новые существа напоминали иконописных ангелов...

На следующее утро в выпусках новостей западных телестанций и ньюс-серверов еще появилось сообщение о том, что бывший летчик российских ВВС Петр Васильевич Синичкин сбил флайер финских миротворцев. И о том, что комиссия сената США требует от администрации ООН немедленно покончить с националистическим подпольем на территории экс-России и выделяет на эти нужды дополнительно сто миллиардов долларов.

Но уже к вечеру линии связи перестали перекачивать новости, банковские компьютеры сделались ржавчиной, а доллары США канули в Лету. Экс-Россия очистилась от терзавшей ее мрази, а планета Земля стала живой и разумной от горячих своих недр до стратосферы. И Бездна, сама вечная и неизменная, посмотрела на преображенный мир и увидела, что это хорошо...

ЧТО ТАМ, ЗА ДВЕРЬЮ?

В зале горели люстры, и я хорошо видел лица людей, сидевших в первых рядах. Я всегда смотрел на эти лица, когда читал лекцию. Мне нравилось наблюдать, как менялось их выражение, когда я рассказывал о случаях, свидетелем которых был сам. И о тех доказанных случаях, свидетелем которых я не был, но очевидцы — заслуживающие полного доверия люди — рассказывали мне в мельчайших деталях обо всем, что происходило на их глазах.

Джентльмен, сидевший в первом ряду — грузный мужчина лет пятидесяти в черном костюме, серой рубашке и строгом темном галстуке, — и его юная спутница, чью руку он держал на протяжении всего моего выступления, как мне показалось, откровенно скучали, когда я произносил вступительное слово, и так разозлили меня, что я обратил свои слова непосредственно к ним:

— Я хочу сегодня поведать вам о том, что касается судьбы каждого мужчины и каждой женщины, присутствующих здесь. Конечно, Всевышнему ничего не стоило, послав ангела сюда, на Кинг-Уильям-стрит, обратить всех в спиири-

тизм. Но по Его закону, мы должны сами, своим умом найти путь к спасению, и путь этот усыпан терниями.

Джентльмен с первого ряда смутился, увидев, что взгляд мой направлен в его сторону, но сразу придал лицу выражение высокомерного пренебрежения. Я начал рассказывать о случае в Чедвик-холле, а потом о сеансе в Бирмингеме и, наконец, о том, что проделывал дух Наполеона, вызванный медиумом Сасандером в Риджент-менор, и с удовлетворением заметил, что на лице этого джентльмена появилось удивленное выражение, он нахмурился, на какое-то время выпустил руку своей спутницы, а когда вновь о ней вспомнил, то выражение его лица было совсем отрешенным — я уже «взял» его, он стал моим, мне нравились эти моменты, они воодушевляли меня, они не то чтобы придавали мне сил, но лишний раз (хотя разве хоть какой-нибудь раз может быть лишним?) показывали: всех можно убедить, даже тех, кто не верит в Творца и Божий промысел, — пусть они остаются в своем неверии, но фактам, свидетелям они обязаны если не поверить, то понять, что не могли столь разные очевидцы в столь разных местах и при столь различных обстоятельствах ошибаться, говорить неправду или, того хуже, намеренно мистифицировать близких им и дорогих людей.

Когда я закончил, джентльмен с первого ряда сначала оглянулся назад, будто только теперь обнаружил, что находился в зале не один со своей спутницей, а потом начал громко аплодировать, не стараясь теперь уйти от моего взгляда, а напротив, поймать его и, возможно, просить взглядом прощения за свое недостойное неверие. Спутница его хлопала вежливо, она относилась к числу тех холодных женщин, которые держат мужчин в узде, как запряжную лошадь, командуют ими, но сами не способны на сильные чувства, и холодность их обычно делает супружескую жизнь подобной бескрайней пустыне, где на пути каравана, бредущего в будущее, не встретится ни одного оазиса.

— Спасибо, господа, — сказал я, чувствуя, как зарождается огонек боли в левом боку чуть ниже сердца. — Спасибо, что вы пришли и выслушали меня со вниманием.

Я прошел за кулисы, где меня ждал Найджел, надел поданное им пальто, потому что на улице, по словам моего дво-

рецкого, стало прохладно, и направился к боковому выходу, сопровождаемый взглядами театральных рабочих, слушавших мое выступление из-за кулис и не смевших подойти ко мне, чтобы задать наверняка мучившие их вопросы. Я сам подошел бы к этим людям, но боль в левом боку заставила меня идти к выходу, не глядя по сторонам. Разумеется, я не подал виду — шел, выпятив грудь, как гренадер на плацу, и высоко подняв голову, но страх, возникавший у меня всякий раз, когда начинался приступ стенокардии, страх, о котором не знал и не должен был знать никто, даже самые близкие люди, даже Джин — тем более Джин! — кто-нибудь мог прочитать в моем взгляде, и потому я смотрел поверх голов, что наверняка выглядело со стороны признаком дешевого снобизма, который я сам не терпел ни в себе, ни в своих друзьях и знакомых.

У выхода стоял, подпирая стену, мужчина в черном костюме — тот, с первого ряда. Спутницы с ним не было, мужчина выглядел смущенным, я не мог пройти в дверь, не задев этого человека, — ясно было, что он дожидался моего появления, и заговорил, как только мы встретились взглядами.

— Прошу прощения, сэр Артур, — сказал он, — мое имя Джордж Каррингтон, и если у вас найдется для меня несколько минут — не больше, я не собираюсь злоупотреблять вашим вниманием, — то мы могли бы поговорить о вещах, которые, я уверен, вызовут ваш интерес. А может, даже...

Он умолк, глядя на меня, прислушивавшегося не столько к его словам, сколько к собственным ощущениям, о которых не нужно было знать никому, тем более — постороннему человеку, пришедшему на лекцию лишь за компанию с молодой особой, а теперь готовому изменить свои устоявшиеся взгляды и сообщить об этом человеку, под чьим влиянием эти взгляды столь радикально изменились.

Я широко улыбнулся и протянул руку со словами:

— С вами была красивая молодая леди, ваша дочь, вы оставили ее в зале?

Он смутился еще больше и, отвечая на мое пожатие, сказал:

— Патриция поехала домой, я взял ей такси, потому что хотел переговорить с вами, но... Вы плохо себя чувствуете, сэр Артур? Я могу вам помочь?

Он мог помочь мне дойти до машины, но я — надеюсь, не очень невежливо — оттолкнул его руку, Найджел распахнул перед нами дверь, и я поспешил выйти на улицу, где было хотя и очень прохладно для сентябрьского дня, но свежий ветерок, перелетавший от дерева к дереву и срывавший желтые листья с крон, мог вернуть меня к жизни быстрее, чем лекарства, лежавшие в аптечке в машине.

Боль действительно отпустила меня — не совсем, но достаточно, чтобы не думать о ее существовании, — мой спутник следовал за мной на расстоянии шага, Найджел распахнул заднюю дверцу машины, и я, пригласив мистера Каррингтона (надеюсь, я правильно расслышал фамилию), сел рядом. Найджелу, занявшему водительское место, я сказал:

— Сделаем круг вокруг Риджентс-парка, хорошо? Я хочу поговорить с мистером Каррингтоном.

— Вы действительно хорошо себя... — начал фразу мой новый знакомый, но я перебил его словами:

— Вы не так давно оставили службу, верно?

— Три месяца назад, — механически ответил Каррингтон и лишь после этого хлопнул себя ладонями по коленям и воскликнул: — Вы именно тот человек, которому я давно мог рассказать все! Но мне казалось настолько невежливым вас беспокоить...

Он умолк на мгновение и спросил с ненаигранным интересом:

— Как вы догадались, что я недавно оставил службу и что со мной на лекции была моя дочь?

Я мог бы, конечно, сыграть с ним в любимую игру плохих сыщиков, но сейчас у меня не было настроения для мистификаций, и я ответил коротко:

— Мне так показалось. Я мог попасть пальцем в небо, но рад, что не ошибся.

Мистер Каррингтон не поверил моему объяснению, он вообразил, что я применил знаменитый дедуктивный метод, согласно которому следовало бы сказать, что джентльмену

его возраста и положения не пристало являться в общественные места с молодой любовницей, а женой ему эта женщина быть не могла, потому что на ее пальце (и на его тоже, кстати говоря) не было обручального кольца, а если еще принять во внимание бросавшееся в глаза фамильное сходство, то кем еще могла быть эта милая девушка, если не дочерью стареющего мужчины, оставившего службу, о чем свидетельствовала его выправка, прямая спина и поза, которую он не мог изменить, даже сидя в первом ряду партера?

— Вы и не могли ошибиться, — убежденно заявил мистер Каррингтон. — Верно, Патриция — моя дочь, жену мою звали Эдит, она скончалась одиннадцать лет назад, и я больше не женился. Еще три месяца назад я служил в Скотленд-Ярде в должности старшего инспектора, занимался криминальными расследованиями и вышел на пенсию на пять лет раньше срока, потому что... Впрочем, это совершенно не важно.

— В полиции сейчас много нововведений, — сказал я, откинувшись на спинку сиденья и нащупав в кармане пальто свою трубку; я не стал ее доставать — нельзя курить сразу после приступа стенокардии, даже такого легкого, как сегодня. — И для вас наверняка неприемлемы взгляды молодых начальников.

— Не я один такой, — сказал мистер Каррингтон, отвернувшись к окну, чтобы скрыть от меня возникшее и исчезнувшее напряжение. — Сэр Артур, — решил он наконец перейти к делу, — я хочу рассказать — возможно, это пригодится вам в вашей просветительской деятельности, — о нескольких случаях из моей практики. Это удивительные случаи, но говорить о них мне не позволяла прежде моя должность.

Мы ехали вдоль восточной ограды Риджент-парка, и в открытое окно машины свежий ветер приносил слабый запах роз — Впрочем, я понимал, что это всего лишь игра моего воображения. Мистер Каррингтон умолк, дожидаясь разрешения начать свое повествование, а я думал о том, что, если рассказ окажется интересным, нужно будет его записать, а потому следовало бы нам, пожалуй, поехать домой и там, за

чашкой чая или рюмкой бренди, продолжить разговор, суливший, как мне уже начало казаться, немало любопытных откровений.

— Мистер Каррингтон, — сказал я, — вы меня заинтриговали. Надеюсь, вы не станете возражать, если я приглашу вас к себе? Это недалеко, пять минут езды. Вести серьезные разговоры в машине — верх неприличия, вы согласны?

— О, конечно! — воскликнул мистер Каррингтон, и через четверть часа (Найджелу пришлось ехать в объезд, потому что Риджент-стрит оказалась перегороженной — там то ли расширяли тротуар, то ли начали проводить археологические раскопки) мы сидели в моем кабинете — я в своем любимом кресле, а гость на диване перед журнальным столиком, Джин что-то обсуждала (слишком громко, как мне показалось) с Адрианом за стеной в библиотеке, я достал из бара початую бутылку бренди, рюмки и предложил:

— Выпейте, мистер Каррингтон, и расскажите о том, что вас волнует.

— Случаи, о которых я хочу рассказать, — начал мой гость, пригубив напиток, — происходили в разное время. Объединяет их то, что расследование каждого из них так и осталось незавершенным, хотя однажды дело даже было доведено до суда.

Дослужившись до старшего инспектора, — продолжал мистер Каррингтон, — я перестал заниматься мелкими преступлениями, простыми делами. Семь лет назад — да, это было почти сразу после окончания войны — утонул в реке некто Мортимер Блоу, тридцати шести лет, рабочий Бредшомской мануфактуры. На сочельник он выпил с друзьями, они о чем-то повздорили, как это часто бывает, и, чтобы привести мозги в порядок, отправились на берег Темзы в районе моста Перфлит, где, как вы знаете, нет бетонного ограждения и можно подойти к самой воде. Там спор вспыхнул с новой силой, завязалась драка, кто-то сильно толкнул мистера Блоу, и он повалился в реку, да так и не встал — видимо, ударился головой о корягу. Было темно, драка продолжалась, никто не обратил внимания на то, что одним драчуном стало меньше. Разумеется, в конце концов бессмысленное маха-

ние руками прекратилось, к синякам приложили монетки и отправились мириться в ближайший кабак, где и просидели почти до утра, так и не вспомнив об отсутствии Мортимера Блоу.

Утром Минни, жена мистера Блоу, обеспокоилась отсутствием мужа и пошла к его друзьям, от которых и узнала о драке и исчезновении супруга, которого никто не видел с самого вечера. Осмотрели берег, не нашли никаких следов пропавшего, и только тогда Минни обратилась в полицию. Ко мне это дело попало после того, как тщательные поиски не привели ни к каким результатам, шли восьмые сутки после исчезновения мистера Блоу, и его жена вдруг заявила сержанту Бакхэму, что супруг ее умер и сказал он ей об этом сам, явившись ночью домой в виде призрака.

— В виде призрака? — вырвалось у меня, и рука сама потянулась к блокноту, чтобы записать несколько слов для памяти.

— Именно так она сказала и настаивала на своем, — кивнул мистер Каррингтон и отпил глоток из рюмки. — Более того, по ее словам, несчастный супруг пытался объяснить ей, где именно нужно искать его тело, но то ли у него не было опыта в общении с живыми, то ли она не могла его понять, будучи парализована страхом, — как бы то ни было, она лишь твердила, что Мортимер знает, где лежит, но выразить это не в состоянии, и еще одной такой ночи наедине с покойным она не выдержит.

Я поговорил с этой женщиной, — продолжал мистер Каррингтон, — и по крайней мере убедился в том, что она действительно чрезвычайно напугана. Ей было страшно возвращаться домой, но ее туда тянула неодолимая сила. Женщину звала к себе сестра, живущая в Уэльсе, но миссис Блоу ответила отказом, хотя страх заставлял ее не спать ночи напролет и даже не гасить в доме электричества, потому что оставаться одной в темноте было выше ее сил. Призрак, однако, являлся и при свете — белесым облачком, переплывавшим из комнаты в комнату, — и все пытался что-то сказать, мычал, бранился...

Я знаю, о чем вы сейчас думаете, сэр Артур, — прервал рассказ мистер Каррингтон и допил наконец свое бренди. —

Вы удивлены: почему никто из полицейских не остался с этой женщиной на ночь для того хотя бы, чтобы проверить ее показания. Сержанту Бакхэму это не приходило в голову, констебль Бертон не собирался бодрствовать ночи напролет, проверяя всякий, по его выражению, бред, а я был занят другим делом — убийством в Вуд-грине — и вызвал миссис Блоу в Ярд. Эмоциональный рассказ женщины не то чтобы поколебал мои убеждения — кто же в наш просвещенный двадцатый век верит в призраков? — но для продолжения следственных действий — или отказа от них — я должен был убедить самого себя, что свидетельница что-то скрывает. Возможно, она сама каким-то образом была причастна к исчезновению супруга, а рассказами о призраках пыталась отвлечь внимание полиции.

Так вот и оказалось, — сказал мистер Каррингтон, сложив руки на груди, будто отгораживаясь этой позой от упреков, которые могли быть высказаны в его адрес, — что на следующий вечер я приехал домой к миссис Блоу и остался у нее на ночь. Не желая компрометировать женщину, я расположился в кухне, отделенной от спальни маленькой гостиной. Я взял с собой несколько последних номеров «Тайма» и собирался коротать время до утра за чтением статей о политических событиях в послевоенной Европе.

Я слышал, как миссис Блоу ходила по комнате, потом стало тихо, я открыл журнал, было это — как сейчас помню — около полуночи, и вдруг раздался такой ужасный крик, что кровь, как любят писать романисты, застыла в моих жилах. Я бросился в спальню, не думая в тот момент о том, что миссис Блоу может быть, мягко говоря, не совсем одета. Бедная женщина — на ней действительно была только ночная рубашка — стояла босиком на кровати, смотрела в дальний от меня угол и беспрерывно вопила, да так громко, что я до сих пор не понимаю, почему этот вопль оставил равнодушными соседей — ведь его наверняка было слышно на противоположном конце улицы.

И вот что я вам скажу, сэр Артур: возможно, мне показалось — там, куда смотрела миссис Блоу, я действительно увидел странную туманную фигуру, ее почти невозможно было

различить при электрическом освещении, но когда смотришь не прямо, а боковым зрением... Фигура проплыла в воздухе до стены и скрылась в ней, я услышал приглушенное бормотание, но абсолютно не уверен, что это не было игрой моего воображения.

«Господи, — рыдала миссис Блоу, опустившись на подушки, а я стоял поодаль, не представляя, как вести себя в этой ситуации, — Господи, наставь меня... Господи, Господи...»

Я подал ей воды, поднял с пола одеяло, укрыл женщину, потому что она дрожала как осиновый лист, и сказал:

«Все в порядке, миссис, я побуду с вами, с вашего разрешения, или позвольте мне вызвать вашего врача, он пришлет сиделку...»

Я сразу понял, что сморозил глупость: у семейства Блоу не было личного врача, а сиделка была бедной женщине не по карману.

Миссис Блоу посмотрела на меня странным взглядом, который я и сегодня не могу описать известными мне словами, и мне не оставалось ничего иного, как покинуть спальню. Больше всего я хотел бы в тот момент оказаться в своей постели, но невозможно было покинуть дом, так же как невозможно было и оставаться, — согласитесь, сэр Артур, ситуация сложилась в высшей степени щекотливая, но винить я никого не мог, поскольку сам напросился на это, мягко сказать, совершенно не нужное мне приключение.

Оставшееся до утра время я провел в кухне — читал журналы, курил и прислушивался к любому звуку. Ничего, однако, больше не произошло, и в семь часов — хозяйка, по видимому, еще спала, но я не стал врывать в спальню, чтобы проверить это, — я покинул дом и отправился в Ярл, чтобы приобщить к делу об исчезновении мистера Блоу свои профессиональные наблюдения.

Весь день я был занят другими расследованиями, а ближе к вечеру, когда я вернулся в Ярл, чтобы подвести кое-какие итоги, мне сообщили, что меня дожидается посетительница. Это была миссис Блоу — бледная, с трясущимися руками. Она сказала, что не выдержит еще одной такой ночи,

подруга посоветовала ей обратиться к сильному медиуму, чтобы тот поговорил с духом ее мужа и убедил его или вернуться в этот мир, или оставить супругу в покое. Я хотел высмеять это нелепое желание, но когда увидел, с какой мукой смотрела на меня миссис Блоу, слова застряли у меня в горле. Я только пожал плечами и сказал, что, если у нее появятся какие-нибудь сведения об исчезнувшем супруге, ей следует немедленно обратиться в Ярд.

Возможно, я должен был согласиться на ее предложение и присутствовать на спиритическом сеансе, чтобы исключить все возможности для неправильных выводов, но я очень устал в тот день и принимать участие во всяких глупостях — извините, сэр Артур, в то время я был убежден, что это именно глупости и ничего более, — я не желал.

Прошло три или четыре дня, время от времени я вспоминал о деле Блоу, спрашивая у констеблей о том, есть ли новые сведения, но тело так и не было найдено, миссис Блоу тоже не давала о себе знать — я решил, что и ей ничего нового известно не стало. Кажется, на пятый день мне нужно было представить комиссару отчет о законченных делах, дело Блоу было одним из таких, и перед тем, как поставить точку, я послал сержанта Эмиссона на Перфлит-роуд, поскольку телефона у супругов Блоу не было и получить сведения иным способом не представлялось возможным. Сержант вернулся через час в сопровождении женщины, в которой я не сразу узнал миссис Блоу. Она больше не носила траур, во взгляде ее не было и следа бывшего страха.

«Вы не поверили мне, — сказала она, — но в тот же вечер мисс Алéксандер — это замечательная женщина, у нее великая сила, — согласилась вызвать дух моего мужа, и мы устроили сеанс в нашей квартире. Нас было шестеро, я назову вам имена этих людей, и каждый подтвердит истинность того, что произошло. Дух Мортимера явился по первому зову и был счастлив, что его наконец вызвали, он может сообщить то, что намеревался, и спокойно после этого удалиться в тот мир, куда он никак не мог попасть. Его спросили о произошедшем...»

— Извините, мистер Каррингтон, — в волнении прервал я разговорившегося гостя, — извините, но это важно, и поэтому я решил прервать ваш рассказ. Дух Мортимера Блоу говорил через медиума или отвечал на вопросы посредством тарелочки или постукиваний?

— О! — удрученно сказал Каррингтон и развел руками, всем видом показывая, что не в его силах ответить на такой простой, но важный вопрос. — Видите ли, сэр Артур, я был тогда полным профаном в подобного рода делах, мне и в голову не пришло спросить... Вообще говоря, я отнесся к рассказу с изрядным скептицизмом, но выслушал до конца, то есть до того момента, когда она сказала: «Мой муж умер, ударившись головой о корягу, когда упал в воду, тело его долго плыло по течению, и его прибило к камышам на левом берегу напротив Грейвзенда, где никто не искал».

Я спросил, — продолжал мистер Каррингтон, — не сказал ли ей дух мистера Блоу, по каким приметам нужно искать место, где... Вы понимаете, сэр Артур, это был чисто формальный вопрос, я не верил ни одному слову, наверняка придуманному медиумом, чтобы успокоить бедную женщину. «Нет, не сказал, — ответила она, — дух моего мужа обещал покинуть этот мир, дав мне наконец покой. Он счастлив там, а я — так он завещал — должна быть счастлива здесь».

Больше она не сказала ни слова и ушла, подписав по моей просьбе свои показания, которые я приобщил к делу, представляя, какую усмешку вызовут они на лице комиссара, если он удосужится читать эти скучные страницы.

— Но вы, надеюсь, обследовали место, на которое указала миссис Блоу? — спросил я, закончив наконец набивать табаком одну из своих глиняных трубок и прикурив от длинной спички. — Верили вы ее словам или нет...

— Но проверить их было моим профессиональным долгом, — кивнул мистер Каррингтон. — Да, сэр Артур. На следующее утро я связался с полицейским участком Грейвзенда и попросил отправить одного или двух человек к камышам на противоположном берегу Темзы. Это было сделано, и тело мистера Блоу действительно нашли в воде — правда, не в

камышах, как утверждал призрак, а дальше по течению. Видимо, во время прилива тело вынесло из камышей и прибило на Чимназскую отмель, где его и обнаружили.

— Так! — с мрачным удовлетворением воскликнул я. — Разумеется, было проведено опознание?

— Миссис Блоу опознала супруга, — кивнул мистер Каррингтон, — а проведенная экспертиза (честно говоря, была у меня мысль, что жена могла убить мужа по каким-то неизвестным мне причинам, а потом разыграть комедию с призраком) показала, что мистер Блоу действительно умер уже в воде от того, что потерял сознание и захлебнулся. И след от удара тупым предметом — или о тупой предмет — тоже был обнаружен. В общем...

Мистер Каррингтон развел руками, показывая, что по этому делу ему больше добавить нечего.

— Чрезвычайно интересно! — воскликнул я, наслаждаясь впервые за этот долгий день вкусным табачным дымом. — Чрезвычайно! Все правильно — дух не мог покинуть земную обитель, зная, что тело не найдено и не похоронено. Потому он и являлся бедной вдове. Она, конечно, поступила совершенно правильно, устроив спиритический сеанс — как иначе дух ее супруга мог сказать, где находится тело... Впрочем, — прервал я себя, — у вас в запасе, дорогой мистер Каррингтон, есть, как вы сами сказали, еще и другие истории? Я с нетерпением жду продолжения вашего рассказа — наверняка оно окажется еще более удивительным!

— Да. — Каррингтон покосился на бутылку, и я, разумеется, тут же наполнил до краев его рюмку и предложил дольку лимона и шоколад, от чего он не отказался, и несколько минут прошли в молчании, пока мой гость, к которому я испытывал все больший интерес, собирался с духом, чтобы перейти к следующему этапу повествования. — Да, — повторил Каррингтон, допив бренди и закусив шоколадкой, — вы правы, сэр Артур, вторая история удивительнее первой, а третья еще более удивительна... Была весна двадцать второго года, я собирался в отпуск, моя жена Эдит хотела... Впрочем, это не важно.

Несколько вопросов о семейной жизни моего гостя вертелись у меня на языке, но я сдержал естественное любопытство.

— Второе дело, о котором я хочу рассказать, — продолжал мистер Каррингтон, сложив руки на груди и всем своим видом показывая, что лучше его не перебивать, — это дело Эдуарда Баскетта, которого судили в двадцать втором году по подозрению в убийстве девушки Эммы Танцер. Как я уже говорил, произошло это поздней весной, я собирался в отпуск, и у меня совсем не было настроения возиться с делом, которое не сулило быстрого завершения. Двадцать четвертого мая Эмма Танцер, двадцати двух лет, продавщица в магазине женской одежды на Ганновер-стрит, вышла вечером из своей квартиры на той же улице в сопровождении приятеля по имени Эдуард Баскетт. Молодые люди собирались посетить кинематограф, где в тот вечер, как, впрочем, весь месяц, шли комические фильмы с участием Вестера Китона. В зал они вошли — билетер на входе вспомнил эту пару, — но домой после сеанса девушка не вернулась. Эмма снимала квартиру вместе с подругой Джейн Симпсон, тоже продавщицей. Поздно ночью, обеспокоенная отсутствием компаньонки, Джейн позвонила Баскетту, и тот очень удивился, потому что, по его словам, довел Эмму до ее подъезда. Молодой человек немедленно приехал на такси, и вдвоем с Джейн они обошли ближайшие кварталы, хотя и понимали, что в этом было немного смысла. Затем Баскетт позвонил в полицию, и дело попало в Ярд после того, как в местном полицейском участке оказались бесильны прояснить ситуацию.

Мне удалось обнаружить довольно странные факты, которые наводили на мысль о том, что к исчезновению Эммы Танцер причастен ее юный друг. Во-первых, опрос жителей первого этажа дома, где жила девушка, а также жителей дома напротив показал, что в то время, когда, по словам Баскетта, он проводил Эмму домой, никто не видел, как она входила в подъезд или хотя бы проходила по улице. Это, конечно, ничего не доказывает, но дело в том, что как раз в это время четверо свидетелей видели, как мисс Танцер и мистер Бас-

кетт шли по Риджент-стрит, разговаривая на повышенных тонах. Риджент-стрит находится в противоположном конце Лондона, где Эмма Танцер жила до того, как сняла квартиру рядом с местом работы, там она и с Баскеттом познакомилась, так что соседи знали обоих и сами заявили в полицию, когда прочитали в газетах об исчезновении девушки.

Дальше — больше. Тот же билетер, который впустил молодых людей в зал кинематографа, вспомнил, что они не досидели до конца фильма, так ему, во всяком случае, показалось. Я допросил контролера в зале, и он подтвердил: парень и девушка, соответствующие по описанию мистеру Баскетту и мисс Танцер, покинули зал минут за двадцать до конца сеанса, он открывал им дверь и запомнил, как они, по его словам, дулись друг на друга — видимо, когда смотрели фильм, между ними произошла ссора.

На углу улиц Риджент-стрит и Бакклея в то же утро была найдена скомканная женская перчатка — она лежала у стены дома. На перчатке эксперт обнаружил пятнышки крови, и анализ показал, что это кровь той же группы, какая была у мисс Танцер, — сведения о ее группе крови я почерпнул из медицинской карты девушки. Перчатку показали Джейн Симпсон, и она подтвердила, что это перчатка Эммы.

Тогда я взялся за Баскетта всерьез, и он не смог толком ответить на многие вопросы — в частности, продолжал твердить, что никак не мог оказаться с Эммой на Риджент-стрит, поскольку именно в то время провожал ее домой. Где он был после этого? Пошел к себе — Баскетт снимал двухкомнатную квартиру в трех кварталах от дома Эммы, — лег спать и был разбужен звонком мисс Симпсон. По словам соседей, однако, Баскетт вернулся домой не в половине одиннадцатого, как утверждал, а вскоре после полуночи — это видели по меньшей мере три человека, причем все трое утверждали, что молодой человек был чрезвычайно взволнован, бормотал что-то себе под нос и долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Один из свидетелей, поднимавшийся в это время по лестнице, даже предложил Баскетту помощь, подумав, что юноша пьян. Тот, однако, не только помощи не при-

нял, но ответил что-то резкое и невразумительное, продолжая свои попытки открыть непокорный замок.

Сэр Артур, я не буду перечислять другие улики. Я обнаружил множество — десятки! — косвенных свидетельств того, что мистер Баскетт и мисс Танцер о чем-то очень сильно поспорили во время сеанса, ушли из кинотеатра, спор продолжался на улице, после чего — то ли в припадке ярости, то ли с заранее обдуманном намерением — Баскетт ударил девушку ножом (в одном из мусорных баков на Риджент-стрит мы обнаружили нож со следами крови той же группы) и куда-то спрятал тело. Возможно, сбросил в канализационный люк — один из люков действительно оказался открыт, крышка лежала рядом, но тела внизу мы не обнаружили, за несколько дней, прошедших после той злополучной ночи, его могло отнести на много миль по запутанной системе подземных канализационных русел. В море тело, однако, вынесено не было — на выходе из системы стоят, как известно, прочные решетки, и тело там застряло бы.

— На ноже могли остаться отпечатки пальцев! — воскликнул я, понимая, впрочем, что старший инспектор Скотленд-Ярда не мог не подумать об этом гораздо раньше.

— Конечно, — кивнул мистер Каррингтон. — Отпечатки были обнаружены, но, к сожалению, такие смазанные, что идентифицировать их оказалось невозможно.

И наконец, — сказал бывший полицейский, наливая себе из бутылки остатки бренди, — мисс Симпсон показала, что в последнее время отношения между Эммой и Баскеттом сильно испортились, не настолько, чтобы привести к разрыву, но какая-то черная кошка между ними, безусловно, пробежала.

— Тело так и не нашли? — спросил я, пока не очень понимая, какое отношение загадочная история исчезновения Эммы Танцер могла иметь к моей лекции — ведь именно эта связь заставила Каррингтона вспомнить историю давнего расследования.

— Тело так и не нашли, — как эхо повторил бывший полицейский. — Баскетт продолжал все отрицать, но косвенных улик, свидетельствовавших о том, что девушка была

убита и что Баскетт приложил к этому руку, накопилось такое количество, что комиссар потребовал передачи дела в суд, рассчитывая на то, что на судебном заседании удастся сложить всю мозаику, заставить подозреваемого признаться и показать, где он спрятал тело. Судили его не за убийство, поскольку Эмма числилась пропавшей без вести, а за насильственные действия, которые могли привести к смерти потерпевшей. Прокурор требовал для Баскетта семь лет заключения, защита настаивала на его невиновности, а я продолжал искать — ну не нравилась мне эта история, не видел я веской причины, по которой Баскетт мог желать девушке смерти — не считать же мотивом убийства размолвку влюбленных! Кстати, по требованию обвинения была произведена психиатрическая экспертиза подозреваемого, и врачи признали Баскетта полностью вменяемым и отвечающим за свои поступки.

— Все это очень интересно, — сказал я, доставая из бара непочатую бутылку бренди, — но я не понимаю, мистер Каррингтон, какое отношение эта трагедия имеет к...

— Духам и спиритизму? — подхватил Каррингтон мою мысль. — Терпение, сэр Артур, сейчас вам все станет ясно. Итак, пока шел процесс, я время от времени продолжал заниматься этим делом и выяснил, что перед тем, как Эмма стала встречаться с Баскеттом, у нее был приятель по имени Майкл Шеридан. Приятель был ревнив, собственно, по этой причине Эмма с ним и порвала. К ее исчезновению он не мог иметь никакого отношения, поскольку находился все время в Бирмингеме, куда переехал вскоре после того, как расстался с Эммой. Алиби его на тот злосчастный вечер было подтверждено пятью свидетелями и сомнений не вызывало. Но... Сэр Артур, это очень злопамятный человек, в чем я убедился после разговора с ним, он не прощал обид никогда и никому! И наконец, подхожу к главному. Знаете, чем он занимался в тот вечер, когда исчезла Эмма?

— Догадываюсь, — пробормотал я.

— Он участвовал в спиритическом сеансе! Медиумом была известная в Бирмингеме миссис Мак-Грегор...

— Я слышал о ней, — кивнул я, — это очень сильный медиум. К сожалению, мне не приходилось присутствовать на сеансах с ее участием, но квалификация миссис Мак-Грегор не вызывает сомнений.

— Значит, — с удовлетворением проговорил Каррингтон, — для вас не станет неожиданным то обстоятельство, что в тот вечер медиум вызывала дух Исаака Ньютона — как я понимаю, к духу великого физика участники спиритических сеансов вызывают довольно часто, — но вместо него явился дух молодой девушки и в присутствии пяти свидетелей (миссис Мак-Грегор не в счет, она находилась в состоянии транса) обвинил Шеридана в том, что по его вине лишился жизни и сейчас пребывает в мире духов, о чем, впрочем, совершенно не сожалеет.

— Прошу прощения, — прервал я рассказ Каррингтона. — Не будучи специалистом, вы могли не обратить внимания, но совершенно ясно: это не мог быть дух Эммы Танцер!

Каррингтон поставил на стол рюмку, из которой только что отпил, сцепил пальцы и спросил коротко:

— Почему?

— Вы сами сказали: сеанс состоялся в тот вечер, когда Эмма была еще жива.

— Сеанс проходил ночью, когда Эмма уже могла быть...

— Не важно! Дух не является сразу после гибели тела, это азы, которых вы можете и не знать. В течение довольно длительного времени — одни называют семь дней, другие — сорок, относительно сроков имеются разные мнения, — дух пребывает поблизости от места, где тело застала смерть. Вспомните дело Блоу...

— Да, — кивнул Каррингтон. — Не стану спорить. Разговаривая с Шериданом, я не принимал его слова всерьез, сначала мне важно было только то, что его алиби подтверждалось. Разговор происходил у него на квартире в Бирмингеме, куда я поехал на несколько дней, когда в заседаниях суда назначен был перерыв. У меня сложилось стойкое впечатление о нем как о человеке злобном, мстительном, злопамятном и способном на... может, и на убийство. Понятно, почему мисс Танцер с ним порвала. Мы говорили долго, и совершенно для меня неожидан-

но он сказал: «Ну, я убил эту сучку, я, сознаюсь, и что вы мне можете сделать?» «Позвольте, — опешил я, — ваше алиби...» Он рассмеялся мне в лицо. «Вы ничего не докажете, — сказал он. — А я ничего больше не скажу и буду все отрицать. Пусть молодой Баскетт ответит за то, чего он не совершал. А нас с Эммой рассудит Господь!» Больше он не вымолвил ни слова. Мне пришлось уйти, и, провожая меня до двери, этот человек повторил: «Вы ничего не докажете». Он был, конечно, прав.

Я во второй раз за время разговора выколотил трубку. Очень хотелось курить, но я положил трубку и налил себе бренди.

— Ваше здоровье, — сказал я, мы чокнулись и выпили. — Каким же образом, мистер Каррингтон, Шеридан убил де-вушку, если его не было в Лондоне?

— Он не сказал больше ни слова, — покачал головой Каррингтон. — Об исчезновении Эммы Танцер и о суде над Баскеттом он мог прочитать в газетах, а остальное придумать, чтобы заморочить мне голову.

— Но показания людей, присутствовавших на сеансе...

— Вот именно! Они определенно утверждали, что дух представился им как Эмма Танцер. Невероятно, верно?

— Что вы предприняли после этого разговора?

— А что предпринял бы на моем месте инспектор Лестрейд? — усмехнулся Каррингтон.

— Ничего, — сказал я, вздохнув. — И не потому, что он был глуп. Многие читатели сравнивают Лестрейда с Холмсом и полагают, что инспектор — человек недалекий, но это не так. Это совсем не так, и вам-то это должно быть понятно...

— Да, — кивнул Каррингтон. — Лестрейд — служака. Как и я. Признание? Без улик — чепуха, люди оговаривают себя на каждом шагу, часто даже не догадываясь об этом. Улики? Все улики были против Баскетта. Сэр Артур, это оказалось очень странное дело: мотив был у одного человека, а улики — против другого. Я вернулся в Лондон и как раз успел к оглашению вердикта присяжных.

— Баскетта оправдали? — спросил я.

— Вы читали об этом процессе? — поднял на меня взгляд Каррингтон.

— Если о нем писали в газетах, то читал наверняка. Но не помню. Видимо, там не было ничего интересного. Думаю, Баскетта оправдали за недостатком улик. Присяжные почти всегда так поступают, если нет трупа, а улики косвенные.

— Баскетта оправдали, — подтвердил Каррингтон, — и именно по тем причинам, что вы указали, сэр Артур. Он уехал из Англии — то ли в Египет, то ли еще дальше, в какую-то из африканских стран. Во всяком случае, больше мне это имя не встречалось — ни в газетах, ни в полицейских сводках.

— Девушку так и не нашли?

— Нет, сэр Артур. Тело исчезло — в подземных лондонских коммуникациях это достаточно просто. Впрочем, там время от времени находят трупы, пролежавшие в воде или нечистотах очень долгое время, случается — годы. Опознать тела в таких случаях очень трудно, часто невозможно, а предполагать... Вы меня понимаете... Прошло четыре года...

— Да, — сказал я, представив, во что могло превратиться, пролежав несколько лет в тухлой воде, тело молодой красивой девушки. — А что Шеридан? — спросил я, преодолев подступивший неожиданно спазм. Будто холодная рука сжала сердце, продолжалось это, к счастью, недолго, всего несколько секунд, и, надеюсь, я ничем не выдал своих ощущений — не хватало только обнаружить свою слабость при госте, я и домашним никогда не показывал, что стал в последние месяцы сдавать и что боли в сердце, и спазмы, и одышка превратились в моих постоянных спутников... Я налил себе бренди и очень надеялся, что рука моя не дрожала.

— Шеридан, — повторил Каррингтон. — Он тоже покинул Англию. Правда, направился в другую сторону — в Северо-Американские Соединенные Штаты. О нем, как ни странно, у меня больше сведений. В Нью-Йорке он организовывал спиритические вечера, пытался даже сам выступать в роли медиума, года два-три назад был довольно популярен в определенных кругах, а знаю я об этом потому, что у него возникли проблемы с нью-йоркской полицией, и комиссар Хопкинс связывался со мной, мы довольно долго разговари-

вали... и я ни слова не сказал о деле Эммы Танцер. Шеридан плохо кончил — его убили в уличной драке.

— Этот случай, — сказал я, с облегчением ощутив, как холод в груди медленно сменился теплом, будто бренди действительно заставило кровь быстрее бежать по сосудам, — так и не убедил вас, мистер Каррингтон, в существовании мира, не подвластного человеческим законам, и, в частности, законам британской юридической системы?

— Третий случай показался мне более удивительным, — сказал Каррингтон после недолгого молчания, так и не ответив на мой вопрос. — К счастью, обошлось на этот раз без убийств, исчезнувших трупов и странных признаний... Месяцев пять назад — дело было в конце апреля, погода стояла не по-весеннему промозглая, вы помните, какая в этом году выдалась сырая и холодная весна, — в полицию поступила жалоба от некой миссис Шилтон-Берроуз. Жаловалась она на Альберта Нордхилла, которого обвиняла в мошенничестве. Мошенничество же состояло в том, что этот господин давал объявления в газеты о проводимых им сеансах спиритизма. За определенную сумму — не очень большую, кстати, чтобы не отпугнуть потенциальных клиентов из не очень богатых слоев общества, — он предлагал решить все жизненные проблемы, ответить на все житейские вопросы, без гарантии, конечно, поскольку что взять с духов, являвшихся с того света? Миссис Шилтон-Берроуз неоднократно устраивала у себя дома спиритические сеансы, посещала, кстати, ваши лекции, сэр Артур (собственно, именно от нее я впервые услышал о том, что знаменитый писатель, автор Шерлока Холмса, увлекается таким, извините, странным занятием, как вызывание духов), и откликалась на объявления в газетах — ей хотелось среди множества медиумов отыскать самого сильного, способного вызвать дух ее любимой кошки Сэнди... Извините, сэр Артур, это уже выше моего понимания, дух кошки — это, на мой взгляд...

— Животные, — объяснил я, стараясь по возможности избегать назидательного тона, — как и люди, обладают бессмертной душой, и если при жизни животного между ним и хозяином устанавливаются отношения доверия и близости,

то дух той же умершей кошки вполне способен явиться по зову хозяина и, более того, отвечать на задаваемые вопросы, поскольку в духовном мире нет разделения, свойственного миру нашему. Впрочем, продолжайте, мистер Каррингтон, дело на самом деле не в духе кошки, я вас правильно понял?

— В общем, да, — сказал Каррингтон с некоторым смущением: похоже, на него произвела впечатление моя горячность, которую я не сумел сдержать. — Миссис Шилтон-Берроуз была поражена следующим обстоятельством: приглашенный ею медиум, тот самый Альберт Нордхилл, явился без ассистента, что уже было непривычно, и заявил, что работает без публики, да и столоверчением не занимается тоже. Все предельно просто: в комнате двое — клиент и господин Нордхилл. Клиент задает вопрос, Нордхилл повторяет его «слух, обращаясь к духу, а дух отвечает. Никаких свечей, никаких обрядов, ни малейшей таинственности. Будто прием в каком-нибудь общественном учреждении. По мнению миссис Шилтон-Берроуз, это было явное и злонамеренное шарлатанство, за которое ей пришлось уплатить три гиней — деньги для нее немалые, поскольку вот уже два года как она овдовела и вела скромный образ жизни, тратя, впрочем, половину своего небольшого пенсионера на попытки вызвать с того света дух ее кошки — заметьте, ни разу она не пыталась поговорить с духом почившего супруга, мистер Шилтон-Берроуз не интересовал ее совершенно, а вот кошка... Впрочем, не важно.

— Есть сильные медиумы, — сказал я, — для которых не нужно создавать специальные условия. Трудно сказать, был ли шарлатаном мистер...

— Нордхилл.

— ...был ли шарлатаном мистер Нордхилл, если не проанализировать те ответы, которые он озвучивал.

— Совершенно справедливо! Вот что поразило миссис Шилтон-Берроуз и заставило ее прийти к выводу о том, что Нордхилл — шарлатан и вымогатель. Он точно ответил на ее вопрос о том, любит ли Сэнди в новом своем положении делать то, что она любила делать, будучи живой. Ну не мог Нордхилл знать о том, что при жизни Сэнди обожала заби-

ратся на верхнюю полку платяного шкафа и зарываться в сложенное там постельное белье! Тем не менее именно дух кошки голосом Нордхилла рассказал, как недостает Сэнди этого удовольствия. Дух поразил миссис Шилтон-Берроуз до глубины души, она уже готова была поверить любому его слову, но дальше произошло то, из-за чего женщина и обратилась в полицию: перестав отвечать на вопросы хозяйки, дух кошки почему-то принялся задавать свои, причем довольно странные. Он спросил, хранит ли все еще миссис Шилтон-Берроуз свои деньги в Торговом банке или, как ей советовал покойный супруг, перешла в банк «Черстон и сын»? Затем был задан вопрос о том, какие нынче уровни цен акций южноамериканских нефтедобывающих компаний и сколько таких акций оставил супруге покойный мистер Шилтон-Берроуз. Сначала женщина честно отвечала, полагая, что ее бедной кошечке для чего-то нужны все эти сведения, но наконец сообразила, что происходит нечто из ряда вон выходящее, и прекратила беседу с мистером Нордхиллом, назвав его шпионом и контрабандистом, что, согласитесь, свидетельствовало скорее о ее чрезвычайном волнении, но не о рациональной оценке ситуации.

— Явный шарлатан, — с сожалением вынужден был констатировать я. — Полиция предприняла какие-то меры?

— Миссис Шилтон-Берроуз была не первой, подавшей жалобу на Нордхилла. Этот человек успел показать себя еще в трех или четырех местах, все эти обращения я собрал в одном деле, и Нордхилла задержали во время сеанса, когда он пытался у молодой девицы одной ей известные сведения о тайнике, якобы устроенном в доме покойным отцом. Сержант, сидевший в соседней комнате, все записал, а потом привел Нордхилла ко мне для допроса.

— Не вижу ничего интересного, — заявил я. — Этот человек обманщик. В любом деле, особенно таком чувствительном, как общение с потусторонними силами, подвизается огромное количество людей, нечистых на руку...

— Да, конечно, — кивнул Каррингтон. — Я не стал бы рассказывать о деле Нордхилла, если бы не одно обстоятельство. Честно говоря, сэр Артур, именно это дело, а не два

предыдущих, которые так вас заинтересовали, заставило меня усомниться в своих жизненных принципах. Именно Нордхилл, будь он неладен, прошу прощения, сэр Артур, побудил меня серьезно отнестись к такой от меня далекой области познания, как спиритизм. Я начал читать книги. Я увидел в магазине том вашей «Истории спиритизма» и подумал, что если такой уважаемый и почтенный человек, как сэр Артур Конан Дойл, полагает связь с потусторонним миром существующей, то в этом, видимо, действительно что-то есть и все, о чем говорил мне Нордхилл, тоже, возможно, имеет под собой какие-то основания. Я пошел на вашу лекцию — мне очень не хотелось идти одному, и я уговорил Патрицию пойти со мной. Патриция — моя дочь, вы видели ее...

— Красивая девушка, — поспешно согласился я, не желая, чтобы разговор от интересовавшей меня темы перешел к дифирамбам в адрес юной мисс Каррингтон. — Красивая девушка, но давайте вернемся к Нордхиллу. Что в его словах заставило вас усомниться в своих жизненных принципах?

— Два обстоятельства, сэр Артур. Я много лет проработал в полиции, четверть века — в Скотленд-Ярде, у меня огромный послужной список, и если я вышел на пенсию, дослужившись лишь до старшего инспектора, это говорит скорее об отсутствии у меня здорового честолюбия, нежели о том, что я работал менее профессионально, чем мои молодые коллеги, ставшие в конце концов моими начальниками.

— Я несколько не сомневаюсь, мистер Каррингтон, в вашей...

— Прошу прощения, я хочу лишь сказать, сэр Артур, что давно умею отличать, когда человек искренен, а когда играет, когда пытается солгать, а когда стремится говорить правду. Нордхилл не был шарлатаном, вот что я имею в виду. Возможно, он заблуждался, воображая, что разговаривает с духами и призраками, — но он не играл, иначе его можно назвать гениальным актером, перед которым мистер Кин и Сара Бернар — дилетанты. Главное, однако, не в этом...

Каррингтон в очередной раз сделал паузу в своем рассказе, собираясь с мыслями. Воспользовавшись минутой молчания, я в третий раз набил трубку и с удовольствием заку-

рил. Мне было ясно, конечно, что имел в виду мой гость, говоря о переоценке своих жизненных принципов. Но я ждал, когда он сам об этом скажет, чтобы быть уверенным — не столько в том, что правильно разобрался в эмоциональном состоянии этого человека, сколько в том, что он верно описал так называемый «случай Нордхилла».

Подождав, пока я сделаю несколько затяжек и внимание мое вернется к прерванному рассказу, Каррингтон продолжал:

— Вы, конечно, обратили внимание, сэр Артур: Нордхилл не задавал вопросы духам, но пытался с помощью клиентов отвечать на задаваемые духами вопросы. Для спиритизма это очень...

— Очень необычно, — подхватил я, — и заставляет усомниться в благих намерениях Нордхилла.

— Вот как? — удивленно посмотрел на меня Каррингтон. — А меня это обстоятельство убедило в том, что он мог говорить правду. Согласитесь, будь Нордхилл шарлатаном и актером, стал бы он менять обычный сценарий такого рода представлений и нести отсебятину, рискуя, что даже неопытная в общении с духами аудитория поймет, что ее дурачат? Шарлатаны, сэр Артур, никогда не придумывают такого, что могло бы навести людей на мысль о подделке, игре, лжи. Шарлатан действует исключительно по общеизвестному сценарию, а Нордхилл ломал стереотипы.

— Рациональное зерно в этом есть, — вынужден был согласиться я. — Но подозреваю, что у этой истории есть продолжение.

— Продолжение — да, сэр Артур, но не окончание! — воскликнул Каррингтон. — Нордхилл был подозреваемым в деле о мошенничестве, против него подали несколько официальных жалоб, но мне этот человек не то чтобы нравился — была в нем какая-то неподдельная цельность, не лживость, а упертость, уверенность в идее, убежденность не фанатика, но человека, знающего, что все им сделанное — правда, только правда и ничего, кроме правды. Я не хотел доводить дело до суда, но и освободить Нордхилла от полицейского расследования я тоже не мог.

— И вы отправили молодого человека на психиатрическое освидетельствование, — пробормотал я и сделал глубокую затяжку, чтобы унять волнение.

— Мне ничего другого не оставалось, — виновато произнес Каррингтон. — Это было за месяц до моей отставки, о результате экспертизы я узнал, когда уже перестал быть хозяином в собственном кабинете, мое место занял Редьярд Макферсон, он-то и сообщил мне в приватном порядке о том, что Нордхилл был признан психически больным, у него нашли синдром навязчивых состояний, судья освободил его от ответственности за совершенные им поступки, но направил на принудительное лечение в психиатрическую лечебницу.

— Этого следовало ожидать, — кивнул я. — Зная не понаслышке о том, как судьи интерпретируют любое отклонение от так называемого нормального поведения, подобный конец легко было предвидеть. Но вы не сказали, дорогой мистер Каррингтон, почему именно случай Нордхилла заставил вас переоценить жизненные принципы.

— Но, сэр Артур! — воскликнул Каррингтон, пораженный на этот раз моей непонятливостью. — Даже если Нордхилл ненормальный! Даже если он верил в несуществующее! Даже если этот человек находился во власти навязчивой идеи! Но согласитесь — с этим, кстати, не спорили ни врачи, определившие диагноз, ни судья, назначивший лечение, — Нордхилл не дурачил людей. Откуда, черт возьми, мог он знать о том, что миссис Шилтон-Берроуз хранила свои сбережения в Торговом банке? Откуда он мог знать, что покойный супруг советовал ей перевести деньги в банк «Черстон и сын»? Откуда мог Нордхилл знать обо всех других обстоятельствах и секретах — ведь всякий раз его обвиняли в мошенничестве на том основании, что он не только проводил сеансы спиритизма не так, как это принято в «приличном» обществе, но еще и вопросы задавал, как сказано в одной из жалоб, «провокационные, рассчитанные на то, что удастся выведать семейные тайны»?

— Конечно, — согласился я, попыхивая трубкой и глядя на моего собеседника сквозь облачка дыма, поднимавшиеся к потолку. — Мне много раз приходилось встречаться с по-

добными случаями удивительного знания. Но и вы столкнулись с подобным не впервые. Как же рассказанные вами истории о мистере Блоу и бедной девушке Эмме Танцер? Почему они вас не убедили, а мистер Нордхилл...

Каррингтон поднял на меня взгляд и долго смотрел, будто изучая и решая про себя, стоит ли открыть мне последнюю свою тайну, которую он хранил и надеялся оставить при себе.

— Да, — сказал он наконец, — вы правы, сэр Артур. Видите ли, я действительно вышел на пенсию, как уже говорил, но по возрасту мне еще оставалось несколько лет, и не было необходимости... Но после того, что произошло, я не мог оставаться... Начальство меня поняло и пошло навстречу...

Похоже, Каррингтон не мог собраться с мыслями или скорее всего в волнении позабыл слова, которые заранее подготавливал для своей последней речи.

— Пожалуй, — сказал я мягко, вовсе не желая становиться свидетелем нравственных терзаний этого честного и, без сомнения, достойного служаки, чьи жизненные принципы в один прекрасный (или скорее несчастный) день оказались разрушены по его же собственной вине, — пожалуй, вы излишне щепетильны, дорогой Каррингтон. Я уверен, что в вашем поступке не было ничего предосудительного. Вы попросили Нордхилла вызвать дух вашей покойной супруги, ведь так? Вы попросили его сделать это, поскольку только он работал сам, без ассистента и публики, и вы, даже не веря до конца в его способности, все-таки питали — пусть очень малую — надежду на то, что у него получится...

— Господи! — с надрывным стоном проговорил Каррингтон и закрыл лицо руками. — Я и сейчас не могу понять, почему сделал это... Я пришел к нему в камеру и сказал... Он воспринял мои слова как желание заключить сделку — я (он, видимо, так решил, хотя я не делал ему никаких намеков) облегчу его участь, помогу освободиться от судебной ответственности, а он... Я находился в таком нервном возбуждении, что мне и в голову не пришли те мысли, которые... Я думал: если он скажет «нет», я повернусь и выйду, но он только кивнул и сразу — будто общение с духами не составляло

для него никакого труда и душевного усилия — начал задавать мне вопросы, показавшие, что он или действительно гениальный шарлатан, узнавший каким-то образом о моем прошлом такие факты, каких, кроме меня и моей любимой Пат, не мог знать никто, или... я не знаю... мне никогда не приходилось встречаться с подобным...

— Пат, — осторожно сказал я, подумав, что в волнении Каррингтон перепутал имена, — это ваша дочь, а жену вашу звали Эдит, верно?

— Да! Это меня и поразило, хотя в протоколах допросов содержались сведения именно о таком поведении подсудимого, но одно дело — читать и слышать, другое — столкнуться самому с таким странным... Вопросы задавала мне моя любимая Пат — голосом этого молодого человека, никогда ее прежде не видевшего и не знавшего, что, когда Патриции было шесть (Эдит была еще жива, но уже тяжело болела и не вставала с постели), мы спрятали с ней в старом парке около дома красивую вазу с десятью фунтами золотом, это была такая игра, Пат верила, что если посадить деньги в землю, как семена, то со временем вырастет денежное дерево, и именно так люди становятся богатыми. Я объяснял ей, что это сказка, но детское сознание упорно держалось за свою фантазию, и я сказал: «Давай попробуем. Закопаем деньги в кувшине и подождем. Если за год...» «За десять!» — потребовала Патриция, и я согласился. «Если за десять лет ничего не вырастет, то мы откопаем кувшин и купим тебе подарок». Я не стал продолжать, но Пат этого оказалось мало, и она продолжила сама: «А если вырастет дерево, то оно будет только моим, хорошо?» Понятное дело, я согласился, в тот же вечер мы закопали кувшин в саду со всеми предосторожностями — так, чтобы никому и в голову не пришло искать именно там.

— Десять лет, — повторил я. — Сейчас вашей дочери...

— Девятнадцать, сэр Артур.

— Значит, еще три года назад...

— Три года назад Патриция сказала, что деньги прорастают долго, и надо подождать еще несколько лет. В последний свой день рождения она опять отказалась выкопать кув-

шин, сказав, что сделает это только в том случае, если финансовое положение семьи окажется настолько плохим, что иного выхода просто не останется. Я воспринял ее слова по-своему. Решил, что она давно рассталась с детскими иллюзиями, но ей не хотелось терять и эту сказку, пусть остается, дело ведь не в тех нескольких фунтах...

— Или она давно выкопала деньги, — пробормотал я, — и потратила втайне от вас...

— Исключено! — воскликнул Каррингтон. — Вы не знаете Патрицию. Я уверен: кувшин все еще в том тайнике. Как узнал о нем Нордхилл, вот в чем проблема! Я спрашивал его о моей Эдит, а он вместо ответа задал вопрос мне — своим низким хриплым баритоном, но с интонациями Патриции, не узнать их было невозможно! «Отец, — сказал он. — Там, где ты сейчас, тебе не нужны деньги. Скажи, что ты сделал с кувшином, который мы с тобой закопали у стены старого парка?» Нордхилл не впадал в транс, не пытался изобразить умственные усилия, он смотрел мне в глаза и говорил: «Мне очень нужны деньги, сейчас такое время... Война... Скажи, куда ты дел кувшин? Я не спрашиваю: почему ты это сделал? Просто скажи: куда?» Нордхилл несколько раз повторил это «Куда?», а потом неожиданно покачал головой и сказал: «Извините, старший инспектор, но вам придется ответить, иначе...» «Иначе...» — повторил я. «Иначе вашей дочери действительно не на что будет купить хлеб». «О чем вы говорите? — возмутился я. — Моя дочь прекрасно живет, нам хватает не только на хлеб, но и на...» «Патриция задала вопрос, — прервал он меня, — и пока не получит ответа, я, к сожалению, бессилён продолжить». У меня сложилось впечатление, что он шантажировал меня, хотел заключить какую-то сделку... Я покинул камеру, в смятении вернулся домой и за ужином попытался вскользь выяснить у Пат, не рассказывала ли она кому-нибудь о нашем общем секрете. «Нет, — сказала она, — никому и никогда. Отец, я даже ни разу не подходила к той стене и не подойду, если...» Она упрямо посмотрела мне в глаза, и я понял, что она говорит правду. Вот так, сэр Артур.

— Странно, — сказала я, — действительно очень странно.

— На следующий день я отправился к комиссару и подал прошение об отставке. Меня не стали удерживать, и обида какое-то время теплилась в моем сознании. Нордхилла судили без моего участия, меня даже свидетелем не вызвали, и сейчас его лечат, а я... Я все время размышляю над произошедшим, прошлое и настоящее путаются в моей голове, а однажды, бродя по городу, я увидел в книжном магазине «Историю спиритизма» и «Новое откровение», я купил эти книги, прочитал их и решил непременно увидеть вас, потому что...

— Не продолжайте, дорогой мистер Каррингтон, — прервал я, положив ладонь ему на колено. — В какой лечебнице находится этот молодой человек?

— В Шелдон-хилл.

— Возможно ли устроить так, чтобы мы с вами посетили его и задали несколько вопросов?

— Думаю, да, — сказал Каррингтон. — Собственно, я и сам хотел... Но не считал для себя возможным. Это было бы... Но если такой человек, как вы, сэр Артур... Вы интересуетесь подобными случаями, и для вас будет совершенно естественно...

— Завтра, — сказал я решительно, — мы с вами отправимся в Шелдон-хилл. Далеко ли это от Лондона?

— Тридцать миль до железнодорожной станции Туай-форд.

Мы выехали поездом с вокзала Виктория в 9:56. Погода благоприятствовала поездке, ночью я на удивление хорошо выспался и чувствовал себя вполне отдохнувшим. Адриан вызвался сопровождать меня, мотивируя свое предложение желанием увидеть, как он выразился, «живого медиума», но я твердо отклонил его просьбу, прекрасно понимая, что сын беспокоился о моем самочувствии и не хотел оставлять меня даже на попечение такого надежного спутника, как бывший старший инспектор Скотленд-Ярда.

Чтобы показать, насколько все ошибаются относительно моего, как казалось домашним, пошатнувшегося здоровья, я встал в половине седьмого, несколько раз пробежался

вокруг дома (Джин видела меня из окна спальни и могла убедиться в том, что я не испытываю затруднений с дыханием), побоксировал с грушей, принял ванну и позавтракал яичницей с беконом, а черный кофе, две чашки которого я выпил, полностью привел меня в то рабочее состояние, которое я так любил и в котором написал в юности лучшие рассказы о Холмсе. Я даже успел выкурить трубку, прежде чем в дверь позвонил мистер Каррингтон, а Найджел сообщил, что машина к поездке на вокзал готова.

Всю дорогу от Лондона до Туайфорда — чуть больше часа — Каррингтон мрачно глядел в окно, а я курил трубку и думал о том, что мой попутчик имел скорее всего не очень приятный разговор с дочерью, наверняка без энтузиазма отнесшейся к намерению отца посетить человека, воспоминание о котором вряд ли было ей приятно.

— Может быть, — сказал я, когда проводник, просунув голову в дверь купе, сообщил о том, что Туайфорд через пять минут, поезд стоит не больше минуты, и нам следует поторопиться, — может быть, мистер Каррингтон, вам не нужно было рассказывать дочери о цели нашей поездки?

Каррингтон обернулся в мою сторону и сказал с очевидным напряжением в голосе:

— У меня никогда не было от Патриции секретов, сэр Артур. К тому же мне казалось, ей будет интересно узнать о судьбе человека, так странно появившегося в ее и моей жизни.

— Она хотела поехать с вами?

— Да, Пат настаивала, но я не мог ей этого позволить. Согласитесь, сэр Артур, последствия нашего визита трудно предсказать. К тому же я еще вчера сообщил доктору Берринсону — это главный врач больницы — о нашем приезде и вовсе не уверен, что он дал бы согласие на посещение больного, зная о присутствии молодой и эмоциональной девушки.

Поезд замедлил ход, и мы, не закончив разговора (да и был ли смысл его заканчивать?), вышли в коридор, где, кроме нас, не было ни души — в Туайфорде никто не выходил, а когда мы спустились на перрон, то обратили внимание на

то, что и посадки на поезд не было: два работника станции прохаживались взад-вперед, а у входа в здание вокзала, представлявшее собой миниатюрную копию лондонского Черринг-Кросс, нас ждал высокий, под два метра, мужчина в кожаной куртке и в дорожном автомобильном шлеме, оказавшийся шофером доктора Берринсона, любезно предоставившего в наше распоряжение свою машину, поскольку, как оказалось, от станции до больницы расстояние было около двух миль, а искать такси в городке, по словам нашего водителя, все равно что иголку в стоге сена, вымоченного к тому же сильнейшим ливнем.

Слова о ливне мы с Каррингтоном вспомнили, когда, выехав на пригородную дорогу, автомобиль едва не застрял в глубокой луже и с завыванием продолжал путь мимо низкого подлеска и скошенных лугов, где тут и там стояли аккуратные стога, будто желтые домики для гномов и иной лесной живности.

— Я давно знаком с доктором Берринсоном, — сказал Каррингтон. — Он несколько раз выступал свидетелем по делам, которые я вел. Помните дело о серийном убийце Джоне Виллере, май двадцать третьего года? Его называли Потрошителем из Бромли...

— Да, — кивнул я, глядя на проплывавшие мимо деревья, влажные от недавно прошедшего ливня, — да, конечно. Мне кажется, что и психиатра, выступавшего на процессе, я тоже помню, его фотография была в газетах: росту в нем вряд ли больше пяти футов и четырех дюймов, а худоба такая, будто он с детства ел только черствые корки.

— Совершенно верно! — воскликнул Каррингтон. — Это вы правильно подметили, сэр Артур, доктор именно такое впечатление и производит, но на самом деле он обладает недюжинной для своей комплекции силой и на моих глазах справлялся с буйными больными, не прибегая к помощи санитаров. Думаю, что водителя себе и машину доктор подбирал по принципу контраста.

Скорее всего так и было — склонность доктора Берринсона к контрастам я оценил сам, когда за поворотом возникло здание больницы, построенное на поляне и окруженное

вековыми деревьями, нависавшими над длинным одноэтажным строением с башенками по бокам и в центре. Впечатление было таким, будто страшные великаны склонились над лежавшим на земле поверженным воином. Здание окружено было двухметровой высоты оградой из чугунных прутьев, сделанных в форме старинных пик с очень острыми наконечниками. Ворота раскрылись, и машина, проехав по гравийной дороге, остановилась у главного входа.

К моему удивлению, нас никто не встречал, но, когда мы поднялись по ступенькам, широкая дубовая дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы мы могли протиснуться в большой полутемный холл, после чего захлопнулась с ужасающим грохотом, отрезав нас от мира и будто поставив точку в нашей прошлой жизни.

Я невольно вздрогнул, да и Каррингтону, похоже, стало не по себе.

— Доброе утро, господа, — услышал я и, обернувшись на голос, увидел спешившего к нам доктора Берринсона: он оказался именно таким, каким его описал Каррингтон. Было в его фигуре что-то загадочное, заставлявшее предположить, что, оказавшись в критической ситуации, человек этот мгновенно преобразуется, собирает свою огромную внутреннюю энергию и действительно способен не только скрутить разбушевавшегося психопата — для этого достаточно физической силы, — но и одолеть в научном споре любого, сколь угодно эрудированного оппонента. Не знаю, почему я так решил, это было интуитивное представление о человеке, которого я никогда прежде не видел.

— Доброе утро, доктор, — почтительно произнес Каррингтон, и я подумал, что бывший полицейский испытывал точно такие же чувства подчиненности внутренней силе этого незаурядного человека. — Позвольте вас познакомить: сэр Артур Конан Дойл, о котором...

— Очень приятно, сэр Артур. — Не дослушав, доктор протянул мне руку. Пожатие его, как я и ожидал, оказалось крепким и долгим. — Я читал все ваши произведения и особенно благодарен за профессора Челленджера, который в молодости был для меня образцом истинного ученого.

— В молодости? — Я не мог удержаться от вопроса. — Значит, в более зрелом возрасте...

— Я изменил свое мнение, — кивнул доктор, но не стал продолжать разговор на заинтересовавшую меня тему. — К сожалению, — сказал он, — утром у нас случилось неприятное происшествие — по вашей части, старший инспектор.

— Я уже несколько месяцев...

— Да, я знаю, но для меня вы все равно тот старший инспектор Скотленд-Ярда, который одиннадцать раз обращался ко мне за психиатрической экспертизой. Бывших инспекторов не бывает, как не бывает бывших врачей и бывших королей. Прошу пройти за мной, господа, я все вам расскажу по дороге.

Переглянувшись, мы с Каррингтоном последовали за доктором в западное крыло здания — сюда вел длинный коридор с окнами, выходившими в сторону больничного сада, который не был виден с подъездной дороги. За садом начинался лес, и трудно было понять, где находилась граница между дикой природой и созданным человеком оазисом, — то ли там вообще не было забора, что представлялось мне маловероятным, то ли забор состоял из тонких прутьев, не видимых с относительно большого расстояния. В саду рядом с сараем, где скорее всего хранились сельскохозяйственные принадлежности, стояла группа людей, среди которых было несколько полицейских в форме и два санитара в белых халатах. Я решил было, что именно там произошло упомянутое доктором происшествие, но он подошел к двери, расположенной в торце коридора, мы вошли и оказались в небольшой палате, где стояли металлическая кровать, прикроватная тумбочка, низкий столик, на котором я увидел большое красное яблоко и раскрытую Библию, два стула с высокими спинками и распахнутый настежь узкий платяной шкаф с висевшей на плечиках мужской одеждой: брюками, двумя рубашками (белой и серой в темную полоску) и длинным (наверняка до пола) больничным халатом неопределенного цвета. Единственное окно, забранное мелкой решеткой, выходило не во двор, а в сторону дороги, по которой мы приехали.

В палате никого не было.

— Это палата Нордхилла, — пояснил доктор Берринсон. — Сейчас его сюда приведут, и вы сможете задать свои вопросы. Прошу, господа, садитесь, а я постою, точнее — буду ходить, так мне легче разговаривать.

Мы с Каррингтоном уселись на стулья, я достал было трубку, но, подумав, что в больнице курение может быть запрещено, сунул ее обратно в карман.

— Итак, господа, — доктор действительно начал ходить по комнате от окна к двери и обратно, так что нам с Каррингтоном приходилось все время поворачиваться в его сторону, — в семь утра я услышал ужасный крик, доносившийся из женской половины. К вашему сведению, больница разделена на три части — это, как вы видели, длинное здание, построенное во времена Эдуарда VII, в центральной части расположены кабинеты врачей, процедурные комнаты и хозяйственные службы, в том числе кухня, в правой части — палаты для женщин-пациенток, а в левой, где мы с вами находимся, — мужские палаты. Обычно я ночью дома, в Туайфорде, но нынешнюю ночь провел в больнице, поскольку до позднего вечера пришлось заниматься больной женщиной, у которой случился сильнейший истерический припадок. Моя комната находится напротив холла, в самом центре здания. Я уже встал и почти оделся, когда крик заставил меня выбежать в коридор, где я нос к носу столкнулся с одним из ночных санитаров, который тоже слышал крик и бежал в женскую половину. Поскольку крики не прекращались, мы быстро нашли их источник — в палате, где жила Эмилия Кларсон, стояла и кричала Грета, сестра милосердия, а сама Эмилия лежала у кровати на полу в странной позе, невозможной для живого человека. На голове ее была страшная рана, на волосах запеклась кровь... Я приказал Грете замолчать и выйти из комнаты, ни до чего не дотрагиваясь.

Знакомству с вами, старший инспектор, — продолжал доктор Берринсон, — я обязан определенными познаниями в методах расследования и потому вытолкал санитаря из комнаты и вышел сам, запер дверь и ключ положил в карман, вернулся в свой кабинет и позвонил в полицию.

— Дверь в комнату Эмилиии была открыта, когда сестра пришла наводить порядок? — спросил Каррингтон, прервав монолог доктора.

— Вот именно! — воскликнул Берринсон. — Закрыта! Заперта на ключ! Это не показалось Грете странным — некоторым пациентам разрешено запираиться на ночь, но мы требуем, чтобы они не оставляли ключа в замочной скважине. Грета отперла дверь — у сестер есть ключи от всех палат, — вошла... Тогда я и услышал первый крик.

— Окно? — спросил Каррингтон. — Есть ли в палате окно и было ли оно закрыто?

— Закрыто и заперто на задвижку, — ответил врач. — К тому же на окнах у нас крепкие решетки, проникнуть в палату со стороны сада никто не мог, уверяю вас.

— Значит, убийство совершил тот, у кого мог быть ключ, верно? — сказал бывший полицейский, похоже, уже начавший выстраивать линию расследования.

— Ключ — кроме самой Эмилиии, естественно, — есть только у меня, дежурной сестры, и еще один висит на щите в подвале, но сам подвал был заперт на ночь, а ключ от него только один и находится у кастеляна Джо, ночевавшего в своем доме в Туайфорде.

— Иными словами, если сестра со своим ключом не расставалась, то именно она и является главной подозреваемой, не так ли?

— Грета? — Берринсон перестал бегать по палате, остановился перед Каррингтоном и возмущенно ткнул в его сторону пальцем. — О чем вы, старший инспектор? Грета работает в больнице четырнадцать лет! Лучшая сестра из всех, кого я знал. Отличные отношения со всеми больными, в том числе с Эмилией.

— Хорошо-хорошо, — пробормотал Каррингтон, — я всего лишь хотел... Продолжайте, пожалуйста. Полиция...

— Инспектор Филмер прибыл незамедлительно, а с ним — бригада криминалистов. Мы подошли к двери (рассказываю об этом эпизоде так подробно, чтобы вы поняли, в каком я оказался глупом положении!), впереди инспектор с ключом, я — сзади, а за нами трое или четверо полицейских. В конце кори-

дора столпились врачи, санитары и кое-кто из больных — те, кому разрешено выходить из своих комнат. Филмер открыл дверь и остановился, я видел лишь его бритый затылок, постепенно наливавшийся кровью. Пройти не было никакой возможности, а потом инспектор обернулся и сказал возмущенным голосом: «Ну! И что все это значит?» Я протиснулся мимо него в палату, и, признаюсь вам, старший инспектор, волосы на моей макушке встали дыбом — во всяком случае, именно таким было мое ощущение.

— Мертвая девушка оказалась... — начал Каррингтон.

— Там не было никакой девушки! — выпалил Берринсон. — Ни мертвой, ни живой! Палата была пуста, понимаете? Постель смята, но никаких следов ни Эмили, ни крови — ничего!

— Очень интересно, — пробормотал Каррингтон — для того, видимо, чтобы скрыть свое смущение.

— Естественно, — продолжал врач, — полицейские на моих глазах тщательно обыскали помещение. Никто не мог войти и никто не мог выйти за время, прошедшее после обнаружения тела. О том, чтобы проникнуть в комнату через окно, и речи быть не может. Но тела не оказалось! Инспектор Филмер рвал и метал — похоже, он готов был обвинить меня и Грету в приступе шизофрении и запереть в одной из наших палат. Я был в полном недоумении... И в это время — обратите внимание, старший инспектор, и вы, сэр Артур, — ко мне подошел Нордхилл, совершенно спокойный и даже флегматичный, впрочем, это его обычное состояние, и сказал: «Да вы не беспокойтесь, доктор, ничего с Эмилией не случилось, она жива и здорова, уверяю вас...» Разумеется, Филмер, слышавший эти слова, немедленно пристал к Нордхиллу с вопросами, и я с трудом заставил инспектора предоставить это дело мне — все-таки Нордхилл мой пациент, реакции его неадекватны, нельзя подходить к словам больного с обычными полицейскими мерками, мало ли какая идея могла прийти в его голову...

— Где сейчас Нордхилл? — быстро спросил Каррингтон. Меня тоже интересовал этот вопрос — мы ведь приехали в

больницу для встречи с этим пациентом, — и мне показалось странным неожиданное смущение доктора.

— Ну... — протянул он. — Мы в его палате, жду с минуты на минуту... Понимаете, старший инспектор, я, наверно, не должен был разрешать, но события развивались так стремительно... Я отвел Нордхилла в холл, усадил в кресло и спокойно спросил, что он имел в виду. «С Эмилией ничего не случилось», — упрямо повторял он, не глядя мне в глаза, из-за чего в моей голове возникали мысли одна нелепее другой, а потом, будто услышав слова, предназначенные лишь для его, а не моего слуха, он сказал: «Садовый домик... Там...» И замолчал, глядя в пустоту. Мне знакомы были такие эпизоды в его поведении, я позвал санитаров, чтобы отвести Нордхилла в палату, но Филмер, не пропустивший из нашего разговора ни слова и понявший каждое слово буквально (в отличие от меня — я раздумывал над тем, какие ассоциации бродили в мыслях Нордхилла и как интерпретировать его пророчество), так вот, Филмер устремился к выходу на задний двор больницы, за ним полицейские и кое-кто из обслуживающего персонала. Не прошло и минуты, как я услышал такой же вопль, что и утром, — без сомнения, кричала Грета, и вы можете себе представить, о чем я подумал в ту минуту.

— Еще бы, — пробормотал Каррингтон, — труп девушки обнаружили в садовом домике?

— Или живую и здоровую Эмилию, — вставил я.

Доктор Берринсон обернулся ко мне и воскликнул:

— Сэр Артур! Каким образом? Как вы догадались, что...

Я прокашлялся и ответил, стараясь сдерживать волнение:

— Нордхилл сказал, что с Эмилией ничего не случилось, верно?

— Да, но ему никто... Впрочем, вы правы: Эмилия действительно оказалась в садовом домике — на ней была ночная рубашка, на ногах войлочные тапочки, и она находилась в полной растерянности... Вы можете себе представить раздражение инспектора Филмера — он решил, что все случившееся либо представление, зачем-то разыгранное персоналом совместно с больными, либо преступление, цель которого ему пока решительно непонятна. В домике есть старый

стол, выброшенный по причине ветхости, и несколько стульев, у которых порвалась обивка, их вынесли, чтобы отдать в починку... Филмер не нашел ничего лучше, чем устроить допрос прямо на месте, по горячим, как он выразился, следам. Он и Нордхилла решил допросить, хотя я твердо выразил свое к этому отношение, но парень прибежал, увидел Эмилию, и восторг его трудно было описать, эти двое, знаете ли, симпатизируют друг другу.

— Как Эмилия оказалась в садовом домике? — перебил Каррингтон.

— Она не смогла этого объяснить! «Я не помню... Поднялась утром, вдела ноги в тапочки и оказалась здесь». Вот все, что удалось Филмеру от нее узнать. А от Нордхилла и того меньше. «Это соединение, — твердил он. — Самое обычное соединение и ничего больше». Слова его остались загадкой, но если Филмер воспринял их как попытку запутать полицейское расследование, то мне как лечащему врачу понятно, что в голове Нордхилла возникли какие-то ассоциации, которые он не мог правильно описать.

— Я не очень понимаю, доктор Берринсон, — сказал я с осуждением, — почему вы разрешили полицейскому инспектору допрашивать своего пациента, да еще не в вашем присутствии. Вы имели полное право...

— Да! Совершенно верно, сэр Артур! Я так и поступил. Но Нордхилл сам вызвался, я мог применить силу, чтобы вернуть его в палату, но это лишь усугубило бы ситуацию, вы понимаете?

Он неожиданно перестал бегать по палате, остановился перед Каррингтоном и сказал:

— Мне пришлось их покинуть, потому что доложили о вашем приезде. Нордхилла сейчас...

Доктор не успел закончить фразу — дверь распахнулась, и на пороге возник плотный человечек с круглым лицом и низким лбом, на нем был выдавший виды синий твидовый костюм, черный галстук, сбившийся набок, в правой руке Филмер (это был, конечно, инспектор, у меня не возникло ни малейших сомнений) держал папку с документами, а левой тащил за собой, крепко вцепившись в его запястье, мо-

лодого мужчину в сером больничном халате — наверняка это и был Нордхилл, не столько напуганный, сколько смущенный.

— Я знал, что застаю вас здесь! — воскликнул Филмер. — Где еще, если в вашем кабинете, доктор, никого нет? Здравствуйте, дорогой Каррингтон, я прекрасно помню, как работал с вами по делу Шенброка в двадцать третьем, жаль, что вы сейчас не при деле, вместе мы быстрее разобрались бы в том бедламе, что происходит в этом... гм... бедламе. А это...

— Сэр Артур Конан Дойл, писатель, — представил меня Каррингтон, и я приготовился было к новой вспышке восторга, но Филмер, должно быть, не особенно жаловал литературу и литераторов, он коротко мне кивнул, протянул руку, но тут же забыл, для чего это сделал, бросил папку с бумагами на стол, показал Нордхиллу на кровать, и тот послушно присел на краешек.

Я следил за ним, пытаюсь увидеть в его поведении признаки душевной патологии, заставившей экспертов прийти к заключению о невменяемости. У Нордхилла было открытое, располагавшее к себе лицо человека, много пережившего в жизни и ожидавшего, что еще много других переживаний выпадет на его долю. Серые глаза внимательно смотрели на окружающих, но у меня сложилось впечатление, что взгляд Нордхилла больше был устремлен внутрь себя. Он отгородился от мира, сложив руки на груди, губы его, тонкие и бледные, были крепко сжаты.

— Дорогой инспектор, — спокойно сказал Берринсон, — давайте продолжим разговор в моем кабинете. Вы уже сняли все показания, я не мешал вам, хотя и имел на это полное право...

— Право препятствовать правосудию? — вскинул руки Филмер.

— Это лечебное заведение... Впрочем, не важно. Я вам не мешал, а теперь, полагаю, надо дать людям возможность успокоиться...

— Хорошо, — неожиданно согласился Филмер и выбежал из палаты с той же быстротой, как ворвался, Карринг-

тон и доктор последовали за ним, а я все не мог заставить себя подняться — наши с Нордхиллом взгляды встретились, и, сам не зная почему, я задал вопрос, показавшийся мне в тот момент совершенно нелепым, но, как потом оказалось, единственно правильный и разумный в той неправильной и неразумной ситуации:

— Почему духи не предупредили вас заранее?

Я подумал, что Нордхилл не расслышал — и к лучшему, — но он перевел на меня свой внимательный взгляд, помедлил немного и ответил с полной серьезностью:

— Я не всегда понимаю то, что слышу, сэр Артур. И то, что вижу, не всегда понимаю тоже. Это очень утомительно, очень... Слишком много миров... На каждый мир можно смотреть по меньшей мере с двух сторон... То, что для нас является смертью, для кого-то — вечная жизнь. То, что мы считаем живым, для кого-то — мертвое прошлое, ставшее тленом... Слишком много душ, эти миры соединяющих... Слишком часто меня спрашивают, и слишком часто я не способен ответить.

— Кто спрашивает? — озадаченно спросил я.

— Извините, сэр Артур, я хочу побыть один.

Инспектор Филмер был, возможно, хорошим полицейским, но принадлежал к типу людей, одним своим видом вызывавших сильнейшее раздражение. Он слишком быстро ходил, слишком быстро разговаривал, жестикуляция его была излишне аффектированной, и потому самые, возможно, верные умозаключения воспринимались как непродуманные, непроверенные и вообще нелепые. Разумеется, это были мои личные впечатления, но, судя по поведению Каррингтона, его мнение об инспекторе вряд ли существенно отличалось от моего. Где-нибудь в Италии, в полицейском участке в Неаполе, Филмер, возможно, оказался бы на своем месте, но в английской глубинке, в трех десятках миль от Лондона, выглядел по меньшей мере нелепо.

— Да! Да, уверяю вас, уважаемый доктор! — говорил инспектор, быстро перемещаясь от двери, по которой он всякий раз стучал костяшками пальцев, к окну, куда он всякий раз выглядывал, будто надеялся увидеть во дворе больницы

что-то, способное повлиять на уже сделанные им выводы. Доктор сидел за своим огромным письменным столом, где вразброску лежали книги по психиатрии, философии, общей медицине (я увидел два тома Бардена и Гросса, классический учебник, который в свое время сам изучал, будучи студентом), Каррингтон стоял, прислонившись к книжному шкафу, где, кроме книг, выставлены были на обозрение удивительно красивые китайские статуэтки эпохи Мин — болванчики, птички, девушки в различных, в том числе и весьма призывных, позах и чашечки в форме цветочных бутонов. Я же отодвинул подальше от центра комнаты глубокое кожаное кресло и закурил наконец трубку, не желая ни перебивать словоизвержения Филмера, ни начинать дискуссию, смысл которой был для меня все еще скрыт.

— Да, доктор! — говорил инспектор. — Разумеется, все это цепь нелепых случайностей! В жизни нашей, уверяю вас, случайности играют гораздо большую роль, чем нам кажется. Случайности и небрежные свидетельства. Мистер Каррингтон — в свое время он был неплохим сотрудником Скотленд-Ярда, — полагаю, вам это подтвердит.

Каррингтон поморщился, доктор высоко поднял брови, а я крепко сжал зубами мундштук, чтобы не рассмеяться Филмеру в лицо. «Неплохой сотрудник» — и это говорил человек, за тридцать лет службы так и не ставший хотя бы начальником сельского полицейского участка.

— В палате девушки нет ни малейших следов крови. Простыни смяты, да, она, безусловно, провела ночь в постели. Не исключено, что хотела вас — или сестру милосердия, или обоих — разыграть, она ведь психически больная, верно, и, следовательно, способна на любые, совершенно неразумные и нелогичные поступки. Вот она и бросается на пол перед появлением сестры, а той с перепугу бог знает что мерещится, она кричит что было сил, зовет вас, вы поддаетесь этому гипнозу, я множество раз сталкивался с подобными ситуациями, когда свидетели, утверждавшие, что видели что-то, не видели на самом деле ни-че-го и описывали — очень уверенно! — лишь то, что подсказывала их возбужденная фантазия.

Доктор переглянулся с Каррингтоном и едва заметно пожал плечами — пусть, мол, говорит, послушаем, но у нас есть свое мнение на этот счет, не так ли?

— Начинается суматоха, — продолжал Филмер, — на де-вушку никто больше не обращает внимания. Она выскальзывает из палаты и, пользуясь неразберихой, выбегает в больнич-ный двор, проникает в садовый домик — он ведь не был заперт, и уж туда-то войти мог каждый! — где и изображает второй акт этого безумного спектакля. Чистое сумасшествие, да, но ведь и заведение, в котором все это происходит, распо-лагает именно к такого рода безумным представлениям! Я удивляюсь, доктор, как вы при вашем уме и знании собствен-ных пациентов сами не пришли к столь очевидному умозак-лючению.

— Наверно, потому, что привык доверять собственным глазам, а не своей, как вы выразились, возбужденной фан-тазии, — спокойно проговорил доктор. — Нет, инспектор, я с вами не спорю, более того, готов подписать составленный вами протокол и взять на себя ответственность за причинен-ные полиции неудобства.

— Ну, — благосклонно сказал Филмер, прекратив нако-нец бегать по кабинету и остановившись перед столом Бер-ринсона, — это наша работа, верно? Являться по первому вызову и решать проблемы. Вы согласны, доктор, что иного объяснения случившемуся нет и быть не может?

— Нет и быть не может, — эхом повторил доктор и потя-нулся к чернильному прибору: чугунной статуэтке, изобра-жавшей трех обезьянок: слепую, глухую и немую. Ловким движением фокусника Филмер вытянул из своей папки, ле-жавшей на краю стола, лист бумаги, уже исписанный мел-ким неровным полицейским почерком, и протянул Беррин-сону со словами:

— Это черновик, доктор. У меня не было времени пол-ностью записать показания, но все они хранятся в моей па-мяти. Уверяю вас, я не пропустил ни слова! Я продиктую их секретарю, как только вернусь в участок. Если вы не возра-жаете, сегодня ближе к вечеру, в крайнем случае завтра ут-ром я пришлю курьера с чистовым вариантом протокола, и

вы его подпишете, а черновик я затем отправлю в корзину, и на том покончим с этим досадным недоразумением.

— Досадным недоразумением, — с каким-то ученическим старанием повторил доктор, поставил на листе размашистую подпись и промокнул большим бронзовым пресс-папье.

— Рад был увидеть вас в добром здравии, мистер Каррингтон, — сказал Филмер, засовывая лист в папку и завязывая тесемки. — И с вами рад был познакомиться, сэр Артур, хотя, должен заметить, вы не всегда точны в своих описаниях деятельности полиции. Я, впрочем, не большой любитель такого чтения, но кое-какие ваши рассказы читал. Вы должны согласиться, что инспектора Лестрейда изобразили в карикатурных тонах. Я понимаю: вам нужно было выпятить ум своего героя, а это возможно, лишь принизив умственные способности конкурента! Нечестный ход, сэр!

— Совершенно с вами согласен, — процедил я, не вынимая трубки изо рта.

Минуту спустя, когда Филмер, произведя в коридоре соответствующий шум и дав какие-то указания одному из своих подчиненных, покинул больницу, мы с Каррингтоном и доктором переглянулись и одновременно воскликнули:

— Слава Богу!

— Теперь, — сказал доктор, — мы, надеюсь, сможем действительно разобраться в этом странном, как выразился инспектор Филмер, недоразумении. Вы, господа, приехали, чтобы поговорить с Нордхиллом? В моем присутствии, разумеется. Давайте вернемся в его палату, и по дороге я просвещу вас относительно кое-каких сугубо личных обстоятельств, которые вам, вероятно, необходимо знать — даже в связи с сегодняшним происшествием, поскольку совершенно непонятно, с какими именно жизненными причинами оно может быть связано...

По дороге в палату (полицейского, дежурившего в холле, доктор отправил за дверь, чтобы тот своим видом не смущал больных) Берринсон поведал нам о том, о чем я уже догадался, полагаю, что и Каррингтон тоже: а именно о взаимной

привязанности, если не сказать больше, Нордхилла и девушки Эмилии Кларсон, то ли погибшей и воскресшей, то ли устроившей, если прав Филмер, не очень пристойный, но вполне допустимый в среде умственно нездоровых людей розыгрыш.

— Они много времени проводят вместе, насколько это допускается, конечно, нашими правилами, — говорил Берринсон, то и дело останавливаясь, чтобы довести мысль до конца, отчего путь от докторского кабинета до палаты мы проделали минут за десять. — Эмилия поступила к нам полугодом раньше Нордхилла с диагнозом kleptomania.

— Вот как! — воскликнули мы с Каррингтоном одновременно.

— Это довольно распространенное заболевание, — пожал плечами Берринсон, — особенно среди женщин. Мужчины ему тоже, конечно, подвержены, но в меньшей степени, как показывает мой опыт.

— Я знаком с одним kleptomаном, — флегматично заметил Каррингтон. — Его время от времени ловят в какой-нибудь лавке, где он пытается украсть не очень дорогие вещи, совершенно ему не нужные. Суд отказывается определить беднягу в психиатрическую лечебницу, поскольку он не представляет опасности для окружающих. Полагаю, что ваша пациентка...

— Да, это несколько иной случай, — кивнул доктор, в очередной раз остановившись, застувив нам с Каррингтоном дорожку и взяв нас обоих за рукава. — В двух словах: Эмилия — найденыш, несколько лет назад она слонялась неподалеку от дома Магды и Джона Кларсонов в Барнете, ничего о себе не помнила, не знала ни имени своего, ни откуда явилась. На одежде ее не оказалось никаких меток, а в полиции, куда супруги, естественно, обратились, после наведения справок ответили, что никто не обращался с запросом об исчезновении молодой девушки.

— Когда это произошло? — с подозрительным равнодушием осведомился Каррингтон.

— Это записано в истории болезни. Апрель двадцать второго, то ли пятнадцатое число, то ли шестнадцатое.

— Точно? Не конец мая?

— Нет-нет, апрель, могу поручиться, хотя не думаю, что это имеет какое-то значение.

— Конечно, — согласился Каррингтон, бросив в мою сторону вопросительный взгляд. — Продолжайте, доктор.

— Девушка осталась у Кларсонов. Старики надеялись, что амнезия у нее в конце концов пройдет. Нередко так и случается, но не в случае Эмилии. У Кларсонов было двое своих детей — давно уже взрослых. Сын погиб на фронте, дочь вышла замуж и уехала в Австралию... В общем, одно к одному. Эмилию они приютили — честно говоря, я бы так не поступил, но каждый решает по-своему, верно? Оформили опекунство, все честь честью. Некоторое время проблем не возникало, но потом, возможно, вследствие перенесенной травмы (наверняка ведь что-то с девушкой произошло!), а возможно, в силу каких-то врожденных причин у девушки возникло отклонение от нормы. Стали замечать, что исчезают предметы — безделушки, хрусталь, стоявший в серванте, другая мелочь, причем происходило это только тогда, когда Эмилия находилась в том помещении, где впоследствии была замечена пропажа. Старики обыскали ее комнату, но ничего не обнаружили, однако поисков не прекратили и в конце концов нашли тайник, куда девушка складывала украденное. Кое-чего, впрочем, так и не досчитались, причем Эмилия не смогла вразумительно объяснить ни своего поведения, ни того, куда она дела так и не обнаруженные предметы. Видимо, прятала вне дома — но где? С ней говорили, объясняли недопустимость ее поведения, она все понимала, со всем соглашалась, но продолжала воровать. Ее отправили учиться в закрытое учебное заведение при Корнуоллском женском монастыре, но и там она продолжала красть и не могла иначе, kleптомания — болезнь. Директриса школы обратилась в полицию, полиция — к психиатру... Так девушка попала к нам.

— Насколько мне известно, — вставил Каррингтон, — kleптомания трудно поддается излечению.

— Но нам удалось, — с оправданной гордостью заявил Берринсон. — Лекарства, сон, гипноз, есть и другие средства, еще не вполне апробированные в психиатрии, но мы здесь

используем все, что считаем нужным... Электричество, например. Впрочем, этот метод помогает лишь при шизофрении. Как бы то ни было, Эмилия у нас уже больше года, и лишь в течение первых трех-четырех недель мы вынуждены были следить за ней и изымать из тайников украденные ею предметы, потом все это прекратилось. Кстати, кое-какие предметы так и не нашли, представляете? Эмилия не помнит, куда их спрятала, а сестры и санитары ничего не обнаружили, хотя и обыскивали все помещения, даже те, куда Эмилия не могла войти при всем желании... Прошу, господа!

Нордхилла мы застали в той же позе, в какой оставили его полчаса назад: он сидел на кровати, сложив на груди руки и глядя перед собой сосредоточенным взглядом.

— Господа приехали из Лондона, чтобы поговорить с вами, — сказал доктор.

— Как себя чувствует Эмилия? — прервал его Нордхилл. — Этот полицейский не сделал ей ничего дурного?

— Нет-нет, я бы не допустил, — мягко сказал Берринсон. — Эмилия отдыхает у себя...

— Под присмотром Греты? — спросил Нордхилл, но ответа дожидаться не стал и продолжил, переводя взгляд с доктора на нас с Каррингтоном: — Она очень чувствительная натура, ее нельзя обижать. Нельзя, понимаете?

— Никто Эмилию здесь не обижает, — проговорил Берринсон.

— Да? — резко сказал Нордхилл. — Вчера вечером мы с ней разговаривали в холле, подошел Джошуа и потребовал, чтобы мы разошлись по палатам. Он говорил грубо. Эмми было неприятно, я видел. Ей было *очень* неприятно. Она ушла в слезах. Я хотел... Мне не позволили...

— Пожалуйста, Альберт, успокойтесь, — терпеливо сказал Берринсон. — Есть общее правило: в десять все должны быть в своих комнатах.

— Если бы мы поговорили до одиннадцати, мир обрушился бы?

— Давайте обсудим это позднее, хорошо? Джентльмены приехали из Лондона...

— Я знаю, откуда они приехали. Но ведь мир не обрушился бы, если бы мы говорили до одиннадцати! Утром ничего бы не случилось, и полицейский не пришел бы, и Эмилия не оказалась бы в такой нелепой ситуации...

Мы с Каррингтоном переглянулись, а Берринсон нахмурился и сказал, тщательно, судя по выражению его лица, подбирая слова:

— В чем именно, дорогой Альберт, видится вам нелепость ситуации?

— Господи! — воскликнул Нордхилл, воздевая руки. — Если бы нам дали поговорить, Эмили не было бы неприятно! Она спала бы спокойно, и ничего бы утром не произошло!

— Вы считаете произошедшее нелепостью? — осторожно спросил Берринсон. По-моему, доктор выбрал неверный тон разговора (или неверную тему), я не понимал, почему он так упорно расспрашивал Нордхилла именно о нелепости произошедшего, нужно было интересоваться деталями, ведь если этот человек считал важным свой вечерний разговор с девушкой, то содержание разговора представляло очевидный интерес, поскольку могло быть непосредственно связано с дальнейшими событиями. Мне показалось, что и Каррингтон не был удовлетворен направлением разговора, он несколько раз нетерпеливо повел шеей и готов был, похоже, вмешаться, однако сдержал себя и ограничился осуждающим взглядом.

— А чем же еще! — воинственным тоном ответил Нордхилл на вопрос доктора.

— Нелепостью, а не тайной, странностью, загадкой, чудом...

Возможно, доктор продолжил бы список, добавив «необычность, удивительность, невероятность» и другие синонимы, но пациент прервал его словами:

— Тайна? Что таинственного в перемещении души из одной комнаты в другую? Разве дух не свободен в своих перемещениях в пространстве?

— Конечно, — кивнул Берринсон, нахмурившись. Дух, конечно, свободен, но в садовом домике оказалась во плоти

девушка по имени Эмилия, а не ее бесплотная душевная оболочка, и это обстоятельство требовало объяснений.

— Вы позволите мне, доктор, задать вопрос? — кашлянув, сказал я тихо, и Берринсон, мгновение подумав, ответил согласием, хотя в его глазах я видел сомнение и недоверие, но только не надежду на то, что своим вопросом я как-то проясню ситуацию.

— Дорогой мистер Нордхилл, — сказал я, надеясь, что правильно уловил если не ход мыслей, то настроение этого человека, — вчера вы говорили с Эмилией о спиритизме? О духах, приходящих, чтобы ответить на наши вопросы?

Нордхилл повернулся ко мне всем корпусом, будто только сейчас по-настоящему осознал присутствие в палате не только доктора Берринсона, но и двух джентльменов из Лондона.

— Откуда вам это известно? — требовательно спросил он.

— Я просто предположил... Что могло быть вам так интересно и что могло заинтересовать мисс Эмилию...

— Эмилия — очень умная девушка, — задумчиво проговорил Нордхилл. — И очень сильная. Очень сильный медиум. Просто удивительно. Я таких не встречал.

— Вы предлагали ей провести совместный сеанс спиритизма, верно?

— Я предлагал... Да, мы говорили об этом. О духах, что соединяют миры. О мирах, куда мы уходим и порой возвращаемся. О том, что нижние миры — в прошлом, а верхние — в будущем. Эмилия удивительная, она все понимает. Но тут подошел Джошуа и грубо сказал: «Вы что, не видите, сколько времени? А ну марш по палатам!» И так посмотрел на Эмилию... Я видел, как она... Да и я тоже... Эмилия ушла к себе, и я видел... Она, по-моему, плакала, что-то ей показалось... Я всю ночь не спал... Или спал? Не помню. Что-то снилось, но это могло быть и на самом деле. Я бродил по коридорам и гонял призраков, а они вылезали из стен и пытались схватить меня за руки...

— Конечно, вам это снилось, Альберт, — мягко сказал Берринсон. — Вы проснулись, услышали шум и вышли посмотреть... Что было потом?

— Проснулся? — повторил Нордхилл. — Может быть... Кричала Грета. И нас не пустили в женский коридор. Я хотел... Они говорили, что Эмилия мертвая, а я хотел объяснить, что это неправда, она не может быть мертвой, потому что и живой никогда толком не была... Разве меня слушали? Потом приехали полицейские, и я подумал, что, если они все перевернут вверх дном, Эмилия действительно может стать мертвой, и я очень просил ее вернуться, да! Очень. Но как она могла вернуться в комнату, где было столько людей? А в садовом домике в это время не было никого, и она пришла туда. Я хотел пойти к ней, но Эмилию уже нашел сержант... Как его зовут... Пемберт? Паумбер? Не важно. Меня к Эмилии не пустили. Я стоял у двери, и меня не пускали. Почему? Почему, доктор, меня не пустили к Эмилии?

— Ей сейчас нужен покой, — сказал Берринсон. — Она должна прийти в себя. А потом — конечно. Вы с ней поговорите. Непременно. Господа, — доктор бросил взгляд в нашу сторону, — думаю, у нас больше нет вопросов к мистеру Нордхиллу?

Я покачал головой, хотя вопросы у меня, конечно же, были, но тон, каким к нам обращался доктор, не оставлял сомнений в том, что он не позволит волновать пациента, да и у меня не было желания спровоцировать именно сейчас кризисную ситуацию.

Мы покинули палату, попрощавшись с Нордхиллом, на что он не обратил ни малейшего внимания.

— Психоз навязчивых состояний, — пробормотал Берринсон, когда мы вышли в коридор. — Духи ему мерещатся везде и всегда. И о мирах, прошлых и будущих, он твердит постоянно. В последнюю неделю в состоянии его наметились явные улучшения, но утреннее происшествие выбило беднягу из колеи — боюсь, лечение придется начинать сначала... Как вам понравилось его утверждение о том, что Эмилия не могла умереть, потому что никогда не была по-настоящему живой?

— Фигуральное выражение, — пожал плечами Каррингтон. — Мне бы хотелось все же поговорить с девушкой. Бо-

юсь, Филмер ни в чем не разобрался. Его ссылка на невнимательность персонала представляется мне несостоятельной.

— Безусловно, — сказал Берринсон. — А что думаете вы, сэр Артур?

— Если вы позволите переговорить с Нордхиллом наедине... — неуверенно сказал я.

— Не сейчас, — покачал головой Берринсон. — Он слишком возбужден. Давайте поступим так — я войду к Эмили, посмотрю, в каком она состоянии, и, если сочту возможным, позову вас, и мы поговорим вместе. Если нет... Извините, господа, вам придется подождать в холле, вот здесь, прошу вас...

Холл уже опустел, лишь две женщины в халатах — видимо, прислуга — протирали стекла в высоких окнах, выходивших в сторону дороги. За одним из окон маячил оставленный Филмером полицейский. Из кухни, расположенной в цокольном этаже, доносились звуки приглушенных разговоров и поднимался пряный запах, который я не смог определить. Мы с Каррингтоном опустились на покрытый полосатым сине-серым чехлом диван, бывший полицейский сел прямо, будто проглотил палку, и сказал напряженным голосом:

— Боюсь, Берринсон довершит глупость, начатую Филмером.

— Надеюсь, что нет, — сказал я. — Похоже, он опытный врач...

— Дело не в том, опытный ли он врач, сэр Артур, а в том, способен ли он увидеть необычное в обыденном и обыденное в необычном. В этом особенность странного происшествия.

— Очень странного, — согласился я. — Меня интересует прежде всего не загадка запертой комнаты — вы прекрасно знаете, Каррингтон, что такие загадки решаются с помощью вполне формальных приемов, — меня интересует проблема, на которую, похоже, ни Филмер, ни Берринсон не обратили внимания.

— Да, интересно, я вас слушаю, сэр Артур.

— Нордхилл. Его слова, сказанные Филмеру. И его диагноз — точнее, та причина, думаю, совершенно безоснова-

тельная, по которой он оказался в лечебнице доктора Берринсона.

Каррингтон долго молчал, прислушиваясь к звукам, доносившимся из коридора, где располагались женские палаты, а потом сказал с деланным равнодушием:

— Вы полагаете, сэр Артур, что здесь не обошлось без участия потусторонних сил?

— Уверен, что такое участие имело место, — с горячностью, может быть, выходявшей за рамки приличия, сказал я. — Нордхилл — действительно сильный медиум, я встречался с такими людьми, и во время сеансов они показывали чудесные результаты. Им не нужно входить в транс, чтобы получать сообщения от духов или задавать им свои вопросы. Полагаю, что Нордхилл способен и на автоматическое письмо — об этом нужно узнать у доктора, он, безусловно, в курсе.

— Я не знаю, как отнестись к вашим словам, сэр Артур, — с некоторым смущением проговорил Каррингтон. — Мне не приходилось в своей практике учитывать возможность контактов с потусторонним миром — даже в деле Нордхилла. Как вы себе представляете случившееся?

— Самое странное, конечно, — исчезновение мертвой девушки из ее палаты и появление живой Эмилии в заброшенном сарае.

— Вы полагаете, что Грета и доктор не ошиблись — она действительно была мертва, когда они вошли в комнату?

— У двух человек, один из которых врач, а другая — профессиональная сестра милосердия, не могло случиться одновременной галлюцинации, — сухо сказал я. — Или нам придется подозревать их в сговоре, цель которого решительно непонятна.

— Согласен, — кивнул Каррингтон. — Хотя мне приходилось сталкиваться со случаями очень удачной инсценировки собственной смерти, да и вам, сэр Артур, полагаю, подобные случаи тоже известны.

— Да, — кивнул я. — Вы, наверно, хотели бы, прежде чем делать выводы...

— Осмотреть палату и садовый домик, — подхватил Каррингтон. — Но я сейчас лицо неофициальное... Как вы думаете, сэр Артур, доктор позволит нам это сделать?

Я мысленно отметил это «нам» и пожал плечами.

В холл быстрым шагом вошел санитар, которого я недавно видел стоявшим в ожидании приказаний у палаты Нордхилла, и сказал, обращаясь к нам с Каррингтоном:

— Господа, доктор ждет вас в палате мисс Эмилии.

Девушка сидела на своей уже прибранной кровати, сложив на коленях руки и ничем не выражая ни беспокойства, ни тем более страха — я подумал в тот момент, что Эмилия не в состоянии правильно оценить случившееся, психика ее заторможена — возможно, лекарствами, — и получить у девушки внятное описание того, что с ней произошло, нам с Каррингтоном вряд ли удастся.

Все, однако, получилось не так, как мне представлялось, когда мы с Каррингтоном рассаживались на специально принесенных санитаром стульях — похоже, тех самых, на которых мы недавно сидели в палате Нордхилла; во всяком случае, я заметил на спинке одного из них тот же маленький, выписанный синими чернилами инвентарный номер «45».

— Пожалуйста, Эмилия, — мягко проговорил доктор Берринсон, — расскажи этим джентльменам то, что ты сказала мне. Они приехали из Лондона, это мистер Каррингтон, а это сэр Артур Конан Дойл.

Показалось ли мне, или в спокойном и ничего не выражавшем взгляде девушки на миг мелькнула искра узнавания? Не думаю, что она читала хоть один рассказ о приключениях Шерлока Холмса и уж тем более вряд ли осилила мои исторические сочинения, не говоря о более серьезных работах по спиритуализму, но имя мое, безусловно, ей было знакомо.

— Здравствуйте, господа, — безразличным голосом сказала она, глядя на свои сложенные на коленях ладони. — Что я могу сказать? Я... Я плохо помню... Я спала... Мне снился сон... Мне редко снятся сны. И я их не запоминаю, не люблю запоминать страшное... И сегодня тоже... Кто-то бежал за мной...

— Не нужно рассказывать сон, Эмилия, — сказал доктор, — джентльменов интересует, что было потом, когда ты проснулась.

— А? Да, я понимаю... Но я не проснулась, я только из одного сна оказалась в другом. Был плохой сон, а стал хороший. Хороший я тоже не должна рассказывать, доктор Берринсон?

— Не нужно рассказывать сны, Эмилия, — терпеливо проговорил доктор. — Скажи о том, что произошло, когда ты проснулась.

— Я испугалась... Я помнила, что заснула в своей постели, а когда открыла глаза... Земляной пол... Маленькое окошко под потолком... Запах прелой травы... Я думала, это все еще сон, но услышала свое имя... Кто-то звал меня, такой знакомый голос. Очень знакомый.

— Вы узнали голос? — не удержался от вопроса Каррингтон.

— Не сразу... Это был Альберт. И он сказал, чтобы я встала, потому что... Не помню.

— Альберт... Нордхилл? — спросил Каррингтон, вызвав неудовольствие доктора. Берринсон бросил на бывшего детектива суровый взгляд, но тот, наклонившись вперед и пристально глядя девушке в глаза, продолжал задавать вопросы: — Это был голос Нордхилла, Эмилия? Вы уверены?

— Да...

— Голос раздавался изнутри или снаружи помещения?

— Изнутри... Мне даже показалось...

Эмилия замолчала, прислушиваясь, будто и сейчас слышала чьи-то слова, звучавшие в ее сознании. Я живо представил себе, что она ощущала, обнаружив неожиданно, что находится не в своей постели, ощутив запах травы, увидев, что руки ее запачканы, и услышав голос друга, раздававшийся, безусловно, лишь в ее воображении, поскольку Нордхилл в это время находился на глазах у доктора и полицейского.

— Вам даже показалось, — с кротким терпением продолжал Каррингтон, — что вы слышите голос Альберта внутри себя, будто вы сами с собой разговариваете его голосом?

— Да... Вы очень хорошо сказали...

— Что говорил вам голос?

— О, самые простые слова... Что мне нечего бояться. Все хорошо. Он меня успокаивал. Я стала кричать, но меня не слышали. И Альберт почему-то замолчал. Мне стало страшно. Не знаю почему, я ведь уже поняла, где оказалась... Садовый домик... Я там бывала несколько раз прежде... Но все равно... Страх... Я кричала. Наверно, я не помню. Потом услышала голоса, на этот раз снаружи. Я подошла к двери, и она распахнулась, там стояли люди, я плохо видела, был яркий свет, какие-то фигуры... А дальше не помню.

— Не надо волноваться, Эмилия, — сказал доктор. — Все хорошо.

— Я хочу видеть Альберта, — сказала девушка.

— Да, непременно... Отдохни, Эмилия, можешь не выходить к обеду, тебе принесут поесть в комнату.

— И чаю...

— Конечно. Я скажу Грете. Пойдемте, господа. — Берринсон поднялся и, проходя мимо Эмилии, участливо положил руку ей на плечо.

— Согласитесь, доктор, что объяснить случившееся без вмешательства потусторонних сил попросту невозможно, — сказал Каррингтон, когда мы вернулись в кабинет Берринсона и расположились в тех же местах и позах, что полчаса назад.

— И это говорит старший инспектор Скотленд-Ярда! — воскликнул доктор, качая головой.

— Бывший старший инспектор, — поправил Каррингтон. — Будучи при исполнении, я бы действительно поостерегся делать далекоидущие заключения при столь ненадежных и противоречивых свидетельствах. Но после того, как я ушел со службы... И после того, как вспомнил кое-какие старые дела, о которых вчера рассказывал сэру Артуру... И после того, как прочитал замечательные книги о природе спиритуализма, да еще и послушал самого автора...

— Не знаю, о каких делах вы говорите, книг по спиритуализму не читал и на лекциях не присутствовал, хотя и знаю

о вашей, сэр Артур, деятельности на ниве пропаганды этого... гм...

— Этого глубокого заблуждения, — закончил я.

— Не будем спорить, — примирительно сказал доктор. — Учтите: Альберт и Эмилия — больные люди, психика их ущербна, к словам их нельзя относиться с полным доверием.

— Эмилия оказалась в вашей больнице потому, что в ее присутствии исчезали предметы? — сказал Каррингтон.

— Которые потом обнаруживались в ее тайниках, — добавил доктор.

— В тайниках, о которых она, по ее словам, ничего не знала. А многие предметы вообще обнаружены не были, не так ли?

— К чему вы клоните, старший инспектор?

— А Нордхилл зарабатывал на жизнь тем, что устраивал спиритические сеансы и вызывал духов, для чего ему даже не надо было входить в транс...

— Что лишний раз свидетельствует о его душевном нездоровье, поскольку — сэр Артур, безусловно, подтвердит — для вызывания духов — заметьте, я становлюсь на вашу точку зрения, хотя и не верю в эту чепуху, — для вызывания духов необходимы определенные условия и уж наверняка — присутствие сильного медиума, находящегося в так называемом трансе, особом психическом состоянии, когда подавляются реакции на внешние раздражители и на первый план выходят подсознательные и инстинктивные функции.

— Сэр Артур, — обратился ко мне бывший полицейский, — вы молчите, и у меня складывается впечатление, что ваше мнение на этот счет не совпадает ни с моим, ни с мнением уважаемого доктора.

— Я бы не хотел говорить то, что может оказаться ошибочным. Конечно, у меня сложилось определенное представление. Более того, есть догадка, которая, уверен, никому из вас не пришла в голову, хотя Нордхилл сказал об этом совершенно определенно. Но для подтверждения или опровержения я хотел бы предложить провести небольшой эксперимент, если, конечно, доктор Берринсон даст свое разреше-

ние, поскольку этот вопрос полностью находится в его компетенции.

— О чем вы говорите, сэр Артур? — с некоторым напряжением в голосе спросил доктор.

— Я хотел бы провести сеанс спиритизма с участием Альберта, Эмили и нас троих. Думаю, это многое прояснит — в том числе и для вас, доктор, я очень надеюсь, что личные впечатления поколеблют вашу уверенность в безусловной материальности окружающего мира.

Если бы я внимательно не следил за выражением лица Берринсона, то наверняка решил бы, что у бедняги начался приступ тяжелой астмы. Но я видел, как, прежде чем натужно закашляться, доктор предпринял мучительные усилия, чтобы не позволить появиться на своем лице выражению полного непонимания и недоверия к умственным способностям собеседника. Мне хорошо знакома была реакция слишком, к сожалению, многих вполне респектабельных в остальных отношениях людей на предложение собственными глазами убедиться в том, во что они — то ли по недомыслию, то ли по умственной лености — не желали верить. У меня промелькнула в тот момент мысль: «Разве мог врач, изначально не принимающий во внимание самую возможность существования спиритуализма, назвать вменяемым пациента, придерживающегося противоположных взглядов на устройство мироздания?» И разве может врач, ставящий принципы своей веры выше принципа «Не навреди!», заниматься такой чувствительной к проявлениям индивидуальности пациента наукой, как психиатрия?

Каррингтон, не на шутку испугавшийся, принялся наливать в стакан воду из стоявшего на столе наполовину наполненного графина, но я придержал его руку, поскольку в отличие от бывшего полицейского понимал, что Берринсон не сможет сделать и глотка, нужно лишь подождать, и все придет в норму.

— Дорогой Каррингтон, — сказал я тихо, — доктору, понимаете ли, нужно время, чтобы обдумать мои слова. Он не может позволить себе отнестись к ним серьезно, но и без от-

вета оставить не может тоже. Противоречие, верно? Когда кашляешь, противоречия разрешаются сами собой.

— Вы думаете? — неуверенно проговорил Каррингтон, но кашель у доктора стал менее надрывным и быстро прекратился. Берринсон откашлялся в последний раз, после чего сам налил себе воды и выпил полстакана мелкими глотками, приводя свои мысли в относительный порядок.

— Вы понимаете, сэр Артур, — сказал он наконец, — что здесь мы лечим Нордхилла от той самой болезни, приступ которой вы предлагаете вызвать?

— Я не предлагаю вам, доктор, нарушить клятву Гиппократу, — сказал я примирительно. — Напротив, мне кажется, что проведение сеанса поможет Нордхиллу снять возникшее у него у него психическое напряжение. Иногда алкоголику дают выпить неразбавленного виски, чтобы привести в порядок его сознание, этот эффект вам хорошо известен...

— Не думаю, что это хорошее предложение, сэр Артур.

— Нордхиллу не повредит, — уверенно сказал я. — А мы, возможно, сумеем получить сведения, которые не могли бы вывести никаким иным способом.

— Сэр Артур прав, — пришел мне на помощь Каррингтон. — Если сеанс окажется безуспешным, в чем вы, доктор, совершенно уверены, мы окажемся там же, где сейчас, а если выяснится хотя бы малейшее неизвестное нам обстоятельство... Согласитесь, во время сеанса Нордхилл может проговориться о том, о чем не сказал бы даже во время перекрестного допроса.

Последний аргумент, по-моему, оказался весомее остальных. Доктор надолго задумался, потом встал, отошел к окну и минуты две созерцал окружающий больницу лесной пейзаж — вид колыхавшейся под легким ветром листвы действительно успокаивал нервы.

— Хорошо, господа, — сказал наконец Берринсон, обернувшись к нам. — Одно неперемennое условие. Когда я подам сигнал, сеанс прервется. А сигнал я подам, как только увижу малейшие признаки нестабильности в поведении пациента. И никаких возражений, даже если вам будет казаться

ся, что именно в этот момент Нордхилл сообщает чрезвычайно ценные сведения.

— Безусловно, — согласился я.

— Да, конечно, — сказал Каррингтон.

— Сейчас время ленча, — сказал Берринсон, взглянув на часы — прекрасный брежет, висевший на толстой серебряной цепочке. — Потом у нас тихий час, после чего желающие могут выпить чаю. Думаю, сеанс лучше всего устроить в половине шестого, когда до ужина останется полтора часа. Сейчас я приглашаю вас обоих к себе — нам принесут поесть, и мы проведем время за, надеюсь, приятной беседой, если, как я опять же надеюсь, в больнице не произойдет ничего экстраординарного.

Доктор предоставил в наше распоряжение телефон, я позвонил Джин, а Каррингтон — дочери. Оказывается, Адриан, катаясь на лошади, неудачно спрыгнул и растянул лодыжку, Джин была в панике, и мне пришлось сделать ей строгое внушение — полагаю, оно достигло цели. Я сказал, что вернусь, по-видимому, последним поездом, и пусть Найджел с машиной будет у вокзала Виктория в половине десятого. Джин мучило любопытство, но, зная мой характер, она не задала ни одного прямого вопроса.

Беседа с доктором действительно оказалась приятной. Каждый из нас старательно избегал говорить на рискованные темы — ни слова о предстоявшем сеансе не было сказано, хотя, как я слышал, доктор отдал Грете распоряжение подготовить одну из крайних палат женского крыла: поставить там круглый стол, пять стульев и зашторить окно, чтобы вечерний закатный свет не мешал, как выразился Берринсон, «работать с пациентом».

Кухня в лечебнице оказалась отменной, кофе, поданный после ленча, был превосходен, мы расположились в удобных креслах, Берринсон рассказывал истории из своей практики, а Каррингтон — из своей, я же вспоминал последнюю поездку в Соединенные Штаты: не лекции, которые я там прочитал с большим успехом (никаких упоминаний о спиритизме, согласно нашей молчаливой договоренности!), а

встречи с людьми, которых я знал заочно и даже не предполагал, что когда-нибудь буду иметь честь с ними разговаривать. Виделись мы, например, с популярнейшим в Штатах актером кино Чарлзом Спенсером Чаплином — он приезжал в Нью-Йорк по делам, и мы случайно столкнулись с ним в коридоре отеля «Мажестик». Я ожидал увидеть маленького человечка с усиками, и если не в знаменитом черном потрепанном костюме и котелке, то по крайней мере с тросточкой. Чаплин же оказался довольно грузным, хотя и подвижным мужчиной — типичным американцем, засыпавшим меня множеством вопросов о своей популярности на берегах Темзы.

В пять часов доктор оставил нас с Каррингтоном на некоторое время и отправился сначала к Нордхиллу, а потом к Эмили, чтобы провести с ними беседу, подготовить к предстоящему мероприятию. Я заметил, что Каррингтон изрядно волновался и, по-моему, не столько обдумывал вопросы, которые следовало бы задать, сколько приводил в порядок разбежавшиеся за день мысли.

В половине шестого за нами зашла Грета (она была невозмутима, как и положено профессиональной сестре милосердия, никаких следов утреннего волнения) и провела нас по длинному коридору мимо закрытых дверей — к торцовой палате.

Здесь уже стояли круглый стол и пять стульев с высокими спинками, лежали листы бумаги, карандаши; два окна, выходившие одно в сад, другое к подъездной дороге, были плотно занавешены темными шторами, из-за чего в помещении царил полумрак, рассеиваемый мерцающим светом пяти длинных свечей в высоких бронзовых канделябрах. Доктор сделал все — в своем понимании, конечно, — чтобы создать для сеанса атмосферу тайны, в данном случае скорее мешавшую, поскольку, если я правильно помнил рассказ Каррингтона, Нордхиллу для того, чтобы быть готовым к разговору с духами, не нужны были ни затемнение, ни свечи, ни даже круглый стол.

Привели сначала Альберта, равнодушным взглядом осмотревшего помещение и без приглашения усевшегося на

ближайший к двери стул, а затем Эмилию, которая выглядела хотя и не такой испуганной и дрожащей, как несколько часов назад, но все-таки не пришедшей в себя и ожидавшей от предстоявшего представления любой неожиданности. Если бы не присутствие Нордхилла, девушка, похоже, готова была бежать в свою палату. Доктор осторожно взял Эмилию под локоть и усадил на стул напротив Нордхилла, сам же сел рядом с ним, а мы с Каррингтоном заняли оставшиеся места — я оказался между доктором и Эмилией, а бывший полицейский — между девушкой и Нордхиллом.

— Дорогая Эмилия, — сказал Берринсон, положив руку на ладонь девушки, — будь спокойна, смотри и слушай. Альберт, конечно, рассказывал тебе о своей способности, и в том, что сейчас, возможно, произойдет, для тебя не должно быть неожиданности.

— Да, доктор, — произнесла Эмилия голосом скорее обреченным, нежели испуганным. Она была готова ко всему и согласна на все, если рядом — или напротив — находился человек, к которому (это, полагаю, было очевидно не только мне, но в первую очередь доктору) была равнодушна.

— Альберт, — сказал доктор, обращаясь к пациенту, — утренние события навели наших гостей, сэра Артура и мистера Каррингтона, на мысль обратиться к вашим необычным способностям, чтобы попытаться пролить на происшествие хоть какой-нибудь свет. Сэр Артур, — повернулся ко мне Берринсон, — вы в отличие от меня специалист в этой области, вам и карты в руки.

На мой взгляд, это была довольно неуклюжая попытка снять с себя ответственность, замаскированная комплиментом.

— Мистер Нордхилл, — сказал я, — попробуйте представить себе...

Я не закончил фразу, потому что в полумраке комнаты раздался низкий тяжелый голос, перебивший меня словами:

— Эмма! Эмма Танцер! Эмма Джоан Сюзен Танцер! Зову тебя!

Говорил, несомненно, Нордхилл, но, похоже, решительно не отдавал себе в том отчета. Губы его раскрывались, про-

износя слова, ладони неподвижно лежали на столе, и я видел, как пальцы совершали странные быстрые движения, будто пытались играть на невидимом рояле. Взгляд же был устремлен в пространство выше моей головы, и мне невыносимо захотелось обернуться и посмотреть — что же он там увидел, хотя я и понимал, что увидеть Нордхилл ничего не мог и смотрел он не в пространство, а внутрь собственной души, открывшейся в этот момент чему-то таинственному, непостижимому и столь же реальному, как реален был запах, источаемый свечами.

— Эмма! — продолжал взывать потусторонний голос. — Эмма, приди и ответь!

До меня только в этот момент дошло, что звал голос не Эмилию, сидевшую с закрытыми глазами и сцепленными кулачками, а Эмму Танцер, убитую четыре года назад, девушку, о деле которой мне вчера рассказывал Каррингтон. Бывший полицейский, похоже, был изумлен не меньше моего, глаза его блестели в свете свечей, он наклонился вперед в попытке разглядеть в лице сидевшего рядом с ним Нордхилла что-нибудь такое, что дало бы основания не для мистической, а вполне физической интерпретации происходившего.

Доктор выглядел невозмутимым, но внимательно следил за каждым движением как Нордхилла, так и Эмилии, и потому от него не могло ускользнуть то, что видел я. Девушка неожиданно успокоилась. Тело ее, до того находившееся в напряжении, расслабилось, она откинулась на спинку стула, кулачки разжались, руки ее теперь лежали на столе неподвижно, ладонями вниз, на лице появилась слабая, но удовлетворенная улыбка.

— Это ты, тетушка Мэри? — спросила девушка. — Это ты, я узнала твой голос.

— Эмма! — продолжал взывать голос с того света, видимо, умершая тетя не слышала ответа. Но почему обращалась тетушка не к племяннице, а к погибшей девушке? И самое странное: почему дух явился прежде, чем его вызвали? Таково в моей практике — а я побывал на множестве спиритичес-

ких сеансов с самыми выдающимися медиумами — еще не случилось.

— Тетушка, — спокойно сказала Эмилия, — если ты не слышишь меня, то мне и отвечать тебе не обязательно, верно?

Нордхилл на несколько секунд прервал свои завывания, лицо его прояснилось, взгляд сместился и направлен был теперь в сторону Эмилии, хотя я и не был уверен в том, что молодой человек видел то — или ту, — что находилось перед его устремленным в иное пространство взором.

— Злая девчонка, — произнес он, склонив голову к левому плечу, будто воспроизводя не свой, а навязанный ему жест. В голосе появились иные интонации: завывание исчезло, слова «злая девчонка» произнесены были мягким, даже ласковым голосом, мужским, конечно, но чувствовалось, что говорит женщина — я не смог бы дать этому ощущению логического объяснения, но готов был поклясться, что к Эмилии действительно обращалась ее умершая тетушка.

— Злая девчонка, — с каким-то нежным придыханием повторил Нордхилл, — ты пришла, я была уверена, что ты меня услышишь... Скажи, ты не очень страдаешь? Там, где ты сейчас, нет страданий, ведь ты наверняка в раю?

— Этот дом в каком-то смысле действительно можно называть раем, — произнесла Эмилия, улыбнувшись и бросив взгляд на доктора.

— Тебя не обижают?

— Нет, тетушка.

Обмен репликами становился все более быстрым, теперь Эмилия и Нордхилл смотрели прямо друг другу в глаза — кажется, оба даже не мигали, хотя сам я находился в таком возбуждении, что вряд ли мог утверждать это с достаточной точностью.

— Скажи... Когда тебя убили, ты очень страдала? Мне важно знать, ты понимаешь, эта мысль не дает мне покоя...

— Нет, тетушка, я не страдала. Все произошло так быстро...

— Ты видишься с Джейн? Ты видишься со своей матерью?

— Нет, тетушка, мамы нет здесь...

— О, какая жалость, но отец наверняка с тобой, не так ли?
— Папа тоже не в этом мире, тетушка...
— Значит, у вас не один мир? И ваши души могут обраться в разных пространствах, не имея контактов друг с другом? Я слышала об этом, но мне казалось...

— Я не знаю, — растерялась Эмилия. — Наверно... Я думаю, им хорошо там, где они сейчас...

— Скажи, Эмма, это важно... Где ты погибла? Ты можешь и не помнить этого, но попытайся... Скажи мне, своей тетушке... Как выглядел тот человек? Правосудие должно свершиться. Рядом со мной полицейский следователь, он спрашивает... Если бы ты могла назвать место...

— Господи, — сказала Эмилия, — я так старалась забыть... Я думала, что забыла... Я не хочу вспоминать...

— Вспомни, пожалуйста, девочка моя. Там, где ты сейчас, тебе все равно, но нам здесь невыносимо жить, зная, что твой убийца на свободе. Скажи — кто это был? Скажи — где это было? Скажи...

Странный голос будто уносился в пространство, ослабевал, как голос из радиоприемника, у которого сбивается настройка, мне так и захотелось подкрутить колесико, вернуть волну, желание мое было услышано, а может, и без моего желания связь между мирами восстановилась, и голос тетушки Мэри заполнил комнату:

— Скажи! Рядом со мной полицейский следователь, он слышит тебя, скажи — мы услышим, скажи!

Каррингтон, сидевший напротив меня, вздрогнул, я ощутил это, хотя и не мог видеть, и еще почувствовал, как напрягся бывший полицейский, как уперся ладонями в поверхность стола, стол закрипел и начал едва заметно поворачиваться — сначала вправо, затем влево, — эти движения мешали, они были сейчас лишними, и я положил на стол свои ладони, движение замедлилось и вскоре прекратилось, в комнате не осталось никаких звуков, кроме двух голосов — Эмилии и ее тетушки.

— Это было на углу Ганновер-стрит и Блекстоун... Я возвращалась к себе, меня провожал Эдуард... Мы разговаривали... За квартал от моего дома мы попрощались, я не хотела,

чтобы он провожал меня дальше... Эдуард ушел, и в этот момент... Кто-то бросился на меня сзади, зажал рот, я даже не успела крикнуть... Нет... Я не хочу вспоминать...

— Ты видела этого человека? — требовательно спросил Нордхилл голосом тетушки Мэри.

— Да... Он повернул меня к себе... Мужчина лет тридцати, длинное лицо, черные глаза, волосы тоже черные, гладкие...

— Приметы? Что-нибудь особенное?

— Нет... То есть... Очень тонкие губы... Он хотел меня поцеловать, а я не... Редкие зубы, маленькие, противные...

— Дальше, дальше, дальше!

— Господи... — прошептала Эмилия. Странно: несмотря на столь драматический диалог, несмотря на то, что воспоминания, судя по всему, должны были причинять девушке боль, голос ее все еще звучал спокойно и даже отрешенно, будто вспоминала она не о собственном прошлом, а о чужом, привидевшемся ей во сне. Наверно, так и было — но какое отношение могла иметь Эмилия к той девушке, Эмме Танцер, исчезнувшей четыре с половиной года назад? Неужели...

— Дальше, дальше!

— Больше я ничего не помню, — сказала Эмилия. — Почему ты хочешь, чтобы я это вспоминала?

— Убийца должен быть наказан, — сурово ответила тетушка Мэри. — И только ты можешь дать описание этого негодяя.

— Спасибо вам, — неожиданно вмешался в разговор еще один голос, на этот раз мужской, и я мог бы поклясться, что это был голос Каррингтона, если бы не видел перед собой в полумраке его напряженное лицо и крепко сжатые губы, сквозь которые не мог просочиться ни один звук, если бывший полицейский не был мастером чревовещания. — Спасибо вам, Эмма, — продолжал Нордхилл голосом Каррингтона, — вы нам очень помогли, теперь я уверен, что ваш убийца будет наказан. Надеюсь... — Голос дрогнул и закончил с ясно прозвучавшей печалью: — Надеюсь, вам хорошо, и ваши страдания в этой жизни...

Голос прервался, не отделился, как голос тетушки несколько минут назад, а прервался на полуслове, будто не волна ушла, а кто-то повернул ручку и выключил приемник. Щелкнуло, и настала такая тишина, что, казалось, можно было услышать, как оплавлялся воск и потрескивали фитили на свечах.

Нордхилл поднес ладони к глазам и протер их движением мальчишки, только что видевшего интересный сон и не желавшего возвращаться к реальности. Каррингтон закашлялся, доктор взял руку Эмили в свою и принялся щупать ей пульс — я и без этого мог бы сказать, что пульс у девушки сейчас вряд ли был меньше ста пятидесяти.

Сеанс закончился — дух ушел. Станный это был сеанс, самый странный из всех, в каких мне приходилось принимать участие. И дело было даже не в том, что вопреки всем правилам не медиум задавал вопросы духу, а дух через медиума спрашивал присутствовавшего на сеансе человека. Из вопросов тетушки Джейн и ответов Эмили следовало, что она и была той погибшей девушкой Эммой Танцер! Но кто тогда говорил голосом Каррингтона? Чей дух захотел мистифицировать нас и зачем ему это было нужно? Ведь к нему никто не обращался, отчего же он подал голос, к тому же — не свой?

Пока я предавался этим размышлениям, совершенно не представляя, как уложить их в прокрустово ложе моих прежних, успевших устояться знаний, доктор, убедившись, что Эмилия (или Эмма?) вполне способна управлять своими эмоциями, раздвинул шторы, в комнату ворвались лучи заходящего за лес солнца, пламя свечей поблекло, атмосфера таинственности превратилась в обычный, даже немного застоявшийся воздух, и мне захотелось открыть окно, потому что стало трудно дышать.

Душно, по-видимому, показалось не мне одному: раздвинув шторы, доктор поднял раму одного из окон, и в комнату влетел, раздувая тонкий занавес, свежий вечерний ветерок с запахом прелой травы и далекой фермы. В иное время я, пожалуй, считал бы этот запах не очень приятным, но сейчас вдыхал его будто аромат сладких духов. Тяжесть в груди рассоса-

лась, и я обратился к Каррингтону, сидевшему в глубокой задумчивости и будто даже не заметившему, что сеанс закончился:

— Что скажете, сэр? Удивительная встреча, не правда ли? Убежден, что вы не ожидали ничего подобного и теперь терзаетесь в догадках о том, как примирить с реальностью сказанные духом слова.

— Я бы хотел обсудить эту проблему с вами наедине, сэр Артур, — отрывистым голосом произнес Каррингтон. — Но прежде совершенно необходимо...

— Да, конечно, — поспешно согласился я, подумав, что бывший полицейский сейчас произнесет слова, о которых впоследствии будет сожалеть.

Берринсон между тем подал Эмили (Эмме?) руку и повел к двери, будто герцогиню Девонширскую с бала при дворе короля Генриха Восьмого. Я не ожидал, что доктор мог так элегантно и с такой врожденной уверенностью вести даму в ее палату как на танец.

— Дорогая Эмилия, — говорил доктор (значит, все-таки Эмилия?), — тебе нужно отдохнуть, сейчас я пошлю Грету, она с тобой посидит, ужин тебе принесут в комнату, убедительно прошу, дорогая, не выходить и успокоиться...

— Я спокойна, — только и успела произнести девушка, прежде чем доктор передал ее стоявшей за дверью Грете. Легкие шаги женщин удалились, и Берринсон обернулся к Нордхиллу. Лицо доктора разительным образом переменилось, теперь оно выражало жесткую уверенность в том, что слова, которые Берринсон намеревался произнести, должны быть поняты и приняты к исполнению без малейших возражений.

— Альберт, — решительно произнес он, — я больше не позволю вам столь откровенно мистифицировать...

— Доктор, — вмешался Каррингтон прежде, чем это успел сделать я, — вы позволите задать мистеру Нордхиллу несколько важных для расследования вопросов — в вашем присутствии, разумеется?

— Пожалуйста, старший инспектор, — недовольно ответил Берринсон и отошел к окну, демонстративно пожав плечами и всем видом показывая, что вмешается он в ту же се-

кунду, когда решит, что поведение пациента дает к тому хоть малейший повод.

— Гм... — Каррингтон откашлялся и, бросив на меня взгляд, смысл которого я не смог определить, сказал, обращаясь к Нордхиллу, продолжавшему сидеть неподвижно и даже, как мне показалось, не понявшему, что сеанс окончен и ему больше не нужно тратить душевные силы, чтобы разглядеть очертания мира, недоступного восприятию никого другого из присутствующих: — Альберт, вы меня слышите?

— Да, — коротко ответил Нордхилл, не меняя позы.

— Откуда вам известно, что Эмилия Кларсон и убитая четыре года назад Эмма Танцер — одно и то же лицо?

Нордхилл поднял на Каррингтона ничего не выражавший взгляд, в котором по мере того, как до пациента доходили сказанные бывшим полицейским слова, появилось сначала выражение искреннего изумления, а затем ощущение жалости и боли — во всяком случае (хотя я мог и ошибаться), мне показалось, что именно эти чувства овладели молодым человеком, когда он узнал, кем на самом деле была девушка, которой в последние недели он оказывал знаки внимания.

— Эмма Танцер? — переспросил Нордхилл. — Почему вы так решили?

— Во-первых, — сказал Каррингтон, — она сама ответила так на заданный вами вопрос.

— Мной? — нахмурился Нордхилл. — Я не задавал никаких вопросов. То есть я хочу сказать, что вопросы задавал не я.

Каррингтон посмотрел в мою сторону, и я счел благоразумным вмешаться.

— Дорогой Альберт, — сказал я. — Вы замечательный медиум, готов в этом поклясться, я редко наблюдал такое быстрое вхождение в состояние транса... Конечно, вы не помните ни слова из того, что вашими устами говорил дух...

— Почему же? Помню, — пожал плечами Нордхилл. — И, к вашему сведению, сэр Артур, я никогда не впадаю, как вы говорите, в состояние транса. Вы прекрасно знаете, что это вовсе не обязательно при общении с духами. Нужна лишь определенная сосредоточенность, и я достигаю ее действи-

тельно достаточно легко — сказываются тренировки по индийской йогической системе, которую я изучал — самостоятельно, правда, — по книге, купленной на развале.

— Хорошо, — сказал я примирительно. — Это не был транс, и вы все помните. Что же вы запомнили, друг мой?

Нордхилл смотрел на меня с недоверием, в моих словах он чувствовал подвох, но вопрос был задан, доктор не вмешивался, не находя пока достаточных оснований к тому, чтобы прервать наш разговор, и Альберт ответил, потирая рукой переносицу:

— Это был дух... да... Женщина, которая назвалась тетушкой Мэри. И еще был мужчина... полицейский следователь... Он все делал неправильно! Он не понимал! Полицейские своими действиями в процессе расследования часто провоцируют преступников. Создают тот мир, в котором им удобнее работать...

— Вы спросили, и мы все тому свидетели, — напомнил я Альберту, — помнит ли Эмма, как ее убили.

— Я спросил...

— И Эмилия рассказала о том печальном событии. Она не могла знать, как все произошло, ее голосом, похоже, говорил дух погибшей Эммы! Впервые — а у меня богатый опыт спиритических сеансов — не дух отвечал на вопросы медиума, а один дух отвечал на вопросы другого.

— Всегда, — сказал Нордхилл, — на вопросы одного духа отвечает другой. Когда вы задаете вопросы духу Наполеона или Рамзеса, именно ваш бесплотный дух, как волна радиопередачи, пересекает миры и вселяется в тело медиума в другом измерении. В том, например, где вы умерли, или в том, где вы еще не родились, или в том, где вас никогда не было и никогда не будет...

— Альберт, — сказал Каррингтон, сочтя, видимо, слова Нордхилла лишены смысла, а мои вопросы — отдаляющими от истины, хотя именно те вопросы, что задавал я, могли приблизить нас к пониманию самой удивительной тайны, с какой мне приходилось сталкиваться в своей жизни, — Альберт, откуда вам известно, что Эмилия Кларсон и Эмма Танцер — одно и то же лицо?

— Но я впервые об этом слышу! — воскликнул Нордхилл и в отчаянии обратил свой взгляд в сторону доктора. Берринсон незамедлительно взял инициативу в свои руки и решительно сказал:

— Старший инспектор, не следует сейчас продолжать этот разговор. Альберт нуждается в отдыхе не меньше, чем мисс Эмилия. Пойдемте, Альберт, я провожу вас в вашу комнату. Господа, — обратился он к нам, — я скоро вернусь, а вы пока можете курить, здесь это разрешается.

Нордхиллу доктор руки не подал, но молодой человек и сам поднялся, он что-то хотел сказать и даже открыл было рот, но промолчал и вышел из комнаты с задумчивым видом, в котором было больше откровенного недоумения, чем искреннего понимания. Доктор вышел следом и закрыл за собой дверь.

— Что скажете, сэр Артур? — спросил меня Каррингтон, когда мы остались вдвоем.

Я раскурил трубку, собираясь с мыслями, пустил к потолку кольцо дыма и сказал:

— Вы уверены, Каррингтон, что Эмилия — действительно та девушка?..

— Да, — кивнул бывший полицейский. — Мне ее лицо сразу показалось знакомым. Я был уверен, что встречался с ней прежде, но не мог вспомнить — где и когда. У меня профессиональная память на лица, и меня раздражало... Теперь-то я понимаю, сэр Артур, в чем причина причуд моей памяти. Я видел — и внимательно в свое время изучал — фотографию пропавшей Эммы Танцер. Фотография лежала на моем рабочем столе несколько месяцев. Я настолько не ожидал встретить девушку здесь, что... Как и все, я считал ее мертвой, сэр Артур! К тому же она, конечно, изменилась — другая прическа, совершенно другой взгляд... Это она. Но тогда я решительно не понимаю смысла заданных вопросов, и ответы тоже кажутся мне совершенно лишены смысла. На мой взгляд, случившееся нельзя объяснить иначе, нежели сговором. Да-да, не смотрите на меня так, сэр Артур, — сговор между Альбертом и Эмилией... Эммой Танцер. Согласитесь, невероятно, чтобы встреча здесь между ними произошла

случайно. В жизни, конечно, происходят самые странные события, но в своей работе я всегда исходил из того, что к случайностям нужно обращаться лишь тогда, когда все рациональные попытки объяснить связь между явлениями натываются на глухую стену. Случайность не несет информации, случайность бесполезна и для суда не представляет интереса, поскольку не является звеном в цепи доказательств...

— Согласен, — кивнул я. — Но, дорогой Каррингтон, вы, по-моему, исходите сейчас из неверной предпосылки о том, что Нордхилл и Эмилия... Эмма, если угодно... были знакомы прежде и что один из них — а именно Нордхилл — намеренно сделал все, чтобы оказаться здесь, в лечебнице доктора Берринсона. Согласитесь, это предположение еще более фантастическое, нежели случайное совпадение.

— Почему, сэр Артур?

— Судите сами, дорогой Каррингтон. Эмилия-Эмма была помещена в лечебницу раньше, чем Нордхилл. Следовательно, именно он должен был предпринять усилия, чтобы оказаться здесь. Кто решал, в какую именно лечебницу должен быть помещен Нордхилл?

— Суд, сэр Артур. Решение вынес судья после того, как изучил экспертное заключение двух уважаемых психиатров — господ Арчера и Дуглас-Меридора.

— Опытные психиатры, — заметил я.

— Очень опытные. Судья имел на выбор четыре подобных заведения.

— Один шанс из четырех — не так уж мало, верно?

— Но и не много, согласитесь, сэр Артур.

— Не так уж мало, — повторил я. — А о том, что Эмилия и Эмма — одно лицо, Нордхилл мог узнать уже здесь, общаясь с девушкой.

— Вы думаете? Она сама не подозревала, что когда-то была...

— А это мне кажется действительно маловероятным! Не подозревала? Или тщательно скрывала этот факт из своего прошлого, когда оказалась в семье Кларсонов? Гораздо более странным представляется мне рассказ Эмили-Эммы о том,

как именно ее убивали, — ведь на самом-то деле убийства не было, если Эмма осталась жива, потеряла память и...

— Сэр Артур, — прервал меня Каррингтон, — похоже, вы забыли о том, что девушку, которую супруги Кларсон называли Эмилией, нашли в апреле двадцать второго года, а Эмма Танцер исчезла лишь месяц спустя — в конце мая.

Трубка моя погасла, и я заново ее раскурил, в то время как Каррингтон пребывал в задумчивости, пытаюсь свести воедино все известные нам факты. Я тоже думал об этом, вдыхая ароматный дым и чувствуя, что столкнулся с ситуацией, возможно, настолько загадочной, что разобраться в ней не удастся без привлечения к разгадке тех самых высших сил, чьей помощью пользовался Нордхилл, демонстрируя свои спиритические способности. Безусловно, этот молодой человек был сильным медиумом — во время сеанса я чувствовал исходящую от него мистическую силу. Уверен, что будь у нас фотографический аппарат и чувствительная фотопластика, то излучение, исходящее от этого человека, мы зафиксировали бы, как три года назад было зафиксировано светящееся изображение медиума Берт-Миддоуза, выставленное затем для обозрения в Смитсоновской картинной галерее.

Самой большой ошибкой, допущенной во время суда над Нордхиллом, был вердикт о его невменяемости. Принимая решение о госпитализации, судья не имел иного выхода, вина лежала целиком и полностью на экспертах, психиатрах Арчере и Дуглас-Меридоре, в чьей компетенции я ранее не сомневался, но был уверен в том, что в данном случае они оказались в плену ложных представлений о сущности спиритизма. Возможно, уважаемые эксперты были не в курсе, но мне-то было доподлинно известно, что спириты и медиумы отличались завидным душевным здоровьем. В числе полутора тысяч обследованных пациентов психиатрических клиник специальная комиссия, проводившая расследование в 1924 году, выявила лишь пять человек, потерявших душевное здоровье из-за своего увлечения спиритизмом. Пять! В то время как одних только людей с маниакальными синдромами оказалось более тысячи! Обвинение медиумов в пси-

хической неполноценности и неуравновешенности не имело под собой никакой почвы, и случай с Нордхиллом был тому лишь подтверждением.

Можно представить, как чувствует себя здоровый человек, оказавшийся среди наполеонов и мрачных ипохондриков. А если к тому же его подвергают лечению, которое лишь расшатывает нервную систему, а вовсе не приводит ее в норму...

Впрочем, эти мои размышления, ставшие скорее признаком растерянности, никак не помогли ответить на возникшие вопросы, которые я мысленно задал себе и записал в своей памяти, чтобы впоследствии перенести на бумагу.

Вопрос первый: как объяснить то обстоятельство, что Эмилия Кларсон оказалась Эммой Танцер, — ведь Эмма исчезла позже, чем объявилась потерявшая память Эмилия? Неужели в течение месяца в Англии жили две девушки, являвшиеся по сути... Да, нужно это сказать: одним человеком!

Второй вопрос: как объяснить появление окровавленного тела Эммы-Эмилии в ее палате, исчезновение тела из запертой комнаты и появление живой и здоровой девушки в садовом домике?

Третий вопрос: был ли действительно Нордхилл прежде знаком с Эммой-Эмилией и мог ли он в таком случае иметь касательство к «убийству» Эммы в 1922 году?

Четвертый вопрос: почему явившийся сразу после начала сеанса (без вызова!) дух не отвечал на вопросы, а, напротив, активно задавал свои? Такое поведение духа было настолько отлично от обычного, что наводило на мысль о сговоре между Эммой-Эмилией и Альбертом. С другой стороны, именно этой особенностью отличались и прежние спиритические сеансы, проведенные Нордхиллом! Вызванные им духи задавали вопросы, а не отвечали на них! Это обстоятельство требовало самого тщательного изучения, возможно, открывавшего новые пути в спиритуализме.

— Я бы, пожалуй, сейчас выпил чего-нибудь крепкого, — пробормотал Каррингтон, который, по-видимому, как и я, задал себе больше вопросов, чем нашел на них ответов. — Будь я все еще старшим инспектором, — продолжал он, — и

будь у меня возможность вызвать этих двоих на перекрестный допрос... Но у меня такой возможности нет, задать надлежащие вопросы я не могу, и руководствоваться приходится лишь тем скудным набором фактов, что имеется в нашем распоряжении.

— Какой факт, дорогой Каррингтон, — сказал я, — представляется вам наиболее загадочным?

— Разумеется, — немедленно отозвался он, — исчезновение Эммы месяца спустя после появления Эмили. Я вижу, у вас на этот счет иное мнение?

Я кивнул.

— На мой взгляд, — сказал я, выпуская дым, — самое загадочное в этом деле: поведение духа, говорившего устами Нордхилла.

— Ну... — с сомнением произнес Каррингтон.

— Вам это кажется несущественным, поскольку вы не знаете, что происходит обычно во время спиритических сеансов. И еще. Я вижу: вы не обратили на это обстоятельство никакого внимания, потому что никто не узнает собственный голос, если слышит его со стороны. Этот факт ранее был науке неизвестен, но с изобретением граммофонных пластинок его стало невозможно игнорировать.

— Что вы хотите сказать, сэр Артур? О чьем голосе вы говорите?

— О вашем, дорогой Каррингтон, — сказал я и, полюбившись на застывшее в изумлении лицо бывшего полицейского, продолжил: — Помните мужской голос, обратившийся к Эмили с вопросом?

— Да, конечно, но...

— Это был ваш голос, дорогой Каррингтон. Спросите у доктора, он подтвердит, поскольку — я обратил на это внимание, — как и я, узнал его, да и не мог не узнать. Я готов засвидетельствовать под присягой: дух говорил вашим голосом! И еще... Вы помните, как его представила тетушка Мэри? «Полицейский следователь».

— Значит, этот тип еще и голоса умеет имитировать, — мрачно сказал Каррингтон. — Нет, сэр Артур, чем больше я об этом думаю, тем больше мне становится ясно, что мы силь-

но недооценили господина Нордхилла. Он намеренно мистифицировал доверчивых людей таким образом, чтобы его обвинили в мошенничестве, причем не смогли посадить за решетку за неимением достаточных улик, но непременно отправили бы на психиатрическое освидетельствование, где он прекрасно сыграл роль и оказался там, где хотел.

— У судьи был выбор из четырех... — напомнил я.

— Не было у судьи выбора! — воскликнул Каррингтон. — Лечебница Диксон-менор считается слишком дорогой, в Довер-кросс лечат алкоголиков, Промет специализируется на шизофрении, оставалась лечебница доктора Берринсона с относительно широким профилем, и свободные палаты здесь были, судья, естественно, сначала навел справки...

Я покачал головой.

— Все это кажется мне слишком невероятным.

— Мне тоже, — уныло произнес Каррингтон, — но остальные варианты представляются еще более далекими от реальности, и разве не ваш Шерлок Холмс говорил, что среди всех фантастических объяснений нужно выбрать...

— Он говорил немного иначе, — перебил я, — но оставим в покое тень Шерлока Холмса. Вы полагаете, что в данном случае никак не могло произойти простейшее совпадение?

— Господи, сэр Артур, в нашей работе совпадений, случайностей, нелепостей гораздо больше, чем случаев, когда детектив действительно может применить свои логические способности! Жизнь так же отличается от романов, как куча навоза — от Биг-Бена. Я все понимаю, сэр Артур, но всякий раз, сталкиваясь с делами, подобными этому, я искал сначала логические связи и лишь потом, когда ничего не получалось...

— Иными словами, дорогой Каррингтон, чтобы исключить случайные совпадения, вы допускаете, что Нордхилл настолько умен и искусен в своем надувательстве, что обманул не только множество доверившихся ему свидетелей его контактов с духами, не только полицейских следователей, не только суд, но даже доктора Берринсона, не сумевшего распознать в этом человеке симулянта? Нордхилла здесь лечат,

а это не очень приятные процедуры для здорового человека, и он пошел на это... для чего? Только для того, чтобы быть рядом с этой девушкой?

Допустим, — продолжал я, — вы правы, и Нордхилл всех обманул. Как вы объясните результат сегодняшнего сеанса? Для чего ему нужно было делать все наоборот? Он знает о том, что я разбираюсь в спиритизме, у меня большой опыт, разоблачить его у меня гораздо больше шансов, чем у вас и даже доктора Берринсона. И тем не менее он идет на огромный риск и проводит самый необычный сеанс из всех, какие я видел. Либо он полный профан, либо...

— Либо, сэр Артур?

— Либо Нордхилл — самый уникальный медиум из всех, кого я знал. И тогда, согласитесь, дело это предстает в совершенно необычном свете.

— Оно и так более чем необычно, — пробормотал Каррингтон, но не закончил фразу, потому что пришел доктор и объявил, что на сегодня всякие контакты с больными прекращены, оба — Альберт и Эмма-Эмилия — устали, получили дозы успокоительного и теперь до утра будут отдыхать в своих палатах.

— Около палат дежурят сестры и санитары, — сказал Берринсон, быстрыми шагами меряя комнату, — и я надеюсь, что не произойдет ничего такого, что потребовало бы нового вмешательства полиции. Господа, надеюсь, вы окажете мне честь и останетесь здесь до утра? Ужин ждет нас, комнаты для вас скоро будут готовы.

— Звучит зловеще, — хмыкнул Каррингтон.

— О, никаких ассоциаций! — поднял руки доктор. — Гостевые комнаты — их две — расположены в центральной части здания, где нет больничных палат. Предназначены комнаты для врачей-консультантов и для наших сотрудников, вынужденных время от времени оставаться в больнице на ночь.

— Спасибо, доктор, — сказал я. — К сожалению, должен отклонить ваше предложение, но хотел бы, с вашего позволения, завтра вернуться и еще раз поговорить с

Альбертом и Эмилией в более спокойной и привычной для них обстановке.

— Да, — согласился со мной Каррингтон, — если вы не возражаете, я бы сопровождал сэра Артура.

— Как вам угодно, господа, — склонил голову доктор. — Удобнее всего — завтра после половины одиннадцатого. Но на ужин вы, надеюсь, останетесь?

— Последний поезд на Лондон через сорок минут, — напомнил я, — и если мы не выедем немедленно, то рискуем действительно заночевать здесь.

— Я велю вывести из гаража машину, — не стал нас более задерживать доктор, и мне показалось — впрочем, я не стал бы утверждать это под присягой, — что в голосе его прозвучало облегчение.

В купе мы с Каррингтоном оказались одни, и разговор, естественно, так или иначе вертелся вокруг недавних событий. Бывший полицейский больше не настаивал на своей версии удивительной изворотливости и прозорливости Нордхилла, но у него возникла другая, не менее фантастическая гипотеза.

— Я готов согласиться с вами, сэр Артур, — говорил он, глядя в окно, где сгустился сумрак и видны были только самые яркие звезды и время от времени — далекие огни деревень, подобные островам тусклого света в океане спрессованной темноты, — готов согласиться, что спириты и медиумы в основе своей — люди душевно здоровые и среди пациентов психиатрических лечебниц составляют малую долю. Но это верно только в среднем и не приложимо к каждому конкретному случаю.

— Определитесь, дорогой Каррингтон, — возражал я. — Считаете ли вы Нордхилла психопатом, талантливым шарлатаном или выдающимся медиумом? От этого зависит ход наших дальнейших рассуждений.

Каррингтон надолго задумался, сопоставляя, видимо, уже известные ему факты с собственными представлениями о возможном и невероятном.

— Вы, сэр Артур, как мне кажется, уже сделали свой выбор, — пробормотал он.

— Да, — кивнул я. — Сейчас это дело представляется мне совершенно ясным.

— Вы хотите сказать, — недоверчиво обернулся ко мне Каррингтон, — что можете объяснить все многочисленные странности? Включая ту, что не дает мне покоя с того самого момента...

— О какой странности вы говорите, дорогой Каррингтон?

— Послушайте, сэр Артур, мы все как будто об этом забыли! Описание преступника, которое дала девушка!

— Я не забыл, рад, что и вы не забыли тоже. Вы полагаете, эти сведения можно использовать?

Каррингтон долго молчал и заговорил вновь, когда поезд медленно въезжал под крышу вокзала.

— Я попробую, — сказал он неожиданно, и я не сразу понял, что Каррингтон отвечает на мой вопрос, заданный минут двадцать назад. — Продолжим разговор завтра. Пожалуй, сейчас я отправлюсь в Ярл, сегодня дежурит мой старый приятель, комиссар Бредшоу, возможно, мне удастся попасть в архив...

— А я поеду домой, хотя был бы не прочь сопровождать вас, — вздохнул я. — Но ведь меня скорее всего просто не пустят в Ярл, несмотря даже на ваше поручительство...

— Боюсь, что да, — кивнул Каррингтон. — Я не уверен, что мне самому удастся... Но надо попробовать.

— Встретимся завтра в половине десятого на вокзале Виктория, — предложил я.

За ужином Джин пыталась выведать у меня, куда я ездил и почему вернулся в мрачном расположении духа. Мое расположение скорее можно было назвать задумчивым, Джин прекрасно ощущала разницу, но сегодня жена сама была не в лучшем настроении (у Адриана была растянута лодыжка, но остаться дома и прикладывать компрессы он отказался и, презрев настоятельные просьбы матери, отправился на ранее назначенное свидание) и раздражение свое обратила, естественно, на меня.

Мы слишком хорошо, впрочем, знали друг друга, чтобы обращать внимание на не очень приятные стороны наших харак-

теров. Посоветовав Джин почитать перед сном новый перевод Гастона Леру (почему-то так называемые французские детективы чрезвычайно успокаивают нервную систему — наверно, своей назидательностью), я уединился в кабинете и до полуночи перебирал свою коллекцию газетных вырезок. Найти нужное оказалось не так уж трудно.

«Обсервер», 27 мая 1922 года: «Девушка Эмма Танцер исчезла. Скотленд-Ярд не в состоянии раскрыть простое преступление. Старший инспектор Джордж Каррингтон: «Скорее всего это убийство».

Такими были заголовки, сама же статья не содержала ничего такого, о чем мне уже не было известно со слов бывшего полицейского. Не было новых сведений и в других газетах той недели: краткость заметок показывала, что исчезновение девушки не слишком заинтересовало журналистов.

Суд над Нордхиллом состоялся три с половиной года спустя. Судя по заметке в «Таймс», спиритические сеансы он устраивал на протяжении более чем трех лет и, по словам журналистов, успел за это время заморочить головы не одной сотне клиентов, ничего не понимавших в спиритуализме и знавших только, что с помощью медиума можно поговорить с кем-нибудь из почивших родственников. Похоже, что Нордхилл специально отбирал в клиенты людей не очень образованных, слышавших краем уха о связи земного и небесного миров — в Лондоне он не провел ни одного сеанса, все больше по окрестностям, ездил и на юг, в Саутгемптон и Портсмут, несколько раз — на север, но до Ливерпуля не доехал, устраивал сеансы в пригородах Бирмингема. Свидетели — на суд вызвали пятьдесят три человека, явились чуть больше половины, остальные предпочли остаться дома и не тратить деньги и время на поездку в Лондон — в голос утверждали, что обвиняемый бесчестным путем заставил их выложить за свои так называемые сеансы значительные суммы, но вызванные им духи упорно не желали отвечать, в то же время сами задавали бесчисленное множество вопросов, на которые отвечал либо сам медиум, либо присутствовавшие на сеансе, в том числе и те, к кому дух обращался лично,

требуя ответов и, безусловно, получая их от находившихся во взвинченном состоянии клиентов.

«Касались ли вопросы, задаваемые Нордхиллом, семейных тайн, состояния банковских счетов или другой конфиденциальной информации?» — спрашивал судья Иствуд.

«Да, касались», — чаще всего отвечали свидетели и потерпевшие. Действительно, духи, якобы вызванные аферистом (иначе журналисты Нордхилла не называли), слишком часто интересовались тем, чем души покойных родственников, вообще говоря, интересоваться не должны были: прошлыми связями свидетелей, интимными подробностями их отношений с родственниками, уже подписанными или еще только готовившимися завещаниями. Все это наводило на мысль о грандиозной афере, задуманной Нордхиллом, но так ни разу и не осуществленной — то ли по причине отсутствия у него соответствующих талантов, то ли потому, что он в действительности был человеком со сдвинутой психикой и, реально ощущая в себе некие медиумические способности, ни разу не сумел осуществить связь с высшими мирами, но и поражения своего признавать не хотел, а потому, не отвечая на вопросы клиентов (как он мог на них ответить, если вызванные им духи никогда не являлись?), задавал свои — только чтобы произвести впечатление на участников сеанса.

Психиатры признали Нордхилла не отвечающим за свои поступки, а судья решил, что выпущенный на свободу психически больной человек окажется опасен для окружающих. Изоляция подсудимого в психиатрической больнице показалась судьбе в сложившейся ситуации наилучшим решением.

В газетах, конечно, не было ни слова о том, почему судья избрал именно лечебницу доктора Берринсона. Не нашел я также ни одной заметки о дальнейшей судьбе Баскетта, освобожденного в зале суда и исчезнувшего из поля зрения газетчиков. Как я и предполагал, фотографии этого человека, помещенные на первых полосах газет, совершенно не были похожи на описание убийцы, данное Эммой-Эмилией во время сеанса.

Внимательно перечитав отобранные вырезки, еще раз тщательно проанализировав сведения и сопоставив прочитанное с тем, что видел собственными глазами, я, разумеется, только утвердился в уже пришедшем мне в голову решении.

Мысли мои начали путаться, трубка падала из рук, и мне дважды пришлось собирать пепел с ковра — Джин очень не любила, когда я пачкал пеплом ее любимые персидские ковры, происходило это, по ее мнению, слишком часто для человека, утверждавшего, что выкуривает в день всего две трубки.

Кое-как приведя в порядок ворсинки, я отправился спать, встретив в коридоре Найджела, проверявшего, все ли двери закрыты на ночь и все ли окна закрыты.

— С вами все в порядке, сэр Артур? — спросил дворецкий. — Вы сегодня много путешествовали. Все получилось так, как вы хотели, сэр?

— Все в порядке, — пробормотал я. — Все в полном порядке.

— Позвольте я провожу вас в спальню и принесу горячего отвара.

— Спасибо, Найджел, — сказал я. — Ничего не нужно. Утром я буду завтракать в семь.

— Хорошо, сэр, — наклонил голову дворецкий и прошествовал дальше, а я какое-то время стоял и смотрел ему вслед: что-то в его словах показалось мне важным для моих раздумий, но я так и не понял, что именно, да скорее всего ничего мудрого Найджел и не сказал, просто я в любой фразе искал сегодня намека на решение проблемы, о которой размышлял весь вечер.

Каррингтона я увидел сразу, едва ступив под сумрачный свод вокзала Виктория. Бывший старший инспектор стоял у газетного киоска с утренним выпуском «Таймс» в руках и бегло просматривал заголовки. Он тоже увидел меня и поспешил навстречу.

— Вы знаете, сэр Артур, — возбужденно сказал Каррингтон после обмена приветствиями, — эта Эмма Танцер... Я

сразу вспомнил, как только начал копаться в бумагах. Когда девушка исчезла, была объявлена награда тому, кто даст о ней надежную информацию, это обычная практика, правда, редко когда приводящая к реальному успеху. В тот раз тоже деньги так и не были выплачены, но, как это всегда бывает, в первые недели в Ярде пришли или позвонили больше ста человек, видевших Эмму в Лондоне или его окрестностях. Каждое заявление проверялось, и всякий раз оказывалось, что произошла ошибка или ничего уже нельзя было уточнить: скажем, свидетель видел, как девушка, похожая на Эмму Танцер, пересекала улицу в районе Риджент-парка. Что делать с такой информацией? А несколько месяцев спустя, когда начался суд над Баскеттом, звонки прекратились. И все это не имело бы для нас сейчас никакого значения, сэр Артур, если бы не одно обстоятельство, на которое в то время я и не мог обратить внимания, а сейчас это бросилось в глаза. Видите ли, примерно две трети свидетелей (я подсчитал — шестьдесят три из девяноста двух) видели Эмму живой и здоровой в том районе Лондона, где жила Эмилия. Если провести окружность, ограничивающую этот район, то центр окажется в сотне ярдов от дома, где Эмилия Кларсон провела четыре года своей жизни.

— Почему вы лишь сейчас обратили на это внимание? — с упреком сказал я. Мы прошли вдоль вагонов в поисках свободных купе, я уж подумал, что нам придется делить места с какой-нибудь любопытной супружеской парой и потому придется прервать разговор до прибытия на станцию Туайфорд, но в предпоследнем вагоне свободное купе все-таки нашлось, поезд тронулся, мы расположились друг напротив друга, и я повторил свой вопрос:

— Так почему, дорогой Каррингтон, вы в то время не нашли Эмму-Эмилию?

— Потому, сэр Артур, — со вздохом сожаления ответил Каррингтон, — что не две трети, а все без исключения свидетели видели Эмму не рядом с домом, где жила Эмилия, а в двух-трех или более кварталах. Это большой район, проверять дом за домом у нас не было ни возможностей, ни пово-

да. А провести окружность и найти центр мне тогда не пришлось в голову...

— А я посвятил вечер чтению своих газетных вырезок, дорогой Каррингтон. Сравнил фотографию Баскетта с описанием преступника... Помните, что говорила Эмилия? Ничего общего. Но я не мог сравнить ее описание с внешностью...

— Шеридана? — подхватил Каррингтон. — Я тоже о нем подумал. Сходство действительно есть, сэр Артур, но знаете... Карикатура. Шарж. Если бы Шеридана изобразил кто-нибудь из горе-художников, рисующих всем желающим портреты за полгинеи... Да, было бы сходство, пожалуй.

— То есть под присягой вы не стали бы свидетельствовать...

Каррингтон в сомнении покачал головой и перевел разговор:

— Сэр Артур, вы сказали вчера, что вам известно решение этой загадки, и я всю ночь пытался с помощью вашего дедуктивного метода...

— Бросьте! — воскликнул я. — В этом ваша главная ошибка, Каррингтон. Дедуктивный метод! Он хорош, когда мы имеем дело с проблемами простыми, как складной стул. Но едва мы вступаем в область потустороннего, не зависящего от нашей земной логики, дедуктивный метод только мешает. Вы пришли ко мне потому, что три описанных вами случая не ложились в прокрустово ложе полицейских расследований, в которых дедуктивный метод играет если не главную, то существенную роль. Но ведь — и вы не станете отрицать этого, друг мой! — вы так и не поверили в глубине души в то, что общение с духовными сущностями возможно, что оно происходит чаще, чем нам того хочется, и что вчера на наших глазах происходило именно такое общение! Вас заинтересовал спиритуализм, потому что вы пришли к нему с помощью дедукции — все прочие возможности пришлось отбросить, а в оставшуюся вы так и не смогли поверить. Я прав?

Каррингтон достал из внутреннего кармана пиджака серебряный портсигар, вытащил сигарету и стал шарить в карманах в поисках спичек. Я протянул ему коробок и, пока

бывший полицейский прикуривал, набил свою трубку. Закуривая, Каррингтон, конечно, обдумывал свой ответ и наконец сказал:

— Наверное, сэр Артур. Я видел, как работал Нордхилл. Я даже готов поверить, что он говорил моим голосом. Но я не усмотрел логики.

— В том и проблема, — устало сказал я, не желая спорить. — Вы ищете логику там, где ее нет и быть не может. Отбросьте логику. Отбросьте дедуктивный метод, и вы решите эту несложную задачу.

— Несложную! — воскликнул Каррингтон, глотнул слишком много дыма и закашлялся. — Извините, сэр Артур... Хорошо, я не нашел решения. Объясните мне, в чем оно заключается. Каким образом не дедукция, а вера способна связать вместе исчезновение Эммы, появление Эмили, ее kleptomанию, медиумические сеансы Нордхилла, его знакомство с девушкой, исчезновение из запертой комнаты и появление в садовом домике...

— Добавьте к тому вопросы, заданные духом, и ответы на них Эммы-Эмили, — напомнил я. — Эти вопросы, а еще более ответы на них дают ключ к разгадке, но их-то вы даже перечислять не стали.

— Хорошо, сдаюсь. — Каррингтон демонстративно поднял руки. — Дедукция моя недостаточно убедительна, а вера недостаточно сильна. Я — доктор Уотсон, вы — Холмс, мы сидим у камина, и вы объясняете своему тупому помощнику...

— Давайте подождем, — прервал я Каррингтона. — Я хотел бы задать Нордхиллу один-два вопроса... А пока... Скажите, дорогой Каррингтон, вы читали книгу профессора Джона Дана «Эксперимент со временем», она вышла два года назад и стала научным бестселлером?

— Даже не слышал такой фамилии, — пробормотал Каррингтон. — Это философ?

— Можно сказать и так. Речь в книге идет о вещих снах, то есть, по сути, о такой же связи реального с потусторонним, как при спиритических сеансах. То, что происходит с человеком во сне спонтанно и независимо от сознания, хороший медиум способен осуществить в состоянии бодрство-

вания, по своей воле. Дедуктивный метод, дорогой Каррингтон, это поиск правильной тропинки на плоской равнине, расчерченной клеточками и стрелками логических связей. Но мир, в котором мы живем сейчас, и тот, куда мы попадем после смерти, больше подобны глубокой реке, в которой множество течений, вода сверху теплая, а внизу ледяная, и дно затягивает все, что его касается, а иногда река выбрасывает на поверхность то, что долго покоилось в глубине, и все это производит впечатление хаоса, хотя на самом деле подчинено строгим божественным законам. Нам кажется, что нарушаются связи, и то, что происходило вчера, не может быть следствием того, что случится завтра, ведь мы видим верхнее течение, не зная, в каком направлении течет вода в глубине...

Я осекся, холод проник в мое сердце, я неожиданно вспомнил, о чем мимолетно подумал вчера вечером, когда встретил в коридоре дворцового Найджела. Вспомнил то единственное, что еще оставалось непросветленным в моей картине, из-за чего я и медлил с объяснением, почему хотел задать Нордхиллу вопрос, казавшийся мне до сих пор чисто академическим, призванным поставить в расследовании точку, а не оказаться запятой или даже многоточием.

— Черт возьми! — вырвалось у меня. — Как же я... Господи, Каррингтон, какой я осел! Все не так, вы понимаете? Ничего еще не кончилось, и если мы опоздаем...

— О чем вы, сэр Артур? — нахмурился Каррингтон. — Опоздаем? Куда мы можем опоздать?

Я нетерпеливо посмотрел в окно — поезд проехал Мейденхед и тащился теперь, как больная сороконожка, мимо рощиц и полей Уайт-Уолтема. Сколько еще? Четверть часа? А если нас не будет ждать автомобиль? Найдем ли мы такси в этой глуши? Может, на станции есть телефон? Хотя бы предупредить доктора о том, что...

— Что случилось, сэр Артур? — услышал я будто издалика голос Каррингтона.

— Эмилия... — проговорил я. — Это может произойти в любой момент. Может, уже произошло...

Больше я ничего не мог объяснить и только со всевозрастающим нетерпением и ощущением потерянности смотрел в окно. Поняв, что я взволнован и не способен вести спокойную дорожную беседу, Каррингтон углубился в чтение «Таймс», но, переворачивая страницы, бросал в мою сторону полные беспокойства взгляды.

На привокзальной площади нас ждал автомобиль, и удрученный вид сидевшего за рулем Джона подсказал мне, что самое ужасное, о чем я заставлял себя не думать, все-таки произошло.

— Господа, — сказал Джон, когда машина рванулась с места, — извините, что... У нас сейчас полиция, инспектор Филмер...

Бедняга, похоже, не находил слов, чтобы сообщить трагическое известие.

— Что случилось? — воскликнули мы с Каррингтоном, а я добавил:

— С мисс Эмилией, надеюсь, все в порядке?

— Э... — замялся Джон и едва не выпустил руль, отчего машина вильнула и оказалась бы в кювете, если бы водитель не проявил неожиданные чудеса сноровки. — Сэр, мисс Эмилия... ее убили сегодня ночью.

— О чем вы говорите, Джон? — сердито сказал Каррингтон. — Вы лучше следите за дорогой, иначе сами станете убийцей.

— Так, сэр, я же говорю: у нас полиция, Нордхилла хотели сразу увезти, но доктор не разрешил. Его заперли в палате для буйных, какое несчастье, сэр, никто не понимает, почему он так поступил и где взял палку, ее так и не нашли, говорят, выбросил, но куда...

Джон говорил быстро, глотая слова, Каррингтон хотел прервать это словоизвержение, но я сдал его запястье — впереди уже показался знакомый забор, крыша дома и лес, нужно было иметь терпение и получить информацию из первых рук, не полагаясь на пересказ взволнованного водителя.

Трое полицейских рыскали по саду, один стоял, скрестив руки, у входа, а в холле нас ждали доктор Берринсон и инспектор Филмер.

— Нужно было еще вчера изолировать этого молодчика, — мрачно заявил Филмер, обменявшись с нами рукопожатиями.

— Кто-нибудь объяснит толком, что здесь произошло? — спросил Каррингтон, переводя взгляд с доктора на полицейского.

— Джон вам не сказал? — пробормотал Берринсон. — Эмилию... Эмму убили.

— Сейчас там работают эксперты, — добавил инспектор. — Тело еще не унесли.

— Можно... — Каррингтон не закончил фразу.

— Идите за мной, — сказал Филмер и повел нас в комнату Эмилии, у двери которой стояли, переговариваясь, двое мужчин — по-видимому, это и были полицейские эксперты, о которых упоминал инспектор.

— Мы закончили, — сказал один из них. — Тело можно уносить.

Филмер кивнул, и мы вошли. Я много раз описывал в своих рассказах мертвые тела и много раз сам видел трупы — не только в моргах, но и в прозекторских, и в медицинских лабораториях, и нечасто — к счастью, очень нечасто, — там, где людей заставляла насильственная смерть. Однако вид лежащей на полу девушки поразил меня настолько, что, бросив единственный взгляд, я отвернулся и, отойдя к окну, стал смотреть на стоявший в отдалении садовый домик и темные кроны деревьев. Эмилия, казалось, спала, лицо ее было спокойным, но черное пятно вокруг головы не оставляло сомнений в том, что затылок пробит, и ужасная рана была, без сомнения, смертельной. Скорее всего девушка умерла сразу, даже не поняв, что с ней произошло. И наверняка она видела своего убийцу или даже сама впустила его в комнату — ведь встала же она с постели, сделала несколько шагов в направлении двери, а потом обернулась и...

— Комната была заперта? — услышал я за спиной напряженный голос Каррингтона.

— Нет, — ответил ему голос доктора. — Я отдал специальное распоряжение, чтобы на ночь двери палат не запирали, не хотел повторения вчерашнего происшествия.

— Есть отпечатки пальцев? — Это Каррингтон обратился, видимо, к одному из полицейских экспертов.

— Есть, сэр, — последовал ответ, — на дверной ручке, на книге, что лежит на столе, на чашке и на этом блюде, другое без отпечатков, оно чистое. Все это, насколько можно судить после беглого изучения, отпечатки пальцев убитой, кроме единственного отпечатка на ручке двери — он скорее всего принадлежит убийце.

— Скорее всего! — воскликнул за моей спиной инспектор Филмер. — Это палец убийцы, и этот убийца — Нордхилл.

— Действительно, — сказал эксперт, — после предварительного сравнения можно предположить, что след большого пальца принадлежит больному по фамилии Нордхилл.

Эксперт старательно выбирал выражения, чтобы не допустить ошибки, но, похоже, и он не сомневался в том, кто убийца.

После минутного молчания голос Каррингтона сказал:

— Нордхилл должен был выйти из палаты, пройти по коридору, войти сюда, выйти... Его видели?

— Нет, — сказал доктор.

— Но в коридорах должны были находиться дежурные! — воскликнул Каррингтон.

— В начале каждого коридора сидел санитар, — сухо отозвался Берринсон. — Оба утверждают, что никто мимо них не проходил.

— Оба спали? — возмутился Каррингтон. — Или вы будете утверждать, что убийца опять стал невидимкой?

Хлопнула дверь, послышались чьи-то грузные шаги, я услышал за спиной возню и, понимая, что она означает, прижался лбом к холодному оконному стеклу. Снаружи сиял прекрасный осенний день, а в этой комнате сгустилась тьма, рассеять которую не могли ни доктор, ничего в произошедшем не понявший, ни Филмер, все понявший совершенно превратно, ни даже Каррингтон, находившийся на расстоянии вытянутой руки от разгадки, но все-таки не способный ни понять ее, ни тем более принять.

Когда дверь хлопнула еще раз, я обернулся наконец и увидел то, что ожидал увидеть: тело унесли, а на том месте, где расплывалось кровавое пятно, лежал кусок брезента.

— Я не предполагал, сэр Артур, что вы так чувствительны, — тихо сказал, подойдя ко мне, Каррингтон, на что я ответил:

— Если бы я дал себе вчера труд хорошо подумать, девушка была бы жива.

— Что мы могли сделать? — сказал Каррингтон, не позволяя переложить ответственность на мои плечи. — Запереть Нордхилла?

— Кстати, в палате этого типа — следы крови на прилолке, — вмешался в наш разговор Филмер. — Будто кто-то окровавленными пальцами пытался в темноте нащупать дверную ручку.

— Зачем было Нордхиллу убивать девушку? — спросил я, взяв себя в руки. Эмоции эмоциями, но сейчас надо было — хотя бы мне! — иметь совершенно трезвую голову, иначе эти трое так все запутают, что потом разобраться в истинной картине преступления окажется просто невозможно. — Она ему нравилась. И он нравился ей. Некоторые, — я бросил взгляд в сторону Каррингтона, — даже считают, что парень специально разыграл представление, чтобы попасть именно в эту лечебницу и оказаться с Эмилией под одной крышей.

— Этот парень — сумасшедший! — резко сказал инспектор. — Вы можете предсказать поступки психически больного? Доктор, вы понимаете, что вашему пациенту будет предъявлено обвинение в убийстве?

Берринсон покачал головой:

— Одно из двух инспектор, и вы это знаете. Либо Нордхилл отвечал за свои поступки и его нужно судить, но тогда что он делал в моей клинике? Либо Нордхилл психически болен, но тогда за свои поступки он не отвечает, и судить его невозможно. Его и допрашивать вы не можете в отсутствие адвоката и меня, его лечащего врача.

— Значит, отвечать должны вы, — упрямо проговорил Филмер. — Убийство произошло в вашей лечебнице, чуть ли не на ваших глазах.

— Вы уже объяснили, сэр, — спросил Берринсон, глядя не на инспектора, а на часы, висевшие над дверью палаты, — вы уже объяснили хотя бы себе, куда пропал труп вчера? Как мог Нордхилл проникнуть в палату Эммы... Эмили, если его не видели санитары... Какое все-таки отношение имеет бедная Эмилия к пропавшей Эмме? И где, черт побери, орудие убийства, если из здания не выходил никто, а в больнице ваши люди обыскивали каждый угол?

Я взял Каррингтона под руку, отвел в сторону и тихо сказал:

— Если я сейчас не закурю, со мной случится приступ стенокардии. Давайте выйдем в холл, вы не возражаете?

Каррингтону хотелось остаться и принять участие в разговоре, у него, конечно, было свое мнение, и я даже представлял — какое именно, потому мне и нужно было увести бывшего полицейского, чтобы дело, ставшее теперь для меня предельно ясным, не запуталось окончательно. Вряд ли я мог сейчас хоть в чем-то убедить доктора и инспектора, но за душу Каррингтона я, пожалуй, был еще в состоянии побороться.

За дверью стоял санитар, проводивший нас равнодушным взглядом, в начале коридора у выхода в холл дежурили двое полицейских, которые не обратили на нас с Каррингтоном внимания, больных, похоже, заперли в палатах, сестры милосердия удалились в свою комнату, даже из кухни не было слышно ни звука, хотя приближалось время обеда.

Мы сели на диван, я набил табаком трубку и закурил, а Каррингтон вытащил из портсигара сигарету, но закуривать не стал, вертел сигарету в руке, потом сунул в угол рта и спросил:

— Вы что-нибудь понимаете во всем этом, сэр Артур? Признаюсь, я в полной растерянности. Не ожидал ничего подобного. Совершенно бессмысленное преступление.

— Если Нордхилл сумасшедший... — начал я.

— Он такой же нормальный, как мы с вами! — воскликнул Каррингтон. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что он стремился сюда, чтобы быть рядом с девушкой, которую... с которой... Он любил ее, вот что! Почему он ее убил?

— Нордхилл никого не убивал, — устало сказал я. — Все в этой трагедии вы переворачиваете с ног на голову.

— Но улики...

— Каррингтон, — сказал я, — позавчера вы пришли на мою лекцию и остались поговорить, потому что нашли в спиритизме смысл. Вы сами рассказали о делах, которые не смогли распутать только потому, что не верили в спиритизм. Вы были вчера на сеансе с участием Нордхилла. Вы, как и я, получили практически всю информацию об этом деле. Почему вы опять отправились искать убийцу там, где его никогда не было?

— Нордхилл...

— Нордхилл делал все, чтобы спасти Эмилию, вы это понимаете?

— Спасти? — иронически отозвался Каррингтон и все-таки закурил сигарету, сломав при этом не меньше трех спичек.

— Спасти, — отрезал я. — Он и вас предупреждал, помните? Когда говорил о том, что полицейские своими действиями в процессе расследования провоцируют убийц?

— Говорил, да. Вы полагаете, в этом что-то есть? То есть, конечно, он прав: расследование заставляет преступника совершать некоторые поступки, часто — да что я вам говорю, сэр Артур, ваш Холмс поступал точно так же! — часто мы действительно провоцируем неизвестного убийцу на определенные действия, чтобы он выдал себя, и тогда...

— Вот-вот, — прервал я слишком длинный словесный оборот Каррингтона, — я и говорю, что вы ничего не поняли из слов Нордхилла. Все слова интерпретируются так, как удобно слушателям. Даже когда говоришь «это зеленое полотно», остаются шансы быть понятым превратно. Но если все-таки понимать сказанное буквально? Верить, понимаете? Ни вы, ни Берринсон, ни тем более Филмер не поверили ни единому слову, сказанному Нордхиллом, а ведь он не лгал, он говорил только то, что думал и что знал...

— Изображая психически больного...

— Никогда и ничего этот человек не изображал. Он все время был искренен — и особенно тогда, когда находился в

медиумическом трансе, уж в это время быть неискренним попросту невозможно, как невозможно приемнику исказить намеренно суть проходящей сквозь него радиопередачи!

Каррингтон искал глазами пепельницу, обнаружил ее — медную тарелочку на длинной тонкой, похожей на ножку гриба, подставке — в противоположном конце холла и, нехотя поднявшись, перенес пепельницу поближе.

— Вы полагаете, что знаете правду, сэр Артур, — сказал Каррингтон, сбрасывая пепел. — Вы уверены, что знаете ее. Скажите. И главное: кто убил девушку, если не Нордхилл?

— Майкл Шеридан, конечно. — Я пожал плечами, и Каррингтон непременно поперхнулся бы дымом, если бы не держал в это время сигарету в пальцах.

— Кто? — переспросил он в изумлении.

— Шеридан. Вы сами рассказывали мне о его признании. Вы сами говорили о сходстве, пусть и карикатурном. Много лет назад он уже пытался убить девушку, но тогда у него не получилось, и лишь теперь он смог привести свой план в исполнение.

— Это невозможно, сэр Артур! Во-первых, Шеридан имел абсолютно надежное алиби четыре года назад. Во-вторых, он умер в Соединенных Штатах, и об этом я вам тоже рассказывал! Вы хотите сказать, что Шеридана на самом деле не зарезали в драке...

— Да нет же! — воскликнул я, начиная терять терпение из-за недогадливости бывшего полицейского.

Поистине, если у нас такая полиция, то неудивительно, что больше половины преступлений остаются не раскрытыми. Дело даже не в безнаказанности — преступника, убившего Эмму, ни один земной суд покарать уже не в состоянии, — но хотя бы понять происходящее (и происходившее всегда, во все времена человеческой истории!) мы должны. Должны, но не хотим. Хотим, но не можем. А если можем, то не верим сами себе, собственным глазам, собственным знаниям, собственному здравому смыслу, наконец.

— Нет, конечно, — сказал я спокойно, взяв себя в руки, потому что убедить Каррингтона я мог, только проведя его по всей логической цепочке, по которой прошел сам. Я хо-

тел бы иметь рядом союзника — единственного в этом мире человека, который, возможно, все понимал даже больше меня, наверняка больше, хотя — и это тоже возможно — не догадывался об этом, ведь понимание самых глубинных причин происходящих событий может быть и неосознанным. Я знал замечательную женщину, леди Лайзу, вторую супругу заместителя министра внутренних дел Эдвина Кроули, — она умерла в прошлом году, и я безуспешно пытался вызвать ее дух на нескольких спиритических сеансах, где медиумы, судя по результатам, а точнее, по отсутствию таковых, оставляли желать лучшего. Леди Кроули понимала все, о чем ей говорили, до самой глубинной сути — это было очевидно, потому что сразу, не задумываясь, давала верные советы каждому, кто хотел эти советы получить. Но ни разу на моей памяти леди Кроули не смогла объяснить, почему она советует поступить именно так, а не иначе, почему полагает, что то или иное событие будет иметь именно эти, а не другие последствия. Она все понимала, но — чутьем, не имевшим ничего общего с рациональным рассудком. И сейчас в одной из комнат — в двух-трех ярдах от нас — томился человек, чье понимание реальности было столь же глубоким и столь же, по всей видимости, неосознанным.

— С позволения доктора и инспектора я бы хотел, чтобы мы с вами поговорили с Нордхиллом, — сказал я. — Если он ответит на несколько моих вопросов, то вы, дорогой Каррингтон, поймете, кто кого и за что убил. И как. И когда.

— Вы только что сказали, сэр Артур, — дипломатично заметил Каррингтон, — что считаете убийцей не Нордхилла, который имел все возможности это сделать, а Шеридана, который сделать этого не мог никак.

— Альберт хотел спасти Эмму, но потерпел поражение, и нам нужно сейчас поддержать его, а не подвергать моральным мучениям.

Каррингтон промолчал, обдумывая мои слова и, конечно, не увидев в них логики и смысла. Между тем в холле появились доктор с инспектором. Филмер отдал несколько распоряжений своим подчиненным и подошел к нам, а Берринсон с мрачным видом остановился у окна и принялся

смотреть в сад, размышляя скорее всего о репутации своей лечебницы.

— Господа, — сказал инспектор, — я не настаиваю на том, чтобы вы уехали, но, согласитесь, ваше присутствие здесь уже не имеет смысла. Убийца надежно заперт в палате для буйных, официальное расследование состоится завтра, но решение коронера вполне очевидно, и до суда этот тип будет биться головой о мягкие стены. Надеюсь, он их не проломит.

Инспектор был возбужден сверх всякой меры, и убеждать его в том, что не Нордхилл убил несчастную девушку, было бессмысленно так же, как бессмысленно останавливать руками несущийся на всех парах локомотив. Лучше всего было бы, конечно, дожидаться, когда инспектор уедет, и поговорить с доктором, но, судя по виду Берринсона, произошедшая трагедия так его надломилась и поставила в такую эмоциональную зависимость от Филмера, что говорить с врачом было совершенно бессмысленно.

— Надеюсь, что не проломит, — согласился я с инспектором. — Мы с мистером Каррингтоном уедем двухчасовым поездом, но перед этим, с вашего, конечно, позволения, хотели бы задать Нордхиллу несколько вопросов.

— Хотите посмотреть в глаза убийце, сэр Артур? Профессиональный интерес литератора? — рассмеялся Филмер, и мне пришлось стиснуть зубы, чтобы не сказать какую-нибудь резкость. — Не бойтесь, что Нордхилл на вас бросится? Он, говорят, колотит в дверь. Нет-нет, можете не прислушиваться, ничего не слышно, дверь обита войлоком. Хотел бы я иметь подобную комнату в нашем участке, а то порой бродяги и подвыпившие фермеры так вопят, что...

— Значит, вы не возражаете? — прервал я поток глупостей, изрекаемых Филмером.

— Возражаю? Против чего? — Инспектор был так доволен собой, что, похоже, даже не расслышал моей просьбы.

— Против нашего краткого разговора с Нордхиллом, — повторил я.

Филмер нахмурился, а доктор, услышав мои слова, произнесенные, каюсь, слишком громко, обернулся к нам и сказал, будто бы ни к кому не обращаясь:

— Успокоительное наверняка уже начало действовать, и если кто-нибудь желает снять с этого человека показания, то делать это необходимо сейчас, поскольку через полчаса разговор станет невозможным.

— Не вижу смысла, — пожал плечами Филмер, так же, как и доктор, ни к кому конкретно не обращаясь и глядя в пространство между мной и Каррингтоном. Бывший полицейский неожиданно откашлялся и, бросив недавно раскуренную сигарету в пепельницу, сказал сухим, не допускающим возражений тоном:

— Если вам нужно официальное распоряжение из Скотленд-Ярда, я могу его доставить в письменном виде. Правда, это займет время, и расследование окажется в затруднительном положении.

— Мы не нуждаемся в том, чтобы Скотленд-Ярд вмешивался... — запальчиво начал Филмер, но с каждым словом голос его звучал все тише, до него очень быстро доходило, что связи Каррингтона могут доставить провинциальному инспектору много ненужных неприятностей. — Ну хорошо, — неохотно согласился Филмер. — Если доктор не возражает...

Больше всего доктор хотел бы вообще не слышать об этой истории. Только что на его глазах санитары погрузили в черный лимузин завернутое в простыню тело бедной Эмилии Кларсон, и машина с ревом умчалась по дороге в сторону Туайфорда.

— Через полчаса, — повторил Берринсон свою последнюю фразу, — говорить с Нордхиллом будет бессмысленно. Придется отложить... А завтра разбирательство... Идите за мной, господа. Только имейте в виду, старший инспектор, и вы, сэр Артур: как только я подам знак — вот так, подниму руку ладонью к вам, — прекращайте все разговоры и покидайте палату.

— Конечно, — согласился я.

— В палате не курят, — напомнил доктор, и мы с Каррингтоном согласно кивнули.

Берринсон пошел вперед, мы — за ним, и замыкал нашу группу инспектор, недовольный тем, что инициатива в который уже раз за прошедшие сутки ускользнула из его рук.

Мы прошли мимо палаты Нордхилла, дверь в нее была приоткрыта, и я успел разглядеть, что там меняют постельные принадлежности — похоже, доктор был уверен в том, что сюда Альберт не вернется. В конце коридора оказалась дверь на лестницу, и мы спустились в подвальное помещение — не скажу, что сырое, но довольно мрачное, хотя, вероятно, и это впечатление возникло из-за понимания того, что находишься под землей. Короткий коридор был аккуратно побелен, и в конце его (по-моему, в точности под кабинетом доктора Берринсона) находилась дверь, даже на вид гораздо более прочная и массивная, нежели двери палат на первом этаже. Здесь никого не было, но, когда мы подошли, откуда-то (может, он спустился следом за нами?) возник санитар и протянул доктору ключ.

За дверью было тихо, и я подумал о том, что мы, возможно, опоздали и успокоительное лекарство уже привело Нордхилла в состояние, когда ему бессмысленно задавать вопросы.

Доктор повернул массивную ручку, и мы вошли — впереди санитар, готовый к любой неожиданности, за ним Берринсон, я, Каррингтон и Филмер, который все еще изображал недовольство, но, безусловно, не готов был упустить ни одного слова из предстоявшего разговора, хотя и надеялся в отличие от меня на то, что разговор не состоится.

Палата для буйных оказалась маленькой, мое внимание привлекли обитые толстым серым войлоком стены и тусклая лампа под потолком, забранная прочной мелкой металлической сеткой. Нордхилл сидел на полу в противоположном от двери углу, заложив руки за спину, — я не сразу понял, что на беднягу надели смирительную рубашку и он просто не мог пошевелиться. Во взгляде юноши я прочитал не ужас и не покорность судьбе — две, на мой взгляд, самые ожидаемые эмоции, — но вялое любопытство.

— Нельзя ли... — начал я, и Берринсон, поняв мое желание прежде, чем я закончил фразу, сказал, обернувшись к санитару:

— Майк, снимите с него рубашку.

— Но, сэр... — начал было инспектор, однако доктор и его прервал решительным жестом.

— Здесь я командую, договорились? — сказал он. — Если вы, инспектор, боитесь, что больной выпарапает вам глаза...

Филмер пожал плечами и сложил руки на груди, всем видом показывая, что он не намерен отвечать ни за что, здесь происходящее.

Пока Майк освобождал Нордхилла от смиренной рубашки, другой санитар принес небольшие табуретки — скорее высокие скамеечки, — расставил их вдоль стен, и мы сели — доктор ближе всех к больному, который, не обратив на поставленную рядом с ним табуретку никакого внимания, остался сидеть на полу, скрестив ноги и покачиваясь взад-вперед, как индийский йог, которого я года два назад видел на представлении в Берджесс-холле.

— Эти господа желают задать вам несколько вопросов, — мягко обратился к Нордхиллу доктор Берринсон. — Вы можете ответить?

— Да, — сказал Нордхилл и поднял на меня взгляд, в котором я неожиданно разглядел яркий огонь надежды.

Этот взгляд, с одной стороны, придал мне решимости, а с другой — заставил подумать о сложности человеческого мироощущения и невозможности постичь его до тех глубин, где сознание растворяется в бессознательном — не так, как пишет в своих работах врач из Вены Зигмунд Фрейд, а так, как наш привычный мир растворяется в том, куда мы все уходим и откуда пытаемся подать знаки, чаще всего никем не понимаемые.

— Скажите, Альберт, — начал я, доставая из кармана трубку. Курить я не собирался, да Берринсон мне этого и не позволил бы, но трубка в руке придавала решимости, я представлял, сколь нелепыми могли показаться мои вопросы не Нордхиллу, конечно, и, может, не Каррингтону, но доктору

и тем более инспектору. — Скажите, вам известно, кто совершил сегодня это ужасное преступление?

— Да, — последовал короткий ответ.

— Инспектор спрашивал вас об этом?

— Нет, — сказал Нордхилл, — инспектор уверен, что бедную Эмму убил я.

Я отметил про себя, что Нордхилл назвал девушку ее первым именем, и задал следующий вопрос, стараясь по возможности быстрее приблизиться к главному, поскольку помнил слова доктора о том, что вскоре общение окажется невозможным.

— Согласитесь, — сказал я, — что у инспектора были все основания подозревать именно вас, поскольку на вас указывают все улики. В вашу пользу говорит лишь то, что у вас не было мотива. А у кого мотив был? Кто тот человек, нанесший Эмме страшный удар?

Нордхилл поднялся с пола, опершись на правую руку, — доктор наклонился вперед и подал стоявшему у двери санитару знак быть наготове, но Альберт лишь прислонился к упругой стене, отодвинув скамеечку ногой.

— Шеридан его фамилия, — сказал он. — Майкл Шеридан. Когда-то Эмма отказала ему, он был влюблен в нее без памяти, а точнее — без всякого рассудка.

— Шеридан! — громко произнес Каррингтон, и я предостерегающе поднял руку.

— Откуда вам известно это имя, Альберт? — спросил я.

— Дух этого человека назвал свое имя, сказав, что не волен поступать самостоятельно, — спокойно ответил Нордхилл.

— Хо-хо! — На этот раз не сдержал своих эмоций инспектор, а Берринсон едва заметно пожал плечами, желая, видимо, дать нам понять, что нелепо было ожидать разумных ответов от психически больного человека, помешанного как раз на явлении духов и спиритизме.

— Дух Шеридана, — уточнил я. — Вы хотите сказать, что Шеридан мертв?

— Я хочу сказать, что Шеридана нет в мире — в том смысле, какой обычно придают этому слову.

Я хотел бы поговорить о значении слова «мир» применительно к живущим в нем разумным созданиям, но разговор об этом пришлось оставить и задать следующий вопрос:

— Вы вызвали дух Шеридана во время одного из сеансов спиритизма? Почему вы вызвали именно его? Вы были знакомы?

— До того момента — нет, не были. И я не вызывал дух этого человека. Я вообще никогда не вызывал духов. Они являлись сами. Чаще всего они являются совсем не тогда, когда мне того хочется. Они приходят, когда хочется им. Приходят и задают вопросы. Требуют ответов. Иногда я могу ответить. Чаще — нет. Если не могу, они требуют, чтобы я нашел людей, знающих ответ. Я искал...

— Вы все это говорили и на суде, верно? — мягко сказал я. — Все от слова до слова? Я читал только то, что писали в газетах, но старший инспектор Каррингтон подтвердит, что вы и на суде говорили то же самое?

Каррингтон молча кивнул. Он все еще не понимал, куда я клоню. Куда клоним мы с Нордхиллом. Каррингтон слишком недавно поверил в существование связи с потусторонним миром, чтобы впустить его в свои логические или, как он говорит, дедуктивные построения.

— Вы все это говорили, — продолжал я, — и эти слова послужили основанием для признания вас недееспособным. Я лишь констатирую факт: не вы вызывали духов, а духи сами являлись к вам и требовали ответов. Именно так произошло и явление духа Шеридана?

— Да, — сказал Нордхилл.

— Вы можете вспомнить об этом более подробно? Когда это было?

— Прошлой осенью, я жил тогда в Лондоне, снимал квартиру с приятелем и пытался учиться художественным ремеслам.

Я скосил глаза на Каррингтона — бывший полицейский придвинул свою табуреточку ближе и не сводил с Нордхилла пристального взгляда.

— Старший инспектор Каррингтон подтвердит, — сказал я, — что в двадцать втором году он допрашивал человека по

имени Шеридан, и тот признался в убийстве Эммы Танцер, но не смог сказать, где спрятал тело, заявил, что не станет подтверждать свое признание в суде, а затем исчез, точнее — покинул Англию.

— Он не убивал Эмму, — сказал Нордхилл. — Он хотел это сделать. Он даже подкараулил ее на тропе неподалеку от Ганновер-стрит...

— Да-да, — пробормотал Каррингтон.

— ...но не смог ударить, — продолжал Нордхилл. — Он был невменяем. Не понимал в тот момент, что делал. Помнил, что зажал Эмме рот, она сопротивлялась, он связал ее, положил в кабину... он был на машине, взял напрокат и потом вернул... и отвез Эмму...

Нордхилл замолчал, и я с нетерпением, которого не смог сдержать, задал вопрос:

— Куда? Куда он ее отвез?

— Он не знал этого, — нехотя отозвался Нордхилл. — Действительно не знал. Он просто ничего больше не помнил из того, что происходило в тот вечер. В себя пришел утром следующего дня — в собственной постели. В машине он нашел обрывок платья, которое носила Эмма. Видимо, он разорвал на ней платье, когда она сопротивлялась. Но куда он ее отвез? Что с ней сделал? Он не помнил. Вернул машину в агентство и узнал в тот же день, что Эмма пропала. Тогда он решил, что убил девушку.

— Аффект навязчивого состояния, — сказал за моей спиной Берринсон. — Довольно распространенный случай. Долгое лечение. Если бы этот человек сразу попал в мои руки...

— А потом арестовали другого человека, которого и судили за убийство, — напомнил я.

— Да? — вяло удивился Нордхилл. Похоже было, что он действительно не знал ничего ни об аресте Баскетта, ни о суде, ни об оправдательном приговоре.

— Дух Шеридана не говорил вам об этом? — неожиданно вмешался Каррингтон. Ирония, прозвучавшая в его голосе, показалась мне неуместной, но, к счастью, Нордхилл не обратил на это внимания.

— Нет, — сказал он, — не говорил. Я не мог его спрашивать, он слышал только те ответы, что я мог дать на его вопросы. А сам говорил лишь то, что считал нужным.

— Он сказал, что с ним произошло? — спросил я. — Ведь если это был дух...

— Его убили, — сказал Нордхилл. — Не спрашивайте меня как — я не знаю.

— Вы не говорили об этом раньше, — заметил Каррингтон.

— Меня не спрашивали, — огрызнулся Нордхилл. — А если бы я сказал, что мне открылся дух, — мне поверили бы? Меня и без того упекли в бедлам...

— И вы сделали все от вас зависящее, чтобы вас упекли именно в этот бедлам, а не в какой-нибудь другой, — не удержался от замечания Каррингтон.

— Господа, — вмешался в разговор доктор, — полагаю, нам нужно прервать допрос. Я предупреждал...

Похоже, это действительно было так: голова юноши поникла, тело расслабилось, и он непременно упал бы, если бы санитар, наблюдавший за несчастным, не подхватил Нордхилла и не опустил на пол, прислонив к стене. Альберт еще не совсем отключился от реальности, но члены его ослабли, тело было похоже на куль с мукой, такой же тяжелый и неповоротливый. Сознание уходило из его глаз, и мне почему-то показалось, что взгляд Нордхилла отразил смертную тоску и какой-то мучительный процесс, происходивший в его мозгу на наших глазах. Будто он понимал, что уходит, и почему-то вообразил, что уходит навсегда, жизнь вытекала из него, вся жизнь, а не только сознание, медленно отбираемое лекарством.

— Пойдемте, господа, — решительно сказал Берринсон. — Альберт будет спать не меньше суток, лекарство, как видите, начало действовать.

— Не уходите, господа, — послышался низкий решительный голос, и все мы огляделись в поисках источника звука.

— Не уходите, разговор наш только начинается, — сказал голос, и я с ужасом, какого не испытывал много лет, понял, что говорит Нордхилл. Точнее, что-то говорило, пользу-

имени Шеридан, и тот признался в убийстве Эммы Танцер, но не смог сказать, где спрятал тело, заявил, что не станет подтверждать свое признание в суде, а затем исчез, точнее — покинул Англию.

— Он не убивал Эмму, — сказал Нордхилл. — Он хотел это сделать. Он даже подкараулил ее на тропе неподалеку от Ганновер-стрит...

— Да-да, — пробормотал Каррингтон.

— ...но не смог ударить, — продолжал Нордхилл. — Он был невменяем. Не понимал в тот момент, что делал. Помнил, что зажал Эмме рот, она сопротивлялась, он связал ее, положил в кабину... он был на машине, взял напрокат и потом вернул... и отвез Эмму...

Нордхилл замолчал, и я с нетерпением, которого не смог сдержать, задал вопрос:

— Куда? Куда он ее отвез?

— Он не знал этого, — нехотя отозвался Нордхилл. — Действительно не знал. Он просто ничего больше не помнил из того, что происходило в тот вечер. В себя пришел утром следующего дня — в собственной постели. В машине он нашел обрывок платья, которое носила Эмма. Видимо, он разорвал на ней платье, когда она сопротивлялась. Но куда он ее отвез? Что с ней сделал? Он не помнил. Вернул машину в агентство и узнал в тот же день, что Эмма пропала. Тогда он решил, что убил девушку.

— Аффект навязчивого состояния, — сказал за моей спиной Берринсон. — Довольно распространенный случай. Долгое лечение. Если бы этот человек сразу попал в мои руки...

— А потом арестовали другого человека, которого и судили за убийство, — напомнил я.

— Да? — вяло удивился Нордхилл. Похоже было, что он действительно не знал ничего ни об аресте Баскетта, ни о суде, ни об оправдательном приговоре.

— Дух Шеридана не говорил вам об этом? — неожиданно вмешался Каррингтон. Ирония, прозвучавшая в его голосе, показалась мне неуместной, но, к счастью, Нордхилл не обратил на это внимания.

— Нет, — сказал он, — не говорил. Я не мог его спрашивать, он слышал только те ответы, что я мог дать на его вопросы. А сам говорил лишь то, что считал нужным.

— Он сказал, что с ним произошло? — спросил я. — Ведь если это был дух...

— Его убили, — сказал Нордхилл. — Не спрашивайте меня как — я не знаю.

— Вы не говорили об этом раньше, — заметил Каррингтон.

— Меня не спрашивали, — огрызнулся Нордхилл. — А если бы я сказал, что мне открылся дух, — мне поверили бы? Меня и без того упекли в бедлам...

— И вы сделали все от вас зависящее, чтобы вас упекли именно в этот бедлам, а не в какой-нибудь другой, — не удержался от замечания Каррингтон.

— Господа, — вмешался в разговор доктор, — полагаю, нам нужно прервать допрос. Я предупреждал...

Похоже, это действительно было так: голова юноши поникла, тело расслабилось, и он непременно упал бы, если бы санитар, наблюдавший за несчастным, не подхватил Нордхилла и не опустил на пол, прислонив к стене. Альберт еще не совсем отключился от реальности, но члены его ослабли, тело было похоже на куль с мукой, такой же тяжелый и неповоротливый. Сознание уходило из его глаз, и мне почему-то показалось, что взгляд Нордхилла отразил смертную тоску и какой-то мучительный процесс, происходивший в его мозгу на наших глазах. Будто он понимал, что уходит, и почему-то вообразил, что уходит навсегда, жизнь вытекала из него, вся жизнь, а не только сознание, медленно отбираемое лекарством.

— Пойдемте, господа, — решительно сказал Берринсон. — Альберт будет спать не меньше суток, лекарство, как видите, начало действовать.

— Не уходите, господа, — послышался низкий решительный голос, и все мы огляделись в поисках источника звука.

— Не уходите, разговор наш только начинается, — сказал голос, и я с ужасом, какого не испытывал много лет, понял, что говорит Нордхилл. Точнее, что-то говорило, пользу-

ясь телом этого человека. Нордхилл, безусловно, спал — нет, пожалуй, находился в том пограничном состоянии между явью и глубоким лечебным сном, когда мозг уже не в состоянии реагировать на реальность и погружается в себя, будто в глубину не освещенного солнечным светом океана, где плавают чудища памяти, пытающиеся подать собственный голос.

— Что? Кто? — сказал Каррингтон, а доктор быстро подошел к Нордхиллу и, приподняв ему полужакрытые веки, заглянул в глаза. Не знаю, что Берринсон увидел в этом погасшем взгляде, какое видение явилось ему, но доктор неожиданно сделал шаг назад, натолкнулся на вставшего со своего места инспектора, и оба они едва не упали, с трудом удержавшись на ногах.

— Я вызываю вас, я хочу говорить с вами, я хочу спросить вас, — мрачный низкий голос заполнил пространство комнаты, он не отражался от стен, а застревал в них, звук повисал на сером войлочном покрытии черными неровными письменами, и каждое сказанное слово будто застывало навеки, как надпись на кладбищенском памятнике. Это было странное ощущение и странная, никогда прежде меня не посещавшая зрительная иллюзия.

— Альберт, — сказал доктор, склонившись над пациентом, — вы слышите меня?

— Я вызываю, — продолжал голос. Говорил, вне всякого сомнения, Нордхилл, я видел, как шевелились его губы, как напряглась его гортань, как побелели костяшки пальцев, когда он сцепил ладони намертво, будто замком заперев себя в пространстве, откуда что-то говорило с нами и чего-то от нас требовало.

Первым моим желанием было бежать от этого голоса, из этой мрачной комнаты. Ноги сами понесли меня к двери, но я взял себя в руки — никто, кроме меня, не понимал и не мог понять происходившего. А я... Черт возьми, разве я не ожидал если не чего-то подобного, то какого-то иного знака, разве я не делал все от меня зависевшее, чтобы этот знак был подан? И теперь разве мог я оказаться слабым, разве мог позволить естественному человеческому страху перед неведомым овла-

деть мной? Разве я мог упустить единственный представившийся мне случай узнать наконец правду о том мире, куда мы все попадем в конце жизненного пути?

И разгадать тайну гибели бедной Эммы.

Я повернулся, подошел к Нордхиллу, отодвинул в сторону доктора (ничего не понявший Берринсон посмотрел на меня с удивлением и попытался ухватить за локоть, но я отбросил его руку) и опустился на колени. Альберт смотрел на меня чужим взглядом, у него даже цвет глаз изменился — вместо карих радужки стали ярко-голубыми, как небо в летний полдень. Из глубины сознания Нордхилла на меня смотрел другой человек, и это его голос мы слышали — Альберт, вне всякого сомнения, вошел в медиумическое состояние, и помогло ему в этом скорее всего назначенное доктором лекарство.

— Спрашивайте, — сказал я. — Я готов отвечать.

— Это дух сэра Артура Конан Дойла? — произнес гулкий бас.

— Да, — сказал я и услышал, как за моей спиной громко фыркнул инспектор Филмер.

— И дух старшего инспектора Каррингтона тоже здесь?

— Да, — повторил я и услышал на этот раз протестующий возглас бывшего полицейского. Я не стал оборачиваться, только махнул рукой, чтобы мне не мешали.

— Скажи, дух, знаком ли ты в своем мире с женщиной по имени Эмилия Кларсон?

— Да.

— Я вызываю ее. Она не приходит. Почему?

— Она мертва, — сказал я. — Если бы ты вызвал ее вчера, она могла бы тебе ответить. Почему ты не вызывал ее?

— Мертва, — повторил голос, не собираясь, похоже, отвечать на мой вопрос. — Как это произошло?

— Ее убили, — коротко отозвался я.

— Как? — настаивал дух.

— Ее ударили по голове.

— Чем? Была ли это бейсбольная бита?

Бита? Я обернулся и посмотрел на инспектора, следившего за моей странной беседой с видом скорее безумным,

нежели внимательным. Я не стал повторять вопроса, Филмер прекрасно его слышал.

— Да, пожалуй, — пробормотал он. — Очень похоже. Но откуда...

— Да, — повторил я, и дух немедленно задал новый вопрос:

— Орудие преступления обнаружили?

— Нет, — сказал я. — Оно исчезло.

— Так, — произнес дух с непонятным удовлетворением. — Это мы выяснили.

— Кто ты? — вклинился я со встречным вопросом. — Почему ты спрашиваешь об Эмили? Наверно, ее душа еще бродит где-то поблизости, прошло мало времени после ее смерти...

Послышалось ли мне или действительно дух усмехнулся? Мгновение спустя в комнате раздался хриплый смех человека, убедившегося в тупости собеседника.

— Дух сэра Артура Конан Дойла... Смешно. Ты не можешь решить эту простенькую задачу? Этот небольшой логический казус? Значит, зря я вызывал именно тебя. Каррингтон! — неожиданно воззвал дух. — Джордж Каррингтон! Если ты слышишь меня, приди и ответь на мои вопросы!

Я обернулся. Бывший полицейский сидел с видом бледным и удрученным, будто только что услышал в суде оправдательный приговор убийце, зарезавшему собственную мать. Он не боялся, чего можно было бы ожидать в столь для него необычной ситуации, не пришел в недоумение и не был растерян. Все-таки он был человеком действия, принимавшим решения в зависимости от реального развития событий, какими бы неожиданными эти события ни оказались.

— Задавай свои вопросы, — спокойно проговорил Каррингтон и подал мне знак не вмешиваться. Он наклонился вперед, чтобы видеть не только макушку, но хотя бы часть лица Нордхилла, и пытался, видимо, понять, стали ли мы все жертвами мистификации или действительно на его и наших глазах дух из потустороннего мира пытался завязать разговор и что-то выяснить для себя.

— До своей смерти, — сказал дух, — ты был полицейским.

— До своей смерти, — повторил Каррингтон, бледнея еще более и становясь цветом лица подобен стене, — я жив еще, в то время как ты...

— Каждый дух считает себя живым, — с превосходством в голосе сказал Нордхилл все тем же басом. — Ты жив не более, чем дух короля Эдуарда Седьмого, который был вызван мной прошлой ночью. Отвечай. Это ведь ты своими действиями создал ситуацию, в которой мы сейчас вынуждены разбираться. Искать убийцу, который убил здесь, не имея мотива, оставив мотив в мире, к которому не принадлежит.

Каррингтон не понял этой фразы, да и я нашел ее слишком туманной, хотя мне и был открыт истинный смысл сказанного.

— Ты создал мотив преступления и унес его с собой, — сказал дух, и мне показалось, что голос его постепенно слабел. В нем больше не было угрозы, из голоса вообще исчезали — с каждым сказанным словом — какие бы то ни было интонации. — От тебя я требую ответа: где находится бейсбольная бита, которой убили Эмилию Кларсон?

— Хотел бы я знать... — пробормотал Каррингтон.

— Не уклоняйся... — Голос духа стал монотонным и затихал, будто уходящая за горизонт летняя гроза. — Ты это знаешь... Кто, кроме тебя...

— Я... — начал Каррингтон и неожиданно не только для меня, но, похоже, и для себя самого, сказал, то ли действительно вспоминая, то ли придумывая себе воспоминание о событии, никогда не существовавшем в его жизни: — В кустах на левом берегу Темзы, в нижнем течении, напротив городка Бенфорд, в двухстах ярдах ниже моста.

— Спасибо, — сказал дух, помолчав. Вспертом воздухе комнаты слышалось тяжелое дыхание нескольких человек. — Теперь убийца понесет наказание...

Что-то прервало его, голос духа ускользал, уходил, затихал, но все-таки был еще слышен, как разновидность дыхания — вздохи на фоне вздохов, далекий голос радио на фоне бессмысленных эфирных разрядов.

— Скажи, — слова приходилось угадывать, и я не был уверен в том, что последние слова, произнесенные духом, расслышал правильно, хотя это были самые важные слова за все время нашего странного разговора, единственные слова, которые не требовали ответа, но сами содержали ответ на не заданный нами вопрос: — Скажи, ты помнишь день, когда Эмма возвращалась... Двадцать восьмое февраля... двадцать седьмого года... Она возвращалась... Эмма... Говорили, что ты умер в тот день, но это не так... Ты еще был жив, когда...

— Когда... — повторил Каррингтон, становясь перед Нордхиллом на колени, но дух уже ушел, не договорив, не объяснив, оставив нас в полном недоумении.

Глаза Нордхилла закрылись, тело обмякло и из груди молодого человека вырвался громкий храп.

Каррингтон посмотрел на меня, по взгляду бывшего полицейского я понял, что практически все здесь сказанное осталось для него тайной за семью печатями. Я отошел в сторону, два санитары подняли Нордхилла и положили на носилки. Спавшего и громко храпевшего юношу унесли, шаги в коридоре затихли, доктор пошел к двери и сказал, обернувшись на пороге:

— Господа, я распоряжусь, чтобы палату Нордхилла надежно заперли, после чего жду вас в своем кабинете. Сэр Артур, — сказал он, обращаясь ко мне, но переводя взгляд и на Каррингтона, — прошу вас, не относитесь серьезно к тому, что слышали. Действие лекарства, сумеречное состояние, обычно этот переход ко сну занимает несколько минут, пациенты в это время что-то ощущают внутри себя, это бред...

Он потоптался на пороге, хотел сказать что-то еще, но только покачал головой и ушел, оставив дверь открытой настежь.

— Вот бред так бред, — сказал Филмер. — Пойдемте, господа. Я прежде не слышал, как сумасшедшие несут околесицу, Бог миловал и, надеюсь, будет миловать впредь.

Вспомнив что-то, инспектор удивленно спросил у Каррингтона:

— Послушайте, я не понял... Ваши слова о бите... Почему вы сказали, что она лежит в кустах на берегу Темзы? Это

невозможно! Отсюда до названного вами места больше пятидесяти миль!

— Я... — Каррингтон откашлялся — то ли на него действительно напал кашель, то ли он тянул время, не зная, что сказать в ответ. — Я не знаю... Честно, мистер Филмер, я понятия не имею, почему это сказал.

— Но ведь вы помните, что говорили это? — с любопытством спросил я.

— Помню? Конечно! Я, слава Богу, нахожусь в здравом уме и твердой памяти! Вдруг возник образ — картина, которую я сразу узнал: река, кусты, баржа плывет по течению, солнце, облака... И бита, лежащая так, что ее не видно с дороги. Кто-то, наверно, размахнулся и бросил... Черт возьми, я даже видел запекающуюся кровь... Мгновение — и все пропало. С вами такое бывало, сэр Артур? Будто вспышка магния...

— Бывало, — сдержанно произнес я, прикрепляя в уме сказанное только что Каррингтоном к той мозаике, что уже была мной сложена. Новый элемент лег точно в нужное место — единственное, по-моему, остававшееся незанятым. — Думаю, дорогой Каррингтон, что и в вашей жизни такие вспышки происходили не один раз. И в вашей, инспектор, я прав?

Не ожидавший вопроса Филмер помотал головой, будто отгоняя навязчивое видение, и сказал, пожимая плечами:

— Ну... Если перед сном пропустишь стаканчик...

— Идемте, господа, — сказал я. — Доктор ждет нас в кабинете, и там, с вашего позволения, я попробую изложить историю этого преступления так, как она мне представляется.

Я вышел из комнаты не оборачиваясь — был уверен, что оба полицейских переглянулись, один из них покачал головой, а другой нахмурился. Вопросов, однако, никто не задал, и наша молчаливая группа проследовала по полутемному коридору, поднялась на первый этаж, здесь было так светло, что у меня зарябило в глазах и почему-то сдавило грудь, я остановился на мгновение, но сразу взял себя в руки — не хватало только в присутствии Каррингтона и

тем более Филмера показать свою слабость! — и направился к кабинету доктора Берринсона.

Наконец мне удалось закурить. Табачный дым оказался сладким, как никогда прежде. Я вытянул ноги и сидел, вдыхая аромат, выпуская колечки дыма и наблюдая за тем, как рассаживались в кресла доктор, Филмер и Каррингтон, как доктор отдавал распоряжения мрачной и заплаканной Грете и бесстрастному, похожему на сфинкса Джону, как оба полицейских, склонившись друг к другу, обсуждали произошедшие события, и Каррингтон, по-моему, пытался уклониться от вопросов, которыми его забрасывал Филмер. На большом подносе принесли чай, печенье, лимон, и я с удивлением подумал о том, что этот бесконечный день еще далеко не закончился, на часах лишь начало шестого, время вечернего чаепития.

Отпустив Грету и Джона, Берринсон минуту-другую смотрел в потолок, сложив на груди руки, — похоже, он, как и я, приходил в себя и собирался с мыслями для предстоявшего разговора.

— Пейте чай, господа, — сказал он наконец. — Остынет...

И мы начали пить чай — по вкусу это был классический цейлонский без добавок, — и никто не торопился с вопросами или предложениями, будто каждый из нас боялся первым нарушить молчание.

— На дознании, — сказал наконец Филмер, поставив на стол пустую чашку, — вряд ли коронер назначит дополнительное полицейское расследование... Я и не стану этого добиваться. Случай предельно ясный. И решение одно из двух. Содержать Нордхилла здесь или переправить в тюрьму графства. И, понятно, назначить новую психиатрическую экспертизу. Как вы считаете, доктор?

Берринсон допил чай, блюдце поставил на стол, а чашку продолжал держать в ладонях, будто желая за что-то ухватиться в своих рассуждениях.

— Не вижу смысла в новой психиатрической экспертизе, — устало произнес он. — И в дополнительном полицейском расследовании смысла не вижу тоже, хотя решать

тут, конечно, коронеру, а не мне. Мне еще вчера надо было приказать, чтобы Нордхилла заперли в его палате. Тогда ничего бы...

Доктор замолчал и поставил наконец чашку на стол. Так же поступили мы с Каррингтоном и одновременно, будто долго репетировали, сказали:

— Чепуха.

— Что чепуха, господа? — нахмурился Берринсон.

— Если бы вы заперли Нордхилла, — объяснил Каррингтон, — он сделал бы то же самое, только позже.

— Если бы вы заперли Нордхилла, — сказал я, — девушка все равно была бы убита в то же время и в том же месте.

— Чепуха, — сказал на этот раз инспектор Филмер. — Если бы Нордхилла крепко заперли и не выпускали ни при каких обстоятельствах, девушка осталась бы жива. Я далек от того, чтобы обвинять доктора в небрежности, но...

— Ради Бога, господа, — резко сказал я, — вы действительно ничего не поняли в том, что сегодня произошло? Вы действительно считаете, что Альберт Нордхилл убил девушку по имени Эмилия Кларсон? Вот это на самом деле полная чепуха, господа! Да, произошло убийство. Давно запланированное и наконец осуществленное. Майкл Шеридан с помощью бейсбольной биты убил свою бывшую подругу Эмму Танцер. Нордхилл пытался спасти девушку, он опекал ее на протяжении нескольких месяцев, но в конце концов силы, которые нам неподвластны, сделали свое дело. Уверяю вас, доктор, Нордхилл так же здоров психически, как мы с вами.

— После того, что случилось, — начал Берринсон, — я допускаю, что сам...

— Не надо, — прервал его я. — Наша общая проблема, господа, в том, что никто из нас — ваш покорный слуга не исключение — не желал видеть очевидных фактов, лежавших буквально на поверхности. А если видел, то не верил. Если же вдруг начинал верить, то говорил себе: «Стоп. Этого быть не может, это чепуха, нужно искать другое решение».

— Какое решение предлагаете вы, сэр Артур? — вежливо, но с плохо скрытой иронией спросил Филмер. — Вы го-

ворите, что убийца — некий Шеридан. Вы хотите сказать, что этот человек скрывался здесь под именем Нордхилла?

— Господи, конечно же, нет! — воскликнул я. — Послушайте, в этом деле все неправильно, с самого начала. То есть неправильно с нашей, рационалистической точки зрения. Проблема в том, что никто из вас, господа, не поверил ни единому слову Нордхилла, посчитав, что он или бредит, или намеренно нас обманывает. Между тем достаточно вслушаться в то, что говорил этот человек — ибо каждое его слово правда, — и дело станет таким же ясным, как этот замечательный заход, которым я любуюсь уже второй раз.

— Слова сумасшедшего... — буркнул Филмер, пожимая плечами.

— Вы позволите мне высказать свое мнение? — сухо осведомился я.

— Да, конечно, сэр Артур, мы вас внимательно слушаем, — сказал доктор на правах хозяина. Каррингтон кивнул, а Филмер, еще раз пожав плечами, всем своим видом дал понять, что слушать-то он будет, поскольку ничего иного ему не остается, но вовсе не намерен принимать к сведению хоть одно слово, сказанное бывшим сочинителем детективных историй, пусть и уважаемым в обществе, но все же ничего не понимающим в полицейской работе.

— Нужно ответить на три вопроса, — начал я. — Первый: куда девались предметы, которые якобы крала Эмилия, когда жила в семье Кларсонов. Второй вопрос, — продолжал я, не реагируя на недоуменные взгляды, — почему предметы перестали исчезать, когда Эмилию поместили в психиатрическую лечебницу. И третий: почему дух, вызванный Нордхиллом, не отвечал на вопросы, как это происходило во всех известных мне спиритических сеансах, но задавал их, требуя немедленного и недвусмысленного ответа?

Я вижу, господа, что эти вопросы не только кажутся вам несущественными, они даже не приходили вам в голову. Между тем если мы на них ответим, то обнаружим разгадку не только этого ужасного преступления, но еще и раскроем одну из самых удивительных тайн мироздания.

Для того чтобы дать на каждый из заданных мной вопросов ясные и однозначные ответы, нужно всего лишь поверить тому, что Нордхилл ни разу не соврал, ни разу не отклонился от правды — ни сегодня, ни вчера, ни во время суда, ни ранее, когда проводил свои спиритические сеансы, которые были названы шарлатанскими.

— Гораздо более важен вопрос, — не удержался от замечания Филмер, — как удалось парню пробраться незамеченным в палату Эмили и куда он дел орудие убийства?

— Дойду и до этого момента, — сказал я, — хотя сразу могу сказать, что Нордхилл, конечно, в палату Эмили не пробирался, а орудия убийства в глаза никогда не видел.

— Но...

— Позвольте мне продолжить! — Я повысил голос, и Каррингтон подал Филмеру знак помолчать. Возможно, при иных обстоятельствах инспектор проигнорировал бы это требование бывшего коллеги, но сейчас, обнаружив, что остался в меньшинстве (доктор внимательно слушал меня, откинувшись в кресле и прищурив глаза), Филмер лишь демонстративно пожал плечами и принялся рассматривать невидимую трещину в белом потолке.

— Итак, — продолжал я, — двадцать четвертого мая двадцать второго года девушка по имени Эмма Танцер бесследно исчезла, а месяцем раньше в предместье Лондона появилась девушка, не помнившая даже своего имени. Могла ли Эмилия быть той самой Эммой, что исчезла на Ганновер-стрит? Здравый смысл подсказывает, что этого быть не могло, поскольку Эмилию нашли раньше, чем исчезла Эмма. На самом деле это была одна и та же девушка, и в дальнейшем мы найдем тому надежное подтверждение.

Далее. Дело об исчезновении Эммы Танцер занимается опытный полицейский, старший инспектор Скотленд-Ярда Джордж Каррингтон. Ему не составляет труда обнаружить человека, на которого падают улики. Я хочу, чтобы вы обратили внимание — старший инспектор сам был недоволен собственными выводами, он продолжал искать и нашел истинного убийцу — Майкла Шеридана, который сначала сознался в преступлении, а потом отказался от своих пока-

заний. У Шеридана был мотив, но не было физической возможности совершить преступление.

Отметим это обстоятельство и перейдем к личности Нордхилла. Биография этого человека ничем не примечательна до того момента, когда он, внезапно оставив обучение художественным ремеслам, занялся спиритизмом, а с точки зрения многих его клиентов — жульничеством и попыткой столь странным способом выведать либо семейные секреты, либо какие-то иные тайны, используя которые преступник мог бы обогатиться. Замечу, кстати, что Нордхилл ни разу не воспользовался в корыстных целях теми знаниями, что он как медиум получил во время сеансов.

Личность Нордхилла — ключевая в деле, и потому давайте остановимся на этом подробнее. Итак, что происходило во время его сеансов? Первое: он соглашался далеко не на все предложения, а в случае согласия назначал не всегда удобное для сеанса время. Это обстоятельство было расценено впоследствии как доказательство его корыстного выбора — однако мистер Каррингтон подтвердит, что далеко не все клиенты Нордхилла были достаточно богаты даже для того, чтобы полностью оплатить его медиумические услуги, и молодой человек всегда делал для таких людей те или иные скидки.

Вспомним теперь, что говорил сам Нордхилл в разное время — он всякий раз подчеркивал, что никогда не вызывал духов, что он не умеет это делать, духи находили его сами, говорили через него, и он далеко не всегда понимал, о чем шла речь. Это утверждение было судом проигнорировано — по той причине, что противоречило общим представлениям о медиумических свойствах психики, и судьи — а также лечивший Нордхилла доктор Берринсон — предпочли остаться в пределах общепринятой системы взглядов (при том, что сами в нее не верили!), нежели поверить человеку, также в этой системе сомневавшемуся — но с совершенно иных позиций!

Господа, — сказал я, решив, что мое собственное признание поможет присутствующим поверить, — я и сам некоторое время не мог связать в один узел все разрозненные об-

стоятельства, потому что тоже находился под властью общепринятого мнения о том, что медиум в ходе спиритического сеанса вызывает духа, который является и отвечает на поставленные вопросы. Нордхилл не вызывал духов. Нордхилл, господа, сам был тем духом, которого часто вызывают опытные медиумы и который вынужден — повторяю, именно вынужден — являться на чей-то зов, подчиняться этому зову и не задавать вопросы, а отвечать на них, привлекая для этого тех своих клиентов, которые действительно могли на поставленные вопросы ответить.

Объяснение этому странному спиритическому феномену можно найти в словах Нордхилла. Вчера, господа, когда мы на несколько минут остались с ним в его палате вдвоем, он говорил о том, что на мир можно смотреть по меньшей мере с двух сторон, и то, что для нас является смертью, для кого-то — вечная жизнь, а то, что мы считаем живым, для кого-то — мертвое, прошедшее и ставшее тленом.

Я подумал тогда, что Нордхилл бредил, — действительно, каких разумных слов можно было ждать от человека, проходящего лечение в психиатрической клинике?

Но если отнестись к этим словам серьезно, если предположить, что Нордхилл описывает реально существующее устройство мироздания, то получается, что это не наши души после смерти тела обитают в недоступном нашему взгляду астральном мире, а напротив, это мы — или некоторые из нас — являемся душами тех, кто жил в другом мире и умер в нем.

Этот вывод представляется лишенным смысла — я не стану утверждать, что Нордхилл является духом, вы сами видели, насколько этот человек материален и прочно стоит на нашей грешной земле. Некоторое время я путался в этих мыслях. Потом — а именно вчера вечером, когда я просматривал газетные вырезки, раскладывал их по порядку тем или иным способом, — мне пришло в голову, что истина может заключаться в том, что и наш мир, и тот, что мы называем потусторонним, материальны в равной степени. Уверяю вас, господа, мне трудно было примириться с такой идеей, она противоречила моему предшествовавшему опыту... нет, это

неверное определение — как раз опыту моему эта мысль насколько не противоречила, но она шла вразрез с той конструкцией, что я выстроил в своем сознании, — конструкцией спиритуализма как связи с духовным, а не материальным миром.

Я не собираюсь отречься ни от одной идеи, которые проповедовал на протяжении четверти века. Я по-прежнему уверен в том, что существуют материальное мироздание и мироздание нематериальное, мир духа, более близкий к Творцу всего сущего. Но я, как и все — не только материалисты вроде моего друга Бернарда Шоу, но и спиритуалисты, такие, как другой мой друг сэр Барри Макферсон или лорд Бальфур, — я, как и все, повторяю, слишком упрощал то, что на самом деле гораздо сложнее наших примитивных конструкций и представлений. Ведь именно об этом говорил Нордхилл, который, видимо, в силу собственного житейского и мистического опыта дошел до этой мысли самостоятельно — а может, она была ему подсказана кем-то, от чьего имени он выступал во время одного из спиритических сеансов?

Господа, предположим — только предположим, но вы увидите, насколько это предположение сразу упрощает и делает логичной последовательность произошедших событий, — что существует не один материальный мир, а множество, отличающиеся от нашего только временем: если в одном из миров празднуют наступление тысяча девятьсот двадцать шестого года, то в другом уже наступил двадцать девятый, в третьем еще не начался пятнадцатый, а четвертый и вовсе не перешел еще границы между старой и новой эрой. И духовный мир — тот, куда попадают после смерти наши вечные души, — тоже не один-единственный: существует множество духовных миров, столько же по крайней мере, сколько миров материальных, и между этими мирами — всеми без исключения — протянуты прочные невидимые связи, позволяющие в некоторых случаях (я не могу сказать, в каких именно, но сейчас это не имеет значения) некоторым душам или материальным человеческим созданиям прорывать завесу и либо самим, либо своей духовной су-

тью оказываться в ином мире, может быть, ушедшем вперед во времени, а может, отставшем во времени от нашего.

— Герберт Уэллс... — проговорил доктор Берринсон, и я не позволил ему закончить фразу.

— Да, конечно! — воскликнул я. — Разумеется, вам приходят на ум сочинения мистера Уэллса, его «Машина времени», верно? Вчера, раскладывая вырезки и размышляя над словами Нордхилла, я вспомнил другое произведение мистера Уэллса: небольшой рассказ «Дверь в стене». Рассказ о двери между мирами — о том, как человек оказывается в мире своей мечты и как мир мечты может проникнуть в нашу грубую повседневность, но достаточно заменить одно слово — вместо «мечта» сказать «иной мир», и разве не получим мы ровно то самое, что хотел нам всем сказать бедняга Нордхилл?

— Боюсь, сэр Артур, — вздохнул доктор, — ваши рассуждения не могут служить основанием для тех или иных оценок бреда навязчивых состояний. Именно так, сэр Артур, называется то, что говорил Альберт. Можете мне поверить, я тридцать лет имею дело с больными. Мне много раз приходилось слышать примерно то же самое, о чем толковал этот человек.

— То же самое? — поразился я. — О связи миров? О медиумах, способных соединять высшие миры с низшими?

— И об этом тоже, — кивнул Берринсон. — Не в таких словах, конечно, у каждого из этих несчастных своя собственная, ни с какой другой не сравнимая теория — понятно, что единственно истинная. Уверяю вас, случай Нордхилла не исключение, а скорее иллюстрация типичного поведения и типичного бреда.

— Типичного? — подал голос инспектор Филмер. — Каждый ли день ваши больные покушаются на убийство?

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, — резко сказал доктор. — Я не снимаю с себя ответственности, я должен был изолировать Нордхилла раньше. Но еще до позавчерашнего вечера он не проявлял ни малейшей агрессивности.

Каррингтон достал из кармана брегет и, взглянув на циферблат, нахмурился — не нужно было быть детективом, чтобы понять, о чем он подумал: если мы сейчас не отправимся на станцию, то вынуждены будем дожидаться последнего поезда — это еще два часа довольно тягостных разговоров — или заночевать в этом отнюдь не гостеприимном доме.

Впрочем, и разговор наш, судя по реакции на мои умо-заключения доктора Берринсона (да и инспектор слушал вполуха и совсем, по-моему, не понимал, о чем я толкую), не привел ни к какому результату, кроме усилившегося взаимного недоверия.

Пока я раздумывал, а Каррингтон, судя по выражению его лица, искал слова, чтобы объявить о своем решении немедленно уехать, в дверь постучали, и после энергичного докторского «Войдите!» на пороге возник один из лечащих врачей и сказал, обращаясь к Берринсону:

— Шеф, извините, что прерываю, но сейчас шесть часов и...

— Да-да, Саймонс, я помню, — кивнул Берринсон и, обращаясь к нам, объяснил: — В восемнадцать у нас короткий вечерний обход, нужно посмотреть, как себя чувствуют больные, — к вечеру у некоторых наступает ухудшение... Мы могли бы сделать перерыв, вам в это время подадут ужин, а потом...

— Нет, — решительно сказал Каррингтон, — нам с сэром Артуром пора уезжать, иначе мы опоздаем на поезд в восемнадцать сорок три.

Он поднялся, и мне ничего не оставалось, как сделать то же самое — мне показалось, что доктор облегченно вздохнул, а то, что инспектор Филмер не только облегченно вздохнул, но еще удовлетворенно кивнул, мне не показалось, я определенно это видел.

Машина ждала нас у подъезда, Джон распахнул перед нами задние дверцы и сел за руль. Мы распрощались с доктором Берринсоном и инспектором Филмером. Первый мысленно был уже в палатах с больными, а второй рад был избавиться от «столичных штучек», мешавших ему довести до конца совершенно ясное и чрезвычайно простое дело об убийстве. Отсут-

ствие орудия преступления его совершенно не смущало — он был уверен в том, что, хорошенько обыскав все многочисленные закоулки больницы, найдет если не бейсбольную биту (откуда ей здесь взяться?), то наверняка какой-нибудь тяжелый предмет — камень, например, подобранный Нордхиллом на заднем дворе.

Попрощались мы очень вежливо, но холодно — таким же холодным оказался вечер, со стороны леса подул пронизывающий ветер, и мы с Каррингтоном поспешили забраться в салон машины, Джон включил двигатель, и за ворота госпитали мы выехали, сопровождаемые странными неожиданными звуками: кто-то из больных в одной из палат женского крыла высоким пронзительным голосом затянул то ли песню, то ли арию, то ли просто завыл от тоски.

До станции доехали в молчании, огни поезда мы увидели, подъезжая к привокзальной площади, и заторопились, чтобы не опоздать.

Свободное купе оказалось в третьем вагоне, мы расположились друг против друга, оба закурили — Каррингтон сигарету, а я трубку, — и лишь после первых затяжек, немного согревшись, вернулись к прерванному разговору.

— Боюсь, сэр Артур, — сказал Каррингтон, — что ваши умозаключения не нашли отклика ни в уме Филмера, ни в душе доктора. Вы намерены приехать завтра на дознание?

— Какой смысл? — буркнул я. — Коронер меня и свидетелем не вызовет. Вас, дорогой друг, тем более — мне-то известно, как местные представители власти относятся к отставным работникам Ярда.

Каррингтон хмыкнул.

— Да, — кивнул он. — Когда я был начальником отдела, меня в любом графстве местные констебли принимали по высшему разряду, но стоило выйти на пенсию, как при первой же встрече мне дали понять, что в моих советах и раньше не нуждались, но терпели, а сейчас...

Бывший полицейский махнул рукой.

— Что может грозить Нордхиллу? — спросил я.

— Коронер назначит повторную психиатрическую экспертизу или оставит в силе прежнее решение. В худшем случае Нордхилла до суда могут перевести в заведение, где режим более строгий, нежели у доктора Берринсона, и к буйным относятся не так гуманно, если вы понимаете, что я имею в виду.

Понять было несложно.

— Мне разрешат еще раз поговорить с Нордхиллом?

— Вряд ли, сэр Артур. Не уверен, что и у меня получится. Убийство...

— Нордхилл не убивал!

Каррингтон загасил в пепельнице окурок и достал из портсигара новую сигарету.

— Все улики против него, — вздохнул бывший полицейский. — Вы предлагаете верить его словам и не обращать внимания на доказательства. Инспектор Филмер — и я на его месте поступил бы так же — будет полагаться на доказательства и не поверит ни единому слову Нордхилла. Для инспектора это — бред ненормального.

— А для вас? — прямо спросил я.

— Для меня... — помедлил Каррингтон. — Скажу честно, сэр Артур... Последние дни многое изменили в моих представлениях. О спиритизме. О том, существует ли на самом деле мир духов, которые могут общаться с нами... Сомнения у меня появились раньше, ваша лекция, сэр Артур, укрепила меня в определенном мнении, а последовавшие события, конечно, свидетельствуют о том, что есть нечто... Не знаю.

— Если мы найдем бейсбольную биту, — настойчиво сказал я, — для вас это будет убедительным доказательством? Я не говорю — для Филмера, он назовет находку совпадением, ведь Нордхилл не мог оказаться в пятидесяти милях от больницы... Я не говорю — для доктора Берринсона, он вряд ли откажется от своего диагноза... Я спрашиваю вас, старшего инспектора Скотленд-Ярда. Не бывшего — разве бывают бывшие полицейские? Вы сами упомянули о бите и сказали, где ее искать...

— Это было какое-то наваждение, — хмуро проговорил Каррингтон. — Я так сказал, да. Но разрази меня гром, если я понимаю — почему...

— Но вы это сказали! И если предположить...

— Ну... — покачал головой Каррингтон. — Предполагать можно всякое. Но ведь вы не отправитесь искать в нижнем течении Темзы место, которое... Представляете, какая это работа? Нужен отряд полицейских, обыскивающих каждый куст, работа на месяц... И даже если что-то удастся найти, будет ли находка принята как вещественное доказательство...

— Меня интересует ваше личное мнение, старший инспектор, — сказал я, возможно, резче, чем следовало бы. — Мы с вами вдвоем, никто, кроме меня, ваших слов не услышит...

Каррингтон помолчал, глядя в темноту за окном.

— Я хотел бы дослушать вашу аргументацию, сэр Артур, — сказал он наконец. — Вы говорили о невидимых связях между мирами...

— И о том, как сами мы эти связи создаем, — кивнул я. — Давайте рассматривать дело об убийстве Эммы Танцер с самого начала. Девушка исчезла, и все улики указывали на человека, не имевшего ни малейшего мотива. В то время как человек, имевший мотив, оказался вне подозрений. Вас это не смутило?

— Сначала, — сказал Каррингтон, — я даже не знал о существовании Шеридана. Я шел по следу, и след был настолько очевиден...

— Вам не кажется, — сказал я, стараясь подбирать слова, чтобы быть даже не столько понятым (на это я не рассчитывал), сколько выслушанным без предубеждения, — вам не кажется ли, что полицейское расследование иногда — не всегда, повторяю, но в некоторых сомнительных случаях — само создает улики, на которые потом опирается как на основные?

Каррингтон собирался закурить и уже зажег спичку, но мои слова заставили его задуматься, и спичка, догорев, обожгла ему пальцы. Бывший полицейский громко чертыхнулся и уронил обгоревшую спичку на пол, но не стал подбирать ее, зажег следующую, закурил наконец и сказал:

— Что значит — само создает улики? Вы обвиняете меня в недобросовестности, сэр Артур?

Конечно, он так и должен был понять мое замечание!

— Нет, дорогой мистер Каррингтон, — сказал я со всей сердечностью, на какую был способен. — Я хочу сказать, что связи нашего мира с миром духов, с миром, находящимся по ту сторону реальности, далеко не исчерпываются явлением призраков, вызываемых медиумами. Нордхилл говорил и об этом — имеющий уши да слышит... Вчерашним вечером, перебирая газетные вырезки, я нашел и ту, которая возбудила мою память, заставила вспомнить статью, где я читал о столь странной выдумке природы — или человеческого гения, описывающего столь странное природное устройство... Вы знакомы с принципами волновой механики господина Гейзенберга?

Каррингтон поднял на меня удивленный взгляд — естественно, ни о чем подобном бывший инспектор не слышал. Читатели газет — в том числе самые умные из них — народ по меньшей мере странный, и я долгие годы не переставал удивляться, как умеют люди выбирать среди газетных заметок только те, что им меньше всего необходимы, а на самое важное не обращать внимания до тех пор, пока их не ткнут носом в эту информацию, прошедшую мимо их пристального, но узконаправленного внимания. Может быть, мой ум был натренирован привычкой вырезать все сколько-нибудь интересные газетные статьи по любой, а не только криминальной, тематике?

— Об этом писали в прошлом году и в нынешнем, — объяснил я. — Журналисты, конечно, многое переврали, но заметки показались мне интересными, и я сохранил вырезки не только из «Таймс» и «Дейли миррор», но и из «Нейчур», журнала, который я просматриваю регулярно, хотя, признаюсь честно, не всегда могу постигнуть глубину умозаключений. Господин Гейзенберг утверждает, что невозможно наблюдать за чем-то и не повлиять своим присутствием на объект наблюдения. Он говорит о мельчайших частицах материи, электроны, например, который меняет

свое движение оттого лишь, что на него смотрит физик-экспериментатор. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Нет, — предельно лаконично отозвался Каррингтон.

— Нордхилл говорил и об этом... Когда детектив ведет наблюдение за кем-то, подозреваемым в преступлении, сам этот факт меняет поведение подозреваемого...

— О, еще бы! — оживился Каррингтон. — Неудачливый филер способен загубить все расследование! Будучи замеченным...

— Я не о том! — с досадой воскликнул я. — Допустим, филер хорош, объект наблюдения ничего не замечает, но все равно поведение его меняется, потому что в мире существуют невидимые и неосязаемые связи, которые мы не воспринимаем как связи причины и следствия, поскольку проходят они через иной мир... Не будь этих других миров, то и влияния филера на объект наблюдения не существовало бы.

— Боюсь, что я... — начал Каррингтон. — Какое отношение названный вами господин — физик, очевидно? — имеет к афере Нордхилла и убийству Эмили Кларсон?

— Прямое, дорогой Каррингтон. Такое же, как вызываемые медиумом души умерших, такое же, как вопросы, задаваемые Нордхиллом от имени духов, которые, казалось бы, должны лишь отвечать... Историю гибели Эммы Танцер невозможно понять и невозможно найти ее убийцу, если не принять идею существования нашего мира и миров потусторонних. Вы сами пришли ко мне со своими сомнениями, верно? Но до сих пор не можете поверить в то, что два мира связаны между собой гораздо крепче, чем это принято думать даже в среде спиритуалистов... Вы задавали себе вопрос, дорогой Каррингтон: почему оба эти дела — об исчезновении Эммы Танцер и о так называемой афере Нордхилла — оказались у вас, почему вы вольно или невольно связали их друг с другом, когда пришли ко мне и рассказали о странных делах в вашей практике? Эти дела действительно связаны — гораздо прочнее, чем вы себе представляете.

— Шеридан пытался убить изменившую ему девушку, — продолжал я. — Но он не смог этого сделать, Эмма лишь потеряла память, ее нашли супруги Кларсон, взяли к себе, и она про-

жила там четыре года. Обратите внимание: в этом деле — а это действительно одно дело, а не три, — мы постоянно упускали из поля зрения то одну, то другую деталь, полагая их несущественными для данного конкретного расследования. Но именно эти несущественные, казалось бы, детали и позволяют воссоздать полную картину.

Мне пришлось сделать паузу, поскольку, пока я разглагольствовал, трубка моя погасла, и мне пришлось заново ее раскуривать. Каррингтон терпеливо ждал продолжения, а поезд тем временем ехал уже по лондонским предместьям, и оба мы понимали, что до прибытия на вокзал Виктория не сумеем разобраться во всех деталях и разговор или придется отложить на завтра (я видел, что Каррингтону этого хотелось меньше всего), или отправиться ко мне и завершить беседу за рюмкой бренди — если, конечно, не вмешается Джин и не начнет рассказывать (я-то знал, как она это умеет) о вещах, совершенно к нашему делу не относящихся, но составляющих смысл ее жизни в последние месяцы.

— Несущественные детали, говорите вы... — не выдержал Каррингтон.

— К примеру, — сказал я, с удовольствием вдохнув ароматный дым, — мы все время забываем о причине, по которой Эмилия-Эмма оказалась в больнице доктора Берринсона, — о ее так называемой клептомании.

— Так называемой? — поднял брови Каррингтон.

— Почему после того, как девушка оказалась в больнице, предметы перестали исчезать? Доктор применил новомодный метод лечения, говорим мы. Да, применил, но результат лечения мы оценили — вместе с доктором — совершенно неправильно! Давайте вернемся к концепции связи миров. Для этих трех человек — Эммы, ее убийцы и Нордхилла — связь нашего мира с тем, что мы называем потусторонним, оказалась крепка настолько, что начала проявлять себя в обычной жизни. Эмма не крада ничего, ей это и в голову не приходило. Но предметы исчезали — они «всего лишь» оказывались на некоторое время, а в иных случаях навсегда — в потустороннем мире. Эмма обладала такой уникальной способностью, и лекарства доктора Берринсона ее от этой спо-

способности не избавили, а лишь направили в иное русло: потеряв возможность перемещать предметы, Эмма обрела способность перемещаться сама из одного мира в другой и возвращаться обратно — к счастью, иначе первый такой случай спонтанного перемещения оказался бы и последним. Вот вам объяснение того, как Эмилия, исчезнув из запертой комнаты, оказалась в садовом домике.

— А тело, которое видели Грета и доктор...

— Да, тело! Перемещение Эмилии в пространстве вызвало смещение связи миров во времени. Грета с доктором увидели то, что еще не происходило, то, чему только суждено было случиться, — именно это и напугало Нордхилла, ведь в отличие от всех нас он с самого начала понимал, что происходит, и опасался за жизнь Эмилии — разве он не говорил об этом? И разве мы ему верили?

— Вы полагаете, сэр Артур, что духи, от чьего имени вещал Нордхилл, не являются плодом его фантазии?

— Нордхилл абсолютно лишен всякой фантазии! Он не способен вообразить даже ласточки, если не видит ее перед глазами или не слышит ее пения собственными ушами. Спиритические сеансы он начал устраивать не потому, что хотел на этом сколотить капитал, а потому, что не мог иначе: духи задавали конкретные вопросы, называли конкретных людей, которые могли на эти вопросы ответить, а он этих людей находил и ответы получал. В том, потустороннем мире шло расследование уже совершенного преступления. В том, потустороннем, мире в отличие от нашего органы дознания используют в расследовании и такой метод, как спиритизм, связываясь с миром, где аналогичное преступление также было совершено и где расследование уже завершилось, и, следовательно, имя преступника правосудию известно. Простая логика подсказывает, что поскольку они обращаются за помощью к душам умерших, то наш мир — для них потусторонний — находится, по их мнению, позже во времени: они еще живы, а мы уже мертвы, события, которые у них только-только произошли, для нашего мира — более или менее отдаленное прошлое.

— Но как же! — воскликнул Каррингтон. — Вы сами себе противоречите, сэр Артур! После вашей лекции и на основании моей практики я готов был к тому, чтобы признать существование мира умерших, мира усопших душ. Я готов был примириться со спиритизмом, но вы же все переворачиваете с ног на голову! Как наш мир может быть потусторонним...

— Будьте же последовательны, дорогой Каррингтон! Что делает математик, если видит перед собой два элемента последовательности? Разве он останавливается? Нет, он говорит: у последовательности существует третий элемент, и четвертый, и пятый... Это называется индукцией.

— А ваш метод — метод дедукции, — кивнул Каррингтон.

— Индукции, дорогой мой, индукции, а не дедукции! По глупости, не зная толком математических терминов, я объявил когда-то метод Холмса дедуктивным, а когда понял свою ошибку, поздно было что-то менять в рассказах и ни к чему было вносить смятение в умы читателей, уже успевших объявить дедуктивный метод лучшим в расследовании уголовных преступлений. На самом деле это, конечно, чистейшей воды математическая индукция — поиск особенностей, связывающих несколько элементов числового ряда, а в нашем случае — особенностей, связывающих отдельные улики, и поиск еще не обнаруженных членов этого ряда или еще не обнаруженных улик, изобличающих преступника. Именно этим занимался Нордхилл с помощью единственного доступного ему способа: спиритизма. Когда я понял, в чем была самая большая ошибка моей жизни...

— Господа! — сказал проводник, просовывая голову в приоткрытую дверь. — Лондон, господа! Вокзал Виктория. Мы прибыли.

Действительно, поезд уже стоял, за окном сновали люди, носильщики везли на тележках огромные чемоданы, кто-то кого-то звал, продавец вечерних газет громко выкрикивал заголовки — мы приехали и даже не заметили этого. Пришлось покинуть вагон, влиться в людскую реку, текущую к выходу. Мы молча вышли на привокзальную площадь, где я надеялся поймать такси и пригласить Каррингтона к себе.

Какова была моя радость (вы не представляете, как улучшают настроение такие мелкие непредсказанные детали), когда, едва мы покинули здание вокзала, я услышал свое имя, выкрикиваемое громким голосом, и увидел спешившего к нам Найджела.

— Сэр Артур! — зывал дворецкий. — Прошу вас, сэр! Машина там, у тротуара!

Мой седан действительно стоял у противоположной стороны улицы.

— Миссис Дойл, — продолжал Найджел, — телефонировала в госпиталь, и доктор Берринсон сказал, что вы с господином Каррингтоном выехали поездом в восемнадцать сорок три, вот госпожа и велела мне ждать здесь...

— Спасибо, Найджел! — прервал я дворецкого и обратился к Каррингтону с предложением выпить рюмку «Камо», а то и поужинать (наверняка у Джин есть что предложить запоздалому гостю) у меня дома.

— О... — смутился Каррингтон. — Я не хотел бы... То есть я хотел бы закончить наш разговор, но не хотел бы...

— Хотите вы того или нет, — твердо заявил я, — но машина подана, приглашение сделано, и вам придется его принять, если вы не хотите обидеть не только меня, но и мою жену, наверняка ожидающую, что приедем мы вдвоем. От нас вы сможете позвонить домой и предупредить свою дочь о том, что задержитесь на час-другой. Найджел вас потом отвезет.

Не желая выслушивать возражений, я раскрыл перед Каррингтоном дверь машины.

После того как мы — при участии примкнувшего к нам Адриана — расправились с куриными ножками в соусе (Джин нас, конечно, встретила, но участвовать в трапезе отказалась, сославшись на то, что ничего не ест после шести вечера), я провел Каррингтона в кабинет и здесь, закулив наконец и разлив по рюмкам обещанный коньяк, усадил гостя в кресло, сел за свой стол, а сын, не пожелавший упускать ни слова из нашего разговора, примостился на маленькой скамеечке у камина — это было любимое его место в моем кабинете, он

еще в детстве мог часами сидеть здесь неподвижно, глядя, как я работал и как вылетали из камина яркие искры.

— Мы ведь с вами христиане, дорогой Каррингтон, — сказал я, разлив по рюмкам коньяк.

Найджел принес на подносе блюдецко с лимонными дольками и моим любимым горьким шоколадом, я с удовольствием откусил кусочек, Каррингтон последовал моему примеру, Адриан предпочел сигарету.

— Мы христиане, — повторил я, — и верим в то, что смерть существует лишь для тела, а душа переходит в иной, приближенный к Создателю мир. Но каков тот мир, о котором так много говорят церковные адепты? Из многочисленных контактов с душами во время спиритических сеансов я вынес четкое ощущение, что в потустороннем мире души сохраняют не только свой земной характер, но и — в определенном смысле — земную оболочку. Они даже одеваются так, как одевались при земной жизни, сохраняют свои земные привычки, да и вообще у меня создалось впечатление, что мир усопших почти ничем не отличается от нашего — однажды вызванная медиумом душа рассказала, как они с приятелем ездили на пикник, как нежились на солнце, совсем так же, как мы делаем это здесь, выезжая на природу после долгой и холодной лондонской зимы.

У меня нет ни малейших сомнений в существовании загробного мира, — продолжал я, — как нет сомнений и в том, что души, в нем живущие, могут являться по зову медиума и отвечать на задаваемые им вопросы. Но много лет занимаясь этой проблемой, убеждая — и убедив, смею надеяться! — множество людей в том, что спиритизм ближе к науке, чем иные, казалось бы, сугубо научные направления, я сам долгое время находился в плену иллюзии. Мироздание, созданное Творцом, устроено гораздо сложнее, чем это представляется самым мудрым философам. Церковные же догматы и вовсе сводят устройство мироздания к простым механистическим представлениям: наш мир и мир загробный, состоящий из Чистилища, Ада и Рая. Мироздание для нищих духом. Впрочем, я не собираюсь ни разоблачать догматы церкви, к которым не испытываю почтения, ни критиковать представления моих дру-

зей-спиритуалистов, видящих лишь то, что представляется поверхностному взгляду.

Давайте, друзья, — продолжал я, — объединим науку с тем знанием, что дает нам спиритуализм, в том числе в том его виде, какой нам представился из рассказов Нордхилла. Какая картина возникнет перед нашими глазами? Иерархия материальных миров, связанных друг с другом духовными энергиями. Наш мир — лишь один из множества, он представляется нам единственным потому лишь, что мы в нем живем.

— Но, отец, — не выдержал Адриан, — ведь являются в наш мир именно духи! Не живые люди во плоти, а нематериальные субстанции!

— Конечно, — согласился я. — Связь между мирами осуществляют духовные сущности людей. Разве я отрицаю существование высших сил? Разве я отрицаю существование вечной души человека, стремящейся все выше и выше — к осознанию Божественной сути? Все это так, но, уйдя из нашего мира со смертью материального тела, душа вселяется в наше же тело в другом мире, может, более совершенном в определенном смысле, а может, и нет. Может, душа при этом опускается в мир менее совершенный, отстающий от нашего во времени? Или поднимается в мир более совершенный, мир будущего, приближенный к Вечности, о которой мы знаем только то, что в ней обитает Творец? Наша душа проживает в нашем же, но все-таки ином теле свою другую жизнь, а затем переходит в иной, более высокий или более низкий мир, и так происходит много раз...

— Ну, — неуверенно произнес Каррингтон, более внимательно, чем Адриан, следивший за моими рассуждениями и потому прежде моего сына ухвативший суть, — если так, то душа может и вернуться — сначала она поднималась в иерархии миров, потом — мало ли по каким причинам — стала опускаться...

— Конечно! — воскликнул я. — Душа может вернуться и вновь вселиться в тело в нашем мире, и разве не это индуистская философия называет реинкарнацией?

— Хм... — сказал Каррингтон и покачал головой, но я не позволил ему предаться ненужным сейчас рассуждениям о множестве материальных миров, соединенных друг с другом духовными энергиями. Нам нужно было раскрыть преступление, совершенное конкретным человеком, проблема заключалась лишь в том, что убийца — и следовательно! — существовали не вместе в одном мире, а отдельно — в двух или даже трех.

— Сколько дел в вашей практике, дорогой Каррингтон, остались нераскрытыми, — сказал я, — из-за того, что преступник исчезал, будто сквозь землю проваливался? Или из-за того, что вы не понимали мотивов преступления и потому не могли ограничить круг подозреваемых? Или потому, что факты противоречили друг другу и не позволяли выработать более или менее разумную версию? Много ли было таких дел?

— Сколько угодно, — мрачно ответил Каррингтон. — По правде говоря, сэр Артур, меня всегда раздражало в детективных произведениях — начиная с рассказов несравненного Эдгара По и заканчивая нынешней популярной сочинительницей Агатой Кристи (да и ваш Шерлок Холмс, извините великодушно, тоже таков), — так вот меня всегда раздражала рационалистическая логика расследования и абсолютная стерильность места преступления. Мне приходилось иметь дело и с такими случаями — я не утверждаю, что их не существует вовсе, — но происходило это так редко... Обычно все бывает наоборот, вы понимаете, что я хочу сказать...

— Конечно, — кивнул я. — Значит, и вы должны понять то, о чем толкую я. В нашем мире мы часто сталкиваемся с проявлениями сущностей из других миров, но проходим мимо, не замечаем, не обращаем внимания, а если и обращаем, то не верим собственным глазам, а если все-таки верим, то ищем, как говорит мой друг, замечательный физик Мэтью Берман, рациональное объяснение. И находим, а если не находим, то говорим о чуде — в чудеса-то все мы верим, даже если декларируем противоположное.

— Далеко же мы продвигались бы в расследованиях, если бы все непонятное относили к чуду, — с легкой иронией проговорил Каррингтон.

— Подумайте над моими словами на досуге, — посоветовал я. — А сейчас давайте вернемся к конкретному делу. Кто убил Эмилию Кларсон? Где и когда это произошло? Я полагаю, что в том мире, который движется во времени, отставая от нашего, некто Шеридан влюбился в юную Эмму — совсем как здесь, — она не ответила ему взаимностью, и он в порыве отчаяния убил несчастную. Там, а не здесь. Тамошняя полиция — полагаю, что именно тамошний старший инспектор Каррингтон, — начала расследование. И зашла в тупик: есть тело, есть подозреваемый, но нет улик. Нужны доказательства, где их взять? Где, дорогой Каррингтон?

— Если улики нет, — покачал головой Каррингтон, — то и взять их неоткуда.

— Если улики нет в нашем мире, — сказал я, — нужно искать их в мире ином. С нашей точки зрения — потустороннем. Видите ли, у меня сложилось впечатление, что там, — я поднял палец, хотя не был уверен в том, что мир, о котором толкую, находится выше нашего, — там полиция, официальные органы дознания иначе, чем здесь, относятся к духовной природе человека, к существованию иных миров, к связи между мирами, наконец. Там спиритизм — такой же способ получения информации о преступлении, как у нас — опрос свидетелей. Да, это свидетели — но уже покинувшие мир. Может даже — допрос самого преступника, если он успел умереть и душа его переместилась в мир, более высокий или более низкий.

— Вы хотите сказать, сэр Артур... — медленно проговорил Каррингтон, подняв на меня изумленный взгляд.

— Именно. Вы вспомнили вчерашний сеанс? Помните вопросы, которые задавал дух? Помните голос, который вы не признали, потому что трудно узнать собственный голос, особенно если он звучит в такой необычной обстановке? Там преступление уже было совершено и проводилось расследование. Там вызывали дух преступника, ушедшего в лучший мир следом за жертвой. И преступник ответил на все вопросы.

— Вы хотите сказать, сэр Артур... — повторил Каррингтон, начавший уже понимать, к какой мысли я его подво-

дил, но не способный пока ее сформулировать. — Извините, это полная чепуха! Никогда в жизни не слышал ничего подобного! Вы хотите обвинить меня в том, что... В том, что я... Я своим расследованием спровоцировал...

Он поставил на столик рюмку, поднялся и бросился вон из комнаты, не попрощавшись. Хлопнула дверь, и я взглядом попросил сына проследить за тем, чтобы Каррингтону подали его пальто и шляпу и чтобы Найджел все-таки отвез домой моего гостя.

Оставшись один, я взял с полки лучшую трубку из моей коллекции, набил ее лучшим табаком и, сев в кресло перед камином, закурил, представляя, как бедняга Каррингтон едет сейчас домой, думая о том, что Артур Конан Дойл сошел с ума и место ему в лечебнице доктора Берринсона. Но вернувшись к себе, поговорив с дочерью, выпив перед сном стакан молока и улегшись в согретую теплой грелкой постель, он все равно вернется мыслью к тому, что услышал, и, будучи человеком педантичным и рассудительным, пройдет шаг за шагом по всей цепи моих умозаключений, использует метод индукции, соединяя элементы этой мозаики, создавая единое целое из разрозненных и, казалось бы, не связанных друг с другом кусочков...

Адриан тихо вошел в комнату, сел передо мной и спросил:

- Он действительно ее убил?
- Конечно, — кивнул я.
- Но какой мотив? — настаивал сын.

— Каррингтон расследовал преступление, которое еще не было совершено. Мир меняется, сын, от того, что мы исследуем его соответственно с нашими о нем представлениями. Собственно, ничего не произошло бы, не будь Эмма-Эмилия уникальным по силе медиумом, способным соединять в себе не один и не два, а несколько миров, отстоящих друг от друга на годы в прошлое и будущее. Будь Эмма обычной девушкой, расследование Каррингтона завершилось бы успешно еще четыре года назад. Он нашел бы Эмму где-нибудь в окрестностях Большого Лондона, вернул ее домой... Но Эмма оказалась способна переходить из мира в мир, как мы пере-

ходим из одной комнаты в другую. Таких людей много, сын. Может быть, не меньше, чем хороших медиумов, не способных, однако, на то, на что была способна Эмма. Каррингтон не поверил в виновность Баскетта, продолжал поиски и в результате создал иную цепь событий, которая впоследствии развивалась уже без его непосредственного участия...

Адриан с сомнением покачал головой и, не желая вступать в спор, спросил:

— Ты идешь спать, отец, или еще посидишь здесь?

— Посажу, — сказал я, — подожду звонка.

— От Каррингтона?

Я промолчал, и Адриан удалился, пожелав мне спокойной ночи.

Я не думал, что ночь окажется спокойной.

Каррингтон позвонил во втором часу, когда я уже засыпал в кресле у погасшего камина. Телефон, висевший на стене у двери, трезвонил, наверно, больше минуты, пока я выбирался из глубины беспокойного сна и соображал, где нахожусь и почему колени мои прикрыты теплым пледом.

Трезвон прекратился прежде, чем я успел доковылять до двери. Должно быть, Найджел услышал звонок из своей комнаты и поспешил ответить. Когда я снял трубку, дворецкий говорил кому-то:

— Нет, сэр, вряд ли это возможно, сэр Артур уже спит, и если вы позвоните утром, то...

— Найджел, — перебил его голос Каррингтона, — это очень важно, и я уверен...

— Дорогой Каррингтон, — вмешался я, — я вас слушаю. Что произошло? Вы подумали над моими словами?

— Сэр Артур! — воскликнул Каррингтон. — Как хорошо, что... Я... Вы меня слышите?

— Конечно, — сказал я, на линии щелкнуло, это Найджел положил трубку на рычаг. — Конечно, я вас внимательно слушаю.

— Я об этой бейсбольной бите. Видите ли, вечером я позвонил в полицейский участок Бенфорда — это ближе всего к тому месту на Темзе, о котором говорил Нордхилл. Там и

сейчас работает Нил Шеппард, я его давно знаю, очень опытный полицейский... Я попросил его как-нибудь, если представится случай, поискать... Так вот, сэр Артур, эта бейсбольная бита... Ее нашел рыбак вчера днем и принес в полицию, потому что на бите оказались следы крови. Шеппард не знал, что с ней делать: во всем графстве не произошло вчера серьезных происшествий, тем более убийств. Нил, естественно, спросил, что мне известно об этом деле...

Каррингтон запнулся, и, немного помедлив, я спросил:

— Что вы ему сказали?

— Не мог же я признаться, что о бите мне стало известно от духа из потустороннего мира! — неохотно ответил Каррингтон.

— Что вы ему сказали? — повторил я.

— По сути — как было на самом деле...

— Как же было на самом деле? — Боюсь, что иронии в моем голосе прозвучало больше, чем мне бы хотелось.

— Ну... Сказал, что слышал об этой бите от душевнобольного, совершившего сегодня убийство без отягчающих обстоятельств.

— Без отягчающих, значит... — пробормотал я. — Что намерен Шеппард делать с битой? Перешлет в Ярд?

— Боюсь, что это невозможно, — мрачно сообщил Каррингтон. — Бита исчезла.

— Что значит — исчезла?

— Точно так же, по-видимому, как исчезали в присутствии Эмилии предметы, так же, как исчезла она сама из запертой комнаты... Биту принесли в участок, и Шеппард положил ее на стол. Он просто не представлял, что с ней делать. То, что там кровь, было ему понятно, но чья? Может, кто-то ударил собаку, и незачем ломать над этим голову? Его можно понять...

— Да, конечно, — вздохнул я.

— Он вышел, оставив дверь незапертой, а когда вернулся минут через десять, биты на столе не оказалось. Естественно, Шеппард попытался выяснить, не заходил ли кто-нибудь в кабинет, не было ли в участке посторонних... Потом при-

вели на допрос подозреваемого по совершенно другому делу, и... В общем, о пропавшей бите он вспомнил, когда я ему позвонил.

— Что вы намерены предпринять? — спросил я.

— Что я могу предпринять, сэр Артур? — ответил Каррингтон вопросом на вопрос. — Официально — ничего. Я на пенсии. Частное лицо, такое же, как вы. Если коронер решит, что дело ясное — а он наверняка решит именно так, — то даже на дознание нас с вами не вызовут.

У меня на языке вертелся еще один вопрос, но я не стал его задавать. Тем не менее Каррингтон ответил на мой незадаанный вопрос, сказав после небольшой паузы:

— Я думал над вашими словами, сэр Артур, весь вечер думал. О том, что я мог вызвать всю эту цепь событий своими действиями против Эдуарда Баскетта... Не думаю, что вы правы, сэр Артур. То есть если чисто дедуктивно... Или назовите это индукцией... Беллетристика, на читателя произвело бы впечатление... А в жизни... Знаете, сэр Артур, в работе каждого полицейского есть не один, не два — десятки дел, когда не сходятся концы с концами, а факты не укладываются в логическую схему, когда есть объект преступления, но нет больше решительно ничего, или когда имеется орудие убийства, но нет факта преступления... Вот как сегодня с битой... И если всякий раз обвинять себя в том, что это именно ты своими действиями спровоцировал сдвиги в мироздании, возбудил какие-то прямые и обратные связи между мирами... Не только работать, жить было бы невозможно. Сэр Артур, я уже почти уверовал в спиритизм, но после дела Нордхилла... После смерти этой бедной девочки Эмили... Не слишком ли вы все усложняете?

— Вы считаете Нордхилла шарлатаном или психопатом? — спросил я.

— Он больной человек. Я имел дело с такими, поверьте мне. Шизофреники, например, очень логичны — да вы сами это прекрасно знаете, — они вам такую дедукцию с индукцией расскажут, заслушаешься. Да только все это чепуха.

— Исчезновение Эммы и появление Эмили...

— До исчезновения Эммы? Случайность, сэр Артур, мало ли похожих девушек и мало ли случайностей происходит в жизни?

— Исчезновение предметов в присутствии Эмили...

— Девушка была больна. Она клептоманка.

— Исчезновение самой Эмили...

— Комната не была заперта, сэр Артур, из нее можно было выйти и незаметно...

— Бейсбольная бита...

— Мало ли куда мог спрятать Нордхилл оружие убийства... Да хотя бы закопать в саду, разве мы там все перерыли?

— А бита, что оказалась именно там... Вы сами назвали место!

— Где она? Ее нет. И если поискать в кустах на берегах Темзы... Сколько всяких предметов можно отыскать... в том числе и со следами крови.

— Вопросы, которые задавал дух...

— Дух или Нордхилл? Он спрашивал, верно, но не ответил ни на один наш вопрос. Странное поведение для духа.

— Ваш голос...

— Нордхилл — прекрасный имитатор.

— Зачем, черт побери, — воскликнул я, — было Нордхиллу убивать девушку? Она ему нравилась!

— У психопатов своя логика.

— Вы все для себя решили, — угрюмо констатировал я.

— Прошу прощения, сэр Артур, я подумал... Я христианин, я верю, что существует мир, куда уходят наши души. Верю, что души бессмертны. Я готов был поверить даже в то, что души могут нас видеть, являться нам и говорить с нами... Но эти миры, о которых вы говорили... Сдвинутые во времени... И души, которые эти миры соединяют... Слишком сложно. Для меня, во всяком случае. Если бы я, работая в Ярде, хоть на минуту допускал, что в моих расследованиях что-то зависит от иных миров... Ни одного дела я не смог бы довести до конца.

— Вы поедете на дознание в Туайфорд? — прервал я многословные излияния Каррингтона.

— Нет, сэр Артур. То есть если меня вызовут, то конечно. А сам... Нет. Извините.

— Спокойной ночи, мистер Каррингтон, — сказал я и, выслушав ответное пожелание благополучия, повесил трубку на рычаг. Подняв с пола плед, я сел в кресло, укутал ноги, раскурил трубку и долго сидел в полумраке при свете единственной небольшой лампочки над дверью. Ни о чем не думал. Точнее, мне казалось, что ни о чем. В состоянии полудремы я видел Нордхилла, пытавшегося спасти Эмилию от преследований Каррингтона, не подозревавшего о том, что именно его дух, управлявший поступками Шеридана, поднял битую и нанес удар, который Нордхилл не сумел отразить.

Я вспоминал, сколько раз такое случалось со мной — вещи терялись, а потом много месяцев спустя обнаруживались там, где их, казалось, невозможно было не увидеть раньше. Перочинный нож Адриана, потерянный им, а потом найденный в кармане брюк, которые он носил каждый день... Моя трубка, одна из самых любимых, пропавшая буквально на моих глазах, я отвел взгляд, а когда обернулся, не нашел трубку там, где она лежала минуту назад. Я помнил, как искал ее и все свое раздражение обрушил на Джин и Найджела, довел жену до слез, а трубку обнаружил на следующее утро — там, где она и должна была лежать все это время.

И еще... Если покопаться в газетных вырезках... Дело Перкинса — шесть свидетелей видели, как подсудимый подошел к жертве и ударил ее ножом, но шесть других свидетелей в то же время видели Перкинса совсем в другом месте. Суд поверил первым шести, потому что кровь на рукаве подозреваемого и кровь жертвы оказались одной группы и мотив у Перкинса тоже был, вот только самого Перкинса на месте преступления не было... если верить шести свидетелям. Суд сделал свой выбор, и присяжные согласились. Перкинс все время плакал и кричал, что невиновен, у него были безумные от страха глаза, это было видно даже на плохой газетной фотографии... Но его повесили.

А дело Макферсона — это прошлый год, июнь... Дело Лавлейса, которого оправдали, потому что исчезла одна из улик — констебля обвинили тогда в небрежном хранении

вещественных доказательств и уволили со службы... Бедняга никого не смог убедить в том, что все делал правильно.

Господи, сколько же было всего... В том числе и у Каррингтона. Я много лет изучал проблему явления духов, я присутствовал на сотнях спиритических сеансов, прочитал тысячи компетентных мнений и абсолютно надежных свидетельств, я всегда знал, что мир по ту сторону нашего, безусловно, существует, и единственное, что не давало мне покоя, что заставляло меня снова и снова обдумывать каждый известный мне случай — странное ощущение, будто чего-то я все-таки в этих рассказах и в собственных представлениях не понимаю. Порой духи, являвшиеся по зову медиума, были слишком просты и глупы, а порой говорили непонятно, будто горячечные больные. Сам себя я убеждал (и убедил) в том, что там, по ту сторону жизни, духи сохраняют те личности и личины, что имели при жизни; значит, там есть и умные, и дураки, и убогие, и гении, там дух Наполеона соседствует с духом базарного торговца, там дух египетского жреца беседует с духом тибетского ламы — мое представление было плоским, как представление африканского бушмена, впервые попавшего на Пиккадилли и решившего, что перед ним не многообразная жизнь огромного города, а красивая меняющаяся картинка, специально для него нарисованная на стволе дерева.

Понадобилась трагедия Альберта и Эмилии, понадобились два суматошных дня в лечебнице доктора Берринсона, чтобы я понял, насколько сложен на самом деле мир, который мы называем загробным и где материальные миры, подобные нашему, перемежаются мирами духовными, где низкое и высокое соседствуют друг с другом, а дух, вызываемый медиумом во время спиритического сеанса, может оказаться не личностью, а всего лишь сигналом, почтовым отправлением, таким же, как голос, звучащий по радио и передающий только то, что говорит состоящий из плоти и крови оператор в том, другом, более низком или более высоком, далеко от нас или близком мире.

И если все так — а это должно быть так, — то что я могу сделать для облегчения участи бедняги Нордхилла? Явиться на судебное заседание и, встав на свидетельское место, рас-

сказать о мыслях, пришедших мне в голову? «Творец, — мог бы сказать я, — настолько велик в своих деяниях, что мир, созданный им, не может оказаться так прост, как мы это себе представляли. Умирая, человек прахом уходит в землю, а душа его возносится, но разве заканчиваются на этом ее бесконечные преобразования? И разве те, высшие миры не связаны с нашим многочисленными нитями, которые мы видим каждодневно, но не понимаем того, что видим?»

Должно быть, я спал, потому что рассуждения мои перешли в видения, дверь в комнату открылась, и, тихо ступая босыми ногами, вошла Эмилия — в белом балахоне, с золотым обручем на голове, стягивавшим ее распущенные волосы. Она вошла, остановилась передо мной, и я совершенно явственно услышал ее голос: «Никто не уходит, и все остается, ушедшие возвращаются, и нужно лишь раскрыть глаза, чтобы видеть знаки... Вы еще услышите обо мне... Я вернусь...» «Кто убил тебя? — спросил я. — Шеридан? Каррингтон? Или, может, все-таки Нордхилл? Кто?» Она покачала головой и повторила: «Вы еще увидите».

В тот момент я прекрасно понимал, что она имела в виду. В тот момент я точно помнил слова, сказанные Нордхиллом — или духом, который говорил его устами.

Но потом наступил глубокий сон без сновидений, и утром, проснувшись в холодной комнате, я забыл смысл сказанного Эмилией, в памяти осталось лишь ее удивительное лицо и слова, произнесенные тихим печальным голосом: «Никто не уходит, и все остается...»

Плед сполз с моих колен и лежал на полу, в комнате было так холодно, что меня мгновенно пробил озноб. Ноги онемели, и я с трудом поднялся, чтобы позвонить Найджелу и попросить горячего чая.

«Морнинг пост», 28 октября 1926 года

...С того времени мне стало известно, что жизнь после смерти, общение и сопричастность живых и умерших являются реальностью, к чему вполне определенных и объективных доказательств, способных удовлетворить любого человека, не затененного предрассудком и могу-

щего по достоинству оценить факты, у меня накопилось достаточно...

...Но надо иметь в виду, что мир умерших не менее, а скорее гораздо более сложен, чем мир живых, чему каждый исследователь спиритизма также может найти множество совершенно объективных доказательств, мимо которых обычно проходит, будучи поражен самим фактом общения с силами, существующими в иных измерениях...

...Дело Кристи является превосходным примером использования психометрии в помощь детективам. Ее часто использует французская и немецкая полиция, но наши британские детективы этим методом пренебрегают, будучи консервативны настолько, что предпочитают вовсе не расследовать сомнительные, по их мнению, случаи, нежели привлечь к их изучению силы и возможности, о которых обычно отзываются с искренним пренебрежением...

А.-Конан Дойл

Зима выдалась снежной, я редко выезжал из своего дома на Виктория-стрит, лекции пришлось свести к минимуму, хотя приглашали меня и в Бирмингем, и в Ливерпуль, и даже в Глазго, где для моего выступления собирались подготовить огромную залу в старинном шотландском замке с привидениями. Я дурно себя чувствовал, приступы стенокардии случались все чаще, и домашние определенно становились жертвами моего все более портившегося характера.

Я ждал известий от Берринсона, каждый день просматривал газеты и делал множество вырезок, коллекция моя пополнялась, но вовсе не теми материалами, каких я ждал, не будучи в силах повлиять на события. Каррингтон прислал мне на Рождество красивую почтовую открытку, где твердым почерком написал несколько слов, из которых следовало, что бывший полицейский предпочел забыть обо всем, происшедшем в лечебнице, и даже о том, что сам втянул меня в расследование, приведшее к новому пониманию смысла и состояния всего сущего.

Я вежливо ответил на поздравление, а в первых числах нового, 1927 года вырезал из «Дейли миррор» и приобщи к своей коллекции короткую заметку о том, что жюри присяжных после непродолжительного судебного разбирательства по делу об убийстве Эмили Кларсон признало убийцу, Альберта Нордхилла, невменяемым и не несущим ответственности за свои поступки, после чего судья Реджинальд Мердок вынес постановление о содержании Нордхилла в психиатрической лечебнице вплоть до полного излечения или окончания его дней.

Бедный Нордхилл. Возможно, он предпочел бы быть осужденным на смерть, чтобы в одном из множества существующих за гробом миров найти свою Эмилию и быть с ней, с ее душой, а может, и с ее иной телесной оболочкой, поднимаясь из одного мира в другой, вышший, или опускаясь в какой-нибудь низший из миров — как поведет судьба...

Я позвонил Берринсону, и доктор, судя по голосу, был обрадован моему звонку.

— Рад слышать вас, сэр Артур! — сказал он. — Вы, конечно, читали о суде над моим бывшим пациентом?

— Бывшим? — спросил я. — Разве Нордхилл не на вашем попечении?

— Нет, что вы, — ответил доктор. — Я занимаюсь только теми случаями, когда могу оказать реальную помощь, излечить пациента, понимаете? К сожалению, Нордхилл был признан больным неизлечимо, и его поместили в Шервуд, это в Шотландии, дикое место, знаете ли, но поскольку содержатся там больные, потерявшие всякую связь с реальностью...

— Понятно, — пробормотал я и, быстро попрощавшись, повесил трубку.

28 февраля над восточной частью Англии пронесся ужасный ураган. Сильнейший ветер вырывал с корнем вековые дубы, в Дувре выбрасывал на берег суда, потопил в гавани десяток рыболовецких корабликов, а в районе Большого Лондона сорвал крыши с сотен домов, оставив без крова несколько тысяч человек. Ветер завывал всю ночь, стекла звенели, я

не мог заснуть, а утром — впервые после многих месяцев — мне позвонил Каррингтон. Трубку поднял дворецкий, и я слышал через открытую дверь кабинета, как он пытался объяснить звонившему, что хозяину нездоровится, он не может принимать телефонные звонки, и потому уважаемый мистер Каррингтон может сказать все, что хочет передать...

Я поднял трубку аппарата, с недавних пор стоявшего на моем рабочем столе, и сказал:

— Рад вас слышать, старший инспектор.

— Сэр Артур! — воскликнул бывший полицейский. — Вы хорошо спали эту ночь?

— Отвратительно, — признался я. — Ураган...

— Это она, сэр Артур. Это она, и я не знаю, что думать!

— Она? — удивленно переспросил я. — Кто — она?

— Вы не читали утренний выпуск «Таймс»? Урагану присвоено имя Эмилия.

У меня неприятно кольнуло под ложечкой, я представил себе выражение лица Каррингтона и сказал небрежно:

— Ураганам с некоторых пор присваивают женские имена, дорогой Каррингтон.

— Я знаю, сэр Артур. И вот что хочу сказать... Я говорил сейчас с доктором Берринсоном и с доктором Вильсоном из Шервуда... Ураган разрушил тот садовый домик, который... ну, вы помните... В здании больницы и в саду ничто не пострадало, а домик разрушило до основания... Но главное: ночью умер Нордхилл... Вы меня слышите, сэр Артур?

Я до боли сжал пальцы, державшие трубку.

— Да, — сказал я. — Слышу. Как он... Как это произошло?

— Доктор говорит: во сне. Альберт не проснулся утром — вот и все. А до Шервуда ураган не дошел самую малость. Ветер стих под утро...

— Теперь они вместе, — сказал я.

— Вы думаете? — неуверенным голосом сказал Каррингтон.

— Теперь они вместе, — повторил я.

В трубке долго молчали, я слышал лишь потрескивания на линии и, как мне казалось, чье-то тяжелое дыхание. «Теперь они вместе», — думал я.

— Сэр Артур, — произнес наконец Каррингтон, — я хочу вам рассказать об одном случае... Недели две назад я бродил в районе Сохо, мне там очень нравится, была хорошая морозная погода, много людей... Вы слышите меня, сэр Артур?

— Конечно.

— В толпе я увидел знакомое лицо. Не сразу узнал. Это была Эмилия. В том платье, что было на ней тогда... помните? Зима, холод, снег, а она в легком платьице... Она кивнула мне — определенно кивнула — и скрылась в толпе. Я бросился следом, искал, смотрел по сторонам...

— И ничего, — констатировал я.

— Ничего, — повторил Каррингтон. — Но я определенно ее видел, сэр Артур.

— Да, — сказал я. — И вы вспомнили десятки похожих случаев, когда видели на улице, в театре или в церкви знакомых людей, которых уже нет на этом свете, вы узнавали их, но потом говорили себе: «Показалось, всего лишь показалось».

— Вы думаете, сэр Артур, что этот ураган...

— Может, она знала, что в эту ночь Нордхилл придет к ней, — сказал я. — Может, она сама за ним пришла... Может, это всего лишь совпадение — то, что ураган назвали именем Эмилии.

— Совпадение, — с разочарованием в голосе повторил Каррингтон.

— Приезжайте ко мне, — предложил я. — Поговорим, покурим, выпьем бренди. Кстати, орудие преступления так и не нашли? Я имею в виду — то, чем убийца ударил Эмилию... В газетах об этом ничего...

— Нет, — сказал Каррингтон. — Я внимательно следил за тем делом. Не нашли. Впрочем, на решение судьи это обстоятельство не повлияло.

— Приезжайте, — повторил я.

Мы договорились о времени, и я положил трубку.

Бывший старший инспектор Скотленд-Ярда Джордж Каррингтон скончался в тот день от апоплексического удара, когда собирался в гости. По словам его дочери Патри-

ции, присутствовавшей при последних минутах отца, он успел сказать:

— Это я. Это сделал я. Но я же не знал...

Патриция подумала, что отец бредит.

Может быть, слова Каррингтона были признанием? В последний момент жизни человек понимает все — и то, во что никогда не верил, становится для него очевидным.

Я все чаще думаю о собственной смерти. Что увидит моя душа там, за жизненным горизонтом? Бесконечную череду миров, поднимающихся вверх, к Творцу, и спускающихся вниз, в темные долины времен? Или скучное обиталище наших вечных душ, не знающих, чем занять свои бесконечные годы?

Что там, за маленькой зеленой дверью в стене, отделяющей наш мир от следующего за нами?

Мне кажется, я уже знаю это.

СТАТЬИ

Алан Кубатиев

ДЕРЕВЯННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ДАНТЕ, или НИЧЕГО НЕ КОНЧИЛОСЬ?

Попытка осмысления (фрагменты)

*Все, что было в душе, все как будто опять
потерялось...*

Николай Заболоцкий

*Рассказывать следует только увиден-
ное, а не услышанное.*

«Поучение Птаххотепа»

Исповедь — дело опасное: начинаешь грешить именно потому, что боишься, что каяться будет не в чем.

А для мемуариста у меня непозволительно мерзкая память, и связанных дневников дольше трех месяцев я никогда не вел. Да и текст этот вовсе не о писателе.

Написано здесь о человеке, который не знает, почему он пишет. При многих внешних признаках современного литератора мне ближе аэд, манасчи, бродяга у костра в караван-сарае, платящий за приют и миску плова рассказом о том, в

© А. Кубатиев, 2005

незнании чего никто его никто не сможет уличить... Среди слушателей мог оказаться опытный путешественник, умелый воин, коммерсант, знавший о мире около дорог больше, лучше и точнее, разбиравшийся в том, кто и как правит и где что водится. Поднять на смех в большой компании, испортить репутацию — в два счета. Рассказывать надо было о мире, где не бывал никто. Кроме него.

Первые строчки, имеющие отношение к фантастике, были перенесены на бумагу классе в седьмом средней школы номер семь города Фрунзе. Это был роман. Первый и пока единственный. Назывался он «Бродяги всех времен» и писался в маленьких записных книжках печатными буквами высотой два с половиной миллиметра. Иллюстрации тоже рисовал я. Самым соблазнительным для меня была возможность вывести всех своих тогдашних друзей и подруг в лестном или карикатурном обличье. Роману, как фильму, был предпослан список персонажей и прототипов-исполнителей. Даже выходные данные были. Все, кто читал, забавлялись, пока дело не доходило до них. Но никто особенно не обижался, разве что Сашка Н., которого я изобразил неумеренно пьющим художником. Мы даже поссорились, но тут, кажется, я впервые угадал. Через полтора десятка лет прототип, не успев стать художником, все-таки совершенно спивается и умирает от переохлаждения под зеленой изгородью парка имени Фучика.

Книжки эти долго болтались в моем столе, а потом куда-то делись — навсегда и безвозвратно.

Читать фантастику я начал чуть позже, чем Стругацкие начали ее публиковать. Да что там Стругацкие... Номера «Техника — молодежи» с «Туманностью Андромеды» которые, аккуратно увязав, отец сберег в сарае, я потихонечку перетаскал к себе в комнату и прятал под кроватью. Все, что доходило до нашего забытого богом Чарджоу, я читал. Разумеется, Казанцева и Немцова я не избежал, но кто уберется? Да и маленькие томики «Пылающего острова» и «Арктического моста» были симпатичны сами по себе. Приятно было взять в руки. А тонущий в раскаленной лаве робот, из которого доносится

развеселая песенка? Горло перехватывало на первом сеансе «Планеты бурь»...

Вот первый рассказ я написал очень поздно. Кажется, года в двадцать два. Не уверен, что помню, как назывался, помню только, что был он фантастический, юмористический и для стенгазеты. Срам, да и только. По-моему, у меня был роман с кем-то из редколлегии и я поддался на нежные уговоры. До этого были всякие шуточки на бумаге, которые вроде бы сохранились у кого-то из сокурсников. Писались они главным образом на лекциях по истории КПСС, научному коммунизму и диалектическому материализму, расходились между сидящими и вызывали неприличное хихиканье. Сейчас я, правда, жалею, что был так легкомыслен. Бог с ними, с моими забавками; надо было стенографировать лекции!

Наши лекторы были почище того, который описан у Солженицына в «В круге первом». Чего стоил один Сулейман Кожегулов! Славный мужик, с искалеченной на войне голенью, он страшно любил рассказывать о своем фронтовом прошлом на лекциях, говорил, как нормальный человек, потом путался, спохватывался и возвращался к теме... И вот тут следовало запоминать каждую фразу... Но диктофоны тогда были величиной с атташе-кейс и доступны только журналистам, а конспекты я вел крайне творчески — четыре пятых были изрисованы чем попало, преимущественно холодным оружием и однообразно зловещими мордами. Жемчужины советской преподавательской лексики так и канули незапечатленными...

Больше всего времени уходило тогда на спорт. Бокс, борьба, первые полуподпольные рукопашки.

С друзьями ездил в стройотряды. После Иссык-Кульского землетрясения оказался в Тюпском районе, где строил и восстанавливал дома, о чем написал до сих пор неопубликованную нефантастическую повесть «Китайская рубашка». Одно из самых удивительных зрелищ в жизни — всесоюзный слет студенческих строительных отрядов и митинг на площади перед Пржевальским пединститутом (ныне Каракольский университет). Куда там карнавалу в Рио-де-Жанейро!

Потом был длинный перерыв, когда не писал ничего, кроме стихов, которые писал и до. При всей внешней развязности характера написанное между 1969-м и 1976 годом не показывал никому, даже подругам юности. Читал чужие, какие получше. Девушки того стоили.

Потом появились стихи, которых не стыжусь до сих пор, но их, слава те господи, мало. Те, прежние, сжег без малейших вибраций и не помню совершенно.

Попав в аспирантуру МГУ, читал до изменения зрения, шлялся по музеям — особенно по Музею искусств народов Востока. Но не по новому, на Суворовском бульваре, который вообще не музей, а по старому, «шкатулочке», на улице Обуха... Познакомился со своей будущей бывшей женой, которая для женщины невероятно много читала фантастики, да еще такой, которой я в глаза не видел, потому что была напечатана на языках оригиналов, а откуда в тогдашней Государственной республиканской библиотеке имени Чернышевского, в тогдашнем Фрунзе, оригиналы Стэплдона, К.С. Льюиса и Воннегута? Спасибо и на том, что был там замечательный однотомник Вордсворта.

Всесоюзная Государственная библиотека иностранной литературы, в просторечии Иностранка, была преддверием — и остается после всех изменений до сих пор. Все читанное там сейчас со свистом переводится, но оригинала все равно не заменяет — прошу считать меня снобом.

И тогда я написал свой второй рассказ, который и стал по-настоящему первым. Рассказ был более чем так себе, назывался «Несчастный случай», никогда нигде не издавался, и рукопись таинственным образом уцелела в бабенковском комодке.

Написан он был во ВГБИЛ, на верхнем ярусе научного зала, куда сейчас не пускают, потому что там нынче французская библиотека. В Москве теперь мест, куда не пускают, намного больше, чем при коммунистах.

А тогда там почему-то стояла деревянная статуя Данте в натуральную величину, а наверх вела винтовая лесенка. Помоему, я туда карабкался только из-за этой лесенки — мне,

выросшему в советской крупноблочной архитектуре, грезились тут какой-то изыск, едва ли не средневековый...

Под деревянным Данте, ожидая выполнения заказа, я его и накатал. И это все о нем.

Не сказать, чтобы произошел, говоря по Столярову, «прокол сути», но что-то изменилось. Кстати, я никогда не называл себя писателем — так меня называли некоторые люди, а я считал и считаю себя достаточно умелым литератором. Видимо, я начал входить во вкус обретения новых навыков — это мне всегда нравилось. Очень легко написались «Перчатка для перчатки», почти так же легко вылетел «Книгопродавец» и в первом варианте задумался «Ветер и смерть». Больше я никогда не писал так легко — я имею в виду фантастику.

Бывшая Будущая Жена — закодируем ее аббревиатурой ББЖ — прочитала рукописи. Именно рукописи: машинки у меня не было и денег на нее тоже. Да и печатать я толком не умел, зато писал довольно разборчиво. Потом неспешно сказала, что училась с Гопманом и что он все знает про фантастику. Вот так я впервые услышал о Володе.

Гопман пришел к нам в общежитие МГУ. Он был почти молод, жилист, тихо ядовит и очень тогда здоров. Это сейчас он кочует из больницы в больницу. Где-то я читал, что астма — это подавленный крик о помощи. Тогда он впервые развелся, писал диссертацию о Джеймсе Грэхэме Балларде, начинал заниматься каратэ, и получалось у него крайне прилично. Мы побеседовали, причем я слегка трепетал, и Гопман прочитал мои рукописи.

Одновременно или почти одновременно меня впустил в свою жизнь Георгий Иосифович Гуревич. Он выступал тогда в Центральном доме культуры МГУ на «Субботних встречах по интересам», и после встречи я подошел к нему. Седой, яркоглазый, чуть язвительный; меня он тем не менее принял, однако предупредил: «Знаете, ведь с публикациями я помочь не могу!» И тогда я сказал чистую правду: «Не имеет значения».

Самого факта встречи было уже больше чем достаточно. В семейном альбоме есть снимок, где я лежу пузом на дива-

не и читаю «Все, что из атомов» в «Знании — сила», под глазом у меня фонарь и лет мне там вроде бы десять. А может, и меньше. Всегда был слаб насчет своей биографии.

Потом последовало приглашение на Гоголевский бульвар, в дом конструктивистской архитектуры, который строил его отец, мягкий разговор и выставленные по пятибалльной системе оценки. После этого мы долго дружили.

Гопман познакомил со своим тогдашним соавтором, молодым московским физиком, который тоже оценил меня по какой-то своей шкале и пригласил ходить на встречи секции фантастов СП СССР, куда ходили уже несколько таких же, как я. Меньше чем за члена СП его не принимали. В отличие от нас с Гопманом он даже давал гардеробщикам Союза писателей СССР на чай. Звали соавтора Михаил Андреевич Ковальчук.

Все летело стремительно, развивалось неожиданно, и все же писателем я себя не чувствовал. Это произошло позже.

На первой встрече, то есть самой первой, у старосты Виталия Бабенко в переулке не то Красных танкистов, не то Советских снайперов, мы просто читали друг другу небольшие рукописи и пили надлежащие жидкости. Я тогда не пил вообще, и человечный Бабенко наряду с водкой для прочих заготовил для меня бутылку шипучки «Салют». Неосмотрительно хлебнув безалкогольного вроде бы питья (чуть ли не первый коммерчески прорекламированный советский продукт), на следующее утро я впервые в жизни мучился классическим похмельем, хотя накануне был совершенно трезв, поэтому события запомнил слабо. От меня долго разило неподдельным сивушным перегаром.

А потом была уже встреча посерьезнее. Мы встретились большой компанией на холостяцкой квартире МК — располагалась она над знаменитым магазином «Российские вина». О том, что Дмитрий Биленкин, Евгений Войскунский и Миша пробивают семинар молодых писателей-фантастов на манер уже заматерелого тогда ленинградского, я, в общем, и не знал. Хватало кайфа от общения с авторами читанных еще мальчишкой книг; политиком я не был и не стал, но за семинар —

спасибо. Всем, кто его делал, всем, кто его не утопил, всем, кто в нем был, остался и ушел.

Над «Российскими винами» мы уже работали по-семинарски.

Прошу, умоляю — читайте эту фразу совершенно буквально!

Первой жертвой был Саша Силецкий. Репутация тонкого стилиста и гения у него уже имелась. Как столько рукописей размещалось в его однокомнатной квартире, не знаю. Штучки с параллельными пространствами и лентами Мёбиуса. Но изрядное количество хороших вещей мы тогда отобрали, а из них отобрали то, что будем обсуждать.

Силецкому досталось и едкого, и сладкого, спор был достаточно громкий. Автор, призванный произнести заключительное слово, пучил глаза и говорил: «Ребята, со мной никогда такого не было! Даже Роман (Подольный. — А.К.) говорил всего-навсего «хорошо» или «нет, не пойдет» и в любом случае не печатал. Но чтобы так — это в первый раз!..»

А потом состоялся первый семинар. На нем обсуждали меня.

Не оттого, что я был самый крутой. Просто к тому времени я уже был женат, и на свадебный дар купил импозантнейшую югославскую портативку, «ТБМ Де Люкс», а на ней совместными усилиями ББЖ и моими было отшелкано несколько копий всех рассказов. Я мог их представить, остальным же надо было готовиться.

Каминная гостиная ДЛ... Туда надо было идти через зал ресторана... Дубовые панели, витые лестницы, пьяненькие классики и их подружки... Огромный коллективный шарж легендарных Кукрыниксов на стене... На мое провинциальное воображение это действовало довольно сильно, хотя и недолго.

Я, в общем, чувствовал себя способным отбиться от любого наскока и ощущал скорее азарт, чем трепет. Но уже наверху Дмитрий Александрыч мимоходом спросил Бэлу Григорьевну

Клюеву: «Аркадий-то приехал?» «Да, — был ответ. — Пока в буфете». Вот тут я и обмер.

Аркадия Стругацкого я уже видел в МГУ. Я полюбил его сразу. Но одно дело рандеу по путевке Бюро пропаганды советской литературы, и совсем другое — когда он читает твои рукописи. Тогда я не знал о нем всего, что знаю теперь... Я его боялся.

Аркадий Натаныч пришел и сел за нашими спинами. Обсуждение началось. Мне, как и Саше, перепало всего. Помню плохо, записи не сохранил — надо, надо заводить архивы, над рукописями трястись! — но вроде бы первая половина отводилась «прокурорам», а вторая «адвокатам». Или наоборот. В память запала фраза юной тогда милейшей женщины Алены Соловьевой. Она занималась скандинавистикой, в том числе и фантастикой скандинавов, и была звана для участия. Меня она обвинила в «насильственной интеллектуализации прозы». До сих пор не очень понимаю смысл оценки, но наслаждаюсь ею, как красивым иероглифом на спине пляжного халата.

Дмитрий Биленкин, поблескивая хитрыми глазами над ассиро-вавилонской бородой, слушал всех и посмеивался. Когда накал стал спадать, он произнес: «Ну что ж...»

Аркадий Натаныч офицерски прокашлялся и поинтересовался: «Ты позволишь мне высказаться или все уже завершено?»

Тут все засуетились и закричали: «Конечно!.. Разумеется!..» и, по-моему, даже: «Просим!..»

Аркадий Натаныч прокашлялся теперь академически и смолк. Выдержав красивую паузу, он спросил — меня: «Какой это у вас рассказ? По счету, я хочу сказать?»

Речь шла о «Книгопродавце». Он был написан с вполне приличного реального человека, который книгами не занимался никогда, я сам не ощутил этого, но родная жена его узнала, равно как и прочие. Это был мой третий рассказ. Не знаю почему, но я соврал.

«Пятый», — сказал я, вспотев.

Аркадий Натаныч опять удержал паузу. Какая у него была чудесно неправильная фонетика! «С» он говорил почти как английское «th».

«Ethли б мы th братом напithали не пятый, а пятьdethят пятый такой pathказ, мы могли бы гордитьсяthя», — величаво сказал он.

Я обмер вторично.

Конечно, я понимал, что это говорит очень добрый, очень пылкий и увлекающийся человек, и я еще не знал, сколько людей будут меня потом ненавидеть только за эту фразу. Но Боже мой!.. Как мне хотелось, чтобы это было правдой...

Все, что он говорил потом, до меня не очень доходило.

Увлечшись, он стал развивать и усиливать фабулу, немножко на кафкианский манер, но вдруг спохватился и так же величаво изрек: «А впрочем, это сделали бы мы, а не вы. Поздравляю вас с рассказом. Работайте».

Так меня окрестили. Потом было много всего.

Хотя уже тогда ко мне отнеслись всерьез, но я все же был среди начинающих. В команде были люди с одной-двумя НФ-публикациями (это были почти ветераны), люди, много лет занимавшиеся журналистикой, но фантастику еще не печатавшие, и люди, много лет уже писавшие в стол. Из той кучи рукописей, которой мы начали обмениваться, я выделил для себя нескольких авторов, находившихся примерно на том же уровне, что и я. Виталий Бабенко уже напечатал один рассказ в «Искателе», и мне страшно нравились его хармсовско-зощенковские миниатюры, кое-что из них было потом опубликовано. Очень и очень интересен был Боря Руденко, тогда капитан милиции и сотрудник ОБХСС, совершенно не писавший детективов, в которых он, к сожалению, сейчас завяз. «Сурки» и «Подарки Семилиранды» для того времени были просто очень яркими вещами.

Но интереснее и, наверное, талантливее всех нас был Володя Покровский, тогда еще физик, работавший в Курчатовском институте. Одессит, перебравшийся в Москву, при всем юморе и живости характера очень мало похожий на укоренившийся тип южанина, даже говоривший без ТОГО САМОГО акцента, он писал рассказы и уже потом, если не ошибаюсь, за рамками семинара написал два романа. Даже сюжеты он выдумывал талантливее прочих. Естественно, всем нам

приходилось держаться рамок, за которые — мы знали это ж...й — цензура и редакторы нас не выпустят. Цикл о городе Ежополе Саши Силецкого, например, существовал только в приятельской среде. Володя ухитрялся даже в дозволенной серятине отыскивать что-то необычное. Его рассказ о разумных бомбах был маленьким шедевром, потому что дело было не в пропаганде официальной доктрины борьбы за мир и разоружение, а в рассказе о двух судьбах, человека-истребителя и робота-убийцы, решившихся пойти против судьбы и погибших...

«Время темной охоты» был еще одним шедевром, совершенно несвоевременным. Ну вот подумайте сами, что могла значить тогда жестокая и совершенно реалистически выписанная история маленькой человеческой колонии на планете с гуманоидным населением, колонии, брошенной Землей на произвол судьбы и отказавшейся вернуться в лоно человечества, когда о ней запоздало вспомнили? Русские, оставленные жить в бывших советских республиках, могут узнать в этой истории практически все... Но теперь. А тогда она была просто горькой и изысканной сказкой. Он и сам не до конца был уверен в том, что написал, и потому обсуждал первый текст со всеми нами, и мы, разумеется, с готовностью получали его, как надо написать эту вещь. К сожалению, Володя послушал нас и попытался учесть все требования, как тот мальчик из «Молекулярного кафе» Ильи Варшавского. Затем рассказ взяли в «Знание — сила», и там редакторы тоже поработали...

И третьей запомнившейся мне вещью был рассказ «Утка над морем». Он тоже напечатан — в каком-то довольно солидном по тогдашним временам журнале. У Покровского была целая серия нефантастических вещей, всей прелести и даровитости которых я тогда оценить не мог. «Утка над морем» — одна из них. Не буду пересказывать. Скажу лишь, что это рассказ о человеке, которому всей его судьбой решительно было отказано в возможности стать художником.

Володя пишет мало. Даже меньше, чем я. Несколько лет назад мелькнул его рассказ «Георгес», стильный и опять жутковатый, но это опять-таки все.

Эд Геворкян пришел в семинар, когда я из него практически ушел. Но в нем он появился сложившимся писателем. «До весны еще далеко» ударил в сердце так же, как и «Утка над морем». Кстати, мало кто знает, что Виктор Пелевин в немалой мере был введен в литературу именно Эдом, который обильно печатал его в «Науке и религии», где тогда работал. За что Пелевин, по пелевинскому обычаю, впоследствии обдал Эда могучей струей нечистот, как и многих бывших друзей и соратников.

На одно из заседаний, помнится, в каком-то из конференц-залов живого тогда «Прогресса» я был вынесен с «Штруделем по-венски». Его разнесли дружно. Но так же дружно в перерыве все помчались в буфет — значит подействовало?..

На другом получил свое за «Только там, где движутся светила». Многим казалось, что рассказ перегружен. Миша Ковальчук сделал около девяноста пометок на рукописи, выделяя, на его взгляд, лишнее. А мне кажется, что лучшего я не написал. Это был едва ли не единственный мой рассказ, который я ВИДЕЛ — от начала до конца. Много уже лет спустя несколько раз мучился, встречая людей, которых не мог вспомнить; а они просто были оттуда.

Дальше поезд начал набирать пары.

Роман Подольный взял с подачи Вл. Гакова «Книгопродавца» в «Знание — силу». Он позвонил мне в общежитие вечером и долго эзоповым-эзоповым языком объяснял мне, что надо переделать. Поняв едва ли треть сказанного — уж очень эзопов был язык, я перетрусил и сделал из фразы «глянцевые скулы самого настоящего негра» идиотское «нездешне смуглое лицо».

Оказалось, что в главлитовском перечне Чего Нельзя есть и слово «негр» — чуть ли не со времен Московского фестиваля молодежи и студентов. Это и было мое первое из двух столкновений с цензурой.

Родилась дочка, защитилась диссертация, я переехал в новосибирский Академгородок и стал работать в тамошнем университете. Интересного было много, но я пишу все же больше о фантастике.

Тогда в Академгородке жил Гена Прашкевич, который и сейчас там живет, и да продолжает он это прекрасное занятие, Давид Константиновский, который теперь, кажется, живет в Москве, и Леонид Треер, с которым я так и не познакомился, хотя очень хотел.

Гена сделал для меня очень много. Это он меня принял в Городок. Друзей у меня тогда не было, хотя было много знакомых ББЖ. Позже появился умный и добрый, но слабый друг... Пусть ему будет хорошо. Вряд ли мы с ним встретимся снова.

А Гена принимал меня даже тогда, когда ему самому было паскудно, помогал мне как издатель и просто так. На моих глазах его едва не зачеркнули совсем, но он выстоял. Доставалось ему чаще от тех, кого он ввел в литературу: големы, как правило, оказываются полувоплощенными существами и ненавидят прежде всего своего создателя; но и партийные органы его вниманием не обходили. Дурацкая, чудовищная цензура цеплялась к самым невинным его вещам, его книги драили проволоочной щеткой. И все равно он был человеком. Даже когда нас очень талантливо поссорили, он помирился со мной первым. Он познакомил меня с Борей Штерном, приезжавшим к нему в гости, и со многими другими замечательными людьми.

Июнь 2004 года. Шефаим — чудное местечко между Тель-Авивом и Нетанией. Жаркая (имеется в виду температура воздуха) ночь. В нескольких сотнях метров шумит Средиземное море, а над нами в горячем ветре шелестят пальмы. За нашим столом сидит Райна, культурный атташе Болгарии в Израиле, без пяти минут посол, и с неподдельным интересом слушает мой творческий пересказ истории Гены Прашкевича (надо учесть, что собственный рассказ Прашкевича был еще более творческим) о том, как ему не дали ордена Кирилла и Мефодия... Райна за рулем и потому вина не пьет. Четвертая бутылка чудного местного «пино нуар» заставляет меня горестно допытываться, откуда такая несправедливость, но Райна оправдывается, что она тогда не была даже дипломатом, и мне удастся, пока она не

сбежала за руль и посредством руля в резиденцию, вырвать у нее обещание, что она теперь непременно поспособствует получению Геной знаменитого ордена Льва и Солн... тьфу, простите, Кирилла и Мефодия.

Люблю делать добро, да еще приятными усилиями в приятной обстановке.

Литературная организация региона приняла меня странно. Выбыв из комсомола и потеряв до этого билет, я больше так и не попал ни в одну партию. В партию советских сибирских писателей — тоже. Прежде всего потому, что и не особенно рвался. Потом я услышал от Кира Булычева фразу из совписовского фольклора: «Я уже писатель, так зачем мне быть еще и членом?» Весело; но и это был не мой резон.

Непреднамеренно я ужасно оскорбил Виталия Зеленского, председателя Новосибирского СП, назвав его по ошибке секретарем. Мне, кажется, было сухо пояснено, что секретари бывают либо на самом верху, либо на самом низу. Или наоборот — председатели наверху... Я не знал, как, впрочем, не знаю и поныне.

СП, располагавшийся на первом этаже обыкновенного жилого дома, лучше всего описан в Гениной повести «Возьми меня в Калькуте», равно как и процесс его, Прашкевича, уничтожения. В изрубленном сборнике был и мой рассказ, но сравнивать, конечно, нельзя. Для меня это никаких последствий не имело. Мне даже гонорар заплатили полностью, из чего вывожу, что для режима я опасен не был.

Потом я несколько раз попадал на всякие тамошние писательские сборища и всякий раз испытывал одновременно несколько чувств. Первое заключалось в том, что по отдельности и в общении это были яркие, интересные и даже талантливые люди.

Но в писательской куче, пропитанной совсем не литературными соками, они как-то превращались в то, чем быть совсем не стоит. Количество переходило в некое пугающее качество. Второе, горячее чувство родилось именно там и заключалось в том, чтобы написать нечто, сразу отделяющее

меня от них, либо ничего никогда не писать больше, чтобы с ними не путали. Второе, увы, удавалось чаще.

Несмотря на сказанное выше, меня отчасти приняли в стаю. Несколько вещей были напечатаны в «Молодости Сибири» и в «Сибирских огнях» — по тогдашним временам это был очень сильный региональный журнал. Там вышли сборники, в которых я был счастлив участвовать. Гена Прашкевич заткнул парой моих юношеских стихотворений дырку в поэтическом сборничке «Первые строки». Меня приглашали на заседание «Амальтеи», новосибирского клуба любителей фантастики. Я познакомился со славным человеком Михаилом Петровичем Михеевым, автором нескольких замечательных приключенческих романов и детективов, отвлекавшимся и на неплохую фантастику. Саша Бачило, только что начавший писать и издавший пару уже хороших рассказов, нашел меня сам — он жил в Академгородке, неподалеку. Толя Шалин, унылый и лопоухий, как и его фантастика, но, в общем, невредный человек, ушедший по страстному желанию печататься из научных сотрудников в редакторы и не успевший натворить много зла. Недолго, но тепло дружил с Витей Старадымовым, поменявшим почтенную профессию инженера-электронщика на рискованный хлеб книжного графика, карикатуриста и иллюстратора фантастики.

Два года до самого отъезда делал небезынтересную литературную программу на новосибирском телевидении, вызвавшую скандал и негласный запрет обкома партии, и даже участвовал в подготовке очень славного предновогоднего НФ-шоу, начавшего оглушительную телевизионную карьеру Саши Бачило.

Успел я попасть и на первый Всесоюзный семинар в Малеевке. Участников на него собирали по всему Союзу; были талантливые люди, были разнорядочные графоманы, были просто случайно угодившие; многие даже из талантливых так и не остались в фантастике, вроде Людэ Синицыной и Бориса Руденко, но многие пишут до сих пор. Первыми там были и Женя Лукин, и Слава Витман, теперь Логинов, и ка-

нувший в неизвестность Валера Цыганов (в Питере на вручении «Странника» мне сказали, что он жив и здоров!..), и Самвел Диланян, и ушедший Боря Штерн, и практически весь Московский семинар, и многие другие, и меня опять обсуждали первым. «Кысмет»*...

Нашу группу вел Дмитрий Александрович Биленкин — мир его праху, тому, что было талантливым писателем и журналистом, человеком веселым, умным, наблюдательным и достаточно жестким, чтобы быть добрым...

Когда мы уже обосновались, то стали происходить непонятные вещи. Невозможно было дозвониться в город и за пределы. Кабель телефонов Дома творчества был запараллелен с воинской частью — возможно, в том и было дело. За неимением серьезных дел бродил с Валентином Берестовым и его женой, чудесной сказочницей и художницей Татьяной Михайловой, по окрестностям, дыша промозглой осенью и жадно расспрашивая их обо всем — о хорезмских раскопках, о Николае Ушакове, о Заболоцком, о Маршаке, о Корнее Чуковском, о... обо всех, кого я уже никогда не увижу. Их обоих — тоже.

Я уже сказал, что не разбираюсь в политике. Поэтому на следующий день мне было важнее то, что на меня нападали и за «Только там...», и за «Портрет с коляской». Огрызаться я уже научился. Но меня хвалили — за «Только там...» и убивали за «Портрет с коляской». Вот все уже кончилось. Дмитрий Александрович произнес итоговое слово, где, как всегда, выловил лучшее из всех оценок и добавил то, чего не заметил никто. Все отдулись, выкусили шерсть из-под когтей и начали мирно переговариваться. Я стоял у окна и уже собрался сесть, когда вошла Нина Матвеевна Беркова. Кругленькая, улыбчивая, всегда посвечивающая глазками, сейчас она была серьезна.

«Товарищи, — сказала она. — В жизни нашей страны произошло важное и трагическое событие. Скончался Леонид Ильич Брежнев».

* Судьба (вост.).

Мы встали — кто ошарашенно, кто слегка развязно. Я уже стоял и чувствовал что-то, чего пока словами не определил.

«Мне кажется, — добавила Нина Матвеевна, приличествующе помолчав, — достойнее всего в такой ситуации будет, если каждый будет продолжать делать свое дело...»

Она вышла.

Первым среагировал Самвел Диланян. Умница, полный тезка Сэмюэла Дилэни, автор прекрасной пародии на Рэя Брэдбери, великолепный абсурдист — где-то он сейчас? — он заспешил к окну, якобы собираясь курить. А по дороге он оглушительным шепотом сказал мне:

«Твой малчик всё-таки убил президента!..»

Тут я и понял, чего я не понимал. Но для этого надо пересказывать «Портрет с коляской», а я его давным-давно разлюбил. Словом, произошло сцепление реальности с фантастическим сюжетом.

Не знаю, каким образом слух о моем виртуальном покушении прошел по Малеевке. Но несколько писателей и особенно их жен отлавливали меня в коридорах и столовой и жарким шепотом объясняли, что у меня установилась связь с тем местом, где формируются явления, и чтобы я был осторожен... Я клятвенно обещал быть осторожнее с этим местом и сдержал клятву. А в том, что кто-то из генералов уронил гроб, я, ей-богу, не виноват. Вот уж этого я не писал.

ББЖ выдернула меня со второй недели семинара, поэтому полноценным свидетелем я считаться не могу.

Однако там я впервые прочитал ленинградцев.

Познакомился я с ними еще раньше. Миша Ковальчук отвез несколько моих рукописей на заседание семинара Бориса Стругацкого, и меня заочно обсудили. Подробнейший протокол был мне переслан с комментариями Феликса Суркиса, бывшего тогда старостой семинара: он деликатно утешал меня, что не самые высокие оценки получали и признанные классики... Честно говоря, я не переживал. Мне казалось, что они неправы.

Но в стылой, ледяной Малеевке я прочитал несколько привезенных туда вещей Славы Рыбакова, что-то из малых

вещей Логинова и — «Ворон» Андрея Столярова. Впечатление было оглушительным.

Табак я переносу очень плохо, поэтому на дымных посиделках долго не выдерживал. Сбегал к себе и укладывался читать рукописи. В полутьме, практически под одеялом, как в детстве (было очень холодно), я разбирал слепую третью копию на желтой «газетке», и каждое прочитанное слово начинало вдруг светиться. До сих пор считаю, что это одна из лучших вещей, написанных о литературе и ее магии. К сожалению, Андрей потом никогда не публиковал тот список. Но и напечатанные хороши; просто в этом варианте было несколько эпизодов, написанных в совершенно уникальном строе, смеси фарса и трагедии...

Очень интересными оказались и рассказы Феликса Суркиса, особенно один, варьирующий миф о Галатее и Пигмалионе, где старый Пигмалион умирает, а медленно живущая Галатеея находит его могилу и остается с нею, очаровательная, со множеством загадок фэнтези о девочке-сове и многое другое. Судьба к Феликсу оказалась жестока. Или он к ней? Он поменял литературу на бизнес, а бизнес, похоже, был ему противопоказан.

Лукин, «худой и молодой», писавший в соавторстве с женой, привез несколько вещей, но лучше всего запомнилась «Каникулы и фотограф», одна из редких тогда юмористических НФ-повестей. Несмотря на вполне понятные конъюнктурные моменты, она была написана очень мастеровито, нигде не провисала и вспыхивала неожиданным и забавным финалом.

Очень и очень интересна была Марина Бернацкая, журналистка из Калуги... Нам удалось даже напечатать один из ее рассказов, «В селе за рекою», остальные ее вещи, не менее и даже более яркие, к сожалению, остались за кадром... Евгений Сыч, написавший очень интересную повесть по антуражу семинара, довольно жестоко прошелся в ней по Марине, непонятно почему его невзлюбившей. Она фантастически умела ссориться — характер был тяжеловат. Не знаю, была ли напечатана ее отличная полуфантастическая повесть «Тео-

рия и практика глобальных катастроф», где в том числе последовался и феномен культа Циолковского.

(На одно из так называемых Циолковских чтений мы ездили практически всем семинаром. До Калуги добирались электричкой, причем вся компания зверски резалась в преферанс. Я в карты не играю, а в преферанс особенно, но смотреть на это и слушать преферансный фольклор было жутко интересно: чувствовал себя марсианином, которого забросили на Землю, но маленько недоучили русскому. Честно говоря, Циолковский меня никогда особенно не интересовал, и до сих пор я не попытался выяснить для себя, кем же он был на самом деле — продуктом советского мифотворчества, таким Лысенко от космонавтики или взаправду домодельным гением. Даже сейчас, читая обстоятельную и ядовитую статью В. Березина, так и не въехал до конца. А как фантаста я его воспринимаю исключительно в силу академической добросовестности. Больше всего мне хотелось посмотреть на Калугу, ставшую к тому же фоном для новой экранизации повести Кира Булычева «Марсианское зелье».

Размещали нас у друзей и знакомых, и огромное количество народу было засунуто в однокомнатную квартиру Марины. Опять-таки топологическая загадка. Но после того, как в молодости мы танцевали большой компанией в меньшей комнате двухкомнатной панельки, я уже ничему не удивляюсь. Не тем занимается наука физика, нет, не тем.)

Но Малеевка оказалась лично для меня еще и островом сокровищ. То, что меня тяготило в Академгородке, начало сразу же благотельно облегчаться тем громадным количеством писем, которые я писал и получал... Это было так здорово. Ну какой интернет сравнится с тем, как разрывается клапан конверта, окантованного упоительной красно-синей полоской, и с тем, что внутри, исписанным почерком, в котором узнаешь друга...

Удивительные письма с карикатурами, стихами и песенками писал тогда Женя Лукин. Белка, царство ей небесное, либо приписывала крупным и как бы улыбающимся почерком (Женька писал каким-то дивным полууставом или печатал) и тоже очень часто вписывала стихи. Чаще всего это

была желтая, так называемая потребительская бумага. А еще Женя любил писать на газетном срыве, которого у него, в те поры выпускающего «Волгоградской правды», было до фига. Многие свои тогдашние вещи он писал в самодельной тетради, стопе этого самого срыва, зажатого меж двух металлических планок на болтах. Очень похожая тетрадь, беспощадно пародировавшая «Чукоккалу» и называвшаяся «Упанишады», лежала у них в туалете, генерируя соблазн не выйти, пока не дочитаешь или не перечитаешь. Писали все. Честно скажу, не помню, что там оставил, но, по-моему, ничего замечательного. Но это было потом, а тогда были письма.

Женя писал: «...Роясь в словаре инслов 1888 года, вырыл очередной парагон. Называется — «проктофантазмост». Цитирую: «...тот, кому вследствие боли заднего прохода или живота показываются разные привидения». А? Проктофантазм! Черт возьми, да ведь это жанр! Я даже знаю авторов, его разрабатывающих!»

Через сутки ровно, перечитывая «Золотой горшок» Гофмана, я наткнулся на такие строки: «...— Да, — прибавил он, — бывают частые примеры, что некие фантазмы являются человеку и немало его беспокоят и мучают. Но это есть телесная болезнь, и против нее весьма помогают пиявки, которые должно ставить, с позволения сказать, к задку, как доказано одним знаменитым, ныне покойным, ученым...»

Вторая Малеевка была для меня не так удачна. Я никого не убил и даже не обличил. За «Все в одной лодке» я получил по полной норме; честно говоря, было за что, хотя на многие упреки я достойно ответил. Но пауза, та самая роковая пауза, была совсем рядом. Началось, видимо, с болезни.

Старая спортивная травма несколько раз укладывала меня под скальпель. Но я все же успел написать и опубликовать «Перчатку для перчатки», «Ветер и смерть», «Снежный Август», «Портрет с коляской», «Несколько сотен граммов благородных металлов», «Да услышат зовущего», «Штрудель по-венски» и, кажется, новый вариант «Только там, где движутся светила».

Гена Прашкевич пробил в Западно-Сибирском книгоиздательстве сборник фантастики, куда, кроме реальных сибиряков Саши Бачило, Володи Титова и полуреального сибиряка меня, он ухитрился вставить Борю Штерна, одессита, да еще и к тому времени переехавшего в Киев, единственная реальная привязка которого к Сибири заключалась в работе художником-шрифтовиком-вахтовиком где-то в Тюмени или Нижневартовске. Боря приезжал в Академгородок, но поговорить с ним не удалось ни разу — во-первых, он вообще не был силен в устной речи, во-вторых, из-за, так сказать, непрерывно возобновлявшейся интоксикации... Хотя составителем числилась ББЖ под псевдонимом К. Милов, однако практически всю работу, кроме предисловия, сделал все же Гена, Геннадий Мартович. Это было блаженство. Почти собственная книга. И названа была заглавием моего рассказа «Снежный Август»...

Сейчас она пылится где-то на полках. Недавно ее перечитала моя двенадцатилетняя дочь, потом ее подружки, потом весь ее класс, потом несколько старшеклассников. В этой части школы я самый популярный из живых писателей.

Последняя операция и почти месячное пребывание в гипсе на функциональной кровати не дало мне возможности успеть разобраться с тем, что сделал с переработанной рукописью «Все в одной лодке» один из, мягко говоря, редакторов «Сибирских огней»... Напечатали эту вещь без меня, увидел я ее уже в журнале и имел сомнительное счастье убедиться на своей шкуре, что есть редакторы, ни хрена не понимающие в литературе. Насилия он избежал, хотя и рисковал. Но рассказ был загублен намертво. Больше я его не переиздавал и не переписывал — душа не принимала. А жаль. С тех пор я не печатал там прозу. Послесловие к «Хлебу по водам» Ирвина Шоу стало последней моей тамошней публикацией.

Потом опять накатились визиты в травматологию, повторные операции и постоперационные выхаживания. На костылях было даже интересно: я умудрялся делать «уголок», балансируя на них. Костыли были очень прочные, из дюра-

левых трубок и текстолита, они достались мне по наследству от дядюшки ББЖ, имевшего больше двух метров роста и сто с лишним кило весу, сделаны заводскими умельцами и могли выдержать и не такое. Еще замечательнее было в больнице — это целый пласт реальности с поразительными персонажами, которых я еще по-настоящему и не трогал.

Меня всегда интересовала медицина, потому что вокруг было полно родни-медиков. Единственное настоящее образование моего русского деда Ивана Васильевича Арбузова было получено в городе Кракове, в 1915 году — он стал полковым фельдшером в казачьем полку. Едва не стала врачом мама, ее старшая сестра была крупным микробиологом, ее муж — таким же крупным санитарным врачом, старший брат — отличным ветеринаром, младший — дерматовенерологом, средняя сестра — спортивным врачом, мои двоюродные сестры и родная младшая сестра тоже врачи. Понятно, что я едва не покалечил себе будущее, к тому же в нежном возрасте прочитал трилогию Юрия Германа об образцовом советском хирурге — «Дорогой мой человек», «Дело, которому ты служишь» и «Я отвечаю за все». И заразился. Еще во Фрунзе школьником я ходил в анатомический кружок для старшеклассников, учил анатомию по студенческим учебникам, реальным костям и препаратам, ассистировал на учебных операциях, прилично освоил навыки первой помощи и затащил в кружок несколько одноклассников, из которых двое даже стали медиками. Потом в стройотряде зашил приятелю глубокую резаную рану: Витя забивал колышек опалубки обухом плотничьего топора бритвенной заточки и на отскоке зацепил себя по животу. Рана зажила и даже не нагноилась.

Врачом я все же не стал. Во-первых, не с моими оценками по физике и химии было соваться на приемные экзамены. Во-вторых, вскрывать брюшную полость и думать о другом нельзя. В-третьих, я, видимо, все же гуманитарий. Однако в больнице для меня все было знакомое и родное, врачи с удовольствием рассказывали мне о том, что и как они делают со мной. Единственное, что было всерьез плохо, это четырехчасовые наркозы и их последствия. Вдыхание газа и все последующие прелести сильно действуют на мозги, а па-

мать просто выжигают. Состояние жертв антитеррористической операции на Дубровке мне понятнее, чем многим...

Не помню точно когда, но явно до этого, меня пригласил Анатолий Васильевич Никульков, тогда — до хамского выдворения его с поста главного редактора.

Он расспросил меня о жизни и с места в карьер предложил мне стать ответственным секретарем «Сибогней». Я тогда не знал, что сам стану главным редактором, издателем и прочая, поэтому у меня захватило дух. После недолгого лопотания о неопытности и робости я согласился.

«Вот и отлично, — подытожил Никульков. — Я сейчас в обком поеду, там и согласуем окончательно. Давай-ка уточним данные. Имя? Отчество? Как?..»

Бедный мой папа Кайсанбек Дохчикоевич. Ну кто поверит, что ты был прекрасным филологом-русистом, учился в МГУ у Ожегова, не путал старославянский с церковно-славянским, превосходно знал немецкий, английский, французский, кучу языков народов Советского Союза и перед тем, как умереть, начал учить фарси и арабский?

Я продиктовал.

«Партстаж?»

«Нет», — признался я.

Анатолий Васильевич с недоверием поглядел на мою тогда черную бороду.

«Комсомолец?..»

«Нет уже», — вторично признался я («Как зовут?» — «Элене-Катерине...» — «Девнца?» — «Нет уже...»).

«Ай-ай-ай, — помотал он головой. — Ну как же так?.. А мне сказали!..»

Я сам огорчился, хотя и не очень.

«Ну и ладно, — в очередной раз решил он. — Все равно езжай, найди пару хороших рекомендаций и готовься — будешь в партии. С кандидатством тоже быстренько решим».

Я поехал домой. Признаюсь — размяк. Даже выписал впервые в жизни газету «Правда», чтобы разобраться, за что

и с кем надо бороться. Правда, всего на полгода. Одновременно я заподозрил, что все-таки совершаю ошибку. Но — «судьба Евгения хранила». Никулькова утопили в грязи, и все завершилось само собой. Сейчас его именем, кажется, названа улица в Новосибирске. Как это утешает.

Мне тоже стало не до литературы. То, что случилось со мной, происходит со многими, но я надломился. Очень уж всё было неожиданно — как падение ножа гильотины. Зря, конечно. Зря еще и то, что я решил — все написанное было ложью.

Москва, улица Горького, ныне Тверская. Две совершенно роскошные тетки помогают изысканно одетому Сергею Мартинсону вылезти из машины и войти в тогда еще не сгоревший ресторан Дома актера, а он громким тенором возглашает: «Когда я разводился в первый раз, я переживал целых сорок восемь часов!.. Когда я разводился во второй, то ужасно сожалел об этих сорока восьми часах!..»

Рукописи были изорваны и сожжены — все, кроме двух, уцелевших случайно. Сожжено было несколько начатых вещей, наброски исторического романа о Каролине и Николае Павловых, куча переводов из Шелли и Киплинга, много другого всякого, чего и не вспомню. На пустыре за лесом пылал туго набитый бумажный мешок, залитый оставшимся от ремонта бензином, перемешанным с краской. Огонь сам умер только тогда, когда не осталось ни клочка исписанной бумаги.

Кроме рукописей, сгорело что-то такое, что и посейчас не восстановилось до конца.

Я замолчал. Я замер. Я замерз.

Как у Лазарчука. «И тогда я сказал: «Я там умер».

Многие из моих соратников восхитительно умеют перекачивать свою биографию в фантастическую прозу. Кому-

то это удастся, кому-то нет, облагородить бытие через литературу — задача сложная. Для бытия, разумеется.

Одно из замечательных произведений русской фантастики последних лет создано человеком, пережившим все описанное за пределами фантастики: там почти ничего не сочинено, кроме фантастического мира. Мало кто это знает, но даже для посвященных мало что добавляется к этой отличной книге. Другой дивно описывает все свои романы, адюльтеры и просто беглые перепихоны, разбавляя их злорадным изображением литературных и полемических противников в позорящих позах. Третий великолепно оживляет свой компьютерно-игровой опыт и фидошные перебранки. Четвертый просто зарисовывает писательскую среду, слепляя, как экономная хозяйка обмылки, бывалые впечатления в необычные комбинации...

Ну да ладно. Все равно все превращается в литературу, как убедился в этом я, прочитав «Жизнь Кости Жмуркина, или Гений злонравной любви» Юры Брайдера и Коли Чадовича.

Когда-то придуманная мной сказка, убившая, по утверждению Самвела Диланяна, Леонида Ильича Брежнева, стала у них целым романом, втянувшим в себя, кроме прочего, всю фантастическую и околофантастическую тусовку времен начала перестройки. Смешно, грустно и странно сознавать, что и ты уже в немалой степени персонаж...

Мне такое было не под силу. Конечно, что-то там сгорело между строк, пока душа меняла оболочку... Но я практически никогда не делал себя героем своей прозы и, надеюсь, избегну этого. Не по скромности — наоборот, из гордыни.

То, что происходит со мной, — происходит со мной; то, что происходит со мной пишущим, — происходит с тем и для того, что послало меня в мир и привело к этому неверному и коварному делу. Я посредник, я средство для языка, по слову Иосифа Бродского.

Извлечение души, «to put something out of one's system» (Хемингуэй), не входило и не входит в цели моей работы.

Душа моя попадает в нее каким-то другим, не вполне ясным образом. Скорее всего через мой голос.

Но замолчал я надолго. Были крошечные просветы. Начинали звучать слова, мелькали картинки. Но потом все снова потухало. Объяснять это не хочется. Не дай бог испытать, хотя понять можно, только испытав. Описал это один-единственный писатель, но так, как никто, — Роберт Силверберг в «Dying Inside». Пожалуй, еще Киплинг в «The Vampire». Наверное, потому я больше и не болел даже гриппом, потому что была все время эта гложащая болезнь, не отпускавшая меня с января 1987-го до августа 1993 года.

Как это странно — быть безумно здоровым телесно и одновременно подыхать... Пытаясь не сдаваться, я писал статьи и переводил, грешил журналистикой и политикой... На последние дубултовские семинары я попадал уже в этой паузе, и ничего значительного там, к своему горю, уже больше не показал. Меня по-доброму спрашивали, когда я опять привезу что-нибудь, и вот это была настоящая боль.

В эти разы я работал в группе Сергея Александровича Снегова. Не помню, когда я с большим трудом впервые раздобыл «Люди как боги»; тогда она мне понравилась и даже полюбилась. «Кольцо обратного времени» едва нашел в Ленинке. А потом мы столкнулись на одном еще московском семинаре, но тогда я видел его издалека. Лысый, жилистый, коренастый, с опасной усмешечкой, с припущенными веками, как бы всегда присматривающийся, он был необычен. Мне как-то не приходилось никогда особенно близко общаться с ТЕМИ лагерниками солженицынского толка, отец не любил рассказывать о своих метаниях и уходах от ареста, дед Иван уцелел, потому что прятался то в степи, то в горах, и Снегов оказался, по сути, первым в этом ряду.

Но именно это меня очень мало в нем интересовало. Вернее, интересовало потому, что мне он показался в высшей степени несломленным человеком. Он был чудовищно начитан. Великолепно знал русскую философию двадцатого века, тогда потаенную, цитировал мне кусками молодого

Лосева, Франка, Лосского... Многие имена и названия впервые я услышал от него.

Перед каким-то из занятий семинара я сидел в одной из гостиных дубуловского ДТ. Окно в ней было во всю стену, и Рижский залив с куском берега был оправлен в эту раму. Мне приходилось раньше бывать на Балтике, но летом; зимнего моря я не видел никогда.

По серой неподвижной глади переносились медленные дымные столбы. Танец призраков. Прогулки духов. Для меня, человека степного и горного, это было невероятно, гипнотично и ошеломительно. Да и море я видел впервые — не считать же морем Обское водохранилище или Иссык-Куль.

За спиной раздался голос:

«Что, любуетесь?..»

«Признаюсь, Сергей Алексанч, — отвечал я. — Оторваться не могу».

Он опять усмехнулся и поинтересовался:

«Вы океана не видели?»

«Что вы, откуда...»

«Ну тогда понятно, почему вам так нравится эта рижская лужа... Бог с вами».

Теперь я уже видел два океана, Атлантику и Тихий. Остались Индийский и Ледовитый. И все равно ярче всего и блаженнее помню эту серую зимнюю Балтику со свернувшимися на припае лебедями...

Мы говорили о многом, и эти три встречи дали мне многое. Другьями мы не были — ему ближе были Гена Пращкевич, Стругацкие, Бэла Григорьевна Ключева, однако... Что-то во мне он оценил, что-то признавал, но пару неожиданных тычков я от него все же огреб. Он с той же усмешечкой рассказывал, как Лев Гумилев вызвал его на дуэль. Дуэль в лагере? — поразился я. Представьте себе, сказал он. А из-за чего? У нас был поэтический турнир, сказал Сергей Александрович. И моему стихотворению жюри присудило первое место. А Лев Николаевич воспротивился, потому что считал, что его стихотворение лучше. Мы поссорились, и дело дошло до вызова, и были мы очень близко к реальному поединку по всем правилам дуэльного кодекса...

Он прочитал нам оба стихотворения — и свое, и Гумилева, — а я записал их тогда на свой диктофон и не перенес потом на бумагу... А мой приятель по ошибке записал на эту кассету на одолженном ему моем «Сони Пэрлкордер» интервью с академиком Сахаровым. Вот так. Такие у нас переплетения. Если гумилевское есть еще надежда отыскать — где-то издана подборка его стихов, — то снеговское... С нами тогда был Слава Логинов. Может, его могучая память удержала что-нибудь?

Еще одна настоящая боль — это Наташа Райс, найденная на одной из этих дубултовок, недолго светившая и потерянная опять-таки навсегда. Она была по-настоящему талантлива, добра и честна, у нее было поразительное, немного хармсовское чувство юмора; она выходила в какие-то неведомые измерения, но ее сглодала одна из самых мучительных форм рака...

Лариса Теодоровна Исарова*, побывшая в моем мире дольше, но тоже ушедшая туда, куда ушел и Аркадий Натанович, Роман Григорьевич Подольный, Александр Исаакович Мирер, Нина Матвеевна Беркова, Витя Жилин, Люба Лукина, Лена Михайлова, Алексей Свиридов, Люда Козинец, Володя Заяц...

Тель-Авив, июнь 2004 года. Сережа Киселев, киевский журналист, коренастый и могучий, краснолицый и поразительно голубоглазый, похожий на состарившегося байкера (особенно в каске и бронежилете, не сходявшемся на его талии), перебирает в разговоре со мной знакомых киевских литераторов. Вот Люда Козинец, говорю я, царство ей небесное. Сергей вытаращивает глаза и говорит: «Как?!» Вот оно. И в Киеве то же самое. Они были когда-то близкими друзьями, но он даже не слышал, что она умерла. Нельзя столько писать о смерти других, говорю я, накличешь свою.

* Странное дело. Я дважды пытался написать про Ларису Теодоровну и один веселый эпизод, связанный с нею, но оба раза материал исправно слетал с диска, и остальная часть рукописи тоже калечилась... Рискнуть, что ли, еще разок? Нет, не буду. Лучше устно, как делает Гена Прашкевич...

Вот она писала о Леониде, чудесном молодом поэте, который и после смерти проходит по Крещатику с желтой розой в руке... и тут выпучиваю глаза сам, потому что осознаю, что у Лени и Сережи одна фамилия — Киселев... Да, говорит Сергей, это мой старший брат... А «Девочка и птицелет»?.. — выдыхаю я. Да, говорит Сергей, это написал мой отец, Владимир Киселев...

Последний раз в Дубулты я и многие члены московского семинара попали именно радением Виталия Бабенко и всего его издательства. Он уже тогда стал президентом «Текста», издавал множество интересных вещей, печатал и «семинаристов», работал с крупнейшими издателями мира, но при этом совершенно не забронзовел. На деньги фирмы они собрали этот праздник, пригласив, пожалуй, всех, кого было можно.

Мы веселились по-старому или пытались веселиться. Андрей Саломатов, отодрав лист от многострадального цереуса, пылившегося на лифтовой площадке, делом доказывал, что кактусы можно есть, но никто не решился проверить, тот ли это кактус или нет.

Даля Трускиновская в очередной раз меняла жизнь, собираясь стать частным детективом, и требовала от меня немедленно выучить ее рукопашному бою, «чтоб помнил каждый хулиган и каждый жулик, каждый вор...» (© «Секрет»).

В одной комнате со мной оказался Боря Штерн, с которым опять не удалось ни разу поговорить из-за упомянутой выше интоксикации. Но свою книжку в мягкой обложке, где были мои любимые «Записки динозавра» — я считаю ее одной из лучших его вещей, — он успел мне подарить и даже надписать, мою и его фамилии разобрать можно. Однако на вторую ночь он едва не загнулся от тяжелейшего сердечного приступа и от того, от чего он, как Хэмфри Богарт, в конечном счете и умер... Бору любили все, но что пить ему нельзя, никого не заботило, кроме Люды Козинец; только ее рядом не было. По наивности я оставил приготовленный в подарок марочный коньяк в тумбочке, и Боря в мое отсутствие с одним из своих «соавторов» приговорил его весь. На счастье, у

меня было несколько упаковок дефицитного тогда нитроглицерина, купленного для престарелых родственников. Потом, когда ему стало чуть легче, я выскочил в коридор и приволок Андрея Лазарчука, в то время еще профессионального медика. Он вытаскивал его дальше.

Но все остальное было хорошо и печально. Больше в Дубултах никто никогда не заговорит о литературе — Дом творчества продали под какой-то нуворишеский кондоминиум.

Исцелением я обязан многим людям — слава Богу, они мне этого никогда не вспомнят, а я им никогда не забуду.

Оно началось, как и в Москве, с маленькой пародии, рассказика под Шекли. Потом продолжилось сразу довольно большими для меня четырьмя вещами, которые висят на мне, как мерзкий старик на Синдбаде-Мореходе. Потом я переписал два своих прежних рассказа и начал три новых. Потом — как когда-то, пошли публикации...

Компьютер — волшебная вещь. Он сжимает сделанное, и все время кажется, что сделано мало и впереди еще очень много. Возможно, он погубит меня, как уже погубил многих прежде. Пусть; теперь я знаю, как это бывает — не все ли равно, смерть от голода или от переполненности. Важно, что я начал снова и что время вокруг диктует новые сказки.

Жаль только, что многое не успевается, и с теми, кто мне дорог, я вижу теперь так редко и с натугой. Ведь только на нас уцелели отсветы нашей молодости.

Зато обломки крушения нашей литературы начали снова сплываться, и плот «Медузы», кажется, понемногу становится «Кон-Тики».

Правда, все концентрируется там, где и было, — в Питере. Московский семинар так и не стал ничем лучшим. Зато из него вышли несколько отличных писателей и редакторов. Все течет, все изменяется... Куча разнообразных издательств, появляющихся и исчезающих, но и таких, которые несколько лет стабильно удерживаются на плаву. На удивление много стало издателей-графоманов — оказывается, ими бывают не

только писатели. Но без писателей их, конечно, не было бы. Эффективнее всего собирает графоманов фэнтези и боевая фантастика.

Так и не вышла в люди и Сибирь — однако красноярцы успели наградить несколько мирных людей мечами жуткого и дивного вида. Одним из них, громадным японским «тачи», после четвертой бутылки «Муската» демонстрируя ката, еще в Алма-Ате я глубоко прорубил спинку супружеского ложа Сережи Лукьяненко. Интересно, взял ли он его с собой в Москву — имеется в виду ложе. «Будешь меня помнить» (© Пушкин, «Выстрел»).

Юлий Буркин провел в Томске два кона и некоторое время вручал свою «Уранию» на крупных конах. Харьков и Николаев сражались за лидерство, и Николаев продул с разгромным теперь счетом. Не очень вразумительный кон (Киевкон-2003) провела украинская столица. Зато начинает раскручиваться новый кон «Портал», незамедлительно прославившийся тем, что едва не погубил и все же спас Роберта Шекли, чья могила могла оказаться где-нибудь рядом с курганом Тараса Шевченко или Павла Тычины.

На девятом «Страннике», в сентябре 2002 года, и я получил знаменитую бронзовую статуэтку за лучший рассказ года. «Вы летите, как хотите» — это, пожалуй, единственный рассказ, в котором есть отчетливые автобиографические мотивы. И многое, пленительное и странное, сопровождало эти три дня, о чем я никогда не устану помнить и, может быть, когда-нибудь напишу.

Азии моей, прекрасной и проклятой, очень пока что далеко до них... Все больше становится книг, которые сюда не попадают, все интереснее и труднее становится жить.

Главная же беда в том, что здесь никому даже в голову не приходит писать прозу по-русски в силу полной бесполезности этого занятия — еще более полной, чем при коммунистах.

Но есть, есть смена и надежда. Моя тогда четырехлетняя дочь, покапризничав утром перед детским садом, внезапно сме-

нила гнев на милость и велела бабушке идти готовить завтрак, а она, сказала, сама пока поработает. Выдрала из альбома лист и начала его марать фломастером. «Пишу статью», — объяснила она...

Сейчас ей двенадцать, и она пишет роман. Фэнтези в стиле Сапковского. Уже целых полблокнота*.

Первую жизнь я начал в Чарджоу — и в глубине существования еще не закончил, — когда досрочно до двенадцати лет. Умер отец, и я понял, что мне никогда больше никто ничего не расскажет обо мне и о тех, с кем я связан кровью и родством. Оставалось продолжать жить самому.

Вторая жизнь началась после переезда во Фрунзе и продолжалась до отъезда из Новосибирска во Фрунзе. Не закончилась и она — ею я опять-таки в глубине живу до сих пор.

Третья началась во Фрунзе, продолжалась в Алма-Ате и не закончилась по сей день.

Четвертая началась в Стэнфорде, штат Калифорния, и длится поныне.

Пятая, одна из самых чудных, началась в Лондоне, и конца ей пока что нет.

Шестая завязалась в штате Мэн.

Седьмая — на берегу Средиземного моря, в Шефаиме, под «Тенью Птицы»...

Как Билли Пилигрим, я проживаю их все, одновременно и сколько получится.

Третьей жизнью я обязан Аркадию Кейсеру и Эрику Нуршину. Они оба сейчас живут тоже совсем другими жизнями и в других местах — Аркадий стал провинциальным русскоязычным журналистом в Израиле, а Эрик — одним из самых скандальных, но уместных газетчиков Казахстана. Хотя недавно президент Назарбаев закрыл и его газету**.

* Теперь ей уже четырнадцать, и она презирает Сапковского и жалеет его фэнов.

** Недавно Эрик покончил с собой при крайне смутных обстоятельствах...

* * *

Первый раз они настигли меня через Сережу Шабанова, фэна, детального знатока всего, что было издано под грифом «Фантастика», чудака с капелькой злости, который тогда сотрудищал с ними. Мне была передана записка, в которой меня наипочтительнейше просили пожаловать в Алма-Ату для переговоров по крайне важному делу. Я удивился и даже потщеславился, но не поехал.

Во-первых, не принял всерьез. Во-вторых, навалились дела. Тогда я еще преподавал в национальном университете, но меня уже начинали слегка потравливать, и я еще думал, что местным горным орлам надо показать, что им не все позволено.

Вторая записка шла тем же путем и составлена была в выражениях, годных для вассала, оправдывающегося перед сюзереном, что смел попать его *jus primas noctus*. Сюзереном, стало быть, представал я. Поразило это меня настолько, что я решил совершить тур и навести порядок среди вилланов.

Кроме прочего, мне обещали возместить все транспортные расходы, что составляло около десяти довсехреформенных рублей.

После четырехчасового трясения в автобусе я вышел на автовокзал, где меня и встретили два толстых уса-тых человека. Один был Эрик, другой — Аркадий. Оба они тогда работали в «Казахстанской правде», и на двоих у них был один кабинет, жутко захламленный всем, чем они занимались, — от образцов детских ботиночек до дайджеста уголовной прессы; на его обложке Сережа Алексеев бестрепетно изобразил вилку из нержавейки, на которую наколот розовый женский палец с вишневым маникюром...

Называлось это по-разному, осуществлялось под разными крышами, но в конце концов упиралось в то, что мы начали заниматься издательской деятельностью.

Примешан к этому сначала был и первый алма-атинский МЖК — это такая довольно сложная система не то делового предприятия, не то изощренного отмывания денег.

Мы многое успели. Еще до меня Эрик с Аркадием начали выпускать так называемые книжки-минутки — лист газетной бумаги, на котором было напечатано страниц двадцать пять чего угодно, в основном фантастики и детективов. Сложив его по сгибам, читатель получал подобие книжечки, а разрезав сгибы, получал книжечку. Кого мы там только впервые не напечатали!.. Главное было в том, что напечатать ее тогда стоило копейки, а вот продавали ее уже за рубли. Первые значительные деньги принесла эта серия. У нее была обложка, точнее, титульная иллюстрация, которую смело, красиво и даже изысканно делал Сергей Алексеев. Книжным графиком он не был: по диплому числился художником плаката. Но он был нашим Версаче — его хватало на все. Штанов, часов и юбок Сергей не проектировал, однако дизайнером книги и журнала он стал. Мы вынудили. Примажусь к славе. Сейчас он просто один из самых известных казахстанских дизайнеров.

Я стал переводчиком и редактором.

Господи, кого я только не переводил! Какие только серии перспективных изданий не составлял! Сложность была в том, что выискивать надо было то, что не подпадало под действие Женевской конвенции по защите и охране авторских прав, то есть напечатано было до того, как СССР эту злосчастную конвенцию подмахнул. Выискивал я довольно усердно. Почти все, что я тогда выискал, сейчас издано в переводе и даже с разрешения, и это довольно грустный факт, потому что мы так и не успели... Однако несколько весьма сочных кусочков так и остались нетронутыми. Случилось со мной, хотя и в более слабой степени, и то главное разочарование, которое пережили тысячи фэнов, дотянувших до этого времени: оказалось, что западная фантастика, особенно в наиболее прославленных западной же критикой образцах, вовсе не так хороша, как об этом грезилось. Закон Теодора Старджона «Ninety per cent of everything is trash» родился не на пустом месте. Мне-то, по причине доступа к некоторым оригиналам, это стало ясно несколько раньше; однако стало ясно и то, что лучшие вещи все равно есть, хороши и такими пребудут. Это утешает: есть с кем конкурировать.

А потом я стал главным редактором журнала «Миры/ Worlds».

Нам не так уж и мало удалось и удалось бы еще больше, если бы не... Если бы не многое. Даже письменное благословение Роберта Силверберга не помогло.

Взялся я за дело серьезно. Прежде всего попытался установить связи с американскими авторами и агентами. Кому-то написал, раздобыв адреса, а потом просто взял и пошел в американское посольство в Казахстане, на прием к атташе по культуре, милой женщине Рене Эрл. Мне повезло — она была тогда еще и первым секретарем посольства. Послушав меня, она сказала: «А почему бы вам не съездить туда и не уладить все самому?» Я честно сказал, что реальной возможности нет — ни денег, ни политической биографии, ни национальности. Она улыбнулась и ответила, что, если они направят меня на профессиональные издательские курсы в Стэнфорд, я встречу там достаточно серьезных людей. Совершенно искренне я ответил, что ни секунды не верю, что им это удастся. Но если получится, то я поеду.

Очевидно, время и в самом деле изменилось — меня выпустили.

Я попал за границу впервые в жизни — и сразу в Америку. Это был июль 1993 года.

Раз в неделю или две я мотался на автобусе из Бишкека в Алма-Ату.

Когда-то я там родился — по документам. Там мне и нарепутали дату рождения. Крестили меня тоже там, в славном Николаевском соборе. И прожили мы там довольно долго и уехали потому, что отцу с его замаранной анкетой никак не находилось работы; даже диплом МГУ не помогал. По чисто ностальгическим намерениям я побывал на улице, где мы тогда жили. Помнить я ее не мог, потому что мне было года два, но по маминым рассказам нашел даже дом. Оказалось, что я и живу неподалеку, на улице Виноградова, постояльцем у Валеры Смолянинова.

Называется она теперь улица Джордано Бруно. Вот интересно, почему такие возвышенные имена дают таким пас-

кудным серым улочкам? Видели бы вы улицы Шекспира и Галилея в Новосибирске!.. Возможно, ее назвали в честь спирали Бруно и я просто не в курсе.

На моих глазах Алма-Ата — ей-богу, не хочется писать Алматы — из нормального советского города с умеренно длинной дореволюционной историей превратилась в яркую и богатую капиталистическую столицу, куда, как мухи на свежее дерьмо, слетаются инвесторы и крупнейшие компании мира; в Золотую Орду новейшего времени, где русским сейчас примерно так же уютно, как белым в Южной Африке, где и самито казахи дерутся из-за собственности, давным-давно распроданной, преимущественно американцам, но уже давно явились свои миллионеры и миллиардеры, которые помаленьку скупают и Киргизию...

А я все равно ей благодарен. Там было и осталось что-то такое, чего во Фрунзе-Бишкеке никогда не было и теперь уже не будет. Никогда не будет того же и в бездарно выдуманной Астане, вытащенной в столицы исключительно из стратегополитических соображений, чтобы приграничным русским не так свободно дышалось.

Три наши звезды были Сергей Лукьяненко, Юлий Буркин и Леонид Кудрявцев. Сергей был тогда моложе килограммов на двадцать пять и состоял начинающим автором при крайне проблемном существовании. Психиатрию он уже бросил, а в литературу еще не пришел, хотя несколько очень приличных рассказов и повестей он к тому времени напечатал. Сергей пробыл достаточно долго моим заместителем по журналу, хотя это была явно не его чашка чаю. Мужества ему хватало, чтобы продолжать писать, но денег это тогда не приносило никаких. Каким-то образом ему удавалось выжить; кроме того, Аркадий Кейсер помогал всем нам, в том числе и деньгами, которые, увы, слишком стремительно обесценивались. Две тогда самые большие книги Сергея мы издали у себя. Его начали печатать в столице России, появились фэны, и он выходил на ту дорогу, которой шествует нынче. Тогда и вышел «Рыцари Сорока Островов» — роман, который начал делать ему имя. В Красноярске состоялся кон, на который Сергея пригласили и наградили тем самым «тачи»,

а я перед отъездом с наслаждением разыграл его одним из самых коварных розыгрышей, который он мне до сих пор не может простить.

Появился у нас и Юлий Буркин, который провёл в Алма-Ате больше года. Мы были знакомы довольно давно, еще по жизни № 2, по дубултовским семинарам. Тогда он был юным, стройным, голубоглазым томским журналистом в какой-то не то молодежке, не то многотиражке и начинающим рок-бардом. «Рок-малютка-Дженни-ролл!..» Сюда он перебрался в кризисную пору из Томска, но потом все же вернулся туда снова. Деятельность Юлия описать не могу — таланта не хватит. Соответствующие части его автобиографической повести о многом умалчивают. Был он совсем не такой респектабельный и орденоносный, как сейчас, но два интереснейших проекта мы сделали — напечатали первую его большую книжку вкупе с первым виниловым диском его песен «Ванесса ио», который я до сих пор нежно люблю и распеваю под настроение. «Не давай мне думать... О стрекозах синих, детях летних гроз, шепчи мне — не позволяй мне уходить в себя...»

Аркадий Кейсер оплатил этот проект; им занимался один из лучших звукорежиссеров «Казахфильма», чье имя умиротворяюще действовало на технический контроль в московской «Мелодии». Пакет и «яблоко» диска оформил Сережа Алексеев.

Юлик с Сергеем Лукьяненко нашли друг друга и даже гармонически слились в соавторстве. Я послужил им одним из прототипов, равно как и Сергею в отдельности для «Фугу в мундире». Валерка — это живой и практически ни в чем не приукрашенный Валерий Смолянинов, тогда алмаатинец и мой лендлорд, а ныне гатчинский домохозяин и питерский редактор. Мы с ним появляемся еще в комическом дуэте, этакими Рыжим и Белым в пародийно-тусовочной трилогии Сергея и Юлия. Валун, падающий на Арана-сана, — на самом деле двухсоткилограммовый сейф, скользящий по лестнице вниз, на меня. Мне удалось упереться спиной в стену и обеими ногами кое-как сдерживать его. Харакири перочинным ножиком не делал — могу показать живот. То ли это такое

проявление любви, то ли некое вытеснение... но убивать меня в фантастике начали куда раньше, чем Семецкого.

Кстати, «Фугу» был написан после жестокой ссоры по поводу моего желания напечатать «Мундиаль» Павла Кузьменко. Мы с Валеркой наперебой орали на Сергея, который так же яростно отрицал за Пашиным рассказом право считаться литературой. И тут кто-то из нас сказал: «Да ты такое просто не можешь, потому и возбух!..» «Я не могу?! — возопил Сергей. — Да я такое за вечер напишу!..» Оскорбленный, он вскочил и убежал. А вечером позвонил нам с Валеркой и мстительно сообщил, что рассказ пишет и что нас там обесмертит по первое число... Так оно и вышло. Хотя рассказ все равно получился совершенно не в Пашиной манере, но я его люблю. Маленькая пластиковая фугу, купленная в Бэнгоре, штат Мэн, пыжится на книжной полке прямо перед моими глазами.

Леня Кудрявцев, тогда еще краснорец, напечатал у нас одну из своих лучших вещей, «Черную стену», к которой сделал титульную иллюстрацию все тот же Сергей Алексеев. К сожалению, задуманный однотомник мы тоже не успели сработать — по причинам, изложенным ниже...

Были у нас проекты и посмелее чистой фантастики. У Виктора Ерофеева, которого я знал прежде в основном по скандалу вокруг «Метрополя» и по отличным литературоведческим и критическим статьям, мы перекупили права на издание в Средней Азии одного из самых скандальных его романов, «Русская красавица». Незадолго до этого он выскочил каким-то совершенно тупым пиратским изданием с кучей опечаток, тут же исчез, и мы могли бы войти в историю и крупно заработать, но тут придавили и нас.

Началось все с разгрома редакции «Казахстанской правды», официоза, который даже с его наисмиреннейшей критикой показался Назарбаеву слишком смелым. Немедленно явилась откуда-то группа аксакалов, слезно умоливших президента убрать «врага казахского народа» Владимира Срыбных из руководства, и президент, само собой, уважил их седины.

То, что следом за ним в относительно независимую и резкую тогда газету «Караван» ушли все лучшие журналисты, Назарбаева очень мало взволновало. «Караван» он доел потом, вынудил Бориса Бергера продать его по дешевке, и Бергер, уже погрузившийся тогда в кинобизнес и успешно плывший в нем, не слишком сопротивлялся. Теперь газета экономит президенту Казахстана и его семейству туалетную бумагу.

Соответственно, дошло дело и до нас. Посыпалось почти все, в том числе и обворожительный проект по изданию новой колоды карт, тончайшие эскизы для которых мы заказали петербургской художнице и писательнице Ире Тиболовой. И она сделала их... Описать я это изысканное чудо, конечно, не сумею: это надо видеть, а видеть невозможно. Канули эти маленькие сокровища в сейфе нового главреда «Казахстанской правды», бывшего партийного журналиста с внешностью хорошо отмытого хряка. Возможно, и выплывут когда-нибудь. На каком-нибудь «Сотби» или «Кристи».

От нас потребовали всего-навсего трех вещей. Во-первых, удвоить сумму, которую мы платили за «крышу». Во-вторых, принять на работу в наш отдел жену главреда, чтобы он всегда *мог* быть в курсе. В-третьих, делить прибыль совершенно непропорционально труду.

Естественно, мы отказались. За что и были достойно наказаны. Аркадий едва уцелел — его безмятежно сдали две стервы-бухгалтерши, мать и дочь, которых он взял на работу и всячески поддерживал. Всякое доброе дело непременно будет наказано — этот тезис подтверждается с удручающей неотвратимостью. Уцелел он еще и потому, что за «Казправду» силовые органы тоже взялись, но по своей собственной инициативе. Он все-таки вынужден был уехать в Израиль, где и канул, по неясным причинам не давая о себе знать никому, а жаль... Не так мало людей, которые благодарны ему посейчас. Ну а я же категорически отказался продолжать сотрудничество, несмотря на довольно лестные предложения. Понимаю, что поступил несовременно, однако просто не смог бы работать с этими людьми.

После того как я опять вернулся в Бишкек, журнал вкупе с издательством благополучно скончались...

И так далее, и тому подобное.

От тусовки я в то время практически отошел. Москва, Питер, Харьков оказались неожиданно дальше Нью-Йорка, Амстердама и Лондона, а интернет — ну что он может заменить? Только почту. Участником тусовки не может быть литератор, который живет в тысяче километров от нее и проявляется во плоти не чаще раза в год-два. Может, это и к лучшему; являться и скандалить для автора разумнее печатно. Но я могу и непечатно. Хотя тусовка подстегивает — редко, но подстегивает, — и генерирует идеи...

При всей моей нелюбви к гильдейским сборищам я скрепя сердце признаю их необходимость для современной коммерческой литературы. Но я не коммерческий писатель. И никогда им не стану. А собирать нетусовочных авторов может лишь подлинный меценат, который пока что генетически невозможен.

В Средней Азии никогда не было особенного писательского интереса к фантастике. Библиографы, пожалуй, насчитают пару-тройку приемлемых рассказов, естественно, со скрежетом попытаются затолкать в число фантастов Чингиза Айтматова, но это все. Как-то раз в припадке безумия издательство «Кыргызстан» выпустило сборник «Эридиана», куда был включен и я, но лучше всего о нем забыть. Достаточно сказать, что собирать и редактировать его поручили сидевшему без дела редактору отдела сельскохозяйственной литературы. Среди взрослых авторов поместилась и повесть Светланы Касымкуловой, сестры моего друга Сергея Касымкулова, которую в незапамятные времена печатали в газете «Пионерская правда» — была такая газета. Светке тогда было лет двенадцать. А сейчас в Киргизии книги печатаются только случайно и в основном на чьи-то гранты; бюджетно и планомерно издаются только роскошные толстенные фолианты президента и членов его семьи, ну и книги о президенте. С продолжениями.

В давно позабытые времена то же издательство хорошо зарабатывало на переиздании толстых романов Гр. Адамова, Гр. Тушкана, выпустило даже однотомник Стругацких с жутко перекатанными иллюстрациями Е. Мигунова. Алма-Ата издавала некоторых авторов, которых сейчас уже никто не вспомнит, разве что Володя Борисов. Но сейчас все в прошлом, хотя полиграфическая база в Алма-Ате богатая, а скоро неподалеку обещают еще и бумажный комбинат по китайской технологии...

В 2001 году мы с Данте встретились снова — одинаково далеко и от Флоренции, и от Москвы. Он был уже не деревянный, а бронзовый, и я был старше на двадцать четыре года. Вокруг был Нью-Йорк, справа «Метрополитен-Опера», впереди отель «Рэдиссон-Эмпайр», слева Бродвей. Вокруг неслись машины, на скамейках грелись под горячим весенним солнцем замусоленные бомжи и чистенькие пенсионеры, бродили вездесущие перламутровые голуби. Данте стоял на высоченном постаменте в крохотном скверике и меня не узнал. Или не разглядел. *Ness'un maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria...**

* Тот страдает высшей мерой, кто радостные помнит времена в несчастьи (*итал.*). Перевод М. Лозинского.

Дмитрий Володихин, Игорь Чёрный

БУРГУНДСКОЕ ВИНО. МИПАНСКАЯ СТАЛЬ, БРАБАНТСКИЕ КРУЖЕВА...

Исторический антураж в отечественной фэнтези

Отечественная фэнтези как самостоятельный тип фантастики родилась совсем недавно, в первой половине 90-х прошлого века. Конечно, и до этого в русской литературе можно было встретить произведения, имевшие некоторые признаки фэнтезийности, но тяготевшие скорее либо к НФ, либо к основному потоку. В пестрый калейдоскоп «предфэнтезистов» входят как Валерий Брюсов с Михаилом Булгаковым, так и Владимир Орлов, и Яков Голосовкер, и Евгений Богат, и Ольга Ларионова, и Людмила Козинец...

В начале 90-х наша новорожденная фэнтези отказалась от своих естественных корней и пустила новые, в совершенно иных направлениях. Подавляющее большинство фэнтезийных романов как десять лет назад строилось, так и по сей день строится по канонам, выработанным в англосаксонской литературе. Меньший по объему, но сравнительно «крепкий» лагерь составляют те, кто пишет «славяно-киевскую»

© Д. Володихин, И. Чёрный, 2005

фэнтези, так или иначе идейно соединенную с древнерусским язычеством. Кто-то решил опереться в литературных исканиях на христианство (например, Александр Мазин), но таких сравнительно мало, поскольку фантасты, идущие в этом направлении, рано или поздно почти в полном составе сворачивают на тропу мистической (сакральной) фантастики, оставляя фэнтези с его преобладающим магизмом. Наконец, базой для создания фэнтезийных романов в немалой степени служит романтическая литература XIX — начала XX столетий. А то и вовсе беллетризация полигонных ролевых игр, компьютерных игрушек...

Если прежде ученые мужи со всей основательностью искали почву для той или иной мощной ветви фэнтези в высоко развитых мифологических системах (и были правы), то со второй половины 90-х стало ясно, что материалом для произведений в этом секторе фантастики может служить *все что угодно*. Прежде нам приходилось слышать: если в основе непонятно что, значит, скорее всего «кельтский» колорит, пусть и разбавленный семь раз. А теперь даже не скажешь, что разбавляли: возможно, «Хронику времен короля Карла IX» пополам с игрой «Цивилизация» или каким-нибудь «Копьем драконьим». Центр тяжести давно сместился с мифологии и монументальных религиозно-философских зданий на романтическую литературу, виртуальную реальность, на ту же фэнтези, только написанную раньше и к настоящему времени ставшую классической.

Современная российская фэнтези массова, а значит, всеядна. Соответственно, происходит процесс неоправданной девальвации антуража: декорации становятся все более условными, все более бесплотными, все менее связанными с чем-либо, помимо пребывающей в мозгу автора каши из романов, фильмов, компьютерных игр, а также научно-популярных изданий разного качества. Фэнтезийный мир в большинстве случаев накладывается несколькими широкими мазками или просто дюжиной аляповатых табличек: «замок», «харчевня», «храм», «порт», «лесная дорога»... Узнаешь, читатель? Вроде узнаешь... ну и поехали дальше. Мир не столько создается, сколько обозначается все с большей и большей

неопределенностью. Это прямо ведет к измельчанию фэнтези. Тут вот ведь какой парадокс: чем строже и основательнее задана система кодов фэнтезийного мира в религиозном, эстетическом, бытовом смысле, тем более масштабные этические и философские проблемы можно решать в рамках литературной реальности. И напротив, чем свободнее автору в его вторичном космосе, чем вольготнее правила игры, тем сложнее ему вырастить что-либо значительное. В слабо дефинированном мире даже качественные приключения построить крайне сложно, поскольку очень трудно убедить читателя в том, что у поступков персонажей есть хоть какое-то обоснование, и вовсе автор не кидает кубик перед каждой новой главой, решая таким образом проблему излишних степеней свободы. Соответственно, и декорации в большинстве случаев несистематизированном фэнтезийном мире более блеклы, менее «фактурны». А значит, меньше возможностей захватить воображение читателя, увлечь его.

Авторы этих строк остаются при убеждении, что сколько-нибудь значительное произведение фэнтези возможно только при опоре на историческую или мифологическую (религиозную) реальность, а из каши, то бишь синкретизма, получается в основном вторичный продукт во всех смыслах этого словосочетания. Если, конечно, сама эклектика не является приемом, подчиненным системе управляющих кодов более высокого порядка (например, эзотеризм Желязны в романе «Создания света, создания тьмы» или этика равновесия в земноморском цикле Урсулы Ле Гуин).

Иллюстрацией к этому утверждению послужит то, как используются в современной фэнтези элементы реальной истории.

В нашей фэнтези сравнительно немного произведений, прямо апеллирующих к какой-либо конкретной исторической эпохе или (что чаще) к мифопоэтической, религиозной системе. Тем ярче они горят на слабоосвещенном отечественном небосклоне фэнтезийной литературы.

Отношения богов и людей становятся сюжетообразующим стержнем в произведениях древнегреческой тематики.

Наиболее удачные опыты в этой сфере, наверное, дилогия Ольги Елисейевой «Сокол на запястье» — «Хозяин проливов», античный цикл Г.Л. Олди «Герой должен быть один» и «Одиссей, сын Лаэрта», а также романы Андрея Валентинова «Серый коршун» и «Диомед, сын Тидея». Ольга Елисейева удачно соединяет вольные этюды о судьбах богов-олимпийцев, героев и магических существ с живыми, реалистическими картинками жизни Северного Причерноморья той эпической поры, когда колонисты-греки то мирились, то воевали с местными народами. Елисейева и решает на этом материале серьезную задачу, сталкивая два принципиально противоположных типа культуры и показывая преимущества одного из них, в итоге победившего.

Для Г.Л. Олди (Дмитрий Громов и Олег Ладыженский) быть третейским судьей в спорах людей и небожителей — привычное дело. Ими создан гигантский цикл мифологических романов «Люди, боги и я», куда входят произведения, написанные на основе героических эпосов и мифов различных народов: Древней Греции («Герой должен быть один» и «Одиссей, сын Лаэрта»), Индии («Гроза в Безначалье», «Сеть для Миродержцев», «Иди куда хочешь»), Ирана («Я возьму сам»), Китая («Мессия очищает диск»), Японии («Нопэрапон»), Западной Европы («Пасынки Восьмой Заповеди»), Украины («Рубеж», сочиненный в соавторстве с Валентиновым и супругами Дяченко). Олди прекрасно ориентируются в бытовых, этнографических и этико-религиозных реалиях воссоздаваемых эпох. С каким-то детским восторгом они делятся с читателями своими этимологическими изысканиями, лукаво жонглируя словами, играя на их смысловых оттенках. Но как бы ни менялась эпоха и исторические реалии, во всех этих произведениях Олди развивают одну общую метатему: распад, разрушение политеистических систем верований, уступающих место монотеизму с единым Богом, и, как следствие этого, ожидание прихода Мессии.

Наиболее монументальным произведением в этом плане является трилогия «Черный Баламут», основанная на священном эпосе индусов «Махабхарата». На первый взгляд, главный герой здесь — новоявленный Господь Кришна, при-

шедший провозгласить некую абсолютную Идею, пропеть «Песнь Божью». Но если присмотреться повнимательнее, становится очевидным, что основная идея цикла антиклерикальная. Боги индуистского пантеона, действующие на страницах романов Олди, — это не более чем раскрашенные статуэтки или, точнее, марионетки из классического индийского кукольного театра. Их дергает за ниточки жестокий и мрачный Кукловод, а они, в свою очередь, пытаются проделывать то же самое с людьми. Однако люди отчаянно сопротивляются, не желая жить по указке сверху. «Черный Баламут» — яркая костюмная драма, напоминающая по размаху замысла, пространственно-временного охвата и богатству декораций крупнобюджетные голливудские блокбастеры вроде «Трои» или «Клеопатры». По признанию специалистов, в первую очередь самих кришнаитов, многие детали в трилогии выписаны с небывалой долей реализма, какого-то мистического прозрения, словно авторы знакомились с потайными, сокровенными текстами «Махабхараты», которые либо не дошли до нас, либо хранятся за семью замками у брахманов.

Среди многочисленных историко-фантастических романов Андрея Валентинова собственно фэнтезийными можно считать книги «Серый коршун», «Диомед, сын Тидея» и дилогию «Ория» («Нарушители равновесия» и «Если смерть проснется»). Пожалуй, Валентинов один из немногих авторов, профессионально разбирающихся в истории и пишущих, что называется, «со знанием дела». История для него не самоцель, не экзотическая декорация, а естественная рама для сюжета, практически ни на йоту не грешащего против духа и буквы воссоздаваемой эпохи. Будь это Микены XIII века до нашей эры, гомеровская Эллада или условная Древняя Русь — Валентинов всегда добросовестен, следуя заветам Вальтера Скотта. То есть главное для него — исторически правдивые характеры, действующие в привычной для них обстановке. Фэнтезийно-волшебный элемент в названных книгах вторичен. Все мифологически-фольклорные существа, присутствующие на страницах «Серого коршуна», «Диомеда», «Ории», при желании могут быть истолкованы как грезы главных героев, навеянные теми или иными обстоятельствами их жизни.

К временам совсем уж легендарным, «допотопным» обращаются Святослав Логинов и Ник Перумов в романе «Черная кровь», а также Дмитрий Володихин в «Детях Барса», Александр Золотко в «Играх богов». По словам Логинова и Перумова, они хотели написать «фэнтези каменного века». Отталкиваясь от славянской мифологии, эпоса и этнографии других народов: якутов и мордвы, австралийцев и индейцев Южной Америки, соавторы воссоздали причудливый мир, в котором человек только-только начинал выходить из дикого состояния. Мир, где наряду с мамонтами, диатридами, саблезубыми тиграми с людьми соседствуют древяницы, лешие, жуткие мангасы, карлики, кот Баюн, баба Йога. Впрочем, знание конкретного историко-мифологического материала оставляет желать лучшего.

Действие романа «Дети Барса» относится ко времени зарождения первых раннерабовладельческих цивилизаций. Автора заинтересовали новейшие археологические открытия, сделанные при раскопках городища Абу-Шахрайн. На основании обнаруженных там архивов он реконструирует историю царства, существовавшего в Междуречье до шумеров. В центре книги — жизнь и судьба полупоэтического Гильгамеша — Бал-Гаммаша. Скупые сведения о нем, дошедшие из глубины веков на глиняных табличках поэмы «О видевшем все», обрастают в «Детях Барса» занимательными подробностями. Пытаясь разобраться в особенностях социальной и духовной жизни земли Алларауд, писатель скрупулезно (может быть, даже с избыточной дотошностью) воспроизводит исторический быт и нравы. Его работа максимально приближена к классическому историческому роману, от которого книгу отличает лишь присутствие на ее страницах оживших персонажей месопотамской мифологии — то ли демонов, то ли богов, активно вмешивающихся в жизнь подконтрольных им территорий*.

Арина Воронова построила роман «Дети Брагги» на основе скандинавской истории эпохи викингов. Эта книга сильно отличается от стандартных поделок, в которых незамысловатые поединки и пубертатные поэтические опыты авторов за-

* Орывок о романе Д. Володихина «Дети Барса» написан И. Черным.

меняют работу со сложной и многослойной культурой той эпохи. Воронова не только со знанием дела показала в отдельности всю романтическую красоту поэзии скальдов, всю бесчеловечную жестокость войн того времени и всю мрачную изысканность скандинавской мифологии. Она совместила первое, второе и третье в единую систему, живую, действующую, плодоносящую... Мир викингов того времени в ее исполнении становится самостоятельным и полноправным героем романа.

Русская история представлена в фэнтези довольно слабо. Приятное исключение составляет роман Далии Трускиновской «Окаянная сила». Действие происходит в Московском государстве 80-х — 90-х годов XVII столетия. В книге со вкусом показан мир теремов и палат, с антикварной эрудицией представлена пестрая суэта женской половины. У Трускиновской есть дар бытописания, страсть к старинным обычаям и обрядам, умение вдохновенно играть с простонародными суевериями, обличать простонародное ведовство и ласково рассказывать о робкой красоте простонародной веры. Старомосковская цивилизация предстает в полный рост от разбойного дна до высот государева обихода. Столетие назад в русской столице работал великий знаток наших древностей Иван Егорович Забелин. Так вот дух романа «Окаянная сила» и скрупулезность в работе с деталями позволяют назвать его автора Забелиным в юбке...

Опять-таки на этом фоне Трускиновской удастся с блеском решить сложную художественную задачу: предъявить читателям разрушительную суть занятий оккультными практиками. Ее главная героиня с течением времени этически деградирует, и каждый виток колдовских «подвигов» необратимо коверкает личность изначально доброго, нравственно-го человека. В сухом остатке вывод: маг — вроде наркомана, ему постоянно надо увеличивать дозу собственного могущества, а покончить с пагубной зависимостью чем дальше, тем сложнее.

Полнокровный образ средневекового Константинополя рисует Елена Хаецкая в романе «Голодный грек». Нищий голодный человек бродит по великому городу и, кажется,

питается его великолепием. Ему суждено покинуть пределы Византии, отправившись в рискованное путешествие на Китай. Но через много лет он вернется в Византию, вернется совсем уже другим человеком. И вся сияющая краса императорской столицы обернется Византией духа, эстетическим выражением веры в Творца и любви к Христу.

Во всех перечисленных случаях авторы либо на протяжении многих лет принадлежали к сообществу академических историков (Елисеева, Валентинов, Володихин), либо затратили значительные усилия на освоение материала. Показателен пример Далии Трускинской: она консультировалась с историками-профессионалами, ездила по местам, где происходили основные события ее романа, ходила по музеям, знакомясь с материальной культурой, погружалась в специальную литературу, измеряла расстояния, которые должны были преодолеть ее персонажи верхом/пешком/на санях, и прикидывала время, необходимое им для этого. И результат — соответственный: в нашей фантастике нет примера более «осязаемого» портрета Московской Руси XVII века, чем полотно кисти Трускинской... Да и в историческом романе сравнимых образов не столь уж много.

И, напротив, довольно скудные познания в области древнерусского язычества до сих пор не позволили адептам славяно-киевской фэнтези создать что-либо адекватное эпохе VI—X веков и способное составить конкуренцию хотя бы знаменитому роману советских времен «Русь изначальная» (Валентин Иванов). Писательское сообщество, ориентированное на языческую Русь и группирующееся вокруг Юрия Никитина, довольно значительно, оно работает на протяжении многих лет. Однако примеров, когда мир Древней Руси не то чтобы выписывался подробно и основательно, а хотя бы насыщался заметным количеством черт аутентизма (вещи, события, биографии, обычаи), до сих пор крайне мало. Языческая Русь никитинцев в большинстве случаев — яркие палехские табакерки, разрисованные волхвами, витязями и драконами.

* * *

В фэнтези, построенной на романтической литературе, антураж будет «бумажным», то есть заимствованным из той же литературы и соответствующих фильмов. Чаще всего в таких случаях декорации строятся на материале благословенного западноевропейского Средневековья, Нового времени или — реже — самурайского периода японской истории (Элеонора Раткевич).

Средневековье-2 не имеет никакого отношения к действительной истории. Оно выросло из бескорыстной любви наших интеллектуалов к романам Александра Дюма, Вальтера Скотта, Проспера Мериме, Стефана Цвейга, Артуро Переса-Реверте, «Черной стреле» Роберта Луиса Стивенсона и «Белому отряду» Артура Конан Дойла. Иными словами, к плащам и шпагам, плюмажам и рыцарским доспехам, бургундскому вину, брабантским кружевам, миланским нагрудникам, французским замкам. И его чаще всего размещают в каком-то условном, «параллельном» мире.

Время от времени на этой почве появляются оригинальные фэнтезийные произведения. Красивая литературная сказка о взрослении и о любви вышла из-под пера Натальи Ипатовой (дилогия «Король-Беда и Красная Ведьма» — «Король забавляется»). Несколько динамичных текстов, объединенных хорошо выраженной «филологичностью», то есть играми с языком и формой, опубликовала Наталья Резанова. Из них по литературному качеству выделяются «Золотая голова» и «Я стану Алиеной». Ну а первым в этом списке, наверное, стоило поставить Евгения Богата, написавшего повесть «Четвертый лист пергамента» еще во времена Леонида Ильича Брежнева. Этот блистательный текст показывает, что на российских интеллектуалов нескольких поколений цветущее Средневековье нередко оказывает гипнотизирующее воздействие. Очень многие с восторгом восприняли бы существование «заповедника Средневековья».

Над подобным заповедником ядовито посмеялась Полина Копылова в неопубликованной повести «Прозрачные врага». И она же впоследствии опубликовала повесть «Пленница тамплиера», где новая, облагороженная версия заповед-

ника оказывается вполне приемлемой для главной героини. Единственный роман той же Копыловой — «Летописи свя-тых земель» — построен на столкновении двух разных вер-сий Средневековья-2: *южной* — страстной, жестокой, не-сколько ярмарочной, замешенной на горячей крови и хо-лодной стали, и *северной* — морозной, мечтательной, слегка эльфизированной, опирающейся на силу дружин высоких светловолосых меченосцев. Фрейд повсюду кажет рожки. Не роман, а набор дверей в трюмы массового подсознания, и романтическая стилизация служит поводом к тому, чтобы двери эти распахнуть... То же самое можно сказать и о копы-ловской повести «Virago».

Средневековье — вроде запретного плода. Причем за-прет установлен достаточно гибкий, лукавый, вроде наручни-ков с кнопкой, размыкающей стальное объятие: хочешь, по-будь пленником, а нет, так можешь освободиться в любой момент. Дело ведь не только в недостатке высокой эстетики в наши дни, не только в гнетущей мегаполисной смеси из пластика, неоновой рекламы и тонированных стекол. Дело в том, что наш век оскудел благородством. И умы наиболее образованных людей обращаются к самым красивым време-нам, отыскивая там и благородство, и высоту духа, и силу веры, и настоящее подвижничество. Современный умник вроде бы знает: откуда бы взяться подобным ценностям во времена грубости, грязи, вшей, отсутствия горячей воды и эффективной медицины, ужасающей жестокости нравов... А с другой стороны, глубоко внутри у многих миллионов лю-дей сидит убеждение в том, что у Нового времени, в котором мы все и живем, труба пониже да дым пожиже по сравнению с каким-нибудь дученто. Даже при отсутствии горячей воды... Мало кто задумывается о том, что образ грязного и грубого феодализма — такой же дидактический миф, как и образ по-этического рыцарско-трубадурского века.

В наш прекрасный век все так деловиты,
Счеты и кредиты заворожили всех.
Черни и толпе дьявол душу застит...

Еще одним излюбленным «заповедником» наших авторов является переходная эпоха, конец XVI—XVIII века. Эпоха мушкетеров, шпаг, пудренных париков, маскарадных масок и крылатых плащей. Воссоздание реальности Новое время-2 идет по двум направлениям. Первое основывается на традиционном католическом мире, воспетом Дюма-отцом, второе опирается на Северное Возрождение и протестантскую Европу. Лучшим образцом первого, по нашему мнению, стоит признать цикл Марины и Сергея Дяченко «Скитальцы», а в нем романы «Шрам» и «Преемник». «Шрам» — типичный роман шпаги и плаща, с легко узнаваемым антуражем, идущим не только от Александра Дюма, но и (в большей мере) от «Сирано де Бержерака» Ростана. Второе направление представлено в трилогии Юрия Бурносова «Числа и знаки». Перед нами словно оживают полотна Рубенса и Рембрандта. Черные камзолы со священническими стоечками, брабантские кружева воротников и манжет, короткие шпаги, «гере» и «грейфсрате».

Романтизм первой половины девятнадцатого века и все его дальнейшие модификации последующих эпох представляли собой форму протеста против магистрального пути, по которому прошла европейская цивилизация. Шиллеровские страсти, энтузиазм Людвига Баварского, появление прерафаэлитов и «Мира искусства», поэзия Н.С. Гумилева и эта романтическая ветвь отечественной фэнтези — явления одного ряда, хотя и разного масштаба. Собственно, протестный заряд, вне зависимости от того, до какой степени автор сознательно отталкивается от свинцовых мерзостей либеральной цивилизации, — наиболее ценное в данном направлении фэнтезийной литературы. Отсюда вывод: названная отрасль будет у нас бурно развиваться. Питательная среда для нее становится год от года все гуще и гуще.

Но чаще российскими фэнтезистами наших дней используются условные, слегка осредневековленные города лишь по той причине, что для массового читателя рыцари-арбалеты-таверны-шляпы с перьями привычны. Ведь основной поток англосаксонской фэнтези выполнен именно

в этом ключе... С большей или меньшей долей остроумия фантасты выжимают из *вообще-таверн, будто-замков, типа-королей, лесов-как-в-прошлом-году-на-полигоне и наподобие-трактиров* приключенческое ассорти. Больше всего подобного рода романы напоминают дописанные до требуемого объема ролевые «квэнты» или же либретто для компьютерных игрушек.

Наиболее удачные из них связаны с умением автора построить динамичный, лихо закрученный сюжет. В числе тех, кто считается «крепкими сюжетниками», выделяются Виктор Ночкин (роман «Меняла»), Алексей Пехов (сиальская трилогия, роман «Под знаком Мантикоры»), Александр Золотко (роман «Игры богов»), Илья Новак (роман «Клинки сверкают ярко»), Лора Андропова (сборник «По велению Грома») и, может быть, Юлия Остапенко (роман «Игры рядом»).

При этом Ночкин на голову возвышается над всеми остальными. Он и стилист лучший среди всех перечисленных фэнтезистов и умеет к тому же в добротную приключенческую вещь вложить серьезный философский слой. В данном случае проблему бытовой этической глухоты, ставшей столь обычным явлением для мегаполисной жизни наших дней.

А Пехов выигрывает у прочих как минимум по части здравомыслия: он, видимо, почитал справочники, ознакомился с литературой о фехтовании и тем самым сделал мир «Мантикоры» более ярким, более привлекательным для читателя. Можно было бы многое сказать относительно спорных моментов этики, которую Алексей Пехов предлагает читателям, но по части декораций приключенческого квеста он на голову выше прочих фэнтезистов-сюжетников.

В новаторски-экспериментальной книге Золотко трудно вычленить конкретное историческое время и географическое пространство. Боги и демоны здесь, так сказать, не имеют «национальности». В них при желании можно угадать представителей и древнегреческого, и индийского, и иудейского, и германо-скандинавского пантеонов. Скорее всего это и входило в первозамысел автора, создавшего гиперпространство гипермифа. Ведь практически в каждой мифоло-

гии есть мотивы борьбы, соперничества между богами, сюжеты, связанные с восстанием бога-отступника и изгнанием его в преисподнюю, с последней и решающей битвой, за которой следует либо конец света, либо царство всеобщего счастья и справедливости. То же можно сказать и о воссоздании в «Играх богов» местного колорита. Налицо признаки смешения времен и языков. Здесь и архаика, и эллинизм, и раннее Средневековье.

Практически не отстает от Пехова (если не в плане популярности, то по крайней мере в отношении поэтики текстов) Наталья Игнатова. Ее романы «Чужая война» и «Змея в тени орла» достаточно традиционны. Планета, населенная эльфами, шефанго, гномами, гобберами, орками и людьми. Разные религии, парочка воинствующих орденов. Несколько скучающих Творцов-Демиургов, которым захотелось в очередной раз поиграть в шахматешки, где фигурами выступают люди и нелюди, а доской — весь мир Божий. Поиски героями артефактов в принципе не так уж и нужных. Локальные драки и финальная Последняя Схватка. Старая добрая фэнтези.

Лишь изредка нашим мастерам фэнтези удается по-настоящему тонко использовать хорошо разработанный, насыщенный историческими декорациями мир в качестве инструмента для выражения сложной философской программы. Иными словами, суметь не через действия персонажей, а через насыщение мира определенными предметами, законами, определенной эстетикой донести до читателя некое смысловое послание, сверхидею. Тогда антураж становится самоценным.

Так обстоит дело, например, с дилогией Александра Зорича «Карл, герцог». Там Бургундия XV века предстает воплощением авторской версии рая на земле, то есть места, где могут свободно проявляться древнейшие человеческие достоинства: ум, сила, верность, щедрость, отвага, творческая потенция, да и просто потенция, куда ж без нее! Карл Смелый, центральный персонаж книги, всего лишь концентрирует в себе при-

влекательные черты Бургундии, но на самом-то деле он именно что персонаж, а герой — сама Бургундия.

В романах и рассказах, вошедших в Лангедокский цикл Елены Хаецкой, залитый невидимым золотом край — десятки городов во главе со столичной Тулузой, виноградные лозы, поля и замки — играет сразу две роли. Во-первых, он одним своим существованием прославляет Творца, создавшего такую красоту. Недаром роман «Жизнь и смерть Арнаута Каталана» заканчивается молитвенным мотивом: *Te Deum laudamus*. Во-вторых, Хаецкая осторожно и тонко подводит читателя к мысли о том, что Лангедок, при всем своем ослепительном убранстве, — тяжело больная особа, и смертельный недуг катарства изнутри разъедает прекрасную плоть. В нашей фантастике наличествует немало текстов, посвященных монсегюрской теме и всему с нею связанному. Но Лангедокский цикл Хаецкой парит над всем прочим на недостижимой высоте.

Столица Атлантиды в романе Ольги Елисеевой «Сын Солнца» выглядит в полном соответствии с известным рассказом Платона и одновременно как метрополия Критской цивилизации, отлично изученной усилиями археологов. У города, как говорится, «привлекательная внешность» — такая аристократичная архаика. Но Елисеева умело показывает элементы нечеловеческого холода, воплощенной тьмы в облике древнейшего мегаполиса.

Образцами славяно-киевской фэнтези стал цикл романов Марии Семеновой о могучем богатыре Волкодаве: «Волкодав», «Право на поединок», «Истовик-камень». По сути, это отправная точка для многих позднейших поделок и подражаний в том же духе. Исторические реалии, рассыпанные по всему тексту, создают неповторимый колорит, благодаря которому в книгах Семеновой ощущается «русский дух и Русью пахнет». И одновременно в «Волкодаве» и его сиквелах нет хвастовства, бахвальства, шапкозакидательства, как в сочинениях эпигонов писательницы или adeптов Никитинской школы. Славянство Семеновой достаточно условно: оно населяет «параллельный» мир и никак не связано с нашей исторической действительностью.

Для Михаила Успенского Древняя Русь со всеми ее сказками, былинами, языческими обрядами, действительными реальными событиями (от которых в тексте остаются рожки да ножки), со всем многоцветьем старинных героев представляет собой полигон для изощренных литературных игр. Цикл романов о князе Жихаре («Время Оно», «Кого за смертью посылать» и т.п.) стоит в нашей фэнтези особняком. Это юмористическая фэнтези, построенная на парадоксе и соединении несоединимого. Одновременно Жихаревский цикл является вызовом читателю-умнику: давай-ка, друг, расплети клубок филологических аллюзий, посмотрим, на что ты годеи. Соответственно, предельно олитературенная реальность цикла самоценна по отношению к сюжету.

Уникальный эксперимент поставил Сергей В. Алексеев. Его текст «Война Троеликого» по объему тянет на повесть. Но назвать это повестью просто язык не поворачивается. По сути, Алексеев попытался объединить обобщенную реальность множества разнообразных мифологических систем с библейской космогонией и в какой-то степени даже с библейской историей. Последний раз подобного рода опыт успешно завершил автор «Сильмариллиона»... Эпическое повествование Алексеева, кстати, в чем-то похоже на «Сильмариллион». Автор на протяжении многих лет профессионально изучал мифологию и, кажется, создал нечто вроде прамифа, утраченного в незапамятной древности.

Фэнтези зачастую путают, а то и отождествляют с исторической фантастикой. Это происходит преимущественно из-за того, что в обеих используются исторические реалии, которые, однако, служат для решения различных задач. Авторам историко-фантастических произведений важна в первую очередь конкретная историческая эпоха, выбранная для воссоздания в книге. Она позволяет писателю либо заглянуть за кулисы Клио и попытаться разгадать некую загадку прошлого, над решением которой долго и безуспешно бьются представители академической науки (т.н. криптоистория). Или фантасты, прибегая к контрафактическому моделированию, «переигрывают» историческую ситуацию, заставляя

реку Хронос пойти по другому руслу (альтернативная история). В таких сочинениях действуют реальные персонажи былых времен, местный колорит и характеры воссоздаются с максимальной точностью, что приближает фантастику к классическому историческому роману.

В фэнтези история во многом условна. События большей массы произведений разворачиваются в эпоху и в стране, которые практически невозможно идентифицировать. Те или иные предметы исторического интерьера должны здесь служить для читателя определенным маячком. Так, мечи и латы, наличие монашеских орденов и инквизиции отправляют нас в условное средневековье; центурионы с легионами, упоминание языческих богов дают понять, что мы в античности, а бургундское вино, брабантские кружева, бретеры и плащи переносят в мушкетерское преддверие Нового времени. На самом же деле никакого отношения к реальным вышеупомянутым историческим эпохам сюжеты большинства фэнтезийных книг не имеют. Редкие удачные попытки, сделанные на стыке фэнтези и исторической фантастики, являются скорее исключением из правил, чем тенденцией.

Однако стоит ли осуждать фэнтези лишь на том основании, что она бесцеремонно заимствует художественные приемы у соседки? Вряд ли такой подход продуктивен. Напротив, как можно было убедиться, историко-мифологическая фактура, несмотря на современную тягу к эклектике, по-прежнему дает наилучший шанс придать роману живость, основательность, философскую глубину. У фэнтези есть немало восторженных поклонников, во многом превышающих число любителей «чистого» исторического жанра, за последнее десятилетие заметно подрастерявшего читательскую аудиторию. Аппелируя к прошлому и при этом населяя его причудливыми созданиями, раскрашивая и приукрашая, чрезмерно героизируя, отечественная фэнтези, возможно, становится хранительницей «священных реликвий», перенимая эстафету у исторической прозы. Кто выиграет спор, кто окажется жизнеспособнее, решит Время и вы, Читатель.

Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ФАНТАСТИКУ ТАК

Записки на полях

Несколько слов о любви. Я люблю фантастику. Люблю по многим причинам.

Генрих Альтов

Любовь, как известно, очень тонкое и неоднозначное чувство. И очень многое порой зависит не столько от предмета любви, сколько от самого воздыхателя. Его характера, представления об окружающей реальности и месте, которое занимает его личность в этой реальности.

Безумные персонажи пьесы «В ожидании его» А. и Б., известные своей патологической любовью к фантастике, так никого и не дождавшись, решили сопоставить свои внутренние ощущения с мнением различных жителей Континента*. Для этого они составили Опросник, который, по их мнению, должен был разрешить все существующие проблемы и привести мир к гармонии и процветанию. После чего А. и Б.

© Д. Байкалов, А. Синицын, 2005

* См. сб. «Фантастика-2004, выпуск 1».

двинулись по долам и весям с Опросником в руках и решимостью в глазах. Множество испытаний им довелось пройти: и огнем и водой, кое-где медными трубами, а кое-где и гнилыми помидорами. Однако цели своей они добились — получили репрезентативные ответы на свои вопросы, систематизировали их и затем провели тщательный анализ.

Результаты перед вами.

Самый главный неутешительный вывод, который можно сделать, — в людях пропала вера, слепая вера в фантастику. Еще какие-то двадцать лет назад книга любого автора, вышедшая с этим грифом пусть даже и в Тмутаракани, рассматривалась практически как глава из Святого Писания.

Сейчас дело дошло до того, что читатели предъявляют писателям свои претензии. Их обвиняют во всех смертных грехах, от эскапизма до засилья «тусовочных» моментов в текстах. Основные же упреки состоят в «картонности» персонажей, отсутствии свежих идей, злоупотреблении «приключениями тела» и особенно в сериальности.

В итоге мы получаем ощутимое уменьшение тиражей фантастических книг. Нынешний среднестатистический тираж более или менее известного автора опустился ниже стандартных десяти тысяч экземпляров. Семь, пять и даже три тысячи — таковы сегодняшние реалии.

Прежде всего потенциальный покупатель неудовлетворен качеством прозы. Получая раз за разом слабый текст, он элементарно начинает жалеть собственные деньги, предпочитая очередному «коту в мешке» роман раскрученного писателя, каковых у нас наберется едва ли с десяток, поскольку никто особенно не спешит вкладывать средства в промоутинг. Издателю гораздо дешевле выпустить пробный тираж книги «молодого дарования» (вдруг за пригоршню долларов посчастливится приобрести новоявленного гения?), чем заниматься планомерным продвижением своих авторов.

Круг, таким образом, замыкается: количество наименований с каждым годом увеличивается (в 2004 году только новых романов отечественных фантастов было выпущено около четырехсот), а количество стабильно продаваемых,

наоборот, неуклонно снижается. В настоящий момент рынок фантастики реально держится только за счет нескольких известных всем фамилий. И если эти люди паче чаяния вдруг одновременно решат отказаться от литературной деятельности, рынок может и рухнуть, как неминуемо рухнет любая конструкция, если из нее извлечь три четверти несущих элементов.

Данный факт надо четко осознать всем, и в особенности — «сетевым нонконформистам». Запомните, ребята: ваши тексты, тексты ваших друзей и друзей ваших друзей будут приниматься в редакциях к рассмотрению лишь до тех пор, пока книги мэтров выходят сотысячными тиражами. Десятка ведущих фантастов является фактически генеральным спонсором и одновременно гарантом стабильности всей российской фантастики.

В настоящий момент фантастическая литература включает в себя многочисленные поджанры. И черная фэнтези, и образовательная научная фантастика представляют ее на равноправной основе. Разобраться в таком многообразии довольно сложно. И вот здесь мы с некоторым удивлением, но вместе с тем и с законной гордостью выяснили, что более трети респондентов руководствуются при покупке новых книг рецензиями в периодике и книжными обзорами.

Критики-профессионалы, чья обычная характеристика находится в диапазоне от «несостоявшийся писатель» до «нарыв на теле фантастики», оказывается, тоже не даром едят свой хлеб. Не будь жанровой критики, не только читатели, но и сами авторы не знали бы, о чем, собственно, написана их новая книга и стоит ли ее кому-либо вообще показывать. Информация в фэндоме распространяется стремительно. Писатель еще только находится на стадии замысла своего очередного опуса, а критик уже представляет в общих чертах содержание своей будущей рецензии.

Высокой плотностью информационного НФ-поля можно объяснить и тот факт, что, кроме мнения критиков, многие прислушиваются к рекомендациям друзей, в том числе и сетевых, а вот аннотация к книге, серия, в которой она вышла, рисунок на обложке перестали иметь решающее значе-

ние. Они еще важны для дебютанта, определяя жанровую принадлежность его творения. А для писателя с именем могут стать и препятствием к увеличению тиражей.

Авторы фантастических бестселлеров перестали быть исключительно «нашим достоянием». Их сочинения потребляет «респектабельная публика», которая книгу с пусть адекватной содержанию и качественно сделанной, но пестрой обложкой (что устраивает почти 60% любителей фантастики) не купит никогда — несолидно. А тот же текст, но в строгом переплете с тиснением, даже по более дорогой цене приобретет с удовольствием. Доля опрошенных, предпочитающих такое оформление, составляет почти четверть. Этой категории читателей в общем-то все равно, к какому жанру принадлежит купленная книга, лишь бы она имела наивысший рейтинг продаж и позиционировалась как модная.

Между тем в среде любителей фантастики намечился определенный раскол. Всего лишь десятая их часть не делит фантастику на жанры и оценивает произведение исключительно по уровню таланта создавшего его автора. Остальные же в той или иной степени оказывают предпочтение либо фэнтези, либо НФ. Около 10% респондентов даже под страхом отлучения от полного собрания сочинений Хьюго Гернсбека не откроют книгу с принцессами и драконами на обложке. Армия их оппонентов с эльфийскими мечами наперевес насчитывает примерно в два раза меньше бойцов, но от этого не менее радикально настроена.

Если рассматривать более вменяемый контингент, то соотношение в данном случае несколько иное — два к трем, но тоже в пользу НФ. Но нужно учесть, что почти шестая часть сторонников фэнтези проголосовала за его довольно специфическое направление — «сайенс фэнтези», которое предполагает присутствие технологического антуража в качестве обязательной составляющей. Что характерно, количество книг данного поджанра ничтожно мало даже по сравнению с количеством его читателей.

Большинство поклонников классической фэнтези выбирают историко-фэнтезийный роман. При этом привлека-

тельность книг славянской ориентации год от года уменьшается. Всех уже тошнит от лубочных походов очередного наследника Волкодава. А вот популярность черной и городской фэнтези решительно растет. Не последнюю роль здесь сыграл кинематограф, но и без этого интерес к мистическим аспектам жизни в современных мегаполисах приобретает слегка болезненный оттенок.

Ну и конечно, никуда не деться от фэнтези героической. Конан жив. Мы проверяли. Его сердце бьется в груди у каждого десятого приверженца эскапизма как способа выживания.

Что касается НФ, то здесь мы готовились рассказывать об интеллектуальной насыщенности текстов, которым отдают предпочтение ее ревнители.

Как жестоко мы ошибались.

Оказалось, что идеалом нынешних читателей является земной, желательно выступающий под российским флагом десант, крошащий Чужих из всех видов оружия под пылающими звездами галактик. Комический боевик и космическая опера имеют подавляющее преимущество над всеми остальными поджанрами. Если же учесть, что идущие следом путешествия во времени и параллельных мирах также предполагают наличие некоего спецназовца, становящегося впоследствии либо господином Великого Новгорода, либо властелином Империи тысячи солнц, то надо отметить, что даже идеологический отдел ЦК не смог создать такой положительный образ спецслужб, какой возникает стараниями современных российских фантастов. Некоторые уже отмечены за заслуги.

Социальная фантастика несколько утратила свои позиции. Ее приоритеты сменились на экстраполяцию общественных проблем и построение альтернативных социальных моделей. Острые же вопросы современности и публицистическая направленность интересуют очень небольшое количество их поборников.

К виртуальной реальности и киберпанку отношение скептическое. Это можно объяснить тем, что нынешнее поколение

фантастов зачастую не имеет достаточного технического образования. Потуги изобразить что-либо в этой области могут, конечно, привести в восторг подростков, но у специалистов вызывают лишь некоторое недоумение.

Собственно научная фантастика, несмотря на время от времени появляющиеся образчики, пребывает в глубоком кризисе. Читать ее готов лишь один человек из ста.

К сожалению, приходится смириться с тем, что с потерей своих диссидентских корней фантастика потеряла массовость. В советское время ее аудитория была шире за счет тех людей, которые пытались увидеть луч света в сумраке социалистического реализма. И фантастика им такую возможность предоставляла. Когда же литература вышла из сумрака, выяснилось, что предпочтение нашему любимому жанру оказывает не более седьмой части бывшей культурной прослойки, из которой лишь шестая часть читает только фантастику. Легко подсчитать, что это около полумиллиона человек*.

Много это или мало?

С одной стороны, много. Стартовый тираж книги ни одного современного фантаста еще не достигал такой величины. Распространители, при всем своем желании, просто не способны доставить даже самый хитовый хит во все концы нашей необъятной родины.

С другой стороны, мало. Когда два процента от общего числа потребителей диктуют всем остальным свои условия, рынок заполняется стандартной продукцией. Шаг вправо, шаг влево — отклонение от совершенства. В результате из жанра уходят самобытные писатели, отворачиваются взыскательные читатели.

Однако было бы несправедливым не отметить и тот факт, что благодаря именно этим двум процентам молодые неизвестные авторы прокладывают себе дорогу в массы. Пренебрежительное отношение к фэнам и фэндому может также

* По данным последней переписи, интеллигенцией в России себя считают 25 миллионов человек.

крайне негативно сказаться на состоянии рынка российской фантастики.

Вообще фэндом как социальная структура представляет собой достойный отдельного исследования феномен. Вполне адекватная система, состоящая из не вполне адекватных элементов, — здесь явно просматриваются черты коллективного разума, который принимает в свои ряды только тех, кто повышает его устойчивость.

Самым главным тестом, которому подвергает фэндом своих адептов, является умение анализировать прочитанное. Молодому человеку, способному отличить честно и качественно написанный текст от халтуры, появившейся на свет по какой угодно причине (от идеологической в семидесятые годы до коммерческой в девяностые и далее), ворота всегда открыты и объятия распростерты.

Неудивительно, что подавляющее число опрошенных считает, что двери в фантастику им открыли произведения третьего поколения отечественных фантастов и авторов «золотого века» западной НФ. Старые добрые шестидесятые годы. И звездолеты тогда были шустрее, и драконы добрее, и писатели тогда творили для читателя. И тот радостно откликнулся на их призыв «Вперед, в фэндом!».

После этого на долгие тридцать лет писатели надолго отвернулись от своего alter ego. Акценты сместились внутрь литературного процесса. Читатель же, с его «низменными» желаниями, переместился на периферию творческих исканий. Характерными примерами игнорирования читательских интересов могут служить британская «new wave», наша «четвертая волна» и в какой-то степени киберпанк.

Только в начале девяностых годов появилась новая генерация авторов, для которых читатель перестал быть абстрактной величиной, пустым звуком. Именно они смогли прервать засилье западной фантастики средней руки и вновь повернуться лицом к читателю. В своем творчестве эти писатели сочетают философскую насыщенность текста с нетривиальной идеей, занимательный сюжет — с достойным литературным стилем. Именно это привлекает к их книгам повышен-

ное внимание и делает лидерами нынешнего литературного процесса.

Зеркалом происходящих в современной российской фантастике процессов безусловно является конвент. Иногда это зеркало — кривое, иногда — с подобострастием отвечающее на вопрос: «Кто на свете всех милее?», но чаще все же объективно отражающее своей поверхностью и блеск, и нищету.

Кредит доверия интернет-форумам, похоже, начинает подходить к концу. Компетентность сетевой аудитории, к сожалению, уступает ее бескомпромиссности. Черный пиар, немотивированно агрессивные выпады в сторону знаменитостей, запелляционность в высказываниях, увы, становятся общим местом. И все это можно творить анонимно и практически безнаказанно.

Конвенты же, где общение происходит лицом к лицу и где за такие действия можно и в морду получить, подобные «деятели» обходят стороной. На конвенты съезжаются люди, осознанно делающие свой выбор (участие стоит довольно приличных денег) и предпочитающие реальное знакомство с кругом профессионалов случайным сетевым связям.

К началу XXI века понятие «премия-конвент» стало двуединым. Премия без конвента представляется рыбалкой без финальной тройной ухи под водочку. Конвент же без премии — паноптикумом заспиртованных уродцев из кунсткамеры. Понятия настолько слились, что некоторые конвенты называют именем вручаемой на нем премии и наоборот.

Если пойти еще дальше, то можно озвучить следующую крамольную мысль: у рядового любителя фантастики вручаемая премия стала напрямую ассоциироваться с географическим положением места проведения конвента и, более того, с его организаторами. Иными словами, голосуй не голосуй — все равно получишь... В результате интерес к самим премиям стремительно падает.

В настоящий момент наибольшее доверие вызывают премии, при голосовании за которые между любителями фантастики и бронзовой фигуркой приза не стоит никто (читай:

номинационная комиссия «Интерпрессекона», жюри «Странника», мнение Б.Н. Стругацкого), кроме счетной комиссии.

Что касается отношения читателей к остальным премиям, то очевидно следующее: доверия тем меньше, чем выше закрытость премии (от «Портала» до «АБС-премии») и, соответственно, субъективность голосующих.

Фэндом в принципе не умеет жить по указке. Так было и в советское время, ничто не изменилось и сейчас. Однако периодически возникают структуры, претендующие на роль руководящей и направляющей силы. Обычно они обещают наступление справедливости и равенства в фантастике и мгновенное исцеление всех не-строено-ходящих и не-в-одну-сторону-смотрящих. Но какие бы сладкоголосые песни они ни пели, какие бы высокопарные названия ни носили — Совет, Фонд, Академия, — их действия вызывают у большинства любителей фантастики лишь чувство сдержанной иронии.

Фантастике для преодоления своих кризисов и поступательного движения вперед не нужны новоявленные хэри селдоны. Она со своими хвоями способна справиться сама. У нее для этого есть все основания — грамотные издатели, квалифицированные критики и беззаветно преданные жанру фэны.

Фантастике по большому счету ничто не может угрожать, пока жители Континента в качестве среды обитания продолжают выбирать себе миры «Полдня» и «Ордуси», а не «Пандема» и «Возвращения со звезд». Эти люди отвергают «дармовое счастье» ради деятельной, со вкусом прожитой жизни свободного человека. И не такие уж они эскаписты, если присмотреться. Почти пятая часть не готова променять нынешнюю реальность ни на какую другую. Все они, точно так же, как и мы, просто искренне любят фантастику, которая порой неизъяснимо прекрасна...

Москва, июнь, 2005 г.

Авторы благодарят сайт «Русская Фантастика» и журнал «Если» за предоставленные материалы.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФАНТАСТИКА И ФАНТАСТИКОВЕДЕНИЕ ЗА 2004 г.

Москва, 2004

Список составили Д. Байкалов, В. Владимирский, Д. Володихин, О. Колесников, А. Синицын на основе библиографии, подготовленной В. Борисовым (г. Абакан).

РОМАНЫ

1. Авраменко Олег. Конноры и Хранители: Кн. 1. Запрещенное колдовство. — Харьков: Фактор, 2004.
2. Авраменко Олег. Конноры и Хранители: Кн. 2. Запрет вопреки. — Харьков: Фактор, 2004.
3. Авраменко Олег. Реальная угроза. — М.: АСТ; Ермак, 2004
4. Алексеев Сергей. Арвары: Магический кристалл. — М. Красный пролетарий; ОЛМА-Пресс, 2004.
5. Алексеев Сергей. Арвары: Родина Богов. — М.: ОЛМА-Пресс, 2004.
6. Амнуэль Павел. Тривселенная. — Днепропетровск: «У камина», 2004.
7. Андреева Екатерина. Украденное сокровище Астаки. — М., 2004.
8. Астахова Майя, Дейноров Эльдар. Континент Авалон. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

9. Афанасьев Роман. Вторжение. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

10. Афанасьев Роман. Источник зла. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

11. Ахманов Михаил. Ливиец. — М.: Эксмо, 2004.

12. Ахманов Михаил. Путь на Юг. — СПб.: Крылов, 2004.

13. Ахманов Михаил. Флибустьер. — СПб.: Крылов, 2004.

14. Бабкин Михаил. Ахтимаг. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

15. Баженов Виктор, Шелонин Олег. Ликвидатор нулевого уровня. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

16. Басов Николай. Рождение гигантов. — М.: Эксмо, 2004.

17. Басов Николай. Экспансия. — М.: Эксмо, 2004.

18. Бачило Александр. Академонгородок. — М.: Эксмо, 2004.

19. Белаш Людмила, Белаш Александр. Имена мертвых. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

20. Белянин Андрей, Черная Галина. Хроники оборотней. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

21. Белянин Андрей. Дело трезвых скоморохов. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

22. Белянин Андрей. Охота на гусара. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

23. Березин Федор. Лунный вариант. — М.: Эксмо, 2004.

24. Бессонов Алексей. Стратегическая необходимость. — М.: Эксмо, 2004.

25. Блиер М. Большой Маг, или Обретение ЛИБИДО. — Астрахань: Волга, 2004.

26. Боброва Ирина. Между ангелом и бесом. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

27. Богатырев Илья, Еремин Александр. Пророки Невозможного. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

28. Бояндин Константин. Ступени из пепла. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

29. Брайдер Юрий, Чадович Николай. Хозяева Острога. — М.: Эксмо, 2004.

30. Брайдер Юрий, Чадович Николай. Первые шаги по тропе: Злой Котел. — М.: Эксмо, 2004.

31. Брайдер Юрий, Чадович Николай. За веру, царя и социалистическое отечество. — М.: Эксмо, 2004.

32. Булыга Сергей. Чужая корона. — М.: Эксмо, 2004.
33. Буркин Юлий. Бриллиантовый дождь. — М.: Эксмо, 2004.
34. Бурносов Юрий. Четыре всадника. — СПб.: Азбука-классика, 2004.
35. Буторин Андрей. Работа над ошибками. — М.: АСТ, 2004.
36. Бушков Александр. Дикарка. — М.: ОЛМА-Пресс, 2004.
37. Бушков Александр. Сварог: Железные паруса. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004.
38. Бушков Александр. Сварог: Пленник короны. — СПб.: Нева, 2004.
39. Бушков Александр. Сварог: По ту сторону льда. — М.: ОЛМА-Пресс, 2004.
40. Буянов Николай. Бал для убийцы. — СПб.: Крылов, 2004.
41. Буянов Николай. Клятва на мече. — СПб.: Крылов, 2004.
42. Быстров Андрей. Возмездие Дамеона. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
43. Быстров Андрей. Империя Дамеона. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
44. Быстров Андрей. Рыцари Атлантиды. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
45. Бычкова Елена, Турчанинова Наталья. Заложники Света. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
46. Бычкова Елена, Турчанинова Наталья. Рубин Карашэхра. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
47. Валеева Анастасия. Скандал в небесной канцелярии. — М.: Эксмо, 2004.
48. Вересов Дмитрий. Путники: Белая ночь. — СПб.: Нева, 2004.
49. Витковский Алексей. Выбор воина. — СПб.: Крылов, 2004.
50. Вишневецкая М. Кашей и Ягда, или Небесные яблоки. — М.: Новое лит. обозрение, 2004.
51. Владимиров Александр. Аттракцион пророчеств. — М.: Троица, 2004.
52. Владимиров Александр. Проклятое зачатие. — М.: Троица, 2004.

53. Владимиров Александр. Таинственное послание. — М.: Троица, 2004.
54. Вознесенская Юлия. Паломничество Ланселота. — М.: Лепта; Лепта-Пресс, 2004.
55. Володихин Дмитрий. Дети Барса. — СПб.: Азбука-классика, 2004.
56. Володихин Дмитрий. Конкистадор // Володихин Дмитрий. Конкистадор. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.
57. Волховский Олег. Люди огня. — М.: Эксмо, 2004.
58. Вольнов Сергей. Ответный уход. — М.: АСТ; Ермак, 2004.
59. Ворон Алексей. Время волков. — М.: Эксмо, 2004.
60. Воронин Дмитрий. Арена. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
61. Воронин Дмитрий. Воинство Сатаны. — М.: АСТ, 2004.
62. Воронцова Марина. Госпожа Эйфор-Коровина и небесная канцелярия. — СПб.: Нева, 2004.
63. Воронцова Марина. Госпожа Эйфор-Коровина и Храм Судьбы. — СПб.: Нева, 2004.
64. Воронцова Марина. Госпожа Эйфор-Коровина и алмазный переполох. — СПб.: Нева, 2004.
65. Галина Мария. Гиви и Шендерович. — Иерусалим: Мосты культуры, 2004.
66. Гаркушев Евгений. Близкие миры. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
67. Гарридо Алекс. Акамии: Царь, но не бог. — СПб.: Крылов, 2004.
68. Гарридо Алекс. Акамии: В сердце роза. — СПб.: Крылов, 2004.
69. Гарридо Алекс. Акамии: Любимая игрушка судьбы. — СПб.: Крылов, 2004.
70. Гей Сэмюэль. Остров странствий, или Как начать новую жизнь. — Пенза: Корона, 2004.
71. Гей Сэмюэль. Юродивый ангел. — Пенза: Корона, 2004.
72. Герасимов Сергей. Герои чужого сна. — М.: АСТ; Ермак, 2004.
73. Глушков Роман. Меч в рукаве. — М.: Эксмо, 2004.
74. Глушков Роман. Эксперт по уничтожению. — М.: Эксмо, 2004.

75. Голицын Максим. Глядящие из темноты. — М.: Эксмо, 2004.
76. Головачев Василий. Ко времени моих слёз. — М.: Эксмо, 2004.
77. Головачев Василий. Черная сила. — М.: Эксмо, 2004.
78. Головачев Василий. Черное время. — М.: Эксмо, 2004.
79. Горалик Линор, Кузнецов Сергей. Нет. — СПб.: Амфора, 2004.
80. Горюнов Андрей. Контакт первой степени тяжести. — СПб.: Крылов, 2004.
81. Горюнов Андрей. На пути Орды. — СПб.: Крылов, 2004.
82. Григоров Сергей. Очарование Ремиты. — М.: АСТ; Ермак, 2004.
83. Гришанин Дмитрий. Дети паутины. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.
84. Гришанин Дмитрий. Стекланный ветер. — М.: АСТ; Ермак, 2004.
85. Громов Александр, Васильев Владимир. Антарктида online. — М.: Эксмо, 2004.
86. Громов Александр. Первый из могикан. — М.: АСТ; Ермак, 2004.
87. Гуляковский Евгений. Повелительница снов. — М.: Эксмо, 2004.
88. Гурский Лев. Траектория копья. — М.: Время, 2004.
89. Гусев Владимир. Шоколадные солдатики. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.
90. Гусев Иван. Вамп. — М.: Росмэн-Пресс, 2004.
91. Гусев Иван. Ночной эфир. — М.: Росмэн-Пресс, 2004.
92. Дивов Олег. Ночной смотрящий. — М.: Эксмо, 2004.
93. Дихнова Татьяна, Дихнов Александр. Успех подкрался незаметно. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2004.
94. Дихнова Татьяна, Дихнов Александр. Хотелось как лучше. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2004.
95. Дьякова Виктория. Ожерелье султана. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.
96. Дьякова Виктория. Перстень магистра. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

97. Дьякова Виктория. Хрустальный крест. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

98. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Варан // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Варан. — М.: Эксмо, 2004.

99. Евтушенко Алексей. Контрольное измерение // Евтушенко Алексей. Отряд-3: Контрольное измерение. — М.: Эксмо, 2004.

100. Егоров Андрей. Вейгард. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

101. Елисеева Ольга. Переворот. — М.: Подвиг, 2004.

102. Елисеева Ольга. Сын Солнца. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

103. Ельская Елизавета. Голгофа XXI. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

104. Ерпылев Андрей. Слуга царю... — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

105. Ерпылев Андрей. Золотой империал. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

106. Жаринова Елена. Волчья радуга. — СПб.: Крылов, 2004.

107. Жаринова Елена. Королева Риррел. — СПб.: Крылов, 2004.

108. Жаринова Елена. Сестра Звезды. — СПб.: Крылов, 2004.

109. Жвалевский Андрей, Мытько Игорь. Порри Гаттер: 9 подвигов Сена Аесли. — М.: Время, 2004.

110. Железнов Свенельд. Скоморох // Железнов Свенельд. Скоморох. — СПб.: Крылов, 2004.

111. Забирко Виталий. Рай под колпаком // Забирко Виталий. Рай под колпаком. — М.: Эксмо, 2004.

112. Зайцев Сергей. Боевые роботы Пустоши. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

113. Звягинцев Василий. Бремя живых. — М.: Эксмо, 2004.

114. Злотников Роман. Арвендейл. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

115. Золотко Александр. Игры богов. — СПб.: Крылов, 2004.

116. Зубко Алексей. Сокрушительное бегство. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

117. Зубко Алексей. Специальный агент преисподней. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

118. Зыков Виталий. Безымянный раб. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

119. Иванов Борис. Джокер и Палач. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

120. Иванов Борис. Знак Лукавого. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

121. Иванов Сергей. Иное королевство. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

122. Иванов Сергей. Как сказал бы мой папа. — М.: АСТ, 2004.

123. Иванов Сергей. Обходной путь героя. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

124. Иволгина Дарья. Игра скомороха. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

125. Иволгина Дарья. Новгородская ведьма. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

126. Иртенина Наталья. Зов Лабиринта, или По касательной // Иртенина Наталья. Зов Лабиринта. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

127. Казаков Дмитрий. Ночь Судьбы. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

128. Казаков Дмитрий. Солнце цвета крови. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

129. Казаков Дмитрий. Солнце цвета стали. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

130. Калашников Влад. Город Зомби. — М.: ВАДИМ СИ-НЕМА, 2004.

131. Калугин Алексей. На исходе ночи. — М.: Эксмо, 2004.

132. Камша Вера. Красное на красном; Кн. 1-я. — М.: Эксмо, 2004.

133. Камша Вера. От войны до войны. — М.: Эксмо, 2004.

134. Каптарь Дионис. Зло. — М.: Интеллект-центр, 2004.

135. Карелин Сергей. Гном. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

136. Карпушенко Сергей. Власть чародея. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

137. Карпушенко Сергей. Дорога чести. — М.: АСТ; СПб.: Меридиан; Северо-Запад Пресс, 2004.

138. Колычев Владимир. Три богатыря. — М.: Эксмо, 2004.

139. Корепанов Алексей. Время Чёрной Луны. — Харьков: Фактор, 2004.

140. Корепанов Алексей. Зверь из бездны: Второй раунд. — М.: АСТ, 2004.

141. Королев Анатолий. Инстинкт № пять. — М.: Гелеос, 2004.

142. Костюченко Евгений «Краев». Зимний Туман — вождь шайенов. — СПб.: Крылов, 2004.

143. Котенко Олег. Слово говорящего. — М.: АСТ, 2004.

144. Кош Алекс. Если бы я был вампиром. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

145. Красавин Юрий. Русские снега. — М.: Роман-газета, 2004.

146. Краснов Антон. Апокалипсис для шутников. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

147. Краснов Антон. Семь отмычек Всевластия. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

148. Крюков Дмитрий. Путь меча. — М.: Росмэн, 2004.

149. Крюкова Т.Ш. Призрак Сети. — М.: Аквилегия-М, 2004.

150. Кубрик Анна, Кубрик Дмитрий. Пир духа, или Охота на бронтозавра. — М.: Авваллон, 2004.

151. Кудрявцев Леонид. Охотник и вампирша. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

152. Кудрявцев Леонид. Последняя одиссея // Кудрявцев Леонид. Последняя одиссея. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

153. Купцов Василий. Крутен, которого не было. — М.: АСТ, 2004.

154. Лаврова Вера. Скитальцы. — М.: АСТ; СПб.: Меридиан; Северо-Запад Пресс, 2004.

155. Лаптев Антон. Гримуар. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004.

156. Лаптев Антон. Преторианцы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004.

157. Лаптев Антон. Яд. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004.

158. Левандовский Борис. Обладатель великой нелепости. — М.: АСТ, 2004.

159. Леженда Валентин. Античные хроники. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

160. Леженда Валентин. Глюконавты. — М.: АСТ; Транзит-книга, 2004.

161. Леженда Валентин. Повесть былинных лет. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

162. Ливадный Андрей. Взвод // Ливадный Андрей. Взвод. — М.: Эксмо, 2004.

163. Ливадный Андрей. Колония // Ливадный Андрей. Колония. — М.: Эксмо, 2004.

164. Лидин Александр. Запах смерти // Лидин Александр. Запах смерти. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

165. Литвинова Анна, Литвинов Сергей. Даже ведьмы умеют плакать. — М.: Эксмо, 2004.

166. Логачев Александр, Логинов Михаил. Красный терминатор. — СПб.: Крылов, 2004.

167. Логинов Святослав. Имперские ведьмы. — М.: Эксмо, 2004.

168. Лосев Владимир. Охотник за демонами. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

169. Лосев Владимир. Страж порталов. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

170. Лоскутов Александр. Высшая ценность. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

171. Лукин Евгений. Портрет кудесника в юности. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

172. Лукьяненко Сергей. Сумеречный дозор. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

173. Лютый Алексей. Рабин Гут: Эльдорадо — не награда. — М.: Эксмо, 2004.

174. Лютый Алексей. Х-ассенизаторы: Запрещенный угар. — М.: Эксмо, 2004.

175. Малинин Евгений. Драконье горе. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

176. Малинин Евгений. Мятаж. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

177. Маркеев Олег, Николаев Андрей. Золотые врата. — СПб.: Лениздат, 2004.

178. Маркеев Олег. Странник: Цена Посвящения. — М.: ОЛМА-Пресс, 2004.

179. Маркелов Олег. Имперская мозаика. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

180. Маркелов Олег. Токсимерский оскал. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

181. Матюхин Александр. Циклопедия. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

182. Махров Алексей. В вихре перемен. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

183. Медведев Антон. Враг Империи. — М.: Эксмо, 2004.

184. Медведев Антон. Метаморф. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

185. Мейстер Максим. Любовь Богомола. — СПб.: ИК Невский проспект, 2004.

186. Мельников Роман. Клинок и пламя. — СПб.: Крылов, 2004.

187. Мельников Руслан. Тевтонский крест. — СПб.: Крылов, 2004.

188. Мзареулов Константин. Возвращение в Полночь. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

189. Мзареулов Константин. Капитан Багровой Тьмы. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

190. Миронов Арсений. Тупик Гуманизма. — М.: Эксмо, 2004.

191. Михайлов Владимир. Медные трубы Ардига. — М.: Эксмо, 2004.

192. Михальчук Вадим. Черная Пустошь. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

193. Морозов Дмитрий. Крылатый десант. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

194. Новак Илья. Клинки сверкают ярко. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

195. Нестеренко Евгений. Тень ведьмы. — М.: АСТ, 2004.

196. Нестеренко Юрий. Крылья. — М.: Эксмо, 2004.

197. Никитин Олег. Падение сквозь ветер. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

198. Никитин Олег. Стекланная пыль. — М.: АСТ, 2004.

199. Никитин Олег. Шмель в паутине. — СПб.: Азбука-классика, 2004.
200. Никитин Юрий. Великий маг. — М.: Эксмо, 2004.
201. Никитин Юрий. Земля наша велика и обильна... — М.: Эксмо, 2004.
202. Николаев Андрей. Русский экзорцист. — СПб.: Лениздат, 2004.
203. Николашин Виктор. И проснулся медведь. — М.: ЧИТРА; Ламирс, 2004.
204. Новак Илья. Клинки сверкают ярко. — СПб.: Азбука-классика, 2004.
205. Ночкин Виктор. Меняла // Ночкин Виктор. Меняла. — СПб.: Азбука-классика, 2004.
206. Овчинников Олег. Семь грехов радуги // Овчинников Олег. Семь грехов. — СПб.: Азбука-классика, 2004.
207. Овчинникова Анна. Век героев. — СПб.: Крылов, 2004.
208. Огай Игорь. Порог сознания. — М.: ОЛМА-Пресс, 2004.
209. Олди Генри Лайон. Шмагия // Олди Генри Лайон. Шмагия. — М.: Эксмо, 2004.
210. Орлов Алекс. База 24. — М.: Эксмо, 2004.
211. Орлов Алекс. Западня. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
212. Орлов Алекс. Меч, дорога и удача. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
213. Орлов Алекс. Штурм базы. — М.: Эксмо, 2004.
214. Орловский Гай Юлий. Ричард де Амальфи. — М.: Эксмо, 2004.
215. Орловский Гай Юлий. Ричард Длинные Руки — владелец трех замков. — М.: Эксмо, 2004.
216. Оскотский Захар. Последняя башня Трои. — М.: Захаров, 2004.
217. Панкеева Оксана. Люди и призраки. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
218. Панкеева Оксана. О пользе проклятий. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
219. Панкеева Оксана. Пересекая границы. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

220. Панкеева Оксана. Поспорить с судьбой. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
221. Панов Вадим. Кафедра Странников. — М.: Эксмо, 2004.
222. Панов Вадим. Тень инквизитора. — М.: Эксмо, 2004.
223. Папсуев Роман. Верлойн. — М.: Эксмо, 2004.
224. Парфёнова Анастасия. Город и ветер. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
225. Пелевин Виктор. Священная книга оборотня. — М.: Эксмо, 2004.
226. Первухина Надежда. Заботливая женская рука. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
227. Первухина Надежда. Курортная зона. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
228. Первухина Надежда. Проснуться живым. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
229. Первухина Надежда. Вежливость королев. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
230. Перумов Ник. Война мага: Миттельшпиль. — М.: Эксмо, 2004.
231. Перумов Ник. Череп в небесах. — М.: Эксмо, 2004.
232. Петрушевская Людмила. Номер Один, или В садах других возможностей. — М.: Эксмо, 2004.
233. Пехов Алексей. Под знаком Мантикоры. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
234. Пищенко Виталий, Самусь Юрий. Укус скорпиона. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.
235. Платов Сергей. Собака тоже человек! — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
236. Плахотин Александр. Слово тролля. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
237. Плеханов Андрей. Особо опасная особь. — М.: Эксмо, 2004.
238. Погуляй Юрий. Команда. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
239. Полунин Николай. Галактический сунс. — М.: Эксмо, 2004.
240. Польшинская Галина. Созвездие друзей. — М.: АСТ, 2004.

241. Посняков Андрей. Новгородская сага. Книга 1. Шпага Софийского дома. — СПб.: Крылов, 2004.

242. Посняков Андрей. Новгородская сага. Книга 2. Посол Господина Великого. — СПб.: Крылов, 2004.

243. Прашкевич Геннадий. Кормчая книга // Прашкевич Геннадий. Кормчая книга. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

244. Прозоров Александр, Пронин Игорь. Ведун: Паутина зла. — СПб.: Лениздат, 2004.

245. Прозоров Александр, Николаев Андрей. Ведун: Душа оборотня. — СПб.: Лениздат, 2004.

246. Прозоров Александр, Яновский Олег. Ведун: Ключ времен. — СПб.: Лениздат, 2004.

247. Прозоров Александр. Андрей Беспамятный. — СПб.: Крылов, 2004.

248. Прозоров Александр. Ведун: Креститель. — СПб.: Лениздат, 2004.

249. Прозоров Александр. Ведун: Слово воина. — СПб.: Лениздат, 2004.

250. Прозоров Александр. Ведун: Заклятье предков. — СПб.: Лениздат, 2004.

251. Прозоров Александр. Клан. Северный круг. — СПб.: Лениздат, 2004.

252. Прошкин Евгений. Твоя половина мира // Прошкин Е. Эвакуация. — М.: Эксмо, 2003.

253. Пронин Игорь. Свидетели Крысолова. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

254. Проскурин Вадим. Звездная Сеть. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

255. Проскурин Вадим. Пламя Деметры. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

256. Пупынин Юрий. Побег. — М.: ВАГРИУС, 2004.

257. Пыхов Алексей. Алые камни «ночной ведьмы». — М.: Секачев, 2004.

258. Разумовский Феликс. Белое танго с удачей. — СПб.: Крылов, 2004.

259. Разумовский Феликс. Смилодон в России. — СПб.: Крылов, 2004.

260. Райдо В. Светлая сторона Апокалипсиса // Злотников Р., Райдо В. Нечаянная встреча; Светлая сторона Апокалипсиса. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004.

261. Раткевич Элеонора. Ларе-и-Т'аз. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

262. Ревва Игорь. Зона Власти. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

263. Резанова Наталья. Ветер и меч // Резанова Наталья. Ветер и меч. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004.

264. Резанова Наталья. Рассказчица историй // Резанова Наталья. Ветер и меч. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004.

265. Романов Виталий. Звездный Надзор. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

266. Романов Виталий. Чужие в доме. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

267. Романовский Александр. Убить императора. — М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2004.

268. Романовский Александр. Цвет ярости — алый. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

269. Романовский Вадим. Путешествие в Индию. — СПб.: ИК Невский проспект, 2004.

270. Романовский Вадим. Танец Тьмы и Света. — СПб.: Невский проспект, 2004.

271. Рудазов Александр. Архимаг. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

272. Рудазов Александр. Три глаза и шесть рук. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

273. Рудазов Александр. Рыцари Пречистой Девы. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

274. Рыжов Александр. Когда магия бессильна. — М.: Эксмо, 2004.

275. Саба Санди. Звездная страна. — Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2004.

276. Савеличев Михаил. Возлюби дальнего. — М.: «АСТ»; Сталкер, 2004.

277. Савина Екатерина. Клуб одиноких зомби. — М.: Эксмо, 2004.

278. Садов Сергей. Дело о неприкаянной душе. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

279. Самохин Дмитрий. Рожден быть опасным. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

280. Самохин Дмитрий. У смерти твои глаза. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

281. Самшитова А. Черный рассвет // Самшитова А. Черный рассвет; Иллюзия. — М.: Терра — Кн. клуб, 2004.

282. Сафонов Дмитрий. Радио судьбы. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

283. Свержин Владимир. Воронья стража. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

284. Светлова Жанна. Крис — камень, меняющий судьбу. — М.: ОЛМА-Пресс, 2004.

285. Семенов Алексей. Чужестранец. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

286. Семенов Сергей. Кондор. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

287. Серебряков Владимир. Лунная соната для бластера. — М.: Эксмо, 2004.

288. Серова Анна. Скрытая угроза. — Великие Луки: Великолук. гор. тип., 2004.

289. Сертаков Виталий. Змей. — СПб.: Крылов, 2004.

290. Сивинских Александр. Проходящий сквозь стены. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

291. Симонова Мария. Профессия — смертник // Симонова Мария. Профессия — смертник. — М.: Эксмо, 2004.

292. Симонова Мария. Диагноз — бессмертие // Симонова Мария. Диагноз — бессмертие. — М.: Эксмо, 2004.

293. Синельников Владимир. Восточный круиз. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

294. Сينيцын Олег. Скалолазка и Камень Судеб. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

295. Синявская Светлана. Атракцион ужасов. — М.: Эксмо, 2004.

296. Синявская Светлана. Монастырь забытых душ. — М.: Эксмо, 2004.

297. Синякин Сергей. Пространство для человечества. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

298. Смирнов Леонид. Шарик над нами // Смирнов Леонид. Враг на орбите. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

299. Смирнов Леонид. Эра Броуна. — М.: «АСТ», 2004.

300. Смирнов Ярослав. Охотник на звездном снегу. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

301. Смирнова Лидия. МЕССИЯ-42. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

302. Соловьев Антон. Всадник на холме. — М.: АСТ, 2004.

303. Соколов Михаил. Бог-Император. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

304. Сорокин Владимир. Путь Бро. — М.: Захаров, 2004.

305. Сосновский Геннадий. Восковые фигуры. — М.: Терра — Кн. клуб, 2004.

306. Стародубцев Дмитрий. Шерас. Летопись Аффондатора. — М.: Изографус, 2004.

307. Степанов Николай. Магистры пятого знака. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

308. Степанов Николай. Танцор. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

309. Степанов Николай. Возвращение Танцора. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

310. Таругин Олег. Спящий город. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

311. Твердов Антон. Нет жизни никакой. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

312. Тимофеева Лина. Ожерелье Онэли. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

313. Тимофеева Лина. Последний дракон. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

314. Тихомирова Ксения. Граница горных вил. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004.

315. Точинов Виктор. Великая Степь. — М.: АСТ; Транзит-книга, 2004.

316. Точинов Виктор. Логово. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

317. Тропов Иван. Крысолов. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

318. Уваров Александр. Ужин в раю. — М.: Ультра. Культура, 2004.

319. Угрюмова Виктория, Угрюмов Олег. Некромерон. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

320. Уланов Андрей. «Додж» по имени Аризона. — М.: Эксмо, 2004.

321. Уланов Андрей. Крест на башне. — М.: Эксмо, 2004.

322. Уланов Андрей. На всех хватит! — М.: Эксмо, 2004.

323. Уланов Андрей. Серебряные пули с урановым сердечником. — М.: Эксмо, 2004.

324. Утолин Константин, Шевчук Ольга. Проект «Третий Рим». — М.: Эксмо, 2004.

325. Федорова Екатерина. Возвращение милорда. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

326. Федорова Екатерина. Способ побега. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

327. Фомичев Алексей. Всеми правдами и неправдами. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

328. Фомичев Алексей. Правила чужой игры. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

329. Фрай Макс. Книга Одиночеств // Фрай Макс, Горалик Линор. Книга Одиночеств. — СПб.: Амфора, 2004.

330. Фрумкин Сергей. Планета в подарок. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

331. Хаецкая Елена. Несчастный скиталец // Хаецкая Елена. Собрание сочинений; Гуляки старых времен. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

332. Хохлов Антон. Совсем не герой. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

333. Чекалов Денис. Между двух войн. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

334. Чекмаев Сергей. Анафема. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

335. Чекмаев Сергей. Везуха. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

336. Чернецов Андрей, Леженда Валентин. Врата Дракона. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

337. Чернецов Андрей, Леженда Валентин. Уакерос. — М.: АСТ, 2004.

338. Чернецов Андрей, Лещенко Владимир. Чародей фарона. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
339. Чернова Юлия. Главная роль. — М.: АСТ, 2004.
340. Чертанов Максим. Цирцея. — М.: Аграф, 2004.
341. Чешко Федор. Урман. — СПб.: Крылов, 2004.
342. Чичин Сергей. Гнев генерала Панка. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
343. Шабельник Руслан. Боги золотого века, или Игроки апокалипсиса. — Харьков: Фактор, 2004.
344. Шалыгин Вячеслав. Будущего.нет. — М.: Эксмо, 2004.
345. Шалыгин Вячеслав. Лучшая защита. — М.: Эксмо, 2004.
346. Шалыгин Вячеслав. Чужое наследие. — М.: Эксмо, 2004.
347. Шапошников Игорь. Кремниевое небо. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.
348. Шариф Раиль. Охота на зверя. — Казань, 2004.
349. Шведов Сергей. Ловушка для резидента. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
350. Шведов Сергей. Оракул. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
351. Шведов Сергей. Планета Героев. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
352. Шведов Сергей. Резидент. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
353. Шведов Сергей. Черный скоморох. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
354. Шведов Сергей. Шатун. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
355. Шкатула Лариса. Маленький дракон с актерского факультета. — М.: АСТ, 2004.
356. Шторм Вячеслав. Спящие Дубравы. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
357. Шубин Дмитрий. Тигр на свалке. — М.: АСТ, 2004.
358. Шхиян Сергей. Прыжок в прошлое. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.
359. Щепетнев Василий. Черная земля. — М.: Терра — Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

360. Юрин Денис. Новый стандарт. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

361. Юрин Денис. Самый сердитый гном. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

362. Янковский Дмитрий. Побочный эффект. — М.: Эксмо, 2004.

363. Янковский Дмитрий. Вирус бессмертия. — М.: Эксмо, 2004.

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

1. 2В. Рагульба // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

2. Commander Хэлл. Золушка на дороге // Порог (Кировоград). — 2004. — № 6.

3. Rat Alex S.S. Монета на ребре // Порог (Кировоград). — 2004. — № 6.

4. Авдеев Алексей. Розмерта // Равноденствия. — М.: АСТ-ТОЛ; АСТ, 2004.

5. Авдеев Алексей. Спираль // Равноденствия. — М.: АСТ-ТОЛ; АСТ, 2004.

6. Адра Фред. Контурь зла // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

7. Айдинян Станислав. Следом идущие // Равноденствия. — М.: АСТ-ТОЛ; АСТ, 2004.

8. Айдинян Станислав. Слышавший, видевший // Равноденствия. — М.: АСТ-ТОЛ; АСТ, 2004.

9. Айдинян Станислав. Спор змей (Легенда) // Равноденствия. — М.: АСТ-ТОЛ; АСТ, 2004.

10. Аксенов Рой. Пресные воды // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

11. Алагаты Сергей. Художник // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

12. Алексанян Армен. Дом окнами на луну // Порог (Кировоград). — 2004. — № 6.

13. Алексеев С. Сказание о войне Троеликого // Сакральная фантастика-5. — М.: Мануфактура, 2004.

14. Алехин Леонид. Обмануть вечность // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 6.

15. Алехин Леонид. Сказка на ночь // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 3.

16. Алимов Игорь. «О чем умолчал Пу Сун-лин»: You Know My Name // Новые легенды. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

17. Алимов Игорь. Пока варилась каша // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

18. Алферова Марианна. Я и мой король // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

19. Альбинский Алексей. Время императора // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

20. Альбинский Алексей. Пересекая лёд // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

21. Альбинский Алексей. Приходящий в конце // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

22. Альбинский Алексей. Процент надежды // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

23. Амнуэль Павел. Все дозволено // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

24. Амнуэль Павел. Дорога к себе // Искатель (М.). — 2004. — № 6.

25. Амнуэль Павел. Зеленый луч // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 7.

26. Амнуэль Павел. Призрак // Мир «Искателя» (М.). — 2004. — № 4.

27. Амнуэль Павел. Хранитель времен // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 7.

28. Андреева Наталья. Алмазная тварь // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.

29. Андропова Лора. Красный — цвет надежды // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

30. Андропова Лора. Монстрама // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

31. Андропова Лора. Фелидианин // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 8.

32. Андрощук Иван. Произнесённое вслух // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2004. — № 2.

33. Аренев Владимир. Везенье дурака // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

34. Аренев Владимир. Первое правило свинопаса // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

35. Аренев Владимир. Разделенная любовь // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

36. Аренев Владимир. Спят ли бабочки на лету? // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

37. Аренев Владимир. Странный случай на Острове блаженных // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 9.

38. Афанасьев Роман. Клевый кот // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

39. Афанасьев Роман. Сегодня — только гнев // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 7.

40. Афанасьева Елизавета. Кошки-мышки // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 5.

41. Ахтямов Дмитрий. Сказка — на ночь // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

42. Бабкин Михаил. Дедок // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 5.

43. Бабкин Михаил. Зачет // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

44. Бабкин Михаил. Ловушка // Новые легенды. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

45. Бабкин Михаил. Пятьдесят на пятьдесят // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

46. Бабкин Михаил. Удивить дракона // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

47. Баимбетова Лилия. Всадница Гора // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

48. Бархатов Юрий. Подобно дафниям // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

49. Батхен Ника. Стертая сказка, или Были города Августа // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 1.

50. Бачило Александр. Дом на холме // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

51. Бачило Александр. Остров // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 6.

52. Бачило Александр. Тележкин и сыновья // Если (М.). — 2004. — № 8.

53. Бачило Александр. Фотография // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5 // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

54. Безродный Иван. Привет от Цицерона // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

55. Белаш Людмила, Белаш Александр. Атеист // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 4.

56. Белаш Людмила, Белаш Александр. Белая дева // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

57. Белаш Людмила, Белаш Александр. Перепись 1769 года // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

58. Белаш Людмила, Белаш Александр. Поклонение // Порог (Кировоград). — 2004. — № 2.

59. Белецкая Екатерина. Муха и Пестрый // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.

60. Белецкая Екатерина. Четыре комнаты // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 1 // Сакральная фантастика-5. — М.: Мануфактура, 2004.

61. Белецкий Сергей. Живое // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

62. Белов Константин. Холодильник // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

63. Белокуров Дмитрий, Панов Вадим. Тиха украинская ночь // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

64. Белоусова Ольга. За стеной // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 11.

65. Белый Илья. Как закончилась эпоха сказок // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

66. Бенедиктов Кирилл. Вишня под снегом // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 9 // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

67. Бенедиктов Кирилл. Восход шестого солнца // Если (М.). — 2004. — № 12.

68. Бенедиктов Кирилл. Граница льда // Бенедиктов Кирилл. Штормовое предупреждение. — М.: Эксмо, 2004 // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

69. Бенедиктов Кирилл. Красный город // Новые легенды. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

70. Бенедиктов Кирилл. Ультра-лайт // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

71. Бенилов Евгений. Лгунья // Если (М.). — 2004. — № 9.

72. Бенилов Евгений. Окончательное решение женского вопроса // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

73. Бенилов Евгений. Орудие судьбы // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 3 // Фантастика: конкурс «Золотая чаша-2003». — М.: Соц.-полит. мысль, 2004.

74. Березин Владимир. Женский день // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

75. Березин Владимир. Путешествие за Золотым Сруном // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

76. Березин Владимир. Собачья кривая // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

77. Берендеев К. Что-то не так // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 10.

78. Берендеев Кирилл. Азатот // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

79. Берендеев Кирилл. За преградой // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

80. Берендеев Кирилл. Как зародилась жизнь // Енот-потаскун (М.). — 2004. — № 4.

81. Берендеев Кирилл. Книга Аркадия // XXX-Чтиво (лит. прил. к журн. «Енот-потаскун») (М.). — 2004. — № 1.

82. Берендеев Кирилл. Одиночество у Золотых ворот // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

83. Берендеев Кирилл. Прикосновение // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

84. Бескаравайный Станислав. Беспанцирная черепаха // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

85. Бескаравайный Станислав. Жалость к человеку // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 3.

86. Бескаравайный Станислав. Укоротитель // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

87. Бессонов Алексей. Возвращение в красном // Бессонов Алексей. Стратегическая необходимость. — М.: Эксмо, 2004.

88. Бессонов Алексей. Достижения цивилизации // Бессонов Алексей. Стратегическая необходимость. — М.: Эксмо, 2004.

89. Бессонов Алексей. Стратегическая необходимость // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 11.

90. Бессонов Алексей. Табачный соус // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004 // Бессонов Алексей. Стратегическая необходимость. — М.: Эксмо, 2004 // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

91. Богданец Анна. Ното homini... // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 1.

92. Болото Алина. Меню для Фойры // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 6.

93. Бор А. По шучьему велению // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

94. Бор Алекс. Ошибка невозможна... // Порог (Кировоград). — 2004. — № 5.

95. Бормор П. Василиса // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

96. Бормор П. Иван и лягушка // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

97. Бормор П. Лиса и зайцы // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

98. Бормор П. Сказка о многих китайских знаниях // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

99. Бормор П. Сказка про Абсолютное Зло // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

100. Бормор П. Сказка про очень маленькое число // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

101. Бормор П. Сказка, стремящаяся к хэппи-энду // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

102. Бормор П. Сказочка дядюшки Примуса про соляное чучелко // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

103. Боровинская Юлия. Конь — не роскошь... // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

104. Боровинская Юлия. Не по Пушкину // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

105. Боровинская Юлия. Сказка о ревности // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

106. Боровинская Юлия. Снова о рыцарях и принцессах // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

107. Бородин Грант. Богоформа // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

108. Бородин Грант. Ермак Тимофеевич // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

109. Бородин Грант. На небо очи мои возвожу // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

110. Борянский Александр. Одинокый Воин // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004.

111. Брандт Станислав. Последний контракт // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

112. Браславский Дмитрий. Средь шумного бала // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

113. Брусков Валерий. Историческая правда // Порог (Кировоград). — 2004. — № 5.

114. Брыкалова Марина. Коридор // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

115. Брыкалова Марина. Портрет души // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

116. Бубякин Михаил. Защитник // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

117. Бударов А. Дедушка Мороз! // Фантастика: конкурс «Золотая чаша-2003». — М.: Соц.-полит. мысль, 2004.

118. Булат А. Праздничный человек // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

119. Булатникова Дарья. Бумажный гном // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

120. Булатникова Дарья. Распылитель Пухольского // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 9.

121. Булыга Сергей. Дваждырог // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

122. Булыга Сергей. Старый Цимох // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

123. Буркин Юлий. Вон! К звездам! // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 3 // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

124. Буркин Юлий. Дикая тварь из дикого леса // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004.

125. Буркин Юлий. Любить дракона // Если (М.). — 2004. — № 3.

126. Буркин Юлий. Неисправимая заводчица // Фантастика: конкурс «Золотая чаша-2003». — М.: Соц.-полит. мысль, 2004 // Серебряный кофе (Томск). — 2004. — № 1.

127. Буркин Юлий. Потрясения обжоры // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

128. Буркин Юлий. Прости меня, милый моллюск // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

129. Буркин Юлий. Хотеть // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 6.

130. Бурносов Юрий. Дневник Ульвургына // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

131. Бурносов Юрий. Жабы // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 5.

132. Бурносов Юрий. Случаи // Новые легенды. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

133. Былинский Владислав. Крылатые ведьмы // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

134. Быстров Андрей. Проводник // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.

135. Бычкова Елена, Турчанинова Наталья. Перо из крыла ангела // Сакральная фантастика-5. — М.: Мануфактура, 2004 // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

136. Бычкова Елена, Турчанинова Наталья. Снежный тигр // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

137. Валентинов Андрей, Дяченко Марина, Дяченко Сергей, Олди Генри Лайон. Аттракцион // Если (М.). — 2004. — 2004. — № 9.

138. Валентинов Андрей, Дяченко Марина, Дяченко Сергей, Олди Генри Лайон. Непокорный // Если (М.). — 2004. — № 9.

139. Валентинов Андрей, Дяченко Марина, Дяченко Сергей, Олди Генри Лайон. Колоброд // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 6.

140. Валентинов Андрей, Дяченко Марина, Дяченко Сергей, Олди Генри Лайон. Туфли // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 6.

141. Валентинов Андрей, Дяченко Марина, Дяченко Сергей, Олди Генри Лайон. Сатанорий // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 6.

142. Валентинов Андрей, Дяченко Марина, Дяченко Сергей, Олди Генри Лайон. Проданная душа // Если (М.). — 2004. — № 9.

143. Валентинов Андрей, Дяченко Марина, Дяченко Сергей, Олди Генри Лайон. Рынок // Если (М.). — 2004. — № 9.

144. Валентинов Андрей, Дяченко Марина, Дяченко Сергей, Олди Генри Лайон. Сосед // Если (М.). — 2004. — № 9 // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

145. Валентинов Андрей, Дяченко Марина, Дяченко Сергей, Олди Генри Лайон. Харизма Ньюрки Гаврош // Если (М.). — 2004. — № 9.

146. Валентинов Андрей, Дяченко Марина, Дяченко Сергей, Олди Генри Лайон. Бурсак // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

147. Валентинов Андрей, Дяченко Марина, Дяченко Сергей, Олди Генри Лайон. Пойдем в подвал? // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

148. Ван Зайчик Хольм. Агарь, Агарь!.. // Новые легенды. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

149. Васильев Владимир. Джентльмены непухи // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

150. Васильев Николай. Собака Павлова // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 6.

151. Васильева Светлана. Подарок // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

152. Вашкевич Эльвира. Блокнот // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 3.
153. Вашкевич Эльвира. Канал // Порог (Кировоград). — 2004. — № 6.
154. Великанова Мария. Гость // Порог (Кировоград). — 2004. — № 5.
155. Велкорд Артем. В двухтысячном будет тридцать // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.
156. Веллер Михаил. Б. Вавилонская // Веллер Михаил. Б. Вавилонская. — СПб.: Пароль, 2004.
157. Веллер Михаил. Вечер в Валгалле // Веллер Михаил. Б. Вавилонская. — СПб.: Пароль, 2004.
158. Веллер Михаил. Исповедь любовника президента // Веллер Михаил. Б. Вавилонская. — СПб.: Пароль, 2004.
159. Веллер Михаил. Подполковник Ковалев // Веллер Михаил. Б. Вавилонская. — СПб.: Пароль, 2004.
160. Веллер Михаил. Трибунал // Веллер Михаил. Б. Вавилонская. — СПб.: Пароль, 2004.
161. Вербинина В. Хладнокровный убийца // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 12.
162. Верещагин Петр. Искательница // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
163. Верещагин Петр. Мудрец // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.
164. Веров Ярослав, Ростиславский Лев. Прижизненная слава // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 5.
165. Веров Ярослав, Ростиславский Лев. Физика везения // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2004. — № 9.
166. Ветков Юрий. Дервиши // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.
167. Вилье Артур. Зверь печальный // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.
168. Вилье Артур. Кошка // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.
169. Вилье Артур. Пес // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.
170. Вилье Артур. Сова и кто-то // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

171. Витковский Тарас. Человек-телефон // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 2.
172. Владимирский Василий. Блюз счастья // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 1.
173. Власова Елена. Вторая жена императора // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004.
174. Воинов Алексей. Богемский гранат // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.
175. Воинов Алексей. Король ничего // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.
176. Воинов Алексей. Любовь к меланхолии // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.
177. Воинов Алексей. Облачность // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.
178. Воинов Алексей. Спас Нерукотворный // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.
179. Володихин Дмитрий. Война обреченных // Сакральная фантастика-5. — М.: Мануфактура, 2004.
180. Володихин Дмитрий. Огородник и его кот // Если (М.). — 2004. — № 11.
181. Вольнов Сергей. Желанная // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004.
182. Воронин Дмитрий. Круговерть // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.
183. Врочек Шимун. Восьмой рыцарь // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.
184. Врочек Шимун. Эльфы на танках // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.
185. Габриелов Константин. Скамейка запасных // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.
186. Гаврилов Дмитрий. Вторая ошибка Лауры // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.
187. Гаёхо Михаил. Музыка барабана в душе // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 2.
188. Гайворонский Ф. Ошибка // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 7.
189. Гайдук Борис. Дорожка без запаха // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

190. Гайдук Дмитрий. Девочка и призраки // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

191. Гайдук Дмитрий. Писатель и Самоубийство // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

192. Гайдук Дмитрий. Про обезьян // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

193. Гайдук Дмитрий. Про трех астрологов // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

194. Гайдук Дмитрий. Художник и его портрет // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

195. Гайдук Дмитрий. Чего хочет Бог? // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

196. Галина Мария. Андроиды Круглого стола // Если (М.). — 2004. — № 11.

197. Галина Мария. Юго-Западная железная дорога // Если (М.). — 2004. — № 3.

198. Галина Мария. Ящерица // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 7.

199. Галкина Наталья. Белый арап // Галкина Наталья. Хатшепсут. — СПб.: Петербург. писатель; Азбука-классика, 2004.

200. Галкина Наталья. День Дениса // Галкина Наталья. Хатшепсут. — СПб.: Петербург. писатель; Азбука-классика, 2004.

201. Галкина Наталья. Красная трава // Галкина Наталья. Хатшепсут. — СПб.: Петербург. писатель; Азбука-классика, 2004.

202. Галкина Наталья. Национальный вопрос и социальный аспект с сентября по май // Галкина Наталья. Хатшепсут. — СПб.: Петербург. писатель; Азбука-классика, 2004.

203. Галкина Наталья. По Миссири, Миссисупи // Галкина Наталья. Хатшепсут. — СПб.: Петербург. писатель; Азбука-классика, 2004.

204. Галкина Наталья. Поток // Галкина Наталья. Хатшепсут. — СПб.: Петербург. писатель; Азбука-классика, 2004.

205. Галкина Наталья. Час ноль // Галкина Наталья. Хатшепсут. — СПб.: Петербург. писатель; Азбука-классика, 2004.

206. Галкина Наталья. Чертвона рута // Галкина Наталья. Хатшепсут. — СПб.: Петербург. писатель; Азбука-классика, 2004.

207. Гальцов Максим. Похититель душ // Порог (Кировоград). — 2004. — № 2.

208. Гаркушев Евгений. Великая гладь // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

209. Гаркушев Евгений. Дружинник // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

210. Гаркушев Евгений. Путь человека // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

211. Гарридо Алекс. Кукла // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

212. Геворкян Эдуард. Ладонь, обращенная к небу // Если (М.). — 2004. — № 10.

213. Гейман Александр. Настоящий мужчина // Порог (Кировоград). — 2004. — № 3.

214. Гердов Аркадий. Еще раз про любовь // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

215. Гердов Аркадий. Передний край // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 3.

216. Гетманский Игорь. Красный кристалл // Мир «Искателя» (М.). — 2004. — № 3.

217. Гилярова Наталья. Посылки в рай // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

218. Гилярова Наталья. Про шар // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

219. Гилярова Наталья. Финтифля // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

220. Голиафский Давид. Самобранка // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

221. Головачев Василий. Запасный выход // Головачев Василий. Земля чудес. — М.: Эксмо, 2004.

222. Головачев Василий. Мечи мира // Подвиг (М.). — 2004. — № 3 // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

223. Головачев Василий. Наслаждайтесь полётом! // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

224. Головачев Василий. Не берите в руки меч // Головачев Василий. Земля чудес. — М.: Эксмо, 2004.

225. Головачев Василий. Ухо, горло, нос // Головачев Василий. Земля чудес. — М.: Эксмо, 2004.

226. Головачев Григорий. Чертик // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

227. Головачев Григорий. Чистильщик, или Станный случай в Пермской губернии // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 7.

228. Голубчик А. Настанет день // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

229. Гончаров Владислав. Волшебные корабли // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

230. Горалик Линор. Книга Одиночества // Фрай Макс, Горалик Линор. Книга Одиночеств. — СПб.: Амфора, 2004.

231. Горалик Линор. Новые сказки для неврастеников // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

232. Гореликова А. Юбилей // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 9.

233. Гореликова Ирина. Танцуй, Эсмеральда // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

234. Горишняя Юлия. Аннулированный контракт // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

235. Горнов Николай, Павлов-мл. Сергей. Бурундук — хозяин тайги // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 4.

236. Горчев Дмитрий. Ахиллес и черепаха // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

237. Горчев Дмитрий. Буратино и Пинокио // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

238. Госсен Пауль, Дегтярева Виктория. Уродина // Меридиан (Ганновер). — 2004. — № 5.

239. Госсен Пауль, Чекмаев Сергей. Последний вампир // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 8.

240. Госсен Пауль. В начале был Enter // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

241. Госсен Пауль. Восход, закат... // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

242. Гравицкий Алексей, Дорофеев Сергей, Агеева Надежда. Кошмар на улице Долговязов // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

243. Гравицкий Алексей, Шевченко Дмитрий. Последняя сказка про Избавителя // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

244. Гравицкий Алексей. Брошенная // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

245. Гравицкий Алексей. Восточные миниатюры // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

246. Гравицкий Алексей. Всадник // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

247. Гравицкий Алексей. Вторая сущность // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

248. Гравицкий Алексей. Город // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

249. Гравицкий Алексей. Дух усадьбы // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

250. Гравицкий Алексей. Записки о сотворении мира // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

251. Гравицкий Алексей. Игра // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

252. Гравицкий Алексей. Краски // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

253. Гравицкий Алексей. Мальчик со спичками // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

254. Гравицкий Алексей. Мастер иллюзий // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

255. Гравицкий Алексей. Мой добрый Маг // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

256. Гравицкий Алексей. Мой приятель, художник... // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

257. Гравицкий Алексей. Пирог с яблоками // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

258. Гравицкий Алексей. Погода в доме // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

259. Гравицкий Алексей. Последний // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

260. Гравицкий Алексей. Рассекреченные материалы // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

261. Гравицкий Алексей. Самогипноз // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

262. Гравицкий Алексей. Сила воображения // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

263. Гравицкий Алексей. Утро // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

264. Гравицкий Алексей. Я — волшебник // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

265. Гравицкий Алексей. Я очень умный // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

266. Гравицкий Алексей. Я подарю тебе мир! // Гравицкий Алексей. Отдать душу. — М.: АСТ, 2004.

267. Гранин Даниил. Оборванный след // Гранин Даниил. Жизнь не переделать... — М.; СПб.: Центрполиграф; МиМ-Дельта, 2004.

268. Гребнева Ольга. «Никаких островов нет...» // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

269. Греб Евгений. Господин диктатор! // Греб Евгений. Наброски с невозможного. — М.: АСТ, 2004.

270. Греб Евгений. Дом на краю света // Греб Евгений. Наброски с невозможного. — М.: АСТ, 2004.

271. Греб Евгений. Еще не рыцарь // Греб Евгений. Наброски с невозможного. — М.: АСТ, 2004.

272. Греб Евгений. Звездочка // Греб Евгений. Наброски с невозможного. — М.: АСТ, 2004.

273. Греб Евгений. Люди плакали // Греб Евгений. Наброски с невозможного. — М.: АСТ, 2004.

274. Греб Евгений. Пролетая мимо // Греб Евгений. Наброски с невозможного. — М.: АСТ, 2004.

275. Греб Евгений. Ты не бессмертен // Греб Евгений. Наброски с невозможного. — М.: АСТ, 2004.

276. Григорьев Кирилл. Персональный Проводник // Аэли-та: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

277. Григорьев Николай. А в солнечной Бразилии // Рэв-ноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

278. Григорьев Николай. Видимость // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

279. Григорьев Николай. Ожидание праведника // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

280. Григорьев Николай. Погружение // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

281. Григорьев Николай. Попытка // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

282. Григорьев Николай. Последняя надежда // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

283. Григорьев Николай. Разоблачитель // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

284. Григорьев Николай. Сторож лестничного пролёта // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

285. Гриневич Василий. За тридевять парсеков // Гриневич Василий. Зачет по выживаемости. — М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2004.

286. Гриневич Василий. Зачет по выживаемости // Гриневич Василий. Зачет по выживаемости. — М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2004.

287. Гриневич Василий. Наследники терраторнисов // Гриневич Василий. Зачет по выживаемости. — М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2004.

288. Гриневич Василий. Рыцари духа // Гриневич Василий. Зачет по выживаемости. — М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2004.

289. Гришунин Сергей. Жизнь короля, императора // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

290. Громов Александр. Всем поровну! // Если (М.). — 2004. — № 5.

291. Громов Александр. Девальвированный // AQUARIUM MAGAZINE (Аквариумный Журнал) — № 4 // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 9.

292. Громов Александр. Защита и опора // Если (М.). — 2004. — № 11.

293. Громов Александр. Последнее дело Херлока Шолмса // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

294. Гросс Павел, Счастливецва Екатерина. Вьетконг // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.

295. Грязнов Михаил. Любовь, кровь и прочие овощи... // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

296. Гугнин Владимир. Выключатель // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

297. Гугнин Владимир. Куличики // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

298. Гумеров Альберт. В клетке // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

299. Гумеров Альберт. Ключья памяти моей // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

300. Гусев Владимир. Принцип экспансии // Искатель (М.). — 2004. — № 7.

301. Данихнов Владимир. Моногамия // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

302. Данихнов Владимир. Свидание с детством // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

303. Дашков Андрей. Все писатели попадают в ад // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004 // Дашков Андрей. Все писатели попадают в ад. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

304. Дашков Андрей. Дракон // Дашков Андрей. Все писатели попадают в ад. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

305. Дашков Андрей. Могильщик // Дашков Андрей. Все писатели попадают в ад. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

306. Дашков Андрей. Пассажир «Летучего Голландца» // Дашков Андрей. Все писатели попадают в ад. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

307. Дашков Андрей. Продавец иллюзий // Дашков Андрей. Все писатели попадают в ад. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

308. Дашков Андрей. Радио ада // Дашков Андрей. Все писатели попадают в ад. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

309. Дашков Андрей. Стюардесса // Дашков Андрей. Все писатели попадают в ад. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

310. Дашков Андрей. Убийца боли // Дашков Андрей. Все писатели попадают в ад. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

311. Дворецкая Елизавета. Дверь в скале // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

312. Дворецкая Елизавета. Как огонь от огня // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 4.

313. Дейч Дмитрий. 24 сказки и истории // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

314. Дейч Дмитрий. Банковский автомат // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

315. Дейч Дмитрий. Конфуций // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

316. Дейч Дмитрий. Маугли // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

317. Дейч Дмитрий. Персей // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

318. Дейч Дмитрий. Слон // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

319. Дейч Дмитрий. Толстое и тонкое // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

320. Дивов Олег. Дотянуть до точки встречи // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

321. Дивов Олег. Другие действия // Если (М.). — 2004. — № 2.

322. Дивов Олег. Енот допрыгался // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 11.

323. Дмитриев Павел. Чайник // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

324. Дмитриева Светлана. Бизнесмены // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

325. Дмитриева Светлана. Варька // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 7.

326. Дмитриева Светлана. Убить Казика // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

327. Дмитриева Светлана. Урод // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

328. Дубинин А. Антиохийский священник // Сакральная фантастика-5. — М.: Мануфактура, 2004.

329. Дубинянская Яна. Капитан и Анжелика // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

330. Дубинянская Яна. Непобедимая армия // Меридиан (Ганновер). — 2004. — № 4.

331. Дубихин Николай. Зов предков // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2004. — № 2.

332. Дубровин Макс. Ловушка для Клауса Кинкеля // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

333. Дубровин Максим. Вторжение // «Роскон 2003»: литературная конференция. — М: Международный центр фантастики, 2003 // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурина, 2004.

334. Дубровин Максим. Месть // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

335. Дубровин Максим. Мыслехранитель // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004 // Фантастика: конкурс «Золотая чаша-2003». — М.: Соц.-полит. мысль, 2004.

336. Дылдина Яна, Полянская Анна. Клады выбирают неудачники // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

337. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Уехал славный рыцарь мой... // Если (М.). — 2004. — № 4.

338. Евтушенко Алексей. Имя для героя // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

339. Евтушенко Алексей. Мальчик и облака // Евтушенко Алексей. Отряд-3: Контрольное измерение. — М.: Эксмо, 2004.

340. Евтушенко Алексей. Ночной тариф // Евтушенко Алексей. Отряд-3: Контрольное измерение. — М.: Эксмо, 2004.

341. Евтушенко Алексей. Слуга // Евтушенко Алексей. Отряд-3: Контрольное измерение. — М.: Эксмо, 2004.

342. Егоров Андрей. Боевой конь Альфреда Меннинга // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

343. Егоров Андрей. Самый страшный зверь // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

344. Егорова Наталья. Как тапают ману // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

345. Егорова Наталья. Оскал Фортуны // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 12.

346. Егорова Наталья. Талисманчик // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2004. — № 5 // Фантастика: конкурс «Золотая чаша-2003». — М.: Соц.-полит. мысль, 2004.

347. Елезов Дмитрий. Традиция // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

348. Елисеева Ольга. У Крита — деревянные стены // Если (М.). — 2004. — № 12.

349. Ерёмина Ольга. Ботинки // Равноденствия. — М.: АСТ-ТОЛ; АСТ, 2004.

350. Ерёмина Ольга. Невезучая // Равноденствия. — М.: АСТ-ТОЛ; АСТ, 2004.

351. Ерёмина Ольга. Сестра // Равноденствия. — М.: АСТ-ТОЛ; АСТ, 2004.

352. Ефремова Оксана. Вторая чашка для кофе // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

353. Жаков Лев. Вагон для храпящих // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

354. Жаков Лев. Искусство требует жертв // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

355. Железнов Свенельд. Кровь Скомороха // Железнов Свенельд. Скоморох. — СПб.: Крылов, 2004.

356. Железнов Свенельд. Скоморох и крест // Железнов Свенельд. Скоморох. — СПб.: Крылов, 2004.

357. Железнов Свенельд. Тень Скомороха // Железнов Свенельд. Скоморох. — СПб.: Крылов, 2004.

358. Живетьева Инна. Бюст Памелы Андерсен // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 12 // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.

359. Заиграев Алексей. Абсолютная правда // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

360. Заиграев Алексей. Мрачное место // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 5.

361. Зайцева Юлия. Раритет // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

362. Заритовская Елена. Коврик // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

363. Захарова Светлана, Захаров Евгений. Ингаляция призрака // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

364. Захарова Светлана, Захаров Евгений. Кукушонок с синими усами // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

365. Захарова Светлана, Захаров Евгений. Рыцарь и К°. — М.: АСТ, 2004.

366. Зеликович Нина. Мечта библиофила // Ступени Оракула (М.). — 2004. — № 2.

367. Зинчук Андрей. Общий район // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 2.

368. Зорич Александр. Мы неразделимы // Знамя (М.). — 2004. — № 11.

369. Зорич Александр. Ничего святого // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 3 // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

370. Зорич Александр. О, сергамена! // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004.

371. Зыков Виталий. Флорист // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

372. Иванов Александр. Там врагу заслон поставлен прочный // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 1.

373. Иванов Алексей. Победитель Хвостика // Иванов Алексей. Корабли и Галактика. — М.: «АСТ», 2004.

374. Ивченко Владислав. Опасные огурцы // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 1.

375. Измайлов Андрей. Наш ответ Чемберлену // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 3.

376. Измайлова Ирина. Белый бык Улада // Всемирный следопыт (СПб.). — 2004. — № 13.

377. Измайлова Ирина. Любовное зелье друидов // Всемирный следопыт (СПб.). — 2004. — № 13.

378. Ильин Владимир. Руками не трогать! // Если (М.). — 2004. — № 8.

379. Иодловский Николай. Ого! // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

380. Иодловский Николай. Призраки // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

381. Иодловский Николай. Прогулка заключённых // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

382. Ипатова Наталия. Несколько шагов, чтобы исчезнуть // Если (М.). — 2004. — № 9.

383. Иртенина Наталья. Железяка и Баламут // Иртенина Наталья. Зов Лабиринта. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

384. Иртенина Наталья. Уставшее время // Воин России (М.). — 2004. — № 11.

385. Иртенина Наталья. Я — это ты // Сакральная фантастика 5. — М.: Мануфактура, 2004.

386. Исьемини Виктор. По образу и подобию // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 5 // Фантастика: конкурс «Золотая чаша-2003». — М.: Соц.-полит. мысль, 2004.

387. Иторр Кайл. Древо желаний // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

388. Иторр Кайл. Княжий дар // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

389. Иторр Кайл. Огонь жизни // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

390. Иторр Кайл. Этюд в черных тонах // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

391. Каганов Леонид. Беседы с папой // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004 // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

392. Каганов Леонид. Брэдрол // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

393. Каганов Леонид. Горшки и боги // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

394. Каганов Леонид. День академика Похеля // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

395. Каганов Леонид. Долларка // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

396. Каганов Леонид. Дом ребенка // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

397. Каганов Леонид. Казнь // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

398. Каганов Леонид. Письмо Пауле // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

399. Каганов Леонид. Семейная проблема // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

400. Каганов Леонид. Типовая конфигурация // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

401. Каганов Леонид. Тридцать пять // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

402. Каганов Леонид. Флэшмоб-террор // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

403. Казаков Дмитрий. Каирская ночь // Гуманный выставлен в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

404. Казаков Дмитрий. Коронация // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

405. Казаков Дмитрий. Простая задача // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

406. Казаков Дмитрий. Самое главное испытание // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

407. Казаков Дмитрий. Свой дракон // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

408. Кайманов Степан. Такая работа // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

409. Каленюк Евгений. Не позволяйте ему // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

410. Калугин Алексей. Большая литература // Меридиан (Ганновер). — 2004. — № 9.

411. Калугин Алексей. В саду // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

412. Калугин Алексей. Советник по культуре // Если (М.). — 2004. — № 1.

413. Калугин Алексей. Срывающий маски // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.

414. Калугин Алексей. Старики // Если (М.). — 2004. — № 11.

415. Камша Вера. Пламя Этерны // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

416. Кангин Артур. Зеркало // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 5.

417. Каплан Виталий. Иной среди иных // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

418. Каплан Виталий. Корона // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004.

419. Каплан Виталий. Линия отрыва // Если (М.). — 2004. — № 8.

420. Карелин Антон. Знак // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 9.

421. Карелин Антон. Проданное бессмертие // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 7.

422. Карпущенко Сергей. Клятва наемника // Карпущенко Сергей. Клятва наемника. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

423. Карпущенко Сергей. Любимец грозного царя // Карпущенко Сергей. Клятва наемника. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

424. Карпущенко Сергей. Три лиходея // Карпущенко Сергей. Клятва наемника. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

425. Карпущенко Сергей. Ученик последнего волхва // Карпущенко Сергей. Клятва наемника. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004.

426. Кеслер Александр. Секрет удачи // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.

427. Кирпичев Вадим. Американский аквариум // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2004. — № 6.

428. Кириянова Анна. Поезд вне расписания // Ступени Оракула (М.). — 2004. — № 8.

429. Клещенко Елена. Белый и черный // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 7.

430. Кликин Михаил. Герой // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

431. Кликин Михаил. Дракон // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

432. Кликин Михаил. Сердце его жены // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

433. Климович Вениамин. Шепот старых королей // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

434. Клугер Даниэль. Летающая в Темных покоях // Даниэль Клугер. Сатанинская пристань. — Днепропетровск: «У камина», 2004 // Побережье (The Coast) (Филадельфия). — 2004. — № 12.

435. Клугер Даниэль. Миньян // Даниэль Клугер. Сатанинская пристань. — Днепропетровск: «У камина», 2004 // Побережье (The Coast) (Филадельфия). — 2004. — № 12.

436. Клугер Даниэль. Невозможная реальность // Даниэль Клугер. Сатанинская пристань. — Днепропетровск: «У камина», 2004.

437. Клугер Даниэль. Неприкаянная душа // Даниэль Клугер. Сатанинская пристань. — Днепропетровск: «У камина», 2004 // Побережье (The Coast) (Филадельфия). — 2004. — № 12.

438. Клугер Даниэль. Осквернитель снов // Даниэль Клугер. Сатанинская пристань. — Днепропетровск: «У камина», 2004.

439. Клугер Даниэль. Симпатическая угроза // Даниэль Клугер. Сатанинская пристань. — Днепропетровск: «У камина», 2004.

440. Клугер Даниэль. Хлеб и соль // Даниэль Клугер. Сатанинская пристань. — Днепропетровск: «У камина», 2004 // Побережье (The Coast) (Филадельфия). — 2004. — № 12.

441. Кнари Владимир. Во сохранение // Порог (Кировоград). — 2004. — № 3.

442. Кожевников Алексей. Кровь единорога // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

443. Кожевников Алексей. Сделай сам // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

444. Козарезова Ольга. Апология Бездны // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

445. Козарезова Ольга. Сказочка из Бездны // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

446. Козарезова Ольга. Слово Венанция Кроткого на Пятидесятницу // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

447. Козлов Валерий. Дорога на восход // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

448. Колганов Владимир. Перед обедом // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

449. Колесник Юлия. Незнакомка // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

450. Колосов И. Сидящий у двери // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

451. Кондратов Михаил. Дело семейное // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 9 // Фантастика: конкурс «Золотая чаша -2003». — М.: Соц.-полит. мысль, 2004.

452. Коньков Дмитрий. Апология в кавычках // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 7.

453. Корепанов Алексей. Диспетчер // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.
454. Корепанов Алексей. Казнить нельзя, помиловать // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.
455. Корепанов Алексей. Кому?.. // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.
456. Корепанов Алексей. По другой дорожке // Порог (Кировоград). — 2004. — № 5.
457. Коробов Владимир. Заметки о плавании во внутренних водах // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.
458. Коровина Елена. Морской конь // Ступени Оракула (М.). — 2004. — № 10.
459. Коршунова Ирина. Большое приключение маленького меховичка // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.
460. Косенков Виктор. Город золотых пчел // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.
461. Косенков Виктор. Понять Маяковского // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.
462. Косоломов Юрий. Фибула аргентум // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 3.
463. Кофанов Геннадий. Алчхи // Порог (Кировоград). — 2004. — № 2.
464. Кофанов Геннадий. Легенда о морском волке и сухопутном пастухе // Порог (Кировоград). — 2004. — 2004. — № 9.
465. Кофанов Геннадий. Чисто харьковская легенда // Порог (Кировоград). — 2004. — 2004. — № 9.
466. Кошкин А. Люди и те, кто против них // Кошкин А. Указка. — М.: «АСТ», 2004.
467. Кошкин А. Указка // Кошкин А. Указка. — М.: АСТ, 2004.
468. Крайнер Н. Сказка про архитектора // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.
469. Крайнер Н. Сказка про зеркало // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.
470. Крайнер Н. Сказка про книгу // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

471. Крайнер Н. Сказка про Лесное Уебище // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

472. Крайнер Н. Сказка про подсолнухи // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

473. Крайнер Н. Сказка про традиции // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

474. Крайнер Н. Сказка про чудо // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

475. Кракамын Я.К. Пся крев // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

476. Красников Никита. Альфа-версия // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004 // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 3.

477. Крафт Александр. Оранжевый треугольник. — М.: АСТ, 2004.

478. Криворотов Сергей. Новые аттракционы // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

479. Кругов Андрей. Принцип шахмат // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 8.

480. Крупеникова Ирина. Лицом к лицу // Порог (Кировоград). — 2004. — № 5.

481. Крымзалов Виктор, Свистунов Александр. Полтергейст // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 11.

482. Кубатиев Алан. Аренда // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 6 // Цитата из Гумбольдта. — Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 9.

483. Кудрявцев Леонид. Высшее мастерство // Если (М.). — 2004. — № 3.

484. Кудрявцев Леонид. День рождения кота // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004.

485. Кудрявцев Леонид. Канонада Армагеддона // Кудрявцев Леонид. Последняя одиссея. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

486. Кузнецов Иван. Домашнее задание // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

487. Кузьменко О. Когда рушатся замки // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

488. Кулагин Олег. Game over! // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 5.

489. Кулагин Олег. Модератор // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 9.

490. Кулагин Олег. Не кричи: «Вулфинг!» // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 2.

491. Кулагин Олег. Солнце над Империей // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

492. Куншенко Игорь. Корабли в тумане // Порог (Кировоград). — 2004. — № 3.

493. Куприянов Сергей. Стук // Если (М.). — 2004. — № 7.

494. Купцов Василий. Детские мечты // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

495. Купцов Василий. Успокоение для малыша Леонардо // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 6.

496. Курсков Александр. Если бы бог любил людей // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

497. Курсков Александр. Про ежей и угрюмого зайца // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

498. Курсков Александр. Про Елизавету Андреевну // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

499. Курсков Александр. Про живую рыбу Валентину и скучного кота // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

500. Курсков Александр. Про китайцев // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

501. Курсков Александр. Про космонавтов // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

502. Курсков Александр. Про лосей // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

503. Курсков Александр. Про рай для циников // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

504. Курсков Александр. Про хреновину // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

505. Курсков Александр. Рыбачьи истории / Про трех Алён // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

506. Курчатова Маша. Подарок // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 4.

507. Ларин Л. Памятник // Юный техник (М.). — 2004. — № 5.

508. Ларский К. Размышление о бронепоезде и природе света // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

509. Ласкари Кира. Кнопка // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

510. Легеза Сергей. Простецы и хитрецы // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

511. Ледянкин Евгений. Маленькая рыбка, дорогой карась // Мир «Искателя» (М.). — 2004. — № 4.

512. Ледянкин Евгений. Судьба // Искатель (М.). — 2004. — № 1.

513. Леженда Валентин. В гостях у сказки // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

514. Леженда Валентин. Любви все измерения покорны // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

515. Леженда Валентин. Семен Драконоборец // Порог (Кировоград). — 2004. — № 3.

516. Леженда Валентин. Теща и чужие // Меридиан (Ганновер). — 2004. — № 1.

517. Летунов И. «Тетис» // Летунов И. Цивилизация. — Тамбов: Тип. «Пролетар. светоч», 2004.

518. Летунов И. Встреча с прошлым // Летунов И. Цивилизация. — Тамбов: Тип. «Пролетар. светоч», 2004.

519. Летунов И. Славяне // Летунов И. Цивилизация. — Тамбов: Тип. «Пролетар. светоч», 2004.

520. Летунов И. Цивилизация // Летунов И. Цивилизация. — Тамбов: Тип. «Пролетар. светоч», 2004.

521. Ли Анна. Окончательный диагноз // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

522. Ливадный Андрей. Владыка Ночи // Ливадный Андрей. Колония. — М.: Эксмо, 2004.

523. Ливадный Андрей. Лайбен по прозвищу Стикс // Ливадный Андрей. Взвод. — М.: Эксмо, 2004.

524. Лигерс Инна. Поединок волхвов // Всемирный следопыт (СПб.). — 2004. — № 11.

525. Лидин Александр. Императорская охота // Лидин Александр. Запах смерти. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

526. Линник Злата. Муж // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

527. Логинов Святослав. Осторожно, двери открываются // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 6.

528. Логинов Святослав. Тени большого города // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 2.

529. Локхард Дж. Бесконечная игра // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 4.

530. Локхард Дж. Дом престарелых // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

531. Локхард Дж. Ночь рождения // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 11.

532. Лопухов Дмитрий. «Метастазы жизни» // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

533. Лопухов Дмитрий. Blatella Germanica // Техника — мо-
лодежи (М.). — 2004. — № 11.

534. Лопухов Дмитрий. Агонизирующий мир // Порог (Кировоград). — 2004. — № 2.

535. Лоскутов Александр. Вера и долг // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.

536. Лукас Ольга. Про давление // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

537. Лукас Ольга. Уроки счастья // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

538. Лукин Евгений. Звоночек // Если (М.). — 2004. — № 10.

539. Лукин Евгений. Первый отворот // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004 // Лукин Е. Портрет кудесника в юности. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

540. Лукин Евгений. Привет с того света // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004 // Лукин Е. Портрет кудесника в юности. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

541. Лукин Евгений. Седьмой кол из плетня супостата // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004 // Лукин Е. Портрет кудесника в юности. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.

542. Лукьяненко Сергей. Без паники! // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

543. Лукьяненко Сергей. Доктор Лем и нанотехи // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

544. Лукьяненко Сергей. Донырнуть до звезд // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 4 // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

545. Лукьяненко Сергей. Калеки // Если (М.). — 2004. — № 7 // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

546. Лукьяненко Сергей. Кредо // Если (М.). — 2004. — № 5.

547. Лукьяненко Сергей. Кровавая оргия в марсианском аду // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

548. Лукьяненко Сергей. Наносказочка // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

549. Лукьяненко Сергей. Не спешу // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004 // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

550. Лукьяненко Сергей. Нечего делить // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004 // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

551. Лукьяненко Сергей. Новая, новая сказка... // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

552. Лукьяненко Сергей. От Голубя — к Геркулесу // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004 // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

553. Лукьяненко Сергей. Сухими из воды // AQUARIUM MAGAZINE (Аквариумный Журнал) — № 5 // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

554. Лукьяненко Сергей. Эволюция научного мировоззрения на примерах из популярной литературы // Лукьяненко С. Гаджет. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

555. Лукьянов Алексей. Спаситель Петрограда // Октябрь (М.). — 2004. — 2004. — № 5.

556. Мак Сим. Погонщик облаков // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

557. Макаренков Максим. Крепость // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 6.

558. Макаренков Максим. Отказник // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

559. Макаренков Максим. Я и Лешка // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 1.

560. Макеева Наталья. Без лица // Порог (Кировоград). — 2004. — № 3.

561. Макеева Наталья. Вечная куколка // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

562. Макеева Наталья. Девочка и смерть // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

563. Макеева Наталья. Дочь Хозяина // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

564. Макеева Наталья. Жалость // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

565. Макеева Наталья. История пропажи // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

566. Макеева Наталья. Мамино горе // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

567. Макеева Наталья. Обиталище // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

568. Макеева Наталья. Последняя осень патриарха // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

569. Макеева Наталья. Психиатрическая мама // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

570. Макеева Наталья. С добрым утром // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

571. Макеева Наталья. Сверхчеловечиха (Саван расписной) // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

572. Макеева Наталья. Станные люди // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

573. Макеева Наталья. Уют // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

574. Макеева Наталья. Хохот // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

575. Макиенко А. Выпускник // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 4.

576. Маковецкая Марина. Трава над нами // Меридиан (Ганновер). — 2004. — № 5.

577. Максименко Андрей, Сиромолот Юлия. Ветер на дне колодца // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

578. Максимов Юрий. Дерзновение пред лицом Божиим // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

579. Максимов Юрий. Лесоболотный массив // Порог (Кировоград). — 2004. — № 6.

580. Макушкин Олег. Гробницы фараонов // «Роскон-2003»: литературная конференция. — М.: Международный центр фантастики, 2003 // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурина, 2004.

581. Малахова Валерия. Кэрля // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

582. Малахова Валерия. Легенда о маленьком гоблине // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

583. Малер Исраэль. Клаустрофилия // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

584. Малер Исраэль. Сизифик // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

585. Малицкий Сергей. Деревенский киберпанк // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

586. Малицкий Сергей. Собеседование // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.

587. Малышева Анна. Последний фараон // Искатель (М.). — 2004. — № 2.

588. Малышева Галина. Чудо-Юдо и опальный Стрелок // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

589. Маринин Д. Воссоздание // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

590. Маркелова Н. Последнее море // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

591. Маркелова Наталья. Авось // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 5.

592. Маркелова Наталья. Широкая натура // Порог (Кировоград). — 2004. — № 5.

593. Мартыненко Всеволод. Собачий глаз // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 11.

594. Мартынов Олег «Dingo». Иной тот самый // Порог (Кировоград). — 2004. — № 6.

595. Марцион Марат. Бен Бакстер // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

596. Марцион Марат. Способ Нарцисса // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

597. Марченко Андрей. Рожденный-в-стали // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 4.

598. Марышев Владимир. Последняя жизнь // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

599. Марьин Олег. Голова // Сакральная фантастика-5. — М.: Мануфактура, 2004.

600. Масленков Игорь. Электрическое божество // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.

601. Маслов Александр. Киборг Джек // Меридиан (Ганновер). — 2004. — № 5.

602. Маслов Александр. Кокон // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7 // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 8.

603. Матвеев Андрей. Волшебные каблучки // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 12.

604. Матвеев Иван. Дракон // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

605. Матюков П. Неурочный ребенок // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

606. Матюхин Александр. Килька в томате // Порог (Кировоград). — 2004. — № 6.

607. Матюхин Александр. Мы охотимся // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.

608. Медовар Любовь. Барабан // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

609. Медовар Любовь. Миссионеры // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

610. Медовар Любовь. Ночная встреча // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

611. Мейстер Максим. Для этого никаких денег не жалко! // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 2.

612. Мелентьев Серж. Аплудисменты одной рукой // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

613. Мелентьев Серж. Бао Гун в северных лагерях // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

614. Мелентьев Серж. Бао Гун перед портретом Мао // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

615. Мелентьев Серж. Бао Гун теряет женщину Йокко // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

616. Мелентьев Серж. Внутренняя культура // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

617. Мелентьев Серж. Китовый пенис // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

618. Мелентьев Серж. Коан: занимательная география // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

619. Мелентьев Серж. Новый декан // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

620. Мелентьев Серж. Оргазм красивой студентки Хонг // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

621. Мелентьев Серж. Путевка в жизнь // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

622. Мелентьев Серж. Сон и аппетит // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

623. Мелентьев Серж. Танец Бао Гуна // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

624. Мелентьев Серж. Шкура и голова // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

625. Меров Михаил. Копирайтер // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

626. Мидянин Василий. Из канализации // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

627. Мидянин Василий. Коричневое // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

628. Мидянин Василий. Путь туда // Новые легенды. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

629. Мидянин Василий. Черный рыцарь-паук Леопольд XVII // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 2.

630. Митура Арни. USER-EXPO 3000 // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

631. Митура Арни. Загадочное счастье планеты Ликс // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

632. Михайлов Валерий. Где сидит фазан? // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

633. Михайлов Владимир. Игра в звуки // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004.

634. Михайлов Владимир. О спорт, ты... // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

635. Михальчук Вадим. Уходящий в свет // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.

636. Мокин Александр. Внутри // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

637. Мокин Александр. Во имя справедливости // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

638. Мокин Александр. До небес // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

639. Мокин Александр. Дориан // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

640. Мокин Александр. Житие-бытие прапорщика Кутузина // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

641. Мокин Александр. Завоеватель // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

642. Мокин Александр. Извилистая лунная дорожка // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

643. Мокин Александр. Каменный дождь // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

644. Мокин Александр. Контракт // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

645. Мокин Александр. Контракт // Порог (Кировоград). — 2004. — № 3.

646. Мокин Александр. Лавка песочных часов // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

647. Мокин Александр. Мой муж — инопланетянин // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

648. Мокин Александр. Наказание — жизнь // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

649. Мокин Александр. Папоротник (ин колор) // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

650. Мокин Александр. Посредник // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

651. Мокин Александр. Прыжок // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

652. Мокин Александр. Прыжок // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

653. Мокин Александр. Умереть, чтобы жить // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

654. Мокин Александр. Цена ошибки // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

655. Мокин Александр. Я люблю тебя, мир // Мокин Александр. Я люблю тебя, мир! — М.: АСТ, 2004.

656. Молитвин Павел. Фобия // Новые легенды. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

657. Мушинский Олег. Цивилизация в опасности // Аэли-та: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

658. Назаренко Михаил. Носатый фавн // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

659. Назаров Алексей. Здесь было человечество... // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.

660. Невзгода Юрий. Ёлочный базар // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

661. Неграш Сергей. Дом из красного кирпича // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

662. Неграш Сергей. Рожденный болью // Порог (Кировоград). — 2004. — № 2.

663. Некрасов Юрий. Ученик // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

664. Некрасова Екатерина. Миф // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 1.

665. Немцева Наталья. Маленькая тень // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.

666. Нестеренко Евгений. Героем можешь ты не быть // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

667. Нестеренко Евгений. Повелитель Чисел // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

668. Нестеренко Юрий. Дикари // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.

669. Нестеренко Юрий. Сокровище // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 2.

670. Нестеров Юрий. Гуманный выстрел в голову // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

671. Нестеров Юрий. Люди по Платону // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

672. Нестеров Юрий. О пользе поливитаминов // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 4.

673. Никитин Олег. Практическая биофизика // Порог (Кировоград). — 2004. — № 5.

674. Никитинский Юрий. Опасность вечернего макияжа // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

675. Николаев Андрей. Исход // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

676. Николаев Андрей. Рождественский ангел // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

677. Никора Валентин. Наследник // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2004. — № 1.

678. Нипан Георгий. Любимая жаба // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2004. — 2004. — № 11.

679. Нипан Георгий. Полет шмеля // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2004. — 2004. — № 11.

680. Нихто Я. Тринадцатый // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

681. Новак Илья. Атмосфера // Искатель (М.). — 2004. — № 6.

682. Новак Илья. Всего лишь грязный эльф // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 5.

683. Новак Илья. Трип // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

684. Новиков Тимур. Человек, который умел летать // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 3.

685. Новикова Елена. *Mania grandiosa* // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 6.

686. Новикова Елена. Анна и Зоя // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 1.

687. Новикова Елизавета. Отчаяние // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

688. Новикова Елизавета. Цыпляндия // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

689. Ноткин Герберт. Успехи физических наук // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 6.

690. Ночкин Виктор. Обычное дело // Ночкин Виктор. Меньяла. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

691. Ночкин Виктор. Скорпион // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

692. Овчинников Олег. Атланты // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 9.

693. Овчинников Олег. Будущее проходит сейчас // Овчинников Олег. Семь грехов. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

694. Овчинников Олег. День барсука // Овчинников Олег. Семь грехов. — СПб.: Азбука-классика, 2004 // Фантастика: конкурс «Золотая чаша-2003». — М.: Соц.-полит. мысль, 2004.

695. Овчинников Олег. Кокон // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

696. Овчинников Олег. Наноша // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 9 // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 11.

697. Овчинников Олег. Операторы односторонней связи // Если (М.). — 2004. — № 3.

698. Овчинников Олег. Ротапринт // Если (М.). — 2004. — № 12.

699. Овчинников Олег. Столичный оборотень // Новые легенды. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

700. Олин Макс. Истинная алхимия // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

701. Опанасенко Ольга. Високосный год // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

702. Ордынец Петр. Явись же в наготу моим очам // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

703. Орехов Николай. Сибирский виноград // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 5.

704. Орлов Алексей. Мемориал // Равноденствия. — М.: АС-ТОЛ; АСТ, 2004.

705. Орлов Алексей. Стреляющие ружья // Равноденствия. — М.: АС-ТОЛ; АСТ, 2004.

706. Осояну Наталия. Лесной царь // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

707. Осояну Наталья. Завеса теней // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 6.

708. Остапенко Александр. Другие дети // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.

709. Остапенко Юлия. Боги реки // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 6.

710. Остапенко Юлия. Погибель моя // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 4.

711. Остапенко Юлия. Слишком // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

712. Остапенко Юлия. Цветы в ее волосах // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

713. Остапенко Юлия. Я пришла // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 11.

714. Палий Сергей. Гости // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

715. Палий Сергей. Желтоватый снег // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

716. Палий Сергей. Спутник // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 6.

717. Пальцун Сергей. Лоер // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 4.

718. Панина Светлана. Три дня из жизни Леонардо // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 7.

719. Панов Вадим. Борода дьявола // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

720. Панов Вадим. Другие боги // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

721. Панов Вадим. Правила крови // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

722. Панов Вадим. Совершить невозможное // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

723. Панченко Григорий. Право слабого // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

724. Паньо Екатерина. Блэк энд уайт // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 9.

725. Парфёнова Анастасия, Пехов Алексей. Под флагом Милорда Кугеля // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004 // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

726. Парфенова Анастасия. Совенок // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

727. Парфин Павел. Сайт мертвых // Порог (Кировоград). — 2004. — № 2.

728. Парфин Павел. Юродивый Эрос // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.

729. Пелевин Виктор. Свет горизонта // Пелевин Виктор. Жизнь насекомых; Свет горизонта. — М.: Эксмо, 2004.

730. Первушин Антон. Выступление космонавта Комарова в сельском клубе // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

731. Первушина Елена. «Доброе утро, последний герой!» // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

732. Первушина Елена. Ты любишь джаз? // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 6.

733. Переслегина Елена. Альтернатива? Экранопланы! // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 1.

734. Перминов Петр. Левиафан // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

735. Петров Андрей. Возвращаясь к Икель // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

736. Петров Андрей. Потроха душ // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

737. Петрушевская Людмила. Предостережение Аник // Петрушевская Людмила. Богиня Парка. — М.: Эксмо, 2004.

738. Петрушевская Людмила. Просиял // Петрушевская Людмила. Богиня Парка. — М.: Эксмо, 2004.

739. Петухов Михаил. На заре графологии // Ступени Оракула (М.). — 2004. — № 15.

740. Петухов Михаил. След от пули // Ступени Оракула (М.). — 2004. — № 10.

741. Пехов Алексей. Последняя осень // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

742. Пехов Алексей. Чудесное приключение // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

743. Пименов Всеволод, Кноблех Ольга, Акуна Матата // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

744. Пичугов Олег. Свет ненависти // Порог (Кировоград). — 2004. — № 2.

745. Плахотникова Елена. С добрым утром // Меридиан (Ганновер). — 2004. — № 4.

746. Плеханов Андрей. Левый глаз // Новые легенды. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

747. Плеханов Андрей. Человек человеку — кот // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004.

748. Погуляй Юрий. Держись, брат! // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

749. Погуляй Юрий. Дрянное место // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

750. Погуляй Юрий. Ритм // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

751. Погуляй Юрий. Тамаса // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

752. Подистова Лариса. Бастион // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 4 // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 6.

753. Подистова Лариса. Последний расчет // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

754. Подымов Владлен. Обрывок рисовой бумаги // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

755. Покровский Владимир. Жизнь сурка, или Привет от рогатого // Если (М.). — 2004. — № 10.

756. Полевина Ольга. Веселая Мэри выходит замуж // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

757. Полухин Рашид. Классические краски квазара // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

758. Полухин Рашид. Модератор // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.

759. Полынская Галина. Записывая сны // Порог (Кировоград). — 2004. — № 2.

760. Полынская Галина. Местечко под солнцем // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

761. Полынская Галина. Семья // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

762. Полух Александр. Сосед // Ступени Оракула (М.). — 2004. — № 15.

763. Попенко Олег, Стрельцова Наталья. Не бейте старушек // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

764. Попенко Олег, Стрельцова Наталья. Неисповедимы пути... // Меридиан (Ганновер). — 2004. — № 1.

765. Попов Владимир. Промчаться по радуге // Mobile new review (М.). — 2004. — № 1.

766. Попов Дмитрий. Быть сильным // Если (М.). — 2004. — № 3.

767. Попов Дмитрий. Не детское дело // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

768. Попов Дмитрий. Письмо несчастья // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

769. Попов Леонард. Серые кошки // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

770. Попов Михаил. Контракт // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 10.

771. Попов Михаил. Птичка в клетке // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 2.

772. Порецкий Борис. Вавилонская бухгалтерия // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 2.

773. Поручик & Lizard.Ink. Правда о Сизифе // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 11.

774. Прашкевич Геннадий. Ловушка охотника // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

775. Прашкевич Геннадий. Подкидыш ада // Если (М.). — 2004. — № 6.

776. Прокопчик Светлана. Вид на жительство // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

777. Прокопчик Светлана. Марш мертвых блондинок // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 11.

778. Прокопьев Михаил. Корова // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

779. Пронин Игорь. Дым над Ульшаном // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

780. Пронин Игорь. Легкая жизнь, легкая смерть // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

781. Пронин Игорь. Степень свободы // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

782. Прохорова Мария. Шоу уродов // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 6.

783. Прошкин Евгений. Двадцать минут из жизни Антона Соболева // Прошкин Е. Эвакуация. — М.: Эксмо, 2003.

784. Прошкин Евгений. Двое // Прошкин Е. Эвакуация. — М.: Эксмо, 2003.

785. Прошкин Евгений. Катарсис ефрейтора Саратова // Прошкин Е. Эвакуация. — М.: Эксмо, 2003.

786. Прошкин Евгений. Победители // Прошкин Е. Эвакуация. — М.: Эксмо, 2003.

787. Прошкин Евгений. Стрелка // Прошкин Е. Эвакуация. — М.: Эксмо, 2003.

788. Прошкин Евгений. Это место свободно // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

789. Прошкин Евгений. Это я // Прошкин Е. Эвакуация. — М.: Эксмо, 2003.

790. Пяткин Владимир. Драконогенез // Порог (Кировоград). — 2004. — № 6.

791. Радутный Радий. Вторая попытка // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

792. Радутный Радий. Глубокая консервация // Меридиан (Ганновер). — 2004. — № 3.

793. Разливинский Ян. Бессонница // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

794. Разливинский Ян. Встреча // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

795. Разливинский Ян. Грустный рассказ о времени // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

796. Разливинский Ян. Дождь из лягушек // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

797. Разливинский Ян. Закрыватели Америк // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

798. Разливинский Ян. Каждый день, кроме выходных // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

799. Разливинский Ян. Лубяная избушка // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

800. Разливинский Ян. Неправда, что она умерла // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

801. Разливинский Ян. Плач в пустом храме // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

802. Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

803. Разливинский Ян. Последнее слово // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

804. Разливинский Ян. Принцип валентности // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

805. Разливинский Ян. Ромашка вышла // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

806. Разливинский Ян. Теплый день в конце лета // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

807. Разливинский Ян. Фактор времени // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

808. Разливинский Ян. Фантастика // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

809. Разливинский Ян. Шесть Наполеонов // Разливинский Ян. По ком звонит колокольчик. — М.: АСТ, 2004.

810. Райт Джордж. Нетривиальное решение // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

811. Райхер Виктория. Адвокат в колбасе // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

812. Райхер Виктория. Астенция // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

813. Райхер Виктория. Блаженны сильные духом в рабочий полдень // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

814. Райхер Виктория. Зоопарк // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

815. Райхер Виктория. Инициация // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

816. Райхер Виктория. Сказка про два чебурека // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

817. Ракитина Екатерина. Рыбка // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

818. Ракитина Ника. Рован // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

819. Ракитина Ника. Черный танк с белым горностаем // Фантастика: конкурс «Золотая чаша — 2003». — М.: Соц.-полит. мысль, 2004. // Воин России (М.). — 2004. — № 9.

820. Рапопорт Юлия. Сентябрь // Порог (Кировоград). — 2004. — № 2.

821. Рассанова Татьяна. Влюбленная // Ступени Оракула (М.). — 2004. — № 6.

822. Ревва Игорь. Герой // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

823. Ревва Игорь. Серебряное зернышко // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

824. Резанова К. Дело процентщика-убийцы // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

825. Резанова Наталья. Конвоир // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

826. Резов Александр. Двести сорок седьмой // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

827. Резов Александр. Эпилог // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

828. Рогозин Дмитрий. Умка // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

829. Ройфе Александр. Кривая дорожка прогресса // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 1.

830. Романецкий Ник. Возлюби и уйди // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

831. Романов Виталий. Стекла цвета смерти // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

832. Романов Виталий. Умереть стоя // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

833. Романчук Л. Пункт следования не обозначен // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

834. Рубан А. Все имена богини // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 10.

835. Руденко Борис. Шаги идущих // Если (М.). — 2004. — № 8.

836. Русанов Владислав. Жизнь за царя // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2004. — № 8.

837. Русанов Владислав. Приключение в старом замке // Порог (Кировоград). — 2004. — № 3.

838. Русанов Владислав. Сотник // Порог (Кировоград). — 2004. — № 9.

839. Рыбкин Алексей. Боги войны // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

840. Рэйзор Сергей. Представитель бога // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

841. Рябов Сергей. Встреча на дороге // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

842. Рябов Сергей. Записки последнего человека // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

843. Рябов Сергей. Трактат о желании // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

844. Сагабалян Руслан. Академия инкубуса // Ступени Оракула (М.). — 2004. — № 7.

845. Саломатов Андрей. Бедный Пуританов // Если (М.). — 2004. — № 10.

846. Саломатов Андрей. Здравствуй, это я! // Если (М.). — 2004. — № 8.

847. Саломатов Андрей. Император // Саломатов Андрей. Клондайк. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004.

848. Саломатов Андрей. Клондайк // Саломатов Андрей. Клондайк. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004.

849. Самохвалов М. Чертово озеро // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

850. Самохин Дмитрий. Крышник // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

851. Самусь Юрий. Кто поссорится со мной... // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

852. Самшитова А. Иллюзия // Самшитова А. Черный расцвет; Иллюзия. — М.: Терра — Кн. клуб, 2004.

853. Свириденко Константин. Большая сексуальная фантазия // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

854. Севриновский Владимир. Трое и один // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 4.

855. Седов Владимир. Браслет // Седов Владимир. Сны на продажу. — Ниж. Новгород: Деком, 2004.

856. Седов Владимир. В гостях у Чингисхана // Седов Владимир. Сны на продажу. — Ниж. Новгород: Деком, 2004.

857. Седов Владимир. Возвращение блудного папы // Седов Владимир. Сны на продажу. — Ниж. Новгород: Деком, 2004.

858. Седов Владимир. Машина // Седов Владимир. Сны на продажу. — Ниж. Новгород: Деком, 2004.

859. Седов Владимир. Новое оружие // Седов Владимир. Сны на продажу. — Ниж. Новгород: Деком, 2004.

860. Седов Владимир. Остров купца Амозова // Седов Владимир. Сны на продажу. — Ниж. Новгород: Деком, 2004.

861. Седов Владимир. Пендоус // Седов Владимир. Сны на продажу. — Ниж. Новгород: Деком, 2004.

862. Седов Владимир. Туман // Седов Владимир. Сны на продажу. — Ниж. Новгород: Деком, 2004.

863. Седов Владимир. Учитель // Седов Владимир. Сны на продажу. — Ниж. Новгород: Деком, 2004.

864. Седов Владимир. Чемодан с золотом // Седов Владимир. Сны на продажу. — Ниж. Новгород: Деком, 2004.

865. Сенечкин Виктор. Охота на ведьм в постсоветском измерении // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

866. Сенин Михаил, Сойка Юлия. Убогая эльфа // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

867. Сереброва Ирина. Долог путь в нирвану // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

868. Серкова Юлия. Цветок на песке // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурин, 2004.

869. Сивинских Александр. Ручная работа // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 4.

870. Силаев Алексей. Селекционеры // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

871. Силин Влад. История о короле и рыжей лани // «Роскон-2003»: литературная конференция. — М: Международный центр фантастики, 2003.

872. Силин Владислав. Апельсин с древа познания // Аэли-та: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

873. Силкан Дмитрий, Силкан-Буттхоф Наталья. Дичь // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

874. Силкан-Буттхоф Наталья. Дети Сливового Древа // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

875. Силкан-Буттхоф Наталья. Илия // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

876. Силкан-Буттхоф Наталья. Мусорщица // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

877. Симонова Мария. Дать тебе силу // Симонова Мария. Профессия — смертник. — М.: Эксмо, 2004.

878. Сеницын Олег. Астровойны // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

879. Сеницын Олег. Парадокс под забором // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

880. Синягин Александр. Серпик мартовской луны // Ступени Оракула (М.). — 2004. — № 11.

881. Ситников Константин. Башня // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2004. — № 9.

882. Ситников Константин. История писца Хори // Химия и жизнь — XXI век (М.). — 2004. — № 4.

883. Ситников Константин. Как медведь с комаром боролся // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 2.

884. Ситников Константин. Никто не убежал // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 5.

885. Скирюк Дмитрий, Михалыч Андрей. Старков // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.

886. Слюсаренко Сергей. Кто-то пролетел на закате... // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

887. Слюсаренко Сергей. Мимикрия // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 4.

888. Смирнов Алексей. Status quo // Смирнов Алексей. Ядерный Вий. — М.: АСТ, 2004.

889. Смирнов Алексей. Добрый вечер // Смирнов Алексей. Ядерный Вий. — М.: АСТ, 2004.

890. Смирнов Алексей. Зубы // Смирнов Алексей. Ядерный Вий. — М.: АСТ, 2004.

891. Смирнов Алексей. Идет Зеленый Шум // Смирнов Алексей. Ядерный Вий. — М.: АСТ, 2004.

892. Смирнов Алексей. Канонада // Смирнов Алексей. Ядерный Вий. — М.: АСТ, 2004.

893. Смирнов Алексей. Королевские капли // Смирнов Алексей. Ядерный Вий. — М.: АСТ, 2004.

894. Смирнов Алексей. Лента MRU // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 4.

895. Смирнов Алексей. Лето Никогда // Смирнов Алексей. Лето Никогда. — СПб.: Амфора, 2004.

896. Смирнов Алексей. Пленники фольклора // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

897. Смирнов Алексей. Призма столетий // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

898. Смирнов Алексей. Сатурновы сани // Нева (СПб.). — 2004. — № 6.

899. Смирнов Алексей. Сибирский послушник // Смирнов Алексей. Лето Никогда. — СПб.: Амфора, 2004.

900. Смирнов Алексей. Эстафета нездешних // Смирнов Алексей. Ядерный Вий. — М.: АСТ, 2004.

901. Смирнов Виктор. Украсим пригороды Санкт-Петербурга! // Если (М.). — 2004. — № 2.

902. Смирнов Леонид. Ламбада, или Все для победы // Смирнов Леонид. Враг на орбите. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

903. Смирнов Сергей. One Way Ticket // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

904. Смирнов Ярослав. Оттуда // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

905. Соболев Иван. Везде и всегда // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 3.

906. Соловьев Антон. По грибы // Порог (Кировоград). — 2004. — № 6.

907. Соловьев Сергей. На берегу моря // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 1.

908. Соловьев Сергей. Остановиться, оглянуться // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 3.

909. Соловьев Станислав. Метаморфоза // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

910. Средин Николай. Охота // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

911. Столяров Андрей. Мы, народ... // Если (М.). — 2004. — № 10.

912. Строжков Анатолий. Федя в шляпе // Ступени Оракула (М.). — 2004. — № 6.

913. Строжков Анатолий. Человечество бессмертно // Ступени Оракула (М.). — 2004. — № 12.

914. Субботин Вадим. Завтра безоблачно // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 6.

915. Суржавский Александр. Параллельность // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

916. Сусид Анна. Наваждение // Равноденствия. — М.: АСТ-ТОЛ; АСТ, 2004.

917. Сухова Инга. Месть богов // Всемирный следопыт (СПб.). — 2004. — № 6.

918. Сучков Вадим. Хуа-Муга (Пристань Тишины) // Порог (Кировоград). — 2004. — № 5.

919. Тарабанов Дмитрий. Время по определению // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурина, 2004.

920. Тарабанов Дмитрий. Кастинг по Мэрфи // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 3.

921. Тарабанов Дмитрий. Под юбкой реальности — шестерни судьбы // Путь в тысячу снов. — М.: Акчурина, 2004.

922. Тарабанов Дмитрий. Сабж // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

923. Тарабанов Дмитрий. Штурм «Книжной полки» // Порог (Кировоград). — 2004. — № 6.

924. Тарасенко Алексей. Черный Крест: Антимистическая утопия // Тарасенко Алексей. Черный Крест. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004.

925. Тарасенко Алексей. Черный Крест-2: Погоня за чудовищем // Тарасенко Алексей. Черный Крест. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004.

926. Теплов Станислав. Для котят проезд бесплатный! // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

927. Теплов Станислав. Монах // Порог (Кировоград). — 2004. — № 6.

928. Теплов Станислав. Узкие врата // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 2.

929. Тивирский Алекс. Биоплетение // Порог (Кировоград). — 2004. — № 3.

930. Тивирский Алекс. Заповедник // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

931. Толкачев Алексей. А на Люсиновской ты мне не попадайся! // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

932. Толкачев Алексей. Масан и Ван Тесон // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

933. Толкачев Алексей. Тот, кто сидит в пруду // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

934. Томах Татьяна. Удержать ветер // Аэлиа: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

935. Точинов Виктор. Кое-что из жизни маньяков // Точинов Виктор. Темные игры. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

936. Точинов Виктор. Мальчик-вампир // Точинов Виктор. Темные игры. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

937. Точинов Виктор. Ночь накануне дня дураков // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8 // Точинов Виктор. Темные игры. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

938. Точинов Виктор. Ночь накануне юбилея Санкт-Петербурга // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

939. Точинов Виктор. Охота на дракона // Точинов Виктор. Темные игры. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

940. Точинов Виктор. Страшноватая история // Точинов Виктор. Темные игры. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

941. Точинов Виктор. Темные игры полуночи // Точинов Виктор. Темные игры. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

942. Точинов Виктор. Тот, кто сидит в пруду // Точинов Виктор. Темные игры. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

943. Трищенко Сергей. Лошадь Microsoft // Аэлиа: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

944. Трускиновская Далия. Вихри враждебные // Если (М.). — 2004. — № 9.

945. Трускиновская Далия. Молчок // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

946. Трускиновская Далия. Перешейцы // Если (М.). — 2004. — № 7.

947. Трускиновская Далия. Ползучее слово // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 11.

948. Трускиновская Далия. Пустоброд // Фэнтези-2004. — М.: Эксмо, 2004.

949. Трускиновская Далия. Халява // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 3.

950. Тулин Олег. Звонок // Юный техник (М.). — 2004. — № 3.

951. Тулин Олег. Скоро сказка сказывается... // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 12.

952. Туман Ирма. Младший партнер // Порог (Кировоград). — 2004. — № 5.

953. Туманов Сергей. Последний европеец // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

954. Туровская Светлана. Тайна рода Мак-Дугалов // Всемирный следопыт (СПб.). — 2004. — № 10.

955. Туровский Борис. Повелитель демонов // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

956. Тюрин Александр. Зеркала Марса // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

957. Тюрин Александр. Каникулы капитана Флинта // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

958. Тюрин Александр. Любовный роман // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

959. Тюрин Александр. Рожденный ползать? // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

960. Тюрин Александр. Судьба Кощея в киберозойскую эру // Если (М.). — 2004. — № 4.

961. Уланов Андрей. Записки из обгорелой тетрадки // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

962. Уланов Андрей. Избранные // На перекрестках фэнтези. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2004.

963. Федоров Игорь. Кошачья жизнь // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004.

964. Филенко Евгений. Возжигатель Свеч // Филенко Евгений. Шествие динозавров. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

965. Филимонов Евгений. Письмо в интернете // Меридиан (Ганновер). — 2004. — № 2.

966. Филипский Сергей. Нападение на секретный объект // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

967. Фильчаков Владимир. Бог, мы тебя не звали // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

968. Фильчаков Владимир. Паук // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

969. Форост Максим. Еще один вечер экодендрона // Если (М.). — 2004. — № 6.

970. Фортель Аделаида. Предмет простой // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

971. Фрай Макс. Андриамбахуака и Занахари // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

972. Фрай Макс. Вечерняя проповедь // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

973. Фрай Макс. Голодный шаман // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

974. Фрай Макс. Лисьи чары // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

975. Фрай Макс. Почему люди всегда спят // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

976. Фрай Макс. Сага про Йона Упрямца и кита // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004 // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

977. Фрай Макс. Сказка о живых и мертвых // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

978. Фрай Макс. Сказка о купце, юноше и обезьяне // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

979. Фрай Макс. Сказка о Марфе-старнице и семерых Симеонах // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004 // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

980. Фрай Макс. Сказка о невыносимой легкости бытия // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

981. Фрай Макс. Сказка про волшебный эликсир // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

982. Фрай Макс. Сказка про силу молитвы // Фрай Макс. Сказки и истории. — СПб.: Амфора, 2004.

983. Фролов Влас. Чего стоит чужая жизнь // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 2.

984. Фурман Алексей. Экзорцист // Искатель (М.). — 2004. — № 3.

985. Хаврюченко Алексей. Гробница // Хаврюченко Алексей. Исповедь от дракона. — М.: АСТ, 2004.

986. Хаврюченко Алексей. Откровение от дракона // Хаврюченко Алексей. Исповедь от дракона. — М.: АСТ, 2004.

987. Хаврюченко Алексей. Память // Хаврюченко Алексей. Исповедь от дракона. — М.: АСТ, 2004.

988. Хаврюченко Алексей. Повествование о Розовом Драконе и черном властелине Тьмухе, а также о благородном рыцаре Кутриане и его герольдах и о муже Бляхере, известном также как Беджино из Крутых Горок // Хаврюченко Алексей. Исповедь от дракона. — М.: АСТ, 2004.

989. Хаврюченко Алексей. Повесть о благородном покойнике // Хаврюченко Алексей. Исповедь от дракона. — М.: АСТ, 2004.

990. Хаврюченко Алексей. Психологическая достоверность // Хаврюченко Алексей. Исповедь от дракона. — М.: АСТ, 2004.

991. Хаврюченко Алексей. Сказка // Хаврюченко Алексей. Исповедь от дракона. — М.: АСТ, 2004.

992. Хаврюченко Алексей. Сон в новогоднюю ночь // Хаврюченко Алексей. Исповедь от дракона. — М.: АСТ, 2004.

993. Хаврюченко Алексей. Странное озеро // Хаврюченко Алексей. Исповедь от дракона. — М.: АСТ, 2004.

994. Хаврюченко Алексей. Черный день // Хаврюченко Алексей. Исповедь от дракона. — М.: АСТ, 2004.

995. Хаврюченко Алексей. Что может ковкое железо, когда помочь не в силах сталь // Хаврюченко Алексей. Исповедь от дракона. — М.: АСТ, 2004.

996. Хаецкая Елена. Веселая стража // Хаецкая Елена. Собрание сочинений; Ульфа. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

997. Хаецкая Елена. Мирра и дьявол // Хаецкая Елена. Собрание сочинений; Ульфила. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

998. Хаецкая Елена. Поп и прищельцы // Сакральная фантастика-5. — М.: Мануфактура, 2004 // Хаецкая Елена. Собрание сочинений; Гуляки старых времен. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

999. Хаецкая Елена. Симон-отступник // Хаецкая Елена. Собрание сочинений; Ульфила. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

1000. Хаецкая Елена. Страховка // Если (М.). — 2004. — № 10.

1001. Хаецкая Елена. Хальдор из Светлого города // Хаецкая Елена. Собрание сочинений; Гуляки старых времен. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

1002. Харитонов Михаил. Happy birthday to you // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1003. Харитонов Михаил. Аполлон-11 // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1004. Харитонов Михаил. Вариант «Омега» // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

1005. Харитонов Михаил. Всегда соса-sola // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1006. Харитонов Михаил. Дракон XXI // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1007. Харитонов Михаил. Зимы не будет // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1008. Харитонов Михаил. Карусель // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1009. Харитонов Михаил. Красавица и чудовище // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1010. Харитонов Михаил. Моргенштерн // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1011. Харитонов Михаил. Моя дорогая // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1012. Харитонов Михаил. Поперек живота // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1013. Харитонов Михаил. Посвящение // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1014. Харитонов Михаил. Разоритель // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1015. Харитонов Михаил. Слово // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1016. Харитонов Михаил. Хорошее место // Харитонов Михаил. Моргенштерн. — М.: АСТ; «ЛЮКС», 2004.

1017. Хиллмэн Кэтрин. Тирос // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

1018. Холин Александр. Сказка о семени // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

1019. Храмова Ирина. Год Змеи // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

1020. Хуснутдинов Андрей. Данайцы // Хуснутдинов Андрей. Данайцы. — М.: АСТ, 2004.

1021. Хуснутдинов Андрей. Лингвосфера // Хуснутдинов Андрей. Данайцы. — М.: АСТ, 2004.

1022. Хуснутдинов Андрей. Часовой // Хуснутдинов Андрей. Данайцы. — М.: АСТ, 2004.

1023. Цаголова Лаура. Монологи Ангела-Хранителя // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

1024. Цаголова Лаура. Оргазм // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

1025. Цаголова Лаура. Слово // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

1026. Цветков Сергей. Гонорар // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

1027. Цмыг Владимир. Зеленые гранатовые камни // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

1028. Цыгарин Георгий. Параллель // Мир «Искателя» (М.). — 2004. — № 3.

1029. Чекалов Александр. Танец бутонов // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

1030. Чекмаев Сергей, Госсен Пауль. Спамелла // Игромания (М.). — 2004. — № 3(78).

1031. Чекмаев Сергей, Николаев Андрей. Реликт // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

1032. Чекмаев Сергей. Девятое марта // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

1033. Чекмаев Сергей. Когда исчезли деревья // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 7 // Seagull (Чайка), США, № 8 (April 23) // Stethoscope («Стетоскоп»), Франция, № 38.

1034. Чекмаев Сергей. Консул и карма // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

1035. Чекмаев Сергей. Лебедь на обложке // Смена (М.). — 2004. — № 8.

1036. Чекмаев Сергей. Ничья // «Роскон-2003»: литературная конференция. — М: Международный центр фантастики, 2003 // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 3 // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 2.

1037. Чекмаев Сергей. Свет жизни // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

1038. Чекмаев Сергей. Совсем немного доверия // Смена (М.). — 2004. — № 1.

1039. Чекмаев Сергей. Цена мечты // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

1040. Чекмаев Сергей. Четыре страницы из черной тетради // Фантастика: конкурс «Золотая чаша — 2003». — М.: Соц.-полит. мысль, 2004.

1041. Челяев Сергей. Пока святые маршируют // Фантастика: конкурс «Золотая чаша-2003». — М.: Соц.-полит. мысль, 2004 // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

1042. Чертанов Максим. Казнить нельзя помиловать // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

1043. Чешко Федор. А сердце просит // Меридиан (Ганновер). — 2004. — № 2 // Звездный мост. — Харьков: Энергосекурс, 2004.

1044. Чистякова Екатерина. Апокалипсис. v 0.9b. // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 2.

1045. Чопоров Влад. ...и чудовище // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

1046. Чубарова Диана. Дух табака // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

1047. Чубарова Диана. Человек-пёс // Равноденствия. — М.: АСТОЛ; АСТ, 2004.

1048. Шаинян Карина. Горшечник // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 12.

1049. Шаинян Карина. Рыба-говорец // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 3.

1050. Шаинян Карина. Теория игры в прятки // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 9.

1051. Шаинян Карина. Что такое река // Гуманный выставел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

1052. Шакилов Александр. Роман для вешалки // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 11.

1053. Шалыгин Вячеслав. Атака // Шалыгин Вячеслав. Восход Водолея. — М.: Эксмо, 2004.

1054. Шалыгин Вячеслав. Восход Водолея // Шалыгин Вячеслав. Восход Водолея. — М.: Эксмо, 2004.

1055. Шалыгин Вячеслав. Лекарство от счастья // Шалыгин Вячеслав. Восход Водолея. — М.: Эксмо, 2004.

1056. Шалыгин Вячеслав. Найти героя // Шалыгин Вячеслав. Восход Водолея. — М.: Эксмо, 2004.

1057. Шалыгин Вячеслав. Перевернутые дни // Шалыгин Вячеслав. Восход Водолея. — М.: Эксмо, 2004.

1058. Шапиро Максим. Бабай // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 12.

1059. Шелли Мерси. Новое платье короля // Перпендикулярный мир. — М.: Эксмо, 2004.

1060. Шелуханов Константин, Волк Дмитрий. Касьянов день // Правила крови. — М.: Эксмо, 2004.

1061. Шергов П. Hell Флайер // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

1062. Шеремет Алексей. Желтый: богатство // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1063. Шеремет Алексей. Поиски мастера // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1064. Шеремет Алексей. Про шахтера // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1065. Шеремет Алексей. Сказка о Луне // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1066. Шестаков Евгений. Медведь и другие // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1067. Шестаков Евгений. Медведь и остальные // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1068. Шестаков Евгений. Медведь и свинья // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1069. Шорин Дэн. А все-таки она вертится // Аэлита: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

1070. Шрайбер Олег. Хэмел Мил и его деревянная жена // Гуманный выстрел в голову. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

1071. Штиль Андрей. Без права на прошлое // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.

1072. Штылвелд Веле. Космодромный смотритель // Порог (Кировоград). — 2004. — № 5.

1073. Шуйский Александр. Вавилонская башня // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1074. Шуйский Александр. Дракон // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1075. Шуйский Александр. Друг // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1076. Шуйский Александр. Колокол // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1077. Шуйский Александр. О вере // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1078. Шуйский Александр. Последняя из рода // Русские инородные сказки-2. — СПб.: Амфора, 2004.

1079. Шульга С. Поздний ноябрь 2.0.1.2 // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 11.

1080. Шушпанов Аркадий. Ренегат // Порог (Кировоград). — 2004. — № 7.

1081. Щербак-Жуков Андрей. О волшебном заклинании, изменившем жизнь одного человека // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 12.

1082. Щербак-Жуков Андрей. Сказка про одного современного мыслителя и антимир // Техника — молодежи (М.). — 2004. — № 12.

1083. Эст Светлана. О смелом парне будет речь // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 2004. — № 1.

1084. Юдин Александр. Апокалипсис отменяется // Искатель (М.). — 2004. — № 9.

1085. Юдин Александр. Дело оборотней // Искатель (М.). — 2004. — № 2.

1086. Юдин Александр. Калликанцары // Искатель (М.). — 2004. — № 1.

1087. Юдин Александр. Роковой рацион // Мир «Искателя» (М.). — 2004. — № 2.

1088. Юдин Александр. Ящерино болото // Порог (Кировоград). — 2004. — № 10.

1089. Ягоар Василий. Чаша Дель Жереза // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 4.

1090. Якименко Константин. Абсолютное счастье // Аэли-та: Новая волна. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

1091. Якименко Константин. Исполнители // Порог (Кировоград). — 2004. — № 5.

1092. Якименко Константин. Патриот // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.

1093. Якубович Эдуард. Как дети // Если (М.). — 2004. — № 9.

1094. Якубская Екатерина. Город // Порог (Кировоград). — 2004. — № 8.

1095. Янчишин Станислав. Вернись, Тур! // Порог (Кировоград). — 2004. — № 4.

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ ФАНТАСТИКИ

1. Алексеев Вячеслав. Сослагательное наклонение // Если (М.). — 2004. — № 12.

2. Алексеев Сергей. Пути развития западной фэнтези // Русский сфинкс. Вып. 1: Критика-2004. — М.: Элит-клуб, 2004.

3. Алексеев Сергей. Христианская фэнтези на Западе // Христианство и фантастическая литература. — М.: Мануфактура, 2004.

4. Амнуэль Павел. Возвращение из будущего // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 10.

5. Асмолов Константин, Панченко Григорий. «Конь» и «всадник» // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

6. Байкалов Дмитрий, Синицын Андрей. В ожидании его // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

7. Бережной Сергей. Число человека // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Варан. — М.: Эксмо, 2004.

8. Березин Федор. Фэнтези как отражение постпостиндустриального мира // Интересная газета (Киев). — 2004. — № 1.

9. Бескаравайный Станислав. О древностях в фантастике // Порог (Кировоград). — 2004. — № 2.

10. Бескаравайный Станислав. Эволюция сакрализации образов // Порог (Кировоград). — 2004. — № 11.

11. Брендишайк Фио. «Ролевой вагон бежит, качается...» // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.

12. Буркин Юлий. Королева белых слоников // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

13. Былинский Владислав. Похвальное слово магии // Олди Генри Лайон. Шмагия. — М.: Эксмо, 2004.

14. Валентинов Андрей, Ястребов Сергей. Тени Четвертого Рейха // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

15. Владимирский Василий. Восемьдесят лет пути: от робота до «киберпейса» // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 5.

16. Владимирский Василий. Дело о поисках истины (Опыт гадания по бараньей лопатке) // Русский сфинкс. Вып. 1: Критика-2004. — М.: Элит-клуб, 2004 // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 9.

17. Володихин Дмитрий, Черный Игорь. Ad maiorem fantastica gloriam // Русский сфинкс. Вып. 1: Критика-2004. — М.: Элит-клуб, 2004 // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

18. Володихин Дмитрий, Черный Игорь. Продолжение следует // Если (М.). — 2004. — № 4.

19. Володихин Дмитрий. Ощущение высоты // Если (М.). — 2004. — № 10.

20. Володихин Дмитрий. Христианские мотивы в постсоветской фантастике // Христианство и фантастическая литература. — М.: Мануфактура, 2004.

21. Гаков Вл. Дама, король и много джокеров // Если (М.). — 2004. — № 5.

22. Гаков Вл. Заповедник добра // Если (М.). — 2004. — № 7.

23. Гаков Вл. Звездный король // Если (М.). — 2004. — № 11.

24. Гаков Вл. Неопикуемый чудах из глубинки // Если (М.). — 2004. — № 12.

25. Галина Мария. Героическая фантастика как диагноз // «Роскон-2003»: литературная конференция. — М: Международный центр фантастики, 2003.

26. Галина Мария. Кривое зеркало утопии // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 3.

27. Галина Мария. Несуществующие существа // Если (М.). — 2004. — № 1.

28. Галина Мария. Образ Врага // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 4.

29. Галина Мария. Покритикуйте меня, пожалуйста // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 6.

30. Галина Мария. Посмертные записки неудачника // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

31. Гончаров Владислав, Мазова Наталия. Мифология мегаполисов // Если (М.). — 2004. — № 9.

32. Гончаров Владислав. Волшебники в звездолетах // Если (М.). — 2004. — № 3.

33. Горишняя Юлия. Адрес Руматы // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

34. Громов Александр. Ушибленные стремительным домкратом // Если (М.). — 2004. — № 10.

35. Елисеев Глеб. «Эти странные москвиты...» // Если (М.). — 2004. — № 2.

36. Елисеев Глеб. Невероятные миры // Если (М.). — 2004. — № 11.

37. Елисеев Глеб. Отношение к христианству в западной НФ // Христианство и фантастическая литература. — М.: Мануфактура, 2004.

38. Елисеев Глеб. Плывущие против течения // Если (М.). — 2004. — № 8.

39. Елисеев Глеб. Уходит ли НФ из космоса? // Русский сфинкс. Вып. 1: Критика-2004. — М.: Элит-клуб, 2004.

40. Каганов Леонид. Дневник заслуженного писателя // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.
41. Каганов Леонид. Как назвать свою книгу? // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.
42. Каганов Леонид. Разумны ли инопланетяне? // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.
43. Каганов Леонид. Фантастическая сенсация // Каганов Леонид. День академика Похеля. — М.: АСТ; ВЗОИ, 2004.
44. Канис В. Где и как писали о фантастике в 2003 году // Питерbook Плюс (СПб.). — 2004. — № 1.
45. Караваев Дмитрий. На перепутье трех дорог // Если (М.). — 2004. — № 10.
46. Карпов Геннадий. Фантастика на подиуме // Порог (Кировоград). — 2004. — № 12.
47. Крымов Арсений, Михайлов Алексей. Сумерки большого города // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 11.
48. Кубатиев Алан. Деревянный и бронзовый Данте, или Ничего не кончилось? // Четвертая волна отечественной фантастики. — М.: Галактос, 2004.
49. Кураев Андрей. Гарри Поттер: попытка не испугаться. — М.: Андреевский флаг, 2004.
50. Лещенко Владимир. Фантастика нетрадиционной ориентации // «Роскон-2003»: литературная конференция. — М.: Международный центр фантастики, 2003.
51. Макеева Наталья. Постнаучная фантастика // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.
52. Маковецкая Марина, Панченко Григорий. Вымысел в квадрате, или О пределе условности // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.
53. Максимов Юрий. Православие и мысль о существовании жизни вне Земли // Христианство и фантастическая литература. — М.: Мануфактура, 2004.
54. Мороз Валерий. Путь Одиссея // Порог (Кировоград). — 2004. — № 1.
55. Назаренко Михаил. За пределами ведомых нам полей // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1, 3, 8, 10.
56. Назаренко Михаил. Короткие и необычайные истории // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

57. Назаренко Михаил. Современная англоязычная фантастика: тенденции и перспективы // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 7.

58. Назаренко Михаил. Трижды готический мастер // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1.

59. Назаренко Михаил. Цвет волшебства // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

60. Невский Борис. Наше фэнтези. Чисто русская разнообразность // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 7.

61. Невский Борис. Носик Клеопатры. Альтернативно-историческая фантастика // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 6.

62. Невский Борис. Помни о смерти. Современная готическая литература // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 8.

63. Немирова Алина. Творчество Толкиена как литературный и социальный феномен // Звездный мост. — Харьков: Энергоресурс, 2004.

64. Никитин Юрий. Мне — 65. — М.: Эксмо, 2004.

65. Ночкин Виктор. Меч как артефакт: на примере фэнтези // Ночкин Виктор. Меняла. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

66. Панченко Григорий. Горизонты оружия // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 1—5.

67. Прашкевич Геннадий. Территория греха // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

68. Пузий Владимир. Как живете, караси?! // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 11.

69. Пузий Владимир. Критика критики // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 8.

70. Пузий Владимир. Сериалы, циклы, полилогии, многотомные романы // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 2.

71. Пузий Владимир. Украинская фантастика: побег из памперсов! // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 6.

72. Пузий Владимир. Фантастика: Между притягательной силой жанра и неодолимой харизмой метода, или Спасение утопающих // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 5.

73. Ример Ник. Чего хотят издатели от автора фэнтези? // Питербук Плюс (СПб.). — 2004. — № 3.

74. Ройфе Александр. Кризис? Да, кризис! // Порог (Кировоград). — 2004. — № 3.

75. Рух А. Магический реализм, или Фантастические метаморфозы фантастики // Питерbook Плюс (СПб.). — 2004. — № 4.

76. Рыбаков Вячеслав. Жизнь сама плыла нам в руки // Четвертая волна отечественной фантастики. — М.: Галактос, 2004.

77. Синякин Сергей. Детский портрет на фоне счастливых и грустных времен // Синякин Сергей. Пространство для человечества. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.

78. Сысоев Даниил. Православие и фантастика: границы и перспективы // Христианство и фантастическая литература. — М.: Мануфактура, 2004.

79. Тарабанов Дмитрий. Киберпанк: Рождение/Развитие/Смерть // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 2.

80. Тарабанов Дмитрий. От Бетельгейзе до Тау за восемь часов // Мир фантастики (М.). — 2004. — № 1.

81. Трофимова Ольга. Молитва о мире // Четвертая волна отечественной фантастики. — М.: Галактос, 2004.

82. Трускиновская Далия. Народное православие // Христианство и фантастическая литература. — М.: Мануфактура, 2004.

83. Фрумкин Константин. Романтика и фантастика // Полдень, XXI век (СПб.). — 2004. — № 1.

84. Фрумкин Константин. Философия и психология фантастики. — М.: УРСС, 2004.

85. Хаецкая Елена. А теперь нечто совсем другое // Хаецкая Елена. Собрание сочинений; Синие стрекозы Вавилона. — М.: Терра — Кн. клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004.

86. Харитонов Евгений. Апокрифы Зазеркалья-2 (Записки архивариуса) // Русский сфинкс. Вып. 1: Критика-2004. — М.: Элит-клуб, 2004.

87. Шмалько Андрей. Наконец-то литература! // Фантастика 2004. — М.: АСТ; Ермак, 2004.

88. Шмалько Андрей. Украинская фантастика: сегодня или не время для фантастики? // Реальность фантастики (Киев). — 2004. — № 6.

89. Щербак-Жуков Андрей. Книги уходящего года: Фантастика // Книжное обозрение. — 2004. — № 52.

90. Щербак-Жуков Андрей. На границе // Книжное обозрение. — 2004. — № 44.

ДЕТСКАЯ И ПОДРОСТКОВАЯ ФАНТАСТИКА

(ПРЕМИЯ «АЛИСА»)

1. Артамонова Елена. Готический замок Дракулы. — М.: Эксмо, 2004.

2. Артамонова Елена. Не стой на пути у вампира! — М.: Эксмо, 2004.

3. Биргер Алексей. Заклятие слов. — М.: Глобулус, 2004.

4. Большакова Юлия. Эсмеральда на Пангалее. — М.: Пальмира, 2004.

5. Варденбург Дарья. Приключения Ульяны Караваевой. — СПб.: Азбука-Классика, 2004.

6. Веркин Эдуард. Пятно кровавой луны. — М.: Эксмо, 2004.

7. Винокуров А. Страна Трёх Земель: наследник Мерлина. — М.: Эгмонт Россия Лтд.

8. Вишневецкая Марина. Кашей и Ягда, или Небесные яблоки: Роман. — М.: Новое литературное обозрение, 2004.

9. Вознесенская Юлия. Путь Кассандры, или Приключения с макаронами. — М.: Лепта, 2003.

10. Георгиев Сергей. Кошачье заклинание: Повесть. — М.: Росмэн, 2004.

11. Георгиев Сергей. Похищение бриллианта «Нуф-Нуф». М.: Олма-Пресс: ПФ «Красный пролетарий», 2004.

12. Горалик Линор, Сорочкин Юрий. Сказка о Северном сиянии. — М.: Новое лит. обозрение, 2003.

13. Долохов В., Гурангов В. Фейерверк волшебства. — М.: АСТ; Астрель, 2004.

14. Емец Дмитрий. Мальчик-вамп. — М.: Эксмо, 2004.

15. Емец Дмитрий. Мефодий Буслаев: Маг полуночи: Роман. — М.: Эксмо, 2004.

16. Емец Дмитрий. Таня Гроттер и ботинки кентавра. — М.: Эксмо, 2004.

17. Емец Дмитрий. Таня Гроттер и колодец Посейдона. — М.: Эксмо, 2004.

18. Емец Дмитрий. Таня Гроттер и локон Афродиты. — М.: Эксмо, 2004.
19. Емец Дмитрий. Инопланетянин из бутылки. — М.: Эксмо, 2004.
20. Емец Дмитрий. Мефодий Буслаев. Маг полуночи. — М.: Эксмо, 2004.
21. Ершов Олег. Возвращение Горбунка: Сказка. — Калининград: Янтарный сказ, 2003.
22. Етоев Александр. Уля Ляпина, супердевочка с нашего двора: Планета лысого брүнета: Повесть. — СПб.: Амфора, 2004.
23. Жвалевский А.В., Мытько И.Е. Порри Гаттер: 9 Подвигов Сена Аесли: Подвиги 1—4: Эпохальные хроники или хронический эпос. — М: Время, 2004.
24. Жуков Игорь. Похитители старичков и старушек. — Иваново, 2004.
25. Жуков Игорь. Марка сказочника, или Опус, кропус, флопус. — Иваново, 2004.
26. Калашников Влад. Город Зомби. — М.: ВАДИМ СИНЕМА, 2004.
27. Караква Анна. Тильда и великан. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
28. Карлов Борис. Карлуша на острове Голубой Звезды. — СПб., Амфора, RedFish, 2004.
29. Карлов Борис. Карлуша на Луне. — СПб., Амфора, RedFish, 2004.
30. Копко Леонид. Как Петя Белочкин и кот Дымка Вселенную спасли. — Пермь: Пушка, 2003.
31. Кофман А. Тьерра Аделанте!: Роман. — Киев: София, 2003.
32. Костров Всеволод. Злая ведьма Варвара, или Когда зацветёт папоротник. — СПб.: Terra Fantastica, Азбука-классика, 2004.
33. Крюкова Тамара. Волшебник с острова Гроз. — М.: Аквилегия-М, 2004.
34. Крюкова Тамара. Призрак Сети. — М.: Аквилегия-М, 2005.
35. Лаврова Светлана. Требуется гувернантка для детей волшебника. — Екатеринбург: Сократ, 2004.

36. Левицкий Андрей. Кукса и солнечная магия: Повесть. — М.: Росмэн, 2004.

37. Морозов Ярослав. Ларин Петр и волшебное зеркало. — Минск: Современ. литератор, 2004.

38. Наумова Марина. Маг поневоле. — Харьков: Фактор, 2004.

39. Нестерина Елена. Здесь гуляет Овечья Смерть. — М.: Эксмо, 2004.

40. Полинская Галина. Шандола. — М.: АСТ, 2004.

41. Потанина Ирина. «Чепуха», или Семиклассницы в космосе. — Харьков: Фактор, 2004.

42. Роньшин Валерий. Миссия говорящей головы. — М.: Эксмо, 2004.

43. Роньшин В.М. Отдай свое сердце; Кладбище кукол: Повесть. — М.: Эксмо, 2004.

44. Рыжков Антон. Воин из древней могилы. — М.: Эксмо, 2004.

45. Светлые Нэз и Лана. Тайна хоббита. — М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2004.

46. Семенова Татьяна. Монсегюр: Роман. — М.: За рулем, 2004.

47. Силин Сергей. Сыщики из преисподней: Повесть. — М.: Росмэн.

48. Тараканов Б., Федоров А. Колесо в заброшенном парке. — М.: РГБ «Пашков дом», 2004.

49. Ур Д. Тайна соседских детей. — М.: АСТ, 2004.

50. Усачева Елена. Призрак Ивана Грозного. — М.: Эксмо, 2004.

51. Усачева Елена. Хозяйка старого кладбища. — М.: Эксмо, 2004.

52. Цокур Саша. Анарион и посох Всеслава Чародея. — Краснодар: Сов. Кубань, 2004.

53. Щербинин Дмитрий. Заклятье красных свечей. — М.: Эксмо, 2004.

54. Яковлев Лев, Яковлев Петр. Серк и Пророчество: Повесть. — М.: РОСМЭН, 2004.

55. Яковлев Лев, Яковлев Петр. Серк и Двойной Жезл: Повесть. — М.: РОСМЭН, 2004.

Содержание

<i>Николай Науменко. От составителя</i>	<i>5</i>

РАССКАЗЫ

Юлия Остапенко. ДЕНЬ БУРУНДУЧКА	9
Сергей Герасимов. ДЕТИ ОДУВАНЧИКОВ	29
Ирина Сереброва. ПЕРЕИГРАТЬ КОРПОРАЦИЮ ...	42
Олег Дивов. МУЗЫКА РУССКОЙ АМЕРИКИ	61
Алексей Корепанов. ЕСЛИ НЕ ЗВАЛИ	71
Александр Сивинских. УЧАСТЬ КОБЕЛЯ	76
Светлана Прокопчик. НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ	92
Владимир Рогач. НЕКРОФОН	95
Дмитрий Володихин. МИЛАЯ	100
Дмитрий Казаков. ВАЛЬХАЛЛА	125
Роман Афанасьев. ЭКСПЕРИМЕНТ	130
Андрей Павлухин. ДВА ДРАКОНА В ДЕЛЬТЕ МЕКОНГА	137
Наталья Турчанинова, Елена Бычкова. ТВОЙ НАВЕКИ, ШАНС	158
Сергей Лукьяненко. КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ	196
Евгений Лукин. ПРОМЕТЕЙ ПРИКОПАННЫЙ ..	202

ПОВЕСТИ

Юрий Манов. БЛИН ЛОХМАТЫЙ тчк, или You are in the army now	221

Александр Тюрин. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА	
2012 года, или Цветы техножизни	277
Павел Амнуэль. ЧТО ТАМ, ЗА ДВЕРЬЮ?	406

СТАТЬИ

Алан Кубатиев. ДЕРЕВЯННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ	
ДАНТЕ, или НИЧЕГО НЕ КОНЧИЛОСЬ?	549
Дмитрий Володихин, Игорь Чёрный.	
БУРГУНДСКОЕ ВИНО, МИЛАНСКАЯ СТАЛЬ,	
БРАБАНТСКИЕ КРУЖЕВА... ..	589
Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын.	
ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ФАНТАСТИКУ ТАК	605

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФАНТАСТИКА И	
ФАНТАСТИКОВЕДЕНИЕ ЗА 2004 Г.	614

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Что там, за дверью? **Фантастика 2006**

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерная верстка: М.В. Пашенко
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Книжная фабрика № 1»,
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

ISBN 5-17-032075-2

9 785170 320752

Поклонники отечественной фантастики!
Перед вами — ДЕСЯТЫЙ, ЮБИЛЕЙНЫЙ
выпуск популярного альманаха «Фантастика»,
с неизменным успехом выходящего уже ПЯТЬ
ЛЕТ!

Новые рассказы Сергея Лукьяненко, Евге-
ния Лукина, Олега Дивова и Юлии Остапенко!

Новые повести Павла Амнузля и Алек-
сандра Тюриня!

И многое, многое другое — в ЮБИЛЕЙНОМ
СБОРНИКЕ «ФАНТАСТИКА»!